Ф
5-95

БЫЛИНЫ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

2011
проверено
2010
136105

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	10 сверху	т. е.	т. к.
54	8 снизу	нападает	нападают
190	14 сверху	ту	тут
210	24 сверху	Ну	Не
238	12 сверху	ту	тут
308	6 снизу	разлевкаленная	развлекательная
330	11 сверху	себе	тебе
352	15 сверху	если	еси
354	22 снизу	себе	тебе
462	25 сверху	сказалось	сказались

Зак. № 4602. „Былины Пудожского края".

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ К-ФССР

Яф
Б 95

БЫЛИНЫ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

136105

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
СТАТЬЯ и ПРИМЕЧАНИЯ
Г. Н. ПАРИЛОВОЙ и А. Д. СОЙМОНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ и РЕДАКЦИЯ
А. М. АСТАХОВОЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Городская Публичная
Библиотека Наркомпроса

Читальный
зал

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО К-ФССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1941

1950

Переплет, форзац и иллюстрации
художника Г. А. Стронк.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа советских фольклористов в области изучения русского эпического творчества ознаменовалась в последние годы выходом в свет больших собраний новых былинных записей.

«Былины Пудожского края», дающие 70 новых текстов, по богатству материала должны быть поставлены в один ряд со сборниками «Былины М. С. Крюковой» и «Былины Севера». В то же время эта книга представляет новый, третий тип современного былинного сборника. Задачей первого из названных изданий было дать исчерпывающий репертуар одного выдающегося сказителя; «Былины Севера», охватившие несколько былинных очагов, дают общую картину эпической традиции Севера в определенный период времени; «Былины Пудожского края» сосредоточивают внимание на узкоограниченном районе, выделяя в нем наиболее характерные, яркие, своеобразные явления.

Исследование местной специфики в области русского эпоса, изучение местных художественных школ — одна из задач современной фольклористики. Пудожский район, которому посвящена книга, и в прошлом был известен, как один из главных очагов былинного творчества. Некоторые из пудожских мастеров былины — Никифор Прохоров, А. П. Сорокин — вошли в литературу наравне с кижскими сказителями Т. Г. и И. Т. Рябиниными, И. А. Касьяновым, Абрамом Чуковым. Однако, в полной мере об особенностях эпического творчества Пудожского края нельзя было судить, так как вследствие малой доступности этого глухого района для собирателей мы имели сравнительно небольшое количество материала. В настоящее время советская фольклористика получает новое значительное собрание из того же района, которое обогащает наши представления о пудожской былинной традиции.

В лице некоторых представленных в книге исполнителей мы находим учеников и преемников сказителей времени Рыбникова и Гильфердинга. Сравнение новых текстов с их источниками поможет уяснить основные черты пудожской школы мастеров и осветить процессы воссоздания воспринимаемых от старшего поколения эпических произведений.

Но особенное значение представляет то обстоятельство, что эти новые пудожские тексты являются записями самых послед-

них лет, 1938—1939 гг., т. е. эпохи, когда страна после напряженных годов революционной борьбы и социалистического строительства достигает большого экономического и культурного расцвета. В заключительной части вводной статьи в «Былинах Севера» автор этой книги, констатируя устойчивость и жизненность народного эпоса в период великих сдвигов — культурной революции в деревне и начала коллективизации, высказывает предположение, что и в дальнейшем эта ценнейшая часть фольклорного наследия будет бережно сохраняться и развиваться. Предпосылки к этому автор статьи видел в общем росте художественной культуры, в глубоко народном характере самого эпического творчества, в заботах и внимании, которыми окружены у нас народное творчество и его носители. «Былины Пудожского края» являются блестящим подтверждением этого предположения. В Пудожском крае, который, как и другие части нашей родины, испытал «скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» (Краткий Курс Истории ВКП(б), стр. 291), эпос продолжает жить, хотя, быть может, и в несколько более суженном кругу, но полнокровной и творческой жизнью.

Группа молодых собирателей, привлеченных к работе Карело-Финским научно-исследовательским институтом культуры, провела большую работу по записи пудожских былин, собрав одновременно ряд живых свидетельств о глубоком интересе и любви пудожского колхозного крестьянства к героическим образам национального эпоса, к богатырям русских былин. Составители «Былин Пудожского края» Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов тщательно собрали эти отдельные наблюдения. На основе их, а также своих личных встреч со сказителями Пудожья и внимательного анализа творчества они дают интересные, живые зарисовки современных представителей эпического мастерства в его типичных и индивидуальных проявлениях. Некоторые из сказителей, как А. М. Пашкова и И. Т. Фофанов, несомненно, займут видное место в галерее мастеров былины XIX—XX вв.

Комментарии направлены по преимуществу на выделение своеобразных особенностей каждого помещаемого в книге варианта. Таким образом, они органически связаны со статьей, дополняя творческий облик сказителя. Новым ценным моментом содержания и композиции сборника являются автобиографии самих исполнителей, предваряющие публикацию их текстов.

Одной из основных характерных особенностей современного былинного сказительства является, как показывают пудожские записи, значительно бóльшая свобода наиболее одаренных сказителей в передаче усвоенных традиционных сюжетов, в чем можно видеть проявление сознательно-творческого отношения к эпическому наследию. С другой стороны, мы наблюдаем также еще большее усиление и углубление социальных моментов старого эпоса — следствие культурного роста и более глубокого понимания классовых взаимоотношений прошлого.

Изучение творческих процессов в области эпической поэзии приобретает в наше время особый интерес и значение, так как живые творческие моменты мы видим не только в отношении старого эпоса, — рядом с ним создается эпос новый, неразрывно связанный с нашей эпохой, с чувствами и мыслями советских людей.

Совершенно закономерно, что наиболее интенсивным движение по созданию нового советского эпоса оказалось именно на севере, в местах, где особенно крепки и жизненны традиции старой эпической поэзии, в частности — в Карело-Финской республике, в Онежском крае. В настоящее время здесь нет ни одного из достаточно видных сказителей, который не пробовал бы свои силы в сложении новых эпических произведений. В настоящий сборник включено несколько таких новых героических произведений на темы нашей современности. Характерная черта нового героического эпоса, в особенности создаваемого сказителями Онежского края, — это тесная преемственная связь с выработанным веками народным эпическим искусством. В большой мере используются сказителями традиционные образы, картины, отдельные поэтические формулы, все богатство традиционной поэтики. Недаром и сами сказители называют новые свои произведения тоже «былинами».

Однако, как бы ни были часто близки и по общей своей композиции и по отдельным мотивам новые героические произведения к старым былинам, мы видим в них ряд принципиально новых моментов — иную трактовку героических образов и ситуаций, насыщение конкретным реалистическим содержанием, лирическую окраску изображаемого события.

Несмотря на это, в сборнике они не выделяются в особый отдел, а включаются в состав публикации материала каждого данного сказителя, так как несут на себе определенные следы той же творческой манеры сказителя, которые проявляются и в передаваемых им традиционных былинах. Помещенные после этих былин, они характеризуют творческие достижения данного исполнителя на новом его этапе.

По словам собирателей, поездки 1938—1939 гг. далеко не исчерпали всех эпических богатств современного Пудожья. Надо пожелать, чтобы Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР в дальнейшем продолжил и углубил работу по изучению эпической традиции Пудожского края, что, несомненно, даст еще новый богатый материал для освещения коренных вопросов эпического творчества.

А. Астахова.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник составлен по материалам архива Фольклорной секции Карело-Финского научно-исследовательского института культуры. Для сборника отобраны записи былин, сделанные в Пудожском районе Карело-Финской республики, главным образом в 1938—1939 гг. Значительная часть материала была собрана в деревнях, расположенных у озера Купецкого, другая — в разных пунктах района во время экспедиций и отдельных поездок сотрудников Фольклорной секции. Запись былин велась также в Институте, куда вызывались отдельные сказители. В сборник вошли тексты, записанные следующими собирателями: А. Н. Антиповой, О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко, И. В. Ломакиной, И. Н. Микишановым, М. М. Михайловым, Г. Ф. Нефедовым, Г. Н. Париловой, Е. П. Родиной, А. Д. Соймоновым, И. Н. Торопцевым, К. В. Чистовым, Е. С. Шоймером.

Былины расположены в сборнике по сказителям; текстам каждого из них предпосылается автобиография. В тех случаях, когда автобиография отсутствует, данные о сказителях приводим в примечаниях. Там же приводятся необходимые дополнительные сведения о всех остальных сказителях и отмечается своеобразие каждого варианта. В сборнике помещены две статьи. В первой из них даны сведения о записях былин в Пудожском крае, характеристика современных сказителей и их былин, печатаемых в настоящей книге; вторая статья посвящена языковым особенностям былин, там же даны сведения о принятой транскрипции.

Портреты и пейзажные заставки сделаны художником Г. А. Стронк с натуры, остальные заставки воспроизводят местный народный орнамент.

СКАЗИТЕЛИ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

I

В этнографической и краеведческой литературе юго-восточное побережье Онежского озера принято называть Пудожским краем или просто — Пудогой. По административному делению эта территория в прошлом входила в Пудожский уезд б. Олонецкой губернии, в настоящее время это Пудожский район Карело-Финской Советской Социалистической республики.

О бытовании былин в Пудожском крае стало известно 80 лет тому назад, когда П. Н. Рыбниковым были открыты неисчерпаемые богатства русского эпоса в Олонецкой губернии. Зимою 1860 г. он был на Пудожском побережье в поисках певца былин Чукова, а в мае и июне этого же года он лично записывал былины у известного пудожского сказителя Н. Прохорова. Запись былин Рыбниковым в Пудоге проходила неравномерно. Первые свои поездки он называет неудачными, т. к. поиски сказителей по ранее известным ему адресам не дали результатов, а во время летней поездки Рыбников повредил себе руку и вынужден был поручить запись другим. И все же именно летняя поездка в мае — июне 1860 г. сыграла, как известно, важную роль, т. к. в это время собиратель смог отыскать лучших сказителей: упомянутого уже Н. Прохорова и А. П. Сорокина. Впоследствии собиратель был здесь только летом 1861 г., проверял чужую запись от Сорокина, а затем приезжал на сравнительно короткий срок в 1864 г.

К сожалению, не сохранилось точного дневника поездок Рыбникова. Во всяком случае обследование Пудожского края дало менее значительные результаты, чем работа собирателя в Заонежье. Последнее, благодаря близости к Петрозаводску и наличию более удобных дорог, было доступнее. Кроме того, поездки Рыбникова по Онежскому краю вообще и особенно в отдаленные районы были очень затруднены. Вот как он пишет об этом в одном из писем П. Бессонову: «Вы в Москве полагаете, что я, по крайней мере, здесь свободен и разгуливаю где хочу и как хочу. Между тем до последнего времени мое путешествие было соединено с большими

препятствиями, а три первых и даже отчасти пятое оставили за собой неприятности».[1] Все это объясняется тем, что Рыбников жил в Петрозаводске на положении ссыльного.

И все же, несмотря на ряд неблагоприятных условий, собиратель дает в своем сборнике 60 текстов былин и исторических песен, записанных от девяти пудожских сказителей. Помимо этого, среди безыменных записей еще две былины отнесены к Пудожскому уезду, но возможно, что пудожских записей среди безыменных больше, т. к. некоторые из них остались без более точного приурочения и помечены просто «из Олонецкой губернии».

Деятельность Рыбникова принято рассматривать вместе с деятельностью другого известного собирателя былин А. Ф. Гильфердинга, который, пользуясь указаниями и материалами своего предшественника, собирал былины в Олонецкой губернии летом 1871 г. Гильфердинг был ограничен сроками, свою «длинную дорогу с зигзагами, начатую в Петрозаводске 30-го июня»,[2] он окончил 27 августа уже в Вельске. По данным «Дневника»,[3] в Пудожском крае он работал всего лишь 14 дней (с 26/VII по 8/VIII). Около половины этого времени было уделено Водлозеру, куда Рыбников не ездил. В остальных пунктах Пудожского района Гильфердинг записал былины только от четырех сказителей, уже известных Рыбникову. В сборнике Гильфердинга «Онежские былины» помещено 52 текста былин и исторических песен из Пудожского края и, кроме того, четыре текста в виде разночтений к былинам сказителя Сорокина, напечатанным впервые в сборнике Рыбникова.

Сличение вариантов, помещенных в сборниках этих собирателей, говорит о том, что Гильфердингом было сделано 19 повторных записей и 37 новых, среди них 24 — от сказителей, неизвестных его предшественнику. Кроме этого, Гильфердинг собрал сведения о певцах былин, что, как известно, имело громадное значение в истории русской фольклористики. Итак, всего обоими собирателями в Пудожском крае записано от 15 сказителей 99 текстов, не считая повторных записей.[4]

Другие записи, сделанные до революции, в значительной степени лишь дополняют материал Рыбникова и Гильфердинга. Так, одновременно с изданием сборника Онежских былин, в 1873 г. Е. В. Барсов опубликовал среди других одну былину, записанную от известного Гильфердингу сказителя И. Г. Захарова.[5] В 1906 г. мест-

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. III, М. 1910, стр. 310—311.

[2] Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом, изд. 2-е, т. I, СПБ 1894 г., стр. 2.

[3] Там же, т. III, 1910 г., стр. 1—3.

[4] П. Н. Рыбников, т. II, 1910 г., №№ 115—174, 209, 210; А. Ф. Гильфердинг, т. I, 1894 г., №№ 45—72, т. III, 1900 г., №№ 195—218.

[5] Е. В. Барсов, Памятники народного творчества Олонецкой губернии, стр. 71—77 (Записки Географического о-ва по Отд. Этнографии, т. III, СПБ, 1873 г.); перепечатана в сборнике «Былины старой и новой записи» под ред. Н. С. Тихонравова и Вс. Миллера, М. 1894 г., № 52.

ный учитель А. С. Лесков записал две былины от сказителя Н. Прохорова на Купецком озере.[1] В этом же году вышел небольшой сборник былин Н. С. Шайжина, в котором из 14 текстов 10 записаны в Пудожском крае. Эти записи сделаны местными собирателями, в том числе и самим Шайжиным, в период с 1901 по 1904 гг. До выхода в свет сборника все эти былины публиковались в Олонецких Губернских Ведомостях за исключением одной от сказителя Н. Ф. Пантелеева.[2] Возможно, что были и другие попытки записывать былины, предпринимаемые местной интеллигенцией, но эти материалы до нас не дошли. Можно упомянуть лишь запись былин от Ф. А. Конашкова, сделанную в 1892 г. О. М. Добролюбовым,[3] но об этом сказителе, нашем современнике, и о его былинах пойдет речь ниже.

Таким образом, после Рыбникова и Гильфердинга, не считая былин Конашкова, разными собирателями до Октябрьской социалистической революции записано от 6 сказителей 13 былинных текстов, из них 5 записей повторных.

Каковы же были условия жизни и труда дореволюционного крестьянства, выдвинувшего из своей среды певцов былин?

В период, когда производилась запись былин, т. е. во второй половине XIX в., Пудожский край был втянут в общий процесс капиталистического развития, хотя и являлся одним из наиболее глухих районов Карелии. Крестьяне оказались прежде всего в руках лесопромышленников. «Лес гонят. Тут и Русановский есть и Лебедевский», — объясняли нам»,[4] делится Харузина своими впечатлениями о поездке в Пудож. В связи с усиленной разработкой лесных богатств края было запрещено подсечное хозяйство. Это особенно тревожило Гильфердинга, который писал, что началось «охранение лесов нашего Севера от крестьян, которые распахивают в них свои «нивы», что при «неусыпном исполнении на месте предписаний население целых волостей вдруг лишилось главного пропитания», и что «такие бюрократические мероприятия» производят потрясающее впечатление. Несомненно, Гильфердинг имел в виду и Пудожский край, в частности, водлозерцев, нищета и бедность которых бросалась в глаза. Параллельно со всем этим начался интенсивный процесс расслоения крестьянства. «Кузнецов ... захватил в свои руки бедных крестьян. Кузнецов берет страшные цены» ... — пишет об

---

[1] Записи Лескова, Живая старина, 1906 г., в. III, отд. II, стр. 123 и 128; перепечатаны — «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» под ред. Вс. Миллера, М. 1908, №№ 85, 94.

[2] Олонецкие губернские ведомости, Петрозаводск 1906 г., №№ 22, 27, 28, 30, 32, 34, 41, 44, 45, 46, 48; Н. С. Шайжин, Олонецкий фольклор, Былины, Петрозаводск, 1906, стр. 51—117.

[3] Об этом сообщает сказитель в своей автобиографии (Архив НИИК К-ФССР, коллекция № 38).

[4] В. Н. Харузина, На Севере, М., 1890 г., стр. 18.

одном водлозерском кулаке Харузина и в конце делает вывод: «Поистине загнанное место это Водлозеро».[1]

Население страдало от непосильных налогов, грубости и притеснений царских чиновников, о чем постоянно пишет Гильфердинг, называя это «черезмерным усердием начальства», «бюрократической опекой на нашем Севере». В итоге приведем описание положения крестьянства, которое дает В. В. Берви, рассказывая о переселенцах из Пудожского и Каргопольского уездов. Вот что он пишет: «Среди какого населения можно было встретить более грустные картины человеческой нужды, безвыходной и мучительной нужды, доводящей человека до упадка всех его сил, сознания и чувств. Отец ушел на работу в одну сторону, мать —в другую, голодные дети убежали собирать милостыню, и дома остался один грудной ребенок, без няньки, без помощи».[2] Берви рассказывает, что хлеб, которым питались крестьяне, был или солоделый, или расползался во рту, как слюна с соломенными иглами, или крепкий, как камень. «Дети хирели и чахли, а ребенок, которому доставался хлеб после продолжительного голода, наедался слишком и через полчаса валялся на полу с криками и в страшных корчах: для него за подобным припадком следовала смерть».[3]

На основе официальных цифровых данных исследователь констатирует, что население здесь подвергнуто вымиранию. В таких условиях жило «свободное», т. е. не знавшее крепостного права, северное крестьянство.

Но несмотря на невероятную нищету, голод, творческие силы народа не угасали. «Народ пел, говорил даже в те мрачные эпохи, когда под мертвящим взором реакции цепенела вся жизнь, когда страна становилась похожей на кладбище»...[4] Отмечая необычайно тяжелое положение крестьян, собиратели былевых песен констатировали устойчивость поэтической традиции среди северного крестьянства. Их наблюдения представляют для нас огромный интерес. Остановимся на них несколько подробнее.

Первые сведения о распространении былин в Пудожском крае Рыбников получил еще до поездки в Пудогу. Вот что он пишет: «Еще в Петрозаводске тамошние старожилы рассказывали мне, что в старое время былевые песни были в большом ходу и большой чести у всего пудожского городского населения. Лет 50 тому назад не только купцы или мещане, но и чиновники сходились по вечерам на беседы, чтобы слушать былины. Но в настоящее время старины уже вышли из моды в г. Пудоже».[5] Впоследствии Рыбников пришел к выводу, что если чиновники и не собираются более слушать былины, то распространены они (былины) здесь в доста-

[1] В. Н. Харузина, На Севере, М. 1890 г., стр. 78—79.
[2] Н. Флеровский (В. В. Берви), Положение рабочего класса в России, М., 1938 г., стр. 129.
[3] Там же.
[4] Творчество народов СССР, Изд. ред. «Правда», стр. 5.
[5] П. Н. Рыбников, т. I, стр. 86.

точной степени. В конце своей «Заметки собирателя» он приходит к такому выводу: «В Олонецком крае былины сохранились между русским населением уездов Петрозаводского, Пудожского, Каргопольского... В первых трех уездах и той части Повенецкого, которая прилегает к Пудожскому побережью, старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народом... В Заонежье и на Пудожском побережье у всякого смышленого пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины».[1] Еще более определенно пишет относительно интересующего нас района Гильфердинг. Он считал, что на Водлозере эпическая поэзия только начинала усваиваться. Современные ему водлозерские сказители переняли былины со стороны, ссылок на предшествующее поколение водлозерцев как на источник знания тоже не приходилось ему слышать. Этот процесс усваивания эпического творчества водлозерцами Гильфердинг ставит в связь с резкими изменениями в их быту. «Они, прежде жившие земледелием, вдруг, вследствие усердного начальства, воспретившего делать расчистки в окружающих лесах, принуждены были помирать с голоду и, чтобы не совсем помереть, принялись плести какие-то усовершествованные сети и вылавливать рыбу из Водлозера; а плетение сетей, как мы видели, есть занятие, особенно благоприятствующее былевой поэзии».[2] Общий вывод Гильфердинга сводится к тому, что в этих местах народный эпос «еще живуч и может там долго, долго продержаться».[3]

Таким образом, Рыбников и Гильфердинг относили Пудожский район к числу таких, где былины наиболее распространены.

Аналогичные данные мы находим в известной книге Харузиной «На Севере», в которой она дает прекрасное описание исполнения былин пудожским сказителем Н. Прохоровым (прозвище «Утка»). Харузина рассказывает о том, какой громадный интерес вызвало в окружающих исполнение былин: изба была набита народом, слушатели живо реагировали на все, о чем пел старец. «Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возгласы удивления невольно вырывались у кого-нибудь из них; по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза, которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца, каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они».[4] Больше того, с Прохоровым пришел состязаться в исполнении былин еще один сказитель, и они выступали по очереди.

Н. С. Шайжин подтверждает данные предыдущих собирателей, цитирует Гильфердинга. Наблюдения Шайжина были бы очень

---

[1] П. Н. Рыбников, т. I, стр. 101.

[2] А. Ф. Гильфердинг, т. I, стр. 23.

[3] Правда, он здесь делает оговорку, — «если только в эту глушь не проникнет промышленность и школа», но она касается уже будущей судьбы эпоса, о чем речь пойдет дальше.

[4] В. Н. Харузина, На Севере, стр. 69.

ценны, т. к. его записи сделаны уже в 1900-х годах, но, очевидно, он или не располагал достаточным количеством наблюдений, или нашел нужным только присоединиться к мнению предыдущих собирателей. При этом он не пишет отдельно о Пудожском крае, а лишь делает общий вывод о том, что традиция в Онежском крае достаточно живуча.

Из сказителей времен Рыбникова и Гильфердинга особенно следует выделить Никифора Прохорова и Андрея Пантелеевича Сорокина. Прохоров, по прозвищу Утка, в 1871 г. — крестьянин 51 года из деревни Бураково на озере Купецком. Популярность его в свое время была очень велика. «Порато (очень) хорошо поет старинку», — говорили нам», пишет Харузина: «Вот едет Утка, едет!» — радостно кричали нам, указывая на лодку, везущую певца», рассказывает она далее.[1] На популярность Прохорова указывал и Рыбников, но как собиратель, знавший многих певцов, он делает одно замечание: «Никифор Прохоров пел хорошо, но только путал иногда имена и смешивал роли». Утку помнят и сейчас во всех деревнях Авдеевского сельсовета. Характеристику этого сказителя находим у Гильфердинга. По его описанию, это был «плотный, среднего роста мужчина, русый, с маленькой бородкой». Все свои былины он перенял от отца,«умершего 80-летним стариком более 20 лет тому назад». Как рассказывал Прохоров, отец его еще в детстве был нанят в пастухи к одному барину, которому понравился игрою в рожок. «Барин часто звал его к себе в дом, держал в комнате, награждая за то пряниками: тем временем у барина сиживал какой-то старик и сказывал ему былины. Тут-то мальчик-пастух, прислушиваясь к пению старика, перенял от него многие из былин, которыми тот услаждал барина; когда и не было барина, он часто приставал к этому старику, чтобы ему спел что-нибудь»...

«Прохоров поет очень хорошо и плавно, — пишет далее Гильфердинг, — так что нестрогое соблюдение им размера делается для слушателя почти незаметным». И в заключение Гильфердинг указывает, что Никифор Прохоров пел свои былины Рыбникову, который записывал их с его слов в продолжение целого вечера.[2]

Все эти сведения о Прохорове и впечатления о нем представляют особенный интерес, так как он является непосредственным учителем целого ряда последующих сказителей Пудожского края, в частности — одного из лучших современных сказителей И. Т. Фофанова.

От Прохорова, не считая повторных записей, известно 14 былин. Поскольку он усвоил былины от отца, который слышал их еще мальчиком, его редакции по давности можно отнести к 70-м годам XVIII в. Это обстоятельство, отмеченное в свое время, заслуживает внимания особенно потому, что некоторые из его былин сохранены

[1] В. Н. Харузина, стр. 67—68.
[2] Гильфердинг, т. I, стр. 311—312.

Фофановым почти дословно в той же редакции. В числе былин, записанных от Прохорова, находим несколько редких, как «Вольга и Микула», «Непра и Дон». Последняя в виде самостоятельной былины встречается очень редко. В наших записях этот сюжет в прохоровской редакции дает сказитель Ремизов в контаминации с сюжетом о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. Интересна былина «Ванька Удовкин сын», представляющая обработку сказочного сюжета. Герой ее — Иван, достав три пера чудесной птицы, перехитрил царя и женился на его дочери. Следует выделить прохоровский вариант Потыка, в котором повествование развернуто на 1129 стихов. Надо отметить, что этой былиной Прохоров оказал большое влияние на новое поколение сказителей — наших современников. В настоящем сборнике есть три варианта Потыка, и все они в прохоровской редакции.

Большое значение представляет цикл былин Прохорова об Илье Муромце. Лучшие из них это «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и сын»; особенно следует отметить былину о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром; ее можно отнести к числу лучших в русской былевой традиции вообще. Образ богатыря, возмутившегося против князя, дан здесь с большой художественной силой.

Прохоров сумел пробудить интерес к подвигам Ильи Муромца у своего ученика Фофанова, который особенно любит и ценит былины, связанные с именем этого богатыря.

Другим выдающимся сказителем Пудожского края является Андрей Пантелеевич Сорокин из деревни Новинки на Сумозере. По указателю Ор. Миллера к IV тому первого издания песен Рыбникова за Сорокиным числилось 8 былин, но редактор второго издания считает за ним в записи Рыбникова — 10; прибавив еще две новых былины в записи Гильфердинга, — в итоге имеем 12. Рыбников называет Сорокина хорошим певцом, Гильфердинг также выделяет его: помимо биографической справки, он пишет о нем в статье. В 1871 г. Сорокину было 43 года. Былинам он научился, когда «жил подолгу на мельнице, где собиралось много крестьян из окрестных деревень и коротали время, распевая старины».[1] В Сорокине Гильфердинга поражала «склонность к личному сочинительству». Вот что он пишет: «Ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе: «Ах, это все равно», — отвечал Сорокин — «я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно».[2] Гильфердинг сообщает, что Сорокин одно время пытался распевать в виде былин сказки. Все это говорит о том, что перед нами тип сказителя-импровизатора.[3]

---

[1] Гильфердинг, т. I, стр. 524.
[2] Там же, стр. 26—27.
[3] А. М. Астахова, Былины Севера, т. I, М. — Л. 1938 г., стр. 83.

Из других особенностей исполнения былин Сорокиным Гильфердинг отмечает несоблюдение сказителем размера. Но это отнюдь не снижает ценности его текстов. Среди них есть такие, которые отличаются большими художественными достоинствами. Сорокин дает лучший вариант среди известных доселе былин о Садко: только здесь, как пишет А. М. Астахова, мы находим «все три эпизода: получение богатства Садко, состязание с Новгородом в богатстве, Садко у морского царя».[1] В других вариантах чаще всего встречаются только первый и третий эпизоды. Не менее известен сорокинский вариант «Сорок калик». Этот текст сохраняет наиболее древние черты, отличается полнотой и художественностью. На Гильфердинга произвело большое впечатление исполнение Сорокиным данной былины; недаром он рассказывает об этом в вступительной статье к своему сборнику.[2]

Очень интересна былина Сорокина «Илья и Соловей», в которой данный сюжет контаминируется с сюжетом ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. Князь велит богатырям схватить Илью Муромца и отрубить ему голову. Но Илья непобедим, в гневе на князя он посылает «калену стрелу об окошка княжецкия». Отвечая на приглашение Добрыни пойти на пир, богатырь заявляет: «Ежели князь не сделает по-моему, то он процарствует только до утрия». Ноты социального протеста выражены в былине необычайно резко. Читая ее, невольно вспоминаешь известную фразу Рыбникова о том, что крестьянин терпит, терпит, но «если сознал, что гнет сверху превосходит всякую меру, схватит шалыгу подорожную»...[3]

Былина очень искусно построена: повествование о подвигах богатыря, предшествующее ссоре, дает представление о его необычайной силе; поэтому очень рельефен образ Ильи Муромца-бунтаря.

Репертуар Сорокина довольно разнообразен: здесь и былины об Илье Муромце, и Ставер, и Соловей Будимирович, Дюк и др. Некоторые из них (Наезд литовцев, Соломан и Василий Окульевич) переняты современными сказителями Фофановым и Родиным. Несомненно, что Сорокин, как и Прохоров, имел не мало учеников, т. е. сказителей, воспринявших былины в его редакциях. Запись и публикация новых текстов из Пудожского района современем даст возможность установить это более определенно.

Из основных былинных гнезд в районе прежде всего следует отметить Купецкое, т. е. группу селений, расположенных вокруг озера Купецкого. Кроме Прохорова, здесь Рыбников и Гильфердинг нашли еще очень хорошего сказителя Фепонова; впоследствии там же Лесков записал одну былину от сказителя Семена Иванова, и,

---

[1] А. М. Астахова, Былины Севера, т. I, стр. 626.
[2] Гильфердинг, т. I, стр. 8.
[3] Рыбников, том I, стр. 32.

наконец, недалеко от Купецкого в Уной губе Рыбникову был известен сказитель Амосов.

Иван Фепонов — единственный из Пудожского края сказитель-калика. Слепой с малолетства, он, очевидно, нищенствовал, чтобы только как-нибудь прокормиться. Былинам он научился еще мальчиком, также от калики по фамилии Мещанинова; последний, по его словам, знал 70 старин. Фепонов был, очевидно, человеком необычайно робким, забитым. Рыбникова он принял, по всей вероятности, за «начальство» и спел ему всего лишь несколько духовных стихов и только позднее одну былину. К тому же калики тогда преследовались, как пишет Рыбников; после встречи с этим сказителем Рыбников стал добиваться отмены преследований. Гильфердингу удалось записать от Фепонова 8 былин. Фепонов дает хорошие тексты; особенно выделяются его варианты «Наезд литовцев», «Василий Игнатьевич и Батыга». Из цикла об Илье Муромце следует отметить былины «Последняя поездка Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Калин-царь».

Былины Гаврилы Амосова из Уной губы есть только в сборнике Рыбникова, причем сам Рыбников сказителя не видел, а лишь получил шесть текстов от него в чужой записи. Гильфердинг отмечает, что Амосов умер до 1871 г., поэтому никаких данных о нем нет. От Амосова записаны один из лучших вариантов исторической песни «Земский собор» и скоморошина «Терентий Данильевич» — единственный вариант этого сюжета в сборниках Рыбникова и Гильфердинга.

О сказителе Семене Иванове нам известно только, что он жил в деревне Климово. Единственная записанная от него былина «Неудавшееся сватовство князя Владимира» очень интересна оригинальной контаминацией различных мотивов.

Южнее Купецкого прежними собирателями отмечено другое былинное гнездо — Шала.

Оттуда (дер. Гагарки) был известен сказитель Потап Трофимович Антонов. Рыбников его не знал лично. В его собрании есть записи от некоего Потахина. Впоследствии выяснилось, что под этим именем как раз и фигурировал Антонов. Гильфердинг сообщил о нем следующее: «Бодрый старик, лет под 70 от роду, занимающийся земледелием и рыболовством. Былинам он выучился от своего деда, крестьянина, умершего 97-ми лет, а дед, в свою очередь, перенял их от слепого калики Мины Ефимова из Андомы (Вытегорского уезда)».[1] В сборнике Рыбникова и Гильфердинга находим 8 былин этого сказителя.

Кроме Антонова, Рыбникову был известен «шальский лодочник». Так он назвал одного из сказителей, с которым познакомился в 1860 г., проезжая на лодке по Шале. Имя сказителя осталось Рыбникову неизвестным; в его собрании помещено семь

[1] Гильфердинг, т. I, стр. 468.

текстов «шальского лодочника», причем они имеют тот же источник, что и былины Антонова.

Рассматривая в целом шальские былины, следует выделить прежде всего очень редкий сюжет — «Сухмана». Два шальских варианта в сборниках Рыбникова и Гильфердинга до последнего времени являлись единственными из Онежского края.

Очень своеобразна былина Антонова о Добрыне и Алеше (в сб. Гильфердинга). Здесь ярко проявляются черты социальной сатиры в изображении князя. Это заслуживает особого внимания, поскольку ноты социального протеста, как отмечалось выше в отношении отдельных былин Прохорова и Сорокина, свойственны пудожской традиции. Обращает внимание прекрасный вариант «Соловья Будимировича» (в записи Гильфердинга) и другие. Вообще, шальские былины у Рыбникова и Гильфердинга принадлежат к числу полноценных и художественно совершенных текстов.

В южной части бывшего Пудожского уезда в деревне Ранина Гора (ныне Лобский с/с) Рыбникову был известен сказитель Анфим Савинов. О нем не сохранилось никаких сведений. Рыбников здесь был, очевидно, летом 1864 г., т. е. уже после того как им была написана «Заметка собирателя», в которой находим сведения о сказителях, а Гильфердинг отмечает Савинова в числе умерших до 1871 г. От этого сказителя было записано 4 былины. Они не выделяются среди других, но представляют интерес как записи из южной части района, которая, если не считать некоторых записей Шайжина, оставалась совершенно не обследованной.

Немногим больше имеем данных из восточной части. По сборнику Рыбникова оттуда известны «колодозерский старик» и Трофим Романов. Гильфердинг здесь ничего не записал. Трофим Романов отмечен им как умерший до 1871 г. 7 текстов этого сказителя и один пересказ былины о Святогоре и Илье Муромце Рыбников получил в чужой записи. Большинство его былин посвящено Илье Муромцу, в их числе — «Илья и Калин-царь» с участием Самсона. Следует указать, что среди старых записей из Пудожского края этот сюжет встречается только дважды: в данном случае и у Фепонова. Рыбников считал, что Романов перенял былины у «колодозерского старика». Основанием для этого предположения послужило то обстоятельство, что некоторые тексты («Три поездки Ильи Муромца» и др.) у обоих певцов имеют одну и ту же редакцию. Однако, от «колодозерского старика» записано только 5 былин, причем, главным образом, другие сюжеты. Возможно, что здесь не факт преемственности, а общность источников. Интересен его вариант Потыка, уступающий по своим художественным качествам разве только текстам Прохорова и современной исполнительницы Пашковой. При этом следует указать на близость между вариантами Прохорова и «колодозерского старика», что и было в свое время отмечено. В некоторых случаях он дает контаминированные тексты («Чурило» и «Три поездки Ильи»). Рыбников очень высоко ставил этого певца. В «Заметке собира-

теля» он пишет: «В Колодозере я отыскал первостепенного сказителя, слишком девяностолетнего старика, знавшего древние рассказы о Ставре, Чуриле, Дюке, Михайле Потыке, Василии Буслаевиче: будь я здоров, я с ним не расстался бы; а тут пришлось записать 5 былин и некого было попросить заступить мое место, потому что даже старшина был неграмотен».[1] Более подробных данных о сказителе не осталось.

Особую группу представляют собою водлозерские сказители и их былины. Они не имеют прямой связи с материалом настоящего сборника, т. е. запись на Водлозере нами не проводилась. Поэтому подробно на группе водлозерцев не будем останавливаться. Отметим лишь, что Гильфердинг здесь выявил 7 сказителей, от которых записал 28 текстов, из них 15 от И. Г. Захарова, богатого крестьянина из деревни Большая Пога. Бросается в глаза краткость вариантов Захарова. Этим они отличаются от других записей из Пудожского края, где мы, как раз, имеем наиболее полные и ценные в художественном отношении тексты. Другие водлозерские сказители не обладают большим репертуаром. Среди них только Т. И. Суханов, крестьянин с Охт-озера, и М. Ф. Нигозеркин из дер. Чуялы сообщили Гильфердингу по три былины и одну историческую песню (Суханов). У остальных четырех сказителей Гильфердинг записал только по одной, по две былины.

Работа последующих собирателей, в частности Шайжина, прежде всего интересна в том отношении, что некоторые из отмеченных ими певцов выявлены в необследованных Рыбниковым и Гильфердингом пунктах района. К числу таких певцов относится Иван Федорович Митюшин, крестьянин деревни Россляковой, и ближайший его сосед Тихон Александрович Фешов из деревни Ижгора. В этих же местах, по соседству с Ижгорой, в деревне Ярчевой жила современная сказительница А. М. Пашкова. Судя по ее рассказам[2] и данным, приводимым Шайжиным, можно утверждать, что здесь был один из крупнейших былинных очагов в районе. К сожалению, количество записей отсюда очень ограничено.

Сказитель Фешов был из зажиточной семьи, очевидно, человек религиозный, «охотно говорит с вами о писании и, особенно, по вопросам, пререкаемым раскольниками; неграмотный, но памятный, он наизусть может прочесть не одну главу из уважаемых раскольниками старопечатных книг».[3] Былинам он научился от Ильи Зубова, который был известен и Пашковой, и от своей бабки Ефросиньи Фешовой. В сборнике Шайжина дано 4 текста этого сказителя. Наиболее разработаны сюжеты о Добрыне и Алеше, а также об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

136105

Второй сказитель тех же мест И. Ф. Митюшин был главным образом прекрасным исполнителем песен. От него записаны

Читальня

[1] Рыбников, т. I, стр. LXXXVII.
[2] См. ее автобиографию и примечания к былинам.
[3] Н. С. Шайжин, Олонецкий фольклор, Петрозаводск 1906, стр. 170.

только 2 былины, наиболее интересная из них «О Василии Буслаевиче». Он перенял их от захожего портного Т. Г. Красильникова, причем его отец и братья усвоили свои былины от этого же портного. Семья Митюшиных была, очевидно, очень талантливой, особенно славились они как прекрасные певцы: «Батюшка, бывало, заводит, а мы подфатываем — любо было послухать». Особенно памятно Ивану Федоровичу сильное впечатление и восхищение многочисленной толпы, слушавшей Митюшиных когда-то давным-давно на одном из рекрутских наборов в Пудоже». [1]

Очень ограничены сведения еще об одном сказителе Шайжина — А. Ф. Пантелееве. Известно только, что в момент записи ему было 79 лет и что он из деревни Ченежи, ныне Коловского с/с. От Пантелеева в сборнике Шайжина находим 3 текста. Особенный интерес представляет былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, так как она восходит к варианту Сорокина.

Учитывая все записи, сделанные собирателями в Пудожском крае до революции, следует выделить былины, вошедшие в сборник Рыбникова. Они составляют основную часть всего материала. Но не меньшее значение имеют записи Гильфердинга; у него находим водлозерские былины, а среди вариантов, записанных от певцов, уже известных Рыбникову, ряд новых сюжетов. Особенно это можно сказать о былинах сказителя Фепонова; Гильфердинг записал от него 7 былин, тогда как в сборнике Рыбникова помещен только один текст. К сожалению, Гильфердингу не удалось видеть многих выдающихся певцов Пудожского края, поэтому из девяти сказителей, отмеченных Рыбниковым, о пяти нет никаких данных, причем имена двух остались неизвестными. Недостаток сведений о певцах былин имеет место и в самых последних записях Лескова и Шайжина. Зато об одном из лучших сказителей, Н. Прохорове, сохранился целый ряд данных; от него делались повторные записи с промежутками во много лет: последняя запись двух былин сделана Лесковым через 46 лет после Рыбникова.

Собиратели дали ценнейшие указания о былевой традиции в этом крае; на основе их наблюдений мы можем сделать вывод о том, что эта традиция была устойчивой, распространение былин было повсеместно. Данные, которые мы находим у Рыбникова, Гильфердинга и др., позволяют выделить следующие былинные гнезда: Купецкое, Шала, Водлозеро, затем Колодозеро, Нигижма и, наконец, в центре района — Сумозеро. Конечно, материал даже из этих основных пунктов оказался исчерпанным далеко не полностью. Лучше всего, как мы видели, были обследованы первые три; из Колодозера и, вообще, из восточной части района материала уже меньше; даже от выявленных сказителей Рыбникову не удалось записать полностью всего репертуара («колодозерский старик»). Из Нигижмы записей еще меньше, хотя все данные говорят о том, что там было крупнейшее былинное гнездо, а из Су-

[1] Н. С. Шайжин, Олонецкий фольклор, Петрозаводск, 1906 г., стр. 169.

мозера известен был только один Сорокин. Судя по разнообразию и богатству его репертуара, можно предположить, что здесь были и другие сказители, знавшие немало былин. Таким образом, мы имеем хотя и немногочисленные записи, но из самых различных пунктов района; поэтому картина распространения былин представляется довольно полной.

Указания собирателей на богатство и устойчивость былевой традиции в Пудожском крае подтверждаются их записями. Мы уже отмечали, что среди пудожских былин немало высокохудожественных вариантов и редких, почти уникальных сюжетов. Теперь записи прежних собирателей дополнены новыми материалами, полученными главным образом в последние годы.

После Великой Октябрьской социалистической революции собирание былин и обследование ряда районов приняли большой размах. Стали организовываться специальные экспедиции научными организациями и учреждениями; в результате — методы и техника записи оказались на более высоком уровне. Одной из самых значительных была экспедиция, работавшая под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых. Она была направлена по следам Рыбникова и Гильфердинга, работа велась в летние месяцы с 1926 по 1928 гг. Собирателями было записано 370 былинных текстов. Материалы этой экспедиции еще не опубликованы, но, судя по отчетам, большая половина всех записей падает как раз на Пудожский район. Там обследовано 35 населенных пунктов, выявлено 75 сказителей, от которых записано 198 текстов на 51 сюжет, причем встречаются очень редкие сюжеты: «Сухман», «Рахта Рагнозерский», «Хотен», «Гибель богатырей», «Наезд литовцев» и др. В этом же районе экспедиция обнаружила выдающегося сказителя Г. А. Якушева, от которого записано 37 былин. Сказитель с таким репертуаром не был известен ни одному из прежних собирателей в Онежском крае вообще. Григорий Александрович Якушев из деревни Мелентьевской с оз. Купецкого в настоящее время уже умер. Как указывает Ю. М. Соколов, свои былины Якушев перенял от И. Фепонова, Н. Прохорова и П. Антонова, о которых уже упоминалось выше. Изучение текстов, как отмечает далее Соколов, показало не механическое следование в исполнении былин за своими учителями, а выработку «самостоятельного, индивидуального стиля, свидетельствующего о большой творческой работе этого прекрасного сказителя».[1] Другим выдающимся певцом былин Пудожского района является Федор Андреевич Конашков, награжденный в 1938 г. орденом «Знак Почета». Конашков — крестьянин деревни Семеново, в настоящее время ему 80 лет, былинам своим научился от дяди. Исследователи отмечают наличие былинной традиции в семье, причем сам Конашков утверждает, что в их роду «человек был при Иване Грозном в Москве», где он и научился петь былины. Впер-

[1] Ю. М. Соколов, Русский фольклор, учебник для вузов, М. 1938 г., стр. 242—243.

вые запись от Конашкова была проведена, как уже указывалось, в 1892 г., затем — в 1928 г. Б. М. и Ю. М. Соколовыми; впоследствии работа с ним велась на протяжении ряда лет; последняя запись (А. М. Линевского) относится к 1939 г.

В отчете об экспедиции Соколовых за этим сказителем числится 20 сюжетов,[1] НИИК же сейчас располагает 22 текстами Конашкова, не считая эпических сказаний о вождях и героях, составленных самим сказителем в последние годы.[2] В 1932 г. часть Пудожского побережья, а именно: Песчанский и Пудожгорский сельсоветы были захвачены прионежским отрядом экспедиции Фольклорной секции Института по изучению народов СССР Академии наук (в настоящее время Отдел фольклора народов СССР Института литературы А. Н.) и Карело-Финского научно-исследовательского института.[3] Но планомерная работа Научно-исследовательского института К-Ф ССР по собиранию былин в Пудожском районе начала проводиться лишь с 1938 г. До этого запись велась, главным образом по ряду других районов (Заонежье, Беломорье и т. д.),[4] что же касается Пудожа, то в архиве Фольклорной секции Института мы находим лишь упомянутые выше записи былин, сделанные в 1932 г. на Пудожском побережье, записи от Ф. А. Конашкова, относящиеся к 1937 г., и 2 былины А. М. Пашковой.

В 1938 г. зимой в Пудожский район была направлена экспедиция под руководством Г. Ф. Нефедова в составе 7 человек, из которых, однако, 4 человека занимались, главным образом, наблюдениями над диалектами для лингвистического атласа. Задачей экспедиции являлась не столько самая запись былин, сколько разведка, выявление сказителей, учет материала. Подавляющее большинство сказителей, чьи былины публикуются в настоящем сборнике, и были выявлены экспедицией; кроме того, тогда уже среди прочего материала удалось записать и 30 текстов былин. Наиболее интересный материал записан на озере Купецком. Здесь участницей экспедиции И. В. Ломакиной выявлены такие сказители, как Фофанов и Ремизов.

Вторая экспедиция была организована в июле—августе 1938 г. Она имела характер индивидуальных поездок; общее руководство осуществлялось непосредственно Институтом. В разные пункты района было направлено 3 человека: В. Р. Дмитриченко, М. М. Михайлов и К. В. Чистов, причем перед ними стояла та же задача, т. е. прежде всего выявление певцов былин. Участниками экспеди-

[1] B. et J. Sokolov, A la recherche des bylines (Revue des études slaves XII, Paris, 1932, p. 211.)

[2] В настоящее время былины Конашкова, как и вообще весь материал экспедиции Соколовых, находится в стадии изучения и, вероятно, скоро будет опубликован. Записи, сделанные от Конашкова в последние годы, будут изданы отдельно.

[3] Материал войдет во II том «Былин Севера» А. М. Астаховой.

[4] См. А. Астахова «Карельские фольклорные экспедиции 1931—1933 гг.» («Советская этнография» № 1—2, 1934 г. стр. 215).

ции зарегистрированы 38 сказителей и записаны 74 былины, но при этом около половины записей составляют тексты только Н. В. Кигачева. На основе полученных обеими экспедициями материалов были организованы поездки в район как к отдельным сказителям для записи былины (напр. поездка К. В. Чистова к Фофанову), так и для проверки материалов экспедиции, собирания дополнительных сведений о сказителях и т. п. Кроме выездов в район, проводилась запись былин в Институте, для чего в г. Петрозаводск вызывались сказители. Работу вели сотрудники Института, главным образом Е. П. Родина. Таким образом, в разное время были записаны все былины Ремизова, частично — Кигачева и Пашковой, которая живет в настоящее время в Петрозаводске.

В 1927 г. в своем отчете об экспедиции Ю. М. Соколов писал о Пудожском районе: «Здесь край серее. Здесь он и глуше. От Перхнаволока и Марнаволока, прибрежных деревушек, до волости на Купецком озере приходится пробираться пешком или, в лучшем случае, верхом на лошади. Пути для телег еще нет, только еще прорубается. Зло края — медведи, борьба с ними удается с большим трудом, то и дело медведь режет коров. Население действует против зверя не столько ружьем, сколько «отпусками» (заговорами) своих пастухов. Из-за «знающего» пастуха идет горячее соревнование деревень. Население живет бедно. «Двужирных» изб значительно меньше, чем в Заонежье. Черных «зимовок» значительно больше... Суеверий и регилиозной обрядности чрезвычайно много». [1]

В настоящее время эта характеристика устарела.

Правда, впечатления собирателей последних лет о Пудожском крае тоже сводятся, в основном, к тому, что это наиболее глухой район Карелии. Из-за отсутствия удобных путей сообщения Пудожский район и в настоящее время является одним из самых отдаленных как от центра Республики г. Петрозаводска, так и от других больших городов прилегающих областей. Только в летнее время связь осуществляется просто, благодаря пароходному сообщению, но во время длительных и суровых северных зим поездка в район возможна или на санях или на самолетах через Онежское озеро. Есть и другой путь: по Кировской ж. д. и через Медвежью Гору по шоссе, но этот маршрут более чем в два раза увеличивает расстояние и, кроме того, связан с рядом неудобств. Что же касается сообщения внутри района, то здесь можно еще встретить крестьян, везущих свою поклажу волоком по лесной тропе, заваленной валунами, а иногда и громадными деревьями, вывороченными с корнями бурей. Местность очень лесистая: тайга, болота, озера, по берегам которых и расположены селения. Плотность населения, по национальности сплошь русского, значительно ниже, чем, например, в соседнем районе — Заонежье.

---

[1] Юрий Соколов, По следам Рыбникова и Гильфердинга («Художественный фольклор», II—III, Москва 1927 г., стр. 10).

Однако, после коллективизации край быстро и заметно начал преображаться. Для современного Пудожья характерны необычайно контрастные явления. Так, наряду с примитивными перевозками волоком или с примитивными сельскохозяйственными орудиями можно встретить тракторы, автомобили, северные комбайны. Комбайнерка Савинова Пудожской МТС дает рекордные показатели. Все крестьянство теперь коллективизировано, в далекое невозвратное прошлое отошли голод, нищета и все то, о чем писал Гильфердинг и другие собиратели XIX и начала XX вв. Кроме сельского хозяйства, колхозники занимаются рыбной ловлей и охотой, а в зимнее время большинство мужского населения занято на лесозаготовках. Теперь работают на лесозаготовках и женщины; известна А. М. Костина, добившаяся рекордных показателей по заготовке леса. Развернута широкая сеть школ и других детских учреждений; созданы амбулатории, больницы и т. п. Появились общедоступные библиотеки, а в 60-х годах впервые организовал библиотеку П. Н. Рыбников в губернском городе Петрозаводске. Нередко можно встретить колхозные клубы, во многих деревнях даже в избах крестьян поставлено радио. В районе издается своя газета «Красный Пудож».

Райисполком уделяет большое внимание благоустройству внутри района. Пройдет немного лет, и Пудожский край станет неузнаваем. Перспективы для его развития огромны. Уже теперь начала интенсивно развиваться местная промышленность: лесозаводы, горные разработки в устье реки Шалы. Оживает когда-то глухой, заброшенный край, и это проявляется прежде всего в коренных изменениях в жизни крестьянства, которое неуклонно повышает свое материальное благосостояние и культурный уровень. Все это бросается в глаза именно в последние годы, когда нами проводилась запись былин.

Следует отметить, что край этот, как показывают наблюдения собирателей, необычайно богат фольклором. Здесь можно встретить исключительных сказочников с громадным репертуаром, мастеров народной песни, вопленицы и других творцов и исполнителей народного творчества. На фоне общего процветания фольклора выделяется, прежде всего, былинная традиция. Здесь нам встретились первоклассные сказители, выдающиеся мастера-исполнители, владеющие художественным наследием прошлого.

II

К числу наиболее выдающихся современных сказителей Пудожского края относится Анна Михайловна Пашкова. Былины Пашковой можно, по существу, отнести к Нигижме (южнее села Пудож), где прошла молодость этой сказительницы. Дело в том, что хотя Пашкова и прожила много лет в деревне Семеново, большинство своих былин она переняла от разных певцов еще до замужества в деревне Ярчевой бывшей Нигижемской волости. Анне Михайловне Пашковой 74 года. Несмотря на такой преклонный возраст,

у нее исключительная память. С удивительной точностью она может передать впечатления своей молодости. Так, недавно Анна Михайловна встретила в Москве человека, которого видела много лет назад в одном из монастырей. Он, конечно, не помнил Пашкову и был поражен, когда она рассказала подробности их встречи.

Всматриваясь в ее лицо, слушая рассказы Пашковой, начинаешь представлять себе, какой она была в молодости. Красивая девушка из зажиточной семьи, несомненно, должна была пользоваться большим успехом, и недаром сваты приходили, когда ей не было еще 16 лет. Теперь это старушка низенького роста, ходит всегда с палочкой, держится просто, но с достоинством. О былой красоте говорят только глаза, вдумчивые и глубокие. Она очень строга к себе и к людям: все, что пообещает — выполнит, но того же требует и от других. У Анны Михайловны очень развито чувство собственного достоинства, но, как умная, серьезная женщина, она скромна: пусть другие хвалят, сама себя хвалить не станет. И о Пашковой как о сказительнице действительно можно многое рассказать. Это художественно одаренный, талантливый человек. Кроме былин, от нее записаны и другие произведения фольклора.[1] Особенно выделяются ее плачи: рекрутские, свадебные, похоронные, лучшие из них — плачи о сыне. Яркие, художественные, они напоминают поэмы.[2] В плачах Пашковой сказывается поэтическое богатство северной причети. Обладая громадным запасом художественных средств и образов, она создает новые произведения; недавно от нее удалось записать и новую былину о героях Арктики. Своеобразен зачин этой былины; в нем коротко рассказывается о некоторых подвигах богатырей, которые были «в старину-то стародавнюю». Перечисляются отдельные подвиги Святогора, Ильи Муромца, Добрыни и Дюка. Все они, как говорит сказительница, «служили народу службу верную». Затем следует рассказ о героях наших дней. Обращает внимание использование традиционных образов, которые сказительница переосмысляет в связи с новым содержанием. Вот как рассказывается о советских летчиках, завоевавших Арктику:

Проложили, указали путь прямёшенький
Во сторонушку суровую, холодную,
Серый заюшка туда да не проскакивал,
Черный ворон вещий не пролетывал,
Пролетел только советский наш ясен сокол
А Валерий Чкалов да свет Павлович...

Герои севера хотят снова ехать на полюс, великодушно отказываясь от подарков:

«А не надо нам да золотой казны —
Золота казна нужна ведь на строительство,
В цветно платье мы оденем Красну Армию,

---

[1] См. примечания.

[2] См. сборник, подготовленный М. М. Михайловым «Русские плачи Карелии» (Петрозаводск 1940 г.), куда вошли все плачи Пашковой.

А добрых коней мы богатырских
Подарим героям Красной Армии»...

Незаметно проходит время за работой у папанинцев, оставшихся на полюсе:

Как денечек за денечком как сокол летит,
А неделька за неделькой как река бежит.

Таким образом, красочные, яркие образы, выработанные поэтической традицией, умело и к месту используются в новом произведении. Особенности дарования Пашковой с наибольшей полнотой проявляются в традиционных былинах. Она принадлежит к числу сказителей-творцов, у которых индивидуальное начало проявляется особенно сильно. О былинах сказителей этого типа А. М. Астахова пишет: «Путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» и вырабатывается собственный, постоянный текст, отливаясь в определенную композиционную и словесную форму. В дальнейшем эта форма в основном остается неизменной и варьируется лишь в деталях. Так создаются новые редакции былинных сюжетов, представляющие больший или меньший отход от редакций, послуживших отправным материалом». [1]

Следует отметить, что и сама сказительница сознает и принимает на себя изменения, внесенные ею в тот или иной текст. Так, иногда она говорит: «Немного слыхала, а остальное сама» и т. д. Правда, в нескольких случаях мы имеем у Пашковой тексты, передающие усвоенную ею редакцию (Вольга и Микула, Взятие Казани). В то же время есть былины, при передаче которых она дает большой простор импровизации в каждом случае исполнения (Чурила). Но и тот и другой моменты не являются в ее творчестве определяющими.

Среди записанных от нее текстов прежде всего следует выделить былины «Потык», «Чурила» и «Алеша Попович». Эти былины имеют одно общее свойство, они показывают стремление сказительницы к созданию больших эпических произведений, раскрывающих с исчерпывающей полнотой образ героя. Надо сказать, что это совершенно не связано с обычной контаминацией отдельных сюжетов и мотивов, в результате которой получаются сводные былины. Такие былины, например, дает сказитель Ремизов, о чем речь пойдет ниже, в данном же случае повествование около тысячи («Чурила») и даже более тысячи стихов («Потык») заполнено глубоко продуманной подробной характеристикой героев и описанием окружающей обстановки. При этом Пашкова не злоупотребляет повторениями, замедляющими повествование, скорее, наоборот. Так, если взять самый большой текст Пашковой («Михайло Потык»), превышающий на 13 стихов прохоровский вариант, то бросается в глаза, что у нее повествование более динамично. Например, эпизод борьбы Потыка со змеей передан короче настолько, насколько это воз-

[1] А. М. Астахова, Былины Севера, т. I, стр. 75.

можно, чтобы, сохранив все каноны традиционной поэтики, не отвлекать внимания от хода рассказа. Контаминацию двух сюжетов мы находим и в былине о Чуриле Пленковиче. Но не это является главным моментом для данного варианта, а опять-таки и здесь мы встречаем обширное, развернутое повествование как в первой, так и во второй части. Типичные же сводные былины сказительнице не удаются; ее «Илья Муромец» — неудачный, слабый вариант. Таким образом, дело не в простой контаминации отдельных сюжетов и мотивов, а в творческой работе над данным сюжетом и над созданием яркого образа героя. С этой целью сказительница использует мотивы, образы, поэтические детали сказок, былин, плачей и т. п. Следуя в этом определенной традиции, Пашкова сохраняет свою оригинальность, дает много нового, своего. Так, в былине о Михайле Потыке строки, напомнившие ей плач, сказительница развивает, придает им характер причитания:

«Как не красен день без солнышка,
А не ясна ночка да без месяца,
Плохо жить мне молодешенькой
Без тебя, удалая головушка,
Ты сговорная моя семеюшка»...

Там же встречаем пословицу «Умел бабу взять, так умей держать, а потерял — так умей искать». В былине об Алеше и Тугарине находим сказочный мотив благодарного мертвеца (поляница), который дарит герою своего коня для борьбы с врагами. Наряду с этим в описании детства богатыря используются мотивы былины о Василии Буслаевиче и ряда других.

Пашкову интересует социальный облик героя. Так, Алеша Попович, которому надлежит совершить ряд героических подвигов, не может «выносить названьица поповского». Сказительница знает, что по другим былинам Алеша имеет отрицательную характеристику — «руки загребущие, глаза завидущие», — и в данном случае нельзя допустить, чтобы поповский сын совершал подвиги. Поэтому богатырь отказывается от своего «поповского названьица». Все это ярко показывает двойственное отношение к образу данного богатыря и подтверждает принятое в науке положение о том, что отрицательная характеристика его в большинстве былин вытекает из представления о нем, как о поповском сыне. Здесь проявилось также характерное для Пашковой чрезвычайно вдумчивое отношение к передаваемому материалу. Она никогда не исполняет былину механически, не осознавая того, о чем рассказывает.

В былине о Чуриле сказительница сопровождает текст очень интересными и характерными замечаниями; без учета их невозможно правильно понять смысл, который вкладывает в нее Пашкова. Из этих замечаний видна подчеркнуто-отрицательная характеристика князя. Отсюда, естественно, симпатия по отношению к мужикам, которые не нашли в лице князя защитника от обидевшего их Чурилы. «Вот подлецы-то были, за шубу-то и суд», го-

ворит Пашкова, рассматривая поступок князя, отказавшегося судить Чурилу, как простое взяточничество.

Положительных героев сказительница наделяет чувством патриотизма. В этом отношении характерно вступление к былине о Потыке, отсутствующее в варианте Прохорова, где говорится о том, что Илья Муромец, Добрыня и Потык «поставили крепость белокаменну, круг всего ли города, вкруг Киева»... На славу родины совершает свои подвиги Добрыня («Добрыня и Алеша»), и здесь опять обличается князь, сыгравший нехорошую роль в истории сватовства Алеши. Этот пример особенно ярко показывает, что сказительница следует определенной традиции, отбирая из нее то, что отвечает ее интересам. Известно, что прионежские варианты былины об Алеше и Добрыне как раз отличаются четкостью социальной сатиры в обрисовке образа князя. Надо сказать, что и в других случаях Пашкова в своей характеристике героев основывается на той же традиции.

Наиболее ярка и оригинальна в отношении раскрытия социальной действительности былина о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. В данном случае сказительница, взяв в основу традиционный сюжет, дает иную редакцию. Здесь она позволяет себе в конце изменить обычный ход повествования: последствия ссоры оказываются совершенно иными, чем обычно — Илья Муромец не мирится с князем, Добрыня также уходит от князя. И в этом контексте как-то свежо и по-новому звучат известные строки из стихотворения А. Толстого «Илья Муромец». Но вообще образ Ильи Муромца менее характерен для Пашковой, чем, например, для Фофанова. В известном отношении следует согласиться с мнением Рыбникова о том, что женщины-сказительницы имеют свои «бабьи старины».[1] У такой сказительницы как Пашкова, обладающей большим репертуаром, это проявляется не столь заметно. У нее есть, как видим, не мало героических былин или таких, в которых героические эпизоды достаточно ярки. Но героические былины Пашковой имеют одну особенность; они сильно насыщены элементами сказочной и легендарной фантастики. Так, в сводной былине об Илье Муромце очень популярный эпизод освобождения города, имеющий героический характер, занимает только 12 стихов. Бóльшая часть ее, посвященная борьбе Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, содержит не только элементы героики, но и сказки. Если взять лучшие тексты, как «Потык», «Алеша-Попович», «Святогор», то здесь легендарно-сказочные мотивы преобладают. И вообще, вместо очень популярного цикла былин об Илье Муромце у Пашковой мы находим другие сюжеты: «Дюк», «Ставер», «Вольга и Микула», «Добрыня и Алеша», «Чурила», то есть такие, в которых нет описания сражений, боевых походов и т. п.

Необходимо сказать несколько слов о былине про Святогора и в связи с этим отметить, что если у Пашковой недостаточно пред-

[1] См. Рыбников, т. I, стр. 82.

ставлен цикл былин об Илье Муромце, то у нее есть ряд очень редких сюжетов, к числу которых как раз и относится Святогор. В тексте сохранены почти все эпизоды, связанные с этим сюжетом. Таким образом, здесь мы имеем не только редкую былину, но и хороший вариант ее. К числу редких сюжетов относится также «Чурила и князь» (1-я часть «Чурилы Пленковича»), «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Алеша и Тугарин», «Вольга и Микула». Для пудожской традиции вообще характерно сохранение таких сюжетов, которые в других местах не встречаются.

Сама сказительница больше всего ценит былины-новеллы. Лучшие из них — «Дунай», «Добрыня и Алеша», «Чурила» (2-я часть).

Если сказочные мотивы встречаются в ряде разобранных выше текстов, то в былине-новелле о Дунае сказочные элементы удалены. В данном случае так же, как и во 2-й части «Чурилы» (Чурила и неверная жена), сказительница стремится дать четкую реалистическую новеллу. Это характерно для Пашковой. В связи с этим интересна попытка психологически объяснить некоторые поступки героев (отчаяние короля литовского, потерявшего дочь, связь Чурилы с Катериной как результат разочарования в прежней любви). Таким образом, и в былинах-новеллах проявляется своеобразие творческого дарования Пашковой.

Язык ее былин приближается к нормам литературного языка. Это обусловлено тем, что Пашкова много читает, для своего круга она очень развита, и, кроме того, в связи с переездом в Петрозаводск она совершенно утеряла связь с той средой, которая ее окружала раньше. В отношении исполнения былин ее можно было бы сравнить с упоминаемым Харузиной сказителем из Мелентьева, который, как и Пашкова, не пел, а сказывал. Надо отметить, что такая форма исполнения в данном случае совершенно не связана с явлением вырождения эпоса; Пашкова просто не обладает хорошим голосом, не обладала им и в молодости, а тексты ее, имеющие нередко свыше 500 стихов, требуют сильного голоса для их исполнения. Также не имел голоса «сказитель из Мелентьевской». Несколько строк из книги Харузиной дают представление об этом типе исполнителей: «Мерно и плавно, былинным слогом лилось повествование... Он ни разу не остановился; ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово. Спокойно глядел он на окружающих ясным старческим взглядом».[1] Пашкова почти всегда сама назначает время для записи, так как не любит сказывать наспех в неудобной для того обстановке и требует абсолютного внимания к себе. Во время исполнения былин она вся как бы преображается, она живет со своими героями.

Если Пашкова, сосредоточивая все внимание на новеллистических и сказочных мотивах, отдает предпочтение былине-новелле, то в лице другого современного сказителя, Ивана Терентьевича

[1] В. Н. Харузина, стр. 71.

Читальный зал

Фофанова, мы встречаем прекрасного мастера и знатока героического жанра. У него находим такие редкие былины, как «Сухман», «Наезд литовцев». Образ Сухмана, смело выступившего против татар, дан сказителем с большой художественной силой — это образ героя, отдавшего свою жизнь за родину. С большим интересом рассказывает Фофанов о походе литовцев в былине «Наезд литовцев»; он постоянно сопровождает текст такими замечаниями: «Не мало силы было», или «Войско-то не мало — сорок тысячей» и т. п. Сказителя восхищает военная сила, описание сражений, героические подвиги богатырей.

Фофанов дает совершенно замечательный оригинальный текст героической былины о Ермаке. Ермак у него выступает не в качестве помощника Ильи Муромца, как обычно в сюжете «Илья Муромец и Калин царь», а в качестве основного героя. Об Илье Муромце у Фофанова три былины: «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец и сын» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Заметим, что это одни из наиболее популярных и ярких сюжетов о героических подвигах богатыря. Мы не встречаем у Фофанова былин об исцелении или о трех поездках Ильи Муромца, в которых сильны сказочные и легендарные мотивы.

Для Фофанова характерно отсутствие интереса к сюжетам, имеющим новеллистический характер или включающим сказочные мотивы. Так, былину о Потыке, слышанную им от Прохорова, он согласился петь лишь после долгих уговоров; причем исполнил только первую часть, заканчивающуюся эпизодом освобождения Марьи-Лебеди белой. Дальше Фофанов категорически отказался петь, заметив, что такая старина вообще не заслуживает внимания, он ее забыл и т. п. В представлении Фофанова «старина» — это рассказ о героических подвигах богатырей; сказочные элементы ставят как бы под сомнение все остальное, и он проводит резкую грань между «стариной» и сказкой. Если допускаются элементы сказочной фантастики в единоборстве богатырей со змеями («Добрыня», «Потык») или с Соловьем-разбойником («Илья Муромец»), то лишь потому, что этим подчеркивается могущество богатырей. Это люди, обладающие страшной силой, им подстать бороться с чудовищами. «Так старики певали» — скажет об этом Фофанов, ссылаясь на традицию. Таким образом, героика, пусть то в борьбе с чудовищами или с татарами, но обязательно героика, должна, по мнению Фофанова, иметь место в старинах. Не случайно и в былине о Дюке он дает только начало — преодоление Дюком препятствий на пути в Киев, а дальше этот сюжет его уже не интересует, он пересказывает его кое-как. Былину о Чуриле и неверной жене у Фофанова находим только в виде небольшого отрывка. Эта типичная былина-новелла не нравится сказителю, он называет ее «забавой», «песней». В данном случае это объясняется выучкой, которую прошел наш сказитель у Прохорова. Рыбников пишет, что Прохоров не любил «бабьих старин», в том числе и Чурилу. Впоследствии, как известно, Гильфердинг опровергал вывод, сделан-

ный Рыбниковым о том, что былины-новеллы редко встречаются у сказителей-мужчин, и, по-существу, он был прав. Речь здесь идет о наклонностях данного сказителя.

Несомненный интерес представляет собою фофановская былина о Добрыне и Алеше. Наш сказитель перенял ее у Прохорова; сохраняя в основном прохоровскую редакцию, Фофанов дает интересный художественный текст, развертывая повествование на 523 стиха (у Прохорова 479). Следует отметить, что вследствие контаминации ряда мотивов как фофановский, так и прохоровский варианты нельзя причислить целиком к группе былин-новелл. Большая половина былины Фофанова (304 стиха) представляет похождения богатырей, прежде всего, Добрыни. Основному рассказу Фофанов предпосылает зачин — отъезд Добрыни на охоту; затем в данной редакции встречается очень редкий, необычайный для этой былины эпизод единоборства двух русских богатырей. Подробно, очень последовательно развертывается повествование о поездках Добрыни. Таким образом, эпизод сватовства Алеши стоит на втором плане.

Былин-новелл, кроме отмеченных нами, у Фофанова более не встречаем.

В отношении усвоения материала Фофанов ближе всего подходит к типу сказителей, которых А. М. Астахова характеризует как певцов-исполнителей. «Это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как «старики певали», с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом».[1] Фофанов тоже стремится сохранить, если не дословно, то почти дословно известный ему текст. Многие его былины («Илья Муромец и Идолище», «Наезд литовцев», «Добрыня и змей» и др.) восходят к совершенно определенной редакции. Но он более самостоятелен, чем знаменитый сказитель И. Т. Рябинин, воспроизводивший дословно текст отца. Фофанов позволяет себе вносить некоторые изменения в усвоенный им текст. В былине об Илье Муромце и Идолище, переданной в редакции Прохорова, действие перенесено в Киев к князю Владимиру, тогда как у Прохорова события развертываются в Царьграде у Боголюба. Мы предполагаем, что эти изменения внесены самим Фофановым.

В понимании сказителя Илья Муромец — киевский богатырь, и певец производит соответствующую замену, быть может, без непосредственного воздействия вариантов, в которых фигурирует Киев и князь Владимир. Исследователями отмечается, что перенос действия в Киев в обработках данного сюжета является

[1] А. М. Астахова, стр. 71.

следствием отхода от более древней редакции, в которой сохраняется Царьград. Это явление могло иметь место и в данном случае.

В былине «Наезд литовцев», переданной Фофановым в редакции Сорокина, сокращен заключительный эпизод: возвращение искалеченных племянников в Литву (хромой на слепце). Это происходит, вероятно, потому, что сказитель не любит сказочных и легендарных мотивов. В той же былине пропущено описание проверки войска путем питья у реки. Эпизод, очевидно, показался Фофанову непонятным, поскольку он не встречал его ни в одной из героических былин. Но при всем том вариант Фофанова только на 2 стиха меньше, чем у Сорокина. Это объясняется манерой исполнения былин Фофановым, стремлением создать максимально замедленное действие путем повторения ряда формул. Так, в начале былины о наезде литовцев Сорокин, передавая просьбу «витничков», упоминает князя Романа лишь один раз:

«Только не можем более терпеть славы великия
Про московского князя Романа Дмитриевича,
Давай-ка нам прощеньице-благословеньице».
(Строки 47—49 по Рыбникову.)

Фофанов в том же эпизоде дает развернутую формулу и несколько раз подряд упоминает имя князя Романа:

«Как мы не можем терпеть мы больше славушки,
А от Романа мы да Митриевича,
Ну во матушки да тут во Россиюшке,
А в Москвы-то там да белокаменной,
А князь-то еще есть-то там Роман-то Митриевич,
А про его да идёт славушка,
Славушка идёт да по белу свету,
А про Романа еще про Митриевича,
А про того про князя да про Московского» и т. д.
(Строки 53—61 и дальше.)

Как сказитель Фофанов очень популярен. Собиратель К. В. Чистов рассказывал, что во время записи былин в избу Фофанова по вечерам, после полевых работ, набивалось полно народу. Приходили колхозники послушать своего сказителя. В этом проявляется определенная традиция. Из описания Харузиной мы видели, что так же собирались крестьяне слушать Утку.

Нашему сказителю было 15 лет, когда в их деревне работал Прохоров; он ходил к нему на беседу и перенимал «старины». «Сперва было наслушано, потом напето» — говорит Фофанов, вспоминая свое знакомство с Уткой.

Знаменитый сказитель сумел привить своему ученику любовь к былинам, а вместе с этим и определенные художественные вкусы — предпочтение героической былины перед былиной-новеллой, манеру петь, сопровождая текст своими замечаниями. Эта черта Прохорова, подмеченная Гильфердингом, проявляется у Фофанова

постоянно. И, наконец, ему Фофанов обязан убежденностью, глубокой верой в подлинность, реальность событий, о которых рассказывается в старинах. Надо сказать, что вера в богатырей, в подлинность их подвигов характерна почти для всех известных нам сказителей. Как-то приходилось беседовать об этом с Фофановым и Ремизовым. Существование богатырей в старину они объясняли так: «Раньше были богатыри, а потом их не стало, при царях не стало. Раньше было все вольно, и князь Владимир, вишь, пиры разводил, всех приглашал, а царь уж этого не делал. Вот теперь опять же богатыри; и прежних стали уважать». Последнее замечание о том, что теперь богатыри снова появились, помню, нас очень поразило. Но это — твердое убеждение сказителей; причем они считают древних богатырей своими, народными, так же как и героев современности, о которых складывают новые былины. Две таких былины есть и в репертуаре Фофанова, причем одну из них он составил сам, а вторую заимствовал от других. Составленная Фофановым былина «Про Клима Ворошилова» неразрывно связана с традицией; общим местом (loci communes) является описание сборов богатыря в дорогу, его отъезд, картины боя. Сюжет ее прост; темой послужили события на озере Хасан; при этом интересно, что Фофанов рассказывает о товарище Ворошилове как о непосредственном руководителе боя, участнике сражения. Таков художественный замысел сказителя. В отличие от Пашковой Фофанов избрал темой защиту родины. Этому же посвящена и вторая былина «О Чапаеве», источником которой является былина, составленная сказителем Туруевым на основе текста Рябинина-Андреева. Этот факт, в известном отношении, мы можем рассматривать как явление бытования одной из новых былин. Перед нами не только текст, составленный одним сказителем, но и два варианта его.

Совершенно иной, чрезвычайно своеобразный тип сказителя представляет собою ближайший сосед и большой приятель Фофанова Никита Антонович Ремизов. И по своему отношению к былинному материалу и по приемам исполнения он резко отличается как от Фофанова, так и от Пашковой. Необычна для Карелии, оригинальна и сама внешность его.

Ремизов — старик небольшого роста, очень моложавый с черными, как смоль, волосами, ходит всегда в войлочной шляпе с загнутыми полями, в пиджаке и брюках, вправленных в высокие сапоги. Есть что-то типично южное в этом смуглом, очень живом симпатичном лице с большими красивыми глазами и черной маленькой бородкой. Кажется, менее бы удивился, увидев такого старика где-нибудь в Крыму или на Кавказе. Это очень веселый и разговорчивый человек. По свойственной ему манере постоянно шутить Ремизов любит рассказывать о себе, будто, когда он был совсем маленьким, проходящие цыгане променяли его на поросенка какому-то барину; поэтому он часто называет себя «чиганом».

Былины Ремизова очень своеобразны, что всецело обусловлено его индивидуальными особенностями как сказителя. Это прежде

всего исполнитель-артист, который ради того, чтобы заинтересовать слушателей, идет на любые переделки, любые комбинации с известным ему текстом. К старинам он относится довольно пренебрежительно, говорит, что до войны знал много, преимущественно тогда и пел их, но, по его словам, их «считали глупостью». «Вот сказки — это другое дело, это все уважают». Конечно, в такой оценке проявляются вкусы самого Ремизова. Его как хорошего сказочника, шутника и балагура очень стесняют строгие рамки былинной поэтики, традиционные сюжеты. Для него совершенно необязательно придерживаться определенного текста. Хороший сказочник — умеющий, по его выражению, «лепить» сказки, он так же стремится поступать и с былинами. Однако, Ремизов не решается разрушать поэтическую форму былин: обладая большим чисто артистическим дарованием, он понимает, что былины надо петь, а поэтому надо сохранять стихотворный текст, ритм. Но добавить от себя, изменить кое-что в содержании он считает возможным. В этом отношении невольно напрашивается сопоставление его с Сорокиным, также свободно обращавшимся с былинами. («Я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно» — говорил Сорокин.) Вместе с тем у Ремизова нет такого пристрастия к былинам, как у Сорокина, который даже сказки перекладывал в былины. Кроме того, Ремизов никогда не станет петь «как угодно», а обязательно так, как ему хочется, и будет уверять, что именно так и надо петь, что так всегда было и что иначе быть не может. Вообще всякий вымысел, небылицу Ремизов умеет передать так, что часто вводит слушателей в заблуждение. Однажды он с Фофановым приехал в Петрозаводск, и Ремизову был задан обычный вопрос: «Как живете, что нового?» — «Все, — говорит он, — хорошо, а вот завели строить мост, слеги (жерди) под мост сегоду (в этом году) два колхоза секли два месяца, и такой был пень, что летел он целый день, и повезли это бревно — комель (нижний обруб дерева) шел в январе, а вершина шла в апреле. На этот пень собирается скотина на целый день два стада, а быки-то как нунь выросли колхозные, а рога-то как у их: пастух сядет на рог, а другой — на другой, дак и трубки не слыхать друг другу».

Эту типичную небылицу Ремизов сообщил с такой неподражаемой серьезностью, что трудно было сразу понять, где кончается правда и начинается вымысел. Впоследствии сам сказитель признал, что весь рассказ о мосте является сплошной выдумкой.

Учитывая указанные черты сказителя, не удивляешься тому, что в былине о Ставре отцом богатыря оказывается начальник милиции в Москве. Нет сомнения, что это придумано самим Ремизовым: он любит удивить чем-нибудь совершенно необыкновенным и таким образом завоевать внимание слушателей. У него большой запас остроумия не без некоторой иронии, но незлобной, добродушной. В той же былине, рисуя портрет Ставра, у которого «волосы дыбом встали», Ремизов прекрасно сознает, что это не столь страшно, сколь смешно, но именно данный эффект ему и нужен.

Вообще, если взять весь его вариант Ставра, то здесь мы находим очень своеобразный, мозаичный текст. Ремизов соединяет в одно цельное повествование самые разнообразные мотивы и дает рассказ о богатыре, начиная с детства. И в этой части он вряд ли располагал каким-либо уже раньше сложившимся повествованием. Здесь наиболее отчетливо проявляется стремление сказителя рассказывать, «лепить» по-своему. Несколько иной характер имеют его былины «Про Илью Муромца» и «Про Добрыню и Алешу». Оба текста представляют типичные сводные былины, для которых характерна контаминация нескольких сюжетов, связанных с именем богатыря, или отдельных эпизодов и мотивов разных былин. Однако, все три былины имеют у Ремизова общие черты; в них сказывается стремление сказителя дать единое развернутое повествование о жизни и подвигах богатырей. Это мы видели и у Пашковой, но у Ремизова данная тенденция выражена сильнее, так как Пашкова не стремится соединить отдельные былевые песни в одну, а лишь разрабатывает и углубляет ту или иную былину («Потык», «Чурила»). В сводной былине «Про Илью Муромца» обращает на себя внимание особо тщательная разработка крестьянских черт, которыми он наделяет образ богатыря. В этом плане интересно, что Илья Муромец у Ремизова после ряда подвигов не остается в Киеве с князем, а возвращается «в свою семеюшку». Реалистические описания крестьянского быта переплетаются с традиционными героико-волшебными элементами. Большим своеобразием, следами личной творческой переработки традиционного сюжета отмечена и былина о Добрыне и Алеше. Другие былины Ремизова менее оригинальны, исполняет он их довольно неохотно; когда-то он любил еще былину о Дюке Степановиче, но чаще всего рассказывал ее, а не пел. Он сохранил в своем репертуаре редкую былину о «Сорока каликах», но вариант ее довольно слабый.[1]

Ремизов очень интересный сказитель, обладающий большим репертуаром, творчески одаренный, со склонностью импровизировать. Но он более сказочник, чем певец старин, поэтому некоторые из записанных от него вариантов уступают текстам Пашковой и Фофанова. Не в его характере вести повествование монотонным, былинным слогом; он охотнее соглашается пошутить, побалагурить. Поэтому, когда Ремизов исполняет Добрыню и Маринку на плясовой мотив, притоптывая ногой, то невольно думаешь: может быть, он и попляшет иногда, напевая былину о Маринке.

Подобно многим другим современным сказителям Ремизов пробует свои силы в создании новых эпических произведений.

Но сказителю еще не удается создать стройное повествование. Нередко при желании передать очень многое он не располагает достаточным количеством сведений. Иногда даже хорошо извест-

[1] За последнее время, уже после того как настоящий сборник был сдан в печать, от Ремизова удалось записать еще две редких былины: «Рахта Рагнозерский» и «Гибель богатырей».

ные ему факты Ремизов не может правильно осмыслить, разобраться в них. [1]

Самый факт сложения сказителем новых произведений как выражение его творческих исканий заслуживает внимания и должен быть отмечен. В дальнейшем, несомненно, от Ремизова как талантливого сказителя-импровизатора можно ожидать и более удачных опытов. [2]

Самым молодым среди наших сказителей является Никифор Васильевич Кигачев. Он невысокого роста, коренастый, у него простое русское лицо, голубые глаза, коротко подстриженные бородка и усики; волос на голове почти нет, и поэтому сразу бросается в глаза высокий открытый лоб с немногими, но резко обозначенными морщинами. В деревне он слывет за человека веселого, озорного. Для своего круга Кигачев очень развит, обладает незаурядным умом, любознателен. Довольно начитан, любит побеседовать о мироздании, об истории, о географии и, вообще, о чем угодно. О любознательности Кигачева говорит такой факт. Когда-то он много читал «божественных» книг и вот однажды начал размышлять о том, мог ли библейский Ной поместить в одном ковчеге «всех тварей по паре». Обратившись за разъяснениями к попу, Кигачев долго рассуждал и спорил с ним. Дело кончилось тем, что священник отлучил его от церкви. Это было еще до революции. Никифор Васильевич рассказывает, что после этого он окончательно перестал верить в бога; сомнения же относительно Ноева ковчега возникли у него, как у хорошего рыбака и охотника, который знает, что «всех тварей не уместить в одно место».

Как носитель былинного эпоса Кигачев представляет собой исключительно интересного человека и явление в высшей степени своеобразное. Подобно Ремизову, он склонен к импровизации, но характер его импровизации иной, связанный с его знанием былинного эпоса. Однажды к Кигачеву приехал один из собирателей; сели ужинать, и вот, когда приезжий стал благодарить за угощение, сказитель также встал, поклонился и, отвечая ему, начал былинным слогом:

«Алексей да свет Димитриевич,
Благодарствуем, что пожаловал» и т. д.

и он тут же составил своеобразную былину, рассказывая о приехавшем госте и о себе, о своей семье. Известно далее, что Кига-

[1] Это недостаток многих новых произведений, которые в большом количестве получает от сказителей Научно-исследовательский институт культуры в Петрозаводске. Теперь повышаются требования к собирателям; в их обязанность должна входить не только запись фольклора, но и большая разъяснительная работа. Сказители хотят и требуют, чтобы им рассказывали о текущих событиях, помогли бы осмыслить революционное прошлое нашего народа.

[2] С Ремизовым необходимо вести работу по повышению его культурного уровня. До сих пор с ним почти никогда не беседовали; он был только на конференции сказителей в Петрозаводске в 1939 г. Кроме того, ряд недостатков мог быть обусловлен и самой записью: новые произведения записывались от него в деревне и присылались Ремизовым в письмах.

чев даже письма к своей жене писал былинным стихом. Подобная импровизация дается ему очень легко. С большой охотой он переложит в былину любую сказку. Он так и говорит: «Могу сказкой рассказать, могу на былину переделать». Это сближает его с Сорокиным, из современных сказителей — с Марфой Крюковой. Однако, свои импровизаторские склонности Кигачев удерживает сознательно в известных рамках. В свои былины он вносит лишь такие изменения, которые он находит нужными; эти изменения, если имеется в виду традиционный сюжет, являются лишь перегруппировкой отдельных мотивов из других былин. Так, однажды он сказал, что может исполнить былину о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром два раза. И вот первый раз сказитель дал обычный сюжет; исполняя былину во второй раз, изменил конец, присоединив эпизод о том, как Илья Муромец был посажен в «погреба глубокие», из былины об Илье Муромце и царе Калине. Этот случай показал и другую характерную особенность сказителя: Кигачев, внося ряд эпизодов в данный текст из другой былины, почти дословно повторяет стихи, относящиеся к данным эпизодам. Он допускает изменение варианта только в отношении композиции. Если же и дает несколько новых стихов, то только для того, чтобы сгладить допущенную им перестановку эпизодов из одной былины в другую. Чаще же всего он делает такую перестановку, не добавляя ни одного стиха от себя. Таким образом, Кигачев, подобно Фофанову, в традиционных былинах придерживается известного ему текста в его словесной редакции. Вместе с тем Никифор Васильевич является создателем ряда новых, современных былин: «О разгроме Деникина», «О бойце Зырянове», «О Кирове» и др. И здесь он не только твердо помнит их, но и сохраняет раз принятую редакцию. Кигачев четко разграничивает то, что создано им экспромтом, для забавы окружающих, и то, над чем он, по его выражению, «поработал». Кигачев приезжает иногда в Институт, живет в одной из комнат, и действительно с утра до вечера его можно видеть склонившимся над бумагой. Он пишет, стараясь аккуратно выводить каждую буковку и экономя каждый клочок бумаги. Ничего не спрашивает, ни с кем не советуется и, лишь окончив писать, приходит в Фольклорную секцию, и уже тогда от него не отступишься. Он будет ходить всюду, ждать сколько угодно, лишь бы его выслушали. Критические замечания не обижают его; прочитав новое свое произведение нескольким лицам, сказитель создает себе определенное впечатление на основе их замечаний и снова работает над текстом. После исправлений Кигачев обычно приходит к заведующему архивом и заявляет: «Мне копию отпечатайте», а, получив ее, заучивает былину и потом уже в любое время споет или расскажет слово в слово.

Первая из составленных им новых былин («О бойце Зырянове») была прислана в письме, причем меньше всего мы ждали этого от Кигачева, который неохотно согласился передать даже извест-

ные ему старые былины. Былину «О бойце Зырянове» он сложил, побуждаемый соревнованием, после того как узнал, что некоторые сказители составляют новые былины. Ему тоже захотелось выступить с самостоятельным произведением.

Исключительной особенностью огромного репертуара Кигачева (от него записано 39 былин) является то, что подавляющее большинство их за исключением лишь некоторых, печатаемых в настоящем сборнике, он переучил, а в отдельных случаях просто заучил по книге. Исполняя эти былины, он почти не изменяет текста и часто повторяет его дословно. Однако, и с этой стороны Кигачев не является просто исполнителем заученных текстов, не представляющих никакого интереса для исследователя. Переучивание былин по книге является, по-существу, лишь одним из моментов развития художественного дарования и исполнительского мастерства этого интересного сказителя. Многие былины Никифор Васильевич слышал сначала от отца, затем на мельнице от съезжавшихся туда крестьян, но петь «стеснялся перед стариками и орал в лесу», когда пас коров. Следовательно, он знал их и из устной традиции и, если бы записи были сделаны в то время, — его варианты представляли бы не меньший интерес, чем тексты любого сказителя. Затем он переучил их по книге, думая, что так будет лучше, поскольку интерес к книгам и уважение к печатному слову у него очень велики. Сам Кигачев не скрывал этого обстоятельства, гордясь своим знанием книги; удалось даже найти ее (А. В. Оксенов «Народная поэзия» СПб. 1898 г.). Все указания его на то, какой вариант из книги, а какой из устной традиции, подтвердились, хотя читал он ее очень давно. Есть основания полагать, что Кигачев не остановится на данном этапе своего знания былин. Исключительная любовь и живой интерес к эпосу приведут его в дальнейшем к каким-либо новым исканиям, к новому ли усвоению былин из устной традиции, к переучиванию старого своего запаса, к самостоятельному ли его перередактированию. Опыты самостоятельного творчества Кигачева в области старого эпоса уже имеются. Им составлена новая былина «Женитьба Ильи Муромца»; пробовал он также сложить былину «Взятие Новгорода». Здесь опять-таки напрашивается сравнение Кигачева с М. С. Крюковой, которая также составляет новые былины, разрабатывая и отдельные былинные мотивы и исторические темы. Среди других карело-финских сказителей такое явление пока не встречалось, за исключением разве Рябинина-Андреева: он взялся составить былину о знаменитом Кижском восстании.

Сравнение Кигачева с Крюковой можно провести и дальше, поскольку у него тоже проявляется стремление к объединению отдельных былевых песен в нечто целое, связанное между собой. Узнав, что былины будут напечатаны, Кигачев попросил предупредить его об этом, говоря, что он сам хочет подумать над расположением их в определенном порядке, чтобы создать общую сюжетную канву. К сожалению, Кигачев этого не сделал, потому что ему

сообщили, что не все тексты будут печататься. Но как раз тогда он и составил былину о женитьбе Ильи Муромца, с целью заполнить пробел между былинами «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья и Сокольник». Нет сомнения, что при благоприятных условиях идею — дать общую сюжетную канву для всех былин — Кигачев постарается осуществить.

Если обратиться к текстам, публикуемым в настоящем сборнике, то среди них «Женитьба Ильи Муромца» и, отчасти, «Рахта Рагнозерский» дают представление о самостоятельной творческой работе Кигачева. В обоих случаях он отталкивается от эпической традиции, использует отдельные мотивы сказок и преданий. В первом случае создает совершенно новый сюжет, во втором — развертывает, дополняя новыми картинами и эпизодами, усвоенный из устной традиции, подробно останавливается на образе силача Рахты, вводит историю его семейных отношений и т. д. Обработка Кигачевым преданий представляет большой интерес, т. к. раскрывает перед нами творческую лабораторию сказителя. Из других былин следует отметить такие редкие сюжеты, как «Иван Гостиный сын» (состязание конями) и «Горден Блудович». Оба текста интересны тем, что в них находим резко выраженные элементы социальной сатиры. Вторую Кигачев исполнил, предварительно заменив «худые», т. е. нецензурные слова, хорошими. В одном случае сказитель сознательно изменил текст. Известная самостоятельность проявлена им и в былине о Потыке, где объединены два, хотя и близких, варианта (Прохорова и Фофанова). Фофанова он слышал не так давно, следовательно, раньше былина была ему известна в прохоровской редакции, и лишь незадолго до записи он внес изменения. Таким образом, для этого сказителя былина не является чем-то раз и навсегда сложившимся, для него не обязательно только запоминать текст и передавать в том же виде. Перенимаемый им из устной традиции материал он компонует по-своему.

Исполняя былины, Кигачев в отличие от Пашковой и Фофанова спешит, иногда даже путает имена, содержание; ему надоедает монотонно тянуть каждый стих, кажется скучным, ненужным. При первом знакомстве он заявил, что петь не умеет, но однажды, когда мы были в Тубозере, нам удалось услышать, как Кигачев пел былину, возвращаясь на лодке после рыбной ловли домой. Впечатление было самое необычное: за озером угасал закат, все окружающее приняло какие-то причудливые сказочные формы, лодочник грустно, протяжно пел что-то о стольном городе Киеве. Терялось представление о времени, невольно возникал вопрос: в каком веке мы живем, не из града ли Китежа этот лодочник? Но вот лодка приблизилась к берегу, певец умолк. Как ни странно, он категорически отказался повторить только что спетую былину. Правда, тогда еще Кигачев вообще сторонился приезжих и с неохотой исполнял былины. Потом удалось установить, что он не имеет постоянного напева, каждый раз подбирает новый мотив и, вообще, поет очень редко, обычно сказывает былины. Однажды он заметил: «Скучно

тянуть былину, лучше рассказать». Но и рассказывая, он торопится поскорее передать содержание, поэтому некоторые из его вариантов довольно прозаичны. Прозаичны и некоторые из его былин, посвященных нашей современности. Основным их недостатком является точное следование за фактами, отсутствие творческого вымысла, образности. Более всего это относится к былине «О бойце Зырянове». Здесь он добросовестно излагает былинным стихом слово в слово все, что прочел в газетной заметке. Следующая его былина «О Кирове»[1] уже более удачна. Интересно передана поездка товарища Кирова для организации обороны Астрахани; эпизод спасения оружия со дна Волги имеет легендарный характер. Сказитель удачно использовал этот эпизод, рассказав, как С. М. Киров в водолазном костюме спустился на дно Волги. Сборы в дорогу, сцена битвы с врагами рассказана в духе старых былин. Но все же чувствуется боязнь оторваться от фактов, стремление изложить былинным стихом лишь то, что успел прочитать о Кирове. Боязнь дать самостоятельное художественное произведение чувствуется и в былине «Разгром Деникина», в которой он рассказывает о стратегическом плане товарища Сталина и победе над Деникиным, осуществленной частями Красной Армии. Но в каждой новой былине чувствуется творческий рост Кигачева; он быстро понимает свои недостатки и стремится преодолевать их. Своего рода документальность новых произведений Кигачева объясняется также и тем, что он не любит их, как говорит Пашкова, «раскрашивать». Так, однажды при нем пришлось прочесть ряд отрывков из былин-сказаний, составленных М. С. Крюковой. Кигачев постоянно перебивал чтение, заявляя: «здесь плачи, тут духовный стих» и т. д. В конце концов он пришел к выводу, что это — вовсе и не былины. Сам Кигачев ограничивает себя определенными образами и художественными средствами, черпая их, в основном, из традиционных былин. Он старается углубить их, переосмыслить, и если это ему не удается, то предпочитает следовать за фактами.

Менее яркой и своеобразной фигурой по сравнению с указанными носителями эпоса является Фадеева, — хотя по репертуару и по качеству некоторых текстов она тоже принадлежит к числу наиболее значительных сказителей современного Пудожья. Впрочем, о Фадеевой мы располагаем далеко еще не полными данными. Постоянно занятая в колхозе или в семье, она не смогла уделить достаточно времени даже тогда, когда к ней приезжал собиратель, а в Петрозаводск, несмотря на неоднократные приглашения, так и не приехала. Семья Фадеевых вообще очень интересна, мы имеем сведения, что и муж Анастасии Леонтьевны знает былины, но записать их не удалось. В будущем предстоит большая работа по записи былин от Фадеевых; в настоящем сборнике для знакомства с новыми материалами и для общей картины эпической традиции в Пудожье даем тексты, которыми располагаем.

[1] См. «Киров в народном творчестве». Петрозаводск 1939 г., стр. 30.

Среди текстов Фадеевой выделяются три варианта с одинаковым заглавием «Про Добрыню». Для сказителей обычно не имеет никакого значения заглавие былины; они называют их совершенно произвольно и очень часто только именем главного героя (Про Илью, Про Алешу Поповича и т. п.). Так и в данном случае, но, как показывает сравнение текстов, эти варианты восходят в основном к былине заонежского сказителя П. Л. Калинина, у которого ряд сюжетов о Добрыне связан в одно повествование. Правда, они легко распадаются на отдельные варианты, но даны были сказителем как непрерывное повествование. Интересно, что Фадеева выделяет сюжет женитьбы Добрыни в самостоятельную былину, тогда как обычно он встречается в контаминации с другими. Все три варианта в той или иной степени обнаруживают очевидную связь не только с былинами Калинина, но и А. Е. Чукова и И. А. Касьянова. Все это говорит о зависимости Фадеевой от определенной традиции, свидетельствует о стойкости последней. Былина про Илью Муромца и Соловья-разбойника, довольно близкая к варианту пудожского сказителя А. П. Сорокина, также дает возможность говорить о верности сказительницы местным традициям. Повидимому, Фадеева принадлежит к тем исполнителям, которые стремятся к точному усвоению и сохранению редакций былин, служивших непосредственным источником их знаний. В этом отношении ее варианты представляют интерес, т. к. помогают уяснить некоторые характерные черты местных обработок. Вместе с тем Фадеева, несомненно, обладает художественным чутьем и вкусом, что видно из удачного воспроизведения ею традиционных композиций и поэтических формул [1].

Из менее крупных сказителей Пудожья, которые дали всего от одной до трех былин, выделяются Н. Е. Родин и Е. И. Дмитриев: последний, впрочем, более интересен как сказочник.

Н. Е. Родин, вероятно, знал в свое время не мало былин, но теперь это дряхлый старец, ему около ста лет. Исполняет былины он уже с трудом, да и память стала слаба. Но он сохранил до нас очень редкую былину «Про Суровца богатыря». Это первый и пока единственный вариант из Онежского края. К сожалению, не удалось выяснить условия усвоения Родиным данного сюжета, что лишает возможности пока говорить о принадлежности и этой былины к северной традиции. Текст Родина уступает наиболее полным вариантам, известным по сборнику Киреевского, что объясняется, очевидно, тем, что по старости сказитель стал забывать свои былины. От Родина записан единственный в настоящем сборнике вариант былины «Царь Соломан и Василий Окулович». Былина эта во-

[1] Художественные недостатки некоторых ее текстов («Дюк», «Ставер», «Добрыня и Алеша»), возможно, обусловлены указанными выше неблагоприятными условиями записи (постоянной спешкой сказительницы, от которой записывались тексты мимоходом, на лету). Поэтому в будущем предстоит работа по проверке имеющихся записей и по более длительным наблюдениям над Фадеевой как исполнительницей.

обще распространена, но в Пудожском крае она нам больше не встретилась. Родин дает ее, в основном, в сорокинской редакции.

Другой сказитель—Е. И. Дмитриев уже умер. Его можно было бы сопоставить с Ремизовым в том отношении, что оба они мастера и любители сказок. Но если Ремизов наряду со сказками знает немало былин, то для Дмитриева, сказочника-профессионала, они не представляли большого интереса. Зато в сказках, судя по впечатлениям слушателей, он достиг удивительной виртуозности и мастерства. Говорят, что очень интересны были его присказки и концовки, т. к. Дмитриев, учитывая каждый раз аудиторию, постоянно острил по поводу слушателей. Кроме того, у него был большой запас формул, выражающих осуждение тем, кто плохо слушал, и похвалу — внимательным слушателям. И, наконец, если сказка выражала определенную тенденцию, он старался «применить ее к жизни». Исполняя былины, Дмитриев каждый раз изменяет текст. Ему как сказочнику казалось совершенно не обязательным запоминать в строгой последовательности все эпизоды, требующие к тому же определенного словесного оформления, ритма и т. п. В сказках же можно, по выражению Ремизова, «лепить» как угодно.

Несомненный интерес представляет сказитель П. Н. Журавлев. Единственная былина, которую удалось от него записать, с ее выразительными задушевными образами свидетельствует о несомненном поэтическом даровании исполнителя. Но с Журавлевым еще необходимо провести дополнительную работу. По имеющимся у нас сведениям, его знания в области эпоса не ограничиваются только одной былиной.

Варианты от остальных исполнителей нередко отрывочны и схематичны. Д. А. Шпагина и С. Я. Егорова, очевидно, знали когда-то не по одной былине, но забыли. Первая — потому, что состарилась и память стала ей изменять. Жизнь ее сложилась исключительно неблагоприятно. Единственный ее сын, кормилец, имеет свою семью и на содержание матери у него не всегда хватает средств. Учитывая это обстоятельство, Институт начал оказывать регулярную помощь Д. А. Шпагиной.

Вторая, С. Я. Егорова, обременена семьей; она отдала много сил на воспитание детей, которые часто болели, так что не все из них остались в живых. Как и Фадеева, она очень много времени и сил уделяет производственной работе. А исполнение былин требует, как известно, не говоря уж об определенных наклонностях, соответствующих условий. Этого недостает и другой сказительнице Е. А. Кокуновой. Она довольно талантлива, зарекомендовала себя как составительница нескольких плачей-сказов о безвременно погибших героях арктических перелетов, о Чкалове и других. Но исполнение былин ей не дается, у нее иные художественные вкусы. Она знает одну былину, случайно, поскольку вообще является носительницей фольклора.

От М. А. Павкова и И. Ф. Мишкина записано по одному ва-

рианту редкой былины о Сухмане. Герой ее, сражающийся с врагами за родину, принадлежит к числу наиболее близких для народа эпических образов. Мишкин помнит еще одну былину об Илье Муромце и сыне, знал раньше, вероятно, и больше былин, но, подобно Кигачеву, вычитал их из книги.

М. А. Павков — ученик знаменитого певца Г. А. Якушева. Сложись по-иному жизнь Павкова, и перед нами был бы выдающийся сказитель. Павков был близко знаком с Якушевым, работал с ним на заготовке леса и, по его словам, знал в то время все былины Якушева. Это было в 1911 г., а в 1914 — Павков попал на фронт, был много лет в плену, жил за границей, а по возвращении на родину ему было не до былин. Пережитые годы оставили неизгладимый след в его жизни, хотя и мало отразились на внешности. Высокого роста, плечистый, с черными подстриженными под скобку волосами, он чем-то напоминает Емельяна Пугачева, как его рисуют обычно на портретах. Есть что-то своеобразное, красивое, внутренне сильное в облике этого человека.

Павков, Мишкин, как и другие певцы былин, не говоря уже о таких выдающихся мастерах былевого эпоса, как Пашкова, Фофанов, заслуживают глубокого и тщательного изучения. В настоящей статье мы стремились оттенить некоторые характерные черты художественного дарования отдельных сказителей и передать ряд впечатлений и сведений, полученных во время встреч с ними. Чем больше данных о каждом певце былин, тем яснее представляется состояние былевой традиции. Творческое лицо сказителей, их художественные вкусы, особенности исполнения представляют огромный интерес.

Наши сказители, начиная от Пашковой, давшей ряд прекрасных текстов, кончая Павковым, сохранившим в своей памяти хотя и одну, но редкую былину о Сухмане, являются достойными последователями предшествующего поколения певцов.

Если и встречаются слабые и неполноценные тексты, то таких — единицы, и записаны они главным образом от тех сказителей, для которых былины или не представляли никогда особенного интереса, или забыты ими по старости, по болезни и т. п. Изменение редакций былин, отмеченное своеобразие вариантов у многих сказителей часто выражаются в обогащении былин новыми мотивами и эпизодами Былины Пашковой, Фофанова, Ремизова, Кигачева говорят о большой творческой работе этих сказителей над рядом интересующих их сюжетов. Знакомясь с былинами, следует учитывать художественные вкусы сказителей и особенности исполнения. Найдя у Фофанова сравнительно слабые варианты былин «О Чуриле и неверной жене» или «О Потыке», отнюдь не следует делать заключения, что этот сказитель начинает забывать былины или теряет к ним интерес. Это говорит лишь о том, что сказителя не интересуют данные сюжеты. Стоит познакомиться с его былиной о Ермаке, об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — и Фофанов предстанет в ином свете. Наоборот, у Пашковой прекрасно разработаны

сюжеты Чурилы и Потыка, среди же героических былин особо ярких вариантов нет.

Каждый сказитель — прежде всего художник, своего рода артист или поэт (а часто и то и другое) с определенными художественными вкусами, и нельзя от него требовать механического воспроизведения всего, что ему приходилось слышать. Даже тогда, когда он учится петь былины, то запоминает прежде всего те, которые отвечают его художественным вкусам.

В кратком обзоре деятельности собирателей в дореволюционные годы мы приводим их впечатления, свидетельствующие о богатстве былевой традиции Пудожского края. Об этом же говорят и данные экспедиции Государственной Академии Художественных наук 1926—1928 гг.

Наши записи сделаны десять лет спустя. За эти годы много изменилось в деревне и, вообще, в стране. Произошел «глубочайший революционный переворот..., равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»[1]. Несравненно на более высокий уровень поднялась общая культура деревни, произошли глубочайшие изменения в самой психологии крестьянства. Именно в эти и последующие годы возникает советский эпос, наблюдается подъем народного творчества, к нему приковывается всеобщее внимание. Звание сказителя становится почетным, певцы былин начинают сознавать свою роль в общем процессе развития культуры в стране.

Наши наблюдения и данные, полученные во время пребывания в районе, отнюдь не свидетельствуют об исчезновении былевого эпоса. Собранный и публикуемый материал показывает, что героические и легендарно-фантастические былины пользуются не меньшей популярностью, чем романические новеллы, и значительно большей, чем былины-баллады. Такие сюжеты, как «Василий и Софья», «Братья-разбойники и сестра», нам встретились в единичных вариантах и только у сказителей-женщин. Таким образом, они так же, как и былины-новеллы семейно-бытового и романтического характера, не составляют основного репертуара сказителей, как это отмечал один из руководителей экспедиции ГАХН Ю. М. Соколов в отношении Заонежья и др. районов[2]. Но самое интересное и яркое явление, которое мы наблюдали в современной художественной жизни, — это возникновение на основе поэтики старинных героических былин нового советского эпоса. Трудно еще судить, какие формы он примет в дальнейшем и какими путями пойдет развитие эпоса вообще. Выводы были бы преждевременными. Во всяком случае Пудожский край, несомненно, будет еще долго являться одним из основных очагов былевой поэзии.

Г. Парилова и *А. Соймонов.*

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, 1938 г., стр. 291.

[2] Юрий Соколов, По следам Рыбникова и Гильфердинга, Художественный фольклор, М. 1927 г., 2—3, стр. 32—33; A la recherche des bylines (Revue des études slaves, t. XII, Paris 1932, p. 207—208).

О ЯЗЫКЕ БЫЛИН

Настоящая статья ставит своей задачей дать языковый комментарий к былинам, помещенным в сборнике, представить общую диалектологическую характеристику той местности, где записаны былины, и указать, какое значение имеет изучение говоров в вопросе изучения былин.

Вопрос о былинах чрезвычайно большой и сложный вопрос, сплетающийся из разных моментов. Тут и вековое бытование былин с довольно заметным оживлением былинной традиции в наше время; богатое содержание былин, где еще не решено, что является в них достоверно историческим; взаимоотношение былин с фольклором других народностей, главным образом, финно-угорских, а в связи с этим и происхождение былин; форма и язык былин; наконец, в чем пафос былин, почему былины до сих пор захватывают как слушателей, так и читателей их? Вот те проблемы, которые встают перед исследователем былин и которые не получили еще достаточно исчерпывающего освещения.

Исследованию былин было посвящено значительное число работ, иногда очень солидных по объему и весьма интересных по своему содержанию. Эти работы падают главным образом на 2-ю половину прошлого века; по своим методологическим установкам они уже устарели, не дав удовлетворительного разрешения вопроса.

Сейчас при заметном оживлении былинной традиции, при той актуальности, какую приобрел фольклор в наше время, чувствуется настоятельная потребность продолжить эти исследования, использовав все, что мы имеем в этой области, в корне изменив методологию исследования.

Для плодотворного исследования мы располагаем исключительно богатым материалом и, что особенно важно, совершенно новой методологией исследовательской работы в этой области.

Большое, а иногда и решающее значение для изучения фольклора вообще, и в частности былин, играет язык этих произведений. И это естественно: язык наиболее устойчив в отдельных своих элементах; он иногда хранит следы очень древнего состояния, по которым можно судить о происхождении и судьбах данного произведения, а также о судьбах народа, создавшего его.

Данная статья является попыткой показать, с какой стороны могут быть использованы языковые особенности былин в решении вопросов, связанных с былинами.

Здесь прежде всего надо решить вопрос о специфичности языка былин. Существует мнение, что язык былин это какой-то особый язык, который никак нельзя ставить рядом с обыденным языком местного населения, что отличие его в сохранении архаизмов, в наличии слов и выражений, не свойственных обыденному языку. Но это не совсем верно. Наблюдения показывают, что все, что мы имеем в былинах, встречается и в обыденной разговорной речи местного населения. Все новшества, которые проникают в разговорный язык, проникают и в былины; все то, что умирает в разговорном языке, умирает и в былине. Существенное отличие языка былин от разговорного языка в том, что это язык художественного произведения, построение которого и характер исполнения обусловливают формальные особенности, не являющиеся особенностями данного диалекта. Поэтому, разбирая язык былин и оставив в стороне былинные приемы, мы в сущности разбираем местный диалект.

Прежде чем приступить к изложению материала, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

1. Во всех случаях, когда фиксируется та или иная особенность говора, это не значит, что данная особенность наблюдается последовательно. Такое положение едва ли существует. Как показал многократный опыт наблюдений, даже у одного и того же представителя отмечаются колебания в языке: местные особенности говора уступают место в отдельных случаях литературному произношению. Это мы видим и в былинах данного сборника.

2. Записи данных былин производились разными лицами, и естественно, не все одинаково точно и последовательно улавливали диалектизмы и передавали их в своих записях. Поэтому некоторые особенности не могли быть использованы для данной статьи; в статье излагается наиболее характерное, что уловлено всеми записывавшими былины. Все это проверено по материалам, собранным здесь же в результате неоднократных наблюдений говоров одновременно с записью былин.

В сборнике помещены былины Пудожского района, в основном, западной части его узкой прибрежной полосы Онежского озера. Говор Пудожского района довольно однообразный. Но в западной части очень заметны черты говоров Заонежского района, с которым граничит здесь Пудожский район. На самом севере и северо-востоке района довольно заметны черты говоров, идущих отсюда до Белого моря.

Включенные в данный сборник сказители представляют обе эти группы говоров: первая группа — с чертами заонежского говора, вторая — с чертами беломорского говора. Наиболее яркими представителями I группы, т. е. группы с чертами говоров Заонежского района, являются Ремизов, Пашкова, Кигачев. Ярким представите-

лем II группы, т. е. группы с чертами беломорских говоров, является Фофанов и, частично, Журавлев. Первая группа представлена большим числом сказителей и большим количеством былин.

Материал, приводимый ниже, располагается по традиционной схеме: фонетика, морфология, синтаксис, лексика и в приложении дается словарь местных слов.

ФОНЕТИКА

Говор всех сказителей данного сборника в основном окающий, но характер оканья неодинаковый; у ряда сказителей оканье более последовательное и четкое, у других — менее заметное. И это соответствует распределению данного явления в пределах Карело-Финской республики. Как не раз уже отмечалось, в известной части ее, главным образом в Заонежском районе, явление оканья своеобразно. Оканье здесь очень умеренное, и наряду с оканьем наблюдаются явления аканья и иканья.

Из всех сказителей выделяется по характеру оканья Фофанов, представитель II группы. У него оканье более последовательное и встречается в таких положениях, где у представителей первой группы (Ремизов, Пашкова) оно не отмечалось или отмечалось очень редко. Фофанов принадлежит по говору к другой языковой группе — к беломорской (поморской), что подтверждается, как увидим ниже, целым рядом других языковых особенностей. К этой группе приближаются: Журавлев и, меньше, — Фадеева и Родин.

1. ОКАНЬЕ

Ремизов: Олёшенька, Опраксеюшка, но и Апраксии.

Пашкова: ростряхивает, розыскал, росхлыстал, орестанское, в робячесве, Опраксия (чаще Апраксия), Олёшенька.

Фофанов: роздёрнул, Киёв-град, с Киёва, по Киёву, киёвский, се́рёбра, от бе́рёжка до бе́рёжка, белока́менны, лазурёвы; ёму, ёго, моёго, помёрла, принёсу, схлёстал, лёжа (3 л. мн. ч.), вёла, собёрал (и соберал), забёрали, вылётал, сёдло, по рёбра́м, из сёла, сёстру, к рубёжам; за славноё, за синё морё, долгомерноё, поганоё, тело белоё, дело нехорошоё, на чисто полё; Олёшенька, Олёшке, Офимья Олександровна.

У него же наблюдается произношение: 1. Владимёр, Владимёру, ко Владимёру, от Владимёра, в то время как у представителей I группы встречаем или Владимер или Владимир.

2. Васи́льёвич, Ми́триёвича, ма́тёрью, ма́тёри, племёни, тёбя, в сёми (в семи), со сёми дубов, за синёё морюшко.

Журавлев: розыгрывать, ёму, тёкла, не дёржаны, на бесёдушку, во чи́сто полё (но и: в чисто́ поле); Олёксандровна, Олёшеньки.

У него же встречаются: смелай бабей ты насмешник; жалашь ли ты; ядиной рукой.

Родин: Офимья.

2. ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И *Ц*

Ремизов: жону, жоной, жоначесьво, пошопчимси, вецор, прощеньицо, благословеньицо, разрешеньицо, одияльцо, платьицо.

Пашкова: жона, ка́мешок, ма́мушок, ня́нюшок, служа́ночок, в рукомойничок, нашо дело, на подворьицо, на задворьицо, на болотцо, платьицо, пированьицо.

Фофанов: жона, жоны, жону, жоной, разбойничок, служаночок, змеинищо, горынищо, прямоезжою, ключовой воды, должон.

У него же: жолеза, рубашочки, манишочки, во конюшоньку, девичой, прямоезжою.

Журавлев: жона, жоны, жону, из семи шолков, прошеньицо, благословеньицо.

3. ЯВЛЕНИЕ ИКАНЬЯ

Иканье не очень распространенное явление и одинаково наблюдается у всех сказителей в следующих случаях: пьяниньки, теперь, ищё, прикрасивую, дорожиньку, побольши, тисовые, со чисна́ пиру́

4. *Е* ВМЕСТО *И*

Наблюдается довольно последовательно и равномерно у всех сказителей в следующих случаях: во гредню, на перу, во серочесве, серотами, к перованьицу, выберай, выберают, заберай, соберал, собералоси, собералися, соберать, выскочел, принаскочел, перескочел, потерать.

5. СУДЬБА СТАРОГО *Ѣ*

Здесь также наблюдается довольно однообразная картина. У всех сказителей старый звук *Ѣ* дает большей частью И, что говорит за то, что *Ѣ* был более или менее закрытый звук. Это мы имеем в следующих положениях.

а. В середине и в начале слов в ударном положении: всим, всих, совсим, по всим; ми́сяца, зви́рю, ди́тоцьки, по си́ням, по си́нецькам, на си́мена, висть (весть), от си́вера, три ми́сяца, во сви́тлу сви́тлицу, лис, ми́ста, у ри́чки, в ри́чки, ри́ки, ри́ченька, пли́сень; виков и́цное, в би́ленькой; прои́здил, съи́здил, и́здел, и́дь (поезжай), и́хал, и́дет (едет), и́здем, и́здют, съи́сь (съесть), и́л (ел), и́ш-ка (ешь-ка), не сми́йся, смотри́ть, не верти́лисе, оди́ть, нади́ялись, пови́рим, общи́нивать, гляди́ть, погляди́ть, огляди́лисе си́сть, ви́рить.

б. В середине слова в предударном положении перед мягким слогом: мистецько, рики, одияльцо, общинить, смини.

в. В окончаниях дат.-местн. ед. ч. имен и местоимений и в некоторых наречиях: к Ильи, теби, ко мни, к матушки, по охвотушки, по похваточки, по посадочки, соби,

к тоби; на лавоцьки, на земли, в спальни, во реки, по реки, во двори, на двори, на кони, на реки, в письми, на конюшни, в шатри, в столби, в поли, на правой руки, в озири, в морюшки, на самом дни (дно), во росушки, в рубашечки, на лавочки, на лежаночки, на стопочки, на бороздоцьки; вси, гди, везди.

г. В прочих положениях: заповидь, виковицьное, увидил, за лиса.

У Фофанова наблюдается произношение: либедь, либедя, двирь, придвирникамы, тритья, т. е. И вместо Е в ударяемом положении перед палатальным слогом.

6. ЦОКАНЬЕ

Это одна из основных особенностей, которая позволяет разбивать сказителей на две указанные выше группы. Первая группа (Ремизов, Пашкова и др.) цокает, т. е. Ч произносит как Ц мягкое, но не изменяет произношения Ц. Вторая группа (Фофанов, отчасти Журавлев и др.) чокает, т. е. произносит Ц как Ч, не меняя произношения Ч. Эти особенности проведены довольно последовательно и четко у всех сказителей, хотя встречаются незначительные отступления.

а) Цоканье.

Ремизов: крицят, цяру, приуцяй, по вецеру, на лавоцки, цистил, три цяса, на плецо, нацистил, руценьки, сейцяс, цистенько, нацялось, сутоцьки, дитоцьки, крицят, Микулицьна, времецько, хоцю, поцему, переулоцек, цюдо цюдное, отвецял, цим, скрицяла об цём, расписоцьку, цяшу, царевицей.

Пашкова: обруци, боцьки, ноць, королевицей, по крылецьку, с кирпицней пеценьки, лавоцьки, старицёк, цервленый, прицялили, достатоцьно.

Фофанов: Микулицьна, Никитицьна, стрелоцьки, трубоцьку, костоцьки, кирпицьной, востоцьную.

Журавлев: Микулицьну, Микитиниць, Поповиць, цяру, обруцяльный, проць.

б) Чоканье.

Фофанов: молодечь, паличу, паличей, до чарьства, красной девичой, девичу, девичи, отчом-матерью, отча, к кольчу, с конча, кончом, черквы, солнче, улича, окольничи Муромчу, во кузьничу, в три месече, Муромечь, молодечькая, во светличу, заячь, цветоцьки, борча, человал, не челуй.

Журавлев: пшеничи, окольничи, к кольчу, платьича, княженечкоей.

Родин: улича.

У Фофанова почти сплошь чоканье, лишь в единичных случаях встречается цоканье. У Журавлева и Родина цоканье и чоканье наблюдаются равномерно. У Ремизова и Пашковой чоканье совсем не отмечено.

7. *У* НЕСЛОГОВОЕ (ў) ВМЕСТО *Л*

Отмечено в говоре Ремизова и Пашковой и совершенно не наблюдается в говоре второй группы. Эта черта заонежских говоров, и она не встречается в более северных беломорских говорах.

Ремизов: проснуўся, ехаў, скочиў, отвернуўся, рассердиўся, вернуўся, прибиў, повернуўся, собераўся, стаў, разъехаўся, остаўся, махнуў, биўся, повытащиў, колотиў, пробиўся, проснуўся, простиўся.

Пашкова: соскучиўся, помолиўся, призадумаўся, закручиниўся, запечалиўся, явиўся, рассердиўся, поладиуся, возрадоваўся, послушаўся.

8. *Г* ВМЕСТО *j*

Эта особенность также отмечена только у представителей первой группы, а именно: у Ремизова, Пашковой и Кигачева.

Ремизов: гим, гих, об гих, с гим, у гих, с гима, загидь-ко, сгиздите, гидет, погиду, гидьте, соловгиного.

Пашкова: с гима, гим, с гих.

Кигачев: Святославгович, Гургевец (Юрьевец).

Встречается последовательно у Ремизова и Пашковой. Во второй группе не наблюдалось.

9. *ЖД* ВМЕСТО *ЖЖ*

Ремизов: приеждял, поеждял, приеждяет, поеждяет, наеждял, прямоеждяя, прямоеждею.

Пашкова: приеждяет, подъеждяет, заеждяй, наеждяет, ежднвал, выеждял, заеждии, прямоеждею, малоеждено.

МОРФОЛОГИЯ

В области морфологии наиболее четко и последовательно выступают особенности, характерные для говора сказителей. Здесь так же, как и в области фонетики, по некоторым особенностям намечаются две группы говоров, в соответствии с тем, что мы имели в фонетике.

Наибольшее число особенностей дают падежные окончания. Поэтому с них и начнем обзор материала.

Так дат.-местн. пп. ед. ч. имен жен. и муж. р. на А имеют окончания Ы, И, т. е. окончания, совпадающие с окончаниями род. п.

1. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕД. Ч.

Ремизов: не было тут птицы пролетища и зверю пробежища; говорил он стрелы таково слово; Непры в грудь; по воды; по Москвы; страшно стало царицы: царицы вси в пояс кланялись; по этой ли росы.

Пашкова: к Чурилы; к хоромины; говорит женщины, дружины; своей работы удивляется; по полаты; говорит племянницы;

ко чесной вдовы; ко Натальи Тимофеевны; к палаты; всякой женщины не кланяйтесь, говорит скоморошины.

Фофанов: ко всей палаты; молодой жоны наказывал; пойду к жоны; говорил княгины ён; ко левой стремяны; к палаты; ко Вельмы, говорила Вельмы, по коровы.

Журавлев: не дивую я молодой жоны.

Другие: ко той ко ямы; по границы; ко силы; посылал он молодой жены; по тугой горы.

2. МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

Ремизов: на войны; на лавоцьки; на поры-то на вечерней; на головы; в этой цяри; во первой-то вины; во славной во Москвы; волоса на головы; женится на Забавы; на племянницы; об войны: на улицы.

Пашкова: в палаты; на воды; во росы; на той горы; на девицы.

Фофанов: во ковыль-травы; на этой заставы.

Журавлев: в своей стороны; на свадьбы; на ужины (им. п. ужина).

Другие: в хороброй Литвы; на молодой Забавы; в палаты.

Явление это одинаково распространено в обеих группах говоров.

3. РОД. ЕД. Ч. МУЖ. РОДА

У всех сказителей распространенным является окончание —У: улову нет, доходу нет; три году; без докладу; не слышу запаху; без допросу; ответу нет; от угару; от свисту; от шипу; от крику; меду чарочку; без поясу; какого роду; от того удару; три часу; с дому; со чисна пиру.

4. ДОВОЛЬНО ЧАСТО ВСТРЕЧАЕТСЯ ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕН ОДУШЕВЛЕННЫХ НА *-О*

Ильюшенко, Чурилушко, Добрынюшко, Михайлушко, дядюшко, батюшко, сынушко, поварёнко, горносталюшко. Род. — вин. п. ед. ч. этих имен имеют окончание — А: дожидались Добрынюшка; видел я Добрынюшка; везет вашего батюшка; нашего батюшка; попроси-ко ты кресного батюшка; у сынушка; берет Бурушка; полагает на Бурушка уздечку-ту.

5. ДАТЕЛЬНЫЙ — МЕСТНЫЙ ПАДЕЖИ ЕД. Ч. ИМЕН МУЖ. РОДА ИМЕЮТ ОКОНЧАНИЕ *-У*

Во Киеву; на этом Дюку на Степанову; на белом свету; в том греху; на поводку; к Добрынюшку.

Встречается один случай такого же окончания в ср. роде: в нашем на Ильмень-озеру.

6. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МН. Ч.

Здесь, за редким исключением, имеем окончания имен существит. на МЫ, а прилагательных на МА. Местоимения имеют те же окончания.

Ремизов: с кореньямы; пряжкамы золочеными; как которыма дорожкамы ехать тут; с има; за столамы; у нас крестамы поменялось; ремешкамы шелковыма; за дверямы за крепкима; за тымя ли замочкамы тяжелыма; со пьяныма; с руськама богатырями; за столами за дубовыма; а сильныма могучима богатырьми; с тыма; за тыма; как за твоима еще кушаньямы медовыма; со многима; со всема гостямы; с пригородкамы, с приселкамы; клиньямы дубовыма своима окомелкамы; ногамы; морьскимы зверямы; каменьямы драгоценныма; платьямы; онуцямы; куцямы; которыма дорожкамы; рядоцькамы. Но: не мог шевелить рукам, ни ногам (один случай).

Пашкова: за тема столамы за дубовыма; над красныма девушкамы; со своима да со товарищамы; со своима князьями да боярамы; желтыма кудеркамы; золочеными перснямы; горючима слезамы; товарамы разныма; обема рукам; булатныма палицамы; конямы; ясьвамы сахарныма; напиточкамы медвяныма; винамы, медамы да стоялыма; с товарамы, жеребьямы; игрушкамы; над намы; с има.

Фофанов: с нянькамы да со служанкамы; за столамы за дубовыма; с пригородкамы; с приселкамы; за има.

Другие: со кореньямы; с переулкамы; площадкамы; маковыма листочкамы; городамы с пригородкамы, селамы с приселкамы; не годочкамы, денечкамы, часочкамы; серотамы; за широкима рекамы; за чистыма полямы; за зеленыма лугамы; с посыльникамы; с рассыльникамы; евствама сахарнима; под тыма под горами под высокима; руцькамы белыма; ножкамы резвыма; с намы; с има со всема.

Особенности в падежных окончаниях встречаются одинаково у всех сказителей.

7. ОСОБЕННОСТИ В УПОТРЕБЛЕНИИ РОДА И ЧИСЛА

Слово «ужин» в языке сказителей — женского рода: Приходил на ужину, а ужина у их там во всю велась; пригласите на ужину; придешь ли к нам на ужину; на ужины (местн. п.).

Слово «музыка» может иметь форму мн. ч.: все музыки веселые.

Чрезвычайно много особенностей встречается в местоимениях. И здесь обе группы говоров не имеют существенных различий. Правда, есть некоторые расхождения, например, в первой группе довольно часто произношение ён, ёна и т. д., во второй же группе такое произношение очень редко.

1. 3-е лицо имеет формы: ён, ёна, ёно, ёны, (но не ёне, при оне и оны), которые встречаются довольно часто, особенно в первой группе говоров. 3-е лицо мн. ч. имеет несколько форм: ёны, оне, они, оны. При этом форма оны, можно думать, является более архаичной; она встречается у лиц, говор которых наиболее архаичен по ряду других особенностей.

2. Часто встречаются формы: ты (те), под тым, этым, во тых, за тымя, на тых, за эты, до тых, к тым, на тым. Сравни также: одны, оны.

3. Так же часто наблюдаются формы: тые (те), во тыи, во теи, за тыи, тоё, под тоё, этое, с тыим, тую, тая, тее (те).

Или: к егонной матушки, ейных слов, дом ихней, ейной перстень, к ейной.

4. Отсутствует согласный перед начальным гласным: у его, у ей, с ей, у их, с има, за ей, за има, в ём, на ём, с им, к им.

5. Довольно распространены энклитические формы: у тя, спасибо те, что ти пожаловать, убил бы я тя.

6. Встречается форма вин. п. ед. ч. жен. р. Ю (ее): человал ю.

ОСОБЕННОСТИ В ГЛАГОЛАХ.

1. Довольно часто у всех сказителей встречается форма инфинитива на ТИ без ударения: перефорсовати, слушати, окровавити, покушати, порушати, сосватати, пообедати, похвастати, приотъехати, хлопати, повыпити, доехати, пахати, повыдернути, повытряхнути, поделати; сравни также: течи́, легчи́.

Во 2-м л. ед. ч.: не даши.

2. Глагол *быть* в 3-м л. наст. вр. (функционально относясь к разным лицам) встречается в разных формах: есть, естя, есте: естя я из матушки Расиюшки; а естя я из города из Галича; у меня естя гуселышки; у меня есте да своя семья.

3. Встречаются, но не часто, формы 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. без конечного Т: буде, принимае, выпивае, скаче, рыска, махне, перемахне; лежа (лежат). Чаще чем у других эти формы встречаются у Фофанова.

4. Деепричастия употребляются главным образом в форме на -УЧИ, -ЮЧИ: сядучи, поедучи, не едаючи, не пиваючи, не даваючи, сидим скучаючись, тебя дожидаючись.

5. Довольно часто наблюдается у всех сказителей стяжение окончаний: играт, спрашиват, выведыват, безобразничат, пускат, гулят, подбрасыват, подхватыват, постреливат, поигрыват, приказыват, скидыват, надеват, встречат, подрагиват, поезживат, помахиват, приговариват, привязыват, похаживат.

То же и в прилагательных: малиновы, веща птица, мужско платьице, вековы жители, доску шахматну, втора рыбка, перва часть, друга часть, молода жена, старша дочь, красну дéвичу.

6. Очень интересный вопрос, относящийся к глаголу, это форма возвратной частицы -СЯ. Она употребляется или в виде -СИ, или в виде -СЕ. Форма -СИ характерна для первой группы, хотя здесь наблюдаются заметные колебания. Форма -СЕ характерна для второй группы: у Фофанова эта форма почти не имеет исключений, — на 131 случай употребления глаголов с частицей -СЯ имеем только 3 случая произношения -СИ: облатался, кланялся, спасаешьси, а остальные с -СЕ.

Там, где есть колебания в употреблении частиц -СЕ и -СИ, наблюдается зависимость этого от времени и наклонений глагола. Поэтому все примеры распределим по указанным категориям глагола. Некоторые примеры встречаются по нескольку раз.

Ф о ф а н о в: Настоящее время: деретсе, дерутсе, добираешьсе, домогаешьсе, забавляетсе, заклинаетсе, каютсе, кланяетсе, коритсе, молитсе, направляютсе, нарываютсе, наслаждаешьсе, подпираетсе, потыкаетсе, пробираешьсе, пробуждаетсе, пугаешьсе, собираетсе, хочетсе.

Будущее время: не дадимсе, не наиссе, не натешишьсе, не начаетсе, не начаешьсе, поборимсе, порасправлюсе, расправитсе, сворохнутсе, схолупнитсе.

Прошедшее время: валиласе, захотелосе, зашаталисе, кланялсе, не минуласе, наедалисе, напивалисе, наплясалисе, наскакалисе.

Прошедшее время: валиласе, захотелосе, зашаталисе, кланялсе, свернулсе, огляделисе, одевалсе, оглянулисе, обкольчужилсе, оправлялсе, опускалисе, осмотрелисе, отругнулсе, перекрутилисе, переоделисе, повалилисе, поворотилисе, подогнуласе, поклонилисе, помутилосе, пораздумалсе, порасхвасталисе, призадумалсе, приклониласе, притомиласе, прощалсе, разгорелосе, разъезжалисе, разлеталисе, раскипеласе, распотелосе, расходилисе, родилсе, садилисе, садилсе, свалилсе, сговорилисе, сломалисе, сломилисе, не слушалсе, смолиласе, соглашалисе, сразилисе, срослисе, схватилисе, угощалисе.

Инфинитив: боротьсе, дратьсе, женитьсе, не наспатьсе, оглядитисе, полюбоватисе, подтыкатьсе стал, поратитьсе, порасправитьсе, приоправитьсе, ратитьсе, не съезжатьсе, не сражатьсе.

Повелительное наклонение: не купайсе, пораздвинтисе.

Р е м и з о в: Настоящее время: бьетсе, валитсе, колотитсе, кручинитсе, кручинишьсе, молятсе, наедаетсе, напиваетсе, находитсе, печалишьсе, приходитсе, подаваютсе, пробиваютсе, распоряжаютсе, ратитсе, спотыкаютсе, ставитсе, сумлеваютсе, не торопитсе, улыбаютсе, усмехаютсе, хоронитсе, хочетсе.

Будущее время: женимсе, обворуетсе, переведаемсе, потопчимси.

Прошедшее время: жениласи, закручинилси, запечалилси, застояласи, здоровкалси, кланялсе, наедалиси, наелси, накушалси, напилси, находилси, отвернуласи, отправлялси, перевалиласи, побросалиси, принакушалси, принапилси, порасхвасталси, пробуждалиси, раздеваласи, разлеталоси, разгорелоси, садиласи, случиласи, смолиласи, собералоси, спугалиси, спущаласи, шепталоси, явиласи.

Не взглянулосе, закачалисе, записалисе, зашаталисе, испугалсе, кланялисе, наедалисе, напивалисе (чаще -СИ), обворовалисе, отказалисе, отправлялсе, повернуласе, поздоровалисе, поклониласе, поклонилисе, помыласе, порасхвасталисе, призабавилсе, призадумалсе, разошлисе, распростилисе, садилсе, садилисе, сложилисе, снарядиласе, снаряжалисе, случилосе, собираласе, собралисе, справлялисе, становилисе, схватилисе, укаталисе.

Инфинитив: боротьсе, женитьсе, женитисе, не на кого надеетьсе, поратитьсе, потяпатьсе, потягатьсе, пошел ратитьсе, хрястатьсе.

Пошел битьси, венцятьси.

П а ш к о в а: настоящее время: валяетсе, возвращаетсе, молитсе, надсмехаютсе, отправляютсе, подгибаютсе, поклоняютсе, прощаетсе, не сгибаютсе, спотыкаютсе, упиваютсе.

Будущее время: всполошитсе, осмелюси, не останусь, порасчитаюси.

Прошедшее время: закатилосе, затуманилсе, наедалисе, поломалисе, появилисе, разгорелосе, садилисе, явилосе.

Всколыхнулоси, догадаласи, дожидаласи, не дождаласи, дожидалиси, забавлялиси, заградилиси, закружиласи, заручилиси, застояласи, взволновалиси, наедалиси, напивалиси, наслаждалиси, не начаяласи, обозлиласи, оборвалиси, не откликаласи, переглянулиси, подкосилиси, подломилиси, покатиласи, полюбиласи, поменялиси, помутилиси, покланиласи, помолиласи, показалоси, потеряласи, потуманилиси, побилиси, поломалиси, появиласи, появилиси, постучаласи, похвалилиси, не пригодилоси, прилюбилоси, приспужалиси, принималиси, притопталиси, распростилиси, рассердиласи, расхвараласи, распрощалиси, садиласи, сбушеваласи, смутиласи, согласилиси, не случилоси, сходиласи, сходилиси, торопиласи, условилиси, удивилиси, устрашилиси, укатилиси.

Инфинитив: заритьсе, оглянутиси, побратитиси, поженитиси, покоритиси, поравнятиси, сражатиси.

Повелительное наклонение: померяйсе (2 раза), приобдумайси.

Этими примерами можно ограничиться. Примеры от других сказителей ничего дополнительного не дают; они распределяются так: меньшая часть приближается к Фофанову, большая часть к Пашковой. Ремизов по этой особенности стоит между Пашковой и Фофановым. Если у Фофанова сплошь проводится окончание — СЕ, то у Пашковой преобладает -СИ, а именно, на 114 зафиксированных случаев употребления возвратной формы имеем -СЕ — 25, -СИ — 89. У Ремизова на 164 случая -СЕ — 118, -СИ — 46.

Интересно, как распределяется эта особенность по отдельным глагольным категориям. Настоящее время у всех сказителей оканчивается на -СЕ. Будущее время: у Ремизова из 4 случаев 3 — -СЕ, 1 — -СИ; у Пашковой из 4 случаев 1 — -СЕ, 3 — -СИ. Прошедшее время: у Ремизова на 102 случая 59 — -СЕ, 43 — -СИ; у Пашковой из 84 случаев 9 — -СЕ, 75 — -СИ. Инфинитив: у Ремизова из 23 случаев 20 — -СЕ, 3 — -СИ, Пашкова из 11 случаев 1 — -СЕ, 10 — -СИ. Повелительное наклонение: Ремизов — не зафиксировано; Пашкова из 3 случаев 2 — -СЕ, 1 — -СИ.

Надо отметить, что наряду с этими формами встречаются и -СЯ (СА), причем наиболее часто у Пашковой.

Распределение этой особенности совпадает с тем делением говоров сказителей на две группы, о котором было сказано выше. Чокающему и более окающему говору второй группы свойственно исключительно окончание -СЕ (Фофанов). Цокающему говору, во многом сближающемуся с заонежскими говорами, свойственно преобладание -СИ. Яркой представительницей этого говора является Пашкова. Но у Пашковой часто является форма на -СЯ (СА). Повидимому, это — явление литературного языка. Пашкова хорошо грамотна, часто бывает в городах.

СИНТАКСИС

В области синтаксиса отмечается довольно много особенностей, но не все они так заметно выступают, как это имеет место в фонетике и в морфологии. Некоторые особенности встречаются единично. Приведем наиболее последовательно встречающиеся особенности.

БЕЗЛИЧНЫЙ ОБОРОТ ВЗАМЕН ЛИЧНОГО

Как у его было с Ильюшенкой побратанось: как у его было крестами-то поменянось. У нас крестами поменянось. Как видит, впереди его проехано. На коне-то, видит, ехано на богатырскоем. У нас с тобой крестами поменянось, у нас с тобой было побратанось. С Чурилой конями поменянось. Во хороброй Литвы ведь бывано, питья пиваны, колачики еданы. Как не узнато в ем нынечку силушки и не узната в ем как натурушка. А у того змея поганого унесено есть роду крещенского. На котором перстни было обрученось.

Что касается распределения этой особенности по намеченным нами двум группам говоров, то замечается, что эта особенность больше свойственна первой группе.

Вспомогательный глагол «быть» в форме 3-го л. ед. ч. не выпадает: А как есте у нас беда теперь спущаласи. Как это все у меня есть да налажено, как это все у меня есть да приготовлено. Мы есть мужички да из Сароги из реки. Соловей-разбойник да есть привязанный. Я не Дюковая есть матушка, а я Дюкова есть пирожница. Мы есть послы да с града Киева. Как видал я было эту шубеньку у Чурилы. А у того змея поганого унесено есть роду крещеного.

ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ЗНАЧЕНИИ ВИНИТЕЛЬНОГО

Как одить-ко ей одетка мужичья. Старина сказать да стародавняя, былина-то спеть да бывалая. А начто мни старому женитися: мни молода взять — будут люди заритсе, а мни-ка стара взять — нать на печи держать. А только надо мне-ка славушка великая.

СОБИРАТЕЛЬНОЕ ИМЯ ТРЕБУЕТ СКАЗУЕМОГО ВО МН. Ч.

Нападает на нас да погана Литва. Не поверили ему весь Киев-град.

ДЕЕПРИЧАСТНАЯ ФОРМА В ЗНАЧЕНИИ ПРОШЕДШ. ВРЕМЕНИ

Волоса его от солнца погоревши, глаза ясны у ворон да поклевавши, тело бело от косьёв да все отпавши.

НАРЕЧИЕ *МИМО* УПРАВЛЯЕТ ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Мимо этое окошечко; а ехал мимо он заставу богатырьскую. Шел мимо Киев-град.

ПРЕДЛОГ *О* В ЗНАЧЕНИИ МЕСТА

Не ложусь о стенку; как отправился о ричку о быструю.

Обращают внимание приставки, довольно часто употребляемые в конце слов: прощай-ко, заберай-ко, скажи-ко, доложите-ко, беритко, не ходи-тко, прими-тко, покажи-тко, возьми-тко, мне-ко-ва, тебе-ко-ва, туды-ко-ва, зде-ко-ва.

Замечательно весьма распространенное в языке сказителей употребление уменьшительных и ласкательных форм, когда эти формы не обусловлены смыслом: как не узнато в ём нынечку силушки, а не узната в ём как натурушка. Не было в руках да влаженьица. Один во квартирушке. По утрышку. Хвастат силушкой. Ехаў сутоцьки, сиделышко; времецько; поездоцьки; у сынушка; благословеньица; я-то в его распоряженьицы; проклал дороженьки; по охвотушки; случилосе несчастьице; а изменушки у меня да не будет-то; прямо к домичку; смини работушку; дам работушки; кроваточки; ты бери-тко платушку условную; гуселышка яровчаты; морюшко не усмириласи; выше лесушку; ко тому крылечушку переному; во полюшки; во сторонушку; конюшки у них как орлы летят; сбруюшка; на головушках шапочки турецкие; сидят гостюшки да долгожданныи; личушко; кудерышки; очушки; полотенишко камчатое; не пойду я к ней на перебивушку; мой хозяинушка; чудушко; дивушко; тут заставушки да есте великие; живи спокоюшком; писемышко; тише водушки; на помогушку; мое чадычко; волосушки на головушки; у кустушка у ракитого; телушко (тело); колечушко.

Эта особенность свойственна и разговорному языку.

ЛЕКСИКА

Все характерные особенности в лексике приведены в словаре местных слов. Отметим здесь лишь немногие своеобразные словообразования и формы слов: толстынский, широкинский, большинский в значении очень толстый, очень широкий, очень большой: дубы толстынские, карманы широкинские, книгу большинскую.

Проле́тище, пробе́жище — существительные от глаголов: пролететь, пробежать. Не было туту птицы пролетища и не было зверю пробежища.

Убитосьво, богатосьво, жонатосьво в значении: убийство, богатство, женитьба.

Выубивать — побить: выубивал всих татаровей.

Походит, поводит в значении итти, вести: тут походит как Добрынюшка в конюшенку; поводит тут Добрынюшка Бурушка.

Залюби́ть — полюбить: робят он залюбил:

Нать, нап — надо.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы в отношении говоров, представленных в данных былинах, и о значении изучения говоров, в данном случае языка определенных сказителей былин, для решения вопросов, связанных с былинами.

Как указывалось выше, четко намечаются две группы говоров. Первая наиболее значительная в количественном отношении, представлена Ремизовым, Пашковой, Кигачевым, Дмитриевым и др.; вторая, менее значительная, представлена Фофановым, Журавлевым и др. Для первой группы характерно: умеренное оканье, цоканье, возвратная частица -СИ. Для второй группы соответственно: более последовательное оканье, чоканье, возвратная частица -СЕ.

Кроме того в первой группе встречаются особенности: Г вместо j (пригехал), ЖД вместо ЖЖ, у неслоговое вместо Л (У), произношение охвота вместо охота и ряд других мелких явлений, чего нет во второй группе говоров.

По указанным особенностям говоры эти можно определить так: первая группа близко совпадает с говорами Заонежского района; в основе это те же заонежские говоры, но с менее последовательным проведением наиболее характерных их черт. Вторая группа — типичный северный говор Беломорского края, но с заметным наслоением черт заонежского говора. Такая группировка соответствует и территориальному распространению этих говоров. Первая группа — западная часть Пудожского района, тяготеющая к Заонежскому району. Вторая группа — северная часть Пудожского района, примыкающая к территории с иными говорами, говорами, которые широко распространены дальше на север. Но и у второй группы, судя по особенности говора, заметна связь с заонежскими говорами.

Особенности говора первой группы, наиболее ярко выраженные в говорах Заонежского района, заметно выделяют их из всех прочих русских говоров. Принятое определение их как говоров старых новгородцев не оправдывает себя. Ряд особенностей, довольно характерных для этих говоров, не находит никакого соответствия ни с старыми, ни с современными нам новгородскими говорами. В то же время эти черты можно определить как черты очень древнего состояния русского языка, частично наблюдаемые исследователями, как таковые, в ряде других говоров.

Представляется вполне законной постановка вопроса, что данные говоры являют собой остатки весьма древнего состояния какой-то части русского языка, ни в какой мере не обусловленного новгородскими говорами, может быть, только с позднейшими наслоениями новгородских черт. Это относится главным образом к говорам первой группы, как очень близким к заонежским говорам [1].

Замечательно то, что территория этого говора (заонежского) является в то же время территорией наиболее широкого распространения былин; былины здесь мы встречаем сейчас; записывались они и раньше именно в пределах распространения данного говора. Это в основном строго замкнутая территория Заонежского

[1] См. Ученые записки ЛГУ, 1939 г. № 33, Северно-русские говоры как материал для истории.

района, представляющая собой большой полуостров с узкими выходами в северной части. Природная замкнутость этой территории могла обусловить то, что население, занявшее эту территорию, могло легче удержаться здесь и сохранять свои особенности, не подвергаясь заметным влияниям со стороны.

И вполне возможно, что этим населением, занявшим данный полуостров, было какое-то восточно-славянское племя, которое при сложившихся здесь исторических обстоятельствах сохранило многое такое, что в других местах рассеялось под наплывом разных влияний и скрещиваний.

Территория эта со своим населением имеет до сих пор много своеобразного. Таким своеобразным, интересующим нас в данный момент являются говор и былины. Наблюдения русских говоров в пределах всей Карелии показали, что заонежский говор имеет довольно определенные границы распространения. Это в основном Заонежский район, прилегающая к нему узкая полоса западной части Пудожского района, на севере этот говор идет через Повенец по старому тракту до Морской Масельги, на юге — вокруг Петрозаводска, куда у Заонежья было исконное тяготение.

В пределах именно этой территории записывались раньше, бытуют и теперь наши былины. В других местах Карелии былины не встречались или встречались редко.

Имеются другие особенности, свойственные данной территории. Не перечисляя их, отметим, что в представлении населения остальной части Карелии Заонежский район совершенно особенный по природе, чуждый остальной части Карелии по языку и по некоторым обычаям. Язык и обычаи населения Заонежского района являются часто предметом насмешек в других районах.

Но при решении вопроса нельзя не учесть того, что среди особенностей, которые характеризуют население Заонежского района, наблюдаются особенности, говорящие о какой-то близости этого населения с финно-угорскими племенами и особенно с карелами. Это отмечалось уже давно и не одним исследователем (акад. Н. Я. Марр и ряд других исследователей с самого начала XIX в.). Но выводить эти особенности только из влияния финно-угорских племен, как это делали многие исследователи, едва ли правильно. Во-первых, здесь была бы слишком пассивной роль одной стороны и слишком активной роль другой стороны, что не находит оправдания в истории населения данного края.

Во-вторых, многим особенностям нельзя отказать в исконно-славянском происхождении, особенностям, которые в той или иной мере наблюдаются и в других районах, где трудно объяснить их финно-угорским влиянием.

Повидимому, предполагаемое славянское племя, занявшее очень рано данную территорию, жило в близкой связи с финно-угорскими племенами. Связь эта в раннюю эпоху могла быть настолько тесной, что ею можно объяснять некоторые особенности данных говоров.

Не противоречит этому и тот факт, что наши былины распространены главным образом среди населения, живущего в соседстве с финно-угорскими народами, среди которых также до наших дней распространен свой эпос. Вопрос здесь, конечно, не в том, русский ли эпос заимствован из финно-угорского или финно-угорский из русского, хотя бы и принять во внимание, что в русском и финно-угорском эпосе удается находить общих героев и общие ситуации. Вопрос, повидимому, в том, что эпос, зародившись очень рано, слагался в одинаковых условиях при тесном содружестве и общности развития данных племен. Насколько сближался эпос этих племен, едва ли удастся узнать при современном состоянии фольклористики и науки о языке. Да это пока и не существенно. Важно отметить несомненные факты близости и общности эпоса в прошлом, а следовательно, и некоторой общности культуры. Такие факты, несомненно, проглядывают в особенностях современных говоров части русского населения в Карелии, а также и в том, что самое существование эпоса здесь есть общая характерная черта и для русского и для карельского населения.

Глубокое изучение говоров как русского, так и карельского языка, не менее глубокое изучение эпоса, также русского и карельского, — в этом настоятельная потребность, выдвинутая перед нами жизнью и обусловленная данной стадией развития науки о фольклоре и науки о языке. Это изучение раскроет, наконец, все те вопросы, которые связаны с былинами и которые давно обратили на себя внимание исследователей и ждут своего разрешения.

Повидимому, большие услуги указанным наукам может оказать археология, которая за последние годы сделала много чрезвычайно интересных открытий. Правда, обнаружение археологами в пределах Карелии стоянок первобытного человека за 2—3 тысячи лет до н. э. едва ли может представлять для решения нашего вопроса практический интерес — разве только с той стороны, что Карелия была обитаемая и 2—3 тысячи лет до н. э. Но когда археологи обнаруживают в пределах данной территории или по соседству, но в одинаковых природных условиях, свайные постройки, которые относятся примерно к VIII—IX столетию до н. э. (раскопки, проводимые под руководством проф. Брюсова) — это уже факт, который должен привлечь внимание и языковеда и фольклориста. VIII—IX век до нашей эры — это почти история, во всяком случае то, что может скоро стать историей. Это уже следы непосредственных предков определенных племен, известных истории. Но открытое археологией — это еще костяки, которые нужно как-то понять и осмыслить. И вот здесь языковед и фольклорист должны притти на помощь археологу, чтобы облечь открываемые археологами костяки в плоть, заставить их говорить собственным языком.

Г. Нефедов

БЫЛИНЫ
ПУДОЖСКОГО КРАЯ

АННА МИХАЙЛОВНА ПАШКОВА

(Из автобиографии)

Родилась я в Пудожском уезде, Нигижемской волости, Подбережского общества, в деревне Ярчевой. В семье у нас были отец, две тети — старые девы и нас двое детей было. Ну, тогда учили грамоте редко, особенно нас, девушек; говорят — только письма парням писать. Ну, а я стала проситься в школу учиться грамоте. Меня приняли десяти лет, уж я взрослая была. Ученье мне далось хорошо, в две зимы я закончила сельскую школу. Был у нас учитель, учителя любили, хоть он поколачивал ребят, как не умеют уроков, а меня-то не колотил. В классе было с трёх приходов только четыре девочки, а мальчиков двадцать восемь человек. Потом поп просил, чтобы я дальше училась, и хотел устроить в епархиальное училище. Но у нас семья была маленькая и приучали дома косить, грабить да прясть. И желательно мне было учиться, да надо же родителей слушать. Как в школу ходила, так всё рукоделье носила. Во время перемен девочки рукодельничали. А как кончила ученье, так стали тут ходить гулять на вечеринки, на свадьбы. Но и работать приходилось. Рубили лес. На другу весну срубленный лес выжигали под посев, и хуже этой работы на свете нет. Как каторжные в дыму ходили. Да, как уж на ноги поднялась, так от родителей работушкой не была обижена. А одевали меня хорошо: жемчужна поднизь была (сеткой в ином месте звали), штофные сарафаны да парчевые душегрейки. Мне еще не исполнилось шестнадцати лет, как замуж сватали. Если бы тот посватал, который был мой ухажор, так может быть и вышла, а тут из чужой волости приезжали. И другие женихи сватали.

До двадцати годов я дожила девушкой. Как стало мне двадцать лет, так наша вся деревня сгорела в апреле, двадцать шестого числа по старому стилю. У меня много нарядов сгорело. В тот день на пастбище был выгнан скот первый день. А у нас ведь как скот выпускали, так свечки жгли. Одна баба ушла гнать корову, а свечку оставила зажжену перед иконой, а свечка упала,

постели загорелись, и пошло писать. Всё и пошло, ничего не осталось, одни головешки остались. После пожара пришли родственники. Я тётку встретила, причитывала ...

После мы опоселились в другой деревне, четыре семьи в одной избы; комнат-то нету, а одна изба. Летом хоть на сарае спали, в сенях, а зима пришла, так тут всем вповалку в одной избы спать. Я думала, подумала, стали сватать и пошла замуж. По наслышке слышала, что он богатее меня, а дому не видела. А старше он меня был на восемь годов. Семья была двенадцать человек: свекрова, дúверь, невестка, пять человек детей и два воспитанника, а изба одна и чёрна печь. Как затопят, так дым облаком по избы. Ну, тут я и хватанула горя. Всё плакала. Ну, а дома нельзя было жаловаться, как не спускали. И скучала я, похудела тут и забеременела к тому же.

Дома у нас Ксения, тётка, много былин знала, много песен старинных и сказок. Былины и сказки от ней много научилась. Она за станом поёт и за прялицей поёт. Стихи тоже пела. А в новой семье никто не пел ни стихов, ни былин, ничего. Деверь ко мне относился по-целовечески. Все были неграмотны, а так-то жили дружно. Двадцать пять годов прожили в одной семье. Мужики на рыбной ловле, а я земельным делом заведывала, косила, пахала и все делала, а мне помогали. Потом пошли у меня дети, частые, 14 человек было выношено; а работы-то тяжолы, всяко приходилось. На целый день уйдёшь, одних оставишь или с бабушкой. Только троих я вырастила: две дочки да один сын. Дочки здоровы росли, а с сыном много горя приняла. Двух с половиною лет сына разбило параличом, простудился. Тяжело и вспоминать. Двенадцать годов не ходил. Ездила я с ним по больницам. В 1922 году он умер.

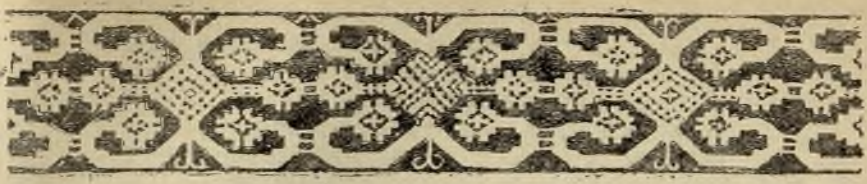
Теперь вот сижу да рассказываю, а раньше одной минуты без дела не сидела. Сейчас две козы да огород есть. По подголосицам не ходила, а причитаний много знала, как с этым горем пожила (сын-то больной был); много причитала на работы, а свадебные, тыи [1] в девушках узнала. Век-то прожить — не поле перейти. Всяки были плачи; по покойникам, по солдатам. Песни знаю, а пела мало, голос неважный. Как был бы склад да голос, так напела бы на всю волость, а то не было.

Былины знала, а не пела. Другой раз на работы так, про себя варандала. А научилась идно от тетушек, друго от Ильи Зубова. Был старик в Ярчевой, горлан такой был. Ещо коробейник был Данила, тоже пел. День ходит, а вечером мужики соберутся, и поёт. Узнала всё почти в девушках; а потом ещо Абросим Куплянский пел, слышала. Рассказывали в небольшой компании: сидишь — сидишь, да задремлешь за прялицей и начнёшь рассказывать; сказки не любила, а больше былины. Из былин больше Чурила Плёнкович нравился.

[1] Тыи — те.

Анна Михайловна Пашкова

I

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

А во том во городи во Киеви,
А у ласкового князя у Владимира
(А этот Владимир только пиры разводил.)
Столованнице да был почестен пир,
Тут столы поставлены продольнии,
И поставлены скамеечки окольнии,
И покрыты скамеечки коврами всё да персицкими;
На столах-то на продольныих
Туто много было принаставлено
Там яствушек сахарниих,
Да напиточек да медвяныих.
За тема столами за дубовыма
На скамеечках да окольныих
Всё сидели князья да бóяре,
Русские могучие богáтыри
И те поленицы удалыи.
День склоняется да ко вечеру,
А почестен пир на-весели.
Князь солнышко Владимер стольне-киевский
Распотешился да распохмелился,
Он выходит на крылечушко перёное,
Опирается да о перила точёныи,
А смотрел-глядел он во чистó поле:
Ай с под-дáлеча-далéча из чúста поля
Как идёт толпа великая,
Мужики идут всё деревенщина
Киевляне мужики да есь посацкие;
Как кафтаны на них да оборвалиси,
А сапожки у них да притоптaлиси,
А войлочные шляпы на одно ухó.
Как подходят ко двору да княженецкому,
Ко тому крылечушку перёному,

Бьют челом да низко покланяются:
— Ох ты, солнышко Владимир стольне-киевский,
Ты прими-тко нашу жалобу,
А покажи-тко нам да правдивый суд;
А мы есь мужики да из Сароги из реки,
Из Сароги из реки да годовые рыбаки.
А вы едúте, пьитé да наслаждаетесь,
Нашей незгодушки не знаете;
А у нас на Сароги на реки
Как неведомые люди появилися,
А наши неводочки повыкидали,
А наши продольнички повырвали,
А свои неводочки призакинули;
У них неводочки тонконитянны,
А тетивонки у них да из семи шелков,
У неводов-то плутивци серебрянны,
У них камешки да позолочены,
Оне рыбку сорогу повыловили,
А сигов, лососей да повы́имали,
А нам, беднякам, да тут улову нет,
Княженецкому столу да свежекýса нет,
А нам, беднякам, да нету жалованья;
Сказываются да называются
Всё дружина-то есь да Чурилова,
Того ли Чурила сына Плёнковича.
Возговорил Владимер стольне-киевский:
— Ай же вы, мужички да деревенщины,
Киевляне мужички да вы посацкие,
Как могу ли я судить да тот правдивый суд?
Не слыхал я, не видал Чурилы Плёнкова,
И не знаю я, да гди Чурилова есь вотчина,
А не знаю, где Чурила и двором стоит,
А не знаю, где Чурила и житьём живёт.
Постояли мужички да и прочь пошли.
Та толпа мимо прокатиласи,
А другая с чиста поля появиласи;
Мужички идут всё деревенщина,
Да киевские мужики да всё посацкие,
Посацкие да всё рабочие;
Кафтанишки на них да разорвалиси,
А лаптишки на них да притопталиси,
И войлочные шляпы на одно ухó.
Идут прямо в палаты белокаменны,
Ко тому ли крылечку перёному,
А ко ласковому князю ко Владимиру;
Бьют челом ему да низко поклоняютце,
А до самой матушки да сырой земли,
Говорят оны да таковы слова:

— Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты прими-тко от нас да жалобу,
Уж ты дай-ка нам да правдивой суд,
Вы едúте, пьитé да наслаждаетесь,
А над намы незгодушки не знаете;
Мы мужики да из темнá леса́,
А из темнá леса́ да охотнички,
У нас ли есь да во темных лесах
А неведомые люди появилиси,
Наши силóцьки повыдергали,
А наши пáсточки повыбросали,
А свои оны силочки поставили,
А свои оны пасточки повыделали,
А куниц да лисиц они повыловили,
Серых заюшков оны повыстреляли,
Нам, беднякам, да тут улову нет,
А княженецкому двору да тут доходу нет,
А нам мужикам да нету жалованья;
Они сказываются да называются,
Оне славными да охотниками,
А всё дружинушка да Чурилова.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Ай же, мужички вы деревенщины,
И вы, киевляне посацкии,
Принимаю я да вашу жалобу,
Но не могу я дать вам суда праведного,
Не видал я, не слыхал Чурилушки,
Я не знаю, где Чурила станóм стоит,
Я не знаю, где Чурила и двором живёт.
Та толпа да мимо двор прошла,
А другая с чиста поля появлялася,
Ко княженецким палатам приближалася,
Ко тому крылечику перёному,
К ласковому князю ко Владимиру;
Бьют челом да низко поклоняются
От верху оне да до сырой земли:
— Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты прими-тко нашу жалобу,
А ты дай-ко нам да нам правдивый суд,
Мы косцы да с зелены́х лугов,
Как вы едите́, пьете́, наслаждаетесь,
А над намы вы невзгодушки не знаете́;
На лужках на тых на зелёных
Неведомые люди появилися,
Табуны нагнали вороны́х коней,
Оны травку-муравку повытоптали,
Наши копны, зароды повыбросали,
А нас, косцов, да дóлой прогнали,

Нам, мужичкам, да работы нет,
Княженецкому двору да доходу нет,
А нам, мужикам, да нету жалованья;
Оны сказываются да называются
А дружинушка да вся Чурилова.
Говорит Владимир стольне-киевской:
— Ай же, мужички вы деревенщины,
А вы, киевляне посацкие,
Принимаю я да вашу жалобу,
Но не могу я вам дать да суда праведного;
Не видал я, не слыхал Чурилушки,
Я не знаю, где Чурила станóм стоит,
А не знаю, где Чурила и двором живёт.
Та толпа да провалиласи,
А четвёрта с поля появиласи,
Всё мужички идут да деревенские,
А киевские мужики да всё посацкие,
Всё считаются да огородники;
Кафтанишки на них да оборвалися,
А лаптишки на них да истоптáлися,
А войлочные шляпы на одно ухó.
Идут прямо оне на княженецкий двор,
Ко тому крылечишку перёному,
А к солнышку князю Владимиру,
Говорят оне да таковы слова:
— Солнышко Владимер стольне-киевский,
Как ты ешь да пьёшь да прохлаждаесси,
А над нами невзгодушки не ведаешь;
Как у нас во полюшки во чистоем,
А на тых на огородах на крестьянскиих,
А неведомые люди появилисе;
Оне брюкву, капусту повыдергали,
А лук, чеснок да повытоптали,
Оне старых старушек искалечили,
Молодых молодицек обесчестили,
А над красныма девушкамы издевалися,
Издевалися да надсмеялися,
А нам, мужичкам, теперь доходу нет,
А нашим жонам и дочерям и спокою нет;
Оне сказываются да называются
Всё дружинушка да Чурилова.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Ай вы гой, мужички да деревеньские,
Принимаю я да вашу жалобу,
Не могу я дать да правдивый суд,
Я Чурилы и в глаза не видал,
Я Чурилы и слыхом не слыхал,
Я не знаю, где Чурилова вотчина,

Я не знаю, где Чурила и станóм стоит,
Я не знаю, где Чурила и двором живёт.
Постояли мужички да й заплакали,
А заплакали оне, да и прочь пошли.
А солнышко Владимир стольне-киевский
Он обратно идёт да во высок терем,
А во ту во гридню во столовую,
Он спрашиват да выведыват
Он князей, бояр да всех подручников:
— Вы скажите-ко да доложите-ко
Про того ли разбойника,
А про младшего да про Чурилушку,
Он во наших краях да безобразничат,
Нет житья кресьянам да рабочиим.
Тут князья, бояре переглянулиси,
Про Чурилу сказать не осмеляютца;
А вызвался со стороны молодой парéнь,
Поварёнко да Иван Иванович:
— А я знаю, где Чурила да двором стоит,
А я знаю, где Чурила да житьём живёт,
У Чурилы дом да на Почай-реки,
На Почай-реки да во чистóм полй,
Его двор стоит да на семи верстах,
У того двора да есь высок терём,
По углам есь башенки высокии,
Кругом выкопаны ровы глубокии,
А поделаны мосточики фальшивые
Гля прохожего да гля проежжего,
Чтобы без докладу к Чурилы не проехали;
Ворота во двор да тесовыи,
Над воротами икон да ровно семьдесят,
Под воротами подворотенки да рыбей зуб,
Во дворе-то у Чурилы до семи теремов,
В теремах-то маковки да золочёныи.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Ай же ты, поварёнко, да Иван Иванович,
Если правду говоришь, так я тебя пожалую,
А если неправду говоришь, так голову срублю.
Говорит поварёнко да божится:
— Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Поварёнкова голова да не очень дорога,
А дорога мне чесь да княженецкая.
Тута солнышко Владимер стольне-киевский
Выберает лучшиих товарищей,
Князей и бояр, захватил он русскиих богатырей,
Набрал партию да людей семдесят;
С молодой княгинею он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется,

Он разыскивает Чурилову да вотчину.
(Вот была география-то, князь в своем княжестве не знал.)
Поехали удалы-добры молодцы,
Князья и бояре, с ними русские могучие богатыри
Да солнышко Владимер стольне-киевский.
Как поехали да во чисто́ поле,
Во чисто́м поли да пораздумались:
— А гди это есь да Почай-река,
Во котору ехать нам да во сторонушку?
Долго стояли оны, думали:
— А с которой стороны летит черно́й воро́н,
Так в той сторонушки, верно, тёмны лесы,
А с которой стороны да птица́ вольна,
Птиця вольная да чайка серая,
В той сторонушки, верно, течёт Почай-река.
И направили добрых коней, поехали,
Ехали, поехали да день до вечера,
Тёмну ноченьку да до бела́ света́,
И попали тут да на Почай-реку,
На Почай-реке да там стоят полки,
Они этому да удивилиси,
А полков-то этих устрашилиси.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Уж вы, князья да бо́яре,
Русские могучие бога́тыри,
Вы поедемте да в обратный путь,
А стоит тут силушка неверная,
Верно стоят татаровья да поганые,
А наступать хотят да на святую Русь,
А пока ездим мы да шатаемся,
Нападут оне да на Киев-град,
Не оставят нам да и помисьица.
Говорит да молодой Батык:
— Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Да не рать тут силушка великая,
Не тата́ровья стоят поганые,
Ветерочик несёт да по воздуху,
А не слышу я татарского да запаху,
Видит око моё да молодецкое, —
Тут стоят да люди вольные,
А спотешаются да забавляются,
А во полюшки да по чистоем,
А слышит моё да ухо вострое,
Петушье да воспеваньице,
А человеческо да голосованьице,
То есте, верно, жительство.
И поехали да в ту сторонушку,
Едут день да до вечера,

А тёмну ноченьку да до бела́ света́,
Подъеждяют к высокой хоромины;
Стоит тут двор да на семи верстах,
Окол того двора да высокий тын,
По углам четыре башенки,
А на башнях главы золочёныи;
Подъеждяют к воротам тесовыим,
Над воротами икон да ровно семдесят,
Под воротами да подворотенка рыбей зуб.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Не соврал поварёнко, правду сго́ворил,
Я за это поварёнко да пожалую.
Вдруг ворота тесовы отворяютсе,
И выходит тут да стар-матёр человек,
Князю солнышку он низко поклоняется:
— Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Заеждяй-ко ты да на широкий двор
Со своима да со товарищамы,
С князьямы да со боярамы,
Привязывайте да добры́х коней
Ко тому столбу да ко точёному,
Ко колечку золочёному;
Там поставлены стойла лошадиные,
А насыпано пшеницы белояровой,
Проходите-тко, пожалуйста,
Во палаты мои да белокаменны
Хлеба-соли да откушати,
Белой лебеди да отрушати.
Говорит тут Владимер стольне-киевский:
— А скажи-тко мне, да стар-матёр человек,
А я с кем имею разговор держать,
Как тебя зовут да по имени,
А как величают по отчеству?
Говорит ему да стар-матёр человек:
— А я есь Пленко́ да Станиславович,
А Чурилы-то я да родной батюшко.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Я к Чурилы-то да добираюся.
Говорит Пленко́ да Станиславович:
— За Чурилушку я да извиняюся,
А Чурилы дома не случилоси,
Мы таких гостей да не начаялись,
Мы сегодня гостей не дожидалиси,
А мой Чурилушка да сын Плёнкович
Он не да́лече-дале́че во чи́стом по́ле
Со своей дружиной спотешается,
Во чи́стом поли да у Почай-реки,
(А оны думали, што войско.)

Скоро жду его домой обедать.
Тут Владимир стольне-киевский
Он пошол в палаты белокаменны,
Тут крылечушка да перёныи,
А поручиньки да точёныи,
У них маковки да золочёныи.
Прошли оны трои сенички решéтчаты,
Трои сенички стекольчаты,
Трои сенички да мраморны,
А входят в палаты белокаменны,
Как во ту во гридню во столовую
В палаты все да по-небесному:
На неби солнце и в палаты солнце,
На неби месяц и в палаты месяц,
А на небе звёзды и в палаты звёзды,
Как на неби звёздочка покатится,
Тут в палаты звезда да рассыпается.
Там стоят столы да продольные,
А положены скамеечки окольние,
Посланы ковры да персицкие.
Как садился Владимер стольне-киевский
Со своима князьямы да боярамы,
Русскима могучима богáтырями;
Как в дороженьке оне проголодалися,
А у Пленкó они понаедалися;
Тут яствушки были по-разуму,
Гуси, лебеди да зажарены,
Серы утушки да принапарены,
А всё вина стоят да заморские;
Наедалися да напивалися,
А Владимер-свет да стольне-киевский
Посмотрел в косящато окошечко:
Как от той реки да от Почаевки
Едет партия да добрых молодцев,
Конюшки у них да как орлы летят,
А добры молодцы как соколы сидят.
Все конюшки да одношерстные,
А на молодцах-то платья однопарные,
Добры молодцы да плечо в плечо,
Добры молодцы да лицо в лицо;
На конях седёлышка черкасскии,
А на конях уздечки золочёныи,
Повода у них да шелкóвыя;
Кафтаны у них да рыта бархата,
На головушках шапочки турецкие,
А на ножках сапожки зéлен сафьян,
А дорогого сафьяну немецкого,

А крёпкого шитья да ярославского:
Носочек шилом, а пятá крута,
Около носочка да яйцо кати,
А под пяту у них да соловей пролети;
Они едут да наслаждаются,
Булатныма палицами бросаются,
С руки на руку да перекидывают.
Испугался тут да Владимир князь:
— Ай же вы, князья до бóяре,
Вы, русские могучие богáтыри,
Вы поедемте-ко да в стольне-Киев-град,
А идёт, верно, силушка неверная,
А едут татаровья поганыи.
Говорит Пленкó да Станиславьевич:
— Не пугайся, князь, да не полóхайся,
Это едут чуриловы потешники.
Та толпа да мимо двор прошла,
А вторая с поля появиласи;
Едет молодцов да двести человек,
У них конюшки да масти белыя,
У них сбруюшка да получче тех,
У них платьице да получче всех.
Сúдят молодцы да лицо в лицо,
Эты молодцы да плечо в плечо,
Едут оны да спотешаютце,
Бросают палицы булатнии,
С руки на руку да перебрасывают.
Эта партия да мимо двор прошла,
Третья партия да появиласи,
Триста молодцов да всё удалыих;
У них конюшки да чернобурыи,
А уздечки у них да серебряны,
А седёлышка у них да черкасские,
А поводья у них да шóлковые.
На три партии да разделяютца,
Посредине удалой доброй молодец,
А тот Чурилушко да тот Плёнкович,
Он с коня на конь да перескакиват
Через два коня да он на третьего,
Прямо скочит в седёлышко черкасское,
Свои ноженьки да кладёт в стрéмены,
Своей палицей да спотешается;
Он бросает палицу тяжолую
Выше лесу да под облако,
А в обрат берёт да он одной рукой.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Вы, князья да бóяре, русские могучие богáтыри,
Принаехала да силушка неверная,

А неверная силушка да турецкая,
Посредине той силы сам султан,
Я вижу его да по похваточки,
Замечаю его да по походочки.
Говорит Пленко да Станиславович:
— Ай же ты, Владимир стольне-киевский,
Не пужайся ты да не полóхайся,
Не султан то едет не турецкий,
Это едет мой любимой сынушко
А Чурилушко да сын Плёнкович,
Он проказничек да безобразничек.
И приехал Чурила на широкий двор,
Спускался он со добрá коня,
Хотел итти в палаты белокаменны.
Выходил тут Пленкó да Станиславович,
Говорит Чурилы таковы слова:
— Ох ты, чадочко да моё милое,
Ты, Чурилушко да сын Плёнкович,
У меня во гридни во столовые
Сидят гостюшки да долгожданныи,
Хоть долгожданные, да незванные;
Ты умел, Чурила, напроказничать,
Так умей, Чурилушка, ответ держать
Перед солнышком князем Владимиром.
Тут скочил Чурила со добрá коня,
Скидывал он шубу соболиную,
А снимал доспехи богатырские,
Он не пошол да в гридню столовую,
Он брал да золоты ключи,
Прямо шол в амбары магазейные,
Брал куниц, лисиц, да чёрных сóболей,
Он не много, не мало, сорок сороков;
Брал ларьци да он кованыи,
Насыпал он сребра, золота,
Еще брал ли шубу соболиную,
А покрыту шубу рытым бархатом;
Потом шол в палаты белокаменны,
А во ту во гридню во столовую,
Где пиры идут да веселые,
Бьёт челом он, низко поклоняется
Всим князьям, боярам киевским,
Князю солнышку Владимиру в особину:
— Уж ты, солнышко Владимир стольне-киевский,
Уж как дай-ка мне прощеньица
А в большой вине да во глупости,
А прими-тко малые подарочки:
Князьям да бóярам куниц, лисиц да чёрных сóболей.
А князю солнышку да Владимиру

Он подносит шубку соболиную,
Подносит ларцы да с золотом да с серебром.
Говорит Владимир таковы слова:
— А спасибо тебе, удалый добрый молодец,
На честных твоих да на подарочках,
Я тебе в долгу да не остануся.
Было много на Чурилушку просителей,
А теперь больше у Чурилы благодетелей,
Вси князья, бояре призаступятся,
А дам тебе да я правдивый суд,
Что ты сделал, тебе бог простит.
(Рассудил... Вот подлецы-то были, за шубу-то и суд.)
Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
А ты, Чурилушка да сын Плёнкович,
Ты послушай-ко князя Владимира,
А поедем-ко со мной во стольне-Киев-град,
Послужи-тко мне да верой, правдою,
Дам работушку тебе по разуму.
Говорит Чурилушка да Плёнкович:
— Ай же ты, Владимир стольне-киевский,
Ехал бы я да с охотою,
Как отпустит меня да родной батюшко.
Говорит Пленко Станиславович:
— Ах ты, чадочко, да мое милое,
А большая тебе честь от князя Владимира,
Отпускаю я тебя с охотою.
Тут Чурилушка да Плёнкович
Как седлал он коня доброго,
Нагружал ларцы да цветным платьицем,
Ко седёлышку ларцы привязывал,
К торокам ларцы да он приковывал.
Помолился он да спасу образу,
С родным батюшком да он прощается,
В путь-дороженьку да отправляетце.
Догонял он во чистом поли
Князя Владимира да со дружиною,
Обогнал он князя да й уехал прочь.
Приехал ко городу ко Киеву,
Без докладу он заехал на широкий двор,
Без допросу идёт в палату белокаменну.
Говорят-то слуги княженецкии:
— Ах ты, невежа деревенская,
Без допросу едешь на широкий двор,
Без докладу идёшь в палаты белокаменны!
Не успел Чурила и ответ держать,
Князь Владимир с дорожки ворочается,
Он своим слугам распоряжается:
— Вы берите гостя под руки,

Вы ведите гостя в горницы,
Отведите комнаты особыи,
Это есь Чурилушка Плёнкович,
Он приехал к нам гостем гостить,
И приехал к нам да двору служить.
Отвели слуги княженецкии
Чурилушку да Плёнковича
Во комнаты да в особые.
Он с имуществом располагается,
В цве́тны платьица да одевается,
Он костюм одел да рыта бархата,
А сапожки на ножки да зе́лен сафьян,
Дорогого он сафьяна да турецкого,
А модного спокрою да немецкого,
А прочного шитья да ярославского:
Носик шилом, да пя́ты круты,
Круг носочка яйцо кати,
А под пятку хоть соловей пролети;
Жолтые кудёрышки расчёсывает,
Светлые он пуговки застёгивает,
Эти пуговки да алмазные,
А петлица есь да из семи шолков;
А как на пуговках да нарисовано
По дородному да добру молодцу,
А на петлицах нарисовано
По душеньки по красной по девушки:
Как растёгнутся — оны обо́ймутся,
А застёгнутся — поцелуются.
Нарядился Чурила добрый молодец,
Посмотрелся в зеркальце хрустальное,
И выходит он в гридню столовую,
Говорит он князю Владимиру:
— А не гостить приехал доброй молодец,
А послужить двору да княженецкому.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Тебе дам работушку да стольником,
Стольником да чашником,
Расставляй-ко, молодец, столы дубовые,
Полагай-ко чаши золочёныи,
Наливай-ко яствушки саха́рнии,
А напиточки да всё медвяные,
Станови-тко вина заморскии.
Тут Чурилушка да усмехается,
А своей работы удивляется.
И начинает Чурилушка работать,
Расставляет он столы дубовыи,
Расставляет чаши золочёныи,
Садятся тут да гости званные;

Молодой Чурилушка сын Плёнкович
Вкруг дубовыих похаживает,
Желтыма кудёрками потряхивает,
Золочёныма перснями да побрякиват.
Княженецки жоны любуются,
На красоту Чурилову дивуются.
Молода княгинюшка Опраксия,
Она кушала да лебедь белую,
А тем ли ножичком да столовыим
А обрезала да руку белую,
Руку белую, да руку левую,
Говорит она да таковы слова:
— Не дивуйте, жоны княженецкие,
Моему вы женьскому да разуму,
Глядучи на молодого стольника,
На того на Чурилушку Плёнкова,
На его ли на личушко белое,
На его ли на кудёрышки жолтые,
На его ли персни золочёные,
У меня у молодешенькой
Ясны очушки помутилиси,
Моя головушка закружиласи,
Не завидла я да света белого,
А приобрезала да руку левую,
Пропустила я да кровь алую
На столы да на дубовыи,
На салфеточки да на камчатные;
Не могу я хлеба-соли кушати,
Белой лебеди да рушати,
А чарочка да зелена вина
А во моем во рту да застояласи.
Как стает она из-за стола да из-за дубового,
Князю солнышку да поклоняется:
— Уж ты, солнышко Владимир стольне-киевский,
А не дело у вас да призадумано,
Не хороша служба прибрана
Молодому Чурилушки Плёнковичу,
Ты послушай-ко молоду жону:
Смини Чурилушки работушку,
А не стольником-то быть ему, не чашником,
А быть ему да постельником,
Чтобы в нашей-то да светлой спаленки
Убирал бы кроваточки тисовые,
Постилал бы перинушки пуховые,
Покрывал бы одеяла соболиные.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Молода княгинюшка Апраксия,
Ты моли-тко спаса-господа,

Что ты мне, княгиня, да в любовь пришла,
Отрубил бы тебе да буйну голову,
Пристыдила ты меня да приобесчестила
А при всем столи да княженецкоем.
Говорит княгинюшка Апраксия:
— Князь, удалая головушка,
Ты сговорная моя семеюшка,
Если не возьмёшь Чурилы во постельники
Оберать кроваточки тисовые,
Расстилать перинушки пуховые,
То возьми Чурилу в рукомойники;
Встану по утру да ранёшенько,
Чтоб Чурилушко да сын Плёнкович
Наливал мне воду в рукомойничек,
Подавал бы полотёнишко камчатое.
Тут Владимир видит, что беда пришла,
Говорит Владимир таковы слова:
— Есь, Чурилушка да ты Плёнкович,
Я снимаю тебя да со стольников,
Дам работушку да зазывальщиком:
Ты езди-тко по городу по Киеву
Зазывать гостей да на почестной пир
Ты князей, бояр да и с жонами,
А богатырей да одинокиих,
Всех купцов, людей торговыих.
Кто от беды да откупается,
А Чурила на беду да нарывается,
Он встават по утру да ранешёнько,
Одевается да снаряжается,
А садится на своего да добра́ коня,
Он поехал по городу по Киеву,
Как по тем по улицам плановым,
А по тем переулкам окольным.
Как увидали тут да люди добрыи,
Оне след бежат да гонят друг друга,
Посмотреть на Чурилушку Плёнкова.
А где девушки глядят, тут заборы трещат,
А молодушки глядят, так окольницы звенят,
А старые старушки костыли грызут,
Все глядючи на мла́дого Чурилушку,
На его ли красоту да поднебесную,
На его ли на кудри на жолтые,
На его на кольца золочёныи.
Тута званныи и незванныи
Валом валят на княженецкий двор.
Видит солнышко Владимир стольне-киевский,
Что тут беда пришла,
От народу на двори да тут проходу нет.

А молода княгинюшка Апраксия
По Чурилушки да расскучаласи,
Расскучаласи, да расхвораласи.
Тута видит князь, что беда пришла,
Говорит Чурилы таковы слова:
— Ох ты гой еси, удалой доброй молодец,
А спасибо тебе на чести твоей да на милости,
Послужил ты городу Киеву,
А великому князю да Владимиру,
Ты всему двору да княженецкому,
Мни-ка служба твоя теперь не надобна,
Ты живи-тко, где тебе прилюбится,
А работай, Чурила, гди захочетца.
А Чурилушка и радёшенек,
Он с князем Владимиром прощается,
А к княгини Апраксии да не является.
Выходил Чурила на широкий двор,
Помолился он да спасу образу,
Что от этой работушки избавился;
Растерялся он да призадумался,
И оставил в Киеви да коня доброго;
Он выходил на улочку плановую,
А на ту дороженьку почтовую,
Нанимает он себе извозчика,
Уежжает прочь да из Киева.
Приеждяет он в свой Галич-град,
К своему кормильцу-батюшки;
Как обеи тут да срадовалиси,
От такой беды да отвязалиси.
Проходил Чурила во высок терем,
Во свою палату белокаменну,
Во свою во гридню во столовую,
Садился за столы да за дубовыи;
Срадовалися да слуги верные,
Подносили ему да яствушка сахáрнии,
А напиточки да все медвяныи,
А сладкие меда заморьскии.
Наедался Чурилушка дóсыта,
Напивался Чурилушка дóпьяна,
И пошол он во тёплую во спаленку,
Он ложился на кровать да на тисовую,
На перинушку да на пуховую.
Он стал спать — отдыхать да опочив держать.
Трои суточки не просыпается,
По кроваточки да он валяется,
На четвёртыи да на суточки
Добрый молодец да пробуждается.
Стáват по утру да ранёшенько,

Умывается он да белёшенько,
Выходил он на крылечушко перёное,
Приказал седлать да воронá коня,
И садился он да на добрá коня,
На того коня на богатырского.
Вдруг является да тут грозён посол,
Подает Чурилушки он грамоту,
Прочитал он эту грамоту,
В этой грамоты было написано:
— Красна девушка да его любушка
Долго ждала его да дожидаласи,
Дождаться его да не начаяласи,
А за другого да замýж пошла,
А сегодня у них да обручаньице,
Завтра будет у них да венчаньице.
Тут разгорелосе сердце молодецкое:
— Не пойду я к ней на перебивушку.
А тугой лук разрывчатый натягивал,
Калену́ стрелу да он налаживал,
Сам он стрелочки да приговаривал:
— Ты лети, лети, да калена́ стрела,
На озёрышко да на круглистое,
Ты убей, убей, да калена́ стрела,
Серо утушку на тихóй на воды,
А добра молодца на вóроном кони,
Мою любушку в высоком тереми.
И спустил он калену стрелу
Выше лесушку стоячего,
И ниже облака ходячего;
И упала та да калена́ стрела
Во озёрышко да круглистое да на само дно.
Не убила калена́ стрела,
Не убила никого она, не ранила.
Тут сходил Чурила со добрá коня,
Пошол он в церковь во соборную,
Простоял обедню воскресенскую,
Прослужил молебен спасу образу,
Приходил домой да во высок терéм;
Тут разгорелось серце молодецкое,
И пошол гулять молодец да по вотчины.
Идёт улицей да переулочком,
И он видит, стоит да высок терéм,
И во том терему да сидит женщина;
Открывала косящато окошечко,
Зазывала Чурилушку да Плёнкова:
— Заходи́, удалый добрый молодец.
У меня мужа дома не случилоси,
Никого в дому́ не погодилоси.

Говорит Чурилушка сын Плёнкович:
— Я не знаю, как вас-то по имени,
Не знаю, как вас звать да по отчеству.
— А зовут меня Настасья да Микулична.
Это слово Чурилы прилюбилоси,
Молодецко серце разгорелоси,
Заходил он на крылечушко перёное.
А Настасьюшка да свет Микулична
Открывала двери тесо́выи,
А по петелькам она шолко́выим,
А по гвоздикам да шеломчо́ныим,
Запускала Чурилушку да Плёнкова,
Брала его за ручки белыи,
А за теи за персни золочёныи,
Проводила в гридню столовую,
Говорила ему да таковы слова:
— Ах мы чем с тобой, Чурила, позабавимся,
Хочешь хлеба-соли ты откушати,
Или белой лебедушки порушати?
— А спасибо, Настасья Микулична,
У своего ли у родитель у батюшки
Я сытёшенек, не голоднёшенек.
А Настасьюшка да свет Микулична
А берёт она доску хрустальную,
Хрустальную доску шахматную,
Берёт шахматы она серебрянны,
Говорит она да таковы слова:
— Мы хоть этой игрой да позабавимся,
Если ты обыграешь, так ставлю сто рублей,
Если я обыграю, тебе бог простит.
И садилися за доску шахматную,
Первой кон сходили — Чурила выиграл,
И платила она да ему сто рублей,
Второй кон сыграли — Чурила выиграл,
И платила ему Настасья сто рублей,
И третей кон сыграли — Чурила выиграл,
Заплатила ему Настасья триста рублей,
А сама смотрит Чурилы в очи ясные,
Говорит Чурилы речи сладкие:
— Ай же ты, Чурилушка сын Плёнкович,
Не могу играть я в шашки-шахматы.
Брала крепко его да она за́ руку,
Целовала во уста сахарнии,
А просила да уговаривала:
— Ты пойдём, удалой доброй молодец,
Во мою во тёплую во спаленку,
Мы с тобой там позабавимся.
Тут разгорелось серце молодецкое,

Он Настасьюшки да повинуется.
Сошли они да в спальню тёплую,
На ту кроваточку тисовую,
На ту пиринушку пуховую.
А тут девка чернавка, служанка ея,
По комнатам ходит, журчит да ворчит:
— А не делом ты, Настасья, занимаешься,
С молодцом ты в спальню запираешься.
А то́го слова Настасьюшка не слышала,
В тёплу спаленку да призакрылася.
А тут девка чернавка, служанка ея,
В две́ри она да постучаласи,
А Настасья ей не отвечаласи,
Со Чурилушкой да забавляласи.
Говорит тут девка, служанка ея:
— Я пойду во церковь во соборную,
Твоему ли мужу наскажу да на́мучу.
Тут Настасьюшка не откликаласи.
Пошла девка во церковь соборную,
Она господу богу помолиласи,
А святым иконам поклониласи,
Говорила тут девка таковы слова:
— Ах ты гой еси, любимой мой хозяинушка,
Уж ты старой Бермяга сын Васильевич,
Ты стоишь да в церкви богу молисся,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
У тебя в дому да непорядочек,
У тебя в палаты есть изменщичек,
У тебя во доми есть незванный гость,
А незванный гость да неожиданный,
Есь проказничек да он обманщичек,
Молодой Чурилушка сын Плёнкович.
А стоит Бермяга, богу молитце,
А на чернавку не обращат внимания.
Говорит чернавка во второй нако́н:
— Дорогой ты мой хозяинушко,
А старый Бермяга сын Васильевич,
А у нас в дому да непорядочек,
В нашем тереме да есь незванный гость,
Он незванный да непрошеный,
Чурилушка да Плёнкович,
А с Настасьюшкой да свет Микуличной
В тво́ей спаленки да забавляется.
Говорит Бермяга таковы слова:
— Ах ты, девка чернавка, служанка моя,
Если правду говоришь, тебя пожалую,
А неправду говоришь, тогда голову срублю.
А сам стоит все богу молитце,

А девки чернавки не терпится.
Говорит она ему да в третий раз:
— Любимый ты мой да хозяинушко,
Если мне не веришь, поди сам погляди.
Идёт Бермяга сын Васильевич
Ко своей палаты белокаменной.
Не заходит он да на широкий двор
А с-за столба того точёного,
А у колечушка да золочёного
Тут стоит чурилин богатырский конь
Он у стойла того да лошадиного,
Ему насыпано пшеницы белояровой.
У Бермяги резвы ножки подломилиси,
А стары очи у Бермяги помутилиси,
Заходит на крылечушко перёное,
Двери накрепко да были заперты.
Он стучит в колечко золочёное —
От Настасьюшки да тут ответу нет,
Она с Чурилой занимается,
По кроваточки тисовоей валяется;
Как стучится тут Бермяга во второй нако́н —
От Настасьюшки дак и ответу нет.
Постучал Бермяга сын Васильевич
Как со всей со силы богатырскоей.
Тут Настасьюшка да свет Микулична
Открывала ворота тисовыи
Как в однех чулочках без чоботов,
А в одной рубашечки без пояса.
Говорит Бермяга сын Васильевич:
— Ты, Настасьюшка да свет Микулична,
Ты что сегодня не нарядна есь,
Сегодня ведь у нас да светлый праздничек,
А тое ли христово благовещенье.
А Настасьюшка да свет Микулична
Умела на то да ответ держать:
— Дорогой любимый семеюшка,
Мни-ка сегодня нездоровится,
Болит от угару моя головушка.
Говорит Бермяга сын Васильевич:
— А чурилов добрый богатырский конь
Почему стоит да на моем двори,
Мою ест пшеницу белоярову?
Говорит Настасьюшка Микулична:
— У моего ли братца у любимого
А с Чурилой конямы поменянось,
Коня к вам он напоказ привел,
И оставил коня да на твоем двори,
Посмотрите-тко да порадуйтесь.

Тут идёт Бермяга в гридню светлую,
А на стопочках да на точёныих
Светлы платьиця висят чуриловы,
А на полочки да на дубовенькой
А лежит тут шляпа чурилова.
Говорит Бермяга сын Васильевич:
— Во моей ли гридни светлоей
Как попали платьиця чуриловы?
Тут умела Настасьюшка да как ответ держать:
— А любезный мой да племянничек —
Они сегодня с Чурилой побратались,
Цвётным платьицем да поменялися.
И пошол Бермяга в тёплу спаленку —
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Как лежит да он в одном белье
На кроваточки да на тисовые,
На пиринушки да на пуховыи,
Крепко спит, не просыпается,
Над собой невзгоды не начается.
Тут Бермяга сын Васильевич,
Берёт он саблю вострую,
Отрубил Чурилы добру го́лову.
А не жемчуг по палаты рассыпается,
Голова чурилова валяется,
Покатились жолтыя кудёрышки
По́ полу да кирпичному.
А Настасьюшка да свет Микулична
Выбегает на широкий двор,
А берёт с собой она булатной нож,
Становила в землю тупым концом,
А на острый конец да повалиласи,
А своей ли она да грудью белою;
И подрезала жилочки ходячии,
Залилась она да кровью алою.
Тут и пало вдруг да две головушки,
Две головушки да самолуччии.
Тут Чурилушки да славу поют.
А тот Бермяга свет Васильевич
Дождался христова воскресеньица,
Пропустил он неделю светлую,
Дожидаючись да святых радониц.
Берёт он девку чернавку, служанку свою,
А ведёт во церковь во соборную,
Принимают венцы золочёныи
А тее ли персни обручённые.
Стали жить поживать
Да век коро́тати.
На том былиночка и кончилась.

2

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьицо да был почёстен пир,
Зазывал Владимир стольно-киевский
А князей бояр он киевских,
Да всех русских могучиих богáтырей,
Поляниц-то он всех удалыих,
Не позвал Владимир стольно-киевский
А старóго казакá Ильи Муромца
А на тот ли на почестен пир.
Рассердился Илья да поразгневался,
Выходил он на широкий двор,
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Калены́ стрéлы да он налаживал,
Он начал по городу похаживать,
Он начал по Киеву похаживать,
На божьи́ церквы́ да он постреливать.
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
С колоколов языки́-то он повыдергал.
Заходил Илья в дома питейные,
Говорил Илья да таковы слова:
— Выходите-ко, голи кабацкие,
А на ту на площадь на стрелецкую,
Подбирайте маковки да золочёные,
Подбирайте вы кресты серебряны,
А несите-ко в дома питейные,
Продавайте вы да сребро-золото,
Покупайте бочки зелена вина,
А другие бочки пива пьяного,
А третьи бочки мёда сладкого.
А тута голюшки кабацкие
Скоры́м-скоро с домов питейныих,
Подбирали они да сребра-золота,
Продавали да во дома питейные,
А выкатали бочки зелена вина,
Да другие бочки пива пьяного,
А и третьи бочки мёда сладкого.
А Илья Муромец да сын Иванович
Закричал-то он да громким голосом:
— У́ж вы пьяницы да вы пропоицы,
Собирайтесь-ко на площадь на стрелецкую,
Собирайтесь, мещане вы стрелецкия,

Мужички собирайтесь деревенския,
Вы лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины,
Приходите-тко к Ильи да на почестный пир,
Кормить-то буду я вас досыта,
А поить-то буду я вас допьяна.
Тут съезжалися да собиралися
А все пьяницы да все пропоицы,
Все мещане тут да стрелецкии,
Мужички-то все да деревенскии,
Все лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины
К Ильи Муромцу да на почестен пир.
Илья Муромец да сын Иванович,
Он ковшом стоит вино размиривает.
Услыхали слуги княженецкие,
Они бежат в палаты белокаменны,
Говорят князю да Владимиру:
— Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж ты ешь да пьёшь да наслаждаешься,
А над Киевом невзгодушки да не ведаешь,
А старой казак да Илья Муромец
Расходился он да роскуражился,
С церквей кресты да он повыломал,
Золотые маковки да он повыстрелял,
С колоколов языки да он повыдергал,
А на площадь бочки с вином выкатил,
Угощает он да голь кабацкую,
Бедноту он всю да деревенскую.
Тут Владимир князь да стольно-киевский
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
А соболью шапочку да на одно ушко,
Брал он трубочку да и подзорную,
Выходил на выходы высокие,
Посмотрел на площадь на стрелецкую,
Там Илья с беднотой да угощается.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Вы, князья мои да бояровья,
Думу думайте, совет советуйте,
Как унять Илью да усовестить,
Как позвать его на почестен пир,
Самому-то мне итти да не хочется,
А княгиню послать да не пристойно есть,
Нам кого послать да зазывальщиком?
Говорят князья да и бояровья:
— А пошлём мы Ваську Долгополого.
Скочил тут Васька с-за стола дубового
И побежал к казаку Ильи Муромцу,

Говорит Васька таковы слова:
— Илья Муромец да сын Иванович,
Я от князя ли да от Владимира
Пришол посланником да зазывальщиком,
А пойдём-ка ты да на почестен пир.
Говорит казак да Илья Муромец:
— Уж ты, Васька Долгополый есь,
А выпивай-ко чару зелена вина.
А Долгополый Васька того же рад.
Илья Муромец да сын Иванович
Наливает ему чару зелена вина,
А не малу стопу, полтора ведра,
Она весит весом полтора пуда.
А берёт-то Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Тут-то Васька раскуражился,
К Илье Муромцу да он подлащился:
— Илья Муромец да сын Иванович,
У тебя есть вино хорошоё,
Я выпил чарочку, по другой душа горит.
Наливал тут Илья Муромец
Другу чару зелена вина,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил Ваське Долгополому.
Берёт тут Васька единой рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Как он выпил чару, тут он встать не мог.
Говорит Илья да таковы слова:
— Ах вы гой еси, голи кабацкие,
Вы возьмите Ваську за белы руки,
За белы руки да вы под пазухи,
Проводите Ваську вы по Киеву,
Доведите до двора да княженецкого,
Чтобы киевляне над Васькой не смеялися.
Тута голюшки кабацкии
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василья да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
Отпустили Ваську и в обрат пошли.
А то Васька ль да Долгополый есь,
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— А пошлём-ко мы да зазывальщика,
Того Олёшеньку да Поповича.
Тут Олёшенька да одевается,
Зазывальщиком да отправляется,

На почестен пир да ко Владимиру
Зазывать он русского богáтыря,
Старого казакá Илью Муромца.
Говорит Олёшенька Поповский сын:
— А не честь-хвала да молодецкая
Сидеть русскому могучему богáтырю
С голь кабацкою да с нищетой бедняцкою,
А пойдём-ко ты да на почестный пир
Ко солнышку ко князю ко Владимиру.
Рассердился Илья да поразгневался,
Скочил Илья да на резвы ноги:
— Ах ты гой еси, нахал, собака поповская,
Не тебе меня учить да указывать.
Как ударил его в плечи богатырские
Да и раз, другой да и во третиих.
Присогнулся Олёша, поскоробился,
Будто пьяный напился на честном пиру.
Как приходит он ко князю ко Владимиру,
Говорит ему да таковы слова:
— Угостил меня Илья да наиспáшечку,
До двора до княженецкого едва допутался.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, Чурилушка да Плёнкович,
Сослужи-ко князю службу верную,
Сходи-тко ты да зазывальщиком,
Зови того казакá Илью Муромца
А на мой ли княженецкий пир.
Тут Чурилушко скорым скорёшенько
Одевается да снаряжается,
Одевал рубашечки-манишечки,
Надушился он да напомадился,
В дороженьку да он отправился.
Как идёт Чурило он по Киеву,
Завернул в переулок Мариинский,
Со девицами да призабавился,
С попадьицами да призабавился,
Позабыл про князя про Владимира.
А Владимир князь да стольно-киевский
По палаты ходит, поджимается,
Он Илью с Чурилой дожидается;
День ко вечеру да двигается,
А Чурила с Ильей не возвращается.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, Добрынюшка Никитинич,
Сослужи-тко ты мне службу верную,
Службу верную да неизменную,
А сходи-тко да зазывальщиком
Ты к старому казакý Ильи Муромцу,

Зови-тко ты его да на почестен пир.
Тут Добрынюшка свет Никитинич
Не одел он шубоньку собóлию,
Не одел он шапоньку пуховую,
Он скорым-скоро да поскорёхоньку
Бежит по городу по Киеву
Как на ту на площадь на стрелецкую,
Отстоялся он да пораздумался:
— Мне с коей зайти да сторонушки
К своему ли братцу подкрестовому,
К старому казаку Ильи Муромцу?
Сидит Илья Муромец да сын Иванович,
За столом сидит да за дощатыим,
За дощатыим столом да скородельныим,
А сидят тута да кругом около,
Сидят пьяницы да и пропоицы,
Сидят голюшки да все кабацкии,
А крестьяне сидят да деревенскии,
На столах-то их да скородельныих.
Много яствушек у них сахáрныих,
Наедаются да они дóсыта,
Напиваются да они дóпьяна.
Тут Добрынюшка да свет Никитинич
Подходил к столам да поскорёшенько,
Говорил он речь да потихошенько:
— А здравствуешь ли, братец подкрестовыи,
Ты мой старший брат да Илья Муромец,
Я к тебе пришол от князя от Владимира,
Пойдём-ко ты да на почестен пир.
Говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
— Если б был ты не братец подкрестовый,
Угостил бы я тебя, как Олёшку Поповича.
А садись-ко с нами за столы скородельныи,
А во-первыи сделал я почестен пир,
Не зазывал на пир я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту — крестьян,
Все голей-то я кабацкиих.
Тут садился Добрынюшка Никитинич
А за те столы да скородельныи,
Досыта они да наедаются,
Допьяна они да напиваются,
Ко Владимиру итти да не торопятся.
Говорит тут старой казáк да Илья Муромец:
— Двор мне княженецкий не нужен,
Не пиров держусь,
Я мужик не прихотливый,
Был бы хлеба кус.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как во том во городи во Муромли,
Как во том селе да Карачарови
Жил кресьянин Иван Тимофеевич.
У того было да у кресьянина,
У Ивана свет Тимофеева,
Было чадочко да его милое,
Одинакое его любимое,
Молодой сын да Ильюшенька.
Он сидел сиднем да ровно тридцать лет,
Тридцать лет он не имел ни рук ни ног;
На печи он яму под собой протёр,
День и ноць он богу молитца.
Воспола́шитце, только опомнится,
Как услышит вести от странников
Про того ли Соловья да про разбойника,
Что залёг дороженьку да на Киев-град.
Раз во порушку да во летнюю,
Как во ту страду да сенокосную,
Как ушли его родители на ту работушку крестьянскую,
Сенокос косить да чищу чистити.
Оставался дома один Илья,
Он сидит себе да богу молитце,
Слышит, ворота тесовы отворяются,
По крылецьку ступеньки подгибаются,
Двери дубовы распахнулися,
Тут три странничка да появлялися.
Оны крес кладут да по-писа́ному,
А поклон ведут да по-учёному,
На святы иконы помолилиси,
Молодому хозяину да поклонилиси:
— А ты здравствуешь ли, Ильюшенька да Иванович,
Принимай ты гостей незваных,
Наливай нам чары зелена вина.
Говорит Илья да таковы слова:
— Дорогие гостюшки бажо́ные,
Рад бы я вас угостить да чем господь послал, —
У меня ли, у добра молодца,
Резвы ноженьки не поднимаются,
Белы рученьки да не сгибаютця.
Говорят калики перехожие:
— На это, молодец, не оправдаесся,
Ты ставай-ко на резвы ноги.
Тут Ильюшенька да попробовал,
У него ноги здымаются,

У него ли руценьки сгибаютца.
Он слез с кирпицьной пеценьки,
Пошол он в погреба глубокии,
Приносил он бак да зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Наливал цярочку да золочёную,
Он подносит каликам перехожиим.
Говорят калики перехожии:
— Выпивай, Илья, да в пе́рву очередь.
Тут Ильюшенька да Иванович
Выпил чарочку да зелена вина.
Говорят калики перехожии:
— Что ты чуешь нынь в себе, Илья?
— Чую здравие в себе великое.
Говорят калики перехожии:
— Наливай-ка ты, Илюша, повторительно,
И если хошь добра, так выпивай до дна.
Выпивает Илья вторую чарочку.
— Что ты чуствуешь в себе, Илья?
— Чую силушку в себе великую,
Кабы был столо́б да с земли до́ неба,
А в том столби да золото кольцо,
Повернул бы матушку сыру землю.
Говорят калики промеж себя:
— Много силушки да прина́дали,
Не будет носить матушка сыра земля,
Как Святогора не носила мать сыра земля,
Так он ездил по святым горам.
— Наливай-ко, Ильюша, ещё цяроцьку,
А если хошь добра, так выпивай до дна.
И выпил Ильюша третью цяроцьку.
— Что ты чуствуешь теперь в себе, Илья?
И говорит Илья да таковы слова:
— У меня силушки да приубавилось.
Тут калики перехожии распрощалиси
И невидимо куда да укатилиси.
Тут Ильюшенька да свет Иванович
Пошол на крестьянскую работушку да к своим родителям.
Оны чудушку да чудуются,
Оны дивушку да дивуются,
Оны с радости горько заплакали.
Илья Муромец да сын Иванович
Низко в ноги родителям поклоняется:
— Уж вы дайте-ка мни прощеньица, благословеньица,
Я поеду ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Послужить ему да верой правдою.

И с работушки Илья да возвращаетце,
Вышел в конюшенки стоялые,
Выберал жеребчика неежжена, —
По колен в назём да ножки заростались,
Из назьму́ да он ноженьки повыдергал,
На дворе жеребчика повычистил;
Не нашол седёлышка черкасского,
Не нашол доспехов богатырскиих.
Не было уж у крестьянина вить[1].
Он скочил да как бог привёл,
А из дому взял он чёрсву корочьку,
Подъехал он да к быстрой реченьки,
И спустил эту корочку да во быстру́ реку.
— Тебе спасибо, матушка Ока-река,
Что скормила, споила Илью Муромца.
А сам поехал во полюшко во чистое.
Только видели молодца сядучи,
А не видели молодца поедучи,
В чистом полюшки да только пыль летит.
А его верный богатырский конь
Он реки, озёра перескакивает,
Малы реченьки да промеж ног пускат,
Подъезжает он по путистой дороженьки,
На ро́станях стоит столб,
А на том столбе было написано:
— Прямо ехать, тому богату быть,
Вправо ехать, так женату быть,
А влево ехать, так убиту быть.
И раздумался старой казак Илья Муромец:
— Начто мне, старому, богачесьво,
Я поеду в ту дороженьку, да гди женату быть.
А пошол ещё да призадумался:
— А начто мни, старому, женитиси,
Мни молода взять, будут люди заритьсе,
А мни-ка стара взять, нать на печи держать,
На печи держать да киселём кормить,
А я поеду в ту дороженьку, да где убиту быть.
Приежжает Илья Муромец,
Тут стоит высок терём.
Приехал да выубивал всих,
Там была рать-сила великая.
Взял тут доспехи богатырскии,
Калену стрилу да и палицу булатную
(*Тут была ловушка такая*),
И воротился к ро́станям:
— И поеду в ту дороженьку, да гди женату быть.

[1] Ведь.

Как подъехал-то, стоят терема высокии,
И светлицы-то светлыи,
А красавицы-то сидят-то всё писаные,
И стречают русского богáтыря.
Угощают ясьвамы сахáрныма,
А напиточкамы да медвяныма,
Всё винами, медамы да стоялыма,
Как проводят в палаты белокаменны.
А Илья Муромец на то догадлив был:
Как вином-то он не упиваетсе,
Он красавицами не соблазняется,
Без допроса идёт да во новы сени,
Без доклада идёт да в нову горенку,
Без ключа открывает двери дубовыи.
Посмотрел он в погреба да глубокии,
Там сидят дородни добры молодцы,
А всё русские могучие богáтыри,
Цепями к стене оны прикованы.
Он вырывает замки железные,
Отрывает цепи калёные,
Выпускает на свободу добрых молодцов.
А красавицы прииспужалиси,
Они скрылися да разбежалися.
Илья Муромец да сын Иванович
По всему по дому их повыловил,
В погреба глубокии повысадил,
Затворил двери, замуравил,
Говорит он таковы слова:
— Ой вы, славныи могучие богáтыри,
Всякой-то на свети женится,
А не всякому женитьба удавается,
Поежжайте-ка да по святой Руси,
Спотешайтесь-ка вы да по-чесному,
Как не бейте вы невинныих головушек,
Да и не слезите-ко вы да отцов, матушек,
Не вдовите-ко вы да и молодыих жен,
А не сиротайте да милыих детушек.
Сам скорешенько с ними прощается
Да в путь-дороженьку отправляется,
Приезжает к тому столбу да к точёному,
Поехал в ту дороженьку, да где богату быть.
Приежджает к теремам высокиим, —
Тут стена стоит да кáменна,
У ворот лежит да серой камень,
А на том камни было написано:
— Кто поднимет этот серóй камень,
Тут богатство есть да не сметочно.
Как слезает Илья да со добра коня, —

Берёт он камень да одной рукой,
Улетел камéнь да за целу́ сажень,
Под камнем стоит да темна лестница.
Он спускается да опасается,
Как увидел Илья да тут белой свет,
Не золото увидел там, ни сéребро,
Он увидел удалых добрых молодцов,
Тридцать молодцев да без единого,
Как сидят они ко стенам да прикованы.
Говорит Илья да таковы слова:
— Ох вы, русские могучие богатыри,
Вы на что да тут приобзарились?
Говорят уда́лы добры молодцы:
— Мы двадцать лет сидим скучаючись,
Всё тебя да дожидаючись.
Оборвал он замки да железные,
Да снимал с их цепи калёныя,
На свободу вывел добрых молодцов,
Освобождал-то их да приговаривал:
— Наживайте-ко богатство трудом честным.
Поскорешеньку с има прощается,
В путь-дороженьку да отправляется;
Он поехал дорожкой прямоездею,
Подъеждяет ко по́люшку ко чистому,
Он видит на полюшки на чистоем,
Тут рать-сила великая,
Стоят татаровья да поганыи,
Наступают оне да на стольный Киев-град.
Как взял Илья Муромец да сын Иванович
Он палицу булатную,
Как поехал по поганыим татаровьям,
Куды махнёт, туды падёт улица,
Перемахнет — переулочек.
Положил он рать-силу великую,
Не большу, не малу, в сорок тысячей,
И поехал во путь, во дороженьку,
Ко тому ко городу ко Киеву.
А еще предстоит еще заставушка великая,
Соловей да сын Будимирович,
А гнездо было да соловьего
На семи дубах да на семи суках.
Как увидал Соловей руського могучего богатыря,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
Заревел Соловей да по-звериному.
От того ли свисту соловьиного,
От того ли шипу змеиного,
От того ли крику звериного

Да у Ильи Муромца богатырский конь на колени пал.
Как берёт Илья плёточку шелко́вую,
Он бьёт коня да по крутым бедрам,
Бил коня Илья да приговаривал:
— Ах ты, волчья выть, да травяной мешок,
Ты чего, собака, пугаесся,
Аль не слышал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу змеиного,
А не слыхал ли ты крику звериного?
А тут Илья Муромец да сын Иванович,
Он не робок был,
Вынимает из колчана да ту́гой лук,
Влагает стрелочку калёную,
Прямо метит Соловью да он в левый глаз;
Попадает стрелочка в левый глаз,
Вылетает стрелочка во право ухо́.
Как свалился Соловей да со своего гнезда,
Как смолился Соловей да Ильи Муромцу:
— Ах ты, славный могучий богатырь Илья Муромец,
Не губи меня, да не казни меня,
А бери за меня выкупы богатые,
Ты поедем в гнёздышко соловьево,
Бери хоть серебром, хоть золотом,
Хоть скатным мелким жемчугом.
Илья Муромец да сын Иванович
Соскочил он со добра́ коня́,
Привязал Соловья-разбойника ко седелышку черкасскому.
Ко тому ко стремечку булатному,
И поехали в путь-дороженьку
Ко тому ко гнёздышку соловьему.
Увидали дочери соловьего,
Говорят оне да родной матушке:
— Ох ты гой еси, родитель-матушка,
Ах как едет наш родитель-батюшко,
Он на добром богатырском кони,
А везёт на стремени привязаного
Русского могучего бога́тыря.
Подбегает вторая доченька,
Прибежала она да и ахнула:
— Ах ты гой еси, родитель-матушка,
Едет-то русский могучий богатырь,
А везёт нашего кормильца-батюшка
А у стремечки да привязана,
Его платьице да окровавлено.
Говорит жена соловьево:
— Ах вы, глупенькие девушки,
Бежите-тко вы да на широкий двор,

А встречайте гостя,
Русского могучего богáтыря,
Берите гостя под руки,
Проведите гостя в комнаты,
Вы кормите гостя дóсыта,
Уж вы пойте гостя дóпьяна.
Подбежали доценьки соловьевы,
Открывали ворота широкии,
Оне брали подворотеньку чугунную,
Чугунну подворотеньку во сорок пуд,
Они спустили Ильи Муромцу да прямо в голову.
Илья Муромец на то уверток был,
Отклонил он буйную головушку,
Да пролетела мимо подворотенька.
Закричал тут Соловей да зычным голосом:
— Каки глупыи вы, детушки,
Неразумны мои девушки,
Открывайте погреба глубокии,
Вы катите боцьки с золотом,
Боцьки с золотом да други с сéребром,
Вы дарите русского богáтыря,
А упросите кормильца-батюшка
При младости нам на прокормление.
Говорит Илья да таковы слова:
— Не бывать тиби собаке, во своём-то гнёздышки,
Запрягайте-ко телеги ордынские,
Слагайте всё именье-богачесьво,
Везите вы ко городу ко Киеву,
А к ласковому князю ко Владимиру.
А сам в дороженьку да отправляетсе.
Приездяет ко городу ко Киеву,
Как ко тым палатам белокаменным.
А в эту порушку, да в это времячко
А князь солнышко Владимир стольне-киевский
Как идёт из церквы из соборноей,
Как от той обеденки христовскоей
Со своей княгинюшкой Апраксией.
Князь вошол в палаты белокаменны,
За столы садился за дубовыи,
А за те скамеечки окольныи.
Кругом сидят князья да бóяре,
А русские могучие богатыри,
Доложили тут князю Владимиру:
— Приехал русский могучий богатырь,
Он мужчина деревенщина,
Он у вас просит разрешеньица
Как войти в палаты белокаменны.
Говорит Владимир стольне-киевский:

—Пусть идёт, да знат, как себя держать.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он по крылецькам идет да потихошеньку,
А в палату входит он смирнёшенько,
Крест кладёт да по-писáнному,
А поклон ведёт он по-уцёному
На вси на цетыре на стороны,
А князю солнышку с княгинею в особину.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Ох ты гой еси, удалой доброй молодец,
Ты скажи-тко мне да не обманывай,
Ты кóей земли, да ты кóей орды,
Коего отца, да кóей матери?
Говорит Илья да таковы слова:
— Я с того ли города да Мурома,
Из того села да Карачарова,
Я крестьянский сын да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит Владимир стольне-киевской:
— Ты когда из Мурома повыехал,
Зачем ты, молодец, к нам пожаловал?
Говорит Илья да таковы слова:
— А я утренню стоял во Муромли,
А ко обеденки я торопился во Киев-град,
Да в дорожки немножко призамешкался.
Тут княженецкии гости переглянулися.
Меж собой они приусмехнулися.
Говорит Олёшинька Попович млад:
— Ох, ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Перед тобой стоит мужчина-деревенщина,
Как во глазах мужчина издевается,
Над тобой мужчина усмехается,
Как ехал он дорожкой прямоеждею,
Тут заставушки да есте великии:
Как у той у речки у Смородинки
Стоит рать-силушка великая,
Там татаровей да сорок тысячей,
А вторая есть заставушка —
Соловей разбойник Будимирович;
Он на семи суках,
Он свистит по-соловьиному,
Он шипит да по-змеиному,
И ревит собака по-звериному.
От того ли от свисту от соловьиного,
От того ли от шипу от змеиного,
От того ли от крику от звериного
Лесы тёмныи да приклоняются,
Люди добрые по земли валяются.

Тут говорит да Илья Муромец:
— Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской,
Соловей-разбойник на твоем двори;
У того столба точёного, колечка золочёного
Как стоит мой богатырский конь,
У седёлышка черкасского
Соловей-разбойник есть привязаный,
Ему выбитой да левый глаз,
Левый глаз да со косицею.
Тута солнышко Владимир стольне-киевской
Встает да на резвы ноги,
Кунью шубку одевает на одно плечо,
Соболью шапочку положил на одно ушко,
Выходил он на широкий двор,
И видит он Соловья-разбойника
Как у стремени да привязана.
Говорит Владимир стольне-киевской:
— Ах ты, Соловей сын Будимирович,
Засвисти-тко ты по-соловьему,
Закричи-тко ты по-звериному,
Зашипи-тко ты по-змеиному.
Говорит Соловей Будимирович:
— Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской,
Ни у тебя сегодня я обедаю,
Ни тебя сегодня буду слушати,
Я обедаю у Ильи Муромца,
Я его сегодня буду слушати,
А мне поужинать да гди бог сулит.
Говорит ему Илья Муромец:
— Засвищи-тко, Соловей, да в полсвиста,
Зашипи-тко, Соловей, да ты в полшипа,
Закричи-тко Соловей, да ты в полкрика.
Говорит Соловей да Будимирович:
— Мои уста кровью запеклися,
От печали нету голоса.
Говорит тут Илья Муромец:
— Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевский,
Ты налей-ко чару зелена вина,
Поднеси-тко Соловью-разбойнику.
Тута солнышко Владимир стольне-киевский
Говорил он таковы слова:
— Ах вы, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкии,
Вы сходите в погреба глубокии,
А налейте чару зелена вина,
А не малу чару — полтора ведра,
Разведите вы медамы да стоялыма,
Поднесите Соловью да разбойнику.

Наливали слуги зелена вина,
А не малу чару — в полтора ведра,
Подносили Соловью да разбойнику.
Соловей разбойник Будимирович,
Он берёт чару да одной рукой,
Выпивает чару на единой дух.
Тут засвистал Соловей по-соловьинному,
Зашипел разбойник по-змеинному,
Заревел разбойник по-звериному;
Тёмны лесушки к земле приклонилися,
С теремов маковки посыпались,
Люди добрые на землю попадали,
А Владимир стольне-киевской,
Он стоит да на ногах шатается,
Куньей шубонькой да укрывается,
Соболья шапочка уж по земле валяетце,
А княгинюшку да Апраксию
Чуть живу снесли да во высок терём,
Вси князья и бояре и сильные могучии богатыри
По крылечушку в терем ползком ползут.
А старый казак да Илья Муромец,
Он стоит да улыбается;
Говорит Илья да таковы слова:
— Ой ты гой еси, собака Будимирович,
Ты наказа моего да не послушаўся,
Я велел тебе свистать да в полсвиста,
Приказал шипеть да тебе в полшипа,
Приказал реветь тебе да в полкрика,
А за это ты мне порасчитаесся.
Он берёт его за жóлты кудри,
Говорит Илья да таковы слова:
— А не чесь-хвала мне молодецкая
Окрававити крылецько княженецкое.
Он выводит Соловья да на широкий двор:
— А не чесь-хвала мне молодецкая
Окровавити дворы мне княженецкии.
Ведёт Соловья да во чисто поле,
Отрубил Соловью да буйну голову.
Когда возвращался Илья да во Киев-град
А по той дороженьке путистоей,
Как идут телеги ордынскии,
На них погружено да покладено
Все соловьёво да богачесьво,
Много золота, да много сéребра.
Приказал Илья везти на княженецкий двор:
— Вот ты, солнышко Владимир стольне-киевской,
На свиданьице да тебе подароцьки.
Говорит Владимир стольне-киевский:

— Ах вы, слуги мои верныи,
Вы берите гостя по́д руки,
А ведите его в горницю,
Кормите гостя до́сыта,
А вы напойте гостя до́пьяна.
Говорит ему да Илья Муромец:
— Ах ты гой еси, Владимир стольне-киевский,
Я не гось приехал да не угощатися,
А приехал с вами побрататися,
Послужить вам верой-правдою,
А за тую Русь да православную.

4

ПРО СВЯТОГОРА

Как не да́лече-дале́че во чистом во поли́,
Тута куревка да поднималаси,
А там пыль столбом да поднималаси, —
Оказался во поли́ добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютой зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поли, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наеждяет Святогор-богатырь
Во чистом поли́ он на сумочку да скоморошную;
Он с добра́ коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, —
Эта сумочка да не ворохнется.
Опустился Святогор да со добра́ коня,
Он берёт сумочку да одной рукой —
Эта сумочка да не сшевелитца;
Как берёт он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По-колен ушол да в мать-сыру землю —
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
— А много я по свету ездивал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не сшевелится,

Не шевелится да не здымается,
Богатырской силы не сдавается.
Говорит Святогор да таковы слова:
— Верно тут мне, Святогору, да и смерть пришла.
И взмолился он да своему коню:
— Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина.
Как схватился он да за уздечику серебряну,
Он за ту подпругу золочёную,
За то стремецько да за серебрянно.
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут садился Святогор да на добра́ коня
И поехал во чисту́ полю
Он ко тым горам да Араратскиим.
Утомился Святогор да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошноей
И уснул он на добро́м коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под да́леча-дале́ча, из чиста́ поля́
Выеждял старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он бога́тыря:
— Что за чудо вижу во чисто́м поли́,
Что бога́тырь едет на добро́м кони́,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко.
Как скрычал Илья да зычным голосом:
— Ох ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты что, молодец, да издеваесся,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяесся,
Не ко мне ли старому да подбираесся,
А на это я могу ответ держать —
От бога́тыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом —
От бога́тыря да тут ответа нет.
Разгорелось серце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берёт он палицу булатнюю,
Ударяет он бога́тыря да по белым грудям,
А бога́тырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъеждяется он во чисто́ поле,
А с разъезду ударяет он бога́тыря —
Пуще прежнего он палицей булатнею.
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут ста́рой казак да Илья Муромец,

А берёт он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу да во сорок пуд,
Разъеждяется он со чиста поля
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
— Ох, как больно руськи мухи кусаются.
Поглядел богатырь в руку правую,[1]
Увидал тут Илью Муромца,
Он берёт Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырскоей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Как день он едет до вечера,
Тёмну ноченьку да он до утра,
И второй он день едет до вечера,
Тёмну ноченьку он до утра,
Как на третей-то да на денёчек
Богатырский конь стал спотыкатиси.
Говорит Святогор да коню доброму:
— Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаесся?
Ты итти не мошь, аль вести не хошь?
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
— Как прости-тко ты меня, хозяинушко,
А позволь-ко мни да слово вымолвить —
Третьи суточки да ног не складучи,
Я вожу двух русскиих могучиих богатырей,
Да й в третьих с конём богатырскиим.
Тут Святогор богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелёшенько;
Он берёт Илью за жолты кудри,
Он кладёт Илью да на сыру землю
Как с конём его да богатырскиим.
Начал спрашивать да он выведывать:
— Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты — богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле
Попробуем мы силу богатырскую.
Говорит Илья да таковы слова:
— Ай же ты, удалой добрый молодец,
Я вижу силушку твою великую,

[1] В правую сторону.

Не хочу́ я с тобой сражатиси,
Я желаю с тобой побрататиси.
Святогор богатырь соглашается,
Со добра коня да опущается,
И раскинули оне тут бе́л шатёр,
А коней спустили во луга зелёныи,
Во зелёныи луга оне стреножили.
Сошли они оба во белой шатёр,
Они друг другу порассказалиси,
Золотыми крестами поменялиси,
Оны с друг другом да побраталиси,
Обнялись они поцеловалиси, —
Святогор богатырь да будет бо́льший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут оне откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатёр да опочив держать.
И недолго, немало спали трое суточек,
На четвёрты оне да просыпалиси,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали оне да коней добрыих,
И поехали оне да не в чисто́ поле,
А поехали оне да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели оне да чудо чудное,
Чудо чудное, да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб;
Как бога́тыри с коней спустилиси,
Оне ко́ гробу к этому да наклонилиси,
Говорит Святогор да таковы слова:
— А кому в этом гробе лежать су́жено?
Ты послушай-ко, мой меньший брат,
Ты ложись-ко во гроб да померяйсе,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб.
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца бо́льшего,
Он ложился Илья да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк,
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор богатырь,
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
— Ай же ты, Илья, да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,

Полежу в гробу я, полюбуюся.
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
— Ай же ты, Ильюшенька да Муромец,
Мни в гробу лежать да тяжелёшенько,
Мни дышать-то нечим да тошнёшенько,
Ты открой-ко крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху.
Как крышечка не поднимается,
Даже щилочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
— Ты разбей-ко крышечку саблей вострою.
Илья Святогора послушался,
Берёт он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обруци железныи;
Начал бить Илья да вдоль и поперек,
Всё железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
— Ах ты, меньший брат да Илья Муромец,
Видно тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ко ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тиби да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится.
Говорит Илья да таковы слова:
— У меня головушка есь с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достатоцьно;
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать-сыра земля,
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мни-ка служит верой-правдою
Мни старой Бурушка косматенький.
Тута братьица да распростилиси,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскии.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают,
А на том былинка и закончилась.

ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА

Во Ростове было славном городе
У Леонтия у попа ростовского
Было чадочко да его милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Олёшенька да Поповиць-свет.
Когда в малом был да он ребячестве,
На широкой уличке погуливал,
Он с ровесникамы шуточки пошучивал, —
Хватит за руку и рука долой,
Хватит за ногу и нога долой.
Леонтью попу ростовскому
Эти шуточки были не по разуму,
Говорил Леонтий таковы слова:
— Уж ты, чадочко да моё милое,
Ты ходи, гуляй да посмирнёшенько,
А потише ты ходи ключевой воды,
А пониже ты ходи да шелковóй травы,
Не срами-тко ты да отца с матушкой
И всего ли нашего роду поповского.
И подрос Олёшенька до полного возраста,
И ходил-гулял по городу Ростовскому,
Он играл в гусёлышки яровчаты,
Завлекал игрой да красных девушек
И молодых да всех молодушек.
Во одну пору, в одно времячко
Говорит Олёша таковы слова:
— Ах ты гой еси, родимый батюшка,
Не люблю я города Ростовского,
Не могу я выносить названьица поповского;
Дай-ко мне прощеньице-благословеньице,
Погулять мне по белу свету,
Посмотреть хочу я людей добрыих;
Я поеду ко городу ко Киеву,
Послужить мне ласковому князю да Владимиру.
Ты, родимой мой батюшка,
Уж ты дай коня да мне надёжного,
И наряды все молодецкие,
И доспехи дай да богатырские.
Говорит ему родной батюшка:
— Уж ты, чадочко да моё милое,
Ты пойди в конюшеньку стоялую,
И бери коней да хотя парою,
Ты поезди, погуляй да по чисту́ полю,
А ворочайся домой да поскорёшенько,

Расскажи-ко про гулянье потихошенько.
Тут Олёшенька скорым скорёшенько
Он пошол в конюшеньки стоялые,
Взял он бурушка да там косматого,
Выводил бурка да на широкий двор,
Не седлал коня, не окольчуживал,
А накинул дерюжку домотканную.
Как вскочил Олёша на добра́ коня,
На колени пал да его добрый конь,
На колени пал да и встать не мог.
Тут разгорелось сердце молодецкое
У того Олёши у Поповича,
Как сдирал шкуру с коня доброго,
А бросал тут тушу чёрным во́ронам.
Он к попу ростовскому не ворочается,
А пешком в путь-дорожку отправляется,
Только взял с собой гусёлышки яровчаты
И ту́гой лук берёт он, калёны стрелы.
А идёт Олёша по чи́сту по́лю,
Поигрывает в гусёлышка яровчаты,
А поигрывает Олёша да посматривает,
Не найдёт ли Олёша белой лебеди
Или серой да малой утушки.
И подходит Олёшенька поповский сын
Во чисто́м поле ко сыру́ дубу́,
И ложился Олёша на сыру́ землю́,
На сыру́ землю́ на шелко́ву траву.
Тут хотел Олёшенька да опочив держать,
А на том дубу да там сидел чёрной ворон.
Разгорелосе сердечко молодецкое,
Говорит Олёша таковы слова:
— Долго я ходил да по чи́сту по́лю,
Не нашол-то я ни гуся и ни лебедя
И не серой да малой утушки,
Я стрелю с досады да чёрна ворона.
Тут скорым Олёша поскорёшенько
Тугой лук разрывчатый натягивал,
И он стрелочку калёную накладывал
И хотел убить он чёрна ворона;
А птица вещая да чёрен ворон,
Как закаркал ворон по-птичьему,
Заговорил ворон по-человечьему,
Говорит воро́н да таковы слова:
— Ай же ты, удалой добрый мо́лодец,
По прозваньицу Олёшенька Поповичець,
Не стреляй-ко ты меня да чёрна ворона,
Тебе от ворона да ко́рысть малая,
Мою кровь ты пустишь по сыру́ дубу,

Мои перья разнесёт да по чисту́ полю,
Мою тушицу ты бросишь да серым волкам.
Ты послушай-ко меня да чёрна ворона,
Неподалече-далéче во чистóм поле
Стоит берёза там покляпая,
От ветрушка берёзынька шатается,
Ко сырой земли берёза поклоняется,
На две яблоньки берёза упирается;
А под березой под покляпою
Как лежит тут сер-горюч камень
Не велик, не малый, а во сорок пуд,
А на камне надпись да написана:
— Кто бы этот камень приподнять бы мог,
Тот бы был моим спасителем.
Тут Олёшенька, поповский сын,
Не убил он чёрна ворона,
К той берёзыньке да поспешается,
По чисту́ полю идёт да спотыкается
(Он устал, хоть и удалый был).
Приходил к берёзыньке покляпою,
Прочитал он надпись да написану,
И собрался с силой богатырскою,
Приподнял он камень единóй рукой,
Заходил в пещеру подземельную.
Да стоит тут добрый богатырский конь
У того столба ли у точёного,
У того колечка золочёного,
И заблет он пшеницу белоярову.
Посмотрел Олёшенька вперёд себя,
Чуду чудному да чудуется,
А диву дивному да он дивуется:
Как сидит тут девица да красная,
Поленица сидит да разудалая,
Руки, ноги в цепи закованы,
Коса русая да в стену замуравлена,
Ясны очушки не открываются,
Бела грудь у ней да без дыханьица,
А на столе лежат да ярлыки да скорописчаты,
А в этих ярлыках да принаписано:
— Кто зайдёт да к подземелию,
Придайте моё тело сырой земле,
Помяните мою да душу грешную,
Душу грешную Марию Королевичну,
Тридцать лет гуляла по чисту́ полю,
Не нашла себе да поединщика,
А теперь нашла я лиходейщика,
Кто спасёт меня и помилует,
Тот бери моё злато-серебро,

Тот бери коня да богатырского.
Тут Олёшенька да поповский сын,
Он оковы железны повыломал,
А русу косыньку со стены повыдергал,
Придал мертво тело он сырой земле
И потом он взял коня да богатырского,
Выводил коня да на чисто́ поле,
И он взял седёлышко черкасское
И все доспехи брал да богатырские.
Он заседлывал коня да он налаживал,
Кладал потнички да он на потнички,
Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Положил уздечику шелко́вую,
Он двенадцать подпругов подтягивал,
И двенадцать пряжечек застёгивал,
Не для ради красы-басы, угожества,
А ради крепости богатырския.
По полюшку коня да он поваживал,
Он и чудушку да чудуется,
Он и дивушку да дивуется —
Его добрый конь да как ясен сокол.
Он садился Олёша на добра коня,
Отправлялся Олёша в путь-дороженьку,
Но не знает Олёша да не ведает,
А в котору сторону ехать ко городу ко Киеву:
В подвосточну ль ехать иль в подзападну,
В полуденну ли или в подсиверну.
На ту пору, на то времячко
Посмотрел он в трубочку подзорную:
Из того ли лесу, лесу темного
Выходил калека перехожая.
Направил Олёша добра́ коня
К тому калеке перехожему,
Повстречалися, разговорилися:
— Уж ты здравствуешь, калека перехожая,
Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь?
Говорит калека перехожая:
— А ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
А Олёшинька поповский сын,
Когда начал ты выспрашивать,
Тогда я тебе буду рассказывать:
Я ходил, бродил да по белу́ свету,
Я ходил ко городу да к Ерóсолиму
Я господу да богу помолитися,
Ко господню гробу приложитися,
Во Ердан-реки да окупатися,
У кипарисна деревца да сушитися.

От Ерóсолима я возвращаюся,
Я к граду Киеву да пробираюся,
Хочу господу я богу помолитися,
Киево-печерским мощам да приложитися;
Только скажу тебе, да добрый молодец,
Как ко стольному ко городу ко Киеву
Две пути да есть да две дороженьки:
Прямоезжая дороженька пятьсот-то верст,
По окольной-то дорожке цела тысаця;
Только большая бедушка случилася,
Великое горюшко да приключилося,
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка замуравлена:
Как на славный стольно-Киев град
Нападает Тугарин сын Змеевич есть.
Как на той дорожке прямоезжеей
Там заставушка да великая,
Стоит там войска много-множество,
Много-множество да сорок тысячей.
Говорит Олёшенька Попович млад:
— Ай же ты, калека перехожая,
Благодарствую тебя да много-множество,
Что сказал ты мне ту весточку да радостну,
А теперь прошу калеку перехожую,
Ты послушай-ко совета молодецкого,
Я раскину шатёр бело-полóтнянный,
Оставайся ты да во чистóм поли,
Ешь да кушай, опочив держи,
А я поеду удалый добрый молодец
Ко тому ко городу ко Киеву,
Я дорожкой поеду прямоезжеей,
Посмотрю войска да я Тугарина.
Тут калека перехожая соглашается,
В чистом поле отдыхать он собирается,
Условились они да сговорилися
Дожидать Олёшу во чистóм поли,
У того ли у шатра бело-полотняна.
Тут с калекою Олёшенька прощается,
В путь-дороженьку Попович снаряжается.
И поехал он дорожкой прямоезжею,
Подъезжает он ко войску ко Тугарину,
Кругом войска он объезживат,
Все высматривал он да он выглядывал.
Разгорелось сердце богатырское,
Берёт он палицу булатную,
Стал по войску он погуливать
И булатной палицей помахивать,
Куда махнёт, туда улица,

Перемахнёт — переулочек.
Перебил он войска много-множество,
Приустала рука богатырская,
Только горит сердечко молодецкое.
Как хватил он молодого татарина,
Стал татарина да он выспрашивать:
Стал татарина да он выведывать:
— Ты скажи, татарин, не утай себе,
Чья стоит тут рать-сила великая?
Говорит татарин, заикается:
— Это рать сила великая
Есте сильного Тугарина Змеевича.
Говорит Олёшенька Попович млад?
— Где же есть Тугарин сын Змеевич млад?
Говорит татарин таковы слова:
— Он уехал ко городу ко Киеву,
Ко тому ласкову ли князю ко Владимиру
На веселое да пированьице,
И пирует там три дня и три ночи,
А за честь Тугарина Змеевича
Пишут записи они великие:
Как Владимир князь стольно-киевской
Платит дани да пошлины
За двенадцать лет да с половиною
Сильному Тугарину Змеевичу;
Если не заплатит дани-пошлины
За двенадцать лет с половиною,
Мы на Киев-град да войной идём,
Мы Киев-град да огнём сожгём,
Князя солнышка да во полон возьмем
Со своей княгиней со Апраксией.
Тут у Олёшеньки да у Поповича
Разгорелося сердечко богатырское,
Как схватил татарина он за ноги,
Стал татарином да он помахивать,
Куда махнёт, туда улица,
Перемахнёт — переулочек.
Говорит Олёша таковы слова:
— А крепок-то татарин, не сломится,
А из жил-то ведь собака не перéрвется.
Перебил Олёша тут татарином
Всю рать-силу великую,
Не оставил он татаровей на сéмена.
И вскочил Олёша на добра коня,
Поехал он ко городу ко Киеву,
Не дверями он ехал не воротами,
А скочил он прямо через стену городовую,
Соезжал на широк княженецкий двор.

Соскочил Олёша со добра коня,
Ко столбу коня он не привязывал,
За конём следить он не приказывал,
Прямо шол в палаты княженецкие,
На пяту он дверь размахиват,
Никому он о себе да не докладыват,
На святы иконы он не молится,
И незваным он гостям не поклоняется;
Припрятался Олёша за печкой муравленой
Во той во гридни во светлоей.
А сидит тут солнышко Владимир князь,
Он сидит да все поджимается,
Куньей шубонькой Владимир укрывается,
А супротив его да за столом дубовыим
А сидит Тугарин сын Змеевич млад.
Ростом-то Тугарин трех сажен,
В плечах-то Тугарин коса сажень,
Голова-то у Тугарина как пивной котел,
А глазища у Тугарина да будто чашищи,
Он и ест да пьёт да наслаждается,
Говорит Тугарин таковы слова:
— Ах, солнышко Владимир стольно-киевский,
А какие у вас есть на Руси да богáтыри?
Говорит Владимир стольно-киевский:
— У меня есть сильные могучие богáтыри:
Илья Муромец да сын Иванович,
Только в Киеве его не случилося,
Есть Добрынюшка да сын Никитинец,
Его в Киеве не пригодилося,
Все поразъехались во путь-дороженьку.
Говорит Тугарин сын Змеевич млад:
— Илья Муромец да сын Иванович,
Он помного ль к выти хлеба ест,
(Зараз к одному обеду),
Много ль пьёт да зелена вина?
Тут Владимир князь ответ держал:
— К выти кушает он два калачика крупичатых,
По две чарочки да пьёт зелена вина.
Тут Тугарин насмехается:
— Это не богатыри да на святой Руси,
А как есте я Тугарин сын Змеевич млад,
Я по печи ем хлеба печёного,
По ушату пью да пива пьяного.
Тут Олёшенька поповский сын не вытерпел,
Говорит Олёша таковы слова:
— Как у моего-то у родителя у батюшки,
У Левонтья у попа да у ростовского,
Была старая коровища обжорища,

Много ела она — лопнула,
Много пила она — треснула.
А Тугарин сын Змеевич млад
Говорит еще да таковы слова:
— По быку я ем да к выти варева,
А на закуску белую лебедушку.
Говорит Олёшенька Попович млад:
— У моего ли-то кормильца батюшки,
У Левонтья у попа да у ростовского
Была старая псища обжорища,
По подстольям псища шаталася,
Большой костью псища подавилася,
Подавиться и тебе поганому
От меня от Алёши от Поповича.
Тут Тугарину да сын Змеевичу
Это ли словечко не слюбилося,
Не слюбилося словечко в запреку пришло,
Как вскочил Тугарин на резвы ноги,
А схватил Тугарин свой булатный нож,
А Олёшенька поповский сын
А на то Олёшенька увёрток был,
На лету он нож подхватывал,
А таковы слова да выговаривал:
— Ай же ты, гагара безногая,
Молодой Тугарин сын Змеевич млад,
А не честь-хвала мне молодецкая,
Мне скровавити палаты княженецкие,
И не честь хвала мне молодецкая,
В княженецком тереме мне соколу
А щипать собаку чёрна ворона,
Но сейчас Тугарин я с тобою не прощаюся,
А во чистом поле я с тобою повстречаюся,
Приезжай Тугарин во чисто́ поле,
Мы с тобою там да повстречаемся.
Тут Тугарин сын Змеевич млад
Не дверями шол да не воротами,
А повыскочил косящетым окошечком,
И садился Тугарин на добра коня,
На своего коня да он крылатого,
Полетел он прямо во чисто́ поле.
А Олёшенька Попович млад,
С князем Владимиром он прощается,
Вслед Тугарина в чисто поле да отправляется.
А Тугарин сын Змеевич млад
На своем коне да на крылатоем,
Высоко он поднимается
И грозит Олёшеньке Поповичу
Саблей острою, копьём да моржавецкиим.

Тут Олёшенька Попович призадумался,
Призадумался да запечалился,
Сел на коня да поворот держал
Ко тому лесочку ко тёмному,
Ко тому шатру бело-полотняну,
Разбудил он калеку перехожую:
— Ах ты гой еси, калека перехожая,
Скидавай-ко ты платье скоморошное,
Разувай-ко ты лапотцы семи шелков,
Одевай одёжу богатырскую.
Тут калека встал да соглашается,
А с богáтырем он платьицем меняется.
Тут Олёшенька да Леонтьевич,
Обувает он лапотцы семи шелков,
Одевает он одёжу скоморошную,
Берёт он шалапугу подорожную,
Во чистó поле он отправляется,
Со Тугарином Змеевичем встречается.
Как кричит Тугарин сын Змеевич млад:
— Ах, ты гой еси, калека перехожая,
Не видал ли в полюшке богáтыря
А того Олёшки Поповича?
Ему крицит Олёшенька поповский сын:
— Ах ты гой еси, Тугарин сын Змеевич млад,
Подъезжай ко мне поближе ты ко старчищу,
Не слыхать мне отдали, да что ты говоришь.
Тут Тугарин сын Змеевич млад
Ко сырой земли опускается,
Ко Олёшеньке Поповичу да приближается.
А Олёшенька Попович млад,
На то времячко он да увёрток был,
Он ударил шалапугой подорожною
По большой башки Тугарина Змеевича
И свалил Тугарина он на сыру землю
И вскочил он Тугарину да на белы́ груди,
Вынимал Олёша свой булатный нож,
Хочет резать ему груди поганые.
Как взмолился Тугарин сын Змеевич млад:
— Ай же ты, Олёшенька Попович млад,
Не губи меня, да пожалей меня,
Не пори мои да груди белые,
Лучше мы с тобою побратаемся,
Честным словом мы с тобою поменяемся,
Ты, Олёшенька Попович, будешь бóльший брат,
Я Тугарин сын Змеевич буду меньший брат.
Мы напишем записи великие,
Я не буду наступать на стольно-Киев-град,
И платить я буду дани пошлины

Я за двадцать лет скорым скорёшенько.
Говорит Олёша таковы слова:
— Я не хозяин стольно-граду Киеву,
Есть хозяин да стольно-киевский
А ещё солнышко Владимир стольно-киевский.
Мы поедем-ко ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Уж мы там, собака, побратаемся.
И связал он Тугарина Змеевича
А во те во торока да во крепкие,
Привязал ко правому ко стремени
И поехал ко городу ко Киеву
И ко ласковому князю ко Владимиру.
Как вскочил Олёша со добра́ коня,
Заходил в палату княженецкую,
Прямо шол во гридню во столовую.
Тут крест кладёт он по-писаному,
И поклон ведёт он по-учёному,
Князю солнышку с княгиней поклоняется,
Об себе Олёша объясняется:
— Здравствуешь Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией.
Говорит Владимир таковы слова:
— Ты скажи, скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, да коей орды,
Ты которого отца, да коей матери.
Говорит Олёшенька поповский сын:
— Из Ростова есть да славна города
Сын Леонтья я попа ростовского,
Я приехал ко городу ко Киеву,
Послужить хочу я верой правдою
А солнышку князю да Владимиру.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ты скажи-ко ты, удалый добрый молодец,
Ты когда с Ростова да повыехал,
И какой дорожкой ехал в стольно-Киев-град.
Говорит Олёшенька Попович млад:
— Я заутреню стоял в Ростове славном городе,
А ко обеденке хотел поспеть я в стольно-Киев-град,
А во дороженьке немножко призамешкался,
А как ехал я дорожкой прямоезжею.
В эту пору в это времячко
Как сидел тут боярин стольно-киевский.
Говорит боярин таково слово:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина надлыгается,
Над тобой мужчина насмехается.
От Ростова ли от славна города

А до славна ли до города до Киева
Прямоезжая дорожка заколодена,
А стоит там рать-сила великая,
Этой силушки да и сметы нет,
Эта рать сила великая
Как того Тугарина Змеевича,
Который был тута да на честном пиру.
Не стерпел тут Олёшенька поповский сын,
Закричал Олёша громким голосом:
— Ай же ты, холопина боярская,
Ешь да пей да прохлаждайся тут,
А во чужи дела да не суйся ты,
Порасчищена дорожка прямоезжая
У меня Олёшеньки Поповича,
Эта рать-сила великая
Там лежит как травка подкошеная,
Деревиночка да подсушеная,
А Тугарин сын Змеевич млад
Как он весь да на двори на княженецкоем
В торока да он закованный,
К правому ли стремячку привязанный,
К князю солнышку Владимиру привезенный.
У Владимира сердечко взрадовалося,
Как вскочил он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Соболью шапочку накинул на одно ушко,
Скоро шол он на широкий княженецкий двор
Увидал он Тугарина Змеевича.
Говорит Олёшенька Попович млад:
— Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Я привёз к тебе Тугарина Змеевича,
Хочет он с тобою побрататися
(Алеша обманывает),
А я от собаки отпираюся,
Больше встретиться с собакой не начаюся,
А покончить я Тугарина соглашаюся.
Но не честь хвала мне молодецкая
Окровавить двор мне княженецкий.
Вывозил Тугарина в чисто поле,
Привязал Тугарина ко сыру дубу,
Тугой лук разрывчатый натягивал
Да калёную стрелочку накладывал
И убил Тугарина Змеевича.
Возвращался он в стольно-Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру.
А встречал тут князь с честью почестью,
Его брал он за белы руки,
Целовал его в уста сахарные,

Говорил Владимир таковы слова:
— Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой Олёшенька Поповский сын,
Ты живи-тко в городе во Киеве,
А живи-тко век да по веку,
Ты постой за веру православную.
И пошла тут славушка великая
Про того Олёшеньку Поповича.
На том былинка покончилась.

6

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

А во том ли городе во Киеве,
У того ли князя да у Владимира
Пированьице было почестен пир.
Собралось гостей много званных,
Князей, бояр и русских могучих богатырей.
На пиру-то гости наедалися,
На честном ли гости напивалися,
Во хмелю ли гости порасхвастались;
Умной хвастает отцом да матерью,
Неразумный — золотой казной,
А Добрынюшка — молодой женой.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах вы, гости мои честные, могучие богатыри,
Как сегодне по утрушку по раннему
Приежжал гонец из чиста поля,
От того морюшка от синего,
От той горы Араратские,
Говорит гонец таковы слова:
— С того ли со морюшка со синего
Выходит Змеища-Горынища
О семи главах, о шести ногах,
О шести ногах, о восьми хвостах,
А за ней змеёнышей-детёнышей
Много множество да и счёту нет.
Как идёт змея с этой силушкой
Да на великий град да стольно-киевский.
Вы, русские могучие богатыри,
Вы ступайте-тко да на помогушку,
Защищайте-тко вы святую Русь,
Святую Русь, веру православную.
Тут богатыри ужаснулися,
Меж собой они переглянулися,
Старший прячется за среднего,
Средний туляется за меньшего,

А от меньшего и ответа нет.
Говорит Владимир князь:
— Ах вы, русские могучие богáтыри,
Не сдадим мы города Киева
Тому Змеищу-Горынищу,
Не пропьём мы веру православную;
Не поедете по охотушке,
А поедете по неволюшке.
Тут встаёт Добрыня на резвы ноги,
Князю Владимеру поклоняется:
— Красно солнышко Владимер стольно-киевский,
Я желаю ехать охотничком,
Я охотничком да добровольничком.
Он и крест кладёт по-писáнному,
Поклон ведёт по-учёному.
Князю солнышку да он в особину.
Всим князьям, боярам поклоняется,
Поклоняется да сам прощается:
— Вы не помните лихом мóлодца,
А добром-то вспомнить миня не за что.
Он приходит к родной матушки,
Говорит ей таковы слова:
— Ох ты гой еси, да родна матушка,
Ты на что Добрынюшку спородила?
Породила бы серым камешком,
Спустила бы во синё море,
А не ездил бы я, добрый молодец,
Да по святой Руси,
Не рубил бы безвинныих головушек,
Не кровавил бы я мать-сыру землю,
Не слезил бы я отцов, матушек,
Не вдовил бы я молодыих жон,
Не сиротил бы малых детушек.
— Ох ты гой еси, удалой добрый молодец,
Мое чадочко, да мое милое!
Кабы знала я, тебя спородила б
Силой-храбростью Святогора богáтыря,
А таланом тебя участью
Во того ли Ильюшеньку Муромца,
Выходкой-походкой щапливою
Во того ли Чурилушку Плёнкова,
Плутовством ли в Олёшеньку Поповича.
Услыхала молода жена Наталья да Микулична,
Выбегала из светлицы грановитою
В одной рубашечке без пояса,
В однех чулочиках без чоботов,
Залилася слезами горючими.
Говорит ей Добрынюшка Никитинеч:

— Наше дело служебное,
Надо делать дело повéленное,
А ты живи, моя молода жена,
Потише ключевой воды,
Пониже шелковой травы;
Пройдёт гóдичек, не ворочуся я,
Подожди, жена, да три гóдичка,
А потом тибе вольная волюшка,
Хоть вдовой живи, хоть замýж иди.
Ты за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богáтыря
Если хочешь, иди за крестьянина,
Только не ходи, супруга, молода жена,
За того Олёшеньку Поповича,
За моего за братца подкрестового,
За это будет вам непростительно.
Сам выходил из гридни столовоей,
Брал коня богатырского,
Брал коня да приговаривал:
— Ты, мой добрый богатырский конь,
Послужи-ка мне да верой-правдою,
Я поеду на полюшко на ратное.
Клал он потнички на потнички,
Кладал войлочки на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Черкасское да малоезжено.
Скидывал с себя да цветно платьице,
Одевал платьице дорожное,
С собой брал доспехи богатырские,
Тугой лук да калены стрелы;
С собой брал он палицу булатную
И копьё он брал долгомерное,
С родной матушкой он прощается.
Стоит Настасьюшка да Микулишна,
Она горькими слезами обливается.
Помолился он на церковь на соборную.
Видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи,
Только в полюшки пыль пылит.
Приезжал Добрыня ко синю морю,
Как к тым ли горам Араратскиим,
Как слезал Добрыня со добра коня,
Стал Добрынюшка сабелькой помахивать,
Как любиму песенку насвистывать
Вдруг синё море всколыхнулоси,
Как выходит Змеище-Горынище
О семи ногах, о шести главах,
О шести главах, да о восьми хвостах.

У Добрыни ноженьки подломилиси,
Очи ясные да помутилиси,
Дыбом стали волосушки
На его богатырской головушки.
Того часа Добрыня опомнился:
— А что набралса я бабьей натурушки!
Он скочил тут на добра коня,
Обнажил он саблю острую,
Подъезжал к Змеищу Горынищу,
Отхватил он саблей одну голову.
Обозлиласи змея, рассердиласи,
Зашипела змея по-змеиному.
Тут явилосе детёнышей-змеёнышей
Много-множество даже счёту нет.
Добрынюшка добрый молодец
Коих мечом рубил, коих конём топтал;
От восхода красна солнышка,
От восхода он пробился и до запада,
А поганой силушки не убыло,
Не убавляетса, все прибавляетса.
Пробилса Добрынюшка Никитинеч,
Пробилса со змеей ровно три года.
Отрубил змеи да вси головы,
Истоптал он всих змеёнышей-детёнышей,
Завалил он полюшко чистое
Этой силушкой да он поганою.
Настасьюшка да свет Никулишна
Сидит под окошечком косящетым,
Не спускает глаз со чиста поля,
Все Добрынюшку да дожидаючись.
А плутоват Олёшенька да поповский сын,
Стал к Настасьюшке да он похаживать,
Стал Настасьюшку да он подсватывать.
Говорит Олёша таковы слова:
— Ты, Настасьюшка да свет Микулична,
Ты не жди Добрынюшку Никитича,
Как ездил я по синю морю,
Да ко тем горам Араратскиим,
Как у кустушка да у ракитого,
Там стоит привязан богатырский конь,
А лежит Добрыня в куст головушкой,
Кровь струится молодецкая,
Обогрила матушку сыру землю.
Говорит он князю Владимиру:
— Ах ты, князь стольно-киевский,
Долго-ль молодцу мне шататися,
Надо молодцу да поженитися,
Пособи-тко да мни сосватати,

Есть на примете у меня вдова беспризорная,
Настасьюшка да Микулишна.
Владимир князь стольно-киевский,
Он сватов послал, сам гостей созвал,
Гостей созвал на весёлый пир.
Взял гусельщиков он, шарманщиков
В честь Олёшеньки да Поповича
Да Настасьюшки да Микуличной.
Настасьюшка свет Микулишна
Не сказала Добрыниной матушки,
Только матушка догадаласи,
Куда лебедь бела потеряласи.
Как сидит Добрынина матушка
Под косящетым окошечком,
Смотрит в полюшко да она чистое;
В поле куревка да поднималаси,
Богатырска лошадь показаласи,
Оказалась лошадь у крылечушка,
Как приходит тень богатырская:
— Уж ты здравствуешь да родна матушка.
— Ох ты, гой еси, удалый добрый молодец,
Не слези-тко мою головушку,
Не печаль-ко ты сердце ретивое.
У меня ли у бедноей у матушки
Было чадочко примилое
Добрынюшка да свет Микитинеч;
Получили мы таку весточку, —
В чистом поли да лежит в кустушки,
Его телушко лежит да бездыханное.
Он ко матушке да приклоняетса:
— Уж ты гой еси, да родна маменька,
Не узнала ты Добрынюшку Микитича.
— У моего ли-то у Добрынюшки Микитича
На головушке была-то переложинка.
Наклонил Добрыня головушку,
Успокоил свою родну матушку.
Она целует, милует, богу молитса,
Говорит Добрыня таковы слова:
— Где моя супруга, молода жена,
Не встречат с дороги добра молодца?
— Твоя жена да замуж пошла
За того ли Олёшеньку да Поповича,
И сегодня у них пированьицо,
Завтра пойдут в церковь во соборную,
Ко винцам пойдут ко злачёным.
Тут Добрынюшка не замешкался,
Умывался он побелёшенько,
Одевался он поскорёшенько,

Снял он платьице дорожное,
Одевал платье скоморошное,
Он брал гусёлышки яровчаты,
Он пошол ко князю Владимеру.
Стоят тут слуги княженецкии,
Не пускают добра молодца:
— Непрошеным гостям у нас места нет.
Говорит Добрыня таковы слова:
— Уж вы слуги княженецкии,
На пирах да на свадебных
Есть и зрители и посетители,
Пропустите малу скоморошину,
Из-за печеньки посмотреть мни на весёлый пир.
Пропустили слуги скоморошину,
Сел за печечку на скамеечку,
Он вынимал гусёлышки еровчаты,
Стал по струночкам да он поваживать,
Стал он песенки да насвистывать;
Разгорелось сердце богатырское,
Он запел песенку вполголоса,
Он вполголоса да про святую Русь,
Про того про князя про Владимера,
Про княгинюшку да про Апраксину.
Эта песенка князю по уму пришла,
По уму пришла да полюбиласи.
Говорит Владимер таковы слова:
— Ах ты, малая скоморошина,
Ступай-ка ты да к моему столу ко дубовому.
Наливал он чару зелена вина,
Подавал он малой скоморошины:
— Вот те, мала скоморошина,
Друга чарочка да меду сладкого.
Взял Добрыня чарочку да во белы руки,
И опустил он в чару золотой перстень,
То колечушко обручальное.
Говорит он князю Владимиру:
— Ты позволь-ко, князь, да стольно-киевский,
Поднести мне чару, кому я хочу.
Подавал он чарочку Настасьюшки Микуличны,
Подавал, приговаривал:
— Если хошь добра, выпивай до дна.
Выпивала Настасьюшка Микулишна,
А на дни в чарочки осталоси
То колечушко да золочёное.
Говорит Настасьюшка Микулична:
— Красно солнышко да Владимер князь,
Не тот мни муж, что подли меня,
А тот мни муж, что супротив миня.

Вставала Настасья Микулишна
Из-за того стола из-за дубового,
Князю солнышку да поклониласи,
А Добрынюшки да свет Никитичу
Она в ноженьки да повалиласи.
— Ты прости меня, моя державушка,
Во вине меня прости, во женской глупости,
Что наказа твоего не послушала,
За Олёшеньку Поповича замуж пошла.
Говорит Добрыня таковы слова:
— Не дивую я уму женскому,
Волос бабий долог, ум-то короток.
А дивую Олёшеньки Поповичу,
Своему я братцу подкрестовому, —
От живого мужа сибе жену взял,
Да дивую князю Владимеру,
За него я ездил, странствовал,
За него я бился, ратился
Со Змеищей со Горынищей
Не много, не мало, ровно три года.
Потом взял Олёшеньку Поповича
За его за кудри за жолтыи,
Повытащил из-за стола из-за дубового,
Стал по горенке его поваживать,
Он похлопывал да приговаривал:
— Еще всякий да на свете женится,
А не всякому женитьба удаваетса,
Удалась женитьба Олёшеньки Поповичу —
От живого мужа жену замуж взял.
Тут Олёшеньки да славу поют.

7

ПРО ДУНАЯ ИВАНОВИЧА

Как во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьице да был почестен пир;
На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися
Разными да похвалами похвалялися.
Как весенний день идёт ко вечеру,
А почестной пир да навеселе,
А на том ли на честном пиру
Сидят князья да тут бояровья,
И сильные могучие богатыри,
А и те и поляницы да удалые.
Как возговорил Владимир стольно-киевский:

— Уж вы гости мои да любимые,
Вы князья да все и бояровья,
Да и русские могучие богатыри,
А и все-то вы да поженены,
Только я один да не женат живу,
Не женат живу да холостым слыву.
Вы взойдите-тко в моё да в положение,
А подумаем мы за обще, за одиное,
Как мне молодцу да поженитися,
Где жену найти да мне по разуму,
Чтобы ровня была добру молодцу,
Чтоб лицом красна да умом статна,
Чтобы было чем с людями мне похвастати,
А и всем бы было кому кланяться.
Тогда гости все да призадумались,
Старший-то туляется за среднего,
А средний-то туляется за меньшего,
А меньшего и ответу нет.
Как за того стола из-за дубового
На скамеечки сидел да на окольною
Молодой тихий-то Дунаюшко,
Князю-солнышку он в пояс поклоняется,
Говорит Дунай да таковы слова:
— Ай же, солнышко Владимир стольно-киевский,
Не вели меня казнить, вели речь говорить.
Когда был я молодец в летах молодыих,
Побывал я у короля литовского,
А служил я королю да ровно девять лет,
Три года-то служил я парубком,
А три когда служил я конюхом,
А три года прослужил я стольником,
Тому времечко да прошло девять лет.
У того ли короля да у литовского
Есть две дочери прекрасные,
Одна дочь Настасья королевична —
Не пойдёт она во замужество
Не княгиней, не царицею,
Ездит в поле удалой поляницею.
Она ищет себе да поединщика,
Кто Настасьюшку да с коня собьёт,
За того Настасьюшка и замуж пойдёт.
Есть и младша дочь да на выдаваньи
Прекрасна Опракса королевична,
Она лицом красна да умом статна,
У ней походочка да невинная,
Поговора-речь да лебединая,
Брови чёрны у ней да соболиные,
Очи ясные да соколиные,

А говорит она, будто рублем дарит.
У того у князя у Владимира
Разгорелося сердечко молодецкое,
Как вставал Владимир на резвы ноги,
Говорил Владимир таковы речи:
— Уж как тихий ты, Дунай Иванович,
Как умел ты девицу повыхвалить,
Ты умей-ко красную повысватать,
Как высваташь ты девицу, тебя помилую,
А не высваташь, так на меня ты не прогневайся.
Бери-тко ты, Дунай, да золотой казны,
Золотой казны сколько надобно,
И бери себе да коня доброго
И в дороженьку справляйся ты немедленно.
Тута Тихий-то Дунай Иванович
Князю солнышку да низко поклоняется,
Говорит Дунай да таковы слова:
— Ай же солнышко, Владимир стольно-киевский,
Уж ты дай-ко мне да коня доброго,
Ещё дай товарища надёжного,
Моего ли братца подкрестового,
Ты Добрынюшку да свет Никитича.
Тут встают удалы, добры молодцы
Из-за того стола да из-за дубового,
С князем солнышком Владимиром прощаются,
А во дальнюю дороженьку собираются.
Выходили они на княженецкий двор,
Садились молодцы да на добрых коней.
Видели-то молодцов сядучи,
А не видели удалыих поедучи,
Только куревка во поле прокурела.
Ехали, поехали да по чисту полю,
Как ко той столице ко литовскою,
К славному ли королю литовскому,
Приезжали молодцы на королевский двор.
Говорит Дунаюшка Иванович:
— Ай же ты, мой братец подкрестовый,
Оставайся на дворе да королевском,
Собирай своих да добрых коней,
Если будет мне-ка надобно,
Приходи на помощь да на выручку
А во те палаты королевские.
Сам идёт скорым-скорёшенько
Как во те палаты королевские.
Выходил во гридню во столовую,
Как сидит тут король земли литовскою,
Перед ним лежит доска шахматная.
Говорит Дунаюшка Иванович:

— Уж здравствуешь король земли литовскоей!
— А здравствуешь удалый добрый молодец,
А тихий ты Дунай Иванович,
Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь,
Ты зачем же ко мне Дунай пожаловал?
Как служил Дунай ты у меня ровно девять лет,
Послужи-тко еще да верой-правдой,
А за то тебя, Дунаюшка, пожалую.
Говорит ему Дунай Иванович:
— Ай же ты, король земли литовские,
Не служить приехал — по другим делам,
У тебя ли есть ли любима дочь,
Тая ли Опракса королевична,
Отдай-ко Опраксу королевичну
Во замужество за князя за Владимира
А во нашу землю святорусскую.
Рассердился король да поразгневался,
Как схватил король доску шахматную,
Говорит король да таковы слова:
— Ай же ты, Дунай Иванович,
Если не служил бы ты у меня да девять лет,
Я покончил бы тебя да на этом местечке,
А за твою услугу за верную,
За твою работу неизменную
Угощу тебя да честно именно,
Посажу тебя во погреба глубокие
А на кушанье на овёс да на воду,
Там, Дунаюшко, да приобдумайся,
Ты обнёс мою да дочь старшую,
А приехал сватать дочку младшую,
Огорчил ты меня, короля литовского.
Закричал король да громким голосом:
— Уж вы слуги мои да королевские,
Вы берите-тко да добра молодца,
А того ли Дунаюшка Ивановича,
Отведите его во погреба глубокие,
Закройте двери тяжолые,
Забейте двери дубьями, колодьями.
А Дунаюшка увёрток был,
Он скорым да скорёшенько
Убежал со гридни со столовою,
Заходил он во светлую во светлицу
Ко прекрасной Опраксы королевичны,
Говорил Дунай да таковы слова:
— Ай же ты, прекрасная Опракса королевична,
Ты поди-тко во замужество
К нам во землю святорусскую,
А за киевского князя за Владимира.

Говорит Апракса королевична:
— Ай же тихий ты, Дунай Иванович,
Я три года богу русскому молилася,
Чтобы быть за князем за Владимиром.
Тут скорым да поскорёшенько
Тихий-то Дунай Иванович
Как он бежал во гридню во столовую
Ко тому ли королю да литовскому,
Он ударил по столу да по дубовому,
Разлетелся стол да в мелки дребезги,
А схватил Дунай доску шахматную.
Говорит он королю литовскому:
— Если хочешь жить, то отдавай нам Опраксу королевичну,

Закричал Дунай да громким голосом:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Поспевай-ко ты ко мне на помощь!
Тут Добрынюшка да Никитинец
По двору он запохаживал,
А он палицей булатной запомахивал,
Как побил он всех слуг да королевскиих,
Как кто стоя стоял, да сидя сидит,
А кто сидя сидит, да тот лежа лежит.
Закричали слуги королевские:
— Ах же ты, король земли литовской,
Неужели из-за девки всем погибнуть,
Отдавай-ко ты Опраксу королевичну.
А Дунаюшка да сын Иванович
Как скорым скоро да поскорёшенько
Опускал Опраксу королевичну
Во косящето да во окошечко,
А принимал Опраксу королевичну
Молодой Добрынюшка Никитинец,
Посадил её да на добра коня
И увёз Опраксу во чисто поле.
А король земли литовскоей
Бежит во светлую во светлицу
И кричит король да громким голосом:
— Ай же дочь моя, да ты любимая,
Опраксия да королевична,
Налетели богатыри да святорусские,
Они челом не бьют, а силой берут.
А видит, опустела светла светлица,
Тута нет Опраксы королевичны.
Тут король земли литовскую
Он упал да на кровать да на тесовую,
Залился король да горькими слезами,
Говорит король да таковы слова:

Где же ты, дочь моя любимая,
Дочь любимая, поляница удалая?
Поезжай-ко да ты вслед с угоною,
А повыручи с неволищи
А сестрицу свою милую.
Тихий-то Дунаюшко и Добрынюшка Никитинец
Как во том во полюшке во чистоем
Пораскинули да белой шатёр,
Поели, попили да покушали,
Белы лебеди они порушали
И ложились спать да опочив держать,
Привязали своих добрых коней
А во полюшке да на зелёный луг.
Не спалося тута тихому Дунаюшку,
Выходил Дунай да со бела шатра,
Как смотрел Дунай во трубочку подзорную,
Видит в полюшке да только пыль летит,
Пыль пылит, добрый конь бежит,
А на добром коне да богатырь сидит,
Богатырь сидит да кричит громким голосом:
— Ах вы воры, русские богатыри,
Вы не золото украли да не серебро,
А украли вы да красну девицу,
А мою ли сестрицу да родимую.
Тут Дунаюшка да сын Иванович
Не тревожил он братца подкрестового,
А того Добрынюшку Никитича,
Не разбудил он красну девицу,
А как ту Опраксу королевичну,
Поскорёшенько вскочил он на добра коня
И поехал он навстречу ко богатырю.
Тут с богатырем да повстречалися
Палицами булатными ударилися;
У их палицы да приломалися,
А не который не которого не ранили,
Второй раз поразъехались да съехались,
И сразилися копьями муржавецкими.
Муржавецкие копья присогнулися,
А не которой не которого не ранили.
Соскочили богатыри да со добрых коней,
Пошли они в бой да в рукопашную.
Супротивник Дуная Ивановича
Крепко бил его да во белу грудь,
А на груди у тихого Дунаюшки
Был повешен золочёный крест,
Углубился крест да в груди белые,
Из груди полилась кровь алая.
Тут разгорелось сердце богатырское,

Ударил супротивника он во белу грудь,
И упал тут супротивник на сыру землю.
Схватил Дунай тут свой булатный нож,
Хотел пороть он груди белые
Тому сильному могучему богатырю.
Увидал тут Дунай Иванович,
Не богатырь тут, а была женщина,
А тая поляница ли удалая,
А прекрасная Настасья королевична.
Говорит Настасья королевична:
— Ай же ты, Дунай Иванович,
Не узнал ты верно красну девицу,
А меня ли поляницу да удалую,
А Настасью ли да королевичну,
Не пори-тко ты мои груди белые,
Мы с тобою ведь были да знакомые,
Ты служил у нас да верой-правдою,
Пощади меня да не губи меня.
Тут тихий-то Дунай Иванович
Берёт её да за белы руки,
Поднимает её да со сырой земли,
Тут признал Настасью королевичну.
Говорит Настасья королевична:
— Много лет я ездила во чистóм поле,
Не нашла себе да супротивника,
Чтобы мог спустить меня с добра коня,
Победил ты силу богатырскую,
А ты возьми-тко меня да во замужество.
Тут возрадовался Дунаюшко Иванович,
Как берёт её да за белы руки,
Целовать хотел он во уста сахарные.
Говорит Настасья королевична:
— Ай же ты, Дунаюшко Иванович,
Не целуй-ко меня во уста сахарные,
У меня есте уста поганые.
Мы пойдём-ко ко городу ко Киеву,
Проведи меня во веру провославную,
Православную ты веру святорусскую.
Потом пойдём во церковь во соборную,
Мы златыма венцами повенчаемся,
А именными кольцами обручаемся.
А Добрынюшка да свет Никитинец
Садились на добрых коней, да и уехали
А ко тому ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Как прекрасная Опракса королевична
Как во той во церкви во соборную
С князем со Владимиром венчается,

А Настасья королевична
Ко венцу с Дунаем собирается.
Как в один прекрасный денёчек
Две сестрицы в божьей церкви повенчалися.
Тут Владимир князь да стольно-киевский
Как завёл он пир да на четыре дня.
Как на том пиру на княженецкоем
Было много собрано князей, бояр
И сильных могучих богáтырей
А из города да из Киева,
А из другого да из Чернигова,
Из Казани, с Рязани, со Астрахани.
На пиру-то все да наедалися,
На честном-то все да напивалися,
Всякима да похвалами похвалялися.
Говорит тут тихий-то Дунаюшко:
— Много удали да на белóм свету,
А удалее нет Дуная да Ивановича.
Съездил я, повысватал
Молоду жену князю Владимиру,
А другу сестру да за себя я взял.
Говорит Настасья королевична:
— Ай же ты, Дунай Иванович,
А не поспел ты, Дунаюшко, женитися,
А уж стал, Дунай, да похвалятися.
Это слово-то Дунаю взапреку пришло,
Взапреку пришло да не слюбилося.
— Я тебя, жена, повысватал,
Я тебя, жена, повыучу.
Берёт Настасью королевичну
Как за теи за руки за белые,
А за перстни он да обручальныи,
Выводил Настасью на широкий двор,
Заносил он саблю острую,
Он срубил Настасье буйну голову.
Окровавил он да саблю вострую,
Как срывал с Настасьи шаль он шолкову,
Обтирал об шаль он саблю острую,
Становил он саблю во сыру землю,
Во сыру землю да он тупым концом,
А на острый конец падал своей грудью белою.
Проколола сабля ретиво сердце,
Замертво ложился на сыру землю.
И упало тут две удалые головушки
Как во тот ли день да во свадебный.
Где упала Дунаева головушка,
Протекала тут Дунай-река,
А Дунай река, да река быстрая,

А где упала Настасьина головушка,
Протекала тут Настасья-река,
На том былинка и закончилась.

8

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда ставало солнце красное
А на то на небушко на ясное,
Зарождался тут молодой Вольга Всеславьевич.
Стал Вольга растеть-матереть,
Учился Вольга да всяким премудростям,
Серым волком рыскать во темных лесах,
Щукой-рыбою да нырять во синих морях;
Собирал Вольга дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
Сам Вольга да во тридцатых.
Как пожаловал его да родной дядюшка
Солнышко Владимир стольно-киевский
Он тремя городам со крестьянами.
Как в одну порушку да в одно времецько
Отправляется Вольга Святославьевич
Со своей дружинушкой хороброю
К тем городам за получкою.
Первый город был да Гурьевиц,
А другой город Ореховец.
А поехали да в путь дороженьку,
Ехали-поехали да по чисту полю,
Слышат в полюшки да оратай орёт;
Сошка кленовенька поскрипывает,
А омешики по камешкам пощёкивают.
Оне едут целый день с утра до вечера,
А не могут да оратаюшки доехати.
Слышат — сошка кленовая поскрипывает,
Омешки по камешкам пощалкивают.
А оратай на лошадку покрикивает.
И второй они едут день до вечера,
И не могут оратая доехати;
И третий день едут до пабедья,
Тут видят — оратай орет во цистом поли;
У оратая кобылка соловая,
У оратая сошка кленовая,
А омешки у сошки серебряныи,
А пригужоцки у сошки шолковыи.
Говорит Вольга да таковы слова:
— Бог те помощь, оратай-оратаюшка,
Орать да пахать да крестьянствовать.

Говорит оратай таково слово:
— Те спасибо, Вольга Всеславьевич,
Мне божья помощь да надобна
Пахать да орать да крестьянствовати.
А скажи-тко, удалой добрый молодец,
Куда едете, куда вы путь держите
Со своею дружинушкой хороброю?
Говорит Вольга да таковы слова:
— Мни пожаловал да родный дядюшка
Владимер князь да стольно-киевский
Мне три города да со крестьянамы,
И я еду к городам да за полуцькою.
Говорит оратай-оратаюшко:
— А я был в городи только третьего дни,
Там живут мужицьки всё разбойницьки,
А разбойницьки всё подорожницки,
А с ножами стоят да край дороженьки,
Собирают гроши да подорожныи.
Я им дал гроши да подорожные:
Как кто стоя стоит, так тот сидя сидит,
А кто сидя сидит, так тот лёжа лежит,
И уехал от них непростивши я,
И увёз я соли ровно три меха,
Я три меха да по сорок пуд
На своей на кобылке соловенькой.
Говорит Вольга Святославьевич:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
А поедем-ко с нами во товарищах.
Говорит оратай-оратаюшко,
— Не срамись, удалой добрый молодец,
У тебя есь дружинушка хоробрая,
А немало-немного — три десяточка.
Стал просить Вольга Святославьевич:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ай дружинушка моя всё молодая,
А молодая вся ненадёжная.
Оратай-оратаюшко соглашается,
В путь дороженьку с ними отправляется;
Он шелковые гужики повыстегнул,
И кобылку из сошки повыдернул.
Сели на добрых коней, поехали,
Ехали-поехали по чистому полю.
Говорит оратай таковы слова:
— Ай же ты, Вольга Святославович,
Я кобылку из сошки повыдернул,
Да шелковы-то гужики повыстегнул,
А оставил сошку в бородоцьки;
Ты пошли-тко дружинушку хоробрую,

Чтобы сошку с борозды повыдернуть,
А из омешков земельку повытряхнуть,
А и бросить бы сошку за ракитов куст,
А не для ради прохожего-проеждего,
А ради мужика да деревенщины.
Посылает Вольга Святославович
Из своей дружинушки хороброей
Пять молодцов да што й не лучшиих,
Чтобы сошку с бороздочки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Да и бросить бы сошку за ракитов куст.
Эти удалы добры молодцы
Как сошку кленову вокруг вертя́т,
А не могут сошку от земли поднять,
С тем обратно возвращаются,
А Вольге Всеславьевичу да извиняются,
Что не могли мы сошки от земли поднять.
Тут Вольга Святославович
Из дружинушки отправляет целым десяточком.
Приезжают удалы добры молодцы,
Они сошки за обжи вертя́т,
А не могут сошки от земли поднять.
К Вольге Всеславьевичу возвращаются,
Перед ним много извиняются:
— Не могли мы сошки от земли поднять.
Тут Вольга Всеславьевич
Посылает всю дружину хоробрую.
Приежжают добры молодцы,
Тридцать молодцов без единого,
Они сошку за обжи вертя́т,
А не могут сошку от земли отнять;
Оне к Вольге обратно возвращаются,
За свою удачу сознаваются:
— А не могли мы сошки от земли поднять.
Говорит Микула Селянинович:
— А стар мошник, верно, наварны щи,
А молоды черятки, да черви в них
(Приконфузил маленько),
Поедем-ко Вольга Святославович,
Уберём мы сошку кленовую.
Приехали к сошки кленовоей,
Говорит Микула Селянинович:
— Ай же ты Вольга да Святославович,
Поднимай-ко сошку кленовую.
Как опускался Вольга да Святославович,
А он брался за сошку кленовую
Всей он силушкой да молодецкою,
Резвы ноженьки да подломилися,

Очи ясныи его да помутилися,
А упал Вольга да на сыру землю,
Говорит Вольга да таковы слова:
— Ай же ты, оратай да оратаюшко,
Да много я по свету ездивал,
А такого чуда я не видывал.
Рыбой щукою ходил я во синих морях,
Серым волком рыскал я во темных лесах,
Не научился этой я премудрости,
Орать-пахать да я крестьянствовать.
Тут берёт оратай-оратаюшко
Добра молодца за желты кудри,
А садил его да на добра коня,
Сам берёт он сошку да одной рукой.
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешков земельку повытряхнул,
И он бросил сошку во ракитов куст,
Сам садился на кобылку соловую,
И поехали они да дальше в путь-дороженьку.
Оратаюшки кобылка шагом идёт,
А Вольгин-то конь поскакивает,
Оратаева кобылка рысью пошла,
А Вольгин-то конь оставаетце.
Говорит Вольга да таковы слова:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Эта бы кобылка коньком бы была,
Я дал бы за конька да пятьсот рублей.
Говорит оратай-оратаюшко:
— А я взял кобылку жеребчиком спод матушки,
Заплатил за жеребёночка пятьсот рублей,
А теперь не возьму и две тысячи,
А эта бы кобылка коньком бы была,
Дак этому коню цены бы не было.
Они ехали поехали по цйстому полю,
Как назад оне да ворочают,
А тих дружинушки так и с виду нет.
Говорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
А вперёд-то нам да чтобы знакомым быть,
Как узнать-то у вас имя, отчество,
И как зовут тебя по имечки?
И как величают по отечесву?
Говорит оратай-оратаюшко:
— А я как ржи напашу да во скирды сложу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
И я драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да мужичков созову,
Мужичков созову да и допьяна напою,

Тут станут мужички меня здраствовати:
— Уж ты здраствуешь, Микула Селянинович.
А на том былина и покончилась.

9

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Во тот ли стольно-Киев-град
Как сходилися да съезжалися
Сильные могучие богáтыри,
Старой казак да Илья Муромец,
Добрынюшка Никитинич
И Михайло Потык сын Иванович.
Они-то съезжалися да опозналися,
Друг-то с дружкою да побратáлися,
Золотыми крестами поменялися.
Илья Муромец да был бóльший брат,
Добрынюшка Никитинич — тот средний брат,
А Михайло Потык сын Иванович да меньшой брат.
Начали они по Киеву похаживать,
Начали по стольному погуливать,
Начали порядочки налаживать.
Очистили все улицы стрелецкие,
Исправили палаты княженецкие
И поставили крепость белокаменну
Круг сего ли города, вкруг Киева.
Говорит тут Илья Муромец:
— Ах вы, братьица мои крестовые,
А долго ль нам по Киеву погуливать,
А нам долго ли по городу похаживать,
Наладили порядки мы под Киевом,
Теперь пора ли братья поразъехаться,
Покорять нам языки неверные,
Прибавлять земельки святорусские.
Ты, крестовый брат, Добрынюшка Никитинич,
Поезжай за славное синé море,
Покоряй языки все неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А ты, Михайло Потык сын Иванович,
Поезжай ты добрый молодец
Ко той корбе тёмною,
А ко той ко грязи ко чёрною,
А к тому царю Вахрамею Вахрамееву,
Покоряй языки ты неверные,
А прибавляй земельки святорусские.
А я, Ильюшенька, как постарше всех,
А поеду я да во чúсто пóле

И буду корить там языки́ неверные,
Прибавлять земельки святорусские.
Добры молодцы тут прощаются,
В путь-дорожку отправляются.
А Михайло Потык сын Иванович
Приходил на свой широкий двор,
А как крикнул он по-богатырскому,
А и свистнул он по-молодецкому:
— Ах вы, парубки да мои верные,
Вы давайте мне да коня доброго.
Он седлал его, да снаряжал его,
Клал он потнички да на потнички,
Клал он войлочки да на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Он шелко́вые подпруги да подтягивал,
А серебряные стремяны подлаживал
Не для ради красы́-басы́ да молодецкие,
А ради крепости да богатырские.
Снаряжался он да по-дорожному,
Брал доспехи он да богатырские:
Тугой лук и калены́ стрелы,
Брал он палицу булатную
И копьё он долгомерное.
Как садился он да на добра коня,
Бил коня он плеточкой шелковою:
— Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Послужи-ко ты мне верой-правдою,
Вези-ка в дороженьку дальнюю.
Тут видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи.
Не воротами ехал да калитками,
Махнул он прямо через стену городовую
И повыехал во славно во чисто́ поле.
А во полюшки да только пыль пылит,
А Михайло-свет да как сокол летит.
Подъезжает он ко корбе́ ко тёмною,
Да ко той ли грязи ко чёрною,
Посмотрел он в трубочку подзорную —
Неподалече дале́че во чисто́м поле
А как стоит дворец да того царя
Вахрамея да Вахрамеевича,
А дворец стоит, точно жар горит,
А кругом дворца стена высокая.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Поразмыслился да призадумался:
— А что мне ехать молодцу да томному,
А что мне ехать молодцу голодному.
Пораскинул он да свой белой шатёр,

Привязал коня он богатырского
Ко тому шатру он белополотняну.
Он поел, попил да в свою волюшку
И ложился он да опочив держать.
Во головушку клал седёлышко черкасское,
По бокам доспехи богатырские
И уснул он крепким богатырским сном.
А у славного царя да Вахрамея Вахрамеевича
А была да там одинака дочь
А Марья ли да лебедь белая,
Посмотрела она в косящето окошечко
А во ту во трубочку подзорную —
А во чистом поле да там белой шатёр,
А у шатра стоит да богатырский конь.
Говорит она да таковы слова:
— А родимый ты мой батюшка,
Славный царь Вахрамей Вахрамеевич,
У тебя была мне дана волюшка
И мне вольная была свободушка
Гулять по тихим да по заводям,
Три года гуляла я да белой лебедью;
А родимый ты мой батюшка,
Теперь ты дай-ка ты мне вольну волюшку
Погулять сходить да во чисто поле,
Ненадолго мне, да на три годичка.
Говорит ей Вахрамей Вахрамеевич:
— Ты любима дочь, да Марья лебедь белая,
А ходила ты, гуляла ровно три года,
Не принесла ты батюшке да худой славушки,
Погуляй поди да во чисто́ поле́,
Только Марья да лебедь белая
Возьми мамушок, бери нянюшок
Да верных своих служаночёк.
Тута Марья лебедь белая
С родным батюшком прощается,
Гулять во чисто поле отправляется,
И берёт она с собою мамушок и нянюшок,
Своих верныих служаночёк.
Выходили они да во чисто поле,
А тая Марья ли да лебедь белая
А не дороженькой пошла торёною,
Прямо шла тра́вушкой шелковою;
А эти мамушки да нянюшки
А во траве они заплетаются,
Позади они да оставаются.
Как кричит им Марья лебедь белая:
— А за мной-то вам не нагнатися,
А лучше вам да приостатися.

Эти мамушки да нянюшки
С Марьей лебедь белою прощаются,
А обратно к царю да ворочаются.
Тут Марья лебедь белая
Увидела да вольну волюшку,
Свою великую свободушку.
Богатырского шагу прибавила.
А не в до́лгу пору времячко
Приближалася к шатру белополотняну.
А Михайло Потык сын Иванович
Крепко спит не пробуждается.
Тута верный богатырский конь
Стал он ржать по-лошадиному,
Крепко бьёт он о сыру́ землю
Своим копытом лошадиным.
Тут Михайло Потык сын Иванович
От крепкого сна пробуждается,
Из бела́ шатра да он выскакивал
А в одной рубашечке без пояса,
А в одних чулочиках без чоботов.
Посмотрел во разные сторонушки,
Нигде никого да не предвидится,
Нет наездника во чистом поле,
Не наезжает поляни́ца удалая.
Он бьёт коня да по тучным бедрам:
— Ты чего, собака, раскричалася,
Ото сна тревожишь добра молодца.
Тут Марья лебедь белая
Выходит из-за бела шатра:
— Ах ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты скажи-тко мне, да не утай себя,
Ты какой земли, а ты какой орды,
Какого отца да какой матери?
А я есть да из царства Вахрамея Вахрамеевича
Чесна дочь Марья лебедь белая.
Говорит Михайло сын Иванович:
— Я с того ли города из Киева,
А поехал да во чисто поле
Покорять языки я неверные,
Прибавлять земельки святорусские.
Говорит Марья лебедь белая:
— Ты Михайло Потык сын Иванович,
Ты возьми-тко меня да во товарищи,
Только у меня нету добра коня
И нет седёлышка черкасского.
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
— Уж ты, Марья ли да лебедь белая,
А по сие времячко я не женат живу,

Не женат живу, да холостым слыву,
А поди-тко ты во замужество.
Говорит тут Марья лебедь белая:
— Я три года богу русскому молилася,
Чтобы быть в замужестве за святорусским.
Он берёт её за белы́ руки́,
Хочет целовать во уста да во саха́рные.
Говорит ему да Марья лебедь белая:
— Михайло Потык сын Иванович,
А не целуй да во уста сахарные,
А уста мои да есть поганые,
Я есть верушки да некрещёноей,
А если есть у тебя желаньице,
Ты вези меня в стольно-Киев-град,
Приведи во веру во крещёную,
А во тую ли веру православную,
Потом мы с тобой да повенчаемся.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Седлал коня да богатырского,
И сели на добра коня, поехали
Ко тому ко городу ко Киеву.
Не явился он ко князю ко Владимиру,
А прямо шли во церковь во соборную.
Провели ее во веру православную.
Тут венцами они да повенчалися,
Золотыми перстнями обручалися,
И поделали они записи великие,
Который из них впереди помрёт,
А второму живому с ним во гроб легчи.
А во ту порушку, да в это времячко
Его братцы крестовы ворочалися,
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка свет Никитинич.
По приезду удалых добрых молодцов
А Владимир князь да стольно-киевский,
Собирает он да почестный пир,
Собирает он всех князей-бояр
И русских могучиих богатырей,
Всех поляниц да он удалыих.
На пиру все наедалися,
На честно́м-то все напивалися,
Разными похвалами похвалялися.
Говорит Добрынюшка Никитинич:
— А я съездил за славно синё море,
Много бил я поганыих татаровьев,
Покорял языки я неверные,
Прибавлял земли я святорусские.
Говорит тут Илья Муромец:

— Далеко я ездил во чисто поле,
Много бил я поганыих татаровьев,
Много прибавлял земельки святорусские.
Пришла очередь Михайлы да Иванову.
Говорит Михайло свет Иванович:
— А я ездил ко той корбы ко тёмною,
А ко той ко грязи я ко чёрною,
А к тому царю Вахрамею Вахрамееву,
Мы играли с ним в шашки-шахматы,
Я повыиграл много злато-серебра,
Навалили злато-серебро а на телеги на ордынские,
Повезли во стольный Киев-град.
Тут лошадки в дороге утомилися,
У телег ордынских оси подломилися,
Мы повыкопали ямы глубокие,
Свалили туда да сребра-золота
До поры-то мы до времени.
На ту пору, на то времячко
Как дубовы двери отворяются,
Незнакомый человек да появляется,
Святым иконам он не молится,
Дорогим гостям да он не клонится,
А вынимает ярлыки да скорописчатые,
Подавает князю он Владимиру,
Говорит он да таковы слова:
— Я приехал к вам да грозён посол
Как от той от корбы тёмною
И от той грязи чёрною,
От того царя Вахрамея Вахрамеева,
Вы платите-тко да дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною,
Дадим вам сроку да на три дня.
Если в этот срок вы не уплатите,
Мы идём на вас да грозной войной,
Мы ваш Киев-град да огнем сожгём,
Князя мы с княгинею в полон возьмём.
Тут возговорит Владимир стольно-киевский:
— Уж ты, Михайло Потык сын Иванович,
Нонь тебе дороженька знакомая,
Поезжай-ко ты ко царю да Вахрамею Вахрамееву,
Отвези-тко ты да сребро-золото,
Заплати-тко ты дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною,
А напиши-тко ты записи великие,
Да вперёд бы нас да не запугивал.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Он в лице да изменяется,
С молодой женой да он прощается,

В путь-дороженьку да отправляется.
Подъезжал он ко той ко корбе тёмною,
Ко той ко грязи ко чёрною,
Ко тому ко царю Вахрамею Вахрамееву.
Заезжает он да на широкий двор,
Привязал коня он богатырского
Ко тому столбу он ко точёному,
Ко тому кольцу он золочёному,
Сам идёт да скорой поступью
В палаты царские да государские.
Под Михайлом Потыком Ивановым
Перекладинки да подгибаются,
А камышовы ступеньчики ломаются.
Приходил в палаты белокаменные,
А сидит тут Вахрамей за дубовыми,
Кушает яствушки сахарные,
А напиточки медвяные.
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
— Здравствуешь, грозный царь ты,
Вахрамей ты Вахрамеевич!
— Добро пожаловать, удалый добрый молодец,
Ты скажи-тко, да не утай себя,
Ты какой земли, да ты какой орды,
Коего отца да коей матери,
Да как тебя зовут по имени,
Величают по отечеству,
Зачем ты молодец сюда пожаловал?
— Я с того ли города из Киева, —
Говорит Михайло Потык сын Иванович,
— Прошла славушка, славушка да великая
По всему ли по белому по светушку,
Уж ты мастер играть в шашки-шахматы.
Я приехал с тобой позабавиться,
Мы сыграем-ко в шашки-шахматы.
Говорит тут Вахрамей Вахрамеевич:
— А мне такие гости да по разуму,
Мы сыграем да с тобой в шашки-шахматы.
И приносит он доску шахматную
Он шахматную да серебряную,
А шашки-шахматы да золочёные.
Усадилися они да за дубовый стол,
А садилися они да сговорилися:
Если кто кого повыиграт,
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич,
Насыпает он да злато-серебра,
Он немножечко-немало сорок тысячей.
А Михайло Потык сын Иванович
Условляется да он решается

Служить царю Вахрамею Вахрамееву
Безданно да безпошлинно
Да ровно три года.
Начали они поигрывать, похаживать.
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Он ступень ступил да не дóступил,
Он другой ступил да переступил,
А Михайло Потык сын Иванович
Как ступил он да повыиграл
Всю бесчётну эту золоту казну,
А немножечко-немало, сорок тысячей.
Говорит Вахрамей Вахрамеевич:
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
А сыграем мы во второй након,
Я влагаю казны больше в три раза.
А Михайло Потык сын Иванович
Поручился служить да ровно шесть годов
Тому царю Вахрамею Вахрамееву.
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Первый раз ступил да не дóступил,
Другой раз ступил да переступил.
А Михайло Потык сын Иванович,
Как ступил он, да повыиграл
Всю бесчётную эту золоту казну.
Говорит Вахрамей да Вахрамеевич:
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Мы сыграем-ко да еще в третий раз,
Полагаю я казны впятеро.
А Михайло Потык сын Иванович
Поручается служить да ровно девять лет.
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Первый раз ступил да не дóступил,
Другой раз ступил да переступил.
А Михайло Потык сын Иванович,
Только раз ступил, да он повыиграл
Всю бесчётную эту золоту казну.
И погрузил на телеги на ордынские
И отправили да во стольний Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру,
А самы садились за дубовый стол
Хлеба-соли да пооткушати,
Белой лебеди да порушати.
А на ту пору, на то времячко
Прилетела тут птица вещая,
Птица вещая да чёрен-ворон.
Она крылышки да расправила,
По стеколышку да ударила.
Летела птиченька да по-птичьему,

Говорит она по-человечьему:
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Уж ты ешь да пьешь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
А во стольном городе во Киеве
А большое несчастьице случилося:
Твоя ли молода жена
А Мария ли да лебедь белая
Сегодня она да скончалася.
Тут Михайло Потык, сын Иванович
Вскочил он на резвы ноги,
Он хватает доску шахматну
И ударил он да о дубовый стол.
Дубовый стол в щепу да разлетается,
Шашки-шахматы по полу валяются.
А слуги верные да царские
По за углам да попрятались.
А Михайло Потык сын Иванович
Не дверямы выходил да не воротами,
Он выскакивал в косящето окошечко.
Садился он да на добра коня,
Говорил коню да таковы слова:
— Ах ты, верный богатырский конь,
Ты пронёс меня сюда за три месяца,
А отсель неси ровно три часа.
Тута взвился богатырский конь,
Перескочил он стену городовую
И понесся он да по чисту полю.
Он реки, озёра перескакивал,
Маленьки речонки промеж ног пускал,
Прискакал ко городу ко Киеву.
А Михайло Потык сын Иванович
Скорой поступью вбежал в гридню во столовую, —
А лежит Мария лебедь белая
На столах она да на дубовыих,
А горят тут свечки да восковые,
А поют стихи заупокойные.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Горючими слезами уливается,
Выходил Михайло на широкий двор,
Закричал Михайло громким голосом:
— Уж вы, братьица мои крестовые,
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да Никитинич,
Приходите-тко да мне-ка на помочь,
Услужите мне да службу верную,
Вы срубите мне колоду белодубову.
Тут являются братьица крестовые,

Ему делают колоду белодубову.
А Михайло Потык сын Иванович,
Скорым скоро бежал он в кузницу,
И сковал он клещи железные,
И сковал пруты железные,
А вторы прутья сковал медные,
А третьи прутья сковал да оловяные.
Тут сготовили колоду белодубову,
Положили с гробом Марью лебедь белую,
А Михайло Потык сын Иванович
Забирает он себе продукцию,
Чтобы хватило ему да на три года.
Выкопали яму тут глубокую
И опустили во матушку сыру землю
Эту ли колоду белодубову,
Положили с гробом Марью лебедь белую.
А Михайло Потык сын Иванович
С братьями крестовыми да прощается,
Во колоду он да опускается.
Их зарыли песками рудожолтыми.
Михайло Потык сын Иванович
Живой сидит во матушке сырой земле,
Читат он книгу да евангелью.
Под землёй да будто шум шумит,
Будто шум шумит, да будто гром гремит, —
Приплывала змея да подземельная,
Как схватила колоду белодубову,
На щепочки колода разлеталася.
Говорит змея да таковы слова:
— Я сегодня сыто пообедаю,
Накормлю своих дитёнышей-змеёнышей:
Тут лежит одно да тело мёртвое,
А второй молодец да живой сидит.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Скоро брал он клещи железные,
А схватил он змею да за хоботы,
И берёт он прутья железные,
И начал бить змею да не жалеючи,
Как он бьёт змею да приговариват:
— Ах же ты, змея да подземельная,
Не ходи-тко по подземелью,
Не сбирай-ко ты да тела мертвые.
Тут змея ему да скорилася:
— Ай же ты, удалый добрый молодец,
Ты не бей меня, змею поганую,
Не кровавь свои ты руки белые,
Пожалей моих детей-змеёнышей.
А Михайло Потык сын Иванович

А он бьёт змею да не жалеючи.
Говорит змея да таковы слова:
— Ты, Михайло Потык, сын Иванович,
Дай-ка сроку ты мне на три́ года,
Я слетаю ко тому городу да к Еросáлиму,
Ко тому кресту да Леванистову,
Я принесу тебе да живу́ воду,
Оживить тебе Марью лебедь белую.
А Михайло Потык сын Иванович,
Он бьёт змею да не жалеючи:
— Мне-ко три́ года́ да будет долго ждать.
Говорит змея да таковы слова:
— Я принесу тебе да через единый год.
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
— Мне через год-то будет долго ждать
И бьёт змею да не жалеючи.
Росхлыстал он прутья да железные,
И берёт теперь да прутья медные,
И бьёт змею да не жалеючи.
Говорит змея да таковы слова:
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Ты не бей меня, змею поганую,
Не кровавь свои да руки белые,
Я принесу воды да через три дня.
Говорит Михайло сын Иванович:
— Ты, поганая змея, да мне долго ждать.
Тут взмолилася, змея, скорилася:
— Михайло Потык сын Иванович,
Я принесу воды да через три часа.
Михайло Потык сын Иванович
На это он да соглашается.
Отпустил змею да подземельную,
А оставил у себя дитёнышей-змеёнышей.
Тут змея-то поворочается,
Во дальний путь да отправляется.
В подземельи только шум шумит,
Еще шум шумит да будто гром гремит.
Три часа времячко кончается,
Подземельная змея да ворочается,
Принесла она да тут живой воды.
А Михайло Потык сын Иванович
Он берёт дитёныша-змеёныша,
Разорвал дитя он на́-двое,
И сложил детёныша как надобно
И он спрыснул живой водой.
А дитёныш-змеёныш вместе срос,
Как второй он спрыснул раз,
А змеёныш уж живой стал.

Тут Михайло Потык сын Иванович
Потом спрыснул Марью лебедь белую —
Во гробу она зашевелилася,
Во второй раз спрыснул —
Она повыстала,
Дал попить воды, она и ожила.
Говорит тут Марья лебедь белая:
— Как сегодня я да долго проспала.
А Михайло Потык сын Иванович:
— Если б не был я, то ты бы вечным сном да проспала.
Тут задумался Михайло запечалился:
Как повыстать им да из сырой земли.
Закричал Михайло зычным голосом,
Зычным голосом, что было моченьки.
Мать сыра земля да всколыбалася,
А жолты пески да рассыпалися.
А на тую порочку да на времячко
Его братьица да подкрестовые
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич
Выходили из церкви соборной.
От той заутрени христовской,
Подходили к могилушке глубокой,
Говорят они да таковы слова:
— Верно Михайлушке в могилушке да плохо жить.
И брали лопатушки дубовые,
Раскопали могилушку глубокую,
Поднимали Михайла Потыка Иванова
С молодой женой с Марьей лебедь белою.
Они чудушку да чудуются,
Они дивушку да дивуются,
Что из мёртвых живые сталися.
Тута братьица да крестовые
Поздоровались да похристовкались,
И веселы да пошли радостно
Во стольный да во Киев-град.
А Михайло Потык сын Иванович
Со своей женой пошол во высок терем,
Стали жить они да обживатися.
А во тую ли да в пору времячко
Прошла славушка да великая
По всему ли по белому по светушку,
Как про ту ли Марью лебедь белую,
Что есть на свете Марья лебедь белая,
Она прекрасная да и бессмертная.
И начали съезжаться добры молодцы,
И цари они царевичи,
Короли да королевичи,

Посмотреть на Марью лебедь белую, бессмертную.
Узнавал тут прекрасный царь
Василий да Окулович,
Подобрал он силушку великую,
Он войной пошол на стольный Киев-град,
Становил он полчища да во чистóм поле,
Посылал гонца ко князю он ко Владимиру.
Приезжает тут грозён гонец,
Говорит он князю таковы слова:
Ты, Владимир князь стольно-киевский
Ты давай-ко нам да поединщика,
Съехаться да с грозны́м царём
Со Василием да Окуловым.
Тут Владимир князь да стольно-киевский
Отправляет Михайло Потыка сын Иванова.
А Михайло Потык сын Иванович
Поскорёшенько собирается,
С молодой женой да он прощается,
Во чисто поле да отправляется.
Приезжал Михайло да во чисто́ поле.
Стоят полчища да великие
Уж как тех татаровей поганых.
Начал он по полюшку поезживать,
Поединщика себе посматривать,
Как того царя Василия Окулова.
Не нашол царя да во чистóм поле,
Разгорелось сердце богатырское,
Начал би́ть он поганых татаровей.
Его палица да поломалася,
Копьё острое да притупилося.
Соскочил Михайло со добра коня,
Он схватил татарина да за ноги,
Начал он татарином помахивать, —
Куда махнёт — туда улица,
А перемахнёт — переулочек.
Говорит Михайло таковы слова:
— А и крепок же татарин, не ломится,
А и жиловат, собака, не пере́рвется.
Как убил он всю силушку татарскую,
Приочистил полюшко чистое
И хотел поехать во стольный Киев-град.
А во дороженьке да призамешкался,
А раскинул он да свой белóй шатёр,
А отдыхать он лёг да опочив держать,
И уснул он крепким, богатырским сном.
А грозный царь Василий да Окулович
Уезжал он во стольный Киев-град,
Розыскал он Марью лебедь белую да бессмертную.

В эту пору, в это времячко,
Как сидела Марья лебедь белая
Под косивчатым окошечком
В своём во тереме высокоем,
Всё смотрела в трубочку подзорную,
Ожидала Михайла Потык Иванова,
А ждала она да со чистá поля.
А тот грозный царь Василий да Окулович,
Без спроса он во высок терем,
Без доклада он идёт да в светлу светлицу,
Говорит он таковы слова:
— Уж ты, прекрасная Марья лебедь белая,
Сейчас приехал да из чиста поля,
А во чистом поле да под кустичком
Стоит печальный богатырский конь,
А стоит тот конь невéсёлый,
А к земле головушка повешена,
А Михайло Потык сын Иванович,
А лежит он на матушке сырой земле,
Белы рученьки да пораскинуты,
Ясны очушки да призакрылися,
А ворона над верхом громко каркает.
Тут ли Марья лебедь белая
Горючима слезами уливается,
А грозный царь Василий да Окулович,
Улещать он стал да уговаривать:
— Ты не плачь-ко, Марья лебедь белая,
Ты за Михайлой жила портомойницей,
Портомойницей, да поломойницей,
Ты поди-тко, Марья, во супружество
За меня, Василия Окулова,
У меня тут будешь ты царицею.
Тута Марья лебедь белая,
Она польстилася да согласилася
Пойти да во супружество
За того царя да за Окулова.
Поскорёшенько они сряжалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
На ту пору, на то времячко
Из того ли из чиста поля
Приехал Михайло Потык сын Иванович,
В терему у них пустым пустышенько,
Во светлице да нет никого.
Выходил Михайло на широкий двор,
Закрычал Михайло зычным голосом:
— Уж вы, братьица мои крестовые,
Илья Муромец сын Иванович
И молодой Добрынюшка Никитинич,

Я во полюшке да бился-ратился,
А не знаю я да не ведаю,
Где же моя жена да любима семья.
Говорит тут Илья Муромец:
— А твоя жена уж за́муж ушла
За того царя Василия Окулова,
А если хочешь взять, надо догоня́ть,
Догоняй её да во чистом поле.
Говорит Михайло таковы слова:
— Уж вы, братьица мои крестовые,
Илья Муромец сын Иванович
И Добрынюшка, да свет Никитинич,
Помогите мне да в моей беде,
А поедемте со мной да во товарищах.
Говорят тут русские бога́тыри,
Илья Муромец сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич:
— А не честь-хвала да молодецкая
А трем богатырям ехать нам за бабою,
Ты поезжай, Михайлушко, да одинёшенек,
Догони царя Василия Окулова,
Отруби ему да буйну голову,
Накажи ему да память вечную,
Он не крал бы баб больше из Киева.
Тут Михайло Поты́к сын Иванович
Скорёшенько садился на добра коня,
Перескочил он стену городовую,
Скоро ехал во славно во чисто поле,
А Василий царь да он Окулович,
Пораскинул он да свой белой шатёр,
А стал во полюшке да опочив держать,
А Марья та да лебедь белая
А не ест, не пьёт да не кушает,
А в обратный путь она посматривать.
Видит в полюшке только пыль пылит,
Только пыль пылит, пыль столбом летит.
Прекрасна Марья лебедь белая,
Она брала трубочку подзорную
И узнала Михайло Потык Ивановича,
Скорой поступью бежала во белой шатёр,
Наливала чару зелена́ вина,
А не малу чару в полтора ведра,
Насыпала в чару напитков сонных.
Как подъехал Михайло Потык сын Иванович,
Она шла к нему да низко кланялась:
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Ты прости меня да во той вины,
А во вине прости во женской глупости,

Я не волей пошла, а неволюшкой,
Меня насильно взял да грозный царь,
Тот царь Василий да Окулович,
А ты выпей со дороженьки
Эту чарочку да зелена́ вина.
А Михайло Потык сын Иванович
Берёт он чарочку да одной рукой,
А выпивает он за единый дух
И ложится он да на сыру землю,
И уснул он тут да богатырским сном.
А Марья тут да лебедь белая,
Заходила она да во белой шатёр,
А берёт царя за желты́ кудри:
— Уж ты грозный царь, Василий да Окулович,
А вставай ты да поскорёшенько,
А бери-тко ты да булатный нож,
Отруби ты-тко буйну голову
Михайло Потыку Ивановичу,
Он лежит да на сырой земли.
Говорит тут царь, Василий Окулович:
— А не честь-хвала мне молодецкая
Бить мне сонного да будто мёртвого,
Пусть проспится он да протве́рзится,
Я схожу да с ним на поединочек.
Это слово Марье взапреку пришло,
Выходила она да со бела шатра,
Закричала она да громким голосом:
— Вы, копальщики, да вы, лопатники,
Сослужите вы да службу верную,
Копайте вы да яму глубокую.
А копальщики тут как тут,
Выкопали яму глубокую
И бросали они в яму Михайло Потык Иванова,
И засыпали жолтыма песочкамы.
А Марья лебедь белая,
Она торопит царя Василия Окулова:
— Ты вставай живей да уезжай скорей.
И сели на добрых коней да поехали
Во ту землю сарацынскую.
А михайлов верный богатырский конь,
Он бегом бежит да как соко́л летит
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым ко братьицам крестовыим,
Ко Илье Муромцу сыну Ивановичу,
Да к тому Добрынюшке Никитичу,
По-кониному он ржот да копытом бьёт.
Говорят тут братья крестовые:
— Верно нет у нас да братца ме́ньшого,

А того ль Михайлушки Иванова.
Скорым они скорёшенько
Садилися да на добрых коней,
Поехали да по чисту полю,
А михайлов конь наперёд бежит.
Прибежали ко той яме глубокоей,
Поразрыли песочки жолтыи,
Поднимали тут Михайлушку Иванова.
Говорят тут братиця да таковы слова:
— А сегодня я да как-то крепко спал,
И не знаю я, где Марья лебедь белая.
Говорят тут братиця да таковы слова:
— А твоя жена да замуж ушла
За того царя, Василия Окулова.
Тут взмолился он да скорился он:
— Уж вы, братьица мои крестовые,
Вы поедемте со мной да во товарищах.
— Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Умел бабу взять, дак умей держать,
А потерял её — умей искать.
Тут Михайло Потык сын Иванович
В путь дороженьку да отправляется,
Догонять жену да во чистом поле.
Грозный царь Василий да Окулович,
Он во том во полюшке во чистоем,
Пораскинул он свой белой шатёр
И ложился спать да опочив держать,
А Марья свет да лебедь белая,
Она не ест, не пьёт и тёмну ночь не спит,
Всё в обратную сторонушку посматриват
И за собой сугоны дожидается.
Как смотрит она во трубочку подзорную,
Во чистом поли только пыль пылит,
Богатырский конь да как сокол летит,
Тут узнала Марья лебедь белая,
Что тут едет Михайло Потык сын Иванович.
Бежит Марья лебедь белая
А навстречу Михайлу Иванову,
Говорит она да таковы слова:
— Кого ждала я того дождалася,
Сердце женское да срадовалося,
Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Как не красен день без солнышка,
А не ясна ночка да без месяца,
Плохо жить мне молодёшенькой
Без тебя, удалая головушка,
Ты сговорная моя семеюшка,
Ты, Михайло Потык сын Иванович,

Я с тобой теперь да не расстануся,
От тебя я больше не остануся.
Мы поедем-ка во стольный Киев-град,
Мы с тобой там повенчаемся
И будем жить с тобою не растатися.
Ты, Михайло Потык сын Иванович,
С этой радости ты испей-ко чару зелена вина.
Скорой поступью да лебедь белая
Заходила во белой шатёр,
Наливала чару зелена вина,
А не малу стопу, да полтора ведра,
Насыпала туда да зелья сонного,
Подносила Михайле да Иванову.
А берёт Михайла да одной рукой,
Выпивает стопу на единый дух.
Тут Михайлушка да стал пьянёшенек.
Опустился он да на сыру землю.
Тута Марья лебедь белая
Как бежит она во белой шатер,
Обудила того да царя грозного:
— Ты вставай, Василий да Окулович,
Там Михайло на земли да он крепко спит,
Отруби ему да буйну голову,
Покажи-тко мне да саблю острую,
Саблю острую да окровавленну.
Говорит Василий свет Окулович:
— А не честь-хвала да добру молодцу,
А бить мне сонного да будто мёртвого.
Тут у Марьи да лебедь белая,
У ей женско сердце разгорелося,
Выбегала она да из бела шатра,
Хватила она Михайло Потык Иванова,
Бросала она да через свое плечо:
— Был удалый добрый молодец,
А становись-ко ты да серым камешком.
А сама бежала во белой шатёр
И скорёшенько садилась да на добрых коней
И поехала во землю сарацынскую.
А михайлов богатырский конь,
А стоит он и с местечка не крянется,
В этот камешек да всё копытом бьёт,
Громко ржот он всё по-лошадиному.
В эту пору, в это времячко
Его братиця да подкрестовые
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич,
Во Киеви они да повстречалися,
Про Михайлушку да поразговорилися:

— Что-то братец наш долго разгуливат,
А во Киев к нам не возвращается.
Они подумали да надумали,
Во чисто поле они поехали.
Ехали, поехали да по чисту полю,
Подъезжали они ко тёмну лесу,
А из того из лесушку из тёмного
Выходил старичок да стародавненькой,
Стародавненькой, да он седатенькой.
Говорит старичок да таковы слова:
— Здравствуйте, удалы добры молодцы,
А вы русские могучие богáтыри,
Илья Муромец да сын Иванович
И молодой Добрынюшка Никитинич,
А вы куда-то молодцы поехали?
— Едем мы искать да братца подкрестового,
А Михайло Потыка Иванова.
Говорит им старичок да стародавненькой:
— Вы возьмите-ка меня да во товарищи.
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич,
Промеж собой они переглянулися.
Переглянулися да усмехнулися:
— Дорогой, седой, да ты нам дедушка,
Где тебе гоняться за нами без добрá коня.
Они сели на добрых коней да поехали,
А старичок за ними да следом пошол.
Припустили коней богатырскиих
А во всю ли прыть да лошадиную,
А старичок попережа их заскакиват.
Они ехали, поехали да по чисту полю,
Как стоит тут конь да богатырский,
Узнавали они да добра коня —
Этот конь да Михайло Ивановича.
Он копытом бьёт, да во всю силу ржот
У того ли серого у камешка.
Тут богатыри с добрых коней опустилися.
Говорит им стар-матёр человек:
— Ах вы, русские могучие богатыри,
Поднимите-тко вы острый камешок.
Тут Добрынюшка да свет Никитинич,
Крепко брал он серый камешок
Едва камешок да от земли поднял,
Повыше камешка да он поднять не мог.
Берёт камешок да Илья Муромец,
Он поднял камешек до белых грудей.
Тут говорит да стар-матёр человек:
— А верно старому да пришла очередь. —

Поднимает он да серый камешок
И бросил камешок через право́ плечо,
Бросал камешок да приговаривал:
— Куда упал серый камешок,
Становись тут удалый добрый молодец.
И тут пробудился Михайло сын Иванович
И говорит да таковы слова:
— А сегодня я да как долго спал.
Тут он с братцами да как встречается,
Говорит им да таковы слова:
— А где-то Марья-та да лебедь белая.
Говорят ему богатыри:
— А твоя жена да ведь замуж ушла
За того царя Василия Окулова.
Говорит Михайло таковы слова:
— Уж вы братцы мои крестовые
А поедемте со мной да во товарищи.
Говорит Илья Муромец да сын Иванович:
— А уж как стало нас три товарища,
А ты Михайло будешь во четвёртыих,
А не честь-хвала нам молодецкая
Четвером нам ехать за одной бабою.
А поезжай-ка Михайло да один туда,
А подождём тебя мы во чистом поли,
А если будет бедушка тебе великая,
Дожидайся нас да ты на выручку.
Тут Михайло Потык сын Иванович,
Садился он да на добра коня
И поехал он во землю сарацынскую
Выручать жену да Марью лебедь белую.
А сильные могучие богатыри,
Илья Муромец да сын Иванович,
Пораскинули они да белóй шатёр,
Они стали тут отдыхать да опочив держать.
Приезжат Михайло Потык сын Иванович
Как во тую землю сарацынскую,
Как стоит дворец Василия Окулова.
Он чудушку да чудуется,
А он дивушку да дивуется,
Не видал дворца такого на белóм свету.
А Марья лебедь белая
Из косящата да окошечка
Увидала в трубочку подзорную,
Что приехал Михайло Потык сын Иванович.
Как вскричала она да громким голосом:
— Уж вы слуги, слуги мои верные,
Слуги верные да слуги царские,
Вы бежите-тко да на широкий двор

А берите гостя под руки,
Проведите гостя в свéтлицу.
Во тую пору-времячко
Сама сделала заставушку великую:
Разворочала полы она дубовые,
Под полами погребы глубокие,
Призакрыла тонким льняным полотёнышком.
Сама стоит да дожидается
У той заставы у великоей,
Как ведут Михайло Потыка Иванова
Слуги царские да его под руки.
А Михайло Потык сын Иванович,
Как ступил на льняны полотёнышки,
Провалился в погреба глубокии.
Тут Марья лебедь белая,
Она брала гвозди железные,
Топоры брала тяжолые,
В погреба бежала глубокие,
Связала Михайлу руки белые
И потащила его за стену городовую.
Приковала руки белые
Как ко той стены да городовую,
А как ко той стены да ко липовую,
Привязала его да ножки резвые
А цепями ему да железными.
Его братьица да подкрестовые
Ото сна в шатре да пробудилися,
За Михайлушку они схватилися:
— А поедем-ко да спасать его.
Своих коней да богатырскиих
Спускали они да во зелёный луг,
Во зелёный луг они стреножившн,
Скидывали платья богатырския,
Одевали платье скоморошное,
Брали в руки клюхи деревянные
И пошли ко городу да Сарацынскому.
Как подходят ко стены да городовую,
А Михайло Потык сын Иванович,
Он на стену был да прикованный,
А железными цепями да привязанный.
Гвозди железные повыдернули,
Цепи железные повынули,
А спустили Михайло на свободушку.
Тут стар да матёр человек,
Вынимает он лекарство,
Заливает раночки кровавые
У того Михайла да Иванова.
Эти раночки да призакрылися,

Михайла Потыка да Иванова
Отвели к бабушке задворенки,
Накормили его досыта,
Уложили спать да опочив держать.
Приходили они да на царский широкий двор.
Как закричали калеки во всю голову,
От того ли покрику богатырского
Как окошечки хрустальныи покосилися,
А на башенках маковки попадали.
Говорит тут Василий да Окулович:
— Это гром гремит, иль порог шумит,
Эх какие на Руси калеки голосистые.
Тута Марья лебедь белая,
Она к окошечку бросалася,
Большим страхом испугалася.
А калеки святорусские
Они громче закричали во всю голову:
— Ах Василий ты да свет Окулович,
Подавай-ко нам, калекам перехожиим,
Подавай святую нам милостыню!
Говорит тут Марья лебедь белая:
— Ах не калеки тут да перехожии,
А это русские могучие богатыри,
Илья Муромец да сын Иванович
Да молодой Добрынюшка Никитич,
А во третьих старенький, да я не знаю кто.
Уж ты Василий свет Окулович,
Ты бери-тко гостей под руку,
А ты веди-тко в гридницы да светлые,
А корми-тко гостей ты досыта,
А ты пой-тко гостей допьяна,
Насыпай-ко им да злата-серебра
Много множество да сорок тысячей,
А если оне да порассердятся,
Не сдобровать тут царству сарацынскому,
Всё прибьют они да огнём прижгут,
А тебя царя да во полон возьмут.
Тут Василий свет Окулович,
Выходил он да на широкий двор,
Бьёт челом им, низко кланяется:
— Ай же вы, калеки перехожии,
Проходите-тко вы во палаты белокаменны.
И берёт калек он под руки
И проводит во свои ли светлы горницы.
Садил он за столы да за дубовыи,
А за те скамеечки окольныи,
А кормил гостей он досыта,
А поил гостей он допьяна,

Насыпал гостям да злата-серебра
Немного да немало сорок тысячей.
Тута русские могучие богатыри,
Под названием калеки перехожии
Досыта они да наедалися,
Допьяна они да напивалися,
А бессчётну эту золоту казну
Как они всыпали да в сумки дорожные,
Да с хозяином прощалися,
А во свой шатёр да ворочалися.
Приходили они да ко белу́ шатру
Говорит им стар матёр человек:
— Ай вы, русские могучии богатыри,
Высыпайте всю да золоту казну,
Высыпайте вы да в одну кучу,
А на эту бессчетну золоту казну
А на этом мести да на камени
А повыстройте вы церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому.
Как сказал да и невидим стал,
Только дедушку да и видели.
Тут пораздумались могучие богатыри
И построили они церковь соборную
А тому ли Николе Можайскому,
Сами сели на добры кони и поехали
Ко тому ли городу ко Киеву.
А во том ли царстве сарацынском,
У того царя Василия Окулова,
Была у него да родимая сестра
Анастасьюшка да свет Окуловна;
Говорит она да таковы слова:
— Родимый ты мой брателко,
Грозный царь Василий ты Окулович,
Отпусти-тко ты да красну девушку
Погулять да по заполицам, да по задворицам.
Говорит тут Марья лебедь белая:
— Ах ты грозный царь, Василий да Окулович,
Как отцовы есть да дети матерны
Да и красныя-то девушки,
Сидят они в теремах высокиих,
А безотцова дочь да безматерна
Анастасьюшка да свет Окуловна
Как прогуливает она да тёмны ноченьки
Да по заполицам да по задворицам,
А пропустит она да худу славушку
Тебе царю да Василию Окулову.
Говорит Василий да Окулович:
— Не давай ты мне да ума-разума,

Пусть гулят сестра пока в своём дому.

Тут Настасьюшка да свет Окуловна
Пошла гулять да по заполицам,
Пришла к бабушке да на задворную,
Увидала Михайло Потыка Иванова,
Как окрепнул он да исправился.
Опознался, разговорился,
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
— Уж ты, Настасьюшка, свет Окуловна,
Ты скажи-тко мне да не утай себя,
Где живёт тут Марья лебедь белая.

Говорит Настасья свет Окуловна:
— А Марья ли да лебедь белая
За моим за братцем за родимыим.

Тут вскочил Михайло да на резвы ноги,
Разгорелось сердце богатырское,
Как бежит он во высок терем,
Ко тому царю Василию Окулову,
Он придверников да не спрашиват,
А приворотников да прочь отталкиват,
Забежал в палату белокаменну.
А и сидит Василий да Окулович,
За столом сидит да за дубовыим
А с Марьей лебедь белою.
Схватил Михайло Потык сын Иванович,
А схватил Василья за желты кудри
Да бросал Василья о кирпичной пол,
Тут Васильюшку и славу поют.
Потом схватил он Марью лебедь белую,
Вынимал ножище он кинжалище,
Отрубил он Марьи буйну голову,
Окровавил он палату царскую,
А выскакивал он на широкий двор.
Тут стоит Настасьюшка Окуловна
Он низко клонится ей поклоняется:
— Ты Настасьюшка, да свет Окуловна,
Ты поди-тко за меня да во замужество.

Говорит Настасья, свет Окуловна:
— Долго русскому богу я молилася,
Чтобы быть в замужестве за русским.
Тут пошло у них да столованьице,
Тут пошло у них да пированьице.
А Михайло Потык сын Иванович
Задал пир на весь крещёный мир.
Он принял царство сарацынское,
А на том былинушка закончилась.

10

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Во этой во Индии богатоей
Жил молодой боярин Дюк Степанович.
Говорит боярин таковы слова:
— Ах ты гой еси, да родна матушка,
Да Наталья свет Тимофеевна,
Не довольно ль мне молодцу ребятиться,
Пора-время показаться во добры люди;
Дай-ка мне прощеньице, благословеньице,
Я поеду ко городу ко Киеву,
Ко тому ли князю ко Владимиру.
Говорит ему родна матушка:
— Ах ты, дитятко, молодой боярин Дюк Степанович.
Ты молодёшенек, еще глупёшенек,
В добры люди ты не годишься, сын;
Поживи-тко ты у добротушки у матушки,
Наберись-ка ты ума да разума.
Говорит ей Дюк Степанович:
— Уж ты дашь прощеньице — поеду,
Да и не дашь прощеньице — поеду я.
Скоро шол с палаты грановитоей,
Выводил жеребчика неежжена,
Он седлал его поскорёшеньку,
Кладал потнички да он на потнички
Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал он седёлышко черкасское.
Не стерпело сердце материнское,
Выходила тут родна матушка
А Наталья свет да Тимофеевна,
Говорит она да таковы слова:
— Ой ты, чадочко да мое милое,
Ты куда, мой свет, направляешься?
С родной матушкой да не прощаешься?
Хорошо бы жить да во добрых людях,
Что останется во белых грудях,
Ты заносливо, дитятко, захвастливо,
Чем-нибудь да ты похвастаешь
И положишь там буйну голову.
А иди-тко, свет, в палаты белокаменныи,
Помолись-ко ты спасу-образу,
Хлеба-соли ты покушати,
Белой лебеди да порушати,
А потом и отправляйся в путь-дороженьку.
Не неволю я тебя, добра молодца.
Тут молодой боярин Дюк Степанович,

Он идёт в гридню-столовую,
Досыта он наедается,
С родной матушкой да прощается,
В путь-дороженьку да отправляется
Во пути-дорожки не замешкался,
Подъежжает ко городу ко Киеву,
А заходит в палаты белокаменны
Ко тому ко князю ко Владимиру.
Как сидит Владимир за столами за дубовыми,
Со князьями, со боярами,
С русскима могучима богатырями.
А молодой боярин Дюк Степанович
На святые иконы не молится,
Князю солнышку да он не клонится,
А князьям-боярам только рукой махнул.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ай же ты, гой еси да добрый молодец,
Ты откуль к нам, гость, пожаловал,
Ты коей земли да коей орды,
Какого отца и какой матери?
Говорит боярин Дюк Степанович:
— Я со той со Индии богатоей,
Сын чесной вдовы Натальи Тимофеевны.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— А зачем ты, молодец, пожаловал?
— Я приехал ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимиру,
Послужить ему да верой-правдою,
Показать свою удаль молодецкую,
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Таки мóлодцы да нам надобны.
Уж вы, слуги, княженецкие,
Вы возьмите гостя под руки,
Кормите гостя досыта.
Садился Дюк Степанович за столы за дубовыи,
За кушанья за сахáрныи,
За напиточки да за медовыи,
За калачики да за крупичаты.
Он калачик берёт да однем пальчиком,
Отрезает ножичком да перочинныим.
Верхну корочку да он на стол кладёт,
Нижню корочку да он под стол метёт.
Берёт чарочку мёду стоялого,
Он к устам поднесёт, да наиспашь прольёт.
Стоят тут слуги княженецкии,
Удивляютса да усмехаютса.
Говорит Владимир стольно-киевский:

— Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Ты чего над хлебом-солью издеваешься,
Иль над нами насмехаешься?
Из калачиков крупивчатых
Верхню корочку на стол кладёшь,
Нижню корочку под стол метёшь?
Говорит боярин Дюк Степанович:
— У вас печеньки да кирпичныи,
А помялушки да сосновыи,
Верхня корочка пахнет на глинушку,
Нижня корочка на помялушечку.
Как у нас во Индии богатоей
У моей добротушки у матушки,
У ней печеньки изразцовыи,
А помялушки у ней шелкóвыи,
Как помочат во росы да во медвянныи,
Калачик съешь — другого хочетса,
А другой-то съешь — по третьему душа горит.
А меда у вас стоялыи,
У вас бочечки сосновыи,
На них обручи железныи;
Как у нас во Индии богатую,
У нас бочечки дубовыи,
А обручики серебряны,
Чарочку-то выпьешь — другой хочетса,
Другу выпьешь — по третьей душа горит.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Расскажи-тко ты верой-правдою
Про своё житьё да про богачество.
А покажи-тко ты удаль молодецкую —
Чим можешь услужить князю солнышку?
Говорит боярин Дюк Степанович:
— А могу я биться о велик заклад,
Я ручаюся своей буйной головой:
Положим мы на целый год,
Только дайте мне поединщика,
Чтоб на каждый день
Выезжать бы нам во чисто поле,
Чтобы конюшки были сменные,
Цветны платьица чтоб на каждый день были разныи.
Побилиси да заручилиси.
Владимир князь да стольно-киевский
Полцарства положил да на ту сторону,
А молодой боярин Дюк Степанович
Подписал да свою голову.

Подписали этот договор,
До выполнения посадили молодого боярина
Дюка Степановича в погреба да во глубокие,
Дали сроку ему да на три часа.
Молодой боярин Дюк Степанович
Берёт лист бумаженьки гербовыи,
Берёт пёрышко да гусиное,
Пишет он скорой рукой
Своей добротушки-матушки:
— Ах ты гой еси, да добра матушка,
Ты чесна вдова Наталья Тимофеевна,
Во вине моей прости,
Что наказа твоего я не послушалса,
А во стольном городе во Киеве да порасхвастался.
Выкупай-ко ты да добра молодца,
Присылай-ко ты платьица цвётныи,
Чтоб хватило мне на три года,
На каждый день да сменныих.
Написавши выходил он на широкий двор,
Пал он грудью к коню богатырскому:
— Ах ты, добрый богатырский конь,
Сослужи-тко мне службу верную,
Ты скачи, бежи на мою родину,
Как во ту Индию во богатую,
Ко моей добротушки, ко матушки.
А писёмышко он положил под седёлышко,
Отпустил коня он во чисто поле.
Сам пошол закручинилса да запечалилса,
Посадили его в погреба да во глубокии.
Как по утрышку да по раннему,
Как встает вдова благочестивая
Да Наталья свет Тимофеевна,
Доносят слуги её верныи,
Что стоит на дворе богатырский конь,
На котором уехал Дюк Степанович.
Тута Дюковая матушка
Горючми слезами заливаетса,
На свою судьбу обижаетса.
— Как возро́стила я одного единого,
Своего ли сынушка любимого,
Как заносливо дитятко уродилося, захвастливо,
Чем-нибудь да, верно, порасхвастался,
Положил он буйную головушку.
Ах вы, слуги мои верныи,
Расседлайте коня богатырского,
Уберите доспехи молодецкии.
Как снимают седёлышко черкасское,
Под седёлышком увидели писёмышко.

Получила письмо родна матушка,
Распечатала да горько плакала,
Она плакала слезами радости.
Прочитала письмо поскорешенько,
Собирала платьица цвéтныи,
Положила в сундуки во тяжолыи
Все она доспехи богатырскии,
Чтоб хватило ему да на три́ года,
Чтобы в каждый день были платьица сменныи.
Всё поклали на коня богатырского,
Отправляли обратно во Киев-град.
А в то время молодой боярин Дюк Степанович,
Сидючи в погребах во глубокиих,
Изменился он да состарилса.
Как по утрышку да по раннему
Доносят ему слуги княженецкии:
— Выходи, боярин Дюк Степанович,
Как стоит твой добрый богатырский конь
У того столба да у точёного,
Только головушка да повешена,
Не видаючи своего хозяина.
Срадовался Дюк Степанович,
Бьёт коня он по тучным бедрам,
Бьёт коня да приговаривает:
— Ах ты волчья снедь, да травяной мешок,
Ты зачем в дорожке так замешкалса,
Долго ждал тебя да ровно два года?
И садилса он на добра коня,
Выежжал из города из Киева
Ко той ко реченьки Смородины,
Ко тому кресту ли Леванидову,
Ко той ли бабушки задворенки,
Бьёт челом ей понизёшеньку,
Говорит ей посмирнёшеньку:
— Ах ты гой еси, старушка стара, дряхлая,
Приюти-тко ты удала добра молодца,
Стар совет да мне на лад пойдёт.
Я побился о велик заклад,
Заручился своей ли буйноей головушкой.
Говорит старушка стара-дряхлая:
— Не кручинься, добрый молодец, да не печалуйся,
Это делушко да всё исправится,
За тебя, за добра молодца,
Твоя матушка да богу молится;
А родительско моленьицо
Из темна леса да повыведет,
Из синя моря да повыздынет;
А справляйся-тко, да наряжайся-тко,

Это дело есть да неотложное;
Поезждяй-ко ты да во чисто́ поле,
Вызывай сибе да поединщика.
Молодой боярин тут послушалса,
Брал своего коня он доброго,
Купал во росушки во утренней —
На кони мась[1] перемениласи.
Скидыват он платьицо дорожное,
Надеват он платьица цве́тныи,
Все доспехи богатырскии,
Тугой лук и калёны стрелы,
Берёт копьё долгомерное,
Берёт он палицу булатную;
Со старушинькой да он прощаетса,
По вечернеей зари быть обещаетса.
Выеждял в раздольицо чисто́ поле,
Вызывал себе да поединщика.
Выступали князья и бо́яре,
Все русскии могучии бога́тыри, —
Все они за друг друга туляются,
А выеждять никто не осмеляется,
Молодой боярин Дюк Степанович,
День ездит один да одинёшенек,
Второй ездит — никого нигде,
Третий ездит — ниоткуда никого.
Тому времечки да прошло десять дней,
А все нету Дюку поединщика.
Говорит боярин Дюк Степанович:
— Ах ты гой еси, Владимир стольно-киевский.
У вас кто сидит в палаты белокаменны,
У вас кто сидит за столами княженецкими?
Они брагами ль упиваются,
Аль игрушкамы да занимаются?
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Верно нет у меня охотников,
Надо вызвать мне да подневольников.
Тут выходит Чурилушка да сын Плёнкович,
На четыре стороны поклоняется,
Во чисто поле да отправляется;
Садитса Чурило на добра коня,
А во первой во заставушки
Его конь скочил да не до́скочил,
А во другой во заставушки
Его конь скочил да пере́скочил,
А во третьей во заставушки
Повалилса Чурила на сыру землю.

[1] Масть.

Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович,
Тебе нечего да меня срамить,
Верно нет у меня да заступников,
Тебе молодцу да поединщиков.
Нашо дело было заручёное —
Ты бери-тко платушку условную;
Отдаю полцарства с благодарностью,
Если мало, возьми с лихвою.
Говорит боярин Дюк Степанович:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Не считайте-ка меня грабителем,
В твоем княжестве управителем,
Не княжить я приехал и не царствовать,
Послужить приехал вам верой-правдою.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Вы пожалуйте, дородный добрый молодец,
Во наши во палаты княженецкии,
За наши за столы за дубовыи,
Выбирайте-тко местечко по разуму:
Перво местечко подли меня,
Второе местичко супротив меня,
Третье местечко — куда сам захошь.
Говорит боярин Дюк Степанович:
— А спасибо, солнышко Владимир,
На чести на вашей, на милости,
Только дело тое да не окончено.
Не считайте-тко меня обманщиком,
А проверьте слово молодецкое.
Я пустым, молодец, да не хвастался, —
Вы проверьте моё да завезённое,
По-честному разойдемса тогда, по-хорошему.
Мои животишачка сиротскии
За городом да на подворьицы,
А у бабушки да на задворьицы.
Тут Владимир стольно-киевский
Выбирает писчиков-щетчиков,
Двенадцать добрыих молодцов.
Отправляютса да снаряжаютса
Они за город да на подворьицо,
Они к бабушки да на задворьицо.
А у бабушки у задворенки,
У ней Дюковы да цвéтны платьицы,
Все на вешелочки поразвешаны;
А доспехи все молодецкии,
Все по полочкам да разложены.
Они чудушку да чудуютса,

Они дивушку да дивуются:
Этих платьицов да разноцветныих,
Их хватило бы да на шесть годов,
На каждый день да всё сменныи.
Как посмотрят в раздольицо чисто поле,
Там табуны коней да и счёту нет.
Говорят учётчики:
— А не нашему уму да дело это дадено,
Самому судить да князю Владимиру.
А Владимир свет стольно-киевский
Пригласил дружинушку хоробрую,
Думу думают, совет советуют.
— А что нам учитывать да описывать
Животы да завозныи?
И подумали да отправили
Тридцать молодцов да без единого
Во ту Индию во богатую
Ко чесной вдовы Натальи Тимофеевны.
Как приехали дородни добры молодцы
Во ту во Индию богатую —
Терема стоят да златоглавыи,
Мосточики да колёныи,
Перила у них да золочёныи;
А сидят-то тут птицы царскии,
И поют они да песни райскии.
Как подходят к палаты белокаменной,
А крылечки тут у них точёныи,
А точёныи все золочёныи.
Идут молодцы да опасаются,
Они слугам всем да поклоняются.
— Вы скажите нам, люди добрыи,
Где живет тут Дюковая матушка
Вдова Наталья Тимофеевна?
Проводили их слуги верныи,
Зашли молодцы да во первой покой,—
Сидит женщина пожилыих лет,
На ней платьицо шелковистое,
Телогреечка да черна бархата,
Чепец вышитый да чистым серебром,
Бьют челом послы ей, низко кланятся:
— Ай здраствуешь, Дюковая матушка,
Чесна вдова Наталья Тимофеевна.
Говорит им эта женщина:
— Я не Дюкова есть матушка,
А я Дюкова есть рукомойница —
Полагаю воду в рукомойничок.
Пошли послы во второй покой,
Сидит тут женщина пожилыих лет,

Платьицо на ней черно-бархата, душегреечка парчовая,
На головушки чепец да скатна жемчуга,
Бьют челом послы ей, низко кланятся:
— Здраствуешь ли, Дюковая матушка,
Ты чесна вдова Наталья Тимофеевна.
Говорит им эта женщина:
— Я не Дюковая есть матушка,
А я Дюкова есть пирожница.
Пошли тут послы в третий покой,
Сидит тут женщина пожилыих лет,
Она в платьицах да порчёвыих,
Повышитых да чистым серебром.
Бьют челом ей, низко кланются:
— Здраствуешь ли, Дюкова матушка,
А чесна вдова Наталья Тимофеевна?
Говорит им эта женщина:
— Я не Дюковая матушка,
Я Дюкова есть ключница.
Ах вы гой еси, удалы добры молодцы,
Вы зачем сюда да пожаловали?
— Мы есть послы да с града Киева,
От того ли князя от Владимера.
Говорит им эта женщина:
— Вы послы да стольно-киевски,
Вы пройдите в гридню столовую,
А во ту во комнату приёмную;
А на пути да на дороженьки
Всякой женщины не кланяйтесь,
Расколотите вы буйну голову.
Приведу к вам Дюковую матушку.
И пошли послы по-сказанному
Во ту во гридню столовую,
Во ту во комнату приёмную.
Садились по скамеечкам оконныим.
Они сидят да дожидаются —
Вдруг пошли тута метельники —
Подметают дороженьки пушистыи.
За метельниками идут постельники —
Постилают ковры да персицкии,
Посыпают травоньки душистыи.
Идут тут сенны девушки,
Ведут под руки Дюковую матушку.
Она одета в золоте да в серебре,
Во каменьях да самоцветныих.
Тут встают послы да на резвы ноги,
Поклоняются ей до сырой земли:
— Здравствуешь ли, Дюковая матушка,
Чесна вдова Наталья Тимофеевна!

Говорит она да таковы слова:
— А здорово, удалы добры молодцы,
Вы послы да стольно-киевски,
Не видали ли да не слыхали ли
Моего ли сынушка любимого,
Молодого Дюкушка Степановича?
Говорят послы таковы слова:
— Молодой боярин Дюк Степанович
Он гостит у нас да в стольно-киевском,
Во чести у нас да во милости.
Говорит Наталья Тимофеевна:
— Во чести да во милости —
В погребах сидит во глубокиих.
Можно честь отдать князю Владимиру,
Что молóдых ребят он повыучит,
Ай же вы, послы да стольно-киевски,
Вы зачем к нам пожаловали?
— Мы от стольного города от Киева,
От ласкового князя от Владимира;
Мы не по волюшки, ни по охотушки,
А мы служим князю верой-правдою,
Делаем мы дело повеленное.
Приказал нам Владимер стольно-киевский
Описать именье и богачество
Того ли Дюка Степановича.
Говорит им тут да чесна вдова
Настасья свет да Тимофеевна:
— Поежджяйте вы в стольно-Киев-град,
Скажите князю Владимиру
Да и моему-то сыну любимому
От меня поклон понизёшенько.
Ещё скажите князю Владимиру —
На бумагу пусть продаст стольно-Киев-град,
На чернила продаст да Чернигов-град,
Потом приедет животов сиротскиих описывать.
А если вам, послы, да желательно,
Покажу вам малую частиночку
Я сиротскиих живóтов.
И повела она послов в конюшеньки стоялые.
Там табуны коней да бесчисленныи,
Не могли послы повысчитать,
Не могли глазами и повымерять.
Повела она в погреба да во глубокие,
В первом погребе да много серебра,
В другом погребе да много чиста золота,
А во третьем во погребе — жемчугá и каменья самоцветныи.
У послов головушка покружиласи,

Не хватает у них да ума-разума.
Привела Наталья Тимофеевна послов
Да на широкий двор,
Среди двора да течёт реченька,
Течёт реченька да серебрена,
А в ней рыбки играют золочёныи.

11

ПРО СТАВРА

А во том во городе во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
Пированьице было почестен пир.
Тута были собраны вси князья и бóяре,
И русские могучие богатыри.
И все поляницы удалыи.
Да день кончается ко вечеру,
А весёлой пир идет на-весёли.
Досыта оне да наедалисе,
Допьяна они да напивалися,
Разныма похвалами похвалялися.
Инной хвастает да славныим отечеством,
Славным отечеством да хорошим молодечеством,
Инной хвастает да золотой казной,
Инной хвастает да добрым конём.
Только за тым столом да за дубовыим,
На скамеечки да на окольноей,
По-конец стола да дубового
А сидит удалой доброй молодец,
Молодой Ставёр да сын Годинович.
Он сидит да ничим не хвастает,
Он повесил буйную головушку.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Ай же ты, молодой да детинушка,
На перу сидишь да ты невéселой,
А головушка у тя повешена,
Место ли тебе да не по разуму,
Или чарой обнесли тебя не в очередь?
Говорит Ставёр да сын Годинович:
— Ай же ты, Владимер стольне-киевский,
Я доволен столом да княженецкиим,
Доволен князем я Владимиром,
Три годочка прослужил я стольником,
Три годочка прослужил я посудником,
Три годочка прослужил я зазывальщиком,
Зазывал гостей да на почесный пир,
Всех князей, бояр да стольне-киевских,

Всех русскиих могучиих богатырей,
Всех поляниц да я удáлыих;
Только нечим молодцу похвастаться,
У меня нету да роду племени,
Ни отца-то нету да не матушки,
Я дитинушка да сиротинушка,
Воскормил, воспоил да православной мир,
Научила молодца чужая сторонушка;
У меня нету да добра коня,
Только есь у меня да молода жона,
Поляница есь да удалая,
Хорошо умеет стрелять да из тугá лука;
Как положит стрелочку калёную,
А натянет тетивочку шелкóвую,
Стреляет метко без оглядочки;
Положит туда да золото кольцо,
Напротив поставит булатной нож,
Как наметит стрелочку калёную
Она прямо в золото кольцо,
В золото кольцо да булатной нож,
Перережет стрелочку калёную
На две равные да половиночки,
Оне весом и на взгляд равны.
Как ещё моя да молода жона
Хорошо играт в гусёлышки яровчаты,
А игрой удивляет людей добрыих;
Еще моя да молода жона
Хорошо играет в шашки, шахматы,
Удивляет всех да людей добрыих;
Она русскиих могучиих богатырей
В один час нас купит и спродаст;
Самого ли солнышка Владимера
В один дéницек да с ума сведёт.
А Владимеру это слово взапреку пришло,
Рассердился он да разгневался,
Он возговорил да таковы слова:
— Уж вы слуги, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкии,
Вы берите-тко да дóбра молодца
За его за рученьки за белыи,
Отведите добра молодца
А во те во погреба глубокии,
Посадите-тко да добра молодца
На овёс его да и нá воду,
Чтобы пустым-то молодец не хвастался.
Подскоцили тут слуги княженецкии,
Отвели Ставра во погреба да во глубокии.
Плотно-на-плотно закрыли двери дубовыи,

И замки повесили тяжолыи.
Тут сидит Ставёр да призадумался,
Закручинился он, запечалился,
Что оплошал он, много порасхвастался.
Как посмотрит в маленько окошечко —
Красно солнышко да показалоси,
У Ставра сердечко порастаяло,
А запел он песенку весёлую.
А в эту порушку да в это времячко
Мимо этоё окошечко
Проходила тут да красна девиця,
Молода Забава дочь Путятична,
Князя Владимира любимая племянниця.
Подошла она к косящату окошечку,
Говорит она да таковы слова:
— Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отца да коей матери?
Говорит Ставёр да сын Годинович:
— Я слуга ли князя да Владимера,
Я служил ему да верой-правдою,
Верой-правдою да ровно девять лет,
Заслужил я погреба глубокии,
А вода, овёс — моё питание.
— Ты скажи, удалой, доброй молодец,
Как тебя зовут да по имени,
Величают ли да по отечеству?
— Мое имя — Ставёр да сын Годинович.
А Забава дочь да Путятична,
Как красно солнышко закатилосе,
Белой свет да затуманилсе,
Подходила к косящату окошечку,
Ему пищу спущала по веревочки,
Ставёр да тем и сыт бывал.
На ту пору, на то времячко
Молода жона Катерина ли да Ивановна
А сидела в палаты белокаменной,
А в своей светлици мраморной,
Ела-кушала да наслаждаласи,
А той незгодушки не дожидаласи.
Как открыла косящато окошечко —
Прилетает птица да чёрен ворон.
Как садился он на подоконничек,
Говорит он человеческиим да голосом:
— Что сидишь ты тут, да молода жóна,
А ты ешь да пьешь, наслаждаесся,
Над собой незгодушки не ведаешь,
А твой супруг, Ставёр Годинович,

Во том во городи во Киеви
А у ласкового князя у Владимера
Посажóн он в погреба глубокие.
Тут скочила она на резвы ноги,
Не спугаласи, не растеряласи,
— Ах ты, веща птица, да чёрен ворон,
С тобой некогда да мне беседовать,
Если правду говоришь, то вперёд гости́,
А неправду говоришь, так срублю голову.
Выходила она да на широкий двор,
Скликала, сзывала дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да стрельцов,
Тридцать молодцов да шахматчиков,
Тридцать молодцов да гусельщиков.
Говорит она да таковы слова:
— Ай, дружинушка моя, хоробрая,
Слуги верныи да неизменныи,
Собирайтесь-ко вы в путь-дороженьку,
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Выручать мни надо мужа законного,
А того ли Ставра да Годиновича.
А сама пошла в конюшеньку стоялую,
Она брала там да воронá коня,
Выводила его да на широкий двор,
Как справляла коня да по-дорожному,
Положила потнички на потнички,
Она войлочки да на войлочки,
Положила седелышко черкасское,
А черкасское да малоеждено;
Подвязала подпруги шелкóвыи,
Да и стремена да золочёныи,
А не гля ради красы, басы, угожества,
А ради крепости да богатырьскии.
Привязала коня да середи двора
Ко тому столбу да ко точёному,
Ко тому колечку золочёному.
Сама пошла во гридни во столовыи,
По-мужски обрезала волосы,
Одевала мужско платьице дорожное,
С богоданой матушкой прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Говорит старушка стародавная:
— Богоданная моя невестушка,
А куда да ты-то отправляесся,
Ты на долго ли собираесся?
А в которо мне смотреть окошечко,
А с какой мне ждать тебя сторонушки,

С подвосточной ли, или с подзападной,
С полуденной ли, аль с подсеверной?
Говорит Катерина Ивановна:
— Ай же ты, богоданна моя матушка,
Ты старушенька да стародавняя,
Ешь да кушай-ко, живи спокоюшком,
А не смотри-тко ни в котору сторонушку.
Выходила она да на широкий двор,
А садиласи да на добра коня,
Брала все доспехи богатырскии,
Брала все забавы молодецкии,
Тугой лук и калёны стрелы,
Брала палицю она булатную,
И копьё-то брала долгомерное,
Брала сокола да на праву руку,
Брала голубя да на леву руку,
Выежжала она да во чистое поле,
Тут стоит дружинушка хоробрая,
Свою хозяюшку да дожидаетея,
В путь-дороженьку да отправляется.
Подъеждяют ко городу ко Киеву,
Не доехали да за три поприща,
Раскинули шатры белополотнянны;
Говорит Катерина гим[1] Ивановна:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Вы ложитесь отдыхать да опочив держать,
Как с дороженьки вы приумаялись;
Я поеду ко городу ко Киеву,
Заявлюся к князю я Владимеру.
Приеждяет она на княженецкий двор,
Как поставила коня да середи двора,
Середи двора не привязана.
На ту порушку да на то времечко
У того ли князя у Владимера
Пированьице да был почестен пир;
На пиру-то все князья и бояре стольно-киевские
И русские могучие богатыри,
Собраны поляници вси удалыи.
Как идёт Катерина свет Ивановна
Ко тому крылечушку перёному;
Перекладинки да шатаются,
Половичинки да подгибаютце;
А стоят тут слуги удивляются,
Что идёт тут чудо-богатырь.
Как входит в гридню столовую,
Она крест кладёт да по-писаному,

[1] Им.

А поклон ведёт да по-учёному,
Князю со княгинею в-особину.
Всем князьям, боярам поклоняется,
А солнышку Владимиру да объясняется:
— Уж ты, князь Владимер стольно-киевский,
Грозный я посол да земли гречецкой,
От того царя собаки-Калина,
Прислан я к тебе да с грамотой,
Я за данью к вам да за пошлиной,
Вы платить должны да дани, пошлины
Моему царю собаки-Калину.
Если дани вы да не уплотите,
Мы идём на вас да с грóзной войной,
Неподáлече-далéче во чистóм поли
А стоит у нас войска сорок тысячей.
Тут у солнышка Владимера
Резвы ноженьки да подкосилися,
Очи ясныи да помутилися,
А уста сахарныи заградилися.
А не может он послу ответа дать.
Говорит посол да таковы слова:
— Ай же ты, Владимер стольно-киевский,
Не могу я ждать, изволь ответ держать.
А Владимер солнышко да стольно-киевский
А послу он низко поклоняется:
— Ты грозён посол да земли греческой,
Дай-ко сроку мне, да дай-ко времечки,
Мы подумаем да трои суточки.
Говорит посол да таковы слова:
— А мы люди есь да заеждии,
Со дороженьки да мы усталыи,
Нам часочики да очень дороги,
Если не плотите вы дани пошлины,
Ты отдай-ко мне любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Ты отдай ее мне во супружницы.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— У меня девушка да на выдáваньи,
А не могу отдать без ея желания,
Дай подумать нам да хотя суточки.
Тут грозён посёл да земли греческой
Как поклоном с гима[1] прощается,
Во чисто поле да отправляется
Ко своей дружинушки хороброей,
Завтра быть к ему да обещается.
Тут Владимер князь да стольно-киевский

[1] С ними.

Как идёт к любимой он племянници
Со своей княгинюшкой Апраксией,
Как заходит он во свитлу свитлицу,
А сидит Любава дочь Путятична
У косящата она окошечка,
А играт в гусёлышка яровчаты,
Да и смотрит далёко-далёко во чисто поле.
А во чистом-то во полюшки
А гулят-то посол да забавляется;
Он копьё свое да долгомерное
Высоко под облако подбрасыват,
На лету копьё да подхватыват.
На правой руки сидит ясён сокол,
На левой руки сидит сизой голубь.
Говорит Владимер стольно-киевский:
— Ай же ты, любимая племянница,
Выручай-ко нас с победушки,
Приеждял к нам грозен посол
От того царя собаки-Калина,
Берёт с нас много дани-пошлины,
В скором времени платить мы не в состоянии,
Согласился так грозен посол —
Он берёт тебя да во супружницы,
И на этом пир у нас закончится.
Говорит Любава дочь Путятична:
— Ай же ты, любимой дядюшка,
Во всём тебе да я послушная,
От замужества не отрекаюся,
Только сказать тебе я осмелюси,
Не наделай-ко ты смеху-хохоту
По всему по городу по Киеву,
А по другому да по Чернигову,
Не отдай-ко девицы за женщину;
Есь грозён посол да земли греческой,
Не мужчина есь тута — женщина.
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Ты Любава дочь Путятична,
Посмотри-тко ты да во чисто поле,
Как посол в поли да забавляется,
Из туга лука да он постреливат,
Долгомерным копьём да он поигрыват,
Налету он сокола поимыват,
Разве быть да тута женщины?
Говорит Любава дочь Путятична:
— А походочка у него частенька,
А на местечки сидит — колешки вместе жмёт,
Вся фигура тут да по женьскому.
А Владимер князь да стольно-киевский,

А он ходит всё да поджимается,
Куньей шубонькой да закрывается.
Говорит Владимер стольно-киевский:
— Как с послом мни тут да развертатися;
В эту пору, в это времячко
У мня богатырей во Киеви да не случилоси,
Поляниць удалыих не пригодилоси,
А князья-бояре стольно-киевски
А ко мне в палаты не являются,
На совет оне не соглашаются.
Посмотрел Владимер в окошечко —
На двори стоит тут богатырский конь.
Вдруг по крылечушку перёному
Половичинки сгибаются,
А ступенчики да шатаются,
Во палату входит тут грозен посёл,
А грозен посёл да земли греческой.
— Что же, солнышко Владимер стольно-киевской,
Как запрос принять наб и ответ держать.
Ты давай-ка мне да дани-пошлины,
Мы во Киев к вам да приехали
Не шутку шутить и не людей смешить.
Говорит Владимер таковы слова:
— Ты почтенный гось да грозен посёл,
Ты садись-ко к столу да дубовому,
Мы сыграем-ко в гусёлышки яровчаты.
Говорит тут грозён посёл:
— У меня есть гусельщики,
Да во белóм шатри они оставлены,
Со дороженьки приехали усталыи,
Оне остались отдыхать да опочив держать.
А я в малом ребячестве
Во гусёлышка немножечко поигрывал.
Он берёт гусёлышка яровчаты,
Он по струночкам начал поваживать,
Да и голос свой да стал налаживать,
Он напев берёт да от Киева,
А другой берёт от Ерусáлима
(Третий забыла какой),
Удивил он князя да Владимера.
Тут Владимер князь стольно-киевский
Говорит любимоей племянницы:
— Ты Любава есть да дочь Путятична,
Ты послушай-ко родного дядюшку,
Выходи-тко во супружество
За того посла да земли гречецкой,
У мня много было да гусельщиков на святой Руси,
А такого напева я не слыхивал.

Тут Любава ли да дочь Путятична
На сговор она да не дается,
А горючими слезами уливается.
— А любезный ты мой дядюшка,
Не неволь меня да молодёшеньку,
Красной девицы да за женщину,
Ты повыпытай да повыведай
Грозного посла да земли гречецкой.
Ну пошол Владимер стольне-киевской:
— Дорогой-то гось да грозен посёл,
А сыграем-ко да в шашки-шахматы.
А пошол до князя Владимера,
Садилисе к столу оне дубовому,
Приносили им доску шахматну.
Как Владимер князь стольне-киевский,
Он ступень ступил, да не до́ступил,
Он другой ступил, да пере́ступил,
А третьей раз да он впросак попал.
А молодой гось да грозён посёл
Обыграл он князя Владимера.
Владимер князь стольне-киевский
Говорит Любавушки Путятичны:
— Ты, любимая племянница,
Не могу да я вновь пытать.
Говорит Любава дочь Путятична:
— Дорогой ты мой, любимый дядюшка,
Ты свези-тко гостя во чисто́ поле,
Постреляйте вы да из туга лука,
Вы поставьте меточку да золото кольцо,
Против кольца да вы поставьте-ко булатный нож.
Вы стреляйте-тко да из туга лука
В эту меточку да в золото кольцо,
В золото кольцо прямо в булатной нож.
И пошол Владимер стольне-киевский.
Говорит Владимер таковы слова:
— Дорогой ты гось да грозен посол,
А поедем-ко мы да во чисто́ поле,
Мы потешимся да позабавимся,
Постреляем мы да из туга лука.
Говорит тут гось да грозён посол:
— У меня есь стрельцы,
Да во чистом поли оны оставлены
Со дороженьки да опочив держать,
А я немножко в малоем ребячестви
Уж я шуточки да пошучивал,
Из туга лука да постреливал.
И пошли они да во чисто поле,
А поставили да золото кольцо,

Против кольца оне поставили булатный нож.
Как Владимер князь да стольне-киевский
Первой раз стрелил, да он не дострелил,
Другой раз стрелил, да он перестрелил,
Третий раз стрелил, да он попасть не мог.
А грозён посол да земли греческой
Он по полюшку да похаживат,
Тугой лук он свой поглаживат,
Натягал тетивочку шолковую,
Полагал он стрелочку калёную.
Как пустилась стрелочка, как змея звилась,
Прямо в колечушко да золочёное.
Перерезалось да о булатной нож
На две равные половиночки,
Оне весом, мерой и на взгляд равны.
Обыграл он князя Владимера.
Говорит тута грозён посёл:
— А ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
А мы долго ли будем куражиться,
Не пора ли нам добром наладиться.
Ты плати-тко дани пошлины
Моему царю да ты Калину,
У нас уж строк теперь кончается
(Прошло три дня).
Говорит Владимер стольне-киевский:
— Золотой казны у мня да не случилося,
Не могу платить я дани-пошлины.
Говорит ему да тут грозен посол:
— Ты отдай-ко мне да во супружницы
Ты свою любимую племянницу
А Любаву ли да дочь Путятичну.
Владимер князь да стольне-киевский,
Приходит он к Любавы да Путятичной,
Говорит он ей да таковы слова:
— Ты Любавушка да дочь Путятична,
Не пойдёшь ты если по охотушки,
А пойдёшь ты по неволюшке;
Не могу посла да я повыведать,
Не могу посла да я поиспытать.
Говорит Любава дочь Путятична:
— Я жива не иду, да если мертвая,
Не пойду я, девица, за женщину,
Добрым людям да на посмешище.
Не мужчина тут есте, а женщина.
У ней задошка взад, да и грудь вперёд.
Как скрычал Владимер зычным голосом:
— Уж вы слуги, слуги мои верные,
Слуги верные да княженецкии,

Одевайте-тко Любавы платья цве́тны,
Платья цве́тны да подвенечныи,
Ведите в церковь соборную,
Ко венцам её да ко злачёныим,
Ко перстням её да к золочёныим,
Во супружество да с грозным послом,
А с грозным послом да земли гречецкой,
Не страдать же нам из-за девицы,
Всему городу да нашему ли Киеву.
Говорит Владимер стольне-киевский
Грозному послу да земли гречецкой:
— У нас невеста справляется,
Не неволена, а по охотушки
(Соврал).
Говорит тут грозен посол:
— Уж ты, солнышко Владимер стольно-киевский,
А прежде чим нам да ко венцам итти,
Мне-ка наб с тобой да побрататиси,
Надо силушкой да поравнятиси
(Отговаривает, чтобы девушку не стращать),
Мы поедем-ко во чисто поле,
А попробуем мы силу молодецкую.
Говорит Владимир стольне-киевский:
— Дорогой ты гось да грозен посол,
У мне богатырей да не случилоси,
Поляниц удалых не пригодилоси,
У мне некому да с вами поравнятиси.
Говорит тута грозен посол:
— А нет-ли у вас да затюремщиков?
Тута спомнил Владимер стольне-киевскии
Про того Ставра сына Годинова,
И подумал он своим да умом, да разумом:
— Спустить Ставра, так не видать Ставра,
А не спустить Ставра, так разгневить посла.
Закричал Владимер зычным голосом:
— Уж вы, слуги, слуги мои верные,
Слуги верныи да княженецкии,
Вы берите-тко да золоты ключи,
Отмыкайте погреба глубокии,
Выводите вы удалых добрых молодцов.
Тута слуги его верныи
Отмыкали погреба глубокии,
Выводили Ставра да на широкий двор,
Подавали ему да коня доброго,
Снимали платьице орестанское,
Одевали платье богатырское,
Все доспехи дали богатырские.
Как садился Ставёр да сын Годинович

На того-ли на коня на богатырского,
А с грозным послом да земли гречецкой
Они поехали да во чисто поле.
Только видели молодцов сядучи,
А не видели да едучи;
Как во чистом поли да куревка ли поднимается, —
Там грозный посол да ездит, забавляется,
Со Ставром да сражается.
Оне с коня на конь да перепрыгивают,
Оне палицы булатные подбрасывают;
Летят палицы да по поднебесью, —
На лету палицы подхватывают.
А Владимир князь да стольне-киевский
Со крылечушка да он перёного
Смотрит в трубочку да он подзорную.
Позабавились да потешились,
Подъеждяли ко городу ко Киеву,
Кланяются князю да Владимеру.
Тут грозен посол да земли гречецкой
А снимает он да платье богатырское
Под низо́м у него да платье женское,
Распускает он да свои волосы,
Говорит князю да Владимиру:
— Ай же солнышко Владимер стольне-киевский,
Выводи-тко ты мою невесту, а свою племянницу,
А Любаву-ли да Путятичну,
Ты из церкви приведи да из соборноей,
Во светлицу проведи да ты во девичью
(Она уже в церковь уведена),
Не хочу смеяться я над девушкой,
Посмеюсь над князем я Владимером, —
Аще слыхом тоё да не слыхано,
И видом тоё да не видано,
Чтоб венчали девицу за женщину.
У меня есте своя семья законная,
А любимой мой муж Ставёр Годинович.
Тут оне с князем прощаются,
В путь-дороженьку отправляются,
Во свою ли землю да во гречецку.

12

ПОШОЛ МОЛОДЕЦ ИЗ ОРДЫ В ОРДУ

Пошол мо́лодец из орды в орду,
Из орды в орду к королю в Литву,
Король мо́лодца крепко во́злюби́л,

Крепко возлюбил, да много жаловал,
Много жаловал уговаривал:
— Ты живи, молодец, при моём дворце,
Ты служи, молодец, да у моей жены,
Не ходи-тко, молодец, по честным пирам да по кабакам.
И не пей-ка ты зелена вина,
Зелена вина, да вина допьяна.
Молодец короля не послушался,
Стал ходить он по честным пирам,
По честным пирам да по кабакам.
Напивался он вина допьяна,
Во хмелю молодец порасплакался
По своей родине, по сторонушке.
По своей добротушке, по матушке,
А поплакал молодец, расхвастался:
— Я у короля живу, да ровно восемь лет,
С королевой сплю, ровно три года.
Королю то слово взапреку пришло.
Тут король поразгневался,
Приказал молодца судом судить да казнью казнить.
Услыхала жена королевская таковы слова:
— Ты сам, король, мне слугу привёл,
Он служил мне верой-правдою,
А по моему распоряжению
Ты не его суди,
Лучше меня казни.

13

ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ, ОДИНОКА ДОЧЬ

Было у вдовушки девять сынков,
Девять сынков да девять пасынков,
А одна у нее была доценька Софиюшка.
А все ли эти братьица в разбой пошли,
А в разбой оны пошли стали разбойнички,
Одинакую сестрицу Софиюшку
Молодёшеньку да замуж выдали,
А как за море, море, за море синее,
А за поле, поле да поле чистое,
А за луга, луга, луга зелёныи.
Как год она жила, не стоснуласи,
А другой-то она жила, в уми не было,
А на третий-то годочик стосковаласи
По своей ли по родимой по сторонушке,
По своей ли по добротушке по матушке,
По своим ли да по братьицам желанныим.
А год-то мужа звала, не повызвала,
А другой-то мужа звала, не могла созвать,
А на третий-то годок мужа повызвала.

Тому времечки прошло уже шесть годов,
Накопилось у ней детушек пять человек,
Они сели в лёгку лодочку,
Мужа посадили на коромушку,
А сама да молода да во веселышки,
Малых детушек-то посадила на серёдочку.
Оне ехали, поехали по синему морю
А по синему морю
Оне попали на беду,
А попали на стрету разбойницьки идут
Оне мужа-то убили, в воду бросили,
Малых детушек с лодоцьки повыкидали,
А саму ли молоду да во полон брали,
Во полон оне брали да обесцестили.
Вси эти разбойницьки да спать легли,
А один ли разбойник спать не ло́жится,
Спать не ло́жится всё богу моли́тся,
А сидит молода жена,
Всё слезамы она да умывается.
Стал этот разбойничек выспрашивать:
— Ты скажи-ко раскажи да молода жена,
Ты какой орды да ты какой земли,
А какого ты отца, да какой матери?
Говорит молодайка таковы слова:
— Я такой земли да я дочь цесьной вдовы,
Было у вдовушки девять сыновей,
Девять было сынков, да десять пасынков,
А меня ли несцясну одинавушку
Замуж отдали да далекошенько,
Плохо было жить мне на чужбине да тошнёшенько,
Тут узнал разбойник свою сестрицу ро́дную.
— А ставайте-ка, братьица любимые,
Мы большого греха себе наделали,
А мы зятя-то убили в воду бросили,
А любимых племянничков повыбросили,
А сестрицу родиму в полон брали́,
Во полон ли брали́ мы брали́ да приобесцестили.
Встали братьица ея родимые
Горюцьми слезами умываются,
У сестрицы родимой прощаются,
К родной матушке да воротилися,
Не пошли они больше разбойничать.

14

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Старина сказать да стародавняя,
Былина-то спеть да бывалая
Про того царя Ивана Грозного,

Как наш царь-государь под Казань-город ходил,
Под Казанку-реку он подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,
А все пушки и снаряды в чистом поле расставлял.
А татаре по городу похаживают,
Оны всяко грубианство показывают,
Оне Грозному царю да надсмехаютце:
— А не быть нашей Казани за белым да за царём,
За белым за царём, за Иваном Косарём
(Косой был).
Тут царь-государь поразгневался,
Приказал он всех пушкарей казнить,
Всех подкопщиков да зажигальщиков
(Ему не терпелось, думал, верно, подлог какой).
Тута все пушкари испугалися,
По лесам разбежалися,
Разбежалися да попрятались.
Как один пушкарь приосмелился:
— Уж ты царь-государь, не вели меня казнить,
Не вели меня казнить, вели речь держать.
Не успел пушкарь да слова вымолвить,
Как загорели свечи зажигательны,
Разорвало тут да бочки с порохом,
А бросало стены за Сулай за реку.
Тут татаре все да устрашилися,
Они Грозному царю да покорилися.
Тута Грозный царь Иван Васильевич
Овладел он тут Казань-городом,
А давал да пушкарям пир да на весь мир.

15

ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО

Распалился Грозный царь Иван Васильевич
На своего на сына на любимого,
Приказал его сгубити, сказнити,
Приказал свести на то болотцо на житное,
На ту на плашку на липову,
А отрубить ему да буйну голову.
Как про эту про победушку
Услыхала царица благоверная,
Как его да молода жена
А Настасьюшка да свет Романовна.
Она вставала поскорёшенько
Как с той кроваточки тесовыи,
А с той периночки пуховые,
А побежала она да по терему,

А побежала она да по городу
А в однех чулочиках без чоботов,
А в одной сорочечке без пояса.
Бежала она да торопиласи
К своему ли братцу родимому
А к Никитушки да Романовичу.
Говорит ему да таковы слова:
— Ах ты гой еси да родимой братец,
Родимой братец Никитушка Романовиць,
Распалился Грозный царь Иван Васильевич
На своего на сына на любимого,
А на твоего на любимого да крестничка,
Увезли его на то болотце на житное,
А на ту на плашку на липову,
Спасай-ко ты, пожалуйста,
Запрягай-ко коня доброго.
Тут Никитушка да Романовиць
Не ждал слова от нея да ответного,
Садился он на добра́ коня,
А схватил с собой любимого да парабка,
Бил коня он по тучны́м бедра́м:
— Ах ты волчья сыть да травяной мешок,
Ты вези меня скорёшенько.
Приеждяет Никита Романович
Как на то болотцо на житное,
А на той на плашки на липовой,
А лежит на плахе любимой его кресничек
А ещё Фёдор свет да Иванович,
А палач сидит да на беló́й груди,
Он выспрашивает его, да выведывает:
— Скажи правду ты, государев сын,
Ты кому закажешь золоту казну,
Ты кому закажешь платья цветное?
Говорит ему Фёдор Иванович:
— Кабы я сидел да на твоей груди,
А не стал бы я выспрашивать,
А делал бы я дело повеленное,
Отрубил бы я да буйну голову.
Подъезжает тут Никитушка Романович,
Как схватил он Фёдора Ивановича
За жолтыи за кудёрышки
И стащил да с плашки липовой,
А подсунул любимого паробка.
Отрубил ему палач да буйну голову,
Показал царю да саблю вострую,
Саблю вострую да окрававленую.
Через малую да пору времечко
Прошол гнев у царя Ивана Грозного,

Стал скучать да он печаловать:
— Как убил я сынушку любимого,
А царьскому престолу я наследничка.
Говорит Никитушка Романович:
— Ох ты, Грозный царь Иван Васильевич,
Не вели меня казнить, да вели речь держать,
Не убит твой любимый сын Фёдор свет Иванович.
Тут Грозный царь Иван Васильевич
Возрадовався радосью великоей.

16

БЫЛИНА

В старину-то было стародавнюю
Как во том во городи Киеви
А у ласкового солнышка Владимира
Были сильныя могучии богáтыри:
Святогор богáтырь да сильнеющий,
От его ли силы богáтырскоей
Не носила матушка сыра земля,
Он ездил всё да по большим горам;
Да ещё богатырь был крестьянский сын
Илья Муромец сын Иванович, —
Проложил дорожечку прямоезжую
К тому ли городу Киеву
А разбил-решил гнездо Соловьево,
А Соловья злодея Орихмантьева
Привёз ко князю ко Владимиру,
Сослужил народу службу верную;
Был Добрынюшка да Никитинец,
Ездил он за славное синё море,
Бился-ратился со Змеищом Горынищом,
И победил он змея шестиглавого,
И много бил поганыих татаровей,
Освободил народ да своей родины;
Да еще богатырь Дюк Степанович, —
Когда ехал он ко городу ко Киеву,
Три заставы переехал он великие:
Перва — звери были поедучие,
Друга — змеи были поклевучие,
Третья — горушки были столкучие,
Всех зверей побил он поедучих,
Потоптал конём змеей клевучих,
Пораздвинул горы он столкучии,
Проложил дорожку прямоезжую,
А ко славному ко городу ко Киеву,
Сослужил народу службу верную.
Старопрежние богатыри решилися,

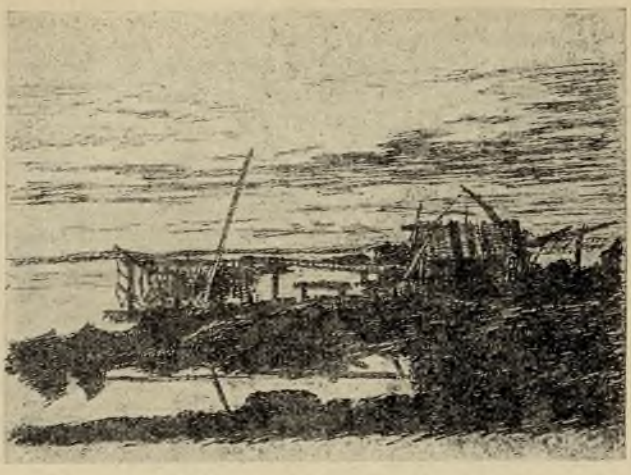
А во Советской во Расеюшки
Новые богатыри явилися:
Во Москвы ли славной белокаменной,
А за той стеной кремлёвской златоглавоей
Богатырь есть Сталин красно солнышко,
От его ли словца ласкового, доброго
Свету, жару больше, чем от солнышка,
Обогрелася Советская Россиюшка.

* * *

Как сошлись удалы добры молодцы
Во Москву ли славну белокаменну
Ко тому ли вождю Сталину,
Как сошлись они да побратались,
Словом честным умным обменялися.
А возговорит Иосиф красно солнышко:
— Уж вы русские совецкие богатыри,
У нас вся страна поразведана,
Вся больша земля и горы — всё измеряно,
Все колхозы, фабрики, заводы на своих местах,
Лесорубы и рабочие да на своих постах,
Только есть в стране задание да не проверено
Океан-море ледово не измеряно.
Тут возговорит Папанин Иван Митрович:
— Ой же ты, Иосиф красно солнышко,
Как теперь моё сердечко взрадовáлосе,
Оно давно твоё словечко дожидалосе,
Я с охотою пойду да к океан-морю,
Ко тому ли морю Ледовитому,
Уж ты дай-ко мне прощеньицо да разрешеньицо,
Уж ты дай товарищи надёжныи,
И работнички да неизменныя.
Тут ведь русские могучии богатыри
Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров
В путь дороженьку далеку отправлялися,
В океан-мори ледовом поселялися,
Как село стоит лагерь папанинцев,
Храбрецов удалых добрых молодцов
А на той плиты да на ледовой,
На толстой ли льдины на дрейфовою,
Ледяны полаточки поставили
Всё оружие-припасы поразвешали.
— Уж вы братьица мои совецкии богатыри,
Вы послушайте-ко брата большого,
А вы делайте-тко дело повеленное.
Тут скорым скоро да поскорёшенько
Удалы бойцы да все папанинцы
Начали работать по-стахановски.

Не спалось богатырям да ночку темную,
За работой коротали ночь всю заполярную,
С ветрами-бурями со стихией боролися,
За теченьицом морской воды дозорили,
Глубину морскую они промеряли,
Все теченьицо морской воды проверили,
И на дне морском растеньицо разведали,
Алый флаг советский тут поставили,
Проложили-указали путь прямёшенький
Во сторонушку суровую холодную.
Серый заюшка туда да не пробегивал,
Чёрный ворон вещий не пролётывал,
Пролетел только советский наш ясён сокол
А Валерий Чкалов да свет Павлович,
Проложил воздушный путь-дорожечку
Беспосадочно с Москвы прямо во Арктику.
А теперя удальцы да все папанинцы
Водный путь по Арктике проло́жили,
Развивают на пути флаги совецкие.
Как денечек за денечком как соко́л летит,
А неделька за неделькой как река бежит,
Прошло времечки да девять месяцов,
День ко вечеру да приближается,
У папанинцев работушка кончается.
Тут возго́ворит Папанин добрый молодец:
— Уж вы братьица мои, совецкие богатыри,
Вы товарищи мои надёжныи,
Покорили мы Ледовый океан-море
Пораскажем солнышку да Сталину,
Всей страны советской мудрой партии
И всему народу и по всей земле.
Выступал тут Кренкель добрый молодец
Свиснул он по-молодецкому,
Закричал-то он по-богатырскому.
Услыхала вся ли матушка земелюшка,
Услыхали это слово в каменно́й Москве,
В каменно́й Москве да в золотом Кремле
Красно солнышко Сталин с Ворошиловым
Да и Молотов ли со Калининым
И весь советский трудовой народ.
Всю четверку удальцов папанинцев
Все встречали с честью-почестью,
Со великой большой радостью.
Мы петрозаводские да избиратели
Депутата встретили Папанина.
А во Москве столице да советскоей
Как Иосиф Сталин красно солнышко
Он возговорит да таковы слова:

— Вы советские могучие богатыри,
Как за вашу ли услугу верную,
А за работушку геройску неизменную,
Вас правительство да много жалует,
Вы берите-тко золотой казны,
И берите вы по добру коню.
И берите вы платья цвéтныи,
Тут возговорит Папанин в ответ Сталину:
— Уж ты славный богатырь да красно солнышко,
А много мы довольны твоей милости,
А не надо нам да золотой казны,
Золота казна нужна ведь на строительство,
Цветно платье мы оденем Красну Армию,
А добрых коней мы богатырскиих
Подарим героям Красной Армии.
Уж ты дай-ко мне прошеньицо да разрешеньицо,
Ещё дай могучий большой кóрабель,
Ледокол Иосиф Сталин со командою,
Чтобы ехать мне да в океан-море,
В океан-море да Ледовитое.
У нас пути-дороженьки проложены,
Флаги советские фарватором поставлены,
А скорым-скоро да в скором времени
К Арктике совецки кóрабли пойдут,
А буржуазны страны с зависти с ума сойдут.
А теперь в бурливом океан-мори
Там ходил-гулял да большой кóрабель
Как Седов корабль да со командою,
Со командою славной той Бадигина,
Он проложил дорогу-путь надёжную
Во сторонушку суровую холодную.
Срок-то времечко седовцам уж кончается,
Уж к бóльшой земле Бадигин направляется.
А по морю бурному катаючись,
Понабили, настреляли там морских зверей,
И китов-моржов, да и тюленей,
Да и белых медведей с медвежатами.
Нагрузили в перегруз на большой кóрабель
Я сослужу народу службу верную,
Помогу товарищу Бадигину,
Привезём много подарочков своей стране.
Как к тому ли городу ко Мурману,
Ко той пристани да корабельною,
Ко той гавани да ко причальною
Под парусами полотнянными
Со флагами да со красными
Подплывали славные два кóрабля,
Иосиф Сталин со командою Папанина
А Седов с командою Бадигина.

ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ФОФАНОВ

(Из автобиографии)

Жизнь моя была така неспокойная. Отеч жил у меня 80 годов. Сперва ён крестьянствовал. Характером был не очень важный. Строжил нас, да вино попивал. Мать была другая[1] — так и худа. С отчом, как с чортом — дрались не дрались, но выходили нелепости. При старом праве ведь, что отец задумал, то и вышло. Я шататься и пошол...

В кончи-коньчов я вырос порядочно, поженился, отделился. Под последу ён, отеч-то мой, с корзинкой ходил. Меня он откинул и тупчику не дал, лошадь продал, коровку прожил, сам и пошол с корзинкой.

Дом мне отеч не дал. Я так лет 40 жил, не имел шубы на себе на плечах. Ходил грузил суда в Шалы, пилил дрова, поосеням плотничал, пилил тесовой пилой. Жизнь вот кака была...

Лет 10 по лисям путался — полесовал. Собаки были у меня хорошие. Раз пришли в мерлогу. Собаки залаяли. Я был с товарищем. Звирь выскочел, рот разинул, едва нас не съил. Мы оружие выпустили, хоть собаки были хорошие пали на зверя, спасли нас.

Потом жил у озера, заправил снасти, ловил рыбу. Рыбка попадалась миленька така, хорошенька. Мер по 50 вылавливал. Поработал у крестьян у богачков, у справных. Косил с бабкой, дитей ростил. Прископилось дитей пятеро, потом двое померло. В домике жил худом. Сперва пас лет 12 коней, в лисях стоял. Был в кониных пастухах. Случился раз такой. Коней согнал на

[1] Мачеха.

Иван Терентьевич Фофанов

лядину. А в лису мне была избушка; я в ней жировал, спасался. Так по-утру выпустил я коней. Ушли ёны на лядину. Кони ведь не коровы. Я пошол след за ими, потрубел им, да придумалось мне на лапти берёста драть. Кони идут под горку, я по горке. Смотрю я на конях моих в стаде 2 звиря сидят, дерут. Один тихой; этот ни шуму, ни грому, и кони не пугаются. А конь под им стоит стоем еще. Это медведя были большие. Я разился к коню. Коня съедите, так и меня съеште. С топором пошол. Один убёг, а другой коня не спущает с лап. Я топором хотел тукнуть, а ён с коня свернулся, коня спустил и на меня. Я отскочил. Звирь опять хотел на коня. Я на звиря. Ну он тогда в лес и утёк. Вот себе оказия какая была... Потом дити подросли, так я стал пахать порно. Пожалуй на год стал напахивать. Заправил лошадь хорошую, 2 коровы. Потом я, знаешь ты, и дом выстроил хоть и этак и некультурный, но по-деревенски важный. Переписали меня середняком из бедняков. Сыновья один счетоводом был 4 года, теперь командир в Красной Армии. Другой теперь тракторист. Да. ... Сынов обучал я плохо. Ёны сперва ходили грамоты учились, но ходить ведь не в чем было. Один проходил года полтора, а второй с два. Но были не баловные, учились хорошо. Ещё сейчас повинуются, слухаются. Записались в колхоз. Не сразу пошли (после двух лет). Старший сын говорить: пусть... посмотрим как живут, а потом смотрим — ничего, важно.

Сторожем 5 месяцев был в МТС. Сторожил шестерни. Керосин был залит, игроин, да горючее. Вот это место и охранял.

В Петрозаводском был полдесяток раз. Не видли при старом режиме ничего интересного. При совецькой власти 2-й раз. Так вижу и всё не так. Вот в театре был, так такое и во снях никогда не приснилось бы. Много и понастроили нового. Вот что нынь в городе происходит, в Петрозаводьском.

Ну всё, больше нечего мне рассказывать. Всего попутал, только теперь жить можно стало. Теперь можно и совецьку власть поблагодарить. Вот вся моя жизнь.

17

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЧА

Во городе как было ведь во Муромле,
Во селе как было во Карáчеве
Ну старый казак был Илья Муромеч,
Илья Муромеч ведь сын Иванович.
Седлал ён коня да нуньку доброго,
А потнички кладывал да ён на пóтнички,
Сидёлко кладывал да ён на сидёлышко,
Черкальско седло ён наверех кладывал,
Не ради ён красы-басы, а ради ён крепости,
А ради было силы богатырьскую.
Как старый казак ведь Илья Муромеч
А брал как ён копьё да долгомерноё,
За плéча кладывал ён тугой свой лук,
И брал-то ён стрелочки калёныи,
Калёныи ведь стрелки начинёныи,
А паличу ён брал ведь во сорок пуд.
Облатался как ён тут, обкольчужился
Старый казак Илья Муромеч,
Садился тут ведь на добрá коня.
Видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодцá поезжаючи.
Из города как было ведь из Муромля,
Из села-то ещё было Карáчева
Старый казак Илья Муромеч
А ехал ище ён на добром коне,
А ехал ён во славный во Киёв-град
К тому-то ён князю да ко Владимёру.
Наехал ён на рать-силушку великую
Под городом как ён ведь под Черниговым.
Но старый казак видь Илья Муромеч
А брал как ён ведь трубоцку подзорную,
Глядел ён в тую сторону востоцную

На рать на тую силушку великую.
От той-то силы от великоей
Мать земля ведь подогнулася,
От того ли пару лошадиного
Красно солнче на небе поблёкнуло.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Тут ён молодеч как призадумалсе:
— Не честь-хвала мни да молодечкая
Силу эту мни да с краю бить,
Поеду я во саму серединочку,
Во эту рать-то силу я великую.
Но старый казак ведь Илья Муромеч,
Приправил ён коня да нуньку доброго
Во рать-то эту силушку великую.
На добром кони ведь ён поезживат,
Поганыих татаровей помахиват.
Куды махнёт, туды улича,
Перемахнёт нунька — переулочек.
А перебил ён эту силу да и в три часá,
Не оставил их поганых и на сúмяна.
Старый казак Илья Муромеч
Не искал как ён ворота княженецькии,
Приправил ён коня да нуньку доброго
Через тыи стены ён городовые,
Добрый конь как у его да перéскочел.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Заехал ён как во Чернигов-град,
И видит ён во городи Чернигови
А мужички как там ведь собираютсе,
Собираются во церквы во соборныи.
Старый казак Илья Муромеч
Ехал ён ко церквы той соборноей,
Ехал ён тут на добрóм кони,
Приёзжал ён ко церквы соборную,
Выходил как ён со добра коня,
Привязывал да ён коня к столбу-то точёному,
К тому-то ён кольчу ведь золочёному.
Заходил во церкву ён соборную,
А кланялсе на вси четыри стороны,
А князю черниговьскому в-особину.
А вси тут мужички нунь оглядилисе,
А вси тут мужички нунь осмотрилисе
На старого казáка Илью Муромча.
Говорил как тут князь да черниговьский [1]:
— Откуда ты как есть да добрый молодеч,
Какой же ты орды, да ты какой зёмли,

[1] В первом варианте князь назван «Констянтин Констянтинович».

Какого роду ты, да какого племени,
Какого ты отча, какой же матёри?
Старый же казак ведь Илья Муромец
Говорил как ён князю да тут черниговьску:
— Естя я из города из Муромля,
Из села как было Карачева,
По прозванью как я есь ведь Илья Муромеч,
По отечеству как сын Иванович.
Ну говорил ищё старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил князю да ён черниговьску:
— А князь ты ведь ищё было да черниговьский,
Что у тебя-ка мужики во церквы собираютсе,
У священника да ёны каютсе?
Говорил как ищё князь ту черниговьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
— Как старый казак ты, Илья Муромеч,
Илья Муромеч ты сын Иванович,
У нас-то ведь под городом Черниговом
Стоит тут рать-силушка великая,
Стоят как тут поганыи татарова,
А тая поляни́чка разудалая,
А нашла рать-силушка великая
Под наш-то под Чернигов-град,
Говорит ёна слова как мни-ка дерзкие:
— А давай-ка мни ты поединщика,
А не дашь ищё мни ты поединщика,
Ваш Чернигов-град да я с конча зажгу,
А с другого я да ведь колоть пойду,
Тебя князя как во плен возьму. —
Потому-то у мени ведь мужички как собираютсе
Ёны во церковь тут ведь во соборную,
У священника да ёны как каютсе,
А каютсе ёны да причащаютсе,
А на войну-то как ёны да направляютсе.
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил как мужичкам-то ён черниговьским:
— Мужички-то вы как было ведь черниговьски,
Не кайтесь-ка, не причащайтесь-ка,
А на войну-то вы не направляйтесь-ка,
Под вашим под городом Черниговым
Убил как рать я силу великую,
Убил как я поганыих татаровей
До единой до головушки,
Не оставил я поганыих на си́мяна.
Говорил как нуньку князь черниговьский
Старому каза́ку Ильи Муромчу:
— Ну старый каза́к ты, Илья Муромеч,
За работу что тебе да нунь пожаловать,

Города-ль теби как нунь с пригородками,
А сёла тебе-ка да с присёлками,
Али бесчётной тебя да золотой казной?
А заступа ты нам будешь крепкая,
А слуга-то будешь нуньку верная.
Говорил как тут ведь Илья Муромец,
Говорил да ён князю да черниговьску:
— Мни не надо городов да с пригородкамы,
Мни не надо сёл да и с приселкамы,
Не пойду к вам да в защитники,
Не буду вам да я заступа крепкая,
Не буду вам слуга я верная.
Но старому казаку Ильи Муромчу
Нанесли ведь золотой казны без счёту тут.
Захватил Илья как своей горсточкой:
— За работу как мне, братцы, и не грех тут взять!
Старый казак ведь Илья Муромец,
Говорил князю да ён черниговьску:
— А князь как было ты черниговьский,
А скажи-ка мне про путь да про дороженьку,
Как же мни проехать в славный Киёв-град,
Ко тому-ли князю ко Владимёру.
Говорил как князь да ён черниговьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
— Кругом-то ищё ехать будет тыща вёрст,
Ехать прямо — пять тут сотен вёрст,
А только ведь дорогой прямоезжою
Туды никто да нуньку не захаживал,
Тридцать лет туды никто ведь не проезживал,
Чёрный ворон тут ведь не пролётывал,
А серый заяч не проскакивал,
А звирь туды-ко не прохаживал
А той-то да дорогой прямоезжою.
Старый казак как Илья Муромец
А шол как ён со черквы со соборною,
А шол как ён да нуньку ко добру коню,
Садилсе ищё ён на добра коня.
А видли добра молодца ведь сядучи,
А не видли молодча как поезжаючи.
Со города как было со Чернигова
А ехал ищё ён на добром кони
Старый казак ведь Илья Муромец
Во старой-то как ён во Киёв-град
К тому князю как было Владимёру.
А тут добрый молодечь ён пораздумалсе:
— Не честь-хвала мне будет добру молодчу
Ехать той дорогою окольную,
Поеду я дорогой прямоезжую.

Старый казак ведь Илья Муромец
Приправил нуньку ён добра коня
А той-то дорогой прямоезжую.
А ехал ён на добром кони
Во славный ён во Киёв-град
Ко тому-то было князю ко Владимёру
А этой-то дорогой прямоезжую.
Старый казак ведь Илья Муромец
Наехал ён на Соловья-разбойника
У той как было рички у Смородиной.
Сидит тут Соловей-разбойник,
Сидит как Со́ловей ён на сёми дубах,
Не допускал как ён бога́тырей в сёми вёрстах.
Услыхал поездку богаты́рьскую,
Заслышал ён да руського бога́тыря,
Услыхал ён топот лошадиный.
Соловей да ищё тут как ведь разбойничок
Закрычал как ён тут по-звериному,
Залаяла собака по-собачьему.
От того ли то от крыку соловьиного
Листва-та к зёмли да приклонилась,
А в ричке ведь Смородиной вода как помутилосе.
У старого казака Ильи Муромча
А добрый ищё конь да на колена пал
От того ли то от крыку соловьиного.
Ну старый казак ведь Илья Муромец
А бил же ён коня по тугим рёбра́м,
А бил-то ён коня как приговаривал:
— А волчья выть как ты ведь травяной мешок,
Соловьиного как крыку ты пугаешьсе.
Добрый конь скоче́л ведь на резвы ноги.
Ну старый казак Илья Муромец
С-за плеч ён вынимал да свой тугой ведь лук,
Кладывал как ён тут стрелочку калёную,
Калёную как стрелку начинёную,
Спустил ён в Соловья да разбойника,
Попал как тут ёму да в буйну голову.
Покатился Со́ловей тут со сёми дубов
На матушку ён на сыру зёмлю.
Ну старый казак ведь Илья Муромец
Подъезжал как ён да на добро́м кони,
Вздымал как Со́ловья-разбойника
От матушки как ён да от сырой зёмли,
Ко левой-то ён стремяны привязывал.
Старый казак ведь Илья Муромец
Повёз как Соловья ён на добро́м кони.
У левой-то ведь стремяны привязана.
Приезжал ён к Соловьиной-то палаты ведь,

Увидали Соловьи́ны детушки,
Говорили ёны родной матушке:
— А родна как была наша матушка,
А и́дет[1] нуньку наш-то батюшка,
А и́дет ён да на добро́м кони,
А мужика-то ён везёт у левой стремяны.
Погляде́ла ихня ро́дна матушка,
Говорила тут рожоным ведь детушкам:
— Ай ищё ро́дные вы детушки,
Мужичок-то и́дет на добром кони,
А везёт ён ро́дного да ваша батюшка
У левого у стремяны привязана.
А ёго знали как там стретить нунь.
Старша дочь как была богатырка ведь,
А девка как была́ ёна ведь хитрая,
А девка ёна была́ да тут лукавая.
А наладила ёна как подворотню ведь чугуную,
Подворотня как была ведь во сорок пуд.
Говорила ищё ста́рому казаку Ильи Муромчу:
— Ай же руський ты могучий же бога́тырь,
Заезжай ты к нам ведь на широкой двор,
Выходи-ка ты со добра коня
Хлеба-соли ты как нунь покушати
Да зелена вина да ты повыпити.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
А ехал ён как тут ведь на добром кони,
А ехал ищё ён на ши́рок двор.
Эта девка была богаты́рка ведь,
Хватила подворотню ту чугунную,
Ударила Илью да в буйну голову, —
Одва усидел Илья да на добро́м коня́.
Поворачивал как ён да с широка двора,
Не успела эта девка тут приу́скочить,
Не успела тут нику́ды увертитися.
Ну старый казак как Илья Муромеч
Хватил как эту девку за трёста за заднюю,
А бросил ён её да во чисто полё —
Одны костоцки у её да разлетелисе.[2]
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Ехал ён да с Со́ловьем-разбойником
Во славный как было во Киёв-град
К тому ён князю ко Владимёру.
Приезжал как ищё старый казак Илья Муромеч

---

[1] Едет.

[2] Вариант. После этих слов следует:
Злато-серебро тут Илья Соловьи́ное с собой забрал,
А Соловьи́ную жону и детей да по Руси послал.

Приезжал как ён во славный во Киёв-град
Ай ко князю да ён ко Владимёру.
А ехал ён как тут ведь на широкий двор,
Приезжал как ён тут на широкий двор,
Выходил как нуньку со добра коня,
Привязывал как ён тут добра коня
К столбу-то ведь точёному,
К кольчу как нунь-то было золочёному,
Насыпал коню́ пшена ён белоярого,
А лил коню ён ключёвой воды:
— А и́шь-ка, добрый конь, пшена ты досыта,
А пей-ка ключевой воды ты допьяна;
Стой-ко, Соловей-ко ты разбойничок,
А стой-ко ты у добра коня.
А сам ён шол в палаты белокамённы
Ко тому князю́ ён ко Владимёру.
У того у князя у Владимёра,
У него да был ищё почéстный бал,
А у ёго как вси тут на балу́ были́,
Князья ведь бояра на балу́ были́,
А руськие могучие богáтыри.
Ну старый казак ведь Илья Муромец,
Заходил в палаты билокамённы
Ко князю́-то ищё ён ко Владимёру.
Приходил да еще ён на почестной бал,
А кланялси на вси четыри стороны,
А князю ён кланялсе ведь в особину:
— Ну здраствуй ты ищё князь стольне-киевской.
Вси ведь на Илью как оглядилисе.
А вси ведь на Илью тут осмотрилисе.
Стольне-киевской князь да тут выспрашивал:
— Откуда есь, удалый добрый молодеч,
Какой же ты орды, да какой зёмли,
Какого роду ты, какого племёни,
Какого же отча, какой ты матёри?
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил князю да ён Владимёру: [1]
— А естя я из города из Муромли,
Из сёла как было из Карáчева,
По прозванью я ведь Илья Муромеч,
По отечесьву я сын Иванович,
А приехал ваш я город нуньку по́смотреть
И тебя князя нунь Владимёра.
Говорил как ищё князь стольне-киёвской,
Говорил князьям да ён боярам тут,

[1] Вариант. После этих слов следует:
«Есть я роду крестьянского».

А руськиим ён сильныим богáтырям:
— А вы-ка ищё нуньку да подвиньтесь-ка,
А дайте-ка Ильи вы мистичка.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Садилсе за столы ён за дубовыи
У того-ли у князя ён у Владимёра.
Хлеба-соли тут ёны едять досыта,
А зелена вина пьют ведь допьяна.
Ну вси тут на балу напивалисе,
А вси тут на балу наедалисе
У того-ли у князя́ ведь у Владимёра.
Вси тут на балу как порасхвастались,
Богатой-то ведь хвастат ён богачесьвом,
По́рной хваста силой богатырьскую,
А умной хваста ведь отчом и матёрью,
Безумной хваста молодой жоной.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Сидит ён за столом да у Владимёра,
Сидит как ён не пьёт да не покушает,
Ничим ведь ён и не похвастает,
Не именем ён и не богачесьвом,
А не силушкой своею богатырьскую.
Говорил как князь ведь стольне-киевьской
Ище старому каза́ку Ильи Муромчу:
— Ну, старый казак ведь, Илья Муромеч,
Не пьёшь ведь ты, не кушаешь,
Ничим ведь ты, молодеч, ни хвастаешь,
Не похвастаешь поездкой молодечкоей,
Как ехал ты из города из Муромля.
Говорил князю да ён Владимёру:
— А ехал я из города из Муромля,
Из сёла как было из Кара́чева,
Наехал я на силушку великую
Под городом как было под Черниговым,
Убил я рать-силушку великую,
Избавил мужичков да я черниговьских
От той ли от силушки великоей.
Ехал я из города Чернигова,
Наехал я на Со́ловья-разбойника
У той ли я у рички у Смородиной,
Стрелил я ищё Соловья-разбойника,
Привёз как я его ведь у добра коня
У левой-то у стремени привязана
А к вам-то я во славноей во Киёв-град,
К князю́ как было ко Владимёру.
Говорил как ищё князь стольне-киевьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
— Веди-ко ты Со́ловья-разбойника.

Старый ведь казак Илья Муромец
Выходил ён с-за стола из-за дубового,
А шол как ён к коню́ нуньку доброму,
Отвязывал ёго, Со́ловья-разбойника,
Отвязывал как ён ведь от добра коня
От левой ён как ведь от стремёны.
А вел как Со́ловья в палаты билокамённы,
Заводил как Со́ловья-разбойника,
Заводил в палаты билокамённы,
На той-то ён ищё на почесной бал,
Ко князю как было ко Владимёру.
А вси на Со́ловья тут оглядилисе,
А вси на Со́ловья тут осмотрилисе,
А на том-то на балу на почестноем.
Говорил как князь ведь стольне-киевьской,
Говорил ён Соловью-разбойнику:
— Соловей как было ты разбойничок,
Закрычи ищё ты ведь по-звериному,
Засвищи-ка ты нунь по-змеиному,
Залай-ка ты, собака, по-собачьему, —
Мы не слыхали крыку соловьиного.
Говорил как тут Со́ловей-разбойничок,
Говорил князю́ да стольне-киёвьску:
— Стольне-киёвьский как ты Владимёр есь,
Не твоё я пью, да ем, да ведь кушаю,
Не тёбя я буду нунь да слушати,
Надо мною ищё есть да Илья Муромец.
Ну старый казак ведь Илья Муромец
Говорил ён Соловью-разбойнику:
— Закрычи-ка Со́ловей разбойничок,
Закрычи-ка ты ведь по-звериному,
Зашипи-ка ищё ты да по-змеиному,
А залай-ка ты, собака, по-собачьему,
Но только, Со́ловей, в полголоса!
Говорил тут Со́ловей разбойничок
Старому казаку Ильи Муромчу:
— Ну, старый казак ведь Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
А дай-ко мни ты чару зелёна вина,
Распечатай-ка уста мои кровавыи.
Старый казак ведь Илья Муромец
Наливал как ён ведь чару зелёна вина,
А й весом была чара полтора пуда́,
А мерой была чара полтора вёдра,
Подносил ён Соловью разбойнику.
Принимал тут Соловей единой рукой,
А пил как эту чару на единой дух.
У Со́ловья тут ищё у разбойника

Тело белоё да тут ведь распютелосе,
А в серче кровь у ёго разгорелась,
А закрычал как ён сколько мочи есь.
От того от крыку соловьиного
Терема как тут ведь пошаталисе,
Хрустальнии окольничи посыпались,
Вси князья, бояра замертво лёжа.
А Владимер князь ведь раскорякой стал
От того от крыку соловьиного [1].
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Схватил как ён тут саблю вострую,
Отсек как тут ён буйну голову
А тому-ли Соловью-разбойнику,
Что не выслушал ён старого казака Ильи Муромча,
Не выслушал ёго да приказаньича.
А тут ведь Соловью да нунь славу поют,
А старому казаку Ильи Муромчу,
Слава ему не минулась.

18

СИЛЬНЕЕ МОГУЧЕЕ ИВАНИЩЕ

Нунь сильнее могучее Иванище
А шол как ён во Иерусолим-град,
А господу ён богу помолиться ведь,
К господнему как гробу приложитися,
В Иордан ён речке окреститися.
Меженный день ён шол ведь по красному по солнышку,
А осённу ночь как шол по самоцветным ён по каменьям.
А сильнее могучее Иванище
А пришол ён нунь как тут во Иерусолим-град,
А богу как ён тут и помолился ведь,
К господню нунь как гробу приложился тут,
В Иордан как ён и речке окрестился ведь,
А назад шол мимо Киёв-град.
Под Киевом как было ведь под городом,
Стоит тут рать как силушка великая —
Наехало поганоё Удолище,
А нагнал ведь рать-силу великую
Под славный как ён под Киёв-град,
А сам-то ехал ён ко князю ко Владимёру,
Забрался ён в палаты белокамённы.
А сильнее могучее Иванище

---

[1] Вариант. После этих слов следует:
«Говорил Ильи да таковы слова:
— Ай же ты, Илья Муромец да сын Иванович,
Оставь ты нас хоть на симена...»

А с этой было силы со великоей
А выхватил ён тут да и татарина,
А у татарина да ён выспрашивал:
— Скажи-ка ты, татарин, не утай себя,
Какой у вас да за богáтырь есть
А сильнее могучее поганое Удолище?
А тут-то ведь татарин Иванищу высказывал:
— А росту есть как ён высокого,
А толщина да как ведь копна сенная,
А голова-то у его что пивной котёл,
А глаза-то, что ведь ложки бурлацькие,
А локоть у его и с локоть есь
У сильнего могучего богáтыря.
А сильний могучий Иванище
Не смел напась на рать-силу великую,
На сильнего могучего богатыря,
На поганого да ён Удолища.
А сам-то ищё и вперёд пошол,
А пошол как мимо Киёв-град,
Мимо того-то князя-то ведь Владимёра,
А назад пошол во матушку Русиюшку.
Навстречу попадь тут ведь старый казак Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович,
У Иванищи как ён ведь выспрашивал:
— Ай, сильный могучий ты Иванище,
А шол еще ты мимо Киёв-град,
А все ли как тут во Киеви по-старому,
А все ли во Киеви по-ладному
У того-то ведь князя да у Владимёра?
Говорил тут сильнее могучее Иванище,
Говорил он тут таковы слова:
— Во Киеви как было по-старому,
Во Киеви как было по-ладному
У того князя да у Владимёра,
Как стоит под Киёвом да рать-то силушка велика
А как нагнано у поганого Удолища,
Что сине море да колыбается,
Сам забрался ведь поганое Удолище,
Сам забрался к тому князю ко Владимёру,
Ко Владимеру да нунь в палаты белокамённы.
Говорит как ему старый казак Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович:
— Ай же, сильнее могучее Иванище,
Скидывай-ка платье ты каличичье,
Одевай-ка мои платья богатырьские,
А давай-ка ты мне шляпу во сорок пуд,
А давай-ка ты мне посох о девяносто пуд,
Пойду я ль ведь каликой перехожею,

Во славный я ль во Киев-град,
К тому князю́ я ко Владимёру,
А на-ка ты, держи-ка моёго коня,
А держи-ка ты коня да ведь до́ меня.
Старый казак ведь Илья Муромец,
Пошол как ён каликой перехожею,
Пошол как ён во славный ведь во Киев-град
Ко тому-то ко князю ко Владимёру.
Приходит он каликой перехожою
Во славный-то ён во Киев-град
Ко князю́ да ко Владимёру.
Подходил как ён к палаты белокамённой
Старый казак Илья Муромец,
А просит у окна ён мило́стыни.
А у князя как было у Владимёра
А было тут погано ведь Удолище,
В этих ведь палатах белокамённых,
Говорило тут поганоё Удолище:
— Откуда есь калика перехожая?
Говорил как ищё старый казак Илья Муромец:
— А естя я из города из Муромля,
Из села как было Кара́чева.
Говорил да тут поганоё Удолище:
— Заходи-ка ты во палаты билокамённы.
Ну старый казак ведь Илья Муромец
Заходил в палаты белокамённы
Ко князю-то как было ко Владимёру.
За столом сидит поганоё Удолище,
А сильный могучий ён богатырь был,
А стал как у калики ён выспрашивать:
— У вас во городе да ведь во Муромли,
А сильный там могучий ведь бога́тырь есь,
А старый казак ведь Илья Муромец,
Какой ён есь ростом, какой волосом?
Говорил как ищё старый казак Илья Муромец,
Говорил как ён поганому Удолищу:
— А гляди-ка ты да на меня,
А Илья-то словно как и я ведь есь.
Говорит как тут поганоё Удолище:
— А старый ведь казак Илья Муромец
Помногу ли съедал питьва-естьва ён?
Говорит калика перехожая
Поганому как тут ведь Удолищу:
— А старый ведь казак Илья Муромец,
А к выти ён съедает три крупивчата калачика,
А питья как выпивает на три медных пятачика.
Говорит как тут поганоё Удолище:
— Этот бога́тырь кабы здесь да был,

А и на руку его брал бы я,
Другой сверху хлопнул — с его блин бы стал,
С вашего да с руського богатыря,
Со старого каза́ка Ильи Муромча.
А я-то ем по три печи ведь хлебушка печёного,
По коровы я да по яловой,
А питья-то выпиваю я да бочку пи́вную.
А старый казак Илья Муромеч
Говорит поганому Удолищу:
— У нас как во городе Муромли
У попа была корова ведь обжорлива,
Много ела-пила да и лопнула,
А тебе-ка нунь ведь не минуть беды —
Помного ешь да пьёшь, да и лопнешь ты.
Поганому как было ведь Удолищу
Таковы слова да й не слюбилися,
Схватил как ён ножище ведь кинжалище,
А бросил ён в калику перехожую
Это ён ножище, ён кинжалище,
А в старого казака Илью Муромча.
А старый казак ведь Илья Муромеч,
На ножку ён был ведь легошенек,
А сам был ён повернёшенек,
А тут ён было как и при́скочел,
Сторонку как ён и отвернулся ведь
От этого ножища ведь кинжалища.
А это ведь ножище как кинжалище
А стало ведь тут в двирь дубовую,
А высадило двирь с придвирьникамы,
А много там убило сторожа да и татаровей.
А старый казак ведь Илья Муромеч
Со своим-то как посохом прина́скочел,
Ударил как поганого Удолища,
Ударил как его буйну голову.
А тут Удолище да нуньку хамкать стал.
Говорил как ищё старый казак Илья Муромеч:
— Ай же ты, поганое Удолище,
От одного удару ты как хамкать стал.
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Хватит как ён поганого Удолища,
Ай сильного, могучего бога́тыря,
Хватил как ёго да за ноги,
А тропнул как его да о кирпицьной пол.
От того ли от удару богатырского
Терема как тут да зашаталисе,
Хрустальние околичи посыпались.
Тут богатырю славу́ поют.
Ну старый казак Илья Муромеч,

Шол ён во чисто полё пехотою,
Прибил как ён рать-силу великую
Не единой ён ведь до головушки,
Не оставил ён поганых и на си́мяна.
Сам как ён да шол ко добру коню,
Со этой ён со битвы, со битвы со великою
А к сильному могучему Иванищу.
Как приходит ён к могучему Иванищу,
Иванище стоит как да и весь в слезах,
Не может ён держать ко́ня доброго.
Старый казак ведь Илья Муромец
Говорил как ён могучему Иванищу:
— Ай же сильный ты, могучий ведь Иванище,
Ай силы у тебе да с два меня,
А ухватки у тебя и половинки нет.
А тут богатыри перекружилисе,
А тут ёны да ведь переодилисе.
Илья-то ведь поехал на добром кони,
Иванище пошол да ведь пехотою.

19

ПРО СОЛОВНИКОВА ТАТАРЬСКОГО

Во городи как было во татарьскоём
А сильный ведь могучий там бога́тырь был
По прозванью ведь ён Соловников.
А сильный могучий бога́тырь ён,
А ехал ён во матушку Русиюшку,
А ехал как ён нунь на добром кони,
Борча-то ён себе выискивал,
А поединщика-то ён выкликивал.
А ехал мимо ён заставу богатырскую,
Мимо руських славныих бога́тырей.
На этой как заставы богатырьскоей
Старый казак как было Илья Муромец,
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
Михайлушка По́тык сын Иванович,
Ермак как было Тимофеевич.
А сильный могучий бога́тырь ведь
Проехал ён заставу богатырскую
Во матушку нунь было во Русиюшку,
К старому каза́ку Ильи Муромчу,
Ильи Муромчу ён челом не бьёт,
Добрынюшке как было ведь Микитичу
А чести ведь ён не отдаёт,
Олёшеньке как было ведь Поповичу
А в казну ёму ничо не кладёт.
Говорил как еще старый Илья Муромец,

Говорил как еще руськиим бога́тырям:
— А вы, руськии могучии богатыри,
Кого послать нам за Соловником,
За сильныим могучим богатырем
А след за им да и с угоною;
Послать как тут Олёшку вить Поповича?
У Олёшки еще было у Поповича
А руки у его да загребущие,
Глаза-то у его да завидущие,
Олёшка оглядится ведь озарится,
А убьёт его татарьский ён Соловников
А смелого Олёшку ведь Поповича,
Пропадёт у нас Олёшенька тут бе́з вести.
Послать как нам Михайлушку Потык сын Иванова,
Михайлушка Потык сын Иванович
А ходит ён еще да потыкается,
За полы ён да нунь как заплетается,
Убьёт его да как Соловников,
Пропадёт Михайлушка бе́з вести.
Послать как Ермака да Тимофеёва?
У его как годы вить моло́дыи,
А лета ведь у его были детские —
Пропадёт Ермак ведь в молодых летах.
А идь-ка ты, Добрынюшка Микитинич
За сильныим могучиим бога́тырем
А след за им-то нунь с угоною.
Добрынюшка как было ведь Микитинеч,
Седлал как тут Добрынюшка добра коня,
Обсёдлывал Добрыня, обкольчуживал,
А потнички ён кладывал на потнички,
А по́дпружки кладывал да ён по́дпружки,
Сидёлко кла́дывал ведь на сидёлышко,
Черкальское сёдло ён наверх кладывал —
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырскоей.
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
А брал как тут да ён копьё же долгомерноё,
За плеча кладывал свой тугой лук,
А брал как ён ведь стрелочки калёныи,
Калёные ведь стрелочки начинёныи,
А паличу как брал тут ён во сорок пуд,
Облатался Добрыня, обкольчужился,
Садился как Добрыня на добра коня.
А видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодца ведь поезжаючи
От той заставы было богатырскую,
От русскиих могучиих бога́тырей.
А ехал тут Добрыня на добро́м кони,

А след-то ён как нунько ведь с угоною,
За богатырем-то след да за Соловником,
За сильныим, могучиим богáтырем,
Догнал как его ён на пути да на дороженьки,
Говорил как нунь Добрыня ведь Микитинич:
— Куда же йдёшь ты такая-то невежища,
А йдешь ты во матушку Русиюшку
Мимо нашу ты заставу богатырскую,
Ну старому казаку Ильи Муромчу,
Ильи Муромчу да ты челом не бьёшь,
А мне-ка-ва Добрынюшки Микитичу
А чести ты да и не óтдаёшь,
Олёшеньке как ведь Поповичу
В казну ему ничо ты ведь не клáдывал.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Приправил как ён коня доброго
На богáтыря как было на Соловника,
Ударил как ёго да буйну голову
Своёй ён паличей сорокпудовою.
Сидит-то ведь богáтырь на добрóм кони,
Сидит-то ведь богáтырь ён не стряхнетсе,
Кудерко ведь на ём да не сворохнутсе.
А сильний могучий богáтырь ведь
Приправил ён коня нуньку доброго
На Добрынюшку да на Микитича,
Ударил как Добрыню буйну голову.
Добрыня как одва ведь усидел на добром кони,
У Добрыни добрый конь на колена пал.
Добрыня бил коня ведь по тугúм рёбрам,
А скочел ведь добрый конь на резвы́ ноги́,
Понесся что стрела да ён калёная
От того богáтыря от Соловника.
Приезжал как тут Добрыня на заставу богатырьскую
А к русскиим могучиим богáтырям
Говорил как ён могучиим богатырям
И старому казáку Ильи Муромцу:
— Ну, старый казак Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович,
А догнал я богáтыря Соловника,
А догнал ведь я на пути да на дороженьке,
И приправил я коня да нуньку доброго
На богáтыря ведь на Соловника,
Ударил я ёго ведь буйну голову
Своей как тут я паличей сорокпудовою,
Сидит богáтырь тут да на добром кони,
Сидит богатырь как не стряхнетсе,
Кудерко как на ём да не сворохнетсе.
Приправил ён коня да еще на меня,

Ударил ён меня да в буйну́ голову́,
Одва ведь усидел я на добром кони,
А добрый конь у меня ведь на колена пал,
А бил-то я коня тут по крутым рёбрам,
Скочел как добрый конь тут на резвы ноги́,
Понесся ведь что стрелочка каленая
От того бога́тыря Соловника.
Говорил как ещё старый Илья Муромец,
Илья Му́ромец да сын Иванович:
— А мни как след поехать за Соловником,
За тыим-то бога́тырем с угоною.
Ну, старый казак ведь Илья Муромец
Добра́ коня́ как тут да ён обсёдлывал,
Обсёдлывал коня ён обкольчуживал,
А потнички кладыва́л да ён на потнички,
А по́дпружки кладывал да ён на подпружки,
Седёлко кладывал ведь на седёлышко,
Черкальско ведь седло ён наверёх кладывал —
Не ради как красы-басы, а ради ён да крепости,
А ради было силы богатырскую.
Ну старый казак ведь Илья Муромец
А брал как ён копьё-то долгомерноё,
За плеча кладвал свой туго́й же лук,
А брал как ён же стрелочки калёныи,
Калёны стрелки начинёныи,
А паличу ён брал ведь во сорок пуд.
Облатался как ён ведь обкольчужился,
Садился ён как тут на добра коня.
А видли до́бра мо́лодца ведь садучи,
Не видли молодца как поезжаючи
От той заставы было богатырьскую,
От русскиих могучиих бога́тырей.
Ну старый казак ведь Илья Муромец,
А ехал ён как тут на добром кони
А за бога́тырем ён за Соловником,
А след-то ведь за им да с угоною,
А догнал ён на пути ён на дороженьки.
Ну старый казак Илья Муромец
Говорил богатырю Соловнику:
— Куда ты и́дёшь нунь, такая ведь невежища,
А и́дёшь ты во матушку Русиюшку
А мимо ты заставы богатырьскую,
А мимо руських могучих ты бога́тырей?
Мне старому казаку Ильи Муромчу,
Ильи Муромчу да ты челом не бьёшь,
Добрынюшке как ты ведь Микитичу
А чести ты ёму не о́тдаёшь,
Олёшеньке как ты да ведь Поповичу

В казну ёму ничо ты ведь не кладывал,
А йдёшь ты такая ведь невежища,
А йдёшь ты во матушку Русиюшку.
Старый казак ведь Илья Муромец
Приправил ён коня да нуньку доброго
Да на богатыря да на Соловника,
Ударил как его ведь буйну голову.
Сидит богатырь тут ведь на добром кони,
Сидит-то ведь богатырь да не стряхнется,
Кудёрко ведь на ём да не сворохнетсе
От того-то от удару богатырьского.
Ну старый ведь казак Илья Муромец
А наехал ён да в другой же раз,
Ударил ёго ён в буйну голову.
Сидит богáтырь на добром кони,
Сидит богáтырь ён не стряхнетсе,
Кудёрко ведь на ём и не сворохнетсе.
Ну старый казак Илья Муромец,
А тут ведь молодечь и пораздумалсе.
Говорил как нуньку Илья Муромец:
— По белу я свету ведь поезживал,
Поганыих татаровей помахивал,
А бил-то я их на один ведь раз,
А тут ударил я да нуньку два разá,
Не мог-то ёго сбить я со добрá коня
На матушку на ту ведь на сырý землю.
Ну старый казак Илья Муромец
Подъезжал как ён ведь на добром кони
А к сильному могучему богáтырю.
Говорил Илья да таковы слова
А сильному могучему богатырю:
— Опустимся с тобой мы со добрых коней
На матушку как на сыру землю
А тут-то мы с тобой да и поборемсе.
Опускалисе богатыри ёны ведь со добрых коней
На матушку как тут ведь на сыру землю,
А тут ёны богатыри как нунь ведь сговорилисе,
А тут ёны бороться ведь схватилисе.
Ну старый казак Илья Муромец
На ножку как ён был да тут лёгошенёк,
Лёгошенёк как ён да повернёшенёк,
Хватил как ён сильного могучего богáтыря,
А бросил ён о матушку сыру землю,
А скочел как ёму тут на белýю грудь,
Выдергивал ножище ён кинжалище,
Хотел ему пластать да тут белую грудь,
А тут ведь молодечь да приодумался,
Старый казак Илья Муромец

У богáтыря как ён выспрашивал:
— Скажи-ка ты, богатырь, не утай себя,
Какой же ты земли да какой орды,
Какого роду ты, какого племени,
Какого же отча, какой ты матёри?
Говорил же тут богатырь ведь Соловников
А старому казаку Ильи Муромчу:
— Седатый и косатый ты ведь старый пёс,
А не сидел бы у меня ты на белой груди,
А я как бы сидел бы у тебя ведь на белой груди,
Не спросил бы я ни роду ведь ни племени,
А пластал бы я тебе-ко-ва белую грудь.
А тащил бы твои жилы со печени. [1]
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
А этым ён ножищем ён кинжалищем
Пластал как ён богатырю белую грудь,
Тащил как ён-то жилы со печени.
А богатырю ведь славу поют,
А старому казаку Ильи Муромчу
А слава ведь ёму да не минуласе.

20

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Во городе как было во татарьскоём
Сильный могучий богáтырь был,
Ну по прозванью ён был собака Кáлина,
Ой, Калина ён ведь мáлина.
Собрал ён рать-силу великую,
На Киёв-град войной пошол
На того князя на Владимёра.
И нагнал ён силы великоей под Киёв-град,
А сам ехал на добрóм конй
Во славный во Киёв-град
Ко тому-ли князю ко Владимёру.
И приехал во славной во Киёв-град
Ко князю как было ко Владимёру.
Приехал ён на широкий двор,
Выходил ён со добра коня,
Привязывал коня ко столбу точёному,
А к кольчу ведь золочёному,
А сам шол в палаты белокамённы
Ко князю как было ко Владимеру;

---

[1] Вариант: После этих слов следует:
«Тут у Ильи тело бело распотелося,
В сердце кровь разгорелася,
Разгорелось сердечко богатырское».

Не спрашивал ни сторожов ни придверников,
Заходил ён ко Владимёру и челóм не бил
И чести никакой не óтдаёт.
Да у того ли князя́ у Владимёра
Стояли ведь столы дубовыи,
На столах скатерётки были шелкóвыи,
Естьва сахáрьнии, а питьва медвяныи.
Садился ён за столы за дубовыи,
Хлеба-соли ён ел дóсыти,
А зелёна́ вина пил дóпьяна;
А говорил ён князю́ Владимёру
Этот сильный могу́чий бога́тырь:
— Отдай-ка за меня племянничу,
А не отдашь ты по-охотушки,
А отдашь по-неволюшки,
Я тогда на Киёв-град войной пойду,
Тебя, князя́ Владимёра во плен возьму,
А твою племянничу замýж возьму,
Я замуж возьму а за́ себя.
У того у князя у Владимёра
Бога́тырей не случилосе,
Молодчов не пригодилосе.
Видит князь беду неминучую,
Подтирал свою дыру онучею.
А во этом городе во Киёви
Случился Ермак Тимофеёвич.
Стольно-киевский князь Владимёр ён
Шол ко этому Ермаку Тимофеёчу:
— Ай да ты, Ермак Тимофеёвич,
Как у нас под городом под Киёвым
Стоит сила великая.
Говорил ёму Ермак Тимофеёвич
Владимёру князю́ да стольно-киёвску:
— Пусь-ка собака поженится,
Пусь-ка ён, собака, споро́днится
У князя ён у Владимёра.
Уходит князь стольно-киёвский
От Ермака ён нуньку Тимофеёва.
А Ермак да нуньку Тимофеёвич
Ён облатался да обкольчужился,
А палицу ён брал во сорок пуд,
А шол ён ко князю да ко Владимёру.
Ермак как было Тимофеёвич
Заходил ён в палаты белокаменны
Ко князю ко Владимёру.
А видит ён у князя да у Владимёра
За столом сидит какая-то невежища,
Сильный могучий бога́тырь.

Говорил Ермак Тимофеёвич:
— Забралась ты этака невежища
Ко князю ко Владимёру
За столы да за дубовыи,
Не зван да ты и не приказыван.
У Ермака у Тимофеича
Тело-то белое да распотелосе,
Разгорелосе сердечко богатырскоё,
Со своею ён паличей принáскочил
На сильного могучего богáтыря,
Ударил как его буйну голову
Своей ён паличей сорокапудовою.
Ай повалился богатырь со стола со дубового.
Повалилсе ён на кирпицной пол,
А тут богатырю славу поют.
А Ермак как было Тимофеёвич
Шол от князя от Владимера,
Шол ён ко добру коню,
Седлал ён нунь добра коня,
Обсёдлывал и обкольчуживал,
Пóтнички клáдывал ён на потнички,
А пóдпружки кладывал на подпружки,
Седёлки кладывал на седёлышки,
А черкальско седло наверёх кладывал,
Не ради ён красы-басы, а ради ён крепости,
А ради было силы богатырскоей.
А и брал же копьё долгомерноё,
За плеча кладывáл свой тýгой лук,
Брал ён стрелочки калёныи и начинёныи,
А паличу брал во сорок пуд.
Облатался Ермак да обкольчужился,
Садился Ермак на добра коня;
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поезжаючи.
Из города как было да из Киёва
Ехал Ермак на добрóм кони,
Ехал на гору ён высокую,
На шелома поехал ён искатнии,
Смотрел ён в трубоньку подзорнюю,
Смотрел ён в тую сторону восточную
На рать на силу на великую.
Стоит под городом под Киёвом
Рать-сила да великая,
Что синее морюшко колеблется.
Тут Ермак Тимофеёвич пораздумалсе:
— Не честь-хвала мне будет молодецкая
Бить сила эта мне-ка с краю ведь,
А поеду я в саму серединочку

Во рать-силу великую.
Ермак Тимофеёвич на добро́м кони́ поезживат,
Поганыих татаровей помахиват;
Куда махне — буде улочка,
Ай перемахне — переулочек.
Прибил ён эту силу во три часа.
Наехал старой казак Илья Муромеч,
Наехал ён на добро́м кони́;
Старый казак Илья Муромеч
Ехал к Ермаку да сзаду ён,
Наехал же ён на добром кони
А и пал на плеча на могучаи,
Говорил ён Ермаку Тимофеичу:
— Украти своё сердечко богатырское.
А Ермак да нуньку Тимофеёвич
Сказал стару казаку Илье Муромцу:
— Ай да старый казак, Илья Муромеч,
Знал ко мне откуда ты заехати,
А заехал бы ты ко мне спереду,
Убил бы я тя вместо татарина.
Тут ёны, богатыри, поехали
С этой битвы со великоей,
Ехали ёны во славный Киёв-град.
Приехали ёны да на добрых конях
Ко тому ко князю ко Владимёру;
Принимал их князь стольно-киевськой,
Стольне-киевськой да Владимер князь
Сильных русских да могучих богатырей,
Хлебом-солью кормил их до́сыти,
А зелёным вином поил до́пьяна.
Руськие могучии бога́тыри
Издили ёны по белу́ свету́,
Прибавляли матушки Русиюшки,
Защищали за Киёв-град,
Стояли за веру отечества
Руськие сильные богатыри.

21

БОЙ ДОБРЫНЮШКИ СО ЗМЕЕМ

Ну молодой ли как Добрынюшка да был ведь Микитинич,
Справлялсе как Добрыня за охото́ю,
Справлялсе как Добрыня во чисто поле,
А во раздольицо как во широкоё,
А пострелять-то ён гусей да лебедей,

Ну перелётныих да тут утёнышов.
А одевал как ён рубашечки-манишечки,
Ну одёвал одежду ён военную,
А доспехи еще тут богатырьскии,
А за плеча кладывал ён тугой-то лук,
А брал тут стрелочки да ён калёныи,
А шол как тут Добрынюшка на широкий двор;
А сёдлал Добрынюшка добра коня,
А родная матушка Добрынюшке наказывала:
— Пойдешь как Добрыня за охотою,
А не бесчести ты, Добрынюшка, замужних жон,
Ну не бесчести ты, Добрынюшка, нуньку вдовушок,
А не бесчести ты, Добрыня, красных девушек,
Ну не идь-ко ты на гору Сорочиньскую,
А не топчи-ко малыих змеёнышов,
Ну не идь-ко ты, Добрыня, ко Пущай-реки,
А не купайсе ты, Добрыня, во Пущай-реки,
А Пущай-то как река бежит быстрым-быстра,
А друга риченька бежит да быстряе-то,
А тритья риченька бежит, что огонь сикёт.
А садилсе как Добрыня на добра коня,
А поежжал как ён с широка́ двора,
Ну ви́дли добра молодца сядучи
Ну ви́дли молодца поезжаючи.
А ехал как Добрыня на доором кони,
А ехал как Добрыня во чисто́ поле́,
Ну во раздольицё как ён во широкое,
А пострилять гусей да лебедей,
А перелётныих да ён утёнышов.
Ну прои́здил Добрынюшка Микитинич,
Ну прои́здил как ён тут по чисту полю,
По раздольичу по широкому,
А день-то ён о у́тра до вечёра
Не мог убить ни гуся ён ни лебедя,
Не мог как убить ён же нунь серого утёныша.
Ну на другой как день Добрынюшка Микитинич
А прои́здил ён по чисту полю,
Ну по раздольицу ён по широкому,
Не мог убить ни гуся ён, ни лебедя,
Не мог убить как серого утёныша.
На третий день Добрынюшка Микитинич,
А ён не слухал как ро́дной матушки,
А приправил как Добрынюшка добра́ коня́,
А ехал ён на гору Сорочиньскую.
А приежжал как ён на гору Сорочиньскую,
А топтал там малыих змеёнышов,
А змеёныши были ёны проклятыи,
А подточили у добрынина коня они резвы́ ноги́.

А у Добрыни как стал ходить конь на короточках,
А у Добрыни ещё конь подтыкатьсе стал.
Ну Добрынюшка как тут Микитинич
А выдёргивал ён плётку шолковую,
А хлыстал как ён коня же промеж ноги как заднии.
А у Добрыни конь как стал да поскакивать,
Ну змеёнышей от ног стал отряхивать,
А по колену стал ён в землю угрязывать.
(Уж богатыри коней держали, так ведь на том стояли, кормили пшеницей билояровой).
Ну Добрынюшка как тут да Микитинич,
А ехал ён со горы Сорочиньською,
Ну не слухал ён тут ро́дной матушки,
А ехал как Добрыня на добро́м кони,
Ну ехал тут Добрыня ко Пущай-реки.
Приезжал как тут Добрыня ко Пущай-реки.
А выходил Добрыня со добра́ коня́,
А становил ли ён коня по край бережка,
А воскидывал как ён доспехи богатырьскии,
А скидывал одежду всё военную,
Ну ски́дывал как ён рубашочки-манишочки.
А на той ли ещё тут на Пущай-реки
А были тут как девки-портомойници,
А говорят Добрынюшки Микитичу:
— Ну молодой ты как Добрынюшка Микитинич,
А купались нунь добры молодци,
А купались как ёны во Пущай-реки
А во рубашках тут ёны во биленьких.
А говорит как тут Добрынюшка Микитинич.
— Ай вы, девицы-портомойници,
А про себя вы только знайте да ведайте
(Отругнулсе),
А вы не знайте про меня как про Добрынюшку Микитича,
А сам-то я как знаю сам ведаю.
Ну Добрынюшка как тут же Микитинич
А нырнул тут по Пущай-реки
Ну от берёжка ён как до берёжка.
А в другу риченьку Добрыне захотелосе,
Ну нырнул как тут Добрыня в другу риченьку,
А от берёжка да ён до берёжка.
Ну в третью ему ричку так и хочетсе,
Нырнул как тут Добрыня в третью риченьку,
Ну от берёжка ён да до берёжка.
А из-под западнёй тут сторонушки
Чтоль не шум-то как шумит да не дожжь дожжит,
А летит как тут Змеинищо Горынищо,
А летит как змея четыреглавая,

А у змеи как тут двенадцать тут хоботов.
Ну лепечет как ёна по-змеиному,
А говорит как тут по-человичьому:
— А многи мне-ка люди пророчили,
Ну победит меня Добрынюшка Микитинич,
А меня Змеинищо Горынищо,
А Добрынюшка Микитинич в моих руках,
Ну что я знаю, над Добрыней то и сделаю,
Хоть Добрынюшку как я да огнём пожгу,
Хоть Добрынюшку как я да в полон возьму,
А хоть Добрынюшку как я же сама пожру.
А начала как жгать как тело да белоё
А у Добрынюшки у Микитича.
А Добрынюшка как тут да Микитинич
А видит ён как дело нехорошоё,
А нырнул как тут Добрыня во Пущай-реку,
Ну выскакивал Добрыня на крутой берёг.
А нё с чем тут со змеёй приоправитсе,
А усмотрел как тут Добрынюшка Микитинич
А колпак-то тут земли греческой,
Ну схватил ли как Добрынюшка Микитинич
А колпак земли ён тут греческой,
А колпак-то тут Добрыни нунь да мал попал,
А мал-то как попал ровно пуда три.
Ну Добрынюшка как тут же Микитинич
Ударил колпаком земли греческой
А Змейнищо-то ён да Горынищо,
А сбил как тут змею на сыру землю,
А сбил как тут змею во кувыль-траву,
Ну скочел как ён на грудь на змеиную,
Ну в руках-то тут держал ён булатний нож,
А хотел то ён рубить-то нунь змеиныи ён головы,
А тут как змея ему смолиласе,
Лепетала как ёна по-змеиному,
А говорила тут ёна по-человечьёму,
А говорила Добрынюшки Микитичу:
— А Добрынюшка как ты да Микитинич,
А не руби голов моих змеиныих,
А не оставь-ко ты змеёнышей сироткамы,
Ну мы с тобой положим ищё заповидь великую,
А не съежжатьсе ещё нам во чистом поли,
А не делать как нам бою кроволития,
А не летать как мни по матушки Русиюшки,
Не уносить как люда крестьяньського,
А жить мни как в горах Сорочиньськиих,
А во норах-то ищё нунь во змеиниих.
Но скочил как тут Добрыня со груди со змеиною,
А делали тут записи великии,

А не съежжатьсе, не сражатьсе во чистом поли,
Не делать бою-драки, кроволития,
А не летать как тут змеи по Росиюшки,
Не уносить как боле люда крестьяньського,
А жить ей во горах Сорочиньскиих,
А во норах как нунь во змеиныих.
А полетела тут змея да закрякала:
— А сыта я сегодня, пообедала.
(Попала как под колено Добрыни, так сыто пообедала, говорит).
А летела тут змея через Киев-град
А унесла как у князя у Владимера,
А любимую ёна да племянничу
А молодую тут Забаву дочь Путятичну
А во горы как ёна Сорочиньскии,
А во норы тут во змеиныи.
А Добрынюшка как туг да Микитинич,
А нырнул Добрыня ко добру коню,
А выскакивал Добрыня на крутой берёг,
Одевал рубашочки-манишочки,
А одевал как одежду военную,
А доспехи тут богатырьскии,
А садилсе как Добрыня на добра коня,
А ехал как Добрыня к родной матушки.
Приежжал как тут к родной матушки,
Заежжал Добрыня на широкий двор,
А выходил как Добрыня со добра коня,
А вёл ли ён коня во конюшоньку,
А во стоилу ищё ён лошадиною.
Ну сыпал как ён коню пшена билоярова,
А нёс-то ён коню ключевой воды:
— А ешь-ка ты добрый конь пшена ты дóсыта,
А пей-ка ты ключевой воды нуньку дóпьяна.
А сам-то шол в палату билокамённу,
А ко родной тут ён ко матушки;
А у родной как было у матушки
А про Добрынюшку тут всё было сготóвлёно,
Ну столики стояли как дубовыи
А скамеечки были кленовыи,
А есьвица были тут сахарьнии,
А питьица были да медьвяныи.
А у родной как-то тут да матушки
А Добрынюшка как тут да Микитинич
Скидывал доспехи богатырьскии,
Скидывал ён одежду военную,
Ну садилсе ён за столики дубовыи,
А на скамеечки да на клёновыи,
А у родной у своей ён у матушки

Ну поел как ён тут есьвица сахарьного,
Ну попил как тут питьица медьвяныи
У своей ён родной у матушки.
А матушки поездкой не похвастыват,
А про поездку ён не рассказыват
А своей-то ён ещё родной матушке.
А выходил как с-за стола с-за дубового,
А ложился на кроваточку тесовую,
А на перинку ён на пуховую,
А тут ли как Добрынюшка отдóх держал.
(Тут уж спать свалилсе, так и нам отдыхать)

22

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИНЦА

Добрынюшка как было ведь Микитинич
А руський ведь могучий ён богáтырь был.
Седлал как тут Добрынюшка добра коня,
Обседлывал как ён ведь обкольчуживал:
Ну потнички кладывáл ён на потнички,
Седёлка кладывал тут на седёлышко,
Черкальское сёдло ён наверёх кладывал,
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырскою.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
А брал как ён копьё ведь долгомерноё,
За плеча кладывал тугой же лук,
А брал ён стрелочки калёныи,
Калёныи как стрелки начинёныи,
А палицу тут брал ён во сорок пуд,
Облатался Добрыня, обкольчужился,
Садилсе Добрыня на добра коня;
А видли добра молодца сядучи,
Не видли молодца ведь поезжаючи.
Добрыня как было ведь Микитинич
А ехал ён ко синю морю,
Ко синю морю ведь за охвотою
Приехал ведь Добрыня ко синю морю,
Выходил Добрыня со добра коня,
Спускал как тут Добрынюшка добра коня
На тыю на травку на шелкóвую,
На тыи на цветоцки на лазурёвы.
Ходил как тут Добрыня о синё морё,
Ходил как тут Добрыня за охвотою,
Не мог убить ни гуся ведь, ни лúбедя,
Не мог убить ни серого утёнышка.

Добрынюшка ён шол тут ко добру коню,
Садился ищё ён тут на добра коня,
А ехал Добрыня в свою сторону.
Приехал же Добрыня ко чисту полю,
В чистóм полé стоял да тут сырой же дуб,
На дубу тут как сидел чернóй воро́н,
Добрыня снял с плеч тугóй свой лук,
А кладывал как стрелочку калёную,
Хотел убить ён чёрна во́рона.
Чёрнóй ворон ему тут прогóворил
Языком ён как было человечиим:
— Добрынюшка как ты ведь Микитинич,
Не бей меня как чёрна во́рона,
Ворони́ным мясом не наи́ссе ведь,
На воронином пухе не наспатьсе ведь,
Ворониным перышком не тешишьсе,
А и́дь-ка ты на го́рушку высокую,
На шелома ты ищё было на искатьнии,
Там стоит шатёр белополотнянный.
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
Приоправил ён коня да нуньку доброго,
А ехал ён на го́рушку высокую,
На шелома как тут да на искатьнии.
Приезжал Добрыня ко белу шатру,
Выходил Добрыня с добра коня,
Привязывал коня ён ко белу́ шатру,
Заходил как тут Добрыня во белóй шатёр,
Во белóм шатри́ стоят столы ведь тут дубовыи,
На столах ведь скатерётки нунь шелкóвыи,
А есьва ищё были тут сахарьнии,
А питьва нуньку были тут медвяныи,
И подписи тут нуньку подписаны:
— Ну кто в этот шатёр да и зайдет нунь,
А жи́ву ведь тому и не бывать.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Не стольки и́л да пил, сколькн в ногах стоптал,
А ищё ён в шатри да при́ломал,
А эти подписи да оторвал,
Добрый молодечь да ён и спать залёг.
А спит как молодечь ён трои суточки,
А спит Добрыня тут не пробуждаетсе,
Над собой-то ён невзгоды не начаетсе —
Наехал смелый Олёшенька Поповинич,
Наехал ведь Олёшка на добром кони,
А видит ён Добрыню во белом шатри:
— А убью-ка я Добрыню до́бра молодча.
А тут ведь молодечь ён призадумалсе
Смелый ён Олёшенька Поповинич:

— Ну сонного мне бить, да будто мёртвого,
Не честь хвала мне будет молодечкая.
Ну смелый Олёшка ведь Поповинич
А тыкнул ён Добрыню ведь Микитича
Копьём-то ён да долгомерным,
Вострым копьём да ён тупым кончом,
А тыкнул ён его да во белую грудь.
От того-то удару пробуждаетсе
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
А выскочил ён в биленькой рубашечки без поясу,
В тоненьких чулочках ён без чоботов,
Со своей-то ён со палицей как тут сорокопудовою.
Тут ёны, богáтыри, схватилисе,
А тут как оны дратьсе ведь сразилисе.
Олёшка ведь дерётся на добром кони,
Добрынюшка пехотою поскакивает,
Не в чем-то ён Олёшка не уважывает
Дерутсе ведь тут руськии богáтыри,
Дерутсе как ёны да трое сутоцки,
Не едаючи ёны ведь не пиваючи,
Отдыху себи ведь не даваючи.
Услыхал как их-ка драку богатырьскую
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Ихал тут ён на добром кони
На драку ён как богатырьскую
А к руськиим могучиим богáтырям.
Ну старый казак Илья Муромеч
Говорил как ён таковы слова:
— А руськии как нунь с татарами сражались бы,
Убили бы ёны татаров в три часу;
Наверно, как ведь руськии богатыри сражаютсе,
А дерутсе ёны да трое суточки,
Одна земля мать подрагивает.
Ну наехал ён на драку богатырьскую
Старый казак да Илья Муромец,
Наехал ищё ён на добром кони,
Захватил Добрыню во правý руку,
А Олёшку захватил ён во левý руку,
Говорил ён руськиим богáтырям:
— А руськии могучии богáтыри,
О чем вы дерётесь нуньку, ратитесь?
Говорил как ищё смелый тут Олёшенька Поповинич
Старому казаку Ильи Муромцу:
— Ну, старый казак ведь Илья Муромеч,
Как же мне не дратьсе ведь не ратитьсе,
У меня поставлен был шатер билополотнянный,
Во шатри как есьва тут налажены,
А есьва былú тут сахарьнии,

А питьва бы́ли нуньку ведь медьвяныи.
Добрынюшка как было ведь Ми́китинич
Заехал во тот же во белой шатёр,
Не сто́льки и́л да пил, скольки в ногах стоптал,
А всё-то ён в шатри как при́ломал.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич
Ай старому казаку Ильи Муромчу:
— У смелого Олёшки у Поповича
Шатёр-то был-то нунь поставленный,
А есьва в ём да тут налажены,
Фальшивыи там надписи подписаны:
— Ну кто в этот шатёр да и зайдёт нунь,
Тому-то и́щё живу не́ бывать,
Поэтому не сто́льки ил да пил, скольки в ногах стоптал,
А все в белом шатри да при́ломал,
А фальшивыи те надписи я о́торвал.
Говорил ведь старый казак как Илья Муромец,
Говорил Добрыни ён Микитичу:
— Спасибо, ты, Добрынюшка Микитинич,
На чужом дому да не уважишь,
А ни в чём как ты не упадываишь,
А будь-ка ты, Добрыня, ста́ршой брат,
А будь-ка ты, Олёша, нуньку младший брат,
Будьте вы как братья нунь крестовыи.
А тут ёны богатыри как нунь и поразъехались
Со этой было драки богатырьскую,
А всяк-то было и́хал в свою сто́рону.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Ихал он со драки богатырьскую,
А и́хал как Добрыня в свою сторону,
А ихал как Добрыня на добром кони
К своей-то ён палаты белокаменной.
Выходил Добрыня со добра коня,
А вёл-то ён коня ведь в конюшеньку,
Во тыи стойла были лошадиныи;
А жил Добрыня дома трои суточки,
А что-то молодчу ведь призадумалось:
— Поеду я за славноё за синеё за морюшко,
К тому-то королю да я заморскому [1],
Сыграю им во доску во шахматну.
Говорил Добрыня родной матушке:
— А ро́дна бы́ла нунь моя ты матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна,
А дашь как ты мне, матушка, прощеньицо—

[1] В первом варианте «король Додонский».

Поеду я да за синё морé
К тому-то королю да ведь заморьскому,
Не дашь ты мне прощенья — ведь поеду я.
А дала ему матушка прощеньицё.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Молодой жоны как ён наказывал:
— Моя как бы́ло ты ведь молода́ жона́,
Настасья было ты ведь Микулицьна,
Уеду я как нуньку за синё морё,
За славное за синее да морюшко,
К тому-то королю да ведь заморьскому.
Не приеду я оттуль может три году́,
А ты, Настасья бы́ло ведь Микулицьна,
Не приду я ищё ведь с-за синя моря́,
Не приеду я как со чиста́ поля́,
Ты хошь вдовой живи, а хошь ты замуж пойди,
А не ходи ты только за Олёшеньку Поповича,
Олёшенька мни есь да младший брат.
А тут как ведь Добрынюшка Микитинич
Вёл коня ведь ён как со конюшеньки,
Со стойла о этих лошадиных,
Седлал Добрыня тут добра коня,
Обсёдлывал Добрыня, обкольчуживал,
А потнички кладывал да ён на потнички,
Ну подпружки кладывал на подпружки,
Седёлышка кладывал ён на седёлышка,
Черкальское седло наверёх кладывал —
Не ради как красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырскую.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Брал как ён копьё ведь долгомерноё,
За плеча кладывал свой тугой же лук,
А брал ён стрелоцки калёныи,
Калёныи да стрелки начинёныи,
А паличу ён брал во сорок пуд.
Облатался Добрыня, обкольчужился,
Садился тут Добрыня на добра́ коня,
Ну видели ведь добра молодца сядучи,
Не видли молодча как поезжаючи.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Как ехал Добрыня на добром кони
За славное за синее за морюшко,
К тому-то королю да ён заморьскому.
А ехал ведь Добрыня туды три́ году́.
Той поры Олёшка ведь Поповинич
К Настасьюшке как ён ведь подхаживал,
А замуж ён Настасью да подсватывал:
— А поди-ка ты, Настасья ведь Микулицьна,

Поди-ка ты ведь замуж нуньку за́ меня,
Вчерась как был я во чистóм поли́,
А видел я Добрыню во ковыль-травы,
Резвы ноженьки его как во ковыль-травы,
Буйна го́лова ведь во ракит-кусту́.
А прошло ведь тому времечку три году,
Не видать Добрыню с-за сиия́ моря́,
Не видать как тут Добрыню со чиста́ поля́.
Говорит Настасья тут Микулицьна
Ну смелому Олёшке как Поповичу:
— А сполнила я заповедь ведь мужнюю,
А кладу я заповедь ведь женскую:
Пройдёт ищё тому да три году́,
Пойду тогды за смелого Олёшку за Поповича.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Приехал ён за славное за синеё за морюшко
К тому-то королю как было ведь заморьскому,
А ехал к королю ён на широкий двор,
Приезжал как ён-то да на ши́рок двор,
Выходил как ён тут со добра́ коня,
Привязывал коня к столбу да ён точёному,
К тому кольчу ведь золочёному,
А сыпал он коню пшена да белоярого,
А нёс-то ён коню ключевой воды:
— А ишь-ка ты пшена да досыта,
А пей-ка ключевой воды да допьяна.
А сам ён шол в палаты белокаменны,
К тому-то королю да ён заморьскому,
Не спрашивал ни сторожов ён ни придворников,
Заходил как ён в палаты белокаменны,
Кланялся на вси четыре стороны,
А королю-то ён заморьскому ён в-особину:
— А здравствуй-ка, король ты заморьскиий.
А вси тут на Добрыню осмотрелисе,
А вси тут на Добрыню огляделисе,
А заморьский-то король да тут выспрашивал:
— Откуда есь, удалый добрый молодець,
Какой же ты орды да есь, какой земли,
Кокого роду ты, какого племени,
Какого ты отча, какой же матери?
Говорил Добрынюшка Микитинич:
— А есте я из матушки Русиюшки,
А есте я как нунь вдовиный сын,
Как по имени я нунь Добрынюшка,
А по отечеству да я Микитинич,
Приехал к королю тибе заморьскому,
Играть к тибе во доску я во шахматну,
А ты меня как нунь и по́играшь,

Буду я заступа тоби крепкая,
А буду я слуга тоби да верная.[1]
А тут ёны как нунь ведь сговорилисе,
Играть ёны во доску садилисе.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Ступень-то ён ступил да не доступил,
Другой то ён ступил да переступил,
Третий-то ён ступил да приступил,
А четвёртый-то ступил да и поиграл.
Говорит ён королю ведь заморьскому:
— А король как ты да заморьский,
А плати-ка ты во матушку Русиюшку да пошлину.
Тому-то ты князю да Владимиру,
А плати ему да ты ведь золотом.[2]
У короля как ищё было у заморьского
Тело белое тут распотелосе,
Слуги ему такого захотелосе,
Говорил ён тут Добрынюшке Микитичу:
— Добрынюшка как было ты Микитинич,
Сыграем ищё с тобой во доску мы во шахматну.
А тут ёны ведь нуньку сговорилисе,
А снова ведь играть ёны садилисе.
Той порой-то ведь Олёшка как Поповинич
К Настасьюшке как ён-то подхаживал,
А замуж-то как подсватывал.
Прошло тому времечки как шесть годов,
А тут ведь как Настасья согласиласе,
За смелого Олёшку ведь замуж пошла,
А клали пир на трое суточки,
Пошол как тут у их да нунь почесной пир.
Добрынюшка как было ведь Микитинич
За славным за синим ён за морюшком
У того ли короля как ён заморьского
Играт как ён во доску ведь во шахматну,
Играт как нунь, забавляетсе,
Над собой невзгоды не начаетсе.
Налетел ведь голубочек со голубкою,
Садился на окно ён княженецкое,
Голубок-то тут ён стал ведь попурхивать,
А голубочек тут да пощуркивать,
А потом ведь голубок стал выговаривать:

---

[1] Вариант. После этих слов следует:
«А ежели я тебя обыграю,
Сорок телег ордынских плати-ка Руси золота».

[2] Вариант. Обращается к королю:
«Купь-ка ты телеги железныи,
Отправляй-ка золото во матушку Россиюшку,
Ежели ты золота не направишь, то я войной пойду».

— Добрынюшка как было ты Микитинич,
Играшь как ты во доску во шахматну,
Играшь как ты Добрыня, забавляешься,
Над собой-то ты невзгоды не начаешьсе,
Твоя-то молода жона замуж пошла
За смелого Олёшку за Поповича.
Скочил как тут Добрыня на резвы ноги,
Схватил как доску во белы руки,
А бросил эту доску о кирпицной пол.
От того-то удару богатырьского
Терема как нунь ведь зашаталисе,
Хрустальнии окольници посыпались,
Вси князья-бояре замертво лежат,
А заморьский-то король раскорякой стал.
(Вот тибе и почесь подал).
Говорил же ён Добрынюшке Микитичу:
— Ай же ты, Добрынюшка Микитинич,
Оставь-ка нас поганых хоть на сімена.
А шол как тут Добрыня ко добру коню,
Говорил как тут Добрынюшка добру коню:
— А конь ты мой нуньку добрыий,
А вёз как ты меня сюда ведь было три году,
Отсюль-то ты вези меня в три часу,
У меня ведь молода жона замуж пошла
За смелого Олёшку за Поповича
(Ён и коню пожалился, что сделалось).
Садился как Добрыня на добра коня,
А видли добра молодца ведь сядучи
Не видли молодча как поезжаючи.
Понёсся добрый конь, что стрелка ён калёная.
Рики ён, озёра перемахивал,
А тёмныи-то ён леса промеж ног брал,
А окиян-море да ён кругом бежал.
(То видно большое было).
Приехал как Добрыня в свою сторону,
Во матушку как было во Русиюшку,
А ехал ён к палаты билокаменной,
Выходил Добрыня со добра коня,
Привязывал коня к пирёному-то ён крылечушку,
А к тому кольчу ён золочоному,
По ступенечкам Добрынюшка поскакивал,
Во колечко Добрыня поколачивал.
Пускала его родна матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич:
— А здраствуй моя родна ты ведь матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна.
Говорила ему родима матушка,

Чесна вдова Офимья Олександровна:
— Какая есть ты голь нунь кабацкая,
Какая ты подпо́рина табацкая?
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич:
— Не узнала ты меня ведь, родна матушка!
Говорила ему родна матушка:
— У моего как ведь Добрынюшки Микитича
А на сибе бедь были платья цве́тныи,
А на тиби-то есь как платья звериныи,
Звериныи как платья лососиныи,
Дорогих ведь зве́рьев заморскиих;
А был бы у меня Добрынюшка Микитинич,
А было-бы рожоное как дитятко,
Не насмехался бы да нуньку, голь кабацкая,
Не насмехалась бы подпорина табацкая.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ведь ро́дной матушки:
— А родна бы́ла нуньку моя матушка,
А и́здил я ведь нуньку да и шесть годов,
А платьича свои я пои́зорвал,
Купил я там ведь платья и заморьскии,
Звериныи как платья лососиныи,
Дорогих зверье́в да я заморьскиих.
Говорила ему родна нуньку матушка:
— У моего Добрынюшки Микитича
На головушке была родима знадёбка,
А на головки как ведь рубочечёк был.
Наклонил-ли-то Добрынюшка головушку,
Наклонил своей ён родной матушки,
Нащупала родимую на[1] знадебку,
Пала как Добрыни на белу́ю грудь,
Человала ведь в уста его саха́рьнии,
А брала как за ручки-то за белыи,
Вела его в палату билокаменну,
Сама старушка бежала ко добру коню.
Обирала[2] как ёна добра коня,
Вела коня она да ведь в конюшеньку,
Во тыи стойла были лошадиныи,
А сыпала пшена да белоярого,
Несла ёна коню да ключевой воды:
— А ешь-ка, добрый конь, пшена ты досыта,
А ключевой воды пей ты допьяна,
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ведь родной матушки:

---

[1] Усеченная форма о н а.
[2] В смысле у б и р а л а.

— А родна ты ведь была матушка,
А где ведь было есь моя-то молода жена
А Настасья ищё было как Микулицьна?
Говорила нунь ему как тут родна матушка:
— Твоя ведь молода жона замуж пошла
За смелого Олёшку ведь Поповича,
У их-то ведь идёт нунь почесный пир.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинич,
Говорил своей ведь родной матушки:
— А родна моя было матушка,
Чесна вдова Офимья Олександровна,
Сходи-ка ты во погреба глубокии,
Принеси-ка ты гусёлышки яровчаты,
А я пойду к жоны ведь на почесный пир,
А к смелому Олёшке ведь Поповичу.
Шла как тут старушка в погреба во глубокии,
А брала тут гусёлышки яровчаты,
Гусёлышки были ведь во сорок пуд.
Идёт как тут старушка, потыкаетсе,
Гусёлкамы ёна ведь подпираетсе,
Принесла ёна гусёлышки яровчаты,
Подавала их Добрынюшки Микитичу.
А брал как ён гусёлышки яровчаты,
Пошол как ён ведь тут на почесный пир,
А к смелому Олёшке ведь Поповичу.
Приходил Добрыня на почесной пир,
Кланялся Добрыня тут на вси четыре стороны,
А князю со княгинею ведь в-особину.
А вси ведь на Добрыню осмотрелисе,
А вси ведь на Добрыню оглядилисе,
А на том ведь на пиру да на почесноём,
У Добрыни ищё стали тут выспрашивать:
— Откуда есь, удалый добрый молодець,
Какой же ты орды, какой земли,
Какого роду ты, какого племени,
Какого же отца, какой ты матери?
Говорил Добрынюшка Микитинич:
— А скороспелая как есь морошина,
А дайте мне хоть мистечка немножечко,
А дайте миста мни по-край запечи.
Старики как тут ведь пораздвинулись,
Садилсе ведь Добрыня по-край запечи
На том-то на пиру ён на почесноём.
— Дозвольте как сыграть в гуселки мни яровчаты
На вашем на пиру мни на почесноем.
Дозволили сыграть как тут Добрынюшке
Во гусёлышка ведь во яровчаты.
Заиграл как тут Добрыня по-умильному,

Заиграл как тут Добрыня по-унылому —
А вси как на пиру ведь приослухались,
А вси как на пиру ведь приодумались.
Потом как заиграл ён по-весёлому —
А вси как на пиру ведь наскакалисе,
А вси как на пиру ведь наплясалисе,
Вси ведь на пиру тут порасхвастались.
Богатой-то ведь хвастает богачеством,
По́рной хваста силой богатырьскую,
А умный хваста ведь отчом-матерью,
Безумный хваста молодой женой.
Говорят как Добрынюшке Микитиничу
На том пиру как было на почесноем:
— А что ти за игру умильную пожаловать,
Города ти с пригородкамы,
Аль сёла тибе-ка нуньку с присёлкамы,
Аль бессчётной тибе нуньку золотой казной?
Говорил как тут Добрыня Микитинич:
— Не надо городов мни с пригородкамы,
Не надо мни бессчётной золотой казны,
А только дайте мни-ка чару зелена вина [1]
Весом была чара полтора́ пуда́,
А мерой была чара полтора вёдра.
Подносили тут Добрынюшке Микитичу,
Принимал Добрыня едино́й руко́й,
А опускал туды перстень обручальныий
В эту чару ён да зелена́ вина́.
Говорил тут Добрынюшка Микитинич:
— А вы как, старики, ведь пораздвинтисе,
Пропустите-ко к столу ведь княженецькому.
А тут ведь старики-ка пораздвинулись,
Подходил Добрыня ён к столу ведь княженецькому,
Подносил как эту чару зелена́ вина,
Подносил княгины ён моло́дою,
Говорил как ён княгины моло́доей:
— Ай же ты, княгиня ведь моло́дая,
А пей-ка эту чару всю до дна скорей,
А ты пьёшь до дна — ты увидашь добра́,
Не пьёшь до дна — не видашь добра́.
Принимала тут княгиня ведь моло́дая,
Принимала эту чару единой рукой,
Пила эту чару во е́диной вздох
(Тоже, видно, княгиня-то была богатырка).

---

[1] Вариант. После этих слов следует:
«А кому знаю, я тому и поднесу.
Наливали ему чару зелена вина...»

Увидала этот перстень обручальныий,
Вскочила как княгиня на резвы́ ноги́,
А за тым столом-то было княженецькиим,
Говорила как ёна таковы слова:
— Не тот мой муж, который подли сидит,
А тот мой муж, который за столом стоит.
Скочила через стол княженецький,
А валиласе Добрынюшке Микитичу,
Валиласе ему да в резвы́ ноги́,
Говорила тут Добрынюшки Микитичу:
— А бей-ко ты до ран моих кровавыих.
Говорил как тут Добрынюшка Микитинець:
— Не сполнила как ты бы заповедь женскую,
Отсек бы я тибе да буйну голову,
А как сполнила ты заповедь женскую,
А в том-то ведь греху тоби прощаетсе.
Добрынюшка как было нунь Микитинич,
А брал ён смелого Олёшку да Поповича,
Брал его да за желты́ кудри́,
Тащил как с-за стола-то княженецького
(Жениха-то!),
Выдёргивал ён плетку тут шелковую,
А стал как ён Олёшку тут наказывать,
А хлыщет он Олешку, приговариват:
— Каково тоби, Олёшенька, женитисе,
Каково тоби живого мужа жону́ замуж брать?
Добрыня как Олёшку нахлыстывает,
А в тосках то Олешка поп.....,
А кланяетсе Олешка заклинаетсе:
— Будь ты проклята, женитьба неудачная,
А молода жона будь невзрачлива,
Удалосе ведь женитьба Ставру Негодинову,
И ведь старому Добрынюшке Микитичу,
А за има были сёстры ро́дныи,
А как были сёстры ведь Микулицьны.
А уехал тут Олёшка ведь от страму ён,
Уехал ведь Олёшка ведь бе́з вести,
Уехал Олёшка ведь и в Азию.

23

СУХМАН РЕХМЕНТЬЕВИЧ

Во городе как было там во Киеви,
У князя как было у Владимера,
А пир-то у его ищё был ведь продолжительный.
Как у князя как было у Владимера,
А на пиру на том на продолжительном
Вси князья бояра нунь присо́званы,

Вси руськие могучии богáтыри
На том ли на перу продолжительном.
А у князя как тут Владимера
Ну был как Сухман сын Рехментьевич.
Говорил тут ищё князь стольне-киевский,
Стольне-киевской да как Владимер князь,
Говорил как Сухману Рехментьеву:
— Ну Сухман же ты, сын Рехментьевич,
А сьиздяй-ко ты ко матушки Непры-реки,
А настреляй-ка ты гусей да лебедей,
Перелётныих ты да тех утёнышев,
Привези-ка ты на тот на пир продолжительной,
А ко мни ко князю ко Владимеру
(Велел привезти к нему, ко Владимиру).
А тут ли как Сухман сын Рехментьевич,
Становилсе ён на резвы ноги
А выходил как с-за стола с-за дубового
У князя как было у Владимера.
Ну одевалсе тут Сухман поскурёхонько,
Да справлялсе ён да скоро-наскоро,
Ну за плеча кладывал тугой-то лук,
А брал как тут же стрелоцки калёныи,
Ну шол как тут Сухман да на широк двор,
А шол Сухман да ко добру коню,
Садилсе как Сухман на добра коня,
Поезжал как ён с широка двора.
А видли добра молодца сядучи,
Не видли молодца поезжаючи
Со города его ли со Киева,
От того ли князя от Владимера.
Ну ехал как Сухман на добром кони,
А ехал ён ко матушки Непры-реки,
Приезжал как ён ко матушки Непры-реки,
А на матушки ли на Непры-реки
Не плавает ни гуся там ни лебедя,
Не плавает ни серого утёныша,
Стоит как там татарин со татарамы,
Стоит как ён у матушки Непры-реки.
Говорит тут как Сухман сын Рехментьевич,
А говорит ён да татарину:
— Куды ты-ка, татарин, пробираешьсе,
Чего же ты, татарин, добираешьсе,
Чего же ты, татарин, домогаешьсе?
Говорил как татарин со татарами:
— Я иду ко городу ко Киеву,
Ко тому-то князю ко Владимеру,
А веду ли я как силушки несметочну,
А на счёт у меня силы сорок тысячей,

А на ваш на Киев-град,
А на князя на Владимера побольше-то.
Ну глядел как Сухман сын Рехментьевич,
А глядел как ён на матушку Непру-реку,
А Непра-то как река притомиласе,
А вода-то со песком помутиласе
А во матушке да во Непры-реки.
Говорит как тот Сухман сын Рехментьевич,
Говорит как матушки Непры-реки:
— Что же, матушка Непра-река, ты притомиласе,
А вода-то нунь с песком как в теби помутиласе?
А говорила тут как матушка Непра-река:
— Ай же ты, Сухман сын Рехментьевич,
А у меня ли как у матушки Непры-реки
Стоит как тут татарин со татарамы,
Ну днём-то ён мосты мостит да калёныи
А по мни по матушке Непры-реки,
А ночью я мосты сюда повырою.
Оттого ли как я притомиласе,
А вода-то как с песком нунь во мни помутиласе,
Оттого я стала нунь бессильная.
А говорила тут как матушка Непра-река:
— Ой же ты, Сухман сын Рехментьевич,
За мной ли как матушкой Непрой-рекой
Стоит как тут дубиночка-вязиночка,
А ты эту вязиночку повыдерни,
Татарьскую как силушку повыщелкай.
Ну ехал тут Сухман сын Рехментьевич,
А ехал как за матушку Непру-реку,
А приезжал как ён ко этой дубиночки,
А дубиночку как брал ён за вершиночку,
А с комля-то у неё нунь сок бежал,
Повытащил её ён со кореньями
(С корнями со всима),
А тут ли как Сухман сын Рехментьевич
А стал как дубиночкой помахивать,
Ну стал как ён татаровей пощалкивать,
Куда махне, тут лежит их как улочка,
Перемахне, тут их переулочком,
Перебил ён всих да ведь татаровей.
А татарове были-то поганыи,
Ну стреляли как луком да самострельныим,
Ну стрелкамы да калёныма
Ну Сухмана ёны да Рехментьева.
А Сухман-то вить ещё да Рехментьевич
А рвал как ён листочки да маковы,
Ну затыкал свои кровавыи раночки
(Ёны все-таки стрелкамы его настреляли),

А тут как Сухман сын Рехментьевич
После боя ён, кроволития
А ехал ён во славной во Киев-град
Ко князю-ли ён Владимеру,
Ну на тот ли ён пир продолжительной.
Приезжал как ён к князю да на широк двор,
Выходил Сухман да со добра коня,
А привязывал Сухман добра коня
А к столбу ли ён да точёному,
А ко тому ли-то кольчу золочёному,
А сам-то шол в палату белокаменну,
А ко князю-то как ён ко Владимеру,
А на тот-то на пир продолжительной.
А заходил ли ён в палату билокаменну,
Ко князю-то ён ко Владимеру,
А на тот-то ён пир продолжительной.
Говорил Сухман сын Рехментьевич,
Говорил-то ён князю Владимеру:
— Стольно-киевський князь, ты Владимер-то,
Сьиздил я ко матушке Непре-реке,
А на матушке на Непре-реке
Не плавало ни гуся тут ни лебедя,
Ну не плавало как серого утёныша
(Он съиздил, так надо князю рассказать как издил; так тут повторяется). [1]
А стоял как тут татарин со татарамы
А у матушки нунь у Непры-реки,
А говорил я тут татарину поганому:
— Куды же ты, татарин, пробираешьсе,
Чего же ты, татарин, добираешьсе,
Чего же ты, татарин, домогаешьсе?
А говорил мни как татарин со татарамы:
— Иду-ка я ко городу ко Киеву,
А к тому ли князю ко Владимеру,
А веду я силушку несметную,
Ну на счёт-то у мня сорок тысячей,
А на ваш-то я на Киев-град,
А на князя-то на Владимера побольши-то.
Стояла тут за матушкой Непрой рекой,
Стояла тут дубиночка вязиночка,
А брал как я же этую дубиночку,
А брал как ю да за вершиночку,
А с комля дубиночки да сок бежал,
А я выдернул ю со кореньямы.
Ну стал я дубиночкой помахивать,

[1] Повторить это место полностью сказитель не захотел.

Ну стал я тут татаровей пощелкивать,
Прибил я, приломил я всих татаровей.
Говорил тут нуньку князь стольне-киевськой,
Говорит да тут Владимер князь
Ну руськиим могучиим богатырям:
— Ну вы, руськии могучии богатыри,
Ну садите вы Сухмана Рехментьева
Во темницю как его во тёмную,
В погреба его сорокасажённыи,
А за замки-ты его за булатныи,
Не пустым ли тут Сухман прибахваливат.
Ну руськии могучии богатыри
Садили как Сухмана Рехментьева
И во темницу его во тёмную,
В погреба его сорокасажённыи,
А за замки-ты его за булатныи,
Говорит тут князь стольне-киевский,
А говорит как ён Добрынюшке Микитичу:
— А Добрынюшка да ты Микитинич,
А сьиздн ты как нунь ко матушки Непры-реки,
Посмотри-ка ты сухмановы бахвальствия,
Ну не пустым ли как Сухман да прихвастыват,
Не пустым ли как Сухман прибахваливат.
Садилсе как Добрынюшка на добра коня,
Ну ехал тут Добрынюшка ко матушки Непры-реки,
Приезжал как тут Добрыня ко Непры-реки,
А у матушки ли у Непры-реки
Ну татарова лежат всё убитыи,
Лежит как тут сухманова дубиночка,
А дубиночка лежит тут вся в крови.
Хотел как тут Добрыня дубинку на показ везти,
А не мог как отдынуть ю от сырой земли,
А сухмановой да тут дубиночки.
Ну уехал как Добрынюшка во Киев-град
Ко князю ли ён ко Владимеру.
А приезжал как Добрынюшка
Да ён на широк двор,
А выходил Добрыня со добра коня,
Ну привязывал Добрынюшка добра коня
Ну к столбу ли ён точёному,
Ну к тому-то ён кольчу золочёному,
А сам-то шол в палаты билокаменны,
А ко князю ли как ён ко Владимеру,
А на тот ли пир продолжительной.
А говорил как тут Добрынюшка князю ён таковы слова:
— А князь-ка есь ты стольне-киевьськой,
Стольне-киевьськой да Владимер князь,
А сьиздил я ко матушки Непры-реки,

А поглядел я как сухмановы бахвальствия,
Ну не пустым ли Сухман да похвастывать,
Ну не пустым ли ён прибахваливать.
Как у матушки тут у Непры-реки
Татарова лежат тут убитые,
Лежит как тут сухманова дубиночка,
А дубиночка лежит ёна вся в крови,
Ну хотел я как дубиночку на показ везти,
Не мог я отдынуть-то от сырой земли
А сухмановой-то я да дубиночки.
А говорит как ещё князь стольне-киевьской,
Стольне-киевьской да тут Владимер-князь:
— Ну руськие могучие богатыри,
Выпускайте вы Сухмана Рехментьева
А с темниц его да тёмныих,
А с погребов его сорокасажонныих,
Из-за замков его из-за булатниих.
Ну руськие могучие богатыри
А выпускали Сухмана Рехментьева,
А шол как тут Сухман да Рехментьевич
Ко князю-то ён ко Владимеру.
А говорил как же тут князь стольне-киевьський
Стольне-киевьський да тут Владимер князь,
А говорит как ён Сухману Рехментьеву:
— Ай же ты, Сухман сын Рехментьевич,
Ай чим же тебя за работу нунь пожаловать?
(Схватилисе!)
А города ли теби дать с пригородкамы,
А сёла ли дать теби с присёлкамы,
А золотой ли казны нунь бессчётную?
А говорил как тут Сухман сын Рехментьевич,
А говорит князю ён Владимеру:
— Стольне-киевьський ты князь да Владимер-то,
У нас во матушки во Русиюшки
По приезду молодцов да почестуют,
А по заслуги молодцов да пожалуют,
А ты-то ещё князь стольне-киевьський,
Стольне-киевьской да ты Владимер князь,
Ну по приезду ты меня не почестовал,
Ну по заслуги ты меня не пожаловал.
А тут ли как Сухман сын Рехментьевич
А выдёргивал листочки ён маковыи,
Открывал свои кровавы раночки.
А тут с его кровь-то как хлынула,
А кровь его да богатырская,
А от той ли от крови от сухмановой
Пробежала тут Сухман-река.
А тут ли как Сухману Рехментьеву,

А ему нунь слава пошла,
А славушка ему по белу-свету,
А Сухману нунь да Рехментьеву.
Вся

24

ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО

Во городи как было во литовьскоем,
Наш король-то был да литовьский,
Собёрал-то король литовьськиий
Собёрал да ён да почесной бал,
А всих-то ён панов как татаровей на бал созвал.
Ну вси как пана да татарове,
А вси как тут да на балу были
У того ли короля оны литовьского.
Сиди́ли за столамы за дубовыма
И и́ли оны, пили тут и кушали.
Почесной-то как бал стал при ве́чери,
Вси пана да вси татарове
А стали как оны да при весели,
У того ли короля оны литовьського
Пановськой силы оны татарьской порасхвасталисъ.
У того ли короля как у литовьського
А было два любимых племянничка,
Два сильниих могучиих бога́тыря,
Сиди́ли за столами за дубовыми,
У того ли короля оны литовьського,
А у ро́дного да тут у дядюшки,
Ну не и́ли, как не пили да не кушали,
А билой либеди ёны не рушили,
Ну приклонили как свои буйны́ головушки
Ниже плеч ёны да могучиих,
А притупили как оны да очи ясныи,
Притупили тут да во кирпицной пол.
Ну, король ищё тут да литовьськиий
По балу да ён похаживал,
А на дубовый стол да посматривал,
Ну говорит как тут король да литовьськиий,
А говорит как ён да таковы слова,
А говорит как королевым ён племянничкам:
— А любимыи мои да племяннички,
Ну сильныи могучии бога́тыри,
А по прозваньицу вы были Витнички,
А королевыи были племяннички,
Сидите́ вы за столамы за дубовыма

А у родного да вы у дядюшки,
А разве кушаньи мои вам не по разуму,
А напитушки не по уму пришли.
А незгодушку как вы да зачуяли,
А рать-то силу нунь да во чистóм полѝ.
А говорят тут королевьськии племяннички,
Того ли короля ёны литовьського,
Говорят ёны как рóдному дядюшке
А королю оны да литовьському:
— А родный как ты наш дядюшка
А король ты есь да литовьськиий,
Ну как кушанья твои нам по разуму,
А напиточки твои да по уму пришли,
Ну незгодушки как мы не зачуяли,
А рать-то силы нунь да во чистóм поли,
Как мы не можем терпеть мы больше славушки,
А от Романа мы да Митриёвича.
Ну во матушки да тут во Россиюшке,
А в Москвы-то там да билокаменной
А князь-то ещё есь-то там Роман то Митриевич,
А про его да йдет да славушка,
Славушка идёт да по белу́ свету,
А про Романа еще про Митриёвича,
А про князя про того да про московьського.
Ну говорят тут королевскии племяннички,
Ну сильнии могучии богáтыри,
А по прозваньицу ёны были Витнички,
Ну говорят королю ёны литовьскому:
— Ай ты рóдный наш да был дядюшка,
Ай король да ведь есь литовьськиий,
А давай-ка нам силы сорок тысячей,
Всё латничков давай да кольчужничков,
А силу ты дай на добры́х конях,
Пойдём мы во матушку Россиюшку,
А в Москву-то ищё мы билокаменну,
А к Роману мы как тут Митриевичу,
А ко князю мы ко московьському,
Ну Москву-то билокаменну огнём пожгём,
А Романа Митриевича во плен возьмём.
Ну говорит как тут король да литовьськиий,
А говорит любимыим племянничкам,
Ну сильныим могучиим богатырям:
— Вы любимыи мои да нунь племяннички,
Сильныи могучии да вы богáтыри,
Не идьте вы во матушку Русиюшку,
А в Москву как нунь билокамённу
Ко Роману вы ко Митриевичу,
А ко князю вы да ко московьському,

Ну Роман-то Митриевич хитёр-то есь,
Ён по тёмну лесу как рыскат волком серыим,
А по частым полям летат чёрным вороном,
По крутым горам скаче горностаюшком,
А потерпел как от его я тут славушки,
А терпел как я век да и по́веку
От Романа-то как я Митрие́вича,
А от князя тут от московьського.
А кто никак во матушку Русиюшку не езживал,
А в Москву как нунь билокамённу,
Ну к этому Роману Митриёвичу,
А ко князю ли тут да московьському,
Оттуда-то никто как живой и не приезживал.
Но говорит как тут король да литовьськиий
А говорит любимыим племянникам:
— Ну идьте вы во землю лимоньскую,[1]
Там земля-то есь да богатая,
А много там как красного золота,
Много там как цистого се́рёбра,
А много там как есь скачного жемчуга.
Ну король-то ещё да тут литовьськиий
Направлял любимыих племянников,
Ну сильных могучиих бога́тырей,
По прозванью ёны да были Витнички,
А во землю как их лимоньскую,
К тому ли королю как лимоньскому,
А дал как силы им да сорок тысячей,
Всё ратничков да всё кольчужничков,
Всё силы давал да на добры́х коня́х.
Ну ты Витнички как тут же королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богатыри,
А ёны и́хали во землю лимоньскую,
Со панамы как ёны со татарамы,
А силы как было у их да сорок тысячей,
Всё пана были́ да всё татарова.
Приезжали как во землю лимоньскую,
Разоряли землю нунь лимоньскую,
Убили короля оны лимоньского,
А забёрали мужиков ёны лимоньскиих,
А мужиков-то забёрали толпами нунь,
А красных бабец да рядамы-то,
А красных девушек ёны да толпушкамы,
Отправляли как оны во землю литовьскую,
Ко тому королю оны литовьському,
А ко родному оны ко дядюшке,

[1] Ливонскую.

Ну красно золото катили нунь на телегах ордыньськиих,
Ну красна золота катили, циста сéрёбра,
Ну циста серёбра да скатна земчуга,
Ну всё оны во землю литовьскую.
Ну выезжали как оны на чистó полé,
Эти Витнички как королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богáтыри,
Ну со панамы как оны со татарамы.
А силы как у их было сорок тысячей,
Говорили как ены же ищё тут таковы слова,
Говорили как оны промеж собою-то:
— А братьича были мы да рóдныи,
А рóдныи были однокровныи,
Поездка как така удацная,
Поездка пала нам счасливая,
Пойдём-ка во матушку Россиюшку,
А в Москву как мы билокамённу,
А ко Роману ищё мы Митриевичу,
А ко князю как тут ко московьському,
Ну эты Витнички как тут ли королевы племяннички,
Ну сильныи могучии богáтыри
Ну ехали во матушку Русиюшку,
А в Москву оны билокамённу,
А к Роману как оны Митриёвичу,
А ко князю тут ко московьському,
А со панамы как оны со татарамы.
Приезжали как в Москву билокамённу,
Ну разоряли города что ни лучшии.
А в Москвы оны билокамённой
Первый город разорили ёны Лягово,
А другой город разорили Коротяево,
А третий город разорили Карачаево,
А четвёртой оны разорили Косый-то уличи.
Ну убили ёны зятя любимого
У Романа оны у Митриёвича,
А сёстру оны тут да во плен взялú,
А Настасью оны тут да Митриевичну,
А с дочéрью как с трехмисячной.
Ну эты Витнички как тут же королевыи племяннички
Ну сильныи могучии богáтыри
Ну отъезжали к рубежам оны московьськиим
Со панамы тут да со татарамы.
А силы как было-то нунь у их сорок тысячей.
(Не мало силы!).
Ну приезжали к рубежам оны московьськиим.
Выходили тут оны да со добрых коней.
Ну спускали как ёны да добрых коней
А на травку как ёны на шелкóвую,

На пшеницю ёны тут да билоярову.
Ну разбросали тут ёны свою орудию,
А раскинули палатки свои биленьки,
А стали ждать тут осени богатую,
Когда выростит боран с кучу ён,
Когда выростит ядрён овёс,
Когда выростит пшёнича билоярова.
А ждут как тут оны да осени богатую
(Войска-то не мало — сорок тысяч, кормить чем? Запас весь вышел).
У Романа тут Митриевича
А в Москвы-то нунь билокамённой,
А был-то у его да почесный пир,
А на пиру-то как князя бояра на пиру были,
Вси ру́ськии могу́чаи бога́тыри,
А всё войско ещё было любимое,
А дружина ещё была храбрая,
На том ли на пиру на почесноем
У Романа ещё тут Митриёвича
А у князя нунь у московьського.
А налётал-то ещё тут да черно́й воро́н,
А садился ещё воро́н на зелёный сад,
А на садовую да ён на яблуню,
А напротих[1] как Романа Митриёвича.
Ворон граял ещё тут по-ворониному,
А говорил как ён по-человечьему:
— А ешь да пьёшь да наслаждаессе,
Над собой невзгоды не начаешьсе.
Говорил как ён Роману Митриевичу,
А князю как тут да московьському,
А Роман-то ещё есь Митриевич-то
А князь бы ещё есь московьському:
— Ну теби как в Москву билокамённу,
А со города как тут со литовьського,
От того ли короля от литовьського
Наехало как два же тут любимых племянника,
Два сильныих, могучиих бога́тыря,
А по прозва́ньицю оны да были Витнички,
Королевыи были племяннички,
Со панамы как ёны со татарамы,
А силы как у их сорок тысячей
(Не мало силы было!),
Ну у тебя как в Москвы билокамённой
Разорили города что ни лутчшаи,
Ну убили твоего зятя́ любимого,

[1] Напротив.

А сестру как твою ёны во плен взяли,
Ну с дочерью оны с трехмисячной,
Ну эты Витнички, королевыи племяннички
Отъехали как ёны к рубежам московьськиим,
Там-ко ждут ёны да осени богатую.
А Роман ищё тут Митриевич,
А скочёл-то ён тут на резвы ноги,
А говорит-то ище ён таковы слова, —
Говорил князьям да боярам ён,
А руськиим могучиим богатырям,
Своему он войску любимому,
Ну дружины как говорил он храброю:
— А войско как моё же любимое,
А дружина моя была храбрая,
Получил я весточку нерадостну,
У нас как тут в Москвы белокамённой,
А со города литовьского
Наехали как того ли короля да литовьського
Два любимых племянничка,
Два сильныих, могучиих богатыря,
По прозваньицу ёны да ведь Витнички,
Ну королевыи любимыи племяннички,
Со панамы ёны со татарамы,
Ну силы как у них да сорок тысячей,
Ну разорили как Москвы белокаменной
Города ёны что ни лучшии,
Ну убили моего зятя любимого,
А сёстру как мою во плен взяли,
Настасью как тут Митриёвичну,
А с дочерью как оны с трехмисячной.
А отъехали оны как к рубежам да московьськиим,
А ждут оны как осени богатую,
Но пойдём-ко мы след да с угоною
К рубежам как мы да московьськиим.
Но Роман-то еще тут Митриевич-то,
А князь-то ещё был московьський ён,
А в Москвы как белокамённой,
А соберал как войско любимоё,
А соберал как дружину храбрую,
А войска собёрал да сорок тысячей
(Не мало старик войска закатил!),
Всё латничков да тут кольчужничков,
А силу собёрал да на добрых конях.
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то,
Со своей-то ён дружиною как с храброю,
А ехал как след да с угоною,
К рубёжам как ён да московьськиим.
Ну выежжали как ёны на чисто полё,

А сустигла как тут их тёмна ноченька,
А Роман-то еще тут Митриевич ведь,
А князь-то как нунь да московьськиий,
Ну говорит-то ён войску любимому,
А говорит то ищё ён таковы слова:
— А дружина ищё моя была храбрая,
Выходи-ка же тут со добрых коней,
А кормите-ко же вы да добрых коней,
А не травонькой да шелкóвою,
А пшеницею да вы белояровой,
А я-то как пойду по чисту полю.
Ну, дружины-то как ён наказывал:
— А дружина как была моя храбрая,
Я по утрушку как ранёшенько,
А закрычу как тут я черным вороном,
Вы седлайте-ко же да добрых коней,
Дрýгой раз я закрычу как черным вороном,
Вы садитесь-ка да на добры́х коней,
А в третий как закрычу я черным вороном,
Приезжайте ко мне вы на добрых конях,
Вся дружина тут моя да храбрая.
Ну, Роман-то еще тут Митриевич,
А пошол как ён по чисту́ полю́,
А овернулся[1] как тут ён волком серыим,
А у панов как ён у татаровéй,
А разогнал как ён коней по темну лёсу.
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то,
Прибегал как ён ко белы́м шатрам,
А там-то нуньку спали как паны да татарова,
А спали эти Витнички как тут же королевыи племяннички,
Ну, сильныи, могучии богáтыри,
А орудия у их поразбросана.
Ну Роман-то еще тут Митриевич-то,
А выломал как ён сабли вострыи,
Ну притупил стальни штыки,
Ну в луках-то как ён самострельныих,
Повыгрыз тут ён тя́тивки шелкóвыи.
Ну, Роман тут Митриевич-то,
Овернулся ён горностаюшко,
А заскакал как тут во белóй шатéр,
А гди спали эты Витнички как тут же королевые племяннички
Ну сильныи могучии богáтыри,
Ну не спала как сёстрича его милая,

[1] Обернулся.

А Настасья ещё тут Митриёвична,
А Настасья ещё тут Митриёвична,
А дочери тут да приговаривают:
— Ну спи-ко, дочь нунь моя милая,
А спи-ко ты, дитя мое любимоё,
Ну не знат как тут, не ведат твой-то родный дядюшка,
А Роман-то тут Митриевич ведь,
Кабы знал-то, ведал твой-то тут Митриевич ведь,
Ну повыручил нас с невзгоды великою.
Ну младень-то ещё тут воспроговорил:
— А не плачь как, моя ты ро́дна матушка,
А ту есь как мой-то родной дядюшка,
А во белом шатри да горносталюшкой.
Ну эты Витнички как тут же королевыи племяннички
А речь-то эту нунь да услышали,
Как скочили же ёны на резвы ноги,
Хватили ёны шубу соболиную,
А кинули ёны на горносталюшка,
На Романа тут Митриевича.
А Роман-то Митриевич как хитёр-то был,
А выскочил тут в рукав ён шубною,
Ну выскакивал как ён со бела шатра,
Овернулсе тут ён черным вороном,
А вылетал как ён на дуб на высокии.
Ну закрычал как ён по-ворониному,
Ну своему как войску ён любимому,
А дружины ён да храброю.
Ну войско как его да любимое,
А дружина вся храбрая,
Ну сёдлали как ёны да добрых коней.
А Роман-то тут Митриевич
А крычал другой раз по-ворониному
Своему войску-то любимому,
А дружины да своей да и храброю.
Ну войско как его да любимое,
А была ведь всё как храбрая,
А садились как ёны на добрых коней.
А эты Витнички как королевыи племяннички,
Ну сильныи могучии богатыри,
А со панамы как ёны со татарамы
Выбегали тут со белых шатров,
Ну хватили как лука самострельныи,
А говорят ёны таковы слова:
— А черной ворон как птица нунь поганая,
А мы тебя как сейчас убьём,
Ну тушу твою спустим на сыру землю,
А кровь-то как прольём по сыру дубу,
Ну крылья тут распустим по чисту полю.

Схватились за луки как самострельныи,
А в луках как тут были тятевки да тут погрызены,
Ну бросали как лука самострельныи,
А хватали тут сабли вострыи,
А сабли вострыи были у их поломаны.
Ну бросали как ены сабли вострыи,
А хватали тут ены стальни штыки,
А стальни штыки как были призатуплены.
Ну нечим тут убить как черна ворона,
Ну схватились как ены за добрых коней,
А добры кони как тут ли по темну лесу разгонены.
— Ну, Роман-то ещё тут Митриевич-то
Третий раз крычал ещё ён по-ворониному,
Своему войску ён любимому,
А дружины ён да храброю.
Ну наехала дружина его храбрая,
А как всё войско было тут любимое.
Ну пересикли вси тут дороженьки,
Ну окружили панов ёны татаровей,
Открыли ены бой кроволитные.
Ну Роман тут Митриевича,
А дружинушка как была его храбрая,
А прибили всих ёны татаровей.
А Роман ещё тут Митриевич-то,
Етым Витничкам как ён же королевыим племянничкам,
Ну сильныим могучиим богáтырям,
Одному-то ён сломал да резвы́ ноги́,
А другому-то копал очи ясныи,
Ну безногого садил на безглазого,
А садил как ён, приговаривал:
— Ну безглазый ты неси-ко безногого,
А глазамы ты дорогу показывай,
Ну подьте вы во город литовьськиий,
А ко тому-ли королю да литовьському,
А ко родному да ко дядюшки,
Ну не идьте во матушку Русиюшку,
А в Москву как тут билокаменну,
И ко мне ко Роману Митриевичу.
А Роман-то ещё тут Митриевич,
А со дружиной ён да и с храброю,
А забрал ён тут всю орудию.
Ну ехал как в Москву билокамённу.
Ну приезжал как ён во Москву билокаменну
Со дружиной со своей да со храброю,
А тут раздернул ён да почесной пир.
А вси как тут же нунь на пиру былѝ
У Романа нунь Митриевича,

А у князя еще тут у московьського,
Вся дружина была его храбрая,
Ну на том ли на пиру на почесноём
У Романа тут у Митриёвича,
У князя нунь у московьського
Вси были́ да тут пьянёшеньки,
А вси были как тут да веселёшеньки,
А на пиру как тут да на почесноём.
А Роману Митриевичу слава как шла,
А слава как ему да по белу́ свету,
А Роман еще тут Митриевич ведь
А князю да нунь московьському
Всё тут ему слава шла да и всё тут.

25

О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

Молодой боярин был Дюк Степанович,
Поежжал ён из города из Галича
Во матушку да во Русиюшку
А во город ён стольне-киевской
Ко ласковому князю ко Владимёру.
Говорила ёму родная матушка:
— Молодой боярин, Дюк Степанович,
Не идь-ко ты в матушку Русиюшку
А во город ты да во Киевьській
А ко ласковому князю ко Владимёру,
А теби туды да не проехати,
А на пути да на дороженьки
А есь тут да три заставушки:
А пе́рва за́става — птичи клевучии,
А дру́га за́става — волки едучии,
А под городом под Киевым
А во чистом поли́ да во белом шатри
А там сильный могучий бога́тырь есь,
Ён не допустит тебя до города до Киёва,
Да до того до ласкового князя до Владимера,
Ён убьёт тебя мо́лодого Дюка Степановича.
Молодой боярин Дюк Степанович
А родной матушки не слушалсе,
А седлал ён да тут добра коня,
Кладывал ён потнички на потнички,
А потнички были бархатнии,
А кладывал ён подпружки на подпружки,
А подпружки были шелко́вые,
А пряжки были золочёныи,
А шпеньки были жолеза булатьного.
А кладывал ён войлучки да серебрёныи,

А черкальское седло наверёх кладывал
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А для всей ён силы богатырскою,
А для поезьки молодецькою.
Молодой боярин Дюк Степанович
А садился на добра́ коня,
Поезжал ён тут да с широка двора,
А видли добра молодца сядучи,
А не видли молодца поежжаючи
Из города из Галича.
Молодой боярин Дюк Степанович
А ехал ён да на добро́м кони
Во славный ён да во Киев-град
Ко тому ли ко ласковому князю ко Владимёру.
Наежжал ён тут да на птиц клёвучиих,
А приправил ён да тут добра коня
А выше лесушку стоячего,
А ниже облаки ходячего.
А добрый конь у его да стал ускакивать,
А от смерти стал Дюка Степановича уважи́вать.
Молодой боярин Дюк Степанович
Проехал птиць ён клевучиих,
А поежжал ён тут да на волков едучиих.
А молодой боярин Дюк Степанович
Приправил своего добра коня,
А добрый конь от волков стал ускакивать,
А от смерти стал его уважи́вать.
Подъежжал как ён ко городу ко Киеву,
А во чистом поли да тут стоит белой шатёр
А молодой боярин Дюк Степанович
Подъежжал ён тут да ко белу шатру,
А выходил тут со бела шатра
Старый казак да Илья Муромеч,
А говорил как ён тут таковы слова:
— А куда ты и́дешь, добрый молодеч,
А куда ты и́дешь, куды путь держи́шь.
А молодой боярин Дюк Степанович
Скочел ён тут да со добра коня,
А снимал ён с головы шляпу богатырскую,
А кланялсе ён старому казаку Илье Муромчу да ён до поясу
Ну говорил молодой боярин Дюк Степанович
Старому каза́ку Ильи Муромчу:
— Старый казак ты, Илья Муромеч,
А едино солнышко пекёт да и на́ небе,
А один ты богатырь есь да на Русиюшки.
Ну старому казаку Ильи Муромчю,
Таковы слова ему пондравились,

Говорил ён Дюку Степанову:
— Молодой боярин, Дюк Степанович,
Заходи-ка ко мни да во белой шатёр,
А садись-ка со мной да за дубовый стол,
А поидим-ка вы естьицев сахарьниих,
А попьём-ко питьицев медвяныиих.
Молодой боярин Дюк Степанович
Заходил он к старому казаку Ильи Муромчу,
Заходил ён во белой шатёр,
А со старым казаком Ильёй Муромчем
Садились оны вмисте за дубовый стол.
Поили они кушаньев сахарьныих,
А попили они питьицев медвяныих
А со старым казаком Ильёй Муромчем.
Старый казак Илья Муромеч
Сказал молодому боярину Дюку Степановичу:
— Молодой боярин, Дюк Степанович,
Как сьидишь во славный во Киев-град
А ко князю ко Владимёру,
Какая будет над тобой невзгодушка,
Ты стреляй-ка стрелочку калёную
Да во чисто поле да ко мне ко белу шатру,
Да и стрелочку стреляй подписанну.
Молодой боярин Дюк Степанович
Прощалсе со старым казаком Ильёй Муромчем,
А садилсе ён да на добра коня,
А ехал во славний во Киев-град
А ко князю ён да ко Владимеру.
А ехал к князю да ён на широк двор,
Выходил ён тут да со добра коня,
Привязывал молодой боярин Дюк Степанович
К столбу ли ён точёному,
А к тому ли кольчу да золочёному,
А сам-то шол во гридню столовую
Ко князю ён да ко Владимеру.
Заходил-ка ён во гридню столовую
Молодой боярин Дюк Степанович,
А кланялсе ён на вси четыре стороны,
А князю Владимеру кланялсе в-особину;
А кланялсе ён да тут до пояса,
Кланялсе князю да со княгиною
Молодой боярин Дюк Степанович.
А стольне-киевский князь да стал выспрашивать:
— Откуда ты, удалая удалинка,
Откуда есь ты, добрый молодеч,
Какой же ты орды да какой земли,
Какого ты роду, какого племени
(Надо всё узнать),

Какого ты отча, какой ты матери?
А молодой боярин Дюк Степанович
Говорит князю да ён Владимеру:
— А естя я из города из Галича·
А молодой боярин Дюк Степанович.
Дальше князь посадил его за дубовый стол,
Садил его князь за столы за дубовыи,
За кушанья ён да за сахáрныи,
А за питьица да за медвяныи.
А молодой боярин Дюк Степанович,
Покушал как ён кушаньицов сахáрьниих
Да у князя у Владимера,
Говорит ён князю да Владимеру:
— Стольно-киевский князь да Владимер,
У тебя хлеб-то снизу припрел, а сверху пригорел,
А серёдка тесто тестом, да и на хвою[1] пахнет.
А хлебнул как питьицов медвяныих,
Говорит молодой боярин Дюк Степанович:
— Князь ты стольно-киевский,
Стольно-киевский да Владимёр князь,
У тебя питьица медвяныи, да питьица затхлыи,
А у моей-то родной матушки
Помялца шелковыи,
А пекёт ёна колачики крупивчаты,
Колачек съешь, да другого так и хочетсе.
А другой съешь, так по третьему душа горит,
А питьица медвяныи никогда ёны не затыкаются,
Во погребах ёны да холодныих,
А в бочках дубовыих,
А на цепях качаютсе,
Никогда ёны не затыкаютсе.

26

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Во матушке как было во Русиюшке
А руський могучий богáтырь был
Михайлушка Потык сын Иванович.
Седлал Михайлушка добра коня,
Обсёдлывал коня он, обкольчуживал,
А потнички кладывал ён на потнички,
Подпружки кладывал ён на подпружки,
Седёлка кладывал на седёлышка,
А черкальское седло ведь наверёх кладывал
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырьскую.

[1] Сосновой хвоей.

Михайлушка Пóтык сын Иванович
Обсёдлывал коня ён, обкольчуживал,
А брал как копьё ён долгомерноё,
За плеча кладывал свой тугой ведь лук,
А брал как ён ведь стрелочки калёныи,
Калёныи как стрелки начинёныи,
А паличу как брал во сорок пуд.
Михайлушка Потык сын Иванович
Садился ён как тут на добра коня;
Видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодца как поезжаючи.
А ехал ён со матушки Русиюшки,
А ехал за лиса ведь ён за тёмныи,
За тыи орги ён за чёрныи,
За болота ён как тут за топучии,
К Вахрамию ту ведь Вахрамиеву
Играть-то ён во доску шахманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи.
Михайлушка Потык сын Иванович
Не доехал ён до чарьства Вахрамиёва,
Приезжал как тут ён во чистó полё,
Выходил как ищё ён со добра конй,
Раздергивал шатёр белополотнянный,
Привязывал коня ён ко белу шатру.
Заходил как тут ён во белой шатёр,
Добрый молодечь как ён и спать залёг,
Со пути как было со дорожиньки.
У того ли Вахрамия Вахрамиёва
Была дочька как Марья либедь бела
Выходила как ёна на балкончик ведь
И брала тут трубоньку ёна подзорную,
Смотрела в тую сторону восточную.
Видит Марья в чистом полй
Ёна-то ведь шатёр белополотнянный,
Во шатри-то ведь там-то был
Удалый добрый молодечь
А руський как ведь там богáтырь был
Михайлушка Потык сын Иванович.
А спит-то молодеч во белóм шатри,
В сибе здóхнет — тут шатёр и схлупнетсе,
От себя дохнет — шатёр расправитсе.
А эта было Марья лебедь белая
Приходила как ёна со балкончика,
Говорила как ёна родну батюшку:
— А родный ты как был мой батюшка,
Вахрамий как был ведь Вахрамиёвич,
Спустил как ты меня ведь на три году,
А плавать мне как было нунько билой лебедью

По тихи́м губам да по заводьям,
По зелёным да тут застрестеньям,
Спусти-ка ты меня ведь на три году
Погулять как нунь да красной девичой.
Вахрамий ищё было Вахрамиёвич
А спускал как ён да Марью лебедь белую,
Спускал гулять ён на три году́,
Спускал гулять-то ёе да красной девичой,
А дал как ей ён няничок-служаночок.
Пошла как эта Марья лебедь белая,
Пошла гулять ёна да во чисто́ полё
А с няньками ёна да со служанкамы,
А не могут за ней гнатьсе ещё нянички-служаночки.
Говорит как эта Марья лебедь белая:
— Нянечки-служаночки, за мною не гоняйтесь-ко,
А назад как вы да ворочайтесь-ко.
А нянечки-служаночки поклонилисе,
А назад ёны поворотилисе.
А эта Марья была лебедь белая,
А шла как тут ёна ко белу́ шатру.
Приходила как ёна ко белу шатру,
А добрый конь как тут да нунь копытом бьёт,
А бил-то ён во матушку сыру землю.
От того от топу лошадиного
Земля-мать-то ищё тут да подрагиват,
Пробудился тут Михайлушка Потык сын Иванович
От того ли топу лошадиного,
Выскакивал ён во биленькой рубашечки без поясу,
А тоненьких чулочиках без чоботов
А со своей ён паличей сорокопудовую,
Глядел-то ён на вси четыри стороны,
Не видит как нигде ён неприятеля,
Посмотрел как ищё ён за белой шатер,
А за шатром как видит красну девичу.
Михайлушка Потык сын Иванович
Подходил как ён ко красной девичи,
А ко этой Марьи нуньку либедь белую,
А брал как ён за ручки нуньку белыи,
А человал как ю в уста да во сахарьнии.
Говорит ему эта Марья лебедь белая:
— Не челуй же, не милуй меня,
А веры-то ведь я не вашей нунь,
Поедем-ко во матушку Русиюшку.[1]
Садились как ведь тут да на добра коня,
А ехали во матушку Русиюшку.

---

[1] Вариант. После этих слов следует:
«Там мы с тобой и повенчаемся».

Приезжал как ён во матушку Русиюшку
Ко своей палаты белокамённой,
К своей-то ён да ро́дной матушки,
Да к матушки своей да ён Натальюшки.
А выходили как ёны со добра коня,
Заходили как в палаты белокамённы,
Михайлушка По́тык сын Иванович,
А вёл как ён да Марью либедь белую:[1]
— Здраствуй, матушка, да ты Натальюшка,
А я-то ведь нашол соби невесту-ту,
А Марью было либедь нуньку белую.
Михайлушка По́тык сын Иванович,
У ёго пошол тут почестной пир.
А всих-то ён как тут на пир созвал,
Всих-то ён тут руськиих богатырей,
А тут ёны ведь заповедь великую поло́жили
На том как на пиру ведь на почестноем:
— Который впереди да ищё нунь помрёт,
Итти другому нунь со телом да со мёртвыим
А во матушку сыру-землю,
А итти в землю да и на три году́.
А тут ведь со пира́ ведь расходилисе
А тут ёны да вси и разъезжалисе.
Немного как прошло ведь времечка,
А тут как князь как было стольне-киевской
Раздёрнул ён как нунь почестный бал,
А всих князей-бояр да ён на бал созвал,
А руськии могучии бога́тыри
Вси князья-бояры на балу были́
У того князя́-то у Владимёра,
А хлеба-соли или[2] ёны досыти,
А зелена вина ведь пили допьяна
На том-та на балу да на почестноём;
Вси ведь на балу да наедалисе,
А вси как на балу тут напивалисе,
А вси как на балу тут порасхвасталисе
У того ли у князя да ведь у Владимёра.
Богатой-то ведь хвастает богачеством,
По́рной-то хваста силой богатырьскую,

---

[1] Вариант обращения к матери и последующих стихов:
«Говорил своей родной матушке:
— Ай же, моя родная матушка
Честна вдова Наталья Тимофеевна,
Благослови меня да с молодой женой.
Дала она ему прощеньице и благословеньице.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Роздёрнул почестный пир».

[2] Ели.

Умный хваста отчом-матерью,
Безумный хваста молодой женой.
Михайлушка По́тык сын Иванович
Сидит ён у князя ведь у Владимёра,
Сидит как за столами за дубовыма,
Не ест-то ён, не пьёт-то ведь не кушает,
Ничим-то ён молодеч не похвастает.
Говорил как ищё князь-то было стольне-киевской,
Говорил как ищё князь да Владимёр ведь,
Говорил как ён Михайлу По́тык сын Иванову:
— Михайлушко По́тык сын Иванович,
Не пьёшь как ты, не кушаешь,
Билой лебиди да ты не рушаешь,
Ничим молодеч не похвастаешь,
Не именьем ведь ты и не богачеством,
А не силой нунь как богатырскою,
Не своей как ты молодой женой.
(Ён знал как она привезена, так не похвастаешь!)
Говорил так Михайло Потык сын Иванович,
Говорил князю́ да ён Владимёру:
— А князь ты ищё стольне-киевской,
Стольне-киевской да ты Владимёр-князь,
А и́здел[1] я за леса за тёмныи,
А за орги тут да я за чёрныи,
За болота ведь как я да за топучии
К Вахрамию я ведь Вахрамиёву,
Играл я с ним во доску во шахманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи,
А выиграл как я ведь много золота,
Доложон платить да ён ведь пошлину
Во матушку как ён ведь во Русиюшку,
Тебе князю́ да нунь Владимёру.
Говорил тут ищё князь стольне-киевской:
— Михайлушка По́тык сын Иванович,
А идь-ка[2] ты нуньку за золотом
К Вахрамию ищё да Вахрамиёву.
Михайлушка По́тык сын Иванович
Выходил ён со ба́ла со почестного,
Приходил как ён да ко добру коню,
Садился ищё нунь да на добра коня.
А видли добра молодча ведь сядучи,
Не видли молодча как поезжаючи
Со города как было ведь со Киёва
От князя как нуньку от Владимёра.
А ехал ён за лиса́ за тёмныи,

[1] Ездил.
[2] Поезжай (езжай).

А за орги ён да за чёрныи,
За болота ищё за топучии.
Приезжал ён к Вахрамию Вахрамиёву,
А ехал ён тут да на широк двор,
Выходил как ищё ён со добра коня,
Привязывал коня да к столбу ведь ён точёному,
А к тому-то ён кольчу ведь золочёному.
А сам-то шол в палаты белокамённы,
Не спрашивал как ни сторожев, как ни придворников,
Заходил в палаты белокамённы,
А кланялся князю́ ён поясь ведь:
— А здраствуй-ка ты, князь Вахрамий Вахрамиёвич.
А вси ведь на Михайлушку нунь огляделисе,
Огляделисе на него да осмотрелисе,
Вахрамий-то ищё князь стал выспрашивать:
— Откуда есь, удалый добрый молодеч,
Какой же ты орды да какой земли,
Какого роду ты, а и какого племёни,
Какого же отча, какой ты матёри?
Говорил как тут Михайлушка Потык сын Иванович.
— Естя я из матушки Русиюшки,
А естя ищё я вдовий сын,
По имяни как я ведь Михаила,
По отечеству да я Иванович,
Приехал я к тоби, Вахрамий ты Вахрамиёвич,
А играть во доску я во шахманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи,
А ты-то ведь меня как по́играешь,
Буду я заступа тоби крепкая,
А тебя-то я как поиграю ведь,
Плати-ка ты во матушку Русиюшку,
Плати-ка, Вахрамий, да пошлину
Тому-то ведь князю ведь Владимеру,
Плати-ка ты ёму да ведь золотом.
А тут ёны как нуньку сговорилисе,
Играть-то ёны да как садилисе
Во эту во доску во ша́хманну.
Михайлушка Потык сын Иванович
Ступень-то ён ступил да тут не до́ступил,
Другой-то ён ступил да пере́ступил,
А третий-то ён ступил да приза́ступил,
А четвертый ён ведь ступил да и по́играл,
Поиграл он Вахрамия Вахрамиева.
Михайлушка По́тык сын Иванович
Говорит ёму ведь таковы слова:
— Вахрамий ищё ты́ нунь Вахрамиёвич,
Плати-ка ты да нунь ведь пошлину
Во матушку как ты во Русиюшку

Тому-то князю да Владимёру,
Плати-ка ты ёму да ведь золотом
(До золота-то и раньше добирались),
Не будешь ты платить да как пошлины,
На ваш-то город я войной пойду,
А ваш-то город я с конча зажгу,
А с другого я конча да ведь колоть пойду,
А тебя-то ведь князя да я во плен возьму,
А золота уж я да у тебя и о́тберу.
У того как Вахрамия Вахрамиёва
Тело белое тут нунь ведь распотелосе,
Слуги ему того ведь захотелосе,
Говорил Михайлу По́тык сын Иванову:
— Сыграем-ка ищё мы во доску ведь во шáхманну,
В тыи ведь таблеты золочёныи.
А тут как ёны снова сговорилисе,
Играть ёны опять как тут садилисе.
Михайлушка По́тык сын Иванович
Сидит играет как ён ведь забавляетсе,
Над собой-то ён невзгоды не начаитсе.
Налетал ведь голубо́чек со голубо́чкою,
Садился за окошко княженецькоё.
А стал как голубок да нунь попурхивать,
А стал как голубок тут нунь погуркивать,
Потом как голубок стал выговаривать:
— Михайлушка По́тык сын Иванович,
Сидишь играешь ты ведь забавляешьсе,
Над собой-то ты невзгоды не начаешьсе,
У тя ведь помёрла как молода жена
А Марья была либедь нуньку белая.
Скочел как тут Михайла на резвы́ ноги́,
Хватил как эту доску во белы́ руки́,
И бросил эту доску о кирпицной пол.
От того-то ведь удару богатырьского
Терема ещё тут зашаталисе,
Хрустальныи окольничи посыпались,
Князья-то ведь бояра замертво́ лежат,
Вахрамей тут князь ён раскорякой стал:
— Оставь-ка нас, Михайло, хоть на симяна
(От дёрнул старик).
Михайлушка По́тык сын Иванович
А сам-то ён пошол как ко добру коню,
Говорил как ён Михайлушка добру коню:
— А конь ты ищё мой как добрейший,
А вёз меня сюда ты три году́,
А отсюль вези меня как три часу́,
У меня ведь помёрла молода жона
А Марья была нуньку либедь белая.

Садился ищё ён на добра коня,
А видли добра молодца тут сядучи,
Не видли молодца ведь поезжаючи.
Добрый конь летел как стрелочка калёная,
Рики ён, озера перемахивал,
А тёмный лис ён промеж ноги брал
А окиян-морё-то ён кругом бежал
(Видно, горазно было, не мог перескочить, хоть бы плавать спустился как).
Приехал ён во матушку Русиюшку
Михайлушка Потык сын Иванович,
А ехал ён к своей палаты белокамённой.
Выходил как ён-то со добра коня,
Привязывал как ён добра коня
Ко перёному-то ведь крылечушку,
К тому-ли золочёному колечушку,
А сам-то шол в палаты билокамённы.
— А здраствуй, моя родна матушка,
А матушка как была ведь Наталюшка,
А гди же ведь моя молода жена
А Марья была нуньку либедь белая?
Говорила тут ёму родна матушка:
— Померла твоя ведь молода жёна,
А Марья либедь нуньку ищё белая.
Михайлушка Потык сын Иванович,
А шол-то ён да к руськиим богáтырям,
К своим-то ён ко братьям крестовыим,
А к старому казаку Ильи Муромчу,
А к Добрынюшку как было ведь Микитичу,
Ну к смелому Олёшке ведь Поповичу.
Говорил ён руськиим богáтырям,
А братьям как ёны да ведь крестовыим:
— А руськии могучии богáтыри,
А братья ищё были мои крестовыи,
А делайте мни домовищё вы,
Ой чтобы мни гди спать легчи
А с тыим со телом да со мёртвыим.
Пойду как я во матушку сыру землю,
Пойду-то я туды да на три году,
Кладите мни туда да хлеба-соли ведь,
Кладите мни всего на три году.
А сам-то ён бежал да во кузничу,
А ковал-то ён ведь клещи железныи,
А други клещи ён оловяныи,
А третьи ищё клещи да ведь медныи.
Ковал как ён как прутья железныи,
А други ён ковал да оловяныи,
А третьи ён ковал да нуньку медныи.

А сделали ёму как братья и крестовыи,
А сделали ёму и домовище нунь,
А хлеба-соли клали на три году.
Спускали тут Михайло Пóтык сын Иванова,
Спускали как во матушку сыру землю
Со этым как со телом со мёртвыим.
А жил как ён там трое суточки,
Там ходила змея ведь подземельная,
А ела ведь тела ёна мёртвыи.
Приходила как змея нунь подземельная
К Михайлу Пóтык сын Иванову,[1]
Хватил как ён змею да подземельную,
Стал змею да ён наказывать.
А змея-то ёму коритсе ведь, молитсе:
— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Спусти-ко ты змею-то окаянную,
Принёсу-ка я тибе живой воды да мёртвую,
Принесу я тоби ю в три году.
Говорил Михайло Пóтык сын Иванович:
— Нет-ка, окаянна, мне так долго ждать.
А бьёт-то ён змею беспощадна тут,
А бьёт-то ён змею да нунь наказыват,
А клещи ведь железны ён до рук сломал,
А прутья ведь жалезныи до рук схлёстал
Да об змею-то тую окаянную.
А бросил эты клещи он жалезныи,
А бросил эты прутья да железныи,
Схватил как клещи оловяныи,
Схватил как ён прутья оловяныи,
А бьёт как тут змею да беспощадно ведь,
А бьёт как тут змею да ён наказыват.
Змея-то ему корится да молитсе:
— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Спусти-ка ты змею ведь окаянную,
Принесу ведь я воды живой и мертвую.
Принёсу я ю да в три мéсяче.
— Нет-то, окаянна, мни так долго ждать
Михайлушка Пóтык сын Иванович,
И бьёт как ён змею да беспощадно тут.
А коритсе ёму змея да молитсе:

---

[1] Вариант. После этой строки Фофанов, ссылаясь на усталость («Устали мы с тобой»), пропустил следующие:
Говорила она да таковы слова:
«Давал мни господь да по головушки,
А нунь-ка дал да две головушки,
Одну муську, да другу женьскую».
Говорил Михайло Потык сын Иванович:
«Погоди-ка ты, окаянная, может быть да ты подавишься».

— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Спусти-ка меня, змею да окаянную,
Принёсу-ка я воды живой и мёртвую,
Принёсу тебе я в три недели ведь.
— Окаянна, мни и так ведь долго ждать.
А сломалисе ты клещи оловяныи,
Расхлестались эты прутья оловяныи,
А бросил ён ты клещи оловяныи,
А бросил тыи прутья оловяныи,
А схватил ён клещи медныи,
А схватил ён как прутья медныи,
А бьёт ён змею ведь наказыват,
А кóрится ведь змея да ведь молитсе:
— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Принёсу ведь я воды живой и мёртвую,
Принесу тоби я в три часá .
— А нет, так, окаянна, мне-ка долго ждать.
А бьёт как ён змею да всё наказыват.
— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Спусти-ка ты змею окаянную,
Принесу-ка я тоби воды живой и мёртвую,
Принесу тоби ю в три минуточки.
— Окаянна, нет и так мни долго ждать!
Порет ён змею тут и наказыват.
А кóритсе змея ведь молитсе:
— Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Спусти меня, змею ты окаянную,
Принёсу-ка я тоби воды живой и мёртвую,
Принесу-ка я тоби в одну минуточку.
Спустил как ён змею да окаянную,
А выхватил у ей да нунь змеёныша.
Схватила как змея тут подземельная,
Принесла воды живой ёна и мёртвую,
Принесла ёна в одну минуточку
Михайлушке Пóтык сын Иванову.
Михайлушка Пóтык сын Иванович,
Брал воду живую ён и мёртвую,
А брал змеёныша и пéрервал.
Приклал как ён эты половиночки,
А сбрызнул ён водою мёртвую,
Половиночки как эты и срослисе тут,
А потом как сбрызнул их да живой водой,
А скочéл змеёныш ён ведь пóбежал
(Наверно, пнул ёго вслед).
Отпустил как ён змею да окаянную,
А сбрызнул ён живой водой
Как Марью нуньку либедь белую.
Скочела эта Марья либедь белая,

А скочела ведь ёна на резвы ноги́.
Говорила тут ёна таковы слова:
— А как нуньку я да долго́ спала!
Говорил Михайло По́тык сын Иванович:
— Как не я бы, ты бы тут и век спала.
Михайлушка По́тык сын Иванович
А закрычал тут ён во всю голову
Во матушке как ён во сырой земли.
Простонародие оны как одивилися:
— А не вси ли восстали как тела тут мёртвыи
А во матушки во сырой земли?
Услыхали тут ведь братья нунь крестовыи,
Старый казак да Илья Муромец,
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
А смелый было ведь Олёшенька Поповинич,
Говорили оны нунь таковы́ слова́:
— А душно, знать, во матушки сырой земли
А брату нашему Михайлу Потык сын Иванову.
Бежали ёны братья ведь крестовыи
А руськие как нуньку ведь бога́тыри,
Разрывали матушку сыру землю.
А встал Михайло ён да с молодой женой,
А со Марьей этой либедь белую,
А вставал как ён нунь на белый свет.
А на этом всё ведь и покончилось.
(Встал, так и нет больши ничего).[1]

27

ПРО ЧУРИЛУ ЩАПЛЁНКОВА

Чурилушка, который был да ведь Щаплёнкович,
Ходил-щапил по городу по Киёву
Между девками Чурила, между бабами,
Промеж бабами Чурила, промеж б.....
У Чурилушки как было у Щаплёнкова
Лапоточки были да шелко́выи,
Как шелко́вы лапоточки семишолковы,
А шуба нунь была ведь соболиная,
Соболина была нунь да чёрна со́боля,
Рукавички тут были барановы,
А шапонька пушиста, пушиста-натвалиста.
Садился как Чурила на добра коня,
А ехал к Катеринушке Микуличной,

---

[1] Вариант. «С тых пор стали ёны жить да поживатися,
Жить да забавля́тися».

Приезжал Чурила на добром коне,
Приезжал ён к Катеринушке Микуличной
Как ён к палате белокаменной.
Выходил как тут Чурила со добра коня,
Привязывал добра коня Чурилушка Щаплёнкович
К перёному да ён крылечушку,
А к золочёному да ён колечушку,
По ступенечкам Чурилушка поскакивал,
В колечку Чурила поколачивал.
Пускала Катеринушка Микулична,
Пускала как Чурилушку Щаплёнкова,
Человала тут в уста да во сахарьнии,
И брала ведь за руки за белыи,
А вёла ведь в палаты белокамённы.
Чурилина коня вела она во конюшину,
Во конюшину, во стойлу лошадиную,
А сыпала коню пшена да белоярова,
А несла она тут ключевой воды,
Говорила она добру коню:
— Ты ишь-ка, конь, пшена досыти,
А пий воды допьяну.
Катеринушка как была Микулишна,
Вела она Чурилу во горенку во новую,
Во светлую как нунь во светличу,
Садила за столы за дубовыи,
А за скатерётки за шелковыи,
За естьва как она да за сахарьнии,
За питьва нунь за медвяные,
А тут оны с Чурилой угощалисе,
Узнала как девушка она чернавушка,
Бежала тут во церкву во соборную
Ко Вельмы ко сыну ко Васильёву.
Говорила эта девушка чернавушка
Как Вельмы да сыну тут Васильёву:
— Эй же ты, Вельма да сын Васильёвич,
Стоишь как ты во церквы во соборныи,
Стоишь да ты спасаешьси,
У твоей-то Катеринушки Микуличной
Во дому сидит нежданный гость,
Не ждан-то ён, не зван-то, не приказыван,
Есь Чурила ён да Щаплёнкович.
Говорит как тут Вельма сын Васильёвич,
Говорит ён девушки чернавушки:
— Уж как девушка как было ты чернавушка,
Если правду говоришь — замуж возьму,
А неправду говоришь — голову сыму.
Вельма ещё сын-то Васильевич
Шол ён как со церквы со соборною,

Приходил ь ёвои палаты билокамённы,
По ступеничкам ён поскакиват,
В колечку ён поколачиват.
Пускала Катеринушка Микулична
Вельмы да сына тут Васильёва
В биленькой сорочики без пояса,
А в тоненьких чулочиках без чоботов,
Волоса ведь у ей порастрёпаны.
Говорил как тут Вельма ведь сын Васильёвич,
Говорил как Катеринушке Микуличной:
— Что же, Катеринушка Микулична,
Ты в биленькой сорочики без пояса,
А в тоненьких чулочиках без чоботов,
А волоса ведь у тебя порастрёпаны?
Говорила Катерина Микулишна:
— Эй да ты, Вельма да сын Васильевич,
А что-то мне как Катеньке неможется,
А что-то мне Микуличной хворается.
Заходил как тут Вельма сын Васильевич,
Заходил в палату белокамённу,
А видит как Чурилину ён шубоньку,
А шубонька висит его на грядочки,
А лапотки его тут на лежаночки,
Рукавички были нунь на лавочки,
А шапонька пушистая на стопочки.
Говорил он Катеринушке Микуличной:
— Что-то лапотки я эти видывал
У Чурилушки как было у Щаплёнкова.
Говорила Катеринушка Микулична
Ай Вельмы да сыну тут Васильёву:
— Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
А что-то мне как Катеньке неможется,
Что-то мне Микуличной хворается,
А наладила я полдуши своей отдать.
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил он Катеринушке Микуличной:
— Как видал я было эту шубоньку
У Чурилы нунька у Щаплёнкова.
Говорила Катеринушка Микулична:
— Ай же ты, Вельма да сын Васильёвич,
А что-то мне как Катеньке неможется,
А что-то мне Микуличной хворается,
А наладила я полдуши своей отдать.
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил ён Катеринушки Микуличной:
— Ай как эты рукавюшки барановы
У Чурилушки я видел у Щаплёнкова.
Говорила Катеринушка Микулична:

— Что-то мне как Катеньке неможется,
Что-то мне Микуличной хворается,
А наладила я полдуши своей отдать.
Говорил Вельма да сын Васильёвич,
Говорил ён Катеринушки Микуличной:
— А что же эта висит у тя на стопочки,
А что же эта висит у тя за шапонька,
Ай пушиста и натвалиста?
А видал я эту шапоньку
У Чурилушки как было у Щаплёнкова.
Говорила Катеринушка Микулична:
— Что-то мне как Катеньке неможется,
Что-то мне Микуличной хворается,
А наладила я полдуши своей отдать.
А Вельма да ён Васильевич
А шол как ён во новую во горенку,
Подходил как ён к кроватки ко рыбиной,
Открывал как ён ведь тут да одеяло соболиное,
А на этой на кроватки на рыбиной,
Под этим одеялом соболиным
Чурилушка как был тут Щаплёнкович.
Вельмы-то еще тут да сын Васильевич
Схватил как ён тут нунь ведь саблю вострую,
Отсёк ведь ён Чурилы буйну голову.
Говорил как тут Вельма да сын Васильевич:
— Куды пала головка гусиная,
Туды катись и головка лебединая.
Отсёк как Катеринушки Микуличной,
Отсёк как ён ей буйну голову,
А девушку-чернавушку замуж ён взял.
У них-то ведь пошол-то нунь да как почестный пир,
А у их-то ведь я на пиру там был,
А вино-то ведь да зелено́ я пил,
А ковшик-то попал как розный мне,
А губы у меня рознее ведь,
А по усам текло, а в рот и не попало ведь.

28

ПРО КОСТРЮКА

Во городе как было во татарьскоем
А сильный ведь могучий там бога́тырь был
Кострюк-то ведь Демрюк да сын Черкасенин.
А сильный ён вить бога́тырь был,
А ехал еще ён вить на добро́м кони́,
А ехал ён во матушку Русиюшку,

Борча ведь ён себе выискивал,
Поединщика да ён выкликивал.
А ехал ён во город моськовскоей,
К тому-то князю́-то ведь моськовскому,
К тому-то ведь Васи́лию ко Грозному.
Приехал ён во город тут моськовскоей,
А ехал ко князю́ ён на широкий двор.
Приезжал как ещё ён на широкий двор,
Выходил как тут ён со добра́ коня́,
Привязывал коня к столбу точёному,
А к кольчу ведь золочёному,
Шол как сам в палаты белокамённы
К тому-то ён к князю-то ведь моськовскому,
К тому ли ведь Василию да Грозному.
Не спрашивал ни сторожо́в и ни придворников,
Заходил как ён в палаты белокаменны,
Как князю́-то ён моськовскому челом не бил,
А чести ён ведь не о́тдает
Костр юк-то ведь Демрюк-то сын Черкасенин.
У того ли ведь князя́ да нунь моськовского,
У того ли у Василия у Грозного
Стояли-то столы вить тут дубовыи,
А на столах вить скатерётки шелко́выи,
А естьва были тут да нунь саха́рьнии,
А питьва были тут да нунь медвяныи.
Костр юк-то ведь Демрюк-то сын Черкасенин
А могучий сильный ён богатырь был,
Садился за столы тут за дубовыи,
А за скатерётки ён шелковыи,
За естьва́ еще ён да за сахарьнии,
За питьва нунь как было за медвяныи
Безо всякой ён да ведь чести нунь,
А хлеба-соли ел вить ён да досыти,
А зелена вина да пил вить допьяна.
Говорил как ён князю́ ведь нунь моськовскому
А тому Василию да было Грозному:
— А князь как был ты ведь моськовский,
Давай-ко ты мне поединщика,
Не дашь как ты мне поединщика,
Моськовский город твой да я с конча зажгу,
А с другого вить конча да я колоть пойду.
У того ли у князя́ да у моськовского,
У того ли Василия у Грозного
Богатырей как нунько не случилосе,
А молодчов как тут не пригодилосе.
Во этоем во городе моськовскоём
Случилосе три брата три крестьянскиих.
А старшего как звали тут да Гришенькой,

А среднего как звали нунько Лёшинькой,
А младшего как звали нунько Фетинькой;
Как Гришенька бороться нахваляется,
Как Лёшенька боротьсе нарываетсе,
А Фетинька бороться ён справляется.
Приходил как нунь Фетюха на широкий двор
К тому-то ён князю ведь моськовскому,
К тому-то ён к Василию ко Грозному.
Говорил как тут Фетюха таковы слова:
— А давайте-ка вы доброго мне молодца,
А давайте-ка могучего богáтыря.
Говорили Кострюку тут таковы слова:
— Кострюк как ты Демрюк да сын Черкасенин,
Сидишь как ты, Кострюк, да нунько за́ столом,
Поединщик нунь стоит тебе да на́ двори.
Скачет Кострюк Демрюк как было с-за стола.
Задел как ён ногой как было за́колон,
И убил он много тут простонародия.
Выходил Кострюк да тут ён на широкий двор,
Говорил ему Фетюха таковы слова:
— Ой Кострюк Демрюк да сын Черкасенин.
А сильный могучий ты богáтырь был,
Принимай меня ты осеред рёбра,
Здымай-ка выше черквы соборныи,
А выше тых крестов-то благовещенских,
Бросай меня о матушку сыру землю,
Чтобы руки, ноги у меня сломилися,
Глаза со лба как нунь поворотилися.
Богáтыри как тут да сговорилисе,
Боротисе оны да тут схватилисе.
А стал Кострюк Фетюху пошатывать,
Стоит тут Фетюха да не шанется,
А кудерко ведь на ём да не сворохнетсе.
Говорил Фетюха таковы слова:
— Давай-ко ведь, Кострюк, да я приму тебя.
А тут ёны как нунь перехватилисе,
А ведь как Фетюха Кострюка стал пошатывать,
А стал как Кострюка да ён поваживать,
А принял Кострюка осеред рёбра,
Вздынул как его да выше черквы тут соборныи,
А выше тут крестов благовещенских,
Бросил ёго о матушку сыру-землю,
Ай руки ещё ноги у него как сломилисе,
Глаза со лба как тут поворотилисе.
А тут ведь Кострюку и славу поют.
Фетюхе нунько слава не минуласе
А руському могучему богáтырю.

29

ПРО КЛИМА ВОРОШИЛОВА

Послушайте-ка вы, как дороги́ наши товарищи,
Спою я вам как новую нынь былинушку,
Ни про буржуев ещё я ни про кулачников,
Ни про эту влась буржуазную,
А спою-ка я про влась про советьскую,
Про партейных да про товарищов,
Про товарища как я Ворошилова.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то
А Клим то ещё да свет Ефремович.
Удалый есь как добрый молодец,
Одевал как ён одёжу военную,
Ну шинель-то одевал су́кна серого,
Ну доспехи ещё ён да богатырьскии,
А шол-то еще ён-то во конюшеньку,
Во тую ли как стойлу лошадиную
Ну брал ён коня богатырского,
Брал за повод он да за шелковенькой
А выводил-ли ён коня со конюшеньки,
А со той-ли стойлы лошадиную.
Становил коня да осерёд двора,
Стал коня да тут обсёдлывать,
Потнички кла́дывал ён на потнички,
А подпружки кла́двал на подпружки,
Седёлки кла́двал на седёлышки,
А черкальско седло наверёх кладва́л
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради ён у́крепи богатырьскую,
А для поездки ещё тут молодецькоей.
Товарищ ещё наш тут Ворошилов-то
А Клим-то ещё ён да свет Ефремович
Удалый есь как добрый молодець,
А брал как ён же тут саблю острую,
За плеча кладва́л ён винтовочку,
А винтовочку как пятизарядную,
А кладывал за плеча за свои за могучии,
Ну круг себя как ён пристёгивал патронныи кабурочки,
Во чехлы кладывал ён наганчики,
А во карманы тут клал ён бомбы разрывчаты.
Облаталсе как тут да обкольчужилсе
Товарищ ещё наш Ворошилов-то
А Клим-то ён ещё да свет Ефремович,
Удалой есь как добрый молодець,
Садилосе как тут ён на добра-коня
Поежжал ещё ён с широка двора.
А видли тут добра молодца ведь сядучи

Не видли молодца тут поежжаючи
Ну с Москвы ёго да белокаменной
От товарища да тут от Сталина.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то
А Клим-то ён наш Ворошилов-то
Удалый ён да добрый молодечь,
Ехал тут ведь добрый молодечь,
Ехал ён тут на добром кони,
А ехал нунь на Восток на Дальний,
Приезжал как на Восток на Дальний
Товарищ ведь как наш Ворошилов-то,
Говорил как нунь таковы слова:
— Ай, дружина, вы моя да храбрая,
Постоим-ка мы за влась за советскою,
Постоим как мы за партейных за товарищей,
За народ за крестьянский,
А за люд пролетарский.
Ну пойдём-ка мы ко озеру Хазаньскому,
А начнём бить мы эту банду белую,
Не даим как им да мы пощадушки,
Не даим им земли советьскоей,
Не даим шагнуть да шагушки
А этим мы бандам белыим,
А бандам белыим да фашызныим.
Товарищ ещё Ворошилов-то
А Клим-то ещё ён да свет Ефремович,
Удалый есь как добрый молодець,
Со своей дружиной ён как храброю
А ехал ён ко озеру Хазаньскому.
Приезжал как ён ко озеру Хазаньскому
Со своей дружиной как храброю.
Как у озёра тут-ли у Хазаньского
А стоят ли тут эти банды белыи,
А банды белыи стоят да фашизныи,
Стоит их да что чёрна ворона
У того Хазаньского у озёра.
У товарища как тут у Ворошилова
Сердечко у его разгорается,
Могучая рука поднимается
На эту тут на банду на белую
На белую на банду фашызною.
Товарищ ищё тут Ворошилов-то
А приправил ён тут добра коня
Ну во эту ён во банду да белую,
А во белую банду во фашызною,
А ехал ещё тут ён на добром кони,
Махал тут рукой могучею,
А махал как нунь саблю вострою,

А где надо бил ён бомбой разрывчатой,
Ну с ружья стрелял с завидной ловкостью.
А ну прибил как эту банду белую
А белую ту банду да фашызною
А у озера да ён у Хазаньского.
Ну славушка ей да миновалосе.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то
А Клим-то ещё да свет Ефремович,
Удалый ён да добрый молодець,
А дружине его как нуньку храброей
А славушка ли да не минуетсе,
А славушка идёт нунь по белу свету
Товарищу как было Ворошилову.

30

ПРО ЧАПАЕВА

Послушайте-ка вы, как дорогие нунь товарищи,
Спою вам я новую былинушку
Про молодого тут про Чапаева.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Родилсе ён в деревни Подволожьици,
Родилсе ён в семеюшке бедную,
Родилсе ён в семьи не в богатою.
А стал как ён растеть-то матереть-то нунь
А молодой Василий сын Иванович,
Ну рос как ён до полного до возраста,
Принимал как тут большие трудности,
Ну училсе ён как всяким тут хитростям,
А училсе нуньку всяким ён мудростям:
По темну лесу ён рыскал волком серыим,
По чисту полю летал как ясным соколом
Молодой Василий сын Иванович.
Ну во том ли как году восминадцатом
А налётела тут да банда белая
А на молодую власть на совецькою.
Ну эта ещё тут банда белая
Хотела погубить власть советскую,
Погубить ёна люд да как крестьянский,
А народ да тут ведь пролетарскиий.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
А говорил ён таковы слова:
— Пусть оны того да не думают,
А эти нунь банды да белыи,
А колчаки да были деникинцы,
А деникинцы как были тут юденичи,
Как поеду с има да поратитьсе,
А с этыма я бандамы белыма:

С Колчаком да я со Деникиным,
Со Деникиным как я да со Юденичем,
Покажу как свою силу молодецькую,
А дам как им удары богатырьскии,
Чтоб не пришли ёны в землю советьскую,
И не губили люду пролетарьского,
А того народу крестьянского.
Ну молодой как Чапаев тут Василий сын Иванович
Стал справляться ён поратитсе,
А с силой вражеской порасправитсе,
С колчакамы ён со деникинчамы.
Одевал как одежду тут военную,
А шинель да одевал ён сукна серого,
А брал как ён уздечку тесьмянную,
Брал седло ён черкальское,
А шол как ён нунь во конюшеньку,
Во стойлу эту лошадиную,
А брал себе жеребчика быстрого,
А этого жеребчика да шустрого,
А выводил как ещё ён со конюшеньки,
А со стойлы этой лошадиною,
Становил жеребчика осерёд двора
Стал жеребчика да тут обседлывать,
А потнички кладывал ён на потнички,
Ну подпружки всё на подпружки,
Седёлко кладывал на седёлушко,
Черкальское седло наверёх кладвал,
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
Для укрепы ён как было богатырьскую,
Для поездки ещё тут молодецькую.
Молодой Чапаев Василий сын Иванович,
А брал как же тут ён саблю острую,
Во чехлы как брал ён тут наганчики,
А во карманы клал бомбы разрывчаты,
Попрощалсе ещё ён тут с родимой матушкой,
Попрощалсе ещё ён тут с молодой женой,
Попрощалсе со малыма со ребятами.
Молодой Чапаев Василий сын Иванович
А садился тут на добра коня,
Поезжал как ещё тут с широка двора.
Видли добра молодца сядучи,
Не видли молодца ведь поезжаючи
Молодого тут ли Чапаева.
А молодой ли как Чапаев Василий Иванович
Собирал дружину себе храбрую
Из того ли люда ён крестьянского,
Из того народа пролетарьского.
Ну собрал как себе дружину храбрую,

Ну собрал, собрал дружину себе сильнюю;
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Со своёй дружиною как храброю
А ехал ко городу Уральскому.
Приезжал как ён ко городу Уральскому
Со своей дружиной как храброю,
Ну у города как тут у Уральского
Ну стоят тут банды белыи,
Колчаки стоят да тут деникинчи,
Тут деникинчи стоят да юденичи,
А стоит-то их да чёрным чёрно́,
А чёрным чёрно́ как чёрна во́рона.
У молодого еще тут у Чапаева
У Василия сына тут у Иванова
А серче у ёго разгорелосе,
В сердечке кровь у его раскипеласе
На эту как на банду на белую,
На белую на банду фашизную,
На колчаков у его да на деникинчев,
На деникинчев у его да на юденичей.
А молодой да как Чапаев Василий сын Иванович
Приправил ён добра коня
На эту нунь да банду белую,
На колчаков да тут на деникинчев;
Ну махал как тут же ён саблей острою,
А махал на вси сторонушки,
Куда махне ён — да тут же улича,
А перемахне — переулочок.
А бил-то ён ту банду белую
А бил-то их, да что траву косил,
А разогнал по всим да сторонушкам
Эту банду да белую,
Эту банду да ён фашызною.
Налётела как тут да пуля вражеска,
А пуля вражеска да последняя,
А молодого Чапаева Василия сына Иванова,
Не повалила его да пуля вражеска
Пуля вражеска да последняя.
У молодого тут да у Чапаева
А пуще серче разгорелосе,
А пуще бил ён банду белую,
А белую банду да фашызную,
А разогнал её по речке по Уральскою.
А молодой Чапаев Василий сын Иванович
Говорил ён тут да таковы слова
А своей дружине было храброю:
— А моя дружина была храбрая,
После бою мы кроволития

А бу́дем мы же отдо́х держать,
А провожать как мы-ка ночку тёмную,
А пойдём мы-ка нунь во Урал-реки.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Со своей дружиной ён как храброю
А ехал ён еще ко Урал-реки.
Приезжали тут ёны да ко Урал-реки,
Выходили ёны да со добрых коней,
Привязали ёны да добрых коней,
А раскинули свои палатки биленьки,
Ну стали провожать ночку тёмную,
А ночка тёмная была да нерадостна.
В эту ночь ли, ночку тёмную
Налётела как на их да банда белая,
Колчаки как эти да деникинчи,
А деникинчи ёны да юденичи,
Окружили молодого тут Чапаева
Со его дружиною со храброю.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
А скачел как ён на резвы ноги,
Ну видит ён как дело нехорошее,
Говорит дружины своей храброю:
— А дружина как была моя храбрая,
Не дадимсе мы да силы вражеской,
Не сдадимсе колчакам мы да деникинцам,
А деникинцам да было юденичам,
Не помрём мы еще как без бою тут без кроволития,
А не помрём мы этой смертью глупою,
А помрём как мы за храбрость молодечькую.
(Видишь как говорит-то!)
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Видит как ён тут дело нехорошее,
А скочел как ён тут во Урал-реку,
А поплыл на ту сторонушку,
Ну хотел как стрелять неприятеля,
Эту банду да белую,
А колчаковичей да деникинчей.
А эта банда тут да банда белая,
А стреляли его да с пулеметов нунь,
А в молодого оны Чапаева.
Налетела тут да пуля вражеська
(Они вишь стреляли из пулеметов-то),
А эта ещё пуля тут вражеська,
А пала молодому Чапаеву
В буйную его да тут головушку.
Утонул как тут молодой Чапаев Василий сын Иванович,
Не успел доплыть до бережка.
Ну в эту пору как в ту минуточку

Подоспела тут Красная Армия,
А Красная Армия была ёна храбрая,
А была храбрая как тут ёна сильная,
Ну прибила эту банду тут белую,
Прибила ещё нунь у Урал реки.
Ну Красная как тут же Армия
Дала им урок да хорошиий,
Чтобы тут ёны да попомнили
Колчаки как эти да деникинчи:
Советская земля не пуста стоит,
Не пуста стоит — есь Красная Армия.
А Красная Армия тут да храбрая,
Ну храбрая ёна да сильная,
А много есь удалых добрых молодцов,
А сильныих могучиих богатырев.
Ну станет эта банда да белая,
Задевать нашу власть Советскую —
А может как ей ёна отпор да дать
В каждый ёна час, в кажную минуточку
А этим ещё бандам белыим,
Бандам белыим да фашызныим.
А мирной как тут люд говорит про Чапаева:
— А молодому Василию сыну Иванову
А славушка ему незабываема,
А молодому Чапаеву Василию сыну Иванову.

(Кажется, я рассказал, а понятно ли, должны понять все, весь люд рабочий, что я пел-то).

НИКИТА АНТОНОВИЧ РЕМИЗОВ

Из автобиографии.

Родился я в 1877 году, и отец у меня жил тогда в работниках, и не было у его дому своего даже. Домишко устроил, так и женился, и пошли дети. Было нас два брата и сестра. Я старший. Вот стало мни около двенадцати лет, — зимой ходил вязать сети, а летом к богатым бороновать ездил. Была тогда у нас и лошадь, и земля дана с деревни, хотя и не хороша. Учицця было незацим, а школа за три километра была. Потом поднялись мы трое на ноги. Брата отправили в Питер, поступил там в ученье и жил столяром, сестра вышла замуж, я остался одиноким. В это время дрова пилил на биржах и в борах [1], повозил в зимнюю пору купцам. Вот там я научился старины петь; был старик Сёмин, умер из деревни Алексеевской; да от многих слышал. Вечером делать нечего в станках [2]. Посидим, потом займёмся за старинами да за сказки, чтобы скурея зимняя ноць прошла. Осенями я полавливал рыбы да ходил охотиться, приходилось бить даже медведей. Живыми имывал, не упущал.

Немножко и хозяйство своё поддерживал и приходилось пасти лошадей стадо, идныма осенямы. И так, понимаешь ты, дело протянулось до войны. Забрали на войну, отец и мать померли и остались жена с четырьма маленькими детьми. Трудно ей было жить в это время, хоть платили малёнько пособия. Учился я в Вятке, а потом увезли на Камень-Подольск, потом пришли мы в Карпаты, в Румынию. На передовых позициях нам не пришлось жить долго.

---

[1] На лесозаготовках.

[2] Шалаш на лесозаготовках — «становище».

Никита Антонович Ремизов

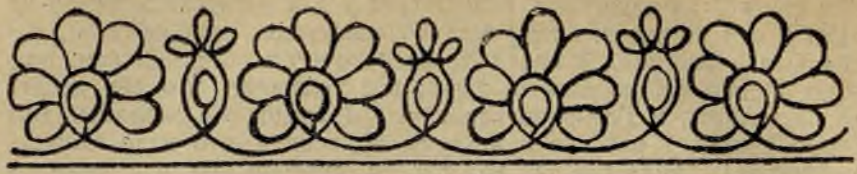
Бои при нас не слуцилисе, перестрелки были. Отпускали домой на один месяц на посев, потом был в Ленинграде, царя не было, царём был Керенский. Я видел Керенского — он объяснял нам, што надо воевать до победного конца; всё услаждал, что дён десять да пятнадцать, и Германия падёт. А мы домой всё давались. Вот потом приходят рабочие в казармы объяснили, что надо выгнать министров[1]. Мы пошли во дворец вечером, по нас открыли стрельбу. Когда ехали Литейным мостом, казаки стали обстреливаться. Мы вси бегом на Охту и восьмедесятый полк за нами, и перескочили мы на Охту, и правительство мосты развели. И трое суток нас казаки ждали за Неву[2]. Приехали к нам правительство и нас арестовали, винтовки у нас отобрали, в караул ходили мы без винтовок, привозили вслед винтовки. Потом нас пихнули на позицию за Ревель, когда сдал Керенский Ригу, то нас вывели обратно в Питер и потом распустили нас, и поехал я домой. А Керенского тогда уже не было.

Про Ленина мы слыхали ещё давно. У нас был прапорщик, он рассказывал, что Ленин стоит за крестьян. Такой стариц был благой, сядет с нами, рассказыват. Дак он говорил, что поддерживайтесь за Ленина. Потом я выехал домой, всё было разрушено. После революции подправиуся, заправиу двух лошадёнок, две коровы, стаў числиться средняком, а потом в 1931 году в колхоз склались. У меня пошли три сына, невестка, а я не вступил, старой работать. Отдал я все, себе оставил одну корову и остаўся на ихнем иждивении. Сын ушол в Красную Армию, нунь уже командиром находицце. А я когда рыбки половлю да сапоги подложу. А то в колхози хомуты поналаживаешь, как сын попросит. Вот и жизнь моя.

---

[1] Ремизов был в Петрограде в июльские дни 1917 г. Революционные солдаты Московского полка и др. шли к Таврическому дворцу, где заседал ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов с лозунгами «Вся власть Советам» и «Долой 10 министров капиталистов». Июльская демонстрация была потоплена в крови Временным правительством и меньшевистским бюро ЦИК Советов.

[2] Для разгрома демонстрации Временное правительство вызвало с фронта 14 Донской полк и др. полки.

31

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Как во славноем-то во городе во Муроми
У славного-то было у крестьянина
Как-то жил-то был да единокий сын;
Как не было в руках да влаженьица, [1]
А в ногах не было шевеленьица,
Как сидел-то тут Ильюша,
Не мог шевелить он рукам ни ногам.
Как уходил родитель его батюшка,
А уходил на трудную на работушку,
Оставался тут Илья одинёшенек,
Один во квартирушке.
Ну как в одно-то прекрасное времячко
Нагревало праведно в окошечко,
Как прикатился тут Ильюша к окошечку,
Как видит-то, идёт кто-то по дороге,
Ну как бытто калики перехожие.
Идут прямо к его-то домику
И на тыи-ты ступени метовыи,
Ко тому-ли кольцу золочёному,
Стучаются к Ильюшеньки:
— Как пусти-тко ты, Ильюшенька Муромец,
Пусти-ко ты во дом, пожалуста.
— Ну, отойдите вы, калики перехожие,
Как не знаете моей незгодушки,
Как сижу я в углу тридцать три года,
Как нету в руках шевеленьица,
А в ногах моих нет хожденьица.
Ну не отходят тут калики перехожии,
Крицят-то тут горазно.
Как говорят-то тут калики перехожии:
— Как ставься-ка, Ильюшенька, на ноженьки,

[1] Влаженьица, не владел руками.

Как открой-ка нам ворота широкии.
Как скоцил-то тут Ильюша на ноги,
И стало тут в ногах шевеленьице,
Как в руках-то стало тут влаженьице;
Как открыл-то ён ворота-то широкии,
Провожал калик в гридни столовыи,
Как провожал-то он, каликам низко кланялся:
— Садитесь-ко, калики перехожие,
Откуль да откуль вы явилися?
Как говорили тут Ильи таковы слова:
— Как ай же ты, Ильюшенька ты Муромец,
Принеси-ко ты цяру зелена вина,
Если нет у тя вина, — да квасу крепкого.
Как принёс-то тут Ильюша квасу крепкого,
Принимали тут калики единой рукой,
А принимали они да покушали,
И говорят-то тут Ильюши-то таково́ слово́:
— Как на́-ко ты, Ильюшенька, повыкушай.
А схватил-то тут Ильюшенька от радости,
Схватил-то тут Ильюша единой рукой,
Как выхлянул Ильюша на единой здох.
Ну как спросили тут калики перехожии:
— Ну что же ты топереку почусвовал?
Как сказывал Ильюшенька Муромец:
— Ну как почусвовал я большинску силушку;
Послушайте, калики перехожие, —
Как если бы на улицы был бы столо́б,
А был бы столо́б да с земли до́ неба,
А в столби-то бы было большо кольцо,
Как захватил бы я за то кольцо,
Перевернул бы матушку сыру землю.
И тут калики перехожии рассеялись,
А между друг другом стоят да думают:
Как оставить-то на этом положеньицы,
Так плохо-то будет Ильюшеньки Муромцу,
Как не будет-то носить его сыра земля.
Как говорят-то тут калики перехожие:
— Сходи-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Принеси-ка ещё квасу крепкого.
Как сходил-то он во погреба глубокии,
Как принёс Ильюша квасу крепкого,
Как принимали тут калики единой рукой,
Как подержали-то ёны во белых руках,
Как подали Ильшеньки Муромцу:
— Как выпей-ко, Илья ты Муромец,
Как выпей-ко теперь на единой здох.
Как принял-то Ильюша единой рукой,
Как выпил-то Ильюша на единой здох.

Как стоят-то тут калики ды спрашивают:
— Скажи-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Как больша-ли во тебе да стала силушка?
— Как сила у меня да половинная.
— Ну, оставайся-ка на том положеньице,
Поежжай-ко, заступись за землю Руськую,
Тебе смерть на войны будет не писана,
Не бойся-ко топерику, пожалуста.
Как говорит-то он каликам перехожиим:
— Как ай же вы, калики перехожие,
Ну как мне выступать-то на сыру землю,
Как нету у меня да добра коня,
Как нет у меня палицы во сорок пуд,
Как лат-то да кольчуг да богатырьскиих,
Как нет у мня копья долгомерного,
Как нет у мня лука хорошого.
— Как послушай-ко, Ильюшенька, что я скажу,
Вставай-ко по утру ранёшенько,
Подь-ка ты в этот город тут,
Как поведут-то тут по рынку жеребёночка,
Поведут-то жеребёночка о семь горбов,
Ну он-то тебе не пондравится,
А ты-то возьми его, Ильюшенька,
Как приуцяй-ко ты, Ильюшенька, к действиям,
Поваживай по утрышку ранёшенько,
А по вецеру познёшенько,
Как потом эта лошадка повыростет,
Повыростет ёна да в три месяца,
Как можешь заготовить свой тугой лук,
А палицу топереку во сорок пуд,
Коню это да сидёлышко черкасное.
И калики перехожие тут скрылися,
С Ильюшенькой по рукам да побилися,
И крепко-накрепко с Ильёй распростилися.
Но как ушли эты калики перехожии,
Как сел Ильюшенька на лавоцьки, раздумал:
— Пойду-ко я топерику искать отца-матери,
И где находятся на трудной на работушки.
Как отправился о ричку о быструю,
Как нашол-то ён отца-то тут с матерью,
Как нашол-то — отец с матерью на отдыхи,
Лежат да заснули ёны на бережки,
Как цистил отець с матерью по́женку.
Как не будил-то тут Ильюшенька отца с матерью.
— А дай-ко я отцовской-то работы поработаю,
А хоть один-то я разичек попробую,
А попробую работать в тридцать три года.
Как приходит-то к дубам-то толстынскиим,

Захватыват он нуньку по два, по три,
И выдёргивает оттулеку с кореньямы,
Как роет он топереку в быстру́ реку.
Дак пока мать да отец спали полтора цяса,
Дак он нацистил этой пожни в два раза,
Что у отца да ведь у матери
Нацишено в два месяца.
Как отец-мать-то со сну пробуждалиси,
Как видят-то какие-то выстрелы,
Потом-то оны спугалиси,
Как трещат-то леса толстынские.
Не столько ён их рубит, сколько мнёт,
А по семи-то он с зени на плецё берёт.
Как увидил, что отец да мать его пробудилися,
И говорит-то он гим таковы слова:
— А не пугайтесь-ко теперь да не полохайтесь,
А это я пришол на трудну на работушку,
А пособить-то всим цистить поженки.
Отец с матерью обрадовались.
И подходили к своему сыну потихошенько,
И говорили свому сыну таково слово:
— Как отцего ты, Ильюшенька, поправился?
Пойдём-ка мы теперя в свой-то дом.
Как отправились дороженькой путистоей,
Как рассказал Илья да всё путешествие,
Как говорила-то ему ро́дна матушка:
— Как благодарю всё этого да вышнего,
Что дал он тебе руценьки да ноженьки,
Как дали тебе силушку великую,
Как будешь помогать с нами ратиться
На той-ли топеря на сырой земли.
— Ну послушай-ко, родитель мой батюшка,
И послушай-ко, родитель моя матушка,
Как я-то на земли вам не трудницек,
И я-то ещё вам не помощничек,
Как куплю-то я сейцяс да добра́ коня,
Поеду защищать землю-то руськую.
Как ставал-то тут Ильюшенька ранёшенько,
Как умывался-то Ильюшенька белёшенько,
Одевался-то Ильюшенька цистёшенько.
Ну как пошол Илья топерику по городу,
И видит, что ведут тут жеребёночка,
А у жеребёночка-то было семь горбов,
Такой-то ещё был некрасивенькой,
Дак его взял-то всё-равно-то Илья Муромец,
Ну что спросили, то и дал,
В ряды у его премии не было
(Что спросили, то и дал, не торговался).

Как приводил-то тут Ильюшенька добра коня,
Заводил-то в конюшню во новую.
Как стал Ильюшенька коня да покармливать,
Как стал Ильюшенька коня да попаивать,
Как по утрышку, по вечеру поваживать;
Как по росам-то его конь покатается,
Как на поры-то на вечерней и на утренней
Как в три мисяца лошадь выросла полною.
Как заправил тут Ильюшенька сидёлышко черкасное,
Как и палицу он заправил во сорок пуд,
Копьё-то он сковал само длинное,
Заправил он себе да свой тугой лук,
И налил он себе стрелоцек калёныих,
Ну как седлал-то он себе добра коня,
Как кладывал седёлышко черкасное,
Подтягивал он пряжкамы золочёныма.
Простиуся-то Ильюша с отцом, с матерью.
Как нацялась-то первая поездка Ильи Муромца.
Как видли добра молодца сядучи,
Не видли, в кою сторону поедучи.
Как ехаў-то Ильюшенька сутоцьки,
Как ехал-то Ильюшенька другии,
Как выезждяет на дорогу на широкую,
Как идёт он дорожкой широкою,
Как приездял-то Ильюшенька на ростани,
Как на ростанях-то тут на досках написано,
Как указано же ему да три дороженьки:
Как одна-то дорожка прямоездяя,
Да сорок лет-то дорожкой не ездено,
А вторая-то дорожка в богачесьво,
А третья дороженька в жоначество.
Как раздумался Ильюшенька Муромец,
Как которыма дороженькамы ехать тут:
— Ну как что мне-ка, Ильюшеньки, богачесьво,
Ну как что ещё мни-ка, Ильюшеньки, жоначесьво,
Как поеду лучше я да в убитосьво,
Как той-ли да дорожкой прямоездею.
Ещё не было тут птицы пролетища,
Ещё звирю-то да не было пробежища,
Сорок лет это дорожкой уж не ездяно,
И проезду не было ни конному, ни пешему.
Как отправился Ильюшенька Муромец,
Одной-то он рукой да мосты ведёт,
Другой-то он рукой да мосты мостит.
Как прошол-то тут Ильюша двои сутоцьки,
Как услышал Соловей да во-разбойницек,
Как свиснул Соловей по-соловьиному,
Как рыкнул Соловей да по-звериному,

Как сидел-то Соловей на семи дубах,
На семи то ён дубах, на семи суках.
Ну как от свисту-то теперь соловьиного,
Как у Ильюши оттуль конь упал.
Ну тут как бил-то он топереку добра́ коня,
Как ещё бил-то его и натягивал,
Как говорил-то он коню да таково слово:
— А ай же ты топереку, мой добрый конь,
Идёшь ты всё-равно как пеловой мешок,
Не слыхал ты, видно, свисту соловьиного,
И не слыхал ты, верно, голосу звериного.
Как натянул Ильюша нунеку свой тугой лук,
Как кладывал он стрелочку калёную,
Как говорил он стрелы да таково слово:
— Как пади, стрела, не на́ воду, не на́ землю,
Пади да Соловью да во-разбойницько,
Пади-ко ты топереку во правой глаз,
А вылези во левое ухо тут.
Как стрела тут Соловей покатился ён,
Как покатился он топереку с семи дубов,
Как с семи он дубов, да с семи суков.
Как подъезжает-то тут Ильюшенька Муромец,
Как подхватил-то Соловья да разбойничка,
Как привязал-то тут его да прямо к стремени.
Как тут дороженька почтовая наладилась,
Да к соловьиному-то прямо к домичку.
Как идёт-то Ильюшенька тут по полю,
Как к терему топереку высокому,
Как глядят-то соловьиныи дитоцьки,
Как крицят-то тут рожоную матушку:
— Как гляди-тко, рожона моя матушка,
Как ищё идёт теперь наш-то батюшко,
Как цьёго-то мужика у стремени везёт.
Ну посмотрела матушка в окошечко
И говорит-то она таковы слова:
— Как идёт богатырь, а везёт вашего батюшка;
Как насыпайте-ко злата да серебра и скачна жемчуга,
И выносите топереку на улицу,
Как ён отдаст тогда твоего батюшка,
Ну как отвяжет-то ён да от стремени.
Как выносили-то ему да низко кланялись:
— Ну как отдай-ко, Ильюшенька Муромец,
Как отдай-ко ты отца да пожалуйста,
А заберай-ко это злато и серебро,
Да ищё множество скачныих жемчугов.
Как принимал-то тут Ильюша единой рукой,
Как полагал-то тут в карманы широкинскии,
Ну как зо́брал-то ён, вперёд и отправился,

Ну как не отдал Соловья да разбойницька.
Как дом построен был на версту на мерную
Как у того ли Соловья да у разбойницька;
Как со последнего топереку выхода,
Как выскакивала нунь единока доць,
Как схватила подворотню ту во сорок пуд,
Как яна тяпнула Ильюшеньку Муромца.
Как Ильюшенька тогда и с коня упал,
Как захватил ее Илья за тресту заднюю,
Как повыкинул Ильюша выше облака,
Ну как его-то оттуда доць да тропнула,
И в цетырёх-то местах она лопнула.
А потом вышел-то Ильюшенька и дом зажгал,
И сожгал нунеку до праху всё,
И садился на коня да вперёд, вперёд.
Как направлялся да и путь держал на Киев-град,
Как приежжает он ко городу к Чернигову,
А и тут напала на Чернигов погана Литва,
И одолели гих поганые идолища.
Как увидел это страньство виковицное
Ну как на той ли на Русиюшки на матушки,
Ну как пошол Ильюшка битци да ратитце,
Как заступился мужицёнков за черниговцев,
А поганое идолище что метлой спахал,
Как метлой-то ён спахал одни сутоцьки.
Как приежжат он ко городу Чернигову,
Как приносят тут дары ему хорошие,
Как приносят ему окупы великии,
Как злато-то приносят ему серебро
И скатные приносят ему жемчуга.
Как берёт-то тут Илья усмехаетце:
— Как это брать золото правое,
Как у меня-то ёно заработано.
Отправился-то тут Ильюшенька на Киев-град
К тому-то царю стольно-киевскому,
Как ставился-то Ильюшенька на широкий двор,
Ставил-то коня к золоту столбу,
Как насыпал-то пшеницы белояровой,
Как заходил во гридню столовую.
Как у царя-то был топереку почесный пир:
— Ну проходи-тко, разудалой добрый молодец,
Как не знаем тебе да имени,
Проходи-ко ты топерь во большой угол,
Как садись-ко за столы да за дубовыи,
Как за наши кушанья медовыи.
Как сидят-то за столамы думу думают,
Да как бы нам повыруцить черниговцев,
Как об тих тут-то сумлеваетце,

Как прибили-то у нас всих черниговцов.
— Дак вы послушайте топереку, что я скажу,
Как я-то со города со Мурома,
А явился-то сюды-ка в первый раз,
Как проехал я дорожкой прямоеждею,
Как позбавил мужиценоцьков черноговцев.
Как вси князья да вси бояра рассмеялися:
— Как ещё этого не может быть,
Как не проехать тут дорожкой прямоеждею,
Как какой-то приехал хвастун-то тут,
Как сорок лет-то тут не еждено,
Как сидел-то Соловей разбойник тут,
Сидел-то Соловей на семи дубах,
Сидел-то Соловей на семи суках,
Как не было тут птици пролетища,
Как не было тут зверю пробежища,
Как не было ни конному, ни пешему.
Как стал Ильюшенька на резвыи на-ноженьки,
Как говорит царю да таковы слова:
— Красно солнышко Владимер стольно-киевский,
Сходи-ко ты теперь да на широкий двор,
Как погляди-ко на Соловья-разбойницька,
Как у мня у стремени висит.
Как тут вси гости с-за стола побросалиси
Глядить тут Соловья да разбойницька.
Остался тут Ильюшенька Муромец,
Как остался с наградой-то малыя.
Как приходят на дворы на широкии,
Как видят Соловья тут у стремени,
Как говорят-то Соловью таково слово:
— А рыкни, Соловей, по-звериному.
Как отвецял Соловей-то разбойницек:
— Не ваше-то я ем да и кушаю,
Не вас-то я буду слушати,
На то есь-то Ильюшенька Муромец,
А я-то в его распоряженьици.
Ну тут позвали Ильюшеньку Муромца,
Позвали да вси ему тут кланялись:
— Послушай-ко, Ильюшенька Муромец,
Вели-ко ты рыкнуть Соловью-разбойнику,
А рыкнуть-то ему по-звериному,
А мызнуть ему да по-змеиному.
Как подходит тут Ильюшенька Муромец,
А говорит-то он таково слово:
— Как рыкни, Соловей, ты в полголосу,
Потешь-ко ты царя с царицею.
Как крикнул Соловей по-звериному,
А мызнул Соловей по-змеиному,

Как хейкнул-то Соловей да во весь голо́с;
Как тыи терема да пошатилися,
Окольници хрустальныи посыпались,
А малыи бояра-то раком пошли.
Как говорит Владимер стольне-киевский:
— Оставь-ко ты, Ильюшенька, бояринов хоть на симена.
Как рассердиўся тут Илья, поразгневался
На того ли Соловья на проклятого.
Как заходили ёны куцьками в большой терем,
Садились за столы за дубовыи,
За тыи ли за скатерти за шолковыи,
Ильюшеньки оны в пояс кланялись:
— Спасибо те, Ильюшенька Муромец,
Явился со путистой со дороженьки,
Как привёз ты Соловья да во-разбойницька
Проклал ты путистую топереку дороженьку.
Как приходил Владимер князь стольно-киевской,
Как приходил топереку против гостей,
Как говорил-то гостям дорогим своим:
— Как послушайте, гости дороги мои,
Как приехал-то Ильюшенька со Мурома,
Ну как явился-то сюды-ко-ва незваной гось,
А незваной-то гось по охвотушки,
Прокарзал нам дорожку прямоеждюю;
А как есте у нас беда топерь спущаласи,
Как приехало чудовище из Азии,
Как ён просит-то у нас поединщика,
И либо требует-то дани-то выходы,
А ещё дани-то да выходы за двенадцать лет,
Но как бы кому-то съиздить потяпатце,
Как отдать бы ему дань за двенадцать день,
У нас не на кого нунь надеетце,
Как надеется на Ильюшку Муромца,
Тот ещё может потяпатце.
Как ставал-то тут Ильюшенька на резвыи ноженьки,
Как говорил царю он таковы слова:
— Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
А цим могу-то и тым и по́могу.
Как выходил-то тут Ильюшенька скорёшенько,
Как садился на коня поскурешёнько,
Ну как видли добра молодца сядуци,
А не видли уж в кою сторону поедуци;
Как ехал-то Ильюшенька на Азию,
Потом настрецю могуцее Иванищо:
— Куды же ты, Ильюшенька, отправился?
— Отправился топерику на Азию,
С цюдовищем побороться, поратитце,
Свезти-то ему дани-выходы,

Дани-выходы ему да за двенадцать лет.
— Как не гидь-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Как я видел-то цюдо цюдное,
Как цюдо цюдное, да диво дивное,
Сидит-то у помещика за столиком,
Сидит-то видь он, распоряжаетце,
Как крепко-накрепко он наедаетце,
И крепко-накрепко он напиваетце,
И может съись он множество,
Может он съись три пеци мякушек, семь пецей калацей,
Байну блинов и костёр пирогов,
И три ведра вина и корову яловицу.
— А послушай-ко, могуций Иванище,
У тебя-то видь силушки вдвое, втрое есь,
А смелости-ухватки половинки нет;
Одень-ко мои платья богатырскии,
А дай-ко мни нищецкии.
Как поменялись ёны платьями скорёшенько,
Ильюшенька одел платьица нищецкие,
И отправился он в Ладогу.
Как ехал-то Ильюшенька скурёшенько,
По рассказанному, как по расписанному.
Как отправился топерь на широкий двор,
И подъеждяет топереку к окошечку,
Кричит-то тут Илья да во всю голову:
— Как послухай-ко топереку, хозяин-то,
Как вынеси кусоцек христа ради.
Как услышал тут это-то цюдовище,
Как говорит топереку, — пожалуста,
Зовите калику перехожую сюды-ко-ва.
Как позвали-то калику перехожую.
И ставитце Ильюшенька против его,
И говорит-то тут этое цюдовище:
— Скажи-ко ты, калика перехожая,
Не видал ли ты Ильюшеньки Муромца?
Только я в державушки его боюсь,
Как большой ли ён находитця ростиком,
Толстой ли он находитця толщиной?
Как отвецял-то Ильюшенька Муромец:
— Что росту находитця такой же, как я,
И толсту находитце такой же, как я.
— Как много-ли Ильюшенька ест да пьёт?
— Как ест он по крупцятому калацику,
А пьёт-то по одной-то видь цяроцьки.
— Так это находитце не богатырь тут,
Не надо мне боятца да шарашитця;
Вот послушай-ко, калика перехожая,
Как послушай-ко топереку, что я скажу,

Вот я что и скажу, да и кушаю:
Ем я три пеци мякушек, семь пецей калацей,
Байну блинов и костёр пирогов, три ведра вина и корову яловицю,
Всё к выти съем.
Как послушал-то Ильюшенька Муромец,
Как говорит ему теперь да таково слово:
— Как послухай-ко, поганое цюдовище,
Как у моего-то у родителя у батюшки,
Как была-то обжорлива коровушка,
Да ещё ела она, ела, да и лопнула.
Как это слово-то ему не приглянулося,
Схватил-то он ножище-кинжалище,
Как кинул он топереку в Ильюшеньку.
Ильюшенька отвёл своей шапоцькой,
Ножом проломило да три стены.
Как бросил-то он шапку богатырскую,
Как сгрёб-то он поганое Идолище,
Как схватил-то ён его за жолты кудри,
Потянул его теперь с-за стола,
Как стал-то нагибать да повертывать,
Цюдовища-то стало попёрдывать,
И вытащил цюдовище на улицу,
И отсадил-то ему буйную голову,
И свёз-же ему дани и выходы.
Садилсе он теперь да на добра коня,
Поехал он ко городу ко Киеву.
Как стрецяли тут Ильюшеньку с радосью,
Что вернуўся он теперь с Малой Азии,
И приконцил он большинское цюдовище.
Как на двори-то его стретали вси, кланялись,
И проводили его в гредню столовую,
Давали ему место что лучшее.
И вси-то на перу наедалисе,
И вси-то на перу напивалисе,
И вси-то тут распрощалисе,
И со двора царя разъеждялися,
И поехали дорожкой прямоеждею.
И сутоцьки Ильюшенька проехал тут,
И другие Ильюшенька проехал тут,
Как выехал на дороженьку почтовую,
Как поехал с места в убитосьво;
Приехал на тое-же мистецько,
Как доски-то были не сорваны.
— Ну, съездил я топереку в убитосьво,
Поеду я топереку в богацесьво.
Как съездил-то топереку туды-ко-ва,
А там-то находилось сорок разбойников.

Как прибиу, приколотил тых разбойницьков,
А дом-то ещё ихней огнём сожгал.
Выехал на дорожку на почтовую,
Говорит-то тут Илья, да думу думает:
— Как съездил я дорожкой прямоеждею,
И съездил я топереку в богацесьво,
Поеду я топереку в жонацесьво.
Как гидет тут Ильюшенька сутоцьки,
Как гидет тут Ильюшенька другие,
Как увидел тут Ильюшенька высокий дом,
Как приеждяет он к воротам широкиим,
У ворот-то было привязано,
Как привязано-то было два льва;
Как опустился тут Ильюшенька скорёшенько,
Схватывал Ильюшенька топерь саблю вострую,
Как отрубил-то топереку гим буйны головы;
И как зашол-то на дворы на широкии,
Коня-то привязал к золоту столбу,
Ну как сам-то он пошол во гредню столовую.
Не спрашивал у дверей ён придверницьков,
Как у ворот топерь приворотницьков:
— Как скажите-ко слуги ихни верныи,
Как куды у вас невеста схоронена?
Как говорят-то тут Ильюшеньки Муромцу:
— Заснула невеста крепким сном,
Как заснула тут на кроватки на рыбьей
Под тым ли одеялом соболиныим.
Как приходил-то тут Ильюшенька в спаленку,
Лежит-то тут ёна да и замертво,
Как не будил-то Ильюшенька, не тревожил ей,
А скинулся-то да и спать-то лёг,
И проспал-то ён всю ноценьку;
Как ставал-то тут по утрышку по раннему,
Как вымылся по утрышку ранёшенько,
Ну как утёрся тут Ильюшенька сухошенько,
И выходил Илья топеря на широкий двор,
И садился на коня да своего доброго,
И как отправился дорожкой вчерашнею.
Как прохватилася топерь да невеста-то
Как по́сли тут Ильюшеньки Муромца,
И как скрыцяла-то она во всю голову:
— Как идите-ко сюда, слуги верныи,
Как кто-же у меня зде-ко в спальни был,
А кто же у меня колодец открыл,
Колодецек открыл, да воды попил?
Ну как сказали, что находилси Илья Муромец,
Как Илья Муромец да ён же сын Ивановиць,
Как не посмела вслед ехать с угонушкой.

Как вернуўся-то Ильюшенька,
На путистой на дороженьки
Как написал-то ён топереку на трёх досках:
— Что я в убитосьво-то был, дак убит не был,
В жонацесьви-то был — там женат не был,
И проехал я дорожку прямоеждюю.
Через три году вернуўся в свою родину,
В свою родину вернуўся к отцу, к матери.
Ещё мать да ведь с отцом обрадовалися,
Как пострецяли ёны сына одинакого.
Этым и концилась.

32

ПРО ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Как собрал-то поганое Идолище,
Как собрал-то всех князей да бояринов,
Сорок-то царей да царевицей,
А сорок королей королевицей.
Как у всякого царя да у царевиця,
А у всякого короля да королевиця
Было-то сорок тысець силы призáбрано,
Хочут во Киеви женитися,
Как у того ли у живого мужа жону отобрать,
Как тую прикрасивую Апраксию.
Как выберают оны посланника удáлого,
Удалого молодцика, не пьяного:
— Как поезжай-ко к королю стольне-киевскому,
Как ставься-ко к ему на широкий двор,
И не спрашивай у дверей да придверницьков,
А у ворот топерь приворотницьков,
Ну заходи прямо на гредню столовую,
И выкинь-ко писемко из правой руки,
А заходи-ко ты туды поскурёшенько,
А поворот держи не тихошенько.
Ну наиждял посыл Лихоимского,
Как ставился к царю на широкий двор,
Как выкинул писемко из правой руки.
Шол-то он туды не тихошенько,
А повороты держал поскурёшенько,
Как видли добра молодца сядуци,
Не видли, в кою сторону поедуци.
Как захватил письмо Владимер стольне-киевский
Распецятал-то его поскурёшенько,
Ну тут письмо-то было ему не радосно,
В письми-то об войны-то было писано:
— Как нападала на тебя погана Литва,

Одолять вас поганый Идолища.
Как хоцют у тебя да женитися,
У живого мужа жону отобрать,
Тую прикрасивую Апраксию.
Вилят-то побольше вина купить,
А улици по городу распахивать.
Как тут пришла царю беда да неминуцяя,
Затупать коты да онуцямы.
Как выходил-то ён во сйни во новыи,
Во тыи во новыи, дубовыи,
Крычал Владимер князь да во всю голову:
— Вы славныи могучии руськи богáтыри,
Вы как подьте на думы на светлыи
И как на тую ли думушку крепкую.
Как выходил-то тут Добрынюшка Никитинець,
Как говорил царю да таково слово:
— Как ай же ты, Владимер стольне-киевской,
Об цём же ты крицишь, о цём треложишь нас?
— Ну как же мне не битьця, не треложить вас,
Нападает на нас да погана Литва,
Как одолила нас погана Идолища,
Как велят-то побольше да вина купить,
А улицы по городу распахивать,
Как хоцют-то во Киеви женитися,
У того ли у живого мужа жону отобрать,
Как тую прикрасивую Апраксию,
Как ещё собралось сорок царей, сорок царевицев,
Как сорок королей да королевицей,
У всякого царя да и цяревиця,
У всякого у короля у королевиця
По сорок тысяцей было силушки призáбрано.
— Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Не могу боле стоять-то я за Киев-град,
Мои-то резвы ножки находилися,
Мои-то белы руцьки намахалися.
Как заходил Добрынюшка скурёшенько,
А поворот ведёт да не тихошенько.
Как пришла-то царю беда неминуцяя,
Затупай-ко ж... онуцями.
Крыцял Владимер князь да во всю головушку:
— А сильныи могуции богáтыри,
А подьте-ко вы ко мни да совет держать,
Как на тое ли собранье великое.
Как вышел тут Олёшенька Поповиць вслед,
Как говорит-то он царю да таковы слова:
— Мои-то нуньку ножки наскакалися,
Мои-то руцьки намахалися,
Не могу я больше стоять за Киев-град.

Как заходил туда он поскорёшенько,
А поворот держал не тихошенько.
Как потому-то от войны отказалисе
А это сильныи русськии богатыри,
Как осердились на царя да стольне-киевского,
Как рассердились ды оны поразгневались,
Как посадил-то тут царь стольне-киевской
Как посадил Ильюшеньку Муромца,
Как посадил во погреба глубокии,
Ну а кормил-то его, словно лошадь-то,
А давал-то есь да овёс и воду,
Как питание Ильюши нехорошее,
Как из-за этого не шли оны, не ехали.
А в эту пору, в тоё же времечко,
Как были сделаны ходы подпольныи,
Ну как кормила государыня тихошенько,
Ну как кормила-то Ильюшеньку Муромца,
И говорит-то тут царю да таково слово:
— Как послушай-ко, князь стольне-киевской,
Как сходи-ко ты во погреба глубокии,
Как призови-ко ты да Илью Муромца.
Было совесно царю покоритися,
Как к Ильюшки в погреба ему вернутися,
Ну как крыцял Владимер тут да во всю голову:
— Ай же вы, сильныи, могучии богатыри,
А уж как подьте-ко ко мне да на думушку,
На тот ли совет молодецкий,
На тое ли собранье на великое.
Как выходил оттуль как молодой Ермак да Тимофеевиць,
Удалая удалинка топереку,
Двенадцатигодовая сильная:
— Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Как есть ли у тебя да про меня да ещё добрый конь,
Как латы да кольчуги богатырскии,
Как если есть у тя да палиця во сорок пуд?
Отвецял Владимер князь да стольне-киевский:
— Как ещё есте у меня до тебя доброй конь,
А латы да кольчуги богатырскии,
Эта вся-то принадлежность отцовская.
Как лежит ёна куцямы на конюшни на новоей.
Как сошол-то тут Ермак да Тимофеевиць,
Как стал-то ён ржав откалещивать,
Ну тыи терема да зашаталисе,
Окольници хрустальныи посыпались,
А малыи бояра-то раком пошли.
Как говорил Владимер князь да стольне-киевской:
— Как ай же ты, Ермак да Тимофеевиць,

Загидь-ко ты во погреба глубокии,
Попроси-ко ты крёсного батюшка,
Как этого Ильюшеньку Муромца,
Не поедет ли он нунеку на́ поле,
Как не послушат ли тебя ещё креснятка?
— Ну ты послушай-ко, ты князь стольне-киевский,
Один нахожуся я во городи,
Как вси старыи богатыри
Выехали нунеку уж на́ поле
И с гима-то и ехал Илья Муромец.
Тут как князь-то стольне-киевский обрадовался,
Что выстала топереку земля непобедимая.
Как обседлал-то ён топереку добра коня,
Поехал-то Ермак сейцяс на поле;
Как видли добра молодця сядуци,
Не видли, в каку сторону поедуци.
Как поежжает-то Ермак во чисто́ поле́,
Как во чистом поли стоит белой шатёр,
Как во шатри там двадцать цетыре бога́тыря,
Как которы играют тут в картоцьки,
А други-то в дощечку да шахматную.
Как приеждяет тут Ермак Тимофеевиць,
Как приеждял-то он ко белу шатру,
Как выходило из шатра двадцать четыре богатыря,
И выходил-то ищё с гима Илья Муромец,
Как говорил-то всем да таковы слова:
— Отправим-ко да крестницька любимого
Как проведать, где стоит-то да поганое Идо́лище.
Как отправился Ермак да Тимофеевиць
На тую гору на высокую,
На тыи-то на шо́лома на ска́льцяты,
Как поглядел-то на поганое Идо́лище.
Ну как идут-то все оны да поттыкаютце,
Ну как вперед-то понемножку подаваютце,
Ну налетело как цёрного воронья,
Ну как в сутоцьки заюшки не обскакать,
Ну как в сутоцьки серому волку не оббежать.
А от здоху-то лошадиного
Не видать-то было красна солнышка.
— Ну как ни цесь, ни хвала да молодецкая
Не порушать мне-ка нонеку Идо́лищев.
Как разгорелось его серце богатырское,
И стегнул он в середину поганой Литвы,
И давай-ко ещё битце да ратитце.
Как биу́ся-тут Ермак да и сутоцьки,
А биу́ся тут Ермак да и дру́гии,
Колотиу́-то их не по-настоящему,
Куды махнёт-то да ён, туды уличка,

А перевернёт, валитце с переулочком.
А как пробиуся тут Ермак други сутоцьки,
А в эту пору, в это время Илья спать залёг.
Как проснууся тут Ильюшенька Муромец,
Как говорит друзьям да таково́ слово:
— Как приехал ли Ермак Тимофеевиць,
Любимой-то был мой кресницек?
— Как не видим его да не приехано
Как со тых-ли кряжов со высокиих.
Ну как скомандовал Ильюшенька быстрёшенько:
— Седлайте лошадей своих могуциих,
Седлайте-ко коней да во пять минут,
Уежжайте-ко к поганому Идо́лищу,
Как будем мы искать наилучшую головушку,
Того-ли Ермака да Тимофеевича.
Как наскакали за кряжи за большинские,
Как видят, что Ермак да Тимофеевиць
Бьётце он да ратитце во чистом поли;
Как построил всих Ильюшенька Муромец,
Как построил их топереку рядоцькамы,
И говорит он руським богатырям:
— Как гидьте вы по крайцикам,
А я-то погиду по серёдоцьки,
Ну доконцим-то поганое Идо́лище,
А я заеду к Ермаку да и по́зади,
Паду ему на плеци могуции,
Уговорю его, рожоного креснятка;
Как заехать мне-ка да спереди,
Улецю-то я вместо татарина.
Ну как поехал-то Ильюшенька и сделал так:
Как заехал он топереку по́зади,
Как пал-то на плеци на могуции
А тому Ермаку да Тимофееву.
— Ну, как спасибо тебе, крёсный ты батюшко,
Как пал-то ты мне-ко-ва по́зади,
Заехал бы ты только-то спереду,
Улетел бы-то место татарина.
А палица у него была прибита вся,
А бился-то теперь да он орудием.
А как схватит он за ноги татарина, да так и помахиват;
Как стал его Ильюшенька упрашивать,
Как стал его топерь да уговаривать:
— Как не гори-ко твое сердце молодецкое,
Как молодой Ермак да Тимофеевиць,
Как поежжай-ко ты топерь да во цисто́ поле,
Как во цистом поле топерь да ко белу́ шатру,
А мы с поганым Идо́лищем расправимся,
Ну мы научим, как во Киеви женитися,

Мы дадим ему невесту бесценную.
(И на этом-то да старина и кончилась).
Как добили-то поганое Идóлище,
И собралися топереку со всих краёв,
И собиралися они да к белу́ шатру.
Да отправилися ко городу́ ко Киеву;
Как ставились к царю да на широкий двор,
И доложили, что бога́тыри приехали,
Как победу привезли ёны руськую,
Заколотили-то поганого Идóлища.
Как выходил-то тут царь со царицею,
Всем богатырям ёны нунь в пояс кланялись:
— Ну как спасибо вам за это и товарищи.

33

ПРО НЕПРУ-КОРОЛЕВИЧНУ

Как собрал-то Владимер стольно-киевской,
Как собрал-то топереку почесной пир.
Ко всим-то он топереку посла послал,
А старого казака Илью Муромца на пир не позвал.
Как на другой день вздёрнул да почесной пир,
Не гля[1] ради друзей, гля бояринов,
А гля ради Ильи Муромца.
Как рассердиуся тут Ильюшенька Муромец,
Схватил-то он топереку свой тугой лук,
Кладывал он стрелоцьку калёную,
И говорил стрелы да таково слово:
— Пади, стрела не на́ землю,
Пади, стрела, не на́ воду,
Убей-ко ты царя да со царицею,
А сам-то уеду в другу Азию.
Как говорит Владимер князь да стольно-киевской:
— Как выберайте-ко братов крестовыих,
А подкрестовыих вы братьицев христовыих,
Кого бы нам послать, Илью на пир позвать;
Послать ли нам Олёшеньку Поповица —
Как у того ли глазища поповскии,
Поповскии глазища да завидливы,
Как не поедет с гим Ильюшенька да Муромец.
Послать ли не послать Добрынюшку Никитиця —
Как у его было с Ильюшенькой побратанось,
Как у его было крестами-то поминянось;
Ильюшенька-то был как и старший брат,
Добрынюшка-то был тогда бладший брат,

[1] Для.

Как на крестовой-то его было сказано,
Что старшему-то брату слушать бладшего,
А бладшему-то брату слушать старшего –
Поедет ён сюда на почесной пир.
Как повернуўся тут Добрынюшка скурёшенько,
Как выходил Добрыня на широкий двор
И седлал ён добра коня.
Ещё видли добра молодца сядуци,
А не видли, в кою сторону поедуци.
Как приежджят-то к Ильи на широкой двор,
Ставит-то коня к золоту столбу,
И насыпал-то пшеницы белояровой,
А сам-то ён к ему в дом пошол.
И приходил-то ён в палату белокаменну,
Как говорит Ильюшеньки Муромцу:
— Как здорово, крестовой братец мой,
Как сподкрестовой христовой братец мой,
У нас с тобой крестамы поменянось,
У нас с тобой-то было побратанось,
О братаньи у нас было сказано,
А старшему-то брату слушать бладшего,
А бладшему-то брату слушать старшего,
Послушай-ко топереку, что я скажу:
Поедем-ко топереку к царю, да о почесной пир.
— Красно солнышко Владимер стольно-киевской,
Как знал-то ён топереку, кого послать,
Как Ильюшеньку топереку на пир позвать.
Послал бы он Олёшеньку Поповица,
Разбил бы я Олёшеньку да вдребезги,
Что ты не смийся над Ильей над Муромцем,
Что не позвал он меня да на почесной пир.
Ну как недолго ёны тута справлялисе,
Ну как недолго ёны тут снаряжалисе,
Как выходили-то ёны на широкий двор,
Садилисе оны на добрых коней;
Как видли добрых молодцев сядучи,
Как не видли, да в кою сторону поедучи.
Ставились царю да на широкий двор,
Как тут стретали гих, гостей благородныих;
Насыпана пшеница белоярая,
Как лошадей-то вместо гих да привязывают,
Как справляютца во гридни во столовыи,
Во тыи ли во полаты белокаменны;
Как зашли ёны во гридни в столовыи,
Раздёрнули ёны двери на́ пяту;
Как прихлопнул он топереку сильней дверью,
Как ты теремы да пошатилися,
Окольницы хрустальные посыпались,

А малыи бояра-то раком пошли.
Как прибегат Владимер князь да стольно-киевской,
Ильюшеньки теперь да в пояс кланялисе:
— Как прости-ко ты тепереку, Илья Муромец,
Как прости-ко ты, пожалуста.
Ну, в первой-то вины да тебе бог простит,
А больше ты не делай-ко проступоцьков.
Садились за столы да за дубовыи,
За тыи ли за кушанья медовыи;
Как вси-то на пиру наедалися,
Как вси-то на перу напивалися,
Как вси-то на перу порасхвастались,
Как иный-то хвастает добрым конём,
Инной-то хвастает отцом-матерью,
А инной-то хвастает молодой женой.
Как выходила тут-то Непра-королевична с-за столика,
Как стала она голосом выважывать,
Как стала тут башмациком вытаптывать,
Киевских молодциков выхваливать:
— На красу-басу нет лучше Чурилушки Щаплёнкова,
А добрея-то Добрынюшки Никитиця,
А порнея у нас нету Ильи Муромца,
Как ещё бы я ведь Непра-королевицьна
Как натянула бы тепереку свой тугой лук,
Как клала бы я стрелоцьку калёную,
Попала бы в колецюшко серебрянно.
Относили ейной перстень за вёрсту да за мерную,
И выходили тут вси гости на улицу
И смотреть стрельбы неприной.
Ну как стрелила-то за вёрсту за мерную,
Попала-то в колецико серебрянно;
Как это кинули колецико на скалоцьку —
Половинка половиноцьки не больше тут.
Как разгорелоси тут сердце молодецькое
У того ли ещё Дона Ивановича,
Ну как этот Дон-то неприн муж-то был,
Она-то и Дона не выхваливат.
Как натянул-то он ещё свой тугой лук,
И положил стрелоцьку калёную,
Сказал-то ён стрелы да таково слово:
— Пади-ко ты, стрела, не на землю, не на воду,
Как пади-ко ты, стрела, да Непры прямо в грудь,
Тут-то ему Непра-королевицьна смолиласи,
— Как не стреляй-ко ты, Дон сын Ивановиць,
Как принесу я нынеку через три месяца.
Не спросил-то тихий Дон сын Ивановиць,
Ну как стрелил он в Непру-королевицьну,
Бежал-то он скурёшенько туды-ко-ва,

Ну как пластал-то Непры груди на-двое,
Манила ли она али лукавила;
Как не манила да ёна, не лукавила,
Действительно были заводыши.
Как потом-то натянул свой-то тугой лук,
И говорил стрелы да таково слово:
— Пади, стрела, топереку мни прямо в грудь,
Гди погинула головушка Неприна,
И тут погинь тихого Дона сын Ивановиця.

34

ПРО ДОБРЫНЮ И ОЛЕШУ

Как собрал-то Владимир стольно-киевский
А собрал-то он да почесный пир
Не гля ради друзей и бояринов,
Как гля разлюбимой племянницы
Со всех-то он краёв, со всих крайчиков.
Наехали к нему да на почесный пир,
Наехали князья да бояра и русскии сильныи богатыри.
Как вси на пиру да наедалиси,
Как все на пиру да напивалисе,
Как вси да на пиру да порасхвалились.
Приходил Владимир князь да стольне-киевский,
Как говорил да он дорогим гостям:
— Послушайте-ка, гости вси, да гости кровные,
Как кровные да гости благородные,
Как случилосе у нас несчастьице,
Как напал-то тут да Горынище-Змеинище,
Как утащил-то любимую племянницю.
Как выбирайте-ка вы, братица крестовыи,
Как дам-то я заданице великое,
Как съездить-бы кому да на Пучай-реку,
Как со Змеем Горыничем потягатце,
Как воротить бы тут мне племянницу.
Как все гости за столом тут затихнули,
Как старший-то хоронитце за бладшего,
А бладшего топерико и впору не знать.
Как посмотрел Владимер да стольне-киевский,
Видит, что вси гости напугалисе,
Как старший хоронится за бладшего,
А бладшего топереку впору не знать.
Говорит Владимер князь да стольне-киевский:
— Как есть у мня надёжка великая
Как на Добрынюшку топерику Никитича,
Что съездит-то он да на Пучай-реку,
Со Змеем-то Горынычем потяпаетца.

Как стал-то тут Добрынюшка Никитинец,
Как говорит-то он царю да таковы слова:
— Красно солнышко Владимер стольне-киевской,
Поеду я да на Пучай-реку,
Не покинь ты родитель моей матушки,
Как скоцил-то тут Добрынюшка скурёшенько,
Как скоцил-то тут Добрынюшка не тихошенько,
Как приходил-то он к своей родитель-матушке,
Как сел-то он теперь за дубовый стол,
И сел-то он типерь, закруцинился.
Как подходит-то родитель-матушка,
Как говорит ему да таковы слова:
— Как ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Что же ты топерь закруцинился,
Как что же ты сейчас запечалилса,
Как пришол ты от царя со гостебища,
Как место ли тебе было не по характеру,
Али чарой-то топерь обнесли тебя?
Как говорил-то он своей родимой матушке:
— Как место мне-ка было первое,
Как цяра мне была дана первому,
Как занунека ведь закручинился,
А нунеку ведь запечалился,
Как наложил Владимер стольне-киевский,
Как наложил-то ён службу великую,
Как съездить-то мне-ка на Пучай-реку,
Со Змеем-то Горынычем потяпаться.
Как просил-то он у матери прощеньица,
Как просил-то он сейцяс благословеньица
Как съездить-то ему да на Пучай-реку
Со Змеем-то Горынычем потяпаться.
Как выходил-то тут Добрыня на широкий двор,
Как выводил-то из конюшни добра коня,
Как кладывал-то сидёлышко черкасное,
Подтягивал ремешками шелковыма,
Захватил с собой он палицу во сорок пуд,
И захватил он тут копьё да долгомерное,
Как распростился со своей старой матушкой,
Как видли добра молодца сядуци,
А не видли добра молодца поедуци.
Как вси реки, озера-то его добрый конь перескакивал,
Как вси городовые стены поперемахивал,
Как ставился топерь да на Пучай-реку.
Как вышел-то топерь да он с добра́ коня,
Спустил-то он коня на зелёный луг,
Как скинулся в одны платья тельные,
Как стал-то во рики́ ён купатися.
Как выставало в это время красно солнышко,

Как зашумела теперь рецька быстрая,
Как пошло-то по реки какое хлопанье.
Как видит-то Добрынюшка Никитинец,
Как летит тут змея да семиглавая,
Как летит, крицит-то не своим голосом;
— Как что захоцю, с этым молодцом и сделаю.
А Добрынюшка-то был так швырять гораз,
Как зашвырнул он во струйку во дальную.
И говорит-то она да таковы слова:
— Захоцю, так я тебя и задавлю,
Захоцю, дак и хоботом захлесну.
Как говорил-то тут Добрынюшка Никитинец:
— Как не слыхала ли ты, Змея Горынича,
Как если бог-то не покинет, то свиньям не съесь.
Как наскочила тут змея да семиглавая,
Как стала по воды везди хлопати,
А Добрынюшка скоцил да на свой берег.
Как нацерпал ён во киер песку жолтого,
Как швырнул его в Змею да Горынице,
Как засадил ён песком да глаза змеи,
Как схватил-то потом шашку вострую,
Как отрубил-то у ей три головы.
Как потом-то они да схватилися,
Как бороться-то со змеем, ратитце.
И горазно тут дралися-боролися,
Как проборолися они да вить суточки,
Боролися на вторые суточки,
Как перемогать стала змея долгоглодая,
Долгоглодая змея, четырехглавая.
Как тут Добрынюшка теперику во всё скричал:
— Как ай же ты, мой да богатырьской конь,
Пособи-ко ты побороться мне-ка ратитсе,
Неужели ты не видишь как стараюсе,
А ты-то и видь ходишь на зеленом лугу.
Как бросился тут его да богатырьский конь,
Как стали с ей бороться-ратиться.
Как ослабнула змея четырехглавая.
Схватил-то он теперику шашку острую,
Отсек-то змеи три головы.
Осталася змея да одноглавая,
И тут она Добрынюшки смолиласи:
— Спусти-ко ты, Добрынюшка Никитинец во живости.
Как отвернулся тут Добрынюшка Никитиць
От этого от Змея Горыныча,
Как привязал-то его на веревочку,
Как верёвкой привязал его к стремени.
— Показывай, Змея ты лютая,
Куды-то тут унесена да царская племянница,

Как туда бы нам попасть в ту сторону,
Проехать дорожкой прямоеждею?
Как отправились ёны этим бережком,
По тым ли да ёны по желты́м пескам.
Как подъехали к ейной местности,
Как проехали тропой суточки,
Как приеждяют-то к жилищу к змеиному.
— Ну, рассказывай, Змеище же лютая,
Как где у тя племянница царская?
— Во тых погребах она глубокиих,
За тымя ли за дверямы да за крепкима,
За тымя ли заложкамы тяжолыма.
Как оставил у коня Змея Горыныча
И пошол-то к кладовым да к большинскиим,
А к тым ли погребам да глубокиим.
Как стал-то ён заложки отодви́гивать,
Как стал-то ён закладки вытягивать,
Как откутывал ён двери широкие,
Как тые погреба да зашаталисе,
Как двери-то в руках закачалисе.
Как выходит тут оттуль множество;
Как наношено у Змея у Горынича
Как множество туды-ко-ва попов-дьяков,
И множество великиих начальников,
И множество идёт простонародия,
И идёт-то тут да царская племянница.
И все тут Добрыне в пояс кланялись:
— Спасибо-то, Добрынюшка Никитинец,
Повывел ты нас с погребов глубокиих,
Как выпустил ты нас да на белый свет.
Ну, отправил-то тут всих-то берегом,
А Змея-то Горынича убил и тут сожгал.
— Ну и поезжайте-ко дорожкой прямоеждею,
А я-то поеду, куды знаю.
Как поехал он тропинкою нехорошею,
Как ехал он, Добрыня, целы суточки,
Как и выехал на дорожку на почтовую.
Как гедет Добрынюшка-то почтовоей,
Как едет-то Добрынюшка, посматривать,
Как видит, впереди его проехано,
На коне-то, видит, ехано на богатырскоем.
Как стал-то он коня свого подшевеливать,
Как стал-то он плетью натягивать,
Догнать нать и этого богатыря.
Как ехал-то Добрынюшка скурёшенько,
Как нагнал-то богатыря да чужестранного,
Скрыцял Добрыня тут да во всю голову:
— Как сказывай топерику, какой земли,

Какой же ты земли, да какой орды,
Чьего-же ты отця, да чьей матери?
Как говорит богатырь нунеку:
— Если хоцетце узнать тебе-то топереку,
Дак булатом-то переведаемсе.
Как налетел-то Добрынюшка скурёшенько,
Как разгорелось его серце богатырское,
Как хотел-то еще хлопнуть палицей бога́тыря.
Как рука у его в плечи застояласи,
Как отвернулся тут Добрыня поскурёшенько,
Как повыехал Добрыня в сторонку,
Поразъехался топерь да на палицы
И ударил палицей стародревний дуб;
Как всё тут на куски разлетелоси,
И знае, что силушка по-старому.
Как отправился по-старому к бога́тырю,
И крыцял-то тут Добрыня во всю голову:
— Как сказывай, дружище, ты какой земли,
Какой земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей ты матери?
— Если хочется теби узнать, какой земли,
Так булатом переведаем.
Как разгорелоси сердце бога́тыря,
Как хлыснул Добрынюшка добра́ коня́,
Как занёс-то он палицу во со́рок пуд.
Как в плечи-то тут рука застояласи.
Как скоцил-то тут Добрынюшка с добра́ коня,
Как прибегал Добрынюшка к бога́тырю,
Как ставал Добрыня пред бога́тырем,
Как говорил ему да таково слово:
— Ну сказывай топерику, какой земли,
А сказывай топерику, какой орды,
А сказывай, цьего отца, цьей ты матери?
— Послушай-ко топерику, я что скажу:
Земли-то нахожусь я Ханаанскоей,
А я-та ведь Настасьюшка Микулицьна.
Как подходил-то тут Добрынюшка скурёшенько,
Опускал её с коня тихошенько,
И говорил-то он Настасьюшке Никулицьной:
— Рука у мня в плеци да застояласи,
То убил бы я Настасьюшку Никулицну.
Как стал-то он к Настасьюшке похаживать,
Как стал-то он Настасьюшку подсватывать:
— Поди-ко ты, Настасьюшка Никулицна,
Поди-ко ты да замуж за́ меня.
Как садились да тут-то на Добрынина коня,
Как поехали-то они в одну сторону,
Приехали к Добрыни на широкий двор,

Как заходили в терема ены в высокии,
Как царю они топереку доложилися:
— Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Как приехал-то Добрынюшка Никитинец,
Как привёз-то он невесту из другой земли,
Как хочет-то на ей да женитися,
Приглашает-то да тебя да на почесный пир:
Красно солнышко Владимир стольне-киевский,
Приходи-ко ты ко мни да на почесный пир
Со своей-то дорогой своей Апраксией.
Как тут да у гих почесный пир пошол,
Свадьбой провели да и оконцили.
И вси да на пиру напивалисе,
И вси да на пиру да наедалися,
Как вси да на пиру да порасхвасталисе.
Богатырь-то ведь хвастает богачеством,
А сильной-то ведь хвастает своей силушкой,
Как инный-то хвастат добрым конём,
Да умный-то хвастат отцом-матерью.
Как ставал-то тут топереку князь стольне-киевский,
А ставал с-за стола с-за дубового,
Как говорил-то князь да таково слово:
— Как ай же вы, стольные росейскии богáтыри,
Все вы князья да боярины,
Как есть у мня служба великая,
Как кто бы-то топереку исполнил ю,
Как съездить-то во землю в Ханаańскую,
Получить бы оттуда дани-выходы,
Как получить бы-то топереку за сорок лет.
Ну как такая тут стала тúшина,
Даром что вси были пьяниньки.
Как старший-то хоронится за бладшего,
А и бладшего топереку впору не знать.
Как говорит Владимер князь стольне-киевский:
— Как не пугайтесь-ка вы нунеку,
Как не пугайтесь-ко топереку, пожалуста,
Есь у меня надёжа да великая
Как на Добрынюшка Никитинца.
Как стал Добрынюшка скурёшенько,
Как стал Добрыня на резвы ноженьки,
И говорит-то тут Добрынюшка скурёшенько:
— Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Как дай-ко мни с женой-то познакомиться,
Немного отложите вы да времечки.
— Ну ехать-то сейчас-то нать,
Получить дани-выходы за пятнадцать лет.
— Ну послушай-ко да князь стольне-киевский,
Послушай топереку, что я скажу:

Как уеду я во землю Ханаанскую,
Как не спокинь-ка ты да молодой жены,
Как престарелой-то теперь моей матушки.
Как скоцил-то с-за столов да с-за дубовых,
С-за этих-то да скатертей шелкóвыих,
С-за этих-то да кушаней медовыих,
Как захватил в руки свою да Настасьюшку
И отправился домой во высок теремок.
Как садилися дома тут на лавочку,
Как садилися-то да ён за дубовый стол,
Как сидит-то тут Добрынюшка кручинитсе.
Ну как подходит к ему матушка,
Ну как говорит Добрыни таково слово:
— А ещё что же ты, родное мое дитятко,
А ищё что же за столом сидишь кручиниссе,
А ещё что же за столом сидишь печалиссе?
— А ещё как мни за столом не кручиниться,
А ещё как же за столом теперь не печалиться?
Как положил Владимер князь стольне-киевский
На меня-то службу великую,
Как съездить-то в землю Ханаанскую,
Да получить-то вить дани-выходы за пятнадцать лет.
Как поеждял-то Добрынюшка, наказывал:
— Ай же ты, Настасьюшка Никулицьна,
Уежжаю я во землю Ханаанскую,
Получить-то оттуда дани-выходы,
Как получать-то теперь за пятнадцать лет.
А тебе, моя Настасьюшка, наказываю,
Как меня-то Добрынюшку три года жди,
А не приеду если я через три года.
Тогда-то ты, Настасьюшка, куды хошь поди,
Хошь взамýж-то поди, хошь вдовой живи.
Как видли добра молодца сядучи,
А не видли, в кою сторону поедучи.
Как поехал он во землю Ханаанскую.
Как ещё год-то ждала — не дóждала,
И друго-то ждала — не приехал тут,
Как на третий-то год перевалиласи,
Как стал-то тут Олёшенька подхаживать,
Как стал-то тут Олёшенька подсватывать.
Как приехал-то Олёшенька с широкá поля,
Как говорит Настасьи-то Микулицьной:
— Как послушай-ко, Настасья-то Микулицьна,
Как видел я Добрынюшку Никитиниця,
Как видел я во чистом поли,
Как его белые груди у птиц порасклёваны,
Как сквозь кости травка проросла,
Не дожидай-ко ты Добрынюшки Никитиця.

Как стала тут Настасья Никулицьна подумывать,
А князь Владимер да подсватывать,
Как раздумалась Настасья да Микулицьна:
— Как пойду замуж я теперь за Олёшеньку.
Как согласилась она да наладилась,
Да и чесным-то да пирком и за свадебку.
А в это времецько Добрынюшка домой едет,
Как ехал-то Добрынюшка уж суточки,
Как ехал-то Добрынюшка уж другии,
Расположился на путистой дороженьки,
Топереку добра коня поиспустил,
А сам-то тут Добрынюшка в шатёр пришол.
Как налетела к им птица вещая,
Как стала ёна голосом выважывать:
— Как ай же ты, Добрынюшка Никитинец,
Поежжай-ко ты теперь да со своей земли,
Как ты не знаешь над собой-то и незгодушки,
Как твоя-то Настасья да Никулицна,
Как просваталась за Олёшеньку Поповица,
Как завтра-то у них почесный пир пойдёт.
Как скоцив-то тут Добрынюшка скурёшенько,
Как падал-то ён на добра коня,
Торопился он да на почесный пир.
Ну проехал-то теперь вси суточки,
Как приехал он по познему по вечеру,
Как становился на широкий двор,
Как приобрал коня да во конюшенку.
Никто-то не встретат не торопитсе,
Никого нету и на двори,
Все ворота-ты закрыты крепко-накрепко,
Стоит-то Добрынюшка, колотитце,
Не может он войти да во свой терем.
Немножко дверь да зашаталася,
Хрустальные окольница полопали,
Как выходит оттуль нунь его матушка
И говорит ему да таково слово:
— Как ай же ты, калика перехожая,
Как был бы у меня Добрынюшка Никитинец,
Не дошло бы те смеяться под окошком,
Не дошло бы тут ломиться-хрястатце.
— Как открой-ко ты, родитель моя матушка,
Приехал я, Добрыня, из поездоцьки.
Как приехал-то он тут весь в рибушьях,
— Как не смейся-ка, калика перехожая,
Как вижу у тя таково настроение,
Как не мог-то Добрынюшка Никитинец.
— Ну как что ты, родитель моя матушка,
Не признала своего ты сынушка.

— Как у моего-то было у сынушка
На головы родима валюшечка.
— Как пощупай-ко родитель моя матушка,
На головы-то пощупай эту меточку.
Как подходила его родитель матушка,
Пощупала его да головушку,
Пощупала ёна да и заплакала:
— Ай же рожоно мое дитятко,
Как послушай-ко топереку, что я скажу:
Твоя-то вить Настасьюшка Никулична
Уехала с Олёшенькой венцятця-то.
Ну тут-то Добрыня закруцинилси,
А тут-то Добрыня запецялилси,
Как говорил-то Добрыня таково слово:
— Как ай же ты, родитель моя матушка,
Послушай-ко топереку, что я скажу,
Как дай-ко мне-ка платья скоморошины,
А дай-ко мне гусёлка самоигручи,
Как отправлюся к Олёшеньке на ужину.
Как одевался-то ён поскурёшенько
И отправлялся-то вить он не тихошенько.
Как приходил он топереку на ужину,
А ужина у их там во всю велась.
Как сел-то он к порогу топереку,
Как стал-то тут Добрынюшка выигрывать,
Как во эты ли гусёлки самоигрии.
Как сидит-то тут Добрынюшка, поигрыват,
Голосом Добрынюшка поваживат,
Как жена-то его ждала не дождала,
Как не исполнила-то строку великого,
Как не прошло ещё у их три году,
Настасьюшка Микулицна уж взамуж пошла.
Как заметили такую скоморошину,
Как кто-то сидит там да поигрыват,
Как голосом топереку поваживат.
Увидел Владимир князь да стольне-киевский,
Как играт-то тут кака скоморошина;
— Позовите-ка сюды-ка скоморошину,
Какая тут да явиласи.
Как позвали к столу скоморошину,
Как говорят-то ему да таково слово:
— Послушай-ко да скоро скоморошина,
Как выпей-ко ты цяру зелена вина
От того ли от князя от молодого,
Как поиграшь в гусёлка после ужина.
Как наливали-то да цяру зелена вина,
Как подносили-то Добрынюшке Никитинцю.
Как принимал-то тут Добрыня единой рукой,

Как выпил-то Добрыня на единой здох,
Как говорил-то князю молóдому:
— Послушай-ко, князь со княгиною,
Как дайте мне налить цяру зелена́ вина,
Как поднести-то топереку кому хощю.
Разрешили тут налить зелена́ вина,
Подносить-то кому хощетце.
Как наливал-то тут Добрыня поскурёшенько,
Как положил-то в эту цяру злацён перстень,
И подносил-то ён Настасьюшки Никулицной,
И говорил-то ещё ей таковы слова:
— Послушай-ко топереку разок меня,
Если хошь добра топереку, дак пей до дна,
А не хошь добра, так не пей до дна.
Как подумала Настасья да Микулицна,
Схватила эту цяру единой рукой,
Как выпила она на единый здох.
Как увидла в этой цяры единой перстень,
Как на котором перстни было обручанось
А с этим-ли Добрынюшкой Никитинцем,
Как достала этот перстень из цяры той,
И топереку она да призналася.
Как говорит ли-то она да таково слово:
— Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
Не тот вить муж, который возли меня сидит,
А тот мой муж, который супротив стоит.
Как скоцила тут ёна да с-за стола-то к Добрынюшке Никитицю.
Вси гости зашумели, забуянили,
Не знают это, что тут слуцилоси.
Как отвернуўлся тут Добрынюшка Никитинец,
И говорит Добрыня да таковы слова:
— Красно солнышко, Владимир стольне-киевский,
И спасибо тебе теперь и Апраксии,
Что дождались Добрынюшка Никитинця,
Как дождались его да с поездочки.
Как отвернуўлся тут Добрынюшка Никитинец,
Олёшеньки да ён говорил таково слово:
— Поцему ты наманил моей жонушки,
Что в поле я был порастерзаный,
Сквозь мою-то белу грудь травка повыросла?
Как за эты за маны́ да за великии,
Как схватил-то за кудри за жолтыи
Как этого Олёшеньку Поповиця,
Как стал-то ён его да поваживать,
Как вси столы-то полетели в комнаты.
Куды махнёт, туды улица,
Перевернёт — переулоцек;

— А живи-ко ты да больше не́ мани.
Как захватил-то Настасьюшку Микулицьну,
И ушол в терема ты высокии.
И тут его да серце успокоилось,
Да этым-то и песня-старина закончилась.

35

ПРО ДОБРЫНЮ И МАЛИНОВКУ

Справлялся Добрынюшка скурёшенько,
А обувался Добрыня поскурёшенько,
Умывался Добрыня не тихошенько,
Просил он у матушки прощеньица,
А прощеньица, благословеньица.
Не давала ему матушка прощеньица,
А прощеньица ему, благословеньица:
— А не ходи-тко в улицы Игнатьевски,
А в тыи переулоцьки Малиновы.
Как на другой день вставал он ранёшенько,
Обувался он не тихошенько,
Вымывался Добрынюшка чистёшинько,
Вытирался Добрынюшка сухошенько,
Справлялся во улицы Игнатьевски,
В тыи переулочки Малиновы.
— Дай-ко ты мне, матушка, прощеньице,
Прощеньица, благословеньица,
Сходить-то во улицы в Игнатьевски,
А в тыи переулоцьки Малиновыи.
Ах же ты, родитель моя матушка,
Дашь — пойду и не дашь — пойду.
Отправился в улици Игнатьевски,
Во ты переулоцьки Малиновы,
По улицам шол поскурёшенько,
По панелям бежал не тихошенько,
По синям бежал словно заюшка,
В ступени ставал, что горносталюшка.
И выходила оттуль девушка Малиновка,
Говорила-то ему таковы слова:
— Проходи-ко ты, Добрынюшка, пожалуйста,
Проходи-ко за столы за дубовые,
За тыи ли да за кушанья медовыи.
Как садился за столы за дубовыи,
За тыи ли за кушанья медовыи,
И садиласи девица Малиновка,
И садится да его же и подчиват:
— Пей-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Как пей-ко, Добрынюшка, покрепче нынь зелена́ вина.
Как сидел-то он, пил да кушал всё
И девушку Малиновку слушал всё,

Дородно принапилси, принакушалси.
Говорит ему девушка Малиновка:
— Пей-попей, потом мы с тобой да призабавимся.
Как скоцел тут Добрынюшка Никитинец,
Как на свои-то на ножки на резвыи,
Да отправился ён в свою сторону,
Не на какое забавленье не думал ён.
Как побежал Добрынюшка скурёшенько,
По синецькам шол, будто заюшка,
По ступенькам бежал, что горносталюшко.
А эта девица была хитра:
Выбегала вслед да за Добрынюшкой,
Вырезала его следы со ступенецькам
И убирала эти следы поскурёшенько.
Чтобы обратно Добрынюшка опять пришол.
Как сошол тут Добрыня к своей матери,
Стал тут Добрынюшка по утру ранёшенько,
Одевался скурёшенько,
По панелям шол поскурёшенько,
По сенюшкам шол, будто заюшка,
По ступенькам бежал, что горносталюшка.
Выбегала эта девушка Малиновка,
Как стретала она Добрынюшку Никитинця:
— И проходи-ко ты, Добрынюшка Никитинец,
Садись за столы за дубовыи,
За тыи за кушанья медовыи,
Да попей-ко ты вина виноградныи.
Пьёт Добрыня, опасаетца,
А она ему и подшоптывает:
— Пей не пей, а пить пришлось,
И потом с тобой да призабавимсе
Во моей ли во спальни во тёплоей,
На той ли кроватке на рыбьеей,
Под тым ли одеяльцем соболиныим.
Справился Добрынюшка сейцяс-то с ей
Во тую во спаленку во тёплую,
На тую кроватку на рыбью,
Под тыи одеяльца соболиныи.
Говорит-то она таковы слова:
— Раздевайся, Добрынюшка,
И я с тобой разденуся.
Раздевался Добрынюшка скурёшенько,
Раздевался не тихошенько,
И она тоже вся разделаси.
А Добрынюшка увидел цюдо цюдное,
И Добрынюшка увидел диво дивное
У той ли кровати у рыбноей,
Под тым-ли одеяльцем соболиныим.

Подходит к кроватки и посматривает,
Говорит он девице Малиновки:
— Ложись-ка ты, девица Малиновка,
Ложись-ко ты да впереди меня,
Тут-то оны да закалякали:
— Нет, Добрынюшка, ты ложись.
Некак Добрынюшка не ложится:
— Ты почему не ложисся, девушка Малиновка?
— Ложись, не ложись, Добрынюшка,
А тебе-ко-ва уж легче пришлось.
— Я ведь, девушка Малиновка, часто хожу моицце,
Так не ложусь о стенку.
Как не спросил Добрынюшка Никитинец никаких ейных слов.
Захватил он девицю Малиновку,
Кинул на кроватку на рыбью,
На тое одеяльце соболиное,
А эта кроватка поддельная,
Улетела эта девица Малиновка
Во тыи подполья глубокии.
Как отдёрнул он кроватку рыбьюю,
Как осветил — множество там было попов-дьяков,
И простых мужиков, и несколько попало благородных.
Все Добрыни всё молятце:
— Выпусти, Добрынюшка, на бе́лой свет,
Сидим в подпольи по пять лет,
Едим один овёс, да воду кушаем.
Открыл Добрынюшка ходы-выходы,
Закладки толстынскии и ворота большинскии.
Потянулся народ оттуле-ко
Одва не одва, а вси идут в пояс кланяются:
— Спасибо, Добрынюшка Никитинец,
Выпустил ты нас на белый свет.
И эта девица Малиновка идёт с има́,
И тая ему в ноги кланялась:
— Прости-ко ты, Добрынюшка Никитинец.
— Я-то бы простил, да как народ простит.
А народ говорит, что приконцить нать.
Как схватил он тре́сту за заднюю,
Как выкинул кверху выше церкви той великой;
Тут она об зень тропнула
И в трех местах лопнула.

36
ПРО СТАВРА

Как во славной во Москвы было во матушке
Родился там Ставёр да Негодинович.
Как рос ён там до полного возрасту и лет до пятнадцати,

Как во этой во Москвы да во матушки;
Как зачуял в себе большую силушку,
Как силу-то он зачуял богатырьскую.
Как его да родитель ведь батюшко,
Как находился ён начальником в милиции,
А пригласил-то тут Ставра Негодинова;
Положил-то его тут ведь стражником,
Как ходить по Москвы да по матушке,
Забирать-то хулиганов тут пьяныих.
Как не грешился тут Ставёр да Негодинович,
Не грешился ён топереку со пьяныма.
Как одного-то ён найдёт — в карман кладёт,
Другого-то найдёт — да в другой кладёт,
Как третьего найдёт — всех на плечо сроет,
Снесёт-то он в милицию ко батюшку.
Как сдавал-то он их под росписоцку,
Как этых хулюганов да пьяныих,
Как отправился тут в Москву снова в матушку,
Ходил-то по панелям по широкиим,
Как приходилось натыкаться на партии большинскии,
Захватывал под пазуху по четверу,
Как нёс-то нынеку в милицию,
Как сдавал ён ведь их под расписоцку.
Как тут все Ставра да боялися,
Все-то Ставра да пугалисе,
Как прозвали Ставёр да Негодинович.
Как уносил-то он теперь со площади много пьяныих,
Как стали опасаться тут Ставра да Негодинова
Во той они Москвы во матушки.
Как висть пришла туды топерека до Киева,
Как есть-ко там какой-то Ставёр да Негодинович,
Как ходит-то топереку по городу,
Забирает ён да пьяных хулюганьциков,
По четверу уносит зараз оттуль,
Сдават-то ён в милицию
Ну всех под расписоцку.
Как направляет тут Владимир стольно-киевской,
Направляет да в матушку Москву сейчас
Как свой ли посыл молодецкой,
— Как йдте-то в Москву да матушку,
Как достаньте-ка Ставра да Негодинова,
Доставьте-ко топереку сюды-ко-ва,
А у нас-то видь топереку во Киеву
На это-то время задёрнут почестен пир.
Как отправлялся их посыл молодецкий
Во тую Москву ён во матушку,
Как спрашивал про Ставра да Негодинова:
— Не видали-ли Ставра да Негодинова,

Как бы мне его да сюды позвать,
А Ставра-то бы на пир позвать
К тому ли царю да стольно-киевскому?
Ну как достали тут Ставра Негодинова;
Пришол-то тут Ставёр да Негодинович,
Как крёст-то ён кладёт по-писáному,
Поклон-то ён ведёт да по-учёному,
Как послу-то ён тому низко кланялся:
— Скажи-ко ты топереку откуль пришол?
— Как приехал со города со Киева,
От того ли я царя да стольно-киевска,
Приехал я посыл лихоимскою,
Приехал я приложиться чести-участи,
Как пойдём-ко к царю на почестен пир,
За тыи за столы да за дубовыи.
— Ну ты послушай-ко топереку, что я скажу.
Пойду я нунь прощусь с отцом-матерью,
А изменушки у мня да не будет-то,
Что не ехать к царю да на почестный пир.
Как пришол-то ён теперь к отцу-матери,
И говорит топереку родителям:
— Как мой же ты, родитель батюшко,
Как ты, родитель моя матушка,
Как дайте-ко мне нунеку прощеньицо,
Как дайте-ко благословеньицо
Как уехать со Москвы с этой матушки,
Уехать-то к царю да стольно-киевскому.
Как дал ему отец да прощеньицо,
А мать-то ему да благословеньицо
Как ехать во путистую дороженьку,
Во тот-ли топереку во Киев-град
Ко тому ли да царю да стольно-киевску,
На этот ли топереку почестный пир.
Как не долго ён справлялся не тихошенько,
Выходил топереку на двор потом,
И выводил-то ён коня да из конюшенки,
Накладывал сидёлышко черкаское,
А оттуда была как у его шашка вострая.
Как видли тут добрых молодцов тут сядучи,
А не видли, куды ёны поедучи,
Ну как ведь ехали ёны да во Киев-град,
Становилися к царю да на широкий двор,
Как заходили во палаты во высокие,
Во теи ли во гредини столовые;
Как ещё крест-то он кладёт да по-писáному,
Поклон-то он ведёт да по-учёному,
Как ещё с русськамы богатырями здоровкалси,
Царю-то с княгинею в пояс кланялся.

— Как красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Об чём же ты созвал да с Москвы матушки?
— Послушай-ко, Ставёр да Негодинович,
Садись-ко за столы за дубовые,
За тыи кушанья за медовые.
Как садился за столы за дубовые,
За тыи ли за кушанья медовые,
И тыи ли питья медвяные;
Как вси смотрят на Ставра да Негодинова,
Как у его волоса дыбом выстали,
Глаза-то его да что огни горят,
А руки у его да богатырьские,
И плеча у его были широкии.
Ну как вси-то за столом наедалиси,
Как вси-то за столом да напивалисе,
Как вси-то за столом да порасхвастались.
И порасхвастался Ставёр да Негодинович,
Как работал ён в Москвы в этой матушки,
Как трезвых ён нунь не затрагивал,
А с пьяным ён не здорил тут,
Как уносил же ён их во милицию:
— Сдавал-то ведь я да под расписоцьки,
И не требовал да у отца да скорой помощи,
А срою я на плеча да ещё двух и трёх,
И со моих рук-то богатырскиих не вертелисе.
А сдавал-то ведь я там всё под расписоцьку,
Что во пути они во дороженьки не досажены
У того ли у Ставра да Негодинова.
Ну подходил тут Владимир князь да стольно-киевской,
Как говорил-то ён топерь да вот тихошенько:
— Как послушайте-тко топереку, что я скажу,
Послушайте-ко, братья крестовые,
Как сильные русськие богатыри,
Как есь у меня топеречу служба верная,
А есть-то служба неизменная,
Как кто бы съиздил нунь да исправил тут,
Получил бы ещё дани да выходы
Как со этой ли земли с Ханааньскою,
Получил дани-выходы за двенадцать лет.
Ну затихли за столами за дубовыма,
Затихнули ёны да потихошенько;
Как старшой-то за младшего хоронится,
А младшего-то и за столом незнать.
Ну говорит Владимир князь да стольно-киевской:
— Не пугайтесь-ко вы, руськие богатыри,
Я видь знаю, всё равно вы ведь съиздите,
Получите вы и дани и выходы;
Хоть отправлю я Олёшку Поповича,

Хоть отправлю я Добрынюшку Никитича,
А про Ильюшеньку про Муромца и толковать конец.
Как послушайте-ко, руськие богатыри,
Как есть у меня надёжа-та великая,
Как на руського топереку богатыря,
На того-ли на Ставра да Негодиновича,
Который ён съиздит да туды-ко-ва,
Полуцит дани-выходы за двенадцать лет;
Как у его да глаза, что огни горят,
Волоса на головы да его скорчились.
Как стал Ставёр тут Негодинович,
А говорит царю да таково слово:
— Красно солнышко, Владимер стольно-киевской,
Есть ли у тебя да про меня ведь добрый конь,
А латы кольчуги богатырьские,
Как есть ли у тя палица во сорок пуд?
— Как это всё у меня есть да налажено,
Как это всё у меня есть да приготовлено.
Ну говорит-то тут Ставёр да Негодинович:
— Красно солнышко Владимир да стольно-киевской,
Как не вернусь я тут с путистой дороженьки,
Не покинь-ко ты тогда моей матушки,
И моего-то да родитель-батюшка.
Как выходил-то топереку с-за столика
И тот ли Ставёр да Негодинович:
— Ну как подьте проводите, вы братьица,
Как братьица вы нунеку крестовые,
Как сильные руськие богатыри.
Как стали все да из-за столика,
Ну как пошли ёны сейчас на широкий двор,
Отправить бы Ставра да Негодинова
Как во тую во дорожиньку во дальнюю,
Ко тому ли да царю Ханааньскому
Получить ли дани да пошлины.
Как выходили на дворы на широкие,
Как кто топереку коня ведёт,
А кто тащит латы да кольчуги богатырьские,
А и́нной тащит да ещё палицу во сорок пуд.
Как стал Добрынюшка на ноженьку,
И говорит-то ён царю да таково слово:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как не спускай-ко ты топереку да младова вьюноша,
Того ли да Ставра Негодинова,
Как положит ён головушку во про́пасти,
Не получит ён дани да выходы,
Как не узнато в ём нынечку силушки,
И не узната в ём как натурушка.
Как говорит-то тут Ставёр да Негодинович:

— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как разреши-ко нам во двори тут сборотися
Как с сильныма могучима богáтырьми,
Со этым ли Олёшком Поповичем,
Со этым ли Добрыней Микитичем,
А Ильюшеньку дак я и не помню тут,
Того-то мне топереку не надо же,
А с этыма ещё я потягаюсь,
Буду я бороться с има, ратиться.
Как наперёд-то тут Олёшенька захватыват
Того ли да Ставра Негодинова,
Как захватил-то его да посерёдоцки,
Как притопнул ён топереку сильной ногой,
Как сильной-то ён ногой да богатырьскою;
Волоса у его не стряхнулися,
Нога у его да не поддала.
Как отскочил-то Олёшенька скорёшенько
И говорит ему да таково слово:
— Ну пусть-ко ты, Ставёр, как старший брат,
А я еще нунечу как младший брат.
Как налетает-то тут Добрынюшка Никитинець,
Как схватилисе оны да посерёдоцьке,
Ломали да ёны, сами хрястали,
Как боролися ёны ровно три часа,
Как пали ёны на сыру землю;
Как не сдала ни у того ни у другого тут силушка,
Как не узнали они, кто старший брат,
А который будет ведь младший брат.
Как из земли да ёны выстали,
Схватились они снова боротьсе да ратитьсе,
Как стал-то тут Ставёр крепко-накрепко,
Повёл-то ён топереку Добрынюшку,
Как притопнул ён ногою да богатырьскою
По тым ли по коленам богатырьскиим;
Как розвернул-то ён Добрынюшку скурёшенько,
Как бросил-то на землю будто палоцку.
Как ставал-то тут да скурёшенько,
Как говорил Ставру да не тихошенько:
— Послушай-ко Ставёр да Негодинович,
А пусть-ко ты топереку старший брат,
А я-то ещё буду да младший брат,
Как дам тебе топереку в замужество,
И дам тебе топерь свою сродницу,
Как дорогую ту Катерину Никулицьну.
И на этом тут разошлись да разъехались.
Садился тут Ставёр да Негодинович,
Садился нунь топерь на добра коня;
Как вси крепко тут богатыри прощалисе,

Да все оны Ставру да поклонялисе,
Ну как видли добра молодца сядучи,
А не видли, в кою сторону поедучи.
Как все ль реки, озёра-то
Его добрый конь перескакивал,
Вси городовые ещё стены перемахивал,
Летел то ён повыше лесу темного,
Пониже-то да облака ходячего,
Как становился ён во землю Ханааньскую,
К тому ли да царю Ханааньскому.
Как становился ён топерь да на широкий двор,
Как привязал-то ён топереку добра коня
К тому ли ён да к золоту столбу,
Как к золоту-то он столбу, к серебру кольцу;
Насыпал ён пшеницы белояровой,
Кад достал-то тут коню да ключевой воды.
Как пошол-то во палаты во высокие
К тому ли да к царю Ханааньскому,
Не спрашиват у дверей он придверницьков,
А у ворот-то топерь приворотников.
Как приходит ён во гридню столовую,
Садится за столы за дубовые,
Подносят ему кушанья медовые, пития медвяные,
И говорят-то тут Ставру Негодинову:
— Откуль же ты, посол да Лихоимскиий,
Как расскажи-ка ещё нам ты, пожалуста,
С какой ты земли да с какой орды?
Как чьего-же ты отца, чьей матери?
— Как с земли-то я приехал с Россеюшки,
Урожденец-то я с Москвы с матушки;
Как ты послушай-ко ты, царь Ханааньской,
Как отдай-ко ты мне дани-выходы,
Дани-выходы отдай да за двенадцать лет.
Как говорил-то тут царь да тихошенько:
— Получай-ко ты, Ставёр, да скурёшенько,
Как у нас дани да выходы топерь приготовлены
Про тебя да Ставёр Негодинович,
Как про ту Россию про матушку.
Как наелси, напилси, да накушалси
Как этот ли Ставёр да Негодинович,
Дак вынимает свою книгу большинскую,
Положил на столы да на дубовые:
— А дак это столько есть даней-выходов,
Как даней-выходов топерь за двенадцать лет.
Как подносили ему злато и серебро
На тых ли на подносах хорошиих,
И полагали да туды-ко-ва золота,
Как сыпали они в мешки да большинские,

И сделали хорошие запасы.
Полу́цены Ставром да Негодиновым,
Полу́цены да дани да выходы
У матушки Россиюшки теперь за двенадцать лет.
Как говорит-то тут ведь ему-то царь Ханааньской:
— Поклон-то веди царю стольно-киевському
Как от того-ли царя да Ханааньского,
Как нападёт кака может тут державушка
На нашу-то землю Ханааньскую,
Как дайте-ко нам да защитушку,
Как помощь-то нам да великую
Со той ли со Росиюшки со матушки.
На этом-то они еще сложилисе,
Как ёны сделали записи великие,
Защищать-то Руси земля-то Ханааньская
Как от каких-нибудь хищных да воронов.
Как выходит-то тут Ставёр да Негодинович
Со тых палат со высокиих
На тот ли теперь да на широкий двор;
Как провожал да царь добросовесно,
Как в пояс Ставру ёны кланялись.
Ну как видли добра молодца тут сядучи
А не видли, в кою сторону поедучи.
Как ехал тут Ставёр Негодинович,
Как вси реки, озёра его добрый конь перескакивал,
Как вси городовые стены перемахивал,
Как ставилсе топереку во Киев-град
К тому ли да царю да стольне-киевскому,
А и к той ли царице да к Апраксии,
Как привёз да тут дани и выходы,
Привёз да теперь да за двенадцать лет.
Но полуцил Владимир князь да стольне-киевской
Как с того ли тут царя да Ханааньского,
Как на другой день воздержит тут почесный пир
Не гля ради друзей да бояринов,
А гля ради Ставра да Негодинова.
Как собралисе тут к царю на думу крепкую,
Собралисе все богатыри да все съехались
Ну как на трои, на четверы сутоцки.
Пили у царя, ели, кушали,
Ну как стали немножечко тут пьяненьки,
Как говорит тут Ставёр да Негодинович:
— Послушай-ко, Добрынюшка Никитинец, топереку, что я скажу,
Как ты сулил-то мне тогда при бо́ротьи,
Сулил-то мне тогда Катерину Никуличну.
Ну говорит-то тут Добрынюшка тихошенько:
— Как что было у меня-то сказано,

Дак тое будет у меня исполнено.
Как Катерина эта тут находилася,
Спросили у царя да стольне-киевского:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
И дорогая ты теперь, Опраксеюшка,
Как разрешите-ко нам нунь при собраньици
Как женитьсе тут Ставру да Негодинову
Как за тыма ли за столамы за дубовыма,
Как за твоима еще кушаньямы медовыма.
Ну как дал тут государь им разрешеньицо.
Как тут-то да у их пошол почестный пир,
Как почесной пир у их, большая свадебка,
И этым ёны тут прикончили,
И от женитьбы ёны тут поразъехались.
Как разъехались ёны в разны стороны,
В разны стороны разъехались по своим местам.
Как после три году да не было собраньица,
Как не было у царя столованьица.
Как собрал-то Владимир стольне-киевский,
Как собрал он топереку почесный пир
Как не гля ради друзей бояринов,
А гля ради стола княженецкого;
Как собрал-то всех руськиих богатырей:
Как приезжали-то все теперь на почесный пир,
Гуляли ёны да и кушали,
Как гуляли ёны двои сутоцьки
На том ли на собраньи княженецкоем,
Как у того-ли у царя стольно-киевского,
Как у той-ли царицы Апраксии.
Но как вси-то на пиру наедалисе,
Как вси-то на пиру напивалисе,
Но как все-то на пиру да порасхвастались;
Как сильной-то хвастал своей силушкой,
Богатой-то хвастал да богачеством,
А разумной-то да хвастал отцом, матерью,
А инной-то хвастал там добрым конём.
Как становился тут Ставёр да Негодинович,
Становился ён на резвые на ноженьки,
Как говорил-то ён теперь да таково слово:
— Как красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Попала мне женитьба удачлива,
Молодая-то жена моя здрачлива,
Как она здрачлива насколько разлевкаленная;
Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как ваш да ёна да еще Киев-град,
Моя-то Катеринушка Никулицна,
Как скупит да топереку спродаст его,
Тебя-то да царя со царицею с ума сведёт.

Как это слово тут царю не зглянулосе,
Как говорит-то ён Ставру Негодинову:
— Как не хвастай-ко, безумной, молодой женой,
Молодой Ставёр да Негодинович,
Как отведите его, братья крестовые,
Как отведите-ко во погреба глубокие,
Как за тые за замки да за крепкие,
Как может ли топереку скупить-спродать,
Царя-то со царицею с ума свести.
Ну как недолго они тут думу думали,
Как недолго ёны тут совет советовали,
Как отводили тут Ставра да Негодинова
Во тые в погреба да в глубокие,
За тыи за замки да за крепкие,
И поводят же его да наказыват
Красно-то солнышко Владимир стольно-киевской:
— Как ты послушай-ко, Ставёр да Негодинович,
Пока-то тебя жена отсюль не выкупит,
А я тебя со погребов не выпущу.
И заводили тут Ставра да Негодинова,
Оставили во погребах глубокиих.
Как на другой день да вси ёны разъехались,
Как разъехались ёны по своим местам,
По своим ли да местам, по своим домам,
И Добрынюшка поехал в свое мистицько,
Как захватил-то ён Ставра да его коня,
И отправилсе ён в свою родину.
Как заехал ко бывшей ко сродничке,
Ещё к той ли Катеринушке Никуличной:
— Как получай-ко, Катеринушка Никулична,
Получай-ко ты топереку добра коня,
А на кони дак ведь нет теперь Ставра,
Как того ли Ставра Негодинова;
Как буде хошь добра, дак добывай Ставра,
А не хошь если добра, не видать Ставра,
Не видать тебе Ставра да Негодинова.
Как призадумалась Катеринушка Никулична,
Как семь ночей не спит типерь, всё в окно глядит,
Как дожидает от Ставра какой-ни грамотки.
Ну как потом ёна и пораздумалась,
Но как приходитсе ей снять буйны волосы,
Как одить-то ей одетка мужичия.
Как недолго ёна тут и справляласе,
Как недолго ёна тут собираласе,
Как седлала-ту топереку добра коня,
Как кладывала тут сидёлышко черькаськое,
Как забирала с собой сашку вострую,
Ну как отправлялась топереку во Киев-град,

Как к тому ли царю да к стольно-киевскому.
Как становилась ёна на широкий двор,
Как привязала-то коня к золоту столбу,
К золоту ли столбу, а к серебру кольцу;
Как насыпала пшеницы да белояровой,
Как притащила-то ему да ключевой воды,
Как заходила тут в палаты белокаменны,
К тому ли да царю да стольно-киевскому;
И проходила за столы да за дубовые,
Как за тыи ли за кушанья медовые,
Как подходил Владимир князь да стольно-киевской
Как со своей ли со женой со Апраксией,
И говорит-то ей топереку тихошенько:
— Как ты скажи-ко нунь топереку, пожалуйста,
Ты скажи-ко, ты какой земли,
Ну ты чьего-же ты отца, чьей ты матери?
— Я с земли-то есть ведь есть с Ханаańьскоей,
Как приехал к вам во Киев женитисе
Как на той ли на Забавы Путятицной;
Как скажите-ко мне нунеку, пожалуста,
Как можно буде у вас женитисе,
А есть ли как не можно женитисе,
Вернусь ли я в землю Ханаанськую,
Как заберу войсков ведь множество,
Ну как всё равно во Киеви мы женимсе,
Как возьмём твою-то племянницу,
Как дорогую-то Забаву Путятицну.
Как стал-то тут царь, пораздумалсе:
— Уидь-ко ты на сутоцки куда-нибудь,
Как мы вообче с ей подумаем,
Как со своей-то топереч племянницей,
Как с дорогою-то топереч Путятицной.
Как предложили ей жениха ведь скорого:
— Как если не пойдёшь ты да в замужье,
Как на нашу на Русиюшку войной пойдут,
И наш-то видь Киев тут град возьмут.
Как постояла тут любимая племянница
И говорит царю сейчас таково слово:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как дорогая ты мамаша Апраксия,
Как я на вас-то топереку совсим сложусь,
Как что хотите, дак то со мной тое делайте.
Как призвали сватуха да на другой день,
Как воздёрнули тут тóньцы [1] и гостевища.
Ну как этот-то жених танцует и захватыват под пазуху
Дорогую-то Забаву Путятицну.

[1] Танцы.

Ну как на этот вецор всё кончилось,
Прикрылисе все музыки весёлые,
И прикрылись все вечера хорошие,
Как разошлисе по ночлегам с того мистицька.
Ну приходила молодая Путятицна,
Как говорит-то тут царю да таково слово:
— Красно солнышко, Владимир да стольно-киевской,
Не выдавай-ко за жениха меня за этого,
Как тут есть не мужчина, а женщина,
Как погляди-ко ты завтра по вечеру,
Как на этую мужчину на женщину,
Как ж...-то у ей да крутёшенька,
Походка-то у ей да частёшенька,
Ну есть не мужчина, а женщина.
Красно солнышко Владимер стольно-киевской,
Как одубел тут Владимир стольно-киевской
Как от тых ли теперь приказаньицов:
— Ну давай-ко мы потом да подумаем,
Как узнаем жениха поскурёшенько.
Как положили тут во спальню во тёплую,
Как на тую кроватку на рыбюю,
Как под тое одияльцо соболиное:
— Ну как есть тут теперь да женщина,
Ну как под ж.... и буде яма большинская,
А сголовьицо наздынется высокое.
Как положили да по утру проведали,
А ёна-то дак была очень хитрая,
Как половину-то ёна ночи спала на подушецки,
А на другую половину перевернуласе,
Как ж....-то свалилась на подушеньки,
Плечамы-то да на постелю вдоль.
Не узнал-то тут Владимир стольно-киевской,
А она-то напеват в кажно времяцко:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как тут есть не мужчина, а женщина.
Как говорит Владимир князь да стольно-киевской:
— Как стопите-ко теперь парну баенку,
Как пусть-ко там жених помоется,
Узнаем, есть мужчина, али женщина.
Ну как призвали его тут да скурёшенько:
— Ты поди-ко сейчас во баенку
Из той ли из большой дороженьки.
Ну как недолго ёна тут справляласе,
Недолго-то ёна тут собираласе
Как во этую во парную баенку,
Бежала-то ёна поскурёшенько,
Раздеваласе ёна не тихошенько.
Да немножецько ёна и помыласе,

Как опять-то назад да снарядилася,
Как попадают ей сейчас все на стрету тут:
— Ну ты что же эдак тут поскурёшенько,
Байна ли тебе не по характеру?
— Как ваша байна была мне по характеру,
А я ведь человек дорожный тут,
Как в байну я хожу ведь по-дорожному.
Как не узнать тут, что мужчина, али женщина
Как после этой-то да нунь парной баенки.
Говорит-то тут да нунь таково слово:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как нет ли у тебя еще во Киеви,
Как нет ли зде борьцов хорошиех,
Я люблю с има поборотися.
— Как есть у меня удалыех молодцов,
Ну подьте-ко на двор на широкой мой.
Как выходили на дворы на широкие,
Выкликала тут борьцов добрых молодцов,
Ну как со многима она схватку делала,
Как кидала их как лёгку соломинку;
Но не попало тут Ильюшеньки Муромца,
Как не попало тут Добрынюшки Никитица,
А остальных перекидала, перебросала
На том ли на двори да на царьскоем;
Как не было ей да поединщицка
У того ли царя да стольно-киевска.
Как заходили во палаты во высокие,
Как завели ёны да тóньцы широкие,
Как завели ёны да музыки большинские;
Ну все музыки гудели хорошо ведь тут,
Но это всё тут жениху не по характеру,
Как говорит тут князю-то стольно-киевску:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевской,
Как дай-ко мне-ка музыкантов хорошиих,
Как парней-то мне топерь да весёлыих.
Как я слышал, что у вас естя зде-ко-ва
Как находитсе Ставёр Негодинович,
Как пригласите-ко топерь вы на ужину,
Как на тыи на тоньца веселыи;
Ён будет играть тут в гусёлышка яровыи,
Ён играть-то тут на скрипках хорошенюшко.
Как пришла царю беда неминучая,
— Как не дать Ставра, наб разозлить посла.
Как приказал его повывести со погребов глубокиих
Как на тыи вечера да хорошие;
Как притащили тут Ставра да скурёшенько
Из тыих с погребов да глубокиих,
Ну как дали тут гусёлка яровыи,

Как стал-то ён теперь-то поигрывать,
Как всем-то на пиру да было весело.
Как собиралисе ёны в церьковь божию,
Венцятси с женихом чужостранныим,
Как молодая-то ведь эта Путятицна
Как говорит-то тут царю да таково слово:
— Красно солнышко, Владимер стольно-киевской.
Как есть тут не мужчина, а женщина.
— Ну как это было тут у нас дело сделано,
Как была свадьба ёна вся и окончена,
Идите-ко теперь, повенчаетесь,
Пойдите во землю Ханааньскую,
Как наделю я вас всем множесва,
Как дам я города с пригородкамы,
И дам вам тут села да с присёлкамы.
Как становилась тут невеста к жениху сейчас,
Как становилась под правую руценьку.
Говорил-то теперь жених-то:
— Ты послушай-ко, Ставер да Негодинович, пожалуста,
Как пойдём-ко мы во палату пошопчемси,
Ещё придёшь ли ты к нам на ужину?
Как сошли ёны туды сейчас во комнату.
Как скинула тут платья тыи верхния
Как тая Катеринушка Микулицьна,
Как пошли ёны ко этой то Забавы Путятицьной,
Ну говорит-то тут Ставер да Негодинович:
— Красно солнышко, Владимир стольно-киевский,
Как моя-то да теперь молода жена
Как исполнила задацу великую,
Как вывела со погребов глубокиих
И одва на племянницы дак не жениласи.

37

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Как собрáу-то Владимер стольно-киевский,
Как собрáу-то ён да почесный пир
Не гля рáди князей, гля бояринов,
А гля ради стола княженецкого;
Спустил слухи да по всей земли, —
— Соберайтесь-ко вси купцы да боярины,
Русски могуции богáтыри.
Как отправлялся туды-ко-ва Дюк Степановиць
На это на цярско гостебище первый раз.
Как родитель ему матушка наказыват:
— Как поеждяешь, рожоно мое дитятко,
Как будешь у царя на гостебищи,
Дак своим-то именьем не захвастывай.

Как справлялся тут молодой Дюк Степановиць,
По утру-то ён ставал да ранёшенько,
Умывался ён поскорёшенько,
Утирался ён да сухошенько,
Обувал свои на ноги чоботы,
И выходил на дворы на широкии,
Выводил ён с конюшки добра коня;
Полагал тут сидёлышко черкасное,
Подтягивал он подпруги серебряны.
И видли добра молодца сядуци,
А не видли, в кою сторону поедуци.
Как ставился к царю да на широкий двор,
Становил коня да середи двора,
Вынимал седёлышко черкасное,
Привязал коня к золоту столбу,
К золоту столбу, к серебру кольцю.
Как заходил-то ён во гредню столовую,
Как собралися гости со всих краёв,
Как от сивера, так и от запада;
И садились за столы за дубовыи,
И за тыи за скатерти шелковыи,
И за тыи за питья медвяныи.
И вси за столом наедалися,
И вси на перу напивалисе.
Как подходит тут Владимер стольне-киевской,
Как со своей жоной с Опраксеюшкой,
Как проследил-то ён да по всим столам,
Как пришол-то к Дюку Степанову,
Как видит, ён ест да не по-крещёному:
Верхню короцьку он на стол кладёт,
Нижнюю короцьку под стол гребёт,
А ест-то да одну серединоцьку,
А пивцо пьёт он не понастоящему:
Как сверху с цяры под стол польёт,
С середоцьки маленько пьёт,
А от донышка на стол кладёт.
Как говорил Владимер князь да стольно-киевской:
— Ты скажи-ко, молодой Дюк Степановиць,
Ты скажи-ко, да мне-ко-ва повыясни,
Поцему ты за столамы да плохо ешь?
— Ты послушай-ко, Владимер стольне-киевский,
Ты послушай-ко топереку, что я скажу:
Как у моей-то у родители у матушки,
Как пеци-то были хрустальнии,
Помяльця были шолковыи,
Дак не пахнуло ни на пригарь, ни на хвою хлебныи кушанья.
Ну, как спросил Владимер князь да стольне-киевской:

— А почему же ты да мало пиво пьёшь,
Сверху ты под стол-то льёшь,
А от донышка на стол кладёшь,
А уж пьёшь ты одну серединоцьку?
— Ну, как послушай-ко, Владимер стольне-киевской,
Что я скажу молодой-то Дюк Степановиць,
Как у моей-то у родителя у матушки,
Как были погреба выкопаны глубокии,
Цепи были железныи,
Крюцёцьки были серебрены,
Боцецьки были повешены,
Не пахнуло пиво не на затхаль, не на́ землю.
Как поглядел Владимер князь да стольне-киевской,
И говорил-то им да таково слово:
— Как отведите-ко вы гостя в погреба глубокии
За эты проступки великии,
Как что это приехал да ман такой,
Как векóм такого да не слыхано,
И соберите-ко людей надёжныих,
А сгиздите-ко к егоной матушки,
Обцените-ко да всё имущество.
Как говорит-то тут да Дюк Степановиць,
Как говорит-то ён царю да таково слово́:
— Красно солнышко, Владимер стольне-киевской,
Уж вы хоците ценить мое именьице,
На бумагу надь продать Чернигов-град,
А на цернила столицю стольне-киевску.
Как тут-то дак царь раскру́цинился,
Приказал свести гостя во погреба глубокии
И до тых-то пор, пока не обценят именьиця.
Как отправились туды ценить Илья Муромець
Да Добрынюшка да Никитинець
Да Олёшка-то Поповиць.
Как выходили они да на широкий двор,
Как седлали они да добрых коней,
Кладывали сидёлышка черкасныи,
Да садилисе оны на добрых коней,
И видли до́брых молодцов сядуци,
А уж не видли, в кою сторону поедуци.
Приеждяют к Дюку на широкий двор,
Привязали коней к золотым столбам
Насыпали пшеницы белояровой;
Как пошли они во комнаты высокии,
Как попадают настрецю женщинья.
Ну как спрашиват Ильюшенька Муромець,
Дак где находится Дюкова матушка.
— Это, — грит, — мои самыи нижни служаноцьки.
Идут ёны по комнатам высокиим,

Попадат настрецю гим барышня:
— Расскажите, где Дюкова матушка?
— Это находятся ли старшие кухороцьки,
А Дюкова матушка вперёд будет.
Как во зальях во этых высокиих
Зеркальця поставлены большинскии,
Морьскимы зверьямы стены завешены,
Каменьямы драгоценныма обсажены.
Как проходили тут да ещё вперёд,
Ну как ходит тут да три женщины:
— Ну кто из вас топерь Дюкова матушка?
Назывались эты женщинья:
— Мы находимся ведь кухороцьки,
А вот находится его тут матушка.
На ей платьиця как огонь горят;
Как стала она, со всема гостямы поздоровалась
И всем ёна в пояс поклониласе:
— Мистецько выберай-то по разуму,
Садитесь-ко вы скурёшенько,
Расскажите-ко мне про своего сына,
Про своего сына Дюка Степанова.
Ну, как стау-то Ильюшенька рассказывать:
— Твой вить сынушко за свою выходку,
За свою выходку в погреба пошол,
А мы пришли сюды проверять тебя,
Как что находитце у Дюка Степанова,
Как не спустят тут, пока не провирим мы,
Не провирим мы Дюково именьице.
Как говорит Ильи его матушка:
— Не обценить-то вам моего именьица и в двадцать лет,
Неужели сын-то мой будет сидеть-то столько лет?
Как сказал Илья поскурёшенько:
— Как не выпустят до нас всё равно его.
Сняла матушка и с правой ноги,
И с правой ноги дорогой башмак;
Ну как стали оны да общинивать,
Первой листицек да в башмацки.
Как просидели оны трои сутоцьки,
Как говорит-то Дюкова матушка:
— Как не могли вы общинить башмацик в трои сутоцьки,
Пойдёмте-ко в погреба глубокии,
Покажу вам капиталы великии.
Как сошли оны в подвалы глубокии,
В тыи погреба в дальнии,
Как насыпаны засеки большинскии
Злато у гих да и серебра,
И бесчётной да золотой казны,

Как не перецитать гим в двадцать лет,
А ёны-то отправлены на три месяца.
И подумал Ильюшенька Муромець
И сказал своим да товарищам:
— Ну, братцы крестовыи,
Не обценить нам Дюково именьице.
И садились оны на добрых коней,
Да й уехали ко Киеву,
И ставились к царю на высокий двор,
И приходили во гредни столовыи,
И объясняли царю стольне-киевскому:
— Красно солнышко, Владимер стольне-киевской,
Капиталы у его не обценены,
Выпусти с погребов глубокиих.
Как выпущали тут его с погребов глубокиих и Дюка Степанова
И говорил царь стольне-киевской:
— Извини, Дюк Степановиць,
Что посадил я тебя во пóгреба глубокии.
И тут у их почесный пир пошол,
И вси на пиру наедалисе,
И все на пиру напивалисе,
И все на пиру порасхвастались.
Как расхвастался тут да Чурилушка,
Как расхвастался ён да добрым конём:
— Как у меня ли есь конь, слуга верная,
Слуга верная, неизменная,
Скацю я нунь через Непру-реку.
А пусь-ко скоцит да Дюк Степановиць да на своём кони,
А это есь река да на три версты.
Как ёны сделали рукобитьице,
Дюк Степановиць конём не выхвастал,
А через реку ему скоцить хоцетце.
Как выходили-то ёны из-за столика
Все тыи гости да на широкий двор
Как глядить хвастуна да Чурилушку,
Да и поглядить Дюка Степанова,
Как перескоцят ёны через Непру-реку.
Как было у гих-то да сказано,
Что Цюрилушки скоцить попереди,
А Дюку скоцить да и пóзади.
Приотпятились версту мерную,
Разогнать гим да добрых коней,
Чтобы скоцить из берега на берег через Непру-реку.
Ну как разъезжаўся Цюрилушка Щаплёнковиць,
Как скоцил-то его да ещё добрый конь,
Да до берега ён да й не доскоцил;

Как махнул-то Дюк Степановиць,
Дак тот на другой берег повыскоцил.
Ну как гости рукамы захлопали,
Что наш остаўся хвастун на рики этой.
Как отъехал тут Дюк Степановиць,
Как напрядил своего да добра коня,
Тугой плетью ён его наказывал.
Как махнуў ён через Непру-реку.
Как махнуў его да ещё доброй конь,
Ещё сам-то Дюк да повыскоцил,
Да Цюрулишку с конём-то повытащиў.
Как становилисе к царю да на широкий двор,
Заходили во палаты во новыи,
Как садились за столы за дубовыи,
Как за тыи за кушанья медовыи,
Как сидят ёны, улыбаются,
Круг Чурилушки подсмехаются.
Как подумал Чурилушка Щаплёнкович:
Как на ём платьице все худёшенько,
Как на этом Дюку на Степанову.
Говорит Чурилушка Щаплёнкович:
— Как послушай-ко ты нуньку пожалуйста,
Молодой ты Дюк да Степанович,
Как сошьём-ко мы да новы платьиця,
Как сойдём-то мы да во божью церковь,
Как сойдём туды мы ко всеноцьной,
Ну кто сготовит тут дак получше всех.
Как записалисе платье сшить ёны,
И притти гим да в церкву божию,
Перефорсовати друг друга платьямы,
Дак за Чурилушку стоят всим городом,
А за Дюка нет и поручателей.
И разъехались с того гостебища,
Стали платья шить ёны форсоватыи.
Ну собералися ко заутренной ёны во божью церковь,
Как пришол наперёд да Чурилушка
А принёс костюмцик невиданной;
Как приходит тут да Дюк Степановиць,
Как на ём платья нехорошии;
Как все в церкви рукамы захлопали,
Перефорсовал Чурилушка Щаплёнковиць,
Как раздевается да Дюк Степановиць,
Скидывает ён одежду верхнюю,
Будто вдруг в церквы загорелося,
Пошло по церкви сияние,
И тут уж снова пришлося хлопаться.
Перефорсовал да Дюк Степановиць.

38

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Как в старину да было, в старо времяцько,
Как собералоси сорок калик со каликою,
Как кладывали оны заповедь великую,
И ходили во Киев-град оны богу молитися.
И кладывали ёны заповедь великую,
Кто обкрадется во путистой во дороженьки,
А инной-то да если обворуетця,
Ну как ломать-то тому руцьки по локóтоцькам,
А ножки-то отрубать по коленоцькам,
Засаживать да в погреба глубокии,
Засаживать да и клиньямы дубовыма.
Ну на этом калики и сложилися
И пошли во путистыи дороженьки,
И шли оны недельку и другую,
И шли оны и третью, четвёртую,
И прошли ёны туды боле месяца.
Приходят-то топереку ко Киеву
Ну а эти сорок-то калик да со каликою,
Как идут ёны по городу спотыкаютце,
А к царю-то на обед пробираютце;
Как пришли к царю да на широкий двор,
Пришли ёны да и рассказалися:
— Нельзя ли пообедать нам, грешникам?
На ту пору, на то время царя не было,
И спустила их царица стольне-киевска:
— Но как садитесь за столы за дубовыи,
За тыи ли за кушанья медовыи,
За тыи ли за питья медвяныи,
Как ешьте-ка нынь, дороги гости.
А сама на калик всё поглядыват,
Приглянулась калика перехожая,
Ну как стала царица тут расхаживать,
И стала тут калику уговаривать:
— И пойдём-ка ты во комнату особую,
И послушай-ко, калики, что я вам скажу:
Ноцюйте, калики перехожии,
А ты-то пойдём во спальню во тёплую.
Ну, испугался тут калика перехожая,
Как говорит калика таково слово:
— Как нельзя-ли, царица стольне-киевска,
Как не у нас-то вить кладена заповедь великая,
Как на этой на путистой на дороженьки,
Кто обкрадется или если обворуетце,
Тому руцьки ломать по локóтоцькам,

А ножки отсекать по коленоцькам,
Ну как копать-то яму до пояса,
Садить да и клиньямы заклинивать.
Страшно стало царицы стольне-киевской,
Как звала любовника не вызвала,
Как отвернуласи ёна да поскурёшенько,
Отвернуласи ёна да к своим слугам,
И говорит-то ёна да своим слугам:
— Послушайте-ко, слуги мои верныи,
С которым я каликой-то шепталаси,
Так задуйте вы к котомку цяшу царьскую,
И задуйте, чтобы нуньку и ён не знал,
И завяжите-ко котомоцьку по-старому.
Ну как подумала цариця, так и сделала:
Задули-то ему да цяшу царьскую,
Как завязали тут по-старому котомоцьку.
Как ставали-то калики перехожии,
Ставали по утрышку оны ранёшенько,
Как умывалися оны да белёшенько,
Утиралися ёны да сухошенько,
Ну как царицы вси в пояс кланялись:
— Прощай-ка ты, царица, дорога́ наша.
Ну, выходили-то ёны да только с города,
Вслед наехала сугона большиньская:
— Ну как постойте-ка, калики перехожии,
Как вы обкрались у царя, обворовалисе,
Ну как украли у царя золотую цяшецьку.
Ну надиялись калики перехожии,
Надиялись на заповедь великую,
Отправили послов их без всего.
Как отошли-то ещё да с вёрсту мерную,
Как наскоцило казаков множество,
Как окружили казаки кругом калик:
— Снимайте-ко вы да с себя сумоцьки,
Как мы осмотрим ты ваши котомоцьки,
Как нет ли у вас да цяши царьскоей.
Ну как сняли ёны тут все сумоцьки,
Обыскали топереку котомоцьки,
Как нашли-то у одного цяшу царьскую.
Как недолго оны с этым расправлялися,
Ломали ему руцьки по локо́тоцькам,
А ножки отсекли по коленоцькам,
Копали ему яму до пояса,
Сажали его в яму во глубокую,
Заклинивали клиньямы дубовыма,
И тут с каликой-то со этой распростилисе,
А самы-то и дорожкой укатилисе.
Ну после этыих-то калик старопрежниих,

Налетела да к ему тацька[1] вещая,
Как говорит тут целовецьим голосом:
— Послушай-ка, калика перехожая,
Как с утра буде по раннему утрышку
Нападёт тут роса да большинская,
А как потри-ка своима окомелкамы,
Так тут явятца у тебя сильны руценьки,
Потом раздёргай-ко ты клинья дубовыи,
Качай-ко ты ногами по росы вези,
И будет у тебя и сильные ноженьки,
И справисся по путистой по дороженьки.
Ни верилось калики перехожии,
А думал да сидел передумывал,
Как сидел всю тёмную ноценьку,
Показалась эта ноценька за три́ году.
Как по утру как поставало красно солнышко,
Как поставала тут больша роса,
И давай-ко потерать да окомелкамы,
И приросли у него у локоток руценьки;
Как повыдергал он клинья дубовыи,
Как вышел ён с глубокого погреба,
Как стал-то ён по зени кататися,
По этой ли росы да по приказаной,
Как от колена у его да стали ноженьки.
Справился калика на дорожку на почтовую,
Как пошол-то ён дорожкой прямоеждею,
А не той ли дорожкой почтовоей,
Пришол к монастырю поскурёшенько,
А калики пришли вси через сутоцьки.
И стоят ёны, калики перехожии,
Как стоят в монастыри, улыбаютце:
— Как откуль же явился к нам почтенный брат,
Да это наш-то калика перехожая.
Ну как пришли ёны поближе, поздоровалисе:
— Ну, скажи-ко топереку ты как попал,
И отцего же у тебя тут поздоровело?
Тем и концилась.

39

БОГАТ-ХОРОШ

Как было у молодця животов,
Как было у его дружков-приятелей,
Его-то на пир приглашали,
Его-то на балы зазывали-то.

---

[1] Пташка.

Как не стало-то у молодця животця,
Не стало у его дружков-приятелей,
Его на пиры не зазывали тут,
Его на пиры не приглашают ведь.
Живи-ко ты с нищими наровни,
Вози-ко ты брёвна ведь на горби.

40

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ[1]

Как собрал-то Владимир стольно-киевский
Как собрал-то ён да почестный пир.
Как вси тут на пиру наедалисе,
Как вси на пиру напивалиси
И все на пиру да порасхвастались.
Как прибежала к им как лошадь незнакомая,
Прибежала с чистого полюшка.
Как видят-то, приехал целовек такой,
Целовек такой да незнакоменькой.
Как царю письмо поскурёшенько,
А поворот держал да не потихошенько.
Как прочитал-то тут князь стольно-киевский,
Как процитал письмо поскурёшенько,
А в письми-то тут да было показано,
Что идёт на Киев-град много воинов,
Как велят-то побольше вина курить,
А уличи по городу распахивать.
Как тут пришла царю да вить вестоцка нерадостна,
Как одолили их поганые идолища.
Как говорит-то ён да таково слово:
— Послушайте-ко, русськие богатыри,
Как есть да у меня надёжа крепкая
На вашу топерику на силушку,
Как послушайте, читать буду письмо топерь.
Процитал-то ён писёмышко скорёшенько,
Как процитал, да ёны все и поняли
И говорят царю да таково слово:
— Пойдем мы защищать мать-Россиюшку,
Будем-то стоять мы за Киев-град.
Как выходили из-за столов поскурёшенько,
Как брали ёны палицы булатные,
Ну захватили тут шатры ёны белые,
Седлали-то ёны да добрых коней,
Как выехали тут на чисто поле,

---

[1] Данный и последующий тексты записаны в 1940 г. после того как сборник был сдан в набор.

Как чтобы стритить-то поганых идолищов,
А говорят-то им да таково слово:
— А снедь-то привезём мы, всю провизию.
Как глядят-то ёны в ту сторонушку,
Глядят-то теперь в биноклии.
Летит да теперь да много воинов,
Как серому-то заяцу во сутоцки не обежать;
Как от вздоху теперь от лошадиного
Не видать-то было красного солнышка.
Ну говорит-то тут Илья таково слово:
— Садитесь-ко, робята, на добрых коней,
Как махнём-ка теперику как в бой сейчас.
Как ёны бились в бою да старалися,
Не знали никакого ёны отдыху трои суточки.
Как прибили, приколотили всё поганое,
Как поганое тое-то идолище.
Как вернулися теперику к белым шатрам;
Как тут-ко у шатров было всего там:
Как было тут у их тут яденьице,
Как было тут у их питеньице.
Ёны да тут да напивалисе,
Ёны ещё да тут и наедалисе.
Как выходил-то тут Щурилушка Щаплёнкович
Со тых тых-то со шатров да со белыих,
Как выходит да по улицам поскакиват,
Немножечко ён да замахиват,
Как говорит-то теперь да таково слово:
— Послушай-ко ты, Ильюшенька да Муромец,
А Муромец да сын да Иванович,
Как прибили мы войска да и множество
Как было бы неведомая силушка,
Как нам бы хоть теперь да воинов —
Разбили бы мы да эту силушку!
Как осмеялся тут Ильюшенька Муромец,
Как рассмеялся ён и повыглянул на поле,
Как говорит тут Ильюшенька таковы слова:
— Послушай-ко теперику, Щурилушка,
Гляди-ко теперь на чисто поле,
Как со чиста поля идёт два татарина,
Прихлопни, опусти да шатров белыих.
Как подходил-то ён теперь да к татаринам,
А палица-то была у его нунеку в сорок пуд,
Как говорил-то им да таково слово:
— Цего вы идете да пихаитесь?
Цего вы теперику да здесь мотаетесь?
Чего вы на смерть нарываетесь?
Как не ходите-ко к шатрам нашим белыим.
Ну эты нунеку да люди не думают,

Как всё равно идут да к белы́м шатрам.
Как разозлился тут Щурилушка Щаплёнкович,
Как хлопнул да теперь одного палицей,
Как щелкнет одного — их ещё два стоит.
Как стал-то тут Чурилушка пощелкивать,
Нащелкал, да нарождалось войска множества.
Как щелкает Щурилушка опять.
Как видит Илья войска множество.
Как скоцил-то тут Ильюшенька на ноги,
Скоцили-то вси русские бога́тыри,
Как стали ёны биться да ратиться
На том ли да на поле на широкоем.
Как если щелкнут одного, — с его два станет,
А убить-то не могут никого тут
Как побежали то ёны теперь к шатрам.
Который побежал да поглянул назад сейчас,
Как объявился ён большим- то камнем.
Как не успели добежать да до белых шатров,
А там-то да вить все остались в полюшке,
И овернулисе ёны вси-то каменем,
Остался-то Илья да один Муромец,
Остался-то Илья да единёшенек.
Как страм итти ему да во Киев-град,
Что не могли да победить ницего ёны:
Как стал-то да Илья да тихошенько,
Стал-то ён да пораздумался:
— А мне-ко на войны смерть не писана,
Ну постыдно от царя мне теперику,
Не пойду я нунь теперику да во Киев-град,
А пойду я еще к брату Горыничу,
Который по горам да похаживает.
Как отправился он к брату Горыничу,
Как которого-то было по горам вечно хожено.
Как пришол-то ён на горы высокие,
Как нашол-то Святогора да великого:
— Как здравствуй ты, братец да ро́дной мой.
Как ро́дный ты мой братец, однокровный мой,
Пригласи-ко ты меня да пожалуйста,
Убежал я от войны да от русскою,
Убежал я от царя стольно-киевского,
А други братьица у меня вси погинули.
Как сказал-то Святогор тот теперь ему:
— Ну как желашь ты, да Ильюшенька, да пойдём с тобой,
Да будем по горам мы похаживать,
Как будем по лесам мы посматривать.
И так ходили-то ёны сутоцки,
Ходили то ёны ещё дру́гие

Ходили то ёны да ещё́ третии,
Как заходили во леса да во дремучие,
Во тыи ли тропиноцки во узкие,
Как осматривали ёны вси мистецки тут.
Как пошли назад дороженькой путистою,
Как на дороженьке да попался большинский гроб,
Как во этом-то гробу ницего не было.
Уже как ёны стали топерь да одумались,
Как говорят ёны да таково слово,
Как говорит Горынич скорёшенько:
— Хожу я этим мистицкам да тридцать лет,
И не видал-то я ведь гробу никогда-то здесь,
А нуньку что зде-ка явилосе;
Помúрий-ко, Илья да Илья Муромец,
Которому-то гроб нам топерь-ку тут.
Как разувался тут Ильюшенька скорёшенько,
Раздевался ён не тихошенько,
Как в гроб валился да ён поскорёшенько.
Как ещё этот да гроб большой, широкóй —
Не годится тут Ильюшеньке да Муромцу.
— Как ну-ко ты да ляг, Горыниц-брат.
Ну уже как лег топерику Горыниц-брат,
Как крышечка топерику нагознула,
Скоцили как на ю железны обручи.
Как говорит-то тут топерику Горынич:
— Ай же ты, Ильюшенька Муромец,
Как возьми-ко ты мою могучу паличу,
А дуй-ко ты по гробу по этому.
Как схватил-то да Илья его паличу,
Как дул-то ён по гробу самосильно тут.
Как ударит-то — и обруч новый скочит тут,
Наскакало обруцов до двадцати пяти.
И кинул тут Ильюшенька паличу
И говорит ему да таковы слова:
— Как не бывать тебе живому ещё, братцу родимому.
Как говорит-то Святогор да таково слово:
— Как послушай-ко ты, братец крестовый мой,
Сходи-ко ты топерику к отцу да в дерéвенку,
А у меня-то есть отец во деревне там,
Только ён сидит топерь да виду не было.[1]
Ну как придёшь да ещё с ним не здоровкайся,
Не подай-ко ты ему да руцки белоей:
Как сила у его нуньку большинская,
То ён захватит, так и лопнут вси костоцки,
А подай-ко ты ему да лучше палицу,
Пусть он да старик ещё жмёт ею.

[1] Слепой, не видит.

Ну по рассказанну, как по расписанну,
Сошол-то ён в деревню в такую,
Узнал-то, гди живёт его батюшка,
Пришол-то да теперь поздоровался,
Как вместо руки-то ён подал паличу,
Поприжал-то старик да теперь слепой,
Как руцка ещё в палице согнуласе.
Ну назывался да ему да всё сынушкой,
Как этому теперику слепцу его.
Как на походе-то потом да порассказал:
— Это ещё есть я не сынушка,
А сын-то ещё твой на горах теперь,
На горах теперь да уже убрался в гроб.
Ну как давался тут слепец во всю силушку,
— Узнал я нунь теперь, да кто ты есть,
Возьми-ко ты, Илья да Муромец.
— Ну не возьму-ко я на гору туда тебя,
Поеду-то я на гору на высокую,
Проведаю про братца, а что с им-то есть.
Как приходил-то ён на гору на высокую
Как чéрез-то теперь трое сутоцек,
Как приходит ён ко гробу ко тому-то тут,
Как видит-то да гроб его на месте тут,
А из гроба-то оттулека, из гроба текёт пена,
Пена ли текёт да самосильная.
Как распростился ён с братцем с крестовыим.
С крестовыим, со братцем христовыим.
Как сел-то тут Илья да пораздумался,
— Куда-ко мне трогнуться в кую сторону.
Давай пойду опять я во Киев град,
Расскажу-ко што ещё случилосе.
И как отправился теперику во Киев-град.
Как шол ён дорожкой прямохожею,
Как нашол-то человека ён товарища:
На той ли на пути да на дороженьке
Идёт-то старицёк да мотается,
Вперёд-то старицок подавается.
Нагнал-то тут Ильюшенька Муромец.
Как сошлись ёны да вместе, поздоровались,
Как шли тогда дороженькой путистою,
Как тянулись ёны да прямо к Киеву.
Как в тое время, да в тую порушку
Как будто ударил самосильный гром,
Ну как сыграла против их прямо радуга.
Вылетали тут да кони летучие,
Как с большими-то теперика повозками.
Крицат-то да Ильи да таково слово:
— Садись-ко ты Илья, Илья Муромец,

Садись-ко на кареты на этыи,
Как идь-ко отправляйся этой радугой.
Ну как кверху тут Илья подымается,
А этот старицёк да след давается,
— Возьми-ко ты, возьми меня, пожалуйсто,
На тыи на кареты на огненны.
Как кинул ему платья да великия,
Как кинул с высоты да оттулеку
И говорит ён старику во всю голову:
— Не войдёшь ты топерику сюдыкова,
Оставайся на земле, Моисей-то, ты,
Веди-ко на земли да и жизнь свою...
Тыим-то былина эта кончилась.

(Правда или неправда — не знаю, а уехал на небо живым, поди знай.)

41

РАХКОЙ РАГНОЗЕРСКИЙ

Как явился человек незнакомый,
Как явился в волость Водлозерскую,
Как в деревню да Рагнозерскую.
Как приходил то ён да вдвоём с женой,
Как жил-то ён лет до пятнадцати,
Как его имячко было Рахкулем,
А фамилии не сказывал.
Как узнал его в Москве каменной
Как Владимир-ат царь стольно-киевский,
Как вызывал его на лицо к себе,
Как послал к ему да подводушку
Как приезжала к ему тройка бурзая[1]:
— Как ты пойдем-ко в Москву каменну,
Как вызывает тебя царь стольно-киевский.
Как объяснился ён да извозчикам:
— Как поезжайте-ко вы да на добрых конях,
Как прикочуся я да на своих лыжáх;
Как мни визди дорожки знакомые
И пути я да прямы возьму.
Так отправились тут извошички.
И через сутоцьки Рахка справился,
И через двое ён явился в Москву каменну
Как впереди-то ён да извошиков.
Как доложил царю да таково слово:
— Что я явился к вам такой-то есть,
Как вызывали вы меня письменно,
А послали мне коней быстрыих,

[1] Борзая.

Как не ехал я на лошадях сюды,
А пришол сюды на лыжáх своих.
Как извошики тут приехали
Через двое после ёны сутоцьки.
Как собрал царь туды-ко да собраньице.
— Как что мы сделаем да над Рахкоем?
Как посадим-то его в тюрьму крепкую
И не дадим-то ему сутоцек семь исть,
Кроме воды никакого питания.
И посадили ёны в тюрьму крепкую
И не давали ёны да питания.
Ну как в кажиный день приносили хлеб,
Как давали ему в руки сильные,
Ну через час говорят таково слово:
— Ты отдай-ко нам паёцек свой,
Оставайся-ко ты сам ведь голодом.
Ну ён топерику не сердитый был,
Отдавал паёк руцьками белыма
И говорил то ён: — Унесите его...
И так семь-то суток он томился там,
Кроме воды ничего не кушивал.
Как выпущал его царь с тюрьмы крепкою
И накармливал его прямо дóсыти.
Ну признали тут его очень благиим.
Что отдавал паёк да без гордости.
Ну как топерику-то царь стал спрашивать:
— Ну, скажи-ко ты да пожалуйста,
Награжу тебя золотой казной,
И што тебе да и захочется.
Как говорил-то ён таково слово:
— Как ваше царское величество,
Ничего мне не надо вашего,
А прошу у вас разрешеньица,
От вашей руки запрешеньица,
Штобы три году не ловили бы рыбки мелкою,
Добывали бы рыбку крупную.
И как спросил, так сделали:
Сторожов клали и десятников,
Воспретили ловить рыбку мелкую;
Проклинали его всё населеньицо.
Как за этих да за три года
Как приходило сорок разбойников,
Как подходили разбойники в деревню жить
И отбирали вопросы тихошенько.
Как повыедет в рыбну ловлю Рахта тот,
Как в это времячко входил воевода на беседушку
Как к его ли да к молодой жены,
Говорил-то ей таково слово:

— Как скажи-тко ты, да, пожалуйсто,
Как когда у его силушка мешается?
Как говорила жонка таковы слова:
— Как если мне сказать, так надо смерть принять,
А не сказать то мне, дак не узнаете.
Как его-то силушка теряется,
Как ещо делается ён да бессильныим,
Когда спать с женой ён ло́жится,
Тогда сила у ево вся теряется;
И бежит ён в озеро да купается,
Тогда силушка его вся по-старому,
Его бодрость вся крепко-накрепко.
Не провали, воевода, ты топерь меня,
Как спустите меня во живых топерь.
(Ен как пришол да и пригрозил, видно ей хоть так — смерть, и так — смерть)
Каравульте-то его тёмным ноченькам,
Как когда пойдёт на озёрышко —
Ну, имайте тут поскурёшенько,
Не допущайте его да до купания.
И каравулили его ночей несколько
И укаравулили его тёмной ноченькой.
Когда шол-то ён к тому озеру,
Как шол-то ён поскурёшенько,
Поймали его быстрёшенько,
Потому что ён да не сильный был:
Не допустили его да до озера,
Скрутили его ручки за спину
И связали ему ноги в куриный шаг,
И привели его в свой высокий дом,
И все над ним да надсмехалися
С утра самого да еще челый день.
Как приходила тут тёмная ноченька,
Как привязали его к пецному столбику
Да уходили в байну к ноци все.
Как оставаласе да воевода тут
И заходила в спальню с его женой.
А дети его было сын и доць,
Как сын-то был да пяти годов
А доць была да семи годов.
Из фатеры все выходили тут,
Одны детоцки оставлялися,
Как улеглися спать они по́ зени,
Разлеглися оны тут и сын и доць,
А ихна мать спит теперь во спаленке,
Да она спит теперь да обнимается,
Над своей головушкой да не начается
Вот уснули вси и в деревнях тут,

И уснула тут мать детиная.
Стал будить тут Рахкуль-свет своих детушек:
— Как вставай-ко ты, дорогая доць...
Ну как выстала доць евонная,
И говорит-то ён таково слово:
— Как послушай-ко, доць, возьми палоцку,
Ты повытолкни с воронца с того,
Как повытолкни ножик вострою.
Как говорит ёна своему родному батюшку
— Ты родитель мой, сударь батюшка,
Я боюся дать себе ножика:
Как убьёт меня новый батюшка.
Как говорит-то тут да таково слово:
— Как разбуди-ко ты нынчу сынушка.
Как разбудила доць его сынушка.
Как сказал-то ён: — Ах, дитя мое,
Ах, дитя мое, ты нещастное,
Ты возьми у пецки пекло или палоцку,
Как повытолкни ножик вострою
Как с того воронча да с широкого.
Как доць его брату поперецила,
Што убьёт-то нас новый батюшка,
Не спросил-то сын ничего тут,
Как схватил пекло да ён хлебное,
Как щорыхнул ножик с воронца того,
С воронча того да высокого.
Говорит тут Рахкуль таково слово:
— Как поди-ко, сын, поскурёшенько
Сюды-ка да с ножиком.
Как пришол оттуль с вострым ножиком,
Показал ён тут носом на руки
Своему-то сыну родному
И говорит то ён: — Ты руби-ко тут,
Руби-ко ты да поскурёшенько.
Как рубил-то ён да тихошенько
Да перерубил бичовоцки новые.
Как размахнул ён рукамы богатырскимы,
Как схватил ножище вострое,
Как в ногах пересек сам бичевоцки.
Как бросился ён прямо в озеро,
Прямо в озеро да купаться тут,
Как выходил с воды да поскурёшенько
И стал ён да и подумывать,
— Как завести бы мне, что бы нужно.
Как подошол-то ён к байны деревеньскою,
Как поприжал ю в уголоцек тут —
И ета байна вся взяла да рухнула
И убила там тридцать девять разбойников.

Сам явился в свой высокий дом,
Привязался к столбам сам тихошенько,
А детоцки по зеньки уснули вси
(Обое, значит).
Вот как ноць прошла, он стоит-то тут.
Как выходит жена да ухмылыват:
— Ты привязан тут, добрый молодец...
Как выходит оттуль с воеводою,
И воевода-то его стал спрашивать:
— Скажи-ко ты, Рахкуль сильные,
Это што тебе в ночесь во снях виделось,
Ещё што тебе да казалосе?
— Мне казалось вить множество,
Воевода ты да разбойницка,
Будто я в ноцесь да в лесу-то был,
Ставил пасти птиции,
Как охвота заловить птицы дикие.
Как попало мне птицы множество:
Глухарей попало тридцать девять штук,
А один улетел самый больший,
Которого зовут воеводою,
Да и тот попадёт мне-кова.
Говорит воевода таково слово:
— Ты рассказ сказал про нашу братию,
Не видать тебе нас ведь соколов,
Не поймать тебе воеводы да с твоей женой.
Стоит да он и подраживат,
А не глядит, что руцки его освобожоные
У самого маленько припутаны.
И жена стоит усмехается.
Как развернул ён руки сильные,
Как полетели проць вси веревоцки,
Как от ног полетели бичёвоцки,
Как захватил ён воеводу за ноги,
Как хлопнул ён у белой пол, —
И тут ему и славы поют.
Захватил жену свою да за ногу,
Да ступил ей на другу
Да взял ю ро́зорвал.
Схватил доць свою прямо за ногу
И хлопнул ю да о белой пол.
Разбудил сынка да любимого
Да положил в кошель в большинскую
И ён клал его да за плецами.
И видли как пошол из деревни ён —
И не знают, куда ушол,
Этого уж и слыху нет.

НИКИФОР ВАСИЛЬЕВИЧ КИГАЧЕВ

Автобиография

Родился в 1896 году. Отец был бедняк, с малых лет батрачил и своего дома не имел. Когда ему двадцать семь лет было, задумал «замуж выйти», так как своего дома не было, то женился в приёмыши. Но ему не хотелось на чужих людей работать, он от них отклонился, его выгнали вместе с моей матерью. Мать с двадцати пяти лет пошла просить. И так он всю жизнь не имел ни скота, ни лошади, ни коровы. Только было хозяйство: собака, кошка да ружье. В 1905 году отец от нечаянного выстрела на охоте умер. Я остался восьми лет и еще детей было. В школе учился три зимы на иждивении соседей. Пойдёшь в школу, кусочек выпросишь, с ним и идёшь. Семь лет был я в пастухах, семь зим в батраках. В 1915 году был взят в германскую войну. В 1916 г. был ранен и отпущен на поправку на три месяца. Через три месяца совсем отпустили, т. к. негоден стал. В начале семнадцатого года поженился и стал заводить свое хозяйство вместе с братом. Мы жили с ним заодно: один в пастухах, другой на домашней работе. Так мы и обзавелись своим хозяйством.

Настала гражданская война, брат пошол добровольцем в Красную Армию. Я тоже был мобилизован в Ленинград, но вернулся после врачебной комиссии. Дома уже земля запустошилась, но все-таки землю я разделал и принялся снова работать. Полюбил рыбную ловлю, от которой мне был большой доход. По инвалидности на фронт меня не брали, а наша деревня была между фронтами. Приходилось скрываться от белых, потому что у них мои соседи были, которые знали, что брат мой у красных.

Ну потом как кончилось всё, жил, рыбачил. У меня шесть детей, седьмого жду. Один сын в Красной Армии, второй сын

Никифор Васильевич Кигачев

в трактористах. В колхоз я вступил только в 1937 году, потому что колхоз был не рыболовецкий, а я рыбак. Сейчас колхоз тоже не рыболовецкий, но я с ним договор заключил, снабжаю весь колхоз рыбой.

Старых былин я знаю тридцать шесть, новых четыре сложил. О герое Зырянове, Разгром Деникина, О Кирове, О Красной Армии. Сказок много знаю, им числа не знаю. Исторических песен знаю двенадцать, простых песен очень много. Часть былин вычитал из книги «Народная поэзия», остальные от стариков перенял, сказки тоже. Любил читать, книги брал у коробейников. Отец тоже сказывал сказки и былины певал. Былины сказываю, а пою мало. Новую былину о Сталине на женском празднике сказывал. Одну старую былину сам придумал. Сосед рассказал сказку, а я из нее былину сделал. Сын у Ильи Муромца есть, а откуда взялся, про то былины нет. Я и придумал былинку «Женитьба Ильи Муромца». Еще одну сложил про то, как поляки в Москву приходили, хотели завладеть после самозванца. Знаю песни о Гришке Расстриге, О Ермаке, о Степане Разине. Эти из книги перенял.

42

ПРО РАХТУ РОГНОЗЕРСКОГО

Как во той ли губернии во Олонецкой,
Ай во том уезде во Пудожском,
В глухой деревни в Рогнозере,
Во той ли семье у Прокина,
Как родился удалый добрый молодец.
Росту он был аршинного,
А весу был пудового,
Именем его назвали Иванушкой,
Неизвестный был его батюшка.
А стал тут молодец растеть-матереть,
И занялся он промыслом крестьянскиим.
И была у него сила необыкновенная:
Для двенадцати дровень приправы принашивал,
И на лыжах зимой к дому он прихаживал,
Он правой рукой дом поднимал,
А левой лыжи под угол совал.
И много он рыбы налавливал,
И рыбы мужикам он раздáивал.
А те мужики рогнозерские
Отправлялись они с рыбой в Каргополь,
В Каргополе их рыбы не приняли,
И поехали они тогда на Вологду,
А и в Вологде у их рыбы не приняли,
И поехали они в каменну Москву,
И приезжали они в каменну Москву.
А в те поры, да в тоё времячко
Во тую ли каменну Москву
Приезжал борец неверный,
И говорит он князю московскому:
— Уж ты ладь мне, князь, поединщика,
Чтобы мог он со мной справиться,

А не даёшь мне поединщика,
Дак вашу ли каменну Москву я огнём сожгу.
И много тут находилось удалых добрых молодцев,
Борцов сильных матёрых,
Всех борол борец неверный,
А других и насмерть валил.
Как из под той-то стороны, а из под сиверской,
Как стоят тут мужички рогнозерские,
А сами говорят таково слово:
— Ну уж наш-то бы Рахта этого борца в кучу смял.
И приходит человек к ним неизвестный
И их спрашивает:
— Кто есть у вас Рахта Рогнозерский?
— А наш-то Рахта Рогнозерский этого борца в кучу сомнёт.
И садили тут мужиков рогнозерскиих
А во те ли погреба глубокии,
И посылали они скора́ гонца
Во ту деревню Рогнозерскую.
И приезжает скорый гонец,
Он в ту деревню Рогнозерскую,
И говорит гонец московский:
— Здесь ли живёт Рахта Рогнозерский?
И отвечает ему женщина:
— Что здесь живёт Рахта Рогнозерский,
Но ушол он в лес за вязями.
Но только ты послушай, добрый молодец,
Когда придёт он с работушки,
Не серди ты его голодного
И не спрашивай холодного.
И сидит тут гонец под окошечком
И смотрит он в леса дикие,
Иль на тое на озёрушко,
И видит он на озёрушки —
Как остров с места движется.
И говорит он тут этой женщине:
— А скажи ты мне правду, женщина,
Что я вижу здесь на вашем озере,
Быдто остров с места движется.
И отвечает ему женщина:
— Посмотри-ка ты внимательно,
Это Рахта идёт с вязями,
Идёт с вязями, со полозьями,
А с полозьями, с копыльями.
И приходил тут добрый молодец
А к своему дому старому,
И скидал он с плеч свою ношицу,
Правой рукой он хату поднимал,

А левой рукой лыжи под пол подсовывал.
И приходит он в свою хату тёплую,
И собирала ему обед женщина,
И наелся тут Рахта досыта.
И вставает тут гонец московский;
И говорит он тут Рахте таковы слова:
— Ой же ты, Рахта Рогнозерский,
А послушай-ка ты князя московского,
А сходи-ка ты в Москву на бореньице,
А со неверным сходи на состязаньице.
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— Я послушаю князя московского,
Я схожу в Москву на бореньице,
Со неверным на состязаньице,
И скажи, — когда буду я в каменной Москве,
То где мне скать[1] князя московского?
И говорит тут гонец московский:
— Когда будешь ты в каменной Москве,
То спроси ты князя московского,
И скажут тебе всё доподлинно.
И гонец на коня садится,
А Рахта на лыжах становится,
И попереди гонца в Москву ставится.
И вот искал он князя московского.
И кормили, поили тут его, молодца.
И приезжает тут гонец московский
Во тую ли каменну Москву,
И говорит он таковы слова:
— Есть ли здесь Рахта Рогнозерский?
— Есть таков, Рахта называется.
И говорит тут гонец московский:
Держите его сутки голодного,
Голодного и холодного,
А потом спущайте на бореньице,
А со неверным на состязаньице.
И держали его сутки голодного,
И спущали его на бореньице,
А со неверным на состязаньице.
И выходит тут добрый молодец
А тут ли Рахта Рогнозерский
Со борцом на бореньице,
Со неверныим на состязаньице.
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— А боротися-то не знаю я,
А состязаться не умею я,
А привычка-то у нас женская.

[1] Искать.

И захватил он борца за могучи плечи
И смял его в кучу.
И говорит тут князь московский:
— Чем мне тебя, молодец, жаловать
За твою услугу за великую,
Иль пожаловать той золотой казной?
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— Уж ты, великий князь московский,
А не жалуй ты меня золотой казной,
А поставь ты меня главнокомандующим
А над тем озером Рогнозерским
Чтобы без моего да разрешения
А не ловили бы мелкой рыбушки.
И на это князь дал соглашение,
И даёт ему изволеньице.
А как приезжает он в деревню Рогнозерскую
И подъезжает к деревне Рогнозеро
И попадает ему стрету родна дочинька:
— Уж ты здравствуй, моя доченька.
И на это дочь осердилася:
— У меня ведь есть другой папенька.
Тут ведь Рахта опечалился,
Подъезжает близко ко дому,
Попадает ему родно дитятко,
Молодой сынок да возлюбленный:
— Уж ты здравствуй, чадо милое,
Молодой сынок мой возлюбленный.
И говорит сынок таковы слова:
— Уж ты здравствуй, родной папенька.
— Как живёт теперь твоя маменька?
И говорит ему родно дитятко:
— Ох ты, папенька мой возлюбленный,
Моя матушка, а твоя жена,
Загуляла она со езжалыим,
С неизвестным мне мужиком.
И говорит тут ему батюшка:
— А ты молчи, сынок, до время,
А мы пойдём теперь к твоей матушки,
А поидём теперь к молодцу ея.
И приходит он к молодой жене,
А жена ему лукаво засмёялася:
— А ты долго ли был в каменной Москве,
А и как там тебе поборолося?
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— Эх ты, жонушка моя милая,
Как сходил я в каменну Москву,
Всю потратил свою силушку,
Изломал меня неверный друг,

Мои кости все повыломал,
Все бока мои повыщипал,
И теперь ты, молода жена,
Ты прими меня калекою,
Ты прими меня в дом ради нищего,
Ты напой и накорми меня.
И говорит тут ему женщина,
А его-то молода жена:
— А догулял ты нынче молодец.
И на это Рахта не ревнуется,
Он жене своей повинуется,
Он заходит в свою хату тёплую.
И накормила его женщина,
А что тая ли молода жена,
И валился Рахта на лавочку,
И немножко Рахта приправляется,
Ноет, стонет лежит всё до вечера.
И как той порой, да порой времячком,
Как в его квартиру заявляется,
Своей силой похваляется
Тут удалый добрый молодец,
Атаман он шайки разбойников.
И садился он да хлеба кушать,
Рогнозерских рябчиков стали кушати,
Этот молодец стал похвалятися:
— А ты где гулял, добрый молодец?
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— А я был во матушке каменной Москве,
Я боролся там с борцом неверным,
Издержал я тут свою силушку,
А ты будь тогда мне другом верным,
А ты корми меня до смерти,
Как моей жене полюбовничек.
И отвечает ему добрый молодец:
— А об этом ты не печалуйся,
Мы кормить тебя будем досыта,
И вином поить тебя до смерти,
А смерть твоя будет быстрая.
И наливали зелена вина,
И походил спать он во спаленку
А с его-то молодой женой.
Тут как Рахта с постели поднимается,
Как идёт он тут к своей баенки,
А байня людьми переполнена,
А разбойников сила там не считана.
И разгорелось сердце Рахтино,
Как он размахнул руками могучими,
Он раздёрнул стены баенки,

И потолок упал во баенки,
И раздавило там разбойников,
А хоть добрых удалых молодцев.
И приходит Рахта в свою хижину
И валится на лавочку
Старо по старому и не бывалому.
И прошла-то ночь осенняя,
И настало утро ясное,
И пробудилисе все от того сна,
И садилися за дубовы столы,
Они стали тут похмелятися,
Между другом другу похвалятися.
И говорит тут добрый молодец,
А по нашему — вор разбойничек:
— Как тебе сегодня, Рахта, спалося,
Что тебе сновиденьем виделося?
И говорит Рахта Рогнозерский:
— А в ноче что мне крепко спалося,
В сновиденьи мне что-то виделося,
Быдто в нашей байни Рогнозерской,
Находилися там разбойники,
Да в байне стены пораздвинулись,
Потолок в байне расшатался,
И разбойников всех придавило.
Эти речи тому не слюбилися:
— Не напрасно ли тебе твой сон кажется,
А ты выпей, друг, зелена вина
От моего ли ты от имени.
Атаман я есть шайки разбойников,
А теперь тебе супротивничек,
А жене твоей полюбовничек.
И говорит тут Рахта Рогнозерский:
— Если было б во мне силушки,
Силы старой, старопрежнией,
Тебя молодца я погубливал.
И говорит тут ему разбойничек:
— А ты вспомни силу старую,
А мы выпьем рюмку новую.
И наливает ему тут стопку вина:
— На-ко, выпей на здоровьице,
А насчет ли своей молодой жены.
И принимал тут Рахта зелена вина,
И выпивал тут Рахта без отдыха,
И разгорелось его сердце молодецкое,
И говорит он таковы слова:
— Моя силушка не утрачена,
Я не буду вам повиноватися,
Я сумел в Москве состязатися

С неверныма братьями недругами,
А теперь пойду со разбойником.
И поднимается он с постелюшки,
И зазывает он разбойников,
Он за загривок брал, с пяток сок бежал.
И давно души у него уж не было.
И как ту жену он неверную,
Он ножом её в грудь пронизывал,
Да и тут свою дочь непокорную
Он и с матерью тут улаживал.
И забрал он тут свое детище,
Своего сына любимого
И походил он дорожкой дальния,
И неизвестно пропал тут наш молодец,
Что Рахта Рогнозерский он без вести.

43

О НИКИТЕ РОМАНОВЕ

Как во той ли было во храброй Литве,
У того ли у князя Чембала
Было пированьице почётный пир
Для всех князей бояр литовскиих.
На том на пиру на почётноем
Сидели два князевых племянничка,
Сидят оне не весёлые, печальние,
Повесили голову на белую грудь,
И говорит им князь таковы слова:
— Уж вы что задумались мои племянники
И с чем вы так горюете,
Не обступлены ли мы кругом силой вражеской,
Иль не появился ли на поле такой богатырь,
Что с которым вы не можете справиться?
Говорят тут князю племяннички:
— Ты, удалой князь наш родной дядюшка,
Мы не обступлены силой вражеской
И на нашем поли чистоем нет богатыря великого,
Что с которым мы не могли справиться,
А охота нам на Русь сходить
И победить-то князя московского,
Того ли Никиту Романова
Со всема его со боярами
И разбить его всю силу ратную.
И говорит тут им дядушка Чембал-князь:
— Дорогие вы мои племяннички,
А не советую я вам ездить в землю русскую
Ко тому князю Никите Романову,
Ведь много туда войска хаживало,

А не кажно войско оттуль вернулоси,
Так что знает много хитростей,
Он обернуться может птицей-соколом,
И повернуться может зверем всякиим
И водяною рыбой всякою,
Так что будет вам с ним не справиться,
Вы погубите силу всю литовскую,
А лучше возьмите-ко вы силы сорок тысяцей,
Храброй силы литовскоей
И подьте-ка вы в землю Печенежскую;
Тая земля есть богатая,
А силой она не сильная,
Вы можете побить эту землю богатую
И захватить там богатств разныих.
И тут собералися два племянничка
В тую землю Печенежскую,
Оне брали войска-силы сорок тысячей,
И победили оне землю Печенежскую,
И забрали там все богатства у людей бессильныих.
И тут братья-племяннички своей силой порасхвастались
И надумали оне итти на землю русскую
Ко той ли каменной Москвы
Ко тому ли князю Никите Романову.
Оне заняли четыре селения
И захватили в плен князеву племянницу
С молодым князем малолетниим.
Увозили они племянницу
Ко самому ли ко рубежу,
И тут оне у рубежа остановилися,
Стали ждать они времени богатого,
Когда поспеет на Руси все растения,
Когда выжнут рожь со пшеницею,
Когда будет всё обмолочено,
Чтобы тогда на Москву им двинуться,
И победить князя московского,
Полонить всех добрых молодцев,
А сопротивникам срубить голову.
А в та поры а в каменной Москвы
У того ли князя Романова
У него был да пир на-вéселе.
И налетела тут птичка-пташечка
Ко тому ли князю ко Романову,
Садилась она на подоконничек
И запела она своим голосом,
Прощебетала она по-птичьему.
И узнал тут хитрый князь,
Мудрый Никита Романович,
Что ему птичка рассказывала;

Говорит он тут своим молодцам
Всем боярам говорит да московскиим:
— Ай же вы, бояре московские,
Все удалые добрые молодцы,
А все вы пируете навéселе,
А над собой вы невзгодушки не ведаете,
Как на нашу-то землю русскую
Нагрянула сила литовская,
Четыре села они наших сожгли
И увели они мою племянницу,
Стоят сейчас они у рубежа,
Дожидают оне времени богатого,
Когда поспеет рожь со пшеницею
И будет она у нас обмолочена,
Тогда они найдут на нашу каменну Москву.
Оне хочут взять нашу каменну Москву,
Полонить вас всех добрых молодцов,
А не сдающим срубят голову;
А вы седлайте-ко теперь добрых коней,
Вы удалые молодцы московские,
И берите оружие военное
И поедем мы во чисто поле.
И соберались тут все воины московские,
Все удалые добры молодцы,
Садились на добрых коней
И поехали во чисто поле
И доехали до реки Березины;
И говорит тут Никита Романович:
— Вы рассёдлывайте-ко теперь добрых коней,
А я полечу по рубежу,
Ко тому ли войску литовскому,
Всё я там поразведаю;
И вы, молодцы, только слушайте:
Как я первой раз прогаркаю,
Так вы седлайте-ко добрых коней,
А как дру́гой раз прогаркаю,
Так вы садитесь на добрых коней,
А как третий раз прогаркаю,
Так поежжайте-ко вы к войску литовскому
И рубите-ко войско литовское.
И тут Никита Романович
Обернулся он черным вороном
И полетел он к шатрам литовскиим,
Осмотрел шатры он все литовские:
У них оружие всё поразбросано,
Без присмотру кони ходят во чистом поли;
И тот Никита Романович
Обернулся он серым волком

И на коней он набросился,
По чисту полю он их поразогнал,
Многим он глотки перекусывал
И многих загнал в реку Березину,
Которы тут и утопилися.
Горностаюшком Никита тут обвёртывался,
И стал он тут у луков тетивочки откусывать,
А у сабелек острея да откусывать,
От кремнёвых ружей кременья в землю закапывать.
И бежит он ко белу шатру,
К тому шатру, в котором сидит его племянница
Со своим сыном малолетниим;
И говорит она своему сыну малолетнему:
— Если бы знал об этом мой родной дядюшка,
Тот Никита Романович,
Он повыручил бы нас от силы вражеской.
И говорит тут ей малолетний сын:
— Ох ты гой еси, родна матушка,
А как наш-то родной дядюшка
Он горносталем бегат по белым шатрам.
Услыхали тут голос ребёночка
Те племяннички Чембаловы
И скомандовали оны своему войску литовскому:
— И гимать[1] горносталя белого.
Поднялося на ноги всё войско литовское,
И закрыли горносталя белого
Большой шубой соболиною.
А Никита Романович догадлив был,
Он в рукав из шубы повыскочил
И обернулся черным вороном
И садился он на дерево
И прогаркал он в первый раз.
И говорят тут два племянничка
Храброго князя литовского:
— А не гаркай ты, не гаркай, черный ворон
Убьём мы тебя из туга лука
Той ли стрелочкой калёноей.
И прогаркал тут ворон второй раз.
И говорят тут племяннички:
— Не гаркай ты, черной ворон,
Мы убьём тебя из туга лука
Той ли стрелочкой калёною.
И прогаркал ворон третий раз.
И говорят тут племяннички а того ли князя литовского:
— Всё равно мы убьём тебя из туга лука.
Но как те молодцы русские московские

[1] Имать, ловить.

Оны по первому гарканью ворона
Оседлали своих добрых коней,
А по второму гарканью ворона
На добрых коней садились,
А по третьему гарканью ворона
На литовскую силу бросалися.
И тут литовские вороны
За добрых коней оны схватилися,
Но не могли найти их во чистом поле,
Брали они в руки тут лука
И стали их натягивать,
Но у луков тетивочки полопали,
И хватались они за сабли вострые,
И у сабель острия все повыломаны.
А за это за все времячко
Их рубила сила руськая,
Тое ли войско московское,
И прирубило их до единого.
И подходит тут Никита Романович
К этим ли двум племянничкам литовским,
Он ведь старшему глаза выкопал,
А меньшому ноги отрубливал,
И посадил он меньшего на старшего,
А безногого на безглазого
И отправил их в землю Литовскую
К своему дядюшке Чембалу храброму
И сказал им таковы слова:
— Скажите вы привет своему дядюшке
От всех князей да от русскиих,
Что пускай не ходят воевать на землю русскую,
Они все побеждены будут князьями русскими.

44

БЫЛИНА О ДУНАЕ ИВАНОВИЧЕ

Во славном городе во Киеви
У ласкового князя Владимира
Было пированье почестен пир
На многих князей, на бояр,
На светлорусских могучих богáтырей.
Стал тут князь по горницы похаживать,
Жолтые кудёрышки поглаживать,
А сам говорит таковы слова:
— Ай же вы князья и бояре
И русские могучие богатыри,
Не знаете ли красной девицы,
Чтобы взять мне её во замужество?
Ничего не говорят князи и бояре,

Не знают оне красной девицы,
Чтобы пришла она князю по характеру.
И встаёт тут на резвы ноги
Удалый добрый молодец,
Сильный могучий богатырь
По имени Дунай Иванович,
Говорит он князю таковы слова:
— Уж ты князь Владимир стольне-киевский,
Знаю я вам красну девицу,
Тебе будет жена она наглядная,
Как у тоего ли короля у черниговского
У него есть а две дочери:
Старшая ездит по чисту полю
С богатырями она сражается,
Зовут её Настасья Дмитриевна,
А меньшую зовут Апраксия,
Всё время она дома находится,
Она девица очень красивая
И должна она теби понравиться.
Я поеду её и посватаю,
Только дай ты мне во товарищах
Того ли Добрыню Никитиця.
И говорит тут князь таковы слова:
— Поезжай-ко ты, Дунай Иванович,
Бери ты с собой товарища
Того ли Добрыню Никитиця
И привези ты мне Апраксию королевичну.
Тут выходит Дунай на широкий двор
С тем ли Добрыней Никитичем,
Седлали оне добрых коней.
Только видели молодцов сядучись,
А не видели молодцов поедучись.
И будут оне во Чернигове,
У того ли короля у Дмитрия,
Заезжали они на широкий двор;
И тот Дунай Иванович
Оставляет он Добрынюшку Никитича на широком дворе,
И на походе ему так наказывал:
— Хорошенько ты смотри, прислушайся
Тебе надать будет выйти на подмогу мне.
И пошол Дунай Иванович
В королевскую гридню светлую,
И загородили путь ему татарова;
Расталкал он всех татаровей поганыих,
А иных татар даже на смерть убил,
Приходил он к королю Дмитрию,
Сам говорит таковы слова:
— А ты здравствуешь, король черниговский.

Говорит ему король черниговский:
— А ты здравствуй, Дунай Иванович,
Ты зачем сюда ко мне пожаловал?
Говорит Дунай Иванович:
— Ах ты храбрый король черниговский,
Я приехал к тебе свататься,
Ты отдай свою дочерь Апраксию
В замуж за нашего князя Владимира,
За того ли князя киевского.
И говорит ему король черниговский:
— Не отдам я меньшей дочери через бóльшую
За вашего князя за киевского,
Пусть берёт он дочерь бóльшую,
И тут они с Дунаем раздорили:
Дунай Иванович сватат дочерь меньшую,
А не берёт он дочери большоей.
И встават тут Дунай Иванович на резвы ноги,
Он крепко стал по горнице похаживать,
Кулаками стал в стол покалачивать.
И приказал тут король черниговский
Вывести Дуная с горницы.
И услышал это со двора Добрынюшка Никитиць сын,
Он в леву руку берёт добрых коней
За тыи ль поводья шолковыя,
А в праву руку берёт дубиночку,
И стал он по двору похаживать,
Дубиночкой стал помахивать,
Начал татар поколачивать.
Бежат тут татара во светлу горницу
Ко тому ли королю черниговскому
А сами говорят таковы слова:
— Уж ты Дмитрий король черниговский,
Как стоит у нас на широком дворе
Русский удалый молодец,
Богатырь сильный, могучий киевский,
Тот ли Добрынюшка Никитич сын,
В левой руки он держит коней за пóводья,
А в правой руки он держит дубиночку,
Для нас эта дубиночка тяжолая,
Она нам даже и не поднёмная,
А он в одной руки дубиночку помахиват,
И уже много прибил нас татаровей.
И как тут Дунай Иванович
Он ударил кулаками о дубовый стол,
Разлетался стол весь на дребезги,
И говорит Дунай королю черниговскому:
— Ты Дмитрей, король черниговский,
Снаряжай ты свою дочь Апраксию,

Пущай едет она во Киев-град,
Она будет женой князя Владимира.
А не отправишь ты свою королевицну,
То возьмём мы её да силою.
Видит тут король черниговский,
Что приходится отдать ему свою доць младшую
Замуж за князя киевского,
Нету у него богáтырей
Сразиться с Дунаем Ивановичем
И с тем Добрынюшкой Никитичем.
И отправляет он свою дочерь любимую
Во тот во стольной Киев-град.
Сели на коней и поехали
Добрынюшка Никитич и Дунай Иванович
И с ними Апраксия королевична.
И будут оне во цистом поле
И заметили оне брод лошадиныи:
Глубоко у лошади в землю грязнуто.
Говорит Дунай Иванович
Тому ли Добрыни Никитичу:
— Поезжай-ко ты ко Киеву
С молодой Апраксией королевичной,
Передай её князю Владимиру,
А я поеду этим бродом лошадиным.
И поехал он этым бродом лошадиным,
И нагоняет он богáтыря
Сильного и могучего.
Тут не два ветра в поли слеталися,
Не две тучи на небе сходилися,
Сходилися, слеталися
Два удалых добрых молодца;
Они первым боем ударились
Теми ли шалыгами подорожными —
У шалыг цевья отломилися,
Они тем боем друг друга не ранили;
Они другим боем ударились
Теми ли копьями мурзамецкими —
У копьев носки позагнулися,
Они тем боем друг друга не ранили;
Тянулись через гривы лошадиные,
Один одного не перетягивал,
Лишь добрые кони на колени пали;
Сходили они со добрых коней
И хватались в бой рукопашечный,
И одолел Дунай Иванович
Того удалого молодца,
Богатыря сильного могучего,
Валил его на сыру землю

И хотел пороть ему грудь белую.
Он разрезал на нем платья цветные
И увидел он груди женския
И стал он ее спрашивать:
— А ты скажи-ко мне, что ты женщина,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя зовут именем,
Величают тебя по отечесьву?
И говорит ему тут женщина:
— Не узнаешь ты разве меня, Дунай Иванович?
Ведь жил ты у моего батюшки три года:
Первый год ты жил у него дворником,
Другой год ты жил у него конюхом,
А третий год ты жил у него стольником, —
Так вот я Настасья королевицьна,
Дмитрия короля черниговского.
И выходит тут Дунай Иванович со белых грудей
И говорит ей таковы слова:
— Ай же ты, Настасья Дмитриевна,
Желаешь ли ты за меня во замужество?
И пожелала итти Настасья Дмитриевна
За Дуная Ивановича во замужество.
И поехали оне ко городу ко Киеву,
Ко князю ко Владимиру на почестен пир.
Все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися.
В полупире все порасхвастались:
Богатой хвастает золотой казной,
Сильной хвастает своей силою,
Другой хвастает славным отечеством,
Славным отечеством и молодым молодечеством,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной молодой женой.
А тут Дунай Иванович
Сидит он да ничем не хвастает.
И говорит тут Владимир князь:
— А ты что ничем не хвастаешь,
Добрый молодец Дунай Иванович?
Отвечает князю Дунай Иванович:
— Нечим мне молодцу похвастати.
Если тем мне только молодцу похвастати,
Что нет храбрея меня добра молодца,
Я ведь высватал для князя королевичну младшую,
А для себя сосватал я королевичну сестру старшую
Своей смелостью и умелостью.
И говорит тут его молода жена
И тая ли Настасья королевична:
— Не хвастай ты собой, Дунай Ивановиць,

Посильнее тебя Илья Муромец,
Посмелее тебя Олёшенька Попович сын,
Повежливея тебя Добрынюшка Никитиць сын.
А поедем-ка мы стрелять с тобой во чисто поле,
Станем мы стрелять в остриё во ножевое,
Стобы попала стрелоцька самым носиком,
Раскололась бы стрелоцька на две половиноцьки,
Чтобы толщиною были половиночки равные,
Да и весом были тоже равные.
На это Дунай Иванович осержается,
Не охота ему подчиниться своей молодой жены.
И садилися оне на добрых коней,
И поехали оне во чисто поле,
И поставили они ножик в верстовой столо́б.
И тут Дунай Ивановиць
Он берёт свой тугой лук разрывчатый,
Полагает стрелочку калёную;
Первый раз стрелил — пере́стрелил,
Второй раз стрелил да не до́стрелил,
Третий раз стрелил только в цель попал.
А его молода жена Настасья Дмитриевна
Натянула она свой тугой лук,
Полагала стрелоцьку калёную
И спущала в место наказанное,
Попадала она в остриё во ножо́вое,
Раскололась стрелоцька на две половиноцьки,
Весом и толщиной были они одинаковы.
И это Дунаю Ивановичу не понравилось,
Что перехитрила его молода жена.
И если поехать с ей во Киев-град,
То она больно будет круг его смеятися.
И захотел он её лишить свету белого,
Он берёт в руку саблю острую,
А сам говорит таково слово:
— Надсмеялась ты надо мной молодцом,
Пристыдила ты меня у князя на чесном пиру,
Так за это я срублю тебе голову.
Говорит ему молода жена,
Тая ли Настасья Митриевна:
— Ай же ты, Дунай Иванович,
Не руби ты мне буйну голову,
А возьми ты меня лучше за волосы,
Волочи ты меня по чисту полю,
Погоняй меня ты прутьями железными,
Ведь у меня во чреве женскоем
Есь дитя-зародыш необыкновенный сын.
У него веть руки-то будут очень сильные,
А ноги будут очень крепкие,

Голова у него будет разумная.
Но не слушался Дунай Иванович,
Отрубил он буйну голову
Своей жены Настасьи Дмитриевны,
А себе спущает в грудь калену стрелу,
А сам говорит таковы слова:
— От моей от крови молодецкоей
Протеки-ка ты, матушка Дунай-река.

45

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Во славном городе во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице почестен пир
На многих князей на бояр,
На светлорусских могучих богатырей.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе
И в полупире все порасхвастались.
Богатой хвастает золотой казной,
Сильней хвастает своей силою,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной молодой женой.
А князь Владимир по горенки похаживает,
Жолтыми кудрями потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
— Уж вы хвастаете всё мне былью-небылицею,
А вот я-то цем, добрый молодец, похвастаю,
Что есь у меня кони добрые,
Не найдётся против меня супротивничка,
Чтобы обогнать меня во чистом поле
На своем коне да на добрем.
И говорят тут добры молодцы
Сильныи русскии богатыри
Тому ли князю Владимиру:
— Не напрасно ли ты, князь, этим хвастаешь,
Ведь у нас, у русских богатырей,
Кони сильные есь и могучие.
И говорит тут князь таковы слова:
— Так кто побьётся со мной о велик заклад,
Чтобы съездить нам завтро до Чернигова
В два часа с половиною?
А до Чернигова ездить будет триста верст.
Ничего не говорят тут русские богатыри,
Они не смеют удариться с князем о велик заклад.
Но на том пиру да на беседушки
Тут сидел да посидел удалый молодец

По прозваньицу Иван Гостиный сын,
Говорит он князю Владимиру:
— Ты Владимир князь стольно-киевский,
Я ударюсь с тобой о велик заклад
О денежках по три тысячи,
Чтобы съездить нам ко городу Чернигову
В два часа да с половиною.
А кто дорогою приостанется,
Отдай первому денежек три тысячи.
И так побился князь о велик заклад
С молодцом Иваном Гостиным,
Что ехать им завтра ко Чернигову
Два часа да с половиною, —
А кто не съездит, так тот будет платить денежки
Первому наезднику три тысячи.
И на том они сговор закончили,
Договор писали и руки подписали.
И приказывает тут Владимир князь
Своим слугам и конюхам.
Он собрал всё стадо лошадиное,
Обмануть он хочет Ивана Гостиного.
А тот Иван Гостиный сын,
Он идёт во конюшню стоялую,
Он берёт своего бурушко кавурушка,
Идёт он к князю ко Владимиру
На широкий двор утром ранёшенько.
А Владимир князь спит не просыпается,
А у конюхов и у слуг княжеских
Целый двор коней насгонено,
И кормят оне коней пшенóю белояровой.
Как заехал во двор Иван Гостиный сын
И как фыркнул у Иван добрый конь,
У князевых коней кормушки опругалисе,
И как заржал у Ивана богатырский конь,
Так князевы кони все по цистому полю разбежалисе,
Конюхам и слугам в руки не ималися.
И идут тут конюхи к князю Владимиру,
А сами говорят таковы слова:
— Ты Владимир князь стольне-киевский,
А ты спишь, князь, да высыпаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
К нам на двор заехал добрый молодец
На своём коне богатырском,
А твои кони княженецкии
Они зобали пшено белоярово,
Но как фыркнул конь доброго молодца,
Твоих коней княженецкиих
Кормушки все опругалисе,

А как заржал конь своим голосом,
Так твои кони княженецкии
Все по цистому полю разбежалися
И никак в руки нам не поималисе.
И встаёт тут Владимир князь,
Скоро наскоро умывается,
А скорей того одевается,
И бежит он на широкий двор,
И видит он удала молодца,
Того ли Ивана Гостиного.
Говорит ему Иван Гостиный сын:
— Нутко, князь Владимир стольне-киевской.
Мы поедем с тобой ко Чернигову.
Говорит тут князь таковы слова:
— Ах ты гой если, добрый молодец,
Не поеду я с тобой ко Чернигову,
Не устоять мне супротив тебя,
Твой ведь конь — лошадь могучая,
От твоего коня мои все кони разбежалися,
Моим конюхам они не поималисе.
А привяжи-ко ты своего коня посередь двора
Ко тому столбу ко точёному,
Ко тому кольцу золочёному
Да насыпь-ко ему пшена белоярового,
А сам иди в палаты княженецкии,
Получи-ко ты от меня денежек три тысячи.
И тут Иван Гостиный сын привязал коня посредь двора
Ко тому столбу ко точёному,
Ко тому ль кольцу золочёному,
И насыпал он пшена белоярова.
И пошол в палаты княженецкие,
Получил он от князя денежек три тысячи;
И садились оне за дубовый стол,
Заводили они весёлый пир,
Но больше конями князь уж не хвастает.

46

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

(Ставр)

Во славном во городе во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице почётный пир
На многих князей на бояр,
А именно для Добрыни да Никитича,
Что достал он князеву племянницу.
И все на пиру напивалися
В полупире все порасхвастались,
Богатый хвастает золотой казной,

Сильный хвастает своей силою,
Иной хвастает кони добрые.
Умный хвастает старой матерью,
А безумный хвастает молодой женой.
А тот Добрынюшка Никитич сын
Сидит на пиру и призадумался
Он ничем молодец не хвастает.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ай да ты, Добрынюшка Никитич сын,
Что же ты ничем не хвастаешь?
Говорит тут Добрынюшка Никитич сын:
— А что нечем молодцу хвастати,
Лишь похвастать молодой женой.
Это слово сказали,
А Добрыню Никитича безумным назвали,
А это слово Добрыне не приглянулося.
Говорит тут князь таковы слова:
— Какова твоя молода жена?
Сердито говорит Добрынюшка Никитич сын:
— Моя бы жена князя с ума свела.
И кричит тут князь громким голосом:
— Ой вы гой еси слуги мои добрые,
Молодцы богатыри вы удалые,
Вы возьмите-ка Добрыню за белы руки,
Вы сажайте-ка Добрыню во глубок погреб.
Сажали Добрыню во глубок погреб
И сидит Добрыня в глубоком погребе
И пишет письмо своей молодой жене,
Что тобой Настасья здесь похвастался
Из-за тебя попал во глубок погреб,
Выручай меня, как сумеешь ты.
И посылает князь стольно-киевский
Во тое царство во Рязанское
Он скора посла за Настасьей Микуличной,
За молодой женой Добрынюшки Никитича.
А тая Настасья Микулична
Как получила письмо она
От Добрынюшки Никитича,
Как снимала она с головы волосы длинна-женские
И снимала с себя платье женское,
Одевала на себя платье молодецкое,
Молодецкое платье богатырское
И отправлялася она в путь-дороженьку
Ко тому ко городу ко Киеву.
И повстречалися оны путь дорогою
Как со тым послом да со киевским.
И тут они поздоровались.
Говорит тут добрый молодец

Из того ли царства из Рязанского:
— А ты куда едешь добрый молодец?
— Еду я из города из Киева,
От великого князя от Владимира
Штоль во тое царство во Рязанское,
Штоль сидит у нас Добрынюшка затюремничек,
Он похвастался своей молодой женой
Перед нашим князем Владимиром,
Что моя ли то молода жена
Чтоб она киевского князя с ума свела.
Как я еду спешу за этой женщиной.
Говорит тут молодец из Рязани:
— Напрасно молодец ты путь ведёшь,
Что Добрынина молода жена,
Назвать её Настасья Никулична,
Она уехала на свою родину,
А ейна родина неизвестно где.
И говорит тут посол киевский:
— А ты сам откуда добрый молодец?
И говорит тут удалый добрый молодец:
— Есь я из царства из Рязанского,
А еду я ко городу ко Киеву
Ко тому ко князю ко Владимиру
Собирать старые недоимки,
А вперёд мне наб собрать на двенадцать лет.
И говорит тут посол киевский:
— А не собрать себе только недоимку.
— Но все таки мне съездить надобно.
И поехали оне ко Киеву.
И поезжает удалый добрый молодец ко Киеву
И говорит он князю Владимиру:
— Уж ты князь Владимир стольно-киевский,
Есь я из царства из Рязанского,
Приехал я к тебе за данью старою
И вперёд мне наб собрать за двенадцать лет.
И говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
— Уж ты смилуйся удалый добрый молодец,
Не собрать мне дани за старое
А не только что уплатить вперёд за двенадцать лет,
И говорит тут удалый добрый молодец:
— Ты об этом, князь, не печалуйся,
Дай замуж твою мне племянницу.
Тут Владимир князь веселее стал,
Призывает он свою племянницу
И говорит ей таковы слова:
— Возлюбленная моя племянница,
Выручай из беды ты своего дядюшку,
Ты поди замуж за этого удалого молодца.

Посмотрела тут князева племянница
И говорит сама таковы слова:
— Дорогой ты мой возлюбленный дядюшка,
Посмотри ты на этого молодца,
Хорошо усмотри, что это женщина:
У ней походочка частенькая
Да задница у ней крутенькая,
А где перстни были — тут яминочки.
Тут Владимир князь запечалился,
Но испытать этого молодца надобно.
Созывает он своих стрелков славныих
И говорит он удалу молодцу:
— Попадай ты в столб тот точёные,
А во тое ли кольцо золочёное.
И своих стрелков вызывает тож,
Стрелки стреляют князя Владимира,
Оны не могут попасть во точён столо́б.
А тот удалый добрый молодец
Он берёт своё лучёнко да поломано,
Он попал во столо́б во точёные,
Чтоль во то кольцо золочёное.
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский,
Что не может быть, что это женщина.
Говорит его племянница,
Молода Забава дочь Путятична:
— Ты смотри-ко, князь, не сойди с ума —
Не отдай меня замуж ты за женщину.
Захотел князь сделать второе испытание,
Он вызывает молодца с богатырями на бороство.
И как этот то удалый добрый молодец
Он богатырей да всех попехивает,
А сильных могучих всех покидывает.
И говорит тут князь да таковы слова:
— Не может быть, что эта женщина,
Ты пойди замуж за него, моя племянница.
Да говорит ему тут его племянница:
— Посмотри ты, князь, что эта женщина,
У ей признаки смотри да все женские.
И берёт тут князь Владимир стольно-киевский
На последнее — третье испытание:
Ло́жит её во спальну на перину спать.
И сами собой они думают:
— Если женщина, то яма будет под задницей,
У мужчины яма будет подплечная.
И тут она догадалася,
Когда все уходили со спаленки,
Она задницей к подушке ворочалася —
Под плечамы тут яма оказалася.

И тут Забава Путятична
Она замуж итти соглашается.
И вот уже пир у них начинается,
И пошли у них тут танцы свадебные.
И говорит тут жених удалый добрый молодец:
— Не по ндраву мне ваши музыканты киевские,
Нет ли у вас затюремщиков?
И говорят тут люди киевски:
— Есть ловкой музыкант Добрынюшка Никитин сын,
Только он в погребе во глубокоем.
Говорит тут удалый добрый молодец:
— Приведите ко мне Добрынюшку Никитича.
И привели к нему Добрынюшку Никитича.
И говорит ему удалый добрый молодец:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитич сын,
Помнишь ли как мы вместе поигрывали?
Говорит Добрынюшка Никитич сын:
— Не припомню тебя, добрый молодец.
Говорит тут удалый добрый молодец
А тому ли князь Владимиру:
— Уж ты князь Владимир стольно-киевский,
Ты пусти нас с этым молодцом во зелёный сад.
И отпущал их тут князь Владимир во зелёный сад.
И во том ли зеленом саду
А и муж и жена поздоровались ,
И пошли они к князю Владимиру.
И говорит Добрынюшка Никитин сын:
— Ты, Владимир князь стольно киевский,
За моё-то ты за здравьице,
Что достал я тебе племянницу,
А ты сделай теперь почестен пир
В честь моей жены Настасьи Никуличны,
Вот смотри — она молода жена,
Тут-то князь Владимир и сошол с ума.

47

МИХАЙЛО ПОТЫК

Из того ли города из Киева
Выезжали три сильные могучие богáтыря:
Первой выежжал Илья Муромец,
А второй Добрынюшка Никитиць сын.
А третей Потык Михайло Иванович.
И говорит тут Илья Муромец
Тому ли Добрынюшки Никитицу:
— Поезжжай-ко ты к границам ко северным
И покоряй-ко ты народ северный,
Расширяй-ко ты границы русские.

Поехал Добрыня молодец
Во те ли края северные.
— А ты, Потык Михайло Иванович,
Поежжай-ко ты в земли южные,
В тыи корбы великие,
Защищай-ко ты границы русские
От того царя от южного,
Чтобы не нагрянул он снова на царство русское,
А я буду ездить по всей России матушки,
Защищать города от врагов от всяких,
Все города земли русскоей.
И тот Потык Михайло Иванович
Поехал в сторону южную.
И доехал он до корбы великоей
И расставил он шатёр белополотняный,
Привязал коня к шатру белополотнянному,
А сам садился отдыхать во белой шатёр.
А у того царя да ведь у южного
У него была доцька Марья лебедь белая.
И увидала она во чистом поле шатёр белополотнянный,
А сама говорит таково слово
Своему родному батюшки:
— Ах ты гой еси, родитель мой батюшка,
Я три года летала-плавала белой лебёдушкой,
А и три года спусти меня погулять по чистым полям.
И говорит тут ей родной батюшка:
— Уж ты, дочь моя родимая,
Поплавала-полетала ты белой лебёдушкой три года,
Так погуляй ты красной девицей ещё три года,
А потом ты и замуж пойдёшь.
И давал он ей разрешение
Погулять сходить ей по чисту полю.
Отправляет он ее с мамкамы и с нянькамы
И с теми сенными девушками
Гулять во чисто поле.
И отправилась тут Марья лебедь белая
Ко тому ли ко белу шатру;
Пошла она походкой скорою,
Отставают от нее все служаночки,
Няньки, мамки и сенные девушки.
И говорит она гим таковы слова:
— Уж вы все мои служаночки,
Мамки, няньки, сенные девушки,
А вернитесь-ко вы все обратно домой,
А я одна пойду гулять по чисту полю.
И доходит она до бела́ шатра,
В котором спит удало́й молодец,
Молодой Потык Михайло Иванович.

И бьёт тут конь копытами о сыру землю,
Так что весь шатёр тут шатается,
И тут Потык Михайло Иванович
Он от крепкого сна пробуждается.
И выбегает он из бела шатра
В чулках и в одной рубашечки,
И никого он не видит во чистом поли,
И говорит он коню таковы слова:
— А ты что ногами зря о землю топаешь,
Ты напрасно будишь меня молодца.
Но тут девица рассмеяласи.
И подходит он к красной девицы,
Он берёт её за руки белые,
Он целует во уста сахарные.
И тут они с нею сговорилися,
Что ехать гим ко городу ко Киеву и венчатися;
И положена у них была заповедь великая:
Кто первой умрёт, второму во гроб итти.
И поехали они ко городу ко Киеву,
И тут они с ней повенчалися.
А в та поры, да в тое времечко
Добрыня приехал из чиста поля,
И старый казак Илья Муромец;
И собирался тут у князя почётный пир,
И все на пиру напивалисе,
И все на пиру наедалисе,
В полупиру все порасхвастались:
Сильный хвастает своей силою,
Богатой хвастает золотой казной,
Добрый молодец хвастает молодечеством,
Молодечеством и славным отечеством,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной хвастает молодой женой.
А говорит тут Илья Муромец:
— Разъежжал я по чисту полю,
По всем городам по русским,
Отстоял я много городов русскиих
От злодеев татар поганыих.
И в свою очередь говорит Добрыня Никитич сын:
— А я был далёко на границе северной,
Я уберёг границы все северные,
Не пропустил врага на землю русскую.
И стало стыдно тут Михайлу Ивановичу:
Ему женой похвастать — дело неудобное,
И говорит он таковы слова:
— А я был во земле южноей,
У того царя у южного,
Так я выиграл у него

Три телеги красна золота
И повёз телеги я ко Киеву,
Но у телег колёса поломалися,
И свалил я золото во чистом поли
Во теи ли ямы глубокие
И засыпал песками жолтыми.
И говорит тут князь таковы слова:
— Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
А поежжай-ко ты обратно к царю южному
И вези-ко ты обратно это золото,
Рассчитайся-ко ты ему этым золотом
От нашей земли русскоей.
Заплати ты ему дань за двенадцать лет.
И поехал тут Потык Михайло Иванович
Он во ту ли землю южную;
Приежжает он во землю южную,
Заежжает он на царский двор
И идёт в палаты царские;
Мостинки под ногами все покрякивают,
А ступеньки дак даже повыломались.
Услышал тую походку тяжолую
Великий царь земли южноей,
Навстречу к нему выбегает он
И говорит ему таковы слова:
— Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
Тебе что от меня да ведь надобно,
Ты и чего от меня потребуешь?
Говорит тут Потык Михайло Иванович:
— Ай же ты, царь батюшко,
А я слышал про тебя такие вестоцьки,
Что любитель играть ты в шахматы,
Поиграем-ко мы с тобой в шахматы,
Заложу я тебе буйну голову,
А ты залагай три телеги красна золота.
И берёт тут доску шахматную
И садятся они играть во шахматы;
Потык Михайло Иванович
Залагает он буйну голову,
А царь залагает три телеги золота.
И Потык Михайло Иванович
Он раз сходил — не до́ступил,
Второй сходил — не до́ступил,
А в третий раз — угадывал.
Он выиграл у царя три телеги золота.
И говорит он царю таковы слова:
— Что эти телеги у тебя и останутся,
Русская дань подсчитается,
Подсчитается она за двенадцать лет.

И жалко тут стало царю золота,
Говорит он царь таковы слова:
— Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
А мы снова сыграем с тобой во шахматы.
И стали они играть во второй раз,
Он раз ступил — переступил,
А второй-то раз — не доступил,
А в третий раз — угадывал
И выиграл с царя три телеги золота.
И жалко тут отдать красна золота
Тому ли Потыку Михайло Ивановичу,
И просит царь сыграть третий раз,
И играют они третий раз.
И так с первого разу Михайло выиграл
Ещё три телеги красна золота.
И налетела тут птицька на подоконницек,
А сама говорит таково слово:
— Ты Потык Михайло Ивановиць,
А ты что же позабыл молоду жену?
И стават тут Потык Михайло Иванович на ноги,
Он топнул ногой о кирпичной пол,
Задрожали все оконницы,
А рукой он хлопнул доску шахматную,
Разлетелась вся доска шахматная,
И говорит он царю таковы слова:
— А я поеду я на свою родину,
А ты вези-ко вслед во Киев золоту казну.
И приежжает он во Киев-град,
А там померла его молода жена.
И пошол он тут к своим братицам,
К Ильи Муромцу и Добрыни Никитичу,
Что померла у него молода жена
И похоронить ему да надобно:
— И меня самого живого с ней положить надобно
По нашему по завещанию.
И собралися тут добры молодцы,
Оны рыли могилу великую,
Глубины и ширины двадцать сажень,
А долины они во сорока сажень.
А тот Потык Михайло Иванович
Он сходил-то ведь во кузницу,
Он сковал клещи железные.
И приежжали оне все к могилушки великоей.
Привозили тело Марьи лебедь-белоей
И спущали тело Марьи-лебеди во сыру землю
И самого Потыка Михайла Ивановича
Со добрым конем и со всей сбруей ратноей,
И закладывали доскамы дубовыма

И зарывали песками жолтымы;
И сидит тут Потык сын Иванович
Во той ли могилы во глубокоей.
И стали тут собираться все гады змеиные,
И он всё отрубал ихны головушки.
Ну как пришла пора полуночная,
Как тут сама явилась змея лютая,
Сама говорит таково слово:
— А нунь мне будет чего пообедати.
Говорит Потык Михайло Иванович:
— А может быть, змея, ты подавишься.
И берёт он клещи железные
И хватает за шею змею проклятую,
А сам говорит таково слово:
— Подавись же ты, змея проклятая.
Говорит ему змея таковы слова:
— Не дави ты меня, змею проклятую,
А дай ты мне строку на три года,
Я схожу ведь ко синю морю,
Принесу тебе воды живой и мёртвоей,
Оживим мы Марью лебедь белую.
Говорит Потык Михайло Иванович.
— Три года — это время долго ждать.
И ещё крепче прижал змею проклятую,
И говорит змея проклятая:
— Дай ты мне строку на два года,
Я принесу тебе воды живой и мёртвоей.
— Два года мне-ка скучно ждать.
И ещё крепче нажимает змею проклятую.
И говорит змея тут проклятая:
— Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
Дай ты мне сроку на три месяца,
Принесу я тебе воды живой и мёртвоей,
И будет жива Марья лебедь белая.
— Три месяца мне-ка скучно ждать.
И ещё крепче прижал змею проклятую.
Тогда просит змея строку на три дня.
И на три дня Потык Михайло Иванович не соглашается,
И всё жмёт змею проклятую.
Тогда просит змея строку на три часа,
На котору Потык Михайло соглашается.
Вот отпущает он змею проклятую,
Оставляет он себе ейного детёныша.
И через два часа змея вернуласи,
Принесла воды живой и мёртвою.
Он Потык Михайло Иванович
Разрубил пополам он змеёныша
И помазал змеёныша водою мёртвою,

Срастался змеёныш в одно место;
И спрыснул он его живою водой,
И ожил он змеёныш.
И берёт тут Потык Михайло Иванович
Он живую воду в руку правую,
А мёртву воду в руку левую
И стал он спрыскивать тело Марьи лебеди,
И тут она ото сна пробуждаласи.
И отпущал Потык Михайло Иванович
Тую змею проклятую,
А сам начал реветь зычным голосом,
Чтобы с могилы его выпустили.
И собиралися тут люди православные
Ко той ли ко могиле Потыковой,
И приходил Илья Муромец со Добрынюшкой.
Оне скоро разрывали пески жолтые,
Ломали доски дубовые,
Ставили лестницы высокие
И поднимали Потыка Михайло Ивановича
С той ли могилы глубокоей
Со добрым конём и с молодой женой,
И доложили князю Владимиру,
Что живой Потык Михайло Иванович.

48

ГОРДЕН БЛУДОВИЧ.

Как во городе-ль да во Киеве
У того ли князя у Владимира
Было пированьице почестный пир.
Как на том да на честном пиру
Сидели две честных молодых вдовы,
Что одна вдова — Часова жена,
А другая вдова — Блудова жена;
Наливает чарочку мёду сладкого
Молода вдова, Блудова жена,
Поднесла чарочку молодой вдове,
Той же честной вдове, Часовой жене,
А сама говорит таковы слова:
— Ай же ты, честна молода вдова,
Молода вдова, Часова жена,
У тебе есть дочь на замужестве,
Тая-ли девица Чайна Часовична;
И у меня есть сын, пора женитися,
Молодой Гордено Блудович;
Выпей-ка эту чарочку мёду сладкого
Да и выдай свою дочь Чайну Часовичну
За моего-то сына Гордена Блудовича.
Не по сердцу стало это слово

Честно́й вдовы той-ли Часовой жены,
Она плеснула чарочку мёду сладкого
Во ясны очи той честной вдовы, честной вдовы Блудовой жены.
Обливала она косиночку шелко́вую,
Обрызгала всю шубу соболиную
И обругала её словами очень сквернымі:
— У тебя-то муж был пьяница,
Блудовством занимался всю он жизнь свою,
И сын твой поведения очень скверного,
По кабакам он пьяный всё шатается,
Он к нечестным девкам к ночи забивается
И не знает, где ему позавтракать;
С голью кабацкою вместе обедает,
А спать валитце он без ужина.
А моя-то дочь Чайна Часовична
Она роду-то княжеского,
Сидит она в тереме хрустальном,
На ней платья разноцветные,
Кушанья готовят ей сахарные,
И питья пьёт она да всё медовые,
Всё приносят на-готово ей служаночки;
У моей дочери Чайной Часовичной
Девять братьев есть удалых,
Богатырей сильных могучих,
Они в плен возьмут твоего сына,
И поставлю я его конюхом,
Да и будет он у моей дочери прислугою,
Коней засёдлывать и рассёдлывать,
В конюшню убирать и кормить-поить.
Тут пошла с пиру честна вдова,
Честна вдова, Блудова жена,
Домой не весела приходит и нерадостна,
Встречает её чадо родное,
Молодой сынок Гордено Блудович,
Говорит ей таковы слова:
— А ты что же родна матушка,
Ты не весела с пиру идёшь, не радостна,
Место тебе верно было нехорошее,
Или чарой тебя на пиру прио́бнесли?
Сыну ответ держит родна матушка:
— Уж ты гой, мой сын возлюбленный,
На пиру мне место было по-разуму
И чарой я была на пиру не обнесена,
А обругала и огорчила меня Часова жена,
Когда я её дочь Чайну Часовичну
За тебя, сынок, в замуж посватала,
Подавала я ей чару мёду сладкого,

Она вылила её мне во ясны очи,
Обзывала меня словами скверными
При честном пиру, при многих гостях,
Говорила мне таковы слова:
— Ведь муж-то твой был пьяница,
Занимался он делами блудовыми,
Да и сын-то твой ведь голь кабацкая,
Он по Киеву ходит-шляетце,
Не знает где пообедати,
Да и спать валитце он без ужина;
А моя-то дочь Чайна Часовична
Она в тереме сидит в хрустальноем,
На-готово ей подносят кушанья,
Да и есть у ней девять братьицев,
Все богатыри сильны могучие,
Они в плен возьмут твоего сына,
И поставлю я его конюхом,
Он будет у моей дочери прислугоей.
Говорит Гордено Блудович
Он своей государыни родной матушки:
— Не печалься ты, моя матушка,
Отомщу я обиду Часовой жены,
Надсмеюся я над ейной дочерью,
Что ль над той ли Чайной Часовичной.
И приказал он тут своему парубку
Коней своих скорей засёдлывать,
Садился он на добра коня
И приехал он ко терему хрустальному,
Где сидит Чайна Часовична.
Он ударил своей палицей по терему,
Так что стекла из окон посыпались,
А сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, Чайна Часовична,
Если волей пойдёшь замуж, то за себя возьму,
А неволей, так за парубка,
А теперь я поеду во чисто поле,
И пусть выедут твоих девять братьев,
Там я с ними силы померяю,
Могут ли оне меня в плен забрать.
Приехал Горден Блудович во чисто поле,
Поставил шатёр белополотняный
Да и говорит своему парубку:
— Я свалюсе спать во белый шатёр,
А ты смотри во чисто поле,
Как выедут братья Чайны Часовичной,
То наблюдай за ними хорошенько,
Если рядами поедут, то будет у них сила дружная,
Если в перегонки поедут друг с другом,

То у них будет сила розная,
Я легко тогда могу с ними справитца.
И заснул Гордено Блудович
Крепким сном да богатырским
Во тоём ли во белом шатре.
А парубок остался во чистом поле,
Наблюдает за богатырями братьями;
Вот и едут братья-богáтыри,
Они друг друга перегнать хотят.
Увидел это всё удалый парубок,
Он не будил своего хозяина,
Что ль того Гордена Блудовича,
Он садился на его добра коня,
Брал его палицу булатную
И выехал навстречу девяти братьям
Да и стал он с ними сражатисе.
Он первого нá-смерть убил,
Второго до полýсмерти,
Да и третьего сбил с лошади,
А остальные шестеро ему покорилися,
Говорят ему таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодец,
Не губи ты нашей молодости,
Лучше свяжи нам руки белые,
И будем у вас да полонённые,
Веди ты нас горденевой ко матушке,
Мы выполнять будем вашу работушку,
Какую только вы прикажете.
И как тот-то удалый парубок
Он связал им руки белые,
Приводил их к Гордену Блудовичу,
Разбудил его от крепкого сна,
Говорит ему таковы слова:
— Ты вставай, Гордено Блудович,
Пробудися ты, добрый молодец,
От крепкого сна богатырского,
У меня три брата побеждённые,
Шестеро братьев полонённые,
Связаны им руки белые
Да и к шатру оне у меня все привязаны.
Тут встал Гордено Блудович от крепка сна,
Говорит он парубку таковы слова:
— Ты зачем не будил меня от крепка сна,
Я не так бы с ними расправился.
Тут садился он на добра коня
И поехал он к своей родной матушке,
А парубку приказал везти пленных.
Приехал Гордено к своей матушки,

Говорит ей таковы слова:
— Ай же ты, моя родная матушка,
Надсмеялся я над Часовой женой,
Ейны три сына побеждённые,
А остальные шестеро пленёные,
Им каку работу прикажем делати?
Отвечает ему родная матушка:
А как мог ты их в плен забрать,
Так сумею я им и работу дать.
Она первого назначила поваром,
Второго назначила придверником,
Третий будет приворотником,
А четвёртому работа будет дворником,
Пятому работа нать быть конюхом,
А шестому-то послом нать быть.
И принимались молодцы полонённые
Работу выполнять безоговорочно.
Услыхала про это чесна вдова,
Тая ли вдова да Часова жена,
Что сыновья в плену у Гордена Блудовича
И работать все заставлены.
Насыпает она мису чиста серебра,
Другу мису красна золота,
А третью мису скатна жемчуга,
Пошла она ко князю со подарками:
— Ай же ты, князь Владимир стольно-киевский,
Прими ты от меня дорогие подарочки,
Серебро, золото и скатен жемчуг,
А помоги мне сыновей из плену вывести
От того Гордено Блудовича.
Принимал князь дороги подарочки
От той вдовы, Часовой жены,
Собирает войско сорок тысячей
И отправляет полонить Гордено Блудовича.
Как будет войско во чистом поле,
На встречу войска выехал
Богатырь Гордено Блудович
Со своим ли храбрым парубком
И говорит он войску таковы слова:
— Если хочете смерти, то заводите бой,
А если жить хотите, то сдавайтесь в плен.
Говорит тут войско промежду собой:
— Смертный бой держать нам ведь нéпочто,
Княженецкий род нам защищать нéзачто,
А мы свяжем руки да друг другу
И пойдёмте обратно во Киев град,
Да и скажем мы князю Владимиру,
Что полонил нас всех Гордено Блудович.

Стали оне друг друга руки связывать,
Последнему завязал Горден Блудович
И говорит он парубку таковы слова:
— Ты сведи войско во Киев-град
Да и скажи князю Владимиру:
На, прими ты, князь Владимир, подарочек
От сильного богатыря могучего,
От того ли Гордена да Блудовича
Сорок тысяч войска полонёного.
И привёл парубок войско во Киев-град
И говорит князю таковы слова:
— Прими-ка ты, князь, подарочки
От молодца Гордено Блудовича
Сорок тысячей войска полонёного.
Видит князь у войска руки связаны
И говорит себе он таковы слова:
— Не возьмёшь Гордена верно силою,
Видно надо с ним помириться,
Выдать замуж за него свою племянницу.
Собирает князь тут почестный пир
И приглашает на пир Гордено Блудовича.
Когда гости на пир собиралися
И сидели за столом дубовым,
Князь пенять стал Гордену Блудовичу:
— Ай же ты, Горден Блудович,
А ты что над моей племянницей
Всё да надсмехаессе
И не хочешь взять во замужество.
Выходил Гордено на широкий двор,
Ставил свой костыль посреди двора,
А князю Владимиру говорит таковы слова:
— Когда засыплешь ты мой костыль золотом,
Тогда я возьму замуж твою племянницу,
Тую ли Чайну Часовичну.
Он пошол же к родной матушке
И говорит ей таковы слова;
— Ай же ты, моя родная матушка,
Отсмеялся я насмешку Чайной Часовичной
Да и загадал загадку я князю Владимиру,
Что когда осыплет мой костыль золотом,
Я тогда возьму замуж Чайну Часовичну.

49

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Просыпался Чурилушка раным ранёшенько,
Умывался он белёшенько,
Наряжался он хорошенечко,

Сапожки обувал он зе́лен сафьян,
Шубу надевал он соболи́ную,
Поежжает он во чисто поле.
Как и едет он мимо подворья Катерины Никуличной,
Увидала его Катерина Никулична
И бежит она ему навстречу по чисту полю,
Берёт она его за белы руки,
Целует его в уста саха́рные,
И ведёт она в свои палаты белокаменные,
И садит его за столы дубовые,
Приносит ему яствушка саха́рные
И питья приносит медвяные,
А сама говорит таковы слова:
— Ай же ты, Чурилушка Плёнкович,
Не наедайсе-ко ты до́сыта
И не напивайся-ко ты вина до́пьяна,
Сыграем мы с тобой в шахматы.
И шли они ко столу шахматному
И играли они с ней в шахматы,
И говорит тут Катерина Никулична:
— Ай же ты, Чурилушка Плёнкович,
Пойдём-ко мы с тобой на кровать на тесовую,
На тую на перину на пуховую,
Отдохнём мы с тобой сколько надобно.
А наблюдает за этим за всем кухарочка,
Катерины Никулицьной служаночка
И просит она у Чурилы Плёнковича
Тую шубу соболи́ную
И дорогой колпак с головушки
И просит сапожки сафьяновы.
Говорит Катерина Никулична:
— Ай же ты, Чурила Плёнкович,
Оставь ты мне шубу соболи́ную
И сапожки твои зе́лен сафьян
И дорогой колпак с головушки,
А не давай ты их служаночки,
А дай ты лучше служаночки
Денежек пятьдесят рублей.
А служаночка денег не приняла,
А бежит она во божью церковь
Ко своему ли она да хозяину
И говорит ему таковы слова:
— А хозяин ты мой батюшка,
У твоей-то молодой жены
Есть в гостях удалой молодец
Тут Чурилушко Плёнкович.
Увидала это Катерина Никулична,
Запирала коня она в конюшенку,

А Чурила Плёнковича
Прятала в погреба глубокие.
И прибегает супруг старенький
К своей молодой жены
И спрашивает он молоду жену:
— У тя кто сегодня был в гостебище?
Отвечает ему молода жона:
— Ах ты милый муж мой возлюбленный,
Никого сегодня я не видела,
А поздорили мы со служаночкой,
Она доложила тебе понапрасницу,
Обманула тебя она против меня,
Посмотри ты по нашим горницам,
Ты нигде не найдёшь даже признаков.
И пошол тут ейный муж
Обратно во божью церковь
И говорит он своей служаноцьки:
— Завела говорить, дак и досказывай,
Где попрятан у вас конь чурилушкин.
Говорит ему служаночка:
— У Чурилы конь поставлен во конюшеньки,
Во самую конюшню дальнюю.
И берёт он саблю острую
И идёт домой он во конюшеньку,
И видит он коня чурилова,
Отрубает он коню голову,
А сам скорей бежит во божью церковь
Ко той ли ко кухороцьки,
К девушки ко служаноцьки;
Сам говорит ей таковы слова:
— Ай же ты, моя служаноцька,
Завела говорить, так досказывай,
Куда спрятался Чурилушко Плёнкович.
Говорит ему служаноцька:
— Он сидит во погребах во глубоких,
А попрятался за пивными за бочками.
Тут идёт он в свои погреба глубокие,
Отворяет он погреба глубокие
И находит он Чурилу между бочками
И говорит ему таковы слова:
— А ты чего сюда, Чурилушка, попрятался,
По чужим жонам ходить, не надо прятаться,
Лучше ты бы со мной в поле стретился,
Друг у дружка силу мы отведали
И ухватку мы с тобой поразмеряли,
Цья душа бы с телом расставаласи,
А другому бы жена доставаласи,
А теперь я с тобой не буду разговаривать.

Выводит он его во чисто поле,
Отрубает ему буйну голову
И приходит он к молодой жене,
Говорит ей таковы слова:
— Ты неверна жена, сука подлая,
Посмотри Чурила Плёнковича,
Отрубил ведь я ему голову
И тебя теперь не помилую.
Выводил он её во цисто поле,
Подводил ко самому Чурилушки
И срубил ей буйну голову,
И пошел во церковь во божию
Ко той своей служаноцьки,
Говорит ей таковы слова:
— Ах ты подлая служаноцька,
Не за своё ты дело взялася,
Чужих жон подкарауливать,
А тебе работа была подана —
И дрова носить и коров доить.
И срубает он ей буйну голову,
А сам себе говорит таковы слова:
— Пусть не славится моё имя по белу свету,
Никому оно будет неизвестное.
И втыкат он кинжал себе в белу грудь.
Тут ему и смерть поют.

50

ЖЕНИТЬБА ИЛЬИ МУРОМЦА

Как повёл Илья Муромец
Того ли Соловья-разбойника
Во то ли во чисто поле,
Ко той ко яме ко кровавленной,
Ко той ко плахе ко дубовоей,
Чтоб отрубить ему буйну голову.
И взмолился тут ему Соловей-разбойничек:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец,
А по-русски назвать, добрый молодец,
А вспомни ты слова старого батюшки,
Не губи ты души моей виновноей,
Не для ради меня, Соловья-разбойника,
Не для ради моей молодой жены,
А для ради моих малых детушек,
Девяти сыновей и трёх дочерей.
Сослужу я тебе за это службу верную,
Службу верную, неизменную:
Я с воды тебя повытащу,
Я с огня тебя повынесу,

А с бою с драки я тебя повыручу.
Ты послушай меня Соловья-разбойника:
Поезжай-ко ты к морю ко студёному,
Ко тому ко каменю ко Латырю,
Ты ко той девицы непорочноей.
Она девица непорочная,
Но будет женщина очень сильная,
Она сильная, баба лютая,
И к мужчинам она недоступная.
А как будешь ты у моря у студёного,
У того ли каменя у Латыря,
У ея у саду ты у зелёного,
Ты спущай коня во чисто поле,
Сам попрятайся в кусты зелёные.
Как пойдёт она гулять с мамками,
С мамками, с няньками и с сенными девушками
В свой зелёной сад,
Ты выбирай тогда времени,
Чтоб оны тебя не заметили,
Пробирайся ты в погреба во глубокие,
Ко тем бочкам питья медвяного,
И переставь ты бочки промежду другом [1],
Чтобы было это незаметно бы;
Одна стоит тут бочка хотения,
А другая бочка терпения.
И выжидай тогда ты во времечки,
Когда оне за стол усядутся,
И приходи на ней ты свататься.
А если будут тебе такого тую временю,
Ты вспомни Соловья-разбойника.
И повыслушал Илья Муромец
Наставления от Соловья-разбойника,
И говорил ему таковы слова:
— Ты иди к детям, но не разбойничай,
И не кричи теперь ты по-звериному,
И не мызгай ты по-собачьему,
И не свищи по-соловьиному,
А обращайся ты по-человечески,
И с людями-народом говори по-человечески.
И отпущал он Соловья-разбойника,
И пошол тут Илья ко Киеву,
И берёт он своего Бурушку послушного,
Полагал на него уздечку тесмяную,
Он седлал его о седёлышко черкаское,
Он на спину кладёт потнички,
А на потнички кладёт войлочки,

[1] Между собой.

А на войлочки кладёт черкасское седёлышко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал через хребёт на кость
Не для ради красы, а для ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с коня не выкинул.
Подпруги были шелковыи,
Пряжки у седла были красна золота,
Шпеньки были все булатные —
Тогда шолк не рвётся и булат не рвётся,
Красно золото не ржавеет,
И молодец на коне сидит сам не стареет.
Видели молодца как коня седлал,
А не видели поездки богатырские.
Конь горы и долы перескакивал,
Широки раздолья между ног пущал,
А маленьки реки хвостом устелал.
И будет он у моря у студёного,
У того у каменя у Латыря,
У того ли сада распрекрасного,
Он спущал коня во чисто поле,
Сам попрятался в кусты зелёные,
И видит, идёт тут девица красавица.
Он такой красавицы и не видывал,
Про такую красавицу даже и не слыхивал,
Росту она высокого,
Костью она широкая,
Походка у ней щепливая,
И лицом она румянная.
И загорелась любовь тут у молодца,
У того ли Ильи Муромца —
Только сердце вырвать
Со тоей ли груди белыя,
И только было бы рукам раздвинуться
И обнять бы красну девицу,
Поцеловать ее в уста сахарные.
Но он вспомнил тут наставление
От того ли Соловья-разбойника
И укротил он тем свое сердце молодецкое.
И проходила тут мимо его красна девица,
Тая женщина, баба лютая,
И выбирал себе тут Илья Муромец
Тое времечко подходячее,
Он проходил в погреба во глубокие,
Переставил бочки с места на место,
И за бочками сам попрятался.
Нагулялася красна девица
Во своем саду во зелёноем

И пошла она в свои терема,
В свой терем, в свою столовую,
И садилася она пообедать.
И набежали тут служаночки
Во погреба во глубокие
За тем питьём за медвяным,
И одна одной тут наказыват,
И про бочки всё рассказывает:
— Во этой бочки для хотения,
А эта бочка для терпения.
С этой бочки как присватался,
Перва пьёт сама боярыня,
А с этой бочки пóит сватухов,
Тех удалых добрых молодцев,
И не хватает у них того терпения,
Они сильно лезут и на шею барышни,
И срубает она им буйну голову.
И уходила тут красна девица,
И выходил тут Илья Муромец
Из того погреба из глубокого
Он во терема златоверхии
И во тую да во столовую,
Он девице низко кланялся:
— Уж ты здравствуешь, девица раскрасавица.
И говорит ему девица распрекрасная:
— Ты отколь явился, добрый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя, молодца, назвать именем,
И величать тебя по отечеству?
Отвечает ей добрый молодец:
— А ты учись сперва да поить, кормить,
А у сытых потом и спрашивать.
И садила она его за столы дубовые,
И говорит она таковы слова:
— А как вижу я, что ты молодец не старенький,
Да и я пока живу еще в дéвицах,
Так мы выпьем с тобой по чарочки.
Принесите-ка вы нам, грит, служаночки,
А и пива да по чарочки,
Мерой чары полтора ведра,
А по весу чара полтора пуда.
И берёт тут обои чары красна девица,
И подаёт одну чару Ильи Муромцу:
— На, прими-ка ты, молодец, одной рукой,
Да и выпей, молодец, за единый дух.
Принимал Илья чару одной рукой,
И говорит он таковы слова:
— А ведь у нас молодцев у русскиих

Не пьётся чарка у единого,
А ну-ка выпьем мы с тобою поровну,
По одной по чаре пива пьяного.
И согласилася на это красна девица,
И выпивают оне по чары пива пьяного.
И говорит тут красна девица:
— Как принесите нам по чаре зелена́ вина,
Чтобы весом чара полтора пуда,
А мерой чара полтора ведра.
И приносили по чаре зелена́ вина,
Мерой чара полтора ведра,
По весу чара полтора пуда.
И выпивали они тут без отдыху
Эти чары зелена вина.
И говорит тут красна девица:
— Эх вы гой еси, мои служаночки,
Уж вы няньки, мамки, сенны девушки,
Принесите нам по чаре мёду сладкого.
И приносили им по чаре мёду сладкого,
И выпивали они чару мёду сладкого
(*Полюбилося*).
И тут девица разгорелася,
И с Ильёй гулять ей захотелося,
И приказала она тут своим служаночкам,
Нянькам, мамкам, всем красным девушкам
Выйти с ейных теремов.
И выходили тут все служаночки
И от первой до последнией.
И оставались они двое-на-двое.
И тут оне обнималися, целовалися и миловалися.
И долго ли это дело делалось,
Но очнулася красна девица,
Она стала теперь уж порочная,
И за саблю свою она схватилася,
Да и стала она молодца спрашивать:
— Ты коей земли, ты коей орды?
А Илье Муромцу тут было не до этого,
Посмотрел он на красну девицу,
Да и верно она уже не девица,
А и злая баба лютая.
А и вспомнил он тут Соловья-разбойника;
— А где-то есть у меня Соловей-разбойничек,
А выручай меня с беды неминучией.
Как в тую пору, в тое времечко
Налетела птица великая,
И садилась она на подоконничек,
Она крыльями стёкла выбила,

А хвостом она рамы повышибла,
И говорит она голосом человеческим:
— Не зевай, садись, Илья Муромец.
И скочил тут Илья Муромец
На того ли Соловья-разбойника,
И улетел на нем во чисто поле.
Он нашол своего там Бурушку-ковурушку,
Он скочил на Бурушку-ковурушку,
И поехал он ко городу ко Муромлю,
К своему родителю ко батюшки.
И приехал, с ним поздоровался:
— Уж ты здравствуешь, родитель ты мой батюшка,
Государь ты мой Иван Тимофеевич.
И пошло тому времени девять месяцев,
И у той ли красной девицы,
У лютой у бабы Лотыгорочки
Родилося чадо милое,
Молодой сынок возлюбленный,
Но не знают имени его батюшки.
И стали тут думу думати,
Как бы имя дать новорожденному;
И собирались они все кучею,
И долго они об этом беседовали,
Но никто не слышал того имени,
А только помнят тое времечко,
Что скрылся молодец от них скоро-наскоро,
Не на ногах он бежал и не на лодочки,
А улетал он на птице на крылатоей,
А как тая птица крылатая,
Она похожа была на сокола —
И тому новорождённому
Они дали имячко Сокольничек.

(*Вот откуда Сокольник взялся, а про бочки это из сказок*).

51

БЫЛИНА О БОЙЦЕ ЗЫРЯНОВЕ

Как поезжает Зырянов добрый молодец
На тое ли поле бранное
На своём-ли коне на ретивоем,
Как доехал он до Хасан-озера и пораздумался:
— На коне ль мне ехать на поле бранное,
Или лучше пойти в бой мне пешему
На скалистую вершину Заозерную?

И спросил он разрешения,
Чтобы в бой итти ему пешему,
Итти пешему в рукопашную,
За своё славное отечество,
За свою советскую родину,
За Сталинскую Конституцию,
За самого товарища Сталина,
И за своих товарищей храбрых воинов.
Он в руку левую пистолет берёт,
В руку правую саблю острую.
И как вышел он на гору Заозерную
И увидел самураев японскиих,
Богатырское его сердце разгорелося,
И закричал он зычным голосом:
— Эх вы гой, самураи японскии,
Уходите вы с нашей территории советскоей,
Не стоять вам против нас в бою,
В Хасан-озере вы воды много выпили,
А мы больше вашей крови повыточим.
Высока гора Заозерная,
Но мы выше гору сделаем
С ваших трупов убитых — самураевских!
Услыхали его голос богатырский
Тыи ль самураи японскии,
Окружили его, молодца, со всех сторон;
Расходились его плеча могучие,
Размахались его руки сильные,
Он направо махнёт — летят головы,
А налево пальнёт — трупы валятце,
Прибил он их чуть не до единого,
А остальные самураи на бег пошли,
И сами они заклинаютце:
— Не дай ты нам, боже, бывать
На Русско-советской земли,
Не дай ты нам, боже, видать
Русско-советских людей,
Неужели в России все таковы,
Что один человек наших тридцать семь убил?
И как тот Зырянов молодец
Он погнался вслед за самураями.
Но угодила пуля вражеска,
Во его ли грудь широкою,
И убила его до смерти,
И валился он на сыру землю.
Перестало битьця его сердце богатырское
Во его груди во белоей.
Его тело зарыто во сырой земле,
Об нём слава пройдёт по всей земли.

52

РАЗГРОМ ДЕНИКИНА

Как во тую ли каменну Москву,
Каменну Москву да совецкую
Что ль приходит весточка нерадостна
Нерадостна весточка печальная:
Что ль со той стороны да со полуденной,
От того ли моря Чёрного
Как нагрянула сила вражеска
Под командой злодея Деникина
И при помощи трёх стран да буржуазных,
Страны Англии да и Франции,
Они забрали всю Украину хлебородную,
Взяли тёплый Крым и Кавказ, Донбасс,
Донскую область и Кубанскую.
И на том захвате золотопогонники не устоялисе,
А к Москве злодеи продвигалисе,
Заходили в губернию Тульскую.
А в ты поры в тое времячко,
Во той ли да каменной Москве,
У того ли вождя у советского,
У дорогого Владимира Ильича Ленина,
Собиралисе воины советские,
Богатыри сильные, могучие.
Они думают думу да за единое,
Как отстоять им каменну Москву
От злодеев очистить страну советскую,
От кровавых генералов царскиих,
От бандитов — офицеров золотопогонников,
От белых шаек разбойничьих,
И контрреволюционных шпионов внутренних.
Тут поднялся да на резвы ноги
Сильный могучий молодец
Богатырь Иосиф свет Виссарионович,
Стал он по палатушкам похаживать,
Стал он кудри свои поглаживать
И усы свои позакручивать,
Стал он трубочку покуривать.
А сам говорит таковы слова:
— Уж вы гой еси, добры молодцы!
Уж вы сильные богатыри советские,
Вы послушайте, что я вас скажу.
И говорят тут все удалы молодцы,
Богатыри сильные советские:

— Ты скажи нам, Иосиф Виссарионович,
Ты скажи нам, свет, да пожалуйста,
Мы послушаем тебя да друга верного!
И говорит тут Иосиф Виссарионович
Тем богатырям да сильным,
Удалым молодцам да советским:
Вы советские славные воины,
Отвергаю я план Троцкого,
А у меня свой план есть намеченный,
Как начать нам наступление,
Нанести удар на Деникина
И на всю его армию злодейскую:
Поведём мы наступление
Что ль по тым ли дорогам по широким,
Уж как первою дорожкою Харьковской,
А как другою дорожкою Донбасскою,
И как третьею дорожкою Ростовскою,
Ведь эти дорожки прямоезжие и широкие,
Города-посёлки на них богатыя
Теми продуктами, которые нам надобны,
Мы зайдём в Украину и Кавказ Северный
И получим мы поддержку Красной Армии,
Она всем у нас будет обеспечена,
Она духом окрепнет и силою,
И мы заможем расправитце с Деникиным,
Разбить его армию золотопогонную,
Прогнать из Союза Советского.
И тут удалы молодцы сильные богатыри,
Они Троцкого план опровергнули,
Они приняли план товарища Сталина,
Того ли Иосифа Виссарионовича,
Они признали план да этот выгодным
Для всего Союза Советского
И для всей для Красной Армии.
И говорят тут молодцы таковы слова
Дорогому вождю Владимиру
Тому ли свет Ильичу Ленину:
— Ты любимый наш друг и великий вождь,
А поедем мы теперь как во чисто поле
Против злодея Деникина
И по плану товарища Сталина,
Того ли Иосифа свет Виссарионовича,
Мы разобьём злодея Деникина
Со всеми его генералами,
Офицерами его золотопогонниками

И со всей его белой армией.
Тогда ставает на резвы́ ноги
Великий вождь Владимир да свет Ильич
И говорит он таковы слова
Дорогому товарищу Сталину
Иосифу да свет Виссарионовичу:
— Иосиф свет да Виссарионович,
Отправляйсе-тко ты на поле бранное
Против злодея Деникина,
Возьми ты с собой товарищей,
Советских богатырей могучиих —
Первого могучего богатыря храброго
Того ли Будённого Семена Михайловича
Со всею его конной Красной Армией,
И ещё возьми с собой товарища
Орджоникидзе Серго, воина храброго,
С коммунистами и с комсомольцами.
И вставали тут витязи советские,
Могучие сильные богатыри,
Храбрые русские воины могучие,
Надевали на себя доспехи военные,
Седлали они добры́х коней
Во тыи ли седёлышка черкасские,
Они на спину кладут потнички,
А на потнички кладут войлочки,
А на войлочки кладут черкасское седёлышко,
Всех подтягивали по двенадцати
Тугих крепких по́дпругов,
А тринадцатый клали
Через хребётну кость
Не для ради красы, а ради крепости,
Чтобы добрые кони с седел не выскочили,
Добрых молодцов с коней не выронили.
Подпруги были шелко́вые,
Пряжки у седел красна золота,
У пряжек шпеньки все булатные, —
Тогда шолк не рвётца,
И булат не третца
И пряжки у седел не ржавеют,
А молодцы на конях сидят, не стареют.
И будут молодцы далеко во чистом поле,
И под тем ли Орлом-городом
Они встретили злодея Деникина
С лучшею армией офицерскою.
Тут не два ветра в поле слеталисе,

И не две тучи на небе сходилисе,
А сходилисе и слеталисе,
Советский добрый молодец
Сталин свет Виссарионович
Со злодеем со Деникиным.
И закричал тут Иосиф Виссарионович
Он советским голосом богатырскиим
Тому ли злодею Деникину:
— Уходи-ка ты с нашей территории
Со своими офицерами и генералами.
От того ли крику богатырского
Расшаталось войско Деникина,
У многих ружья с рук выпали.
И тут набросились русские воины,
Советские могучие богáтыри
На тую силу на деникинску.
Они стали силу колоть и рубить.
Не столько воины рубят,
Сколько их добры кони топчут.
И дрогнула армия Деникина
И назад армия попятилась.
А русские храбры воины сильные,
Богатыри советские могучии,
По пятам оне врагов ударили,
Всю армию злодея Деникина,
Занимали они Орёл-город,
И в Воронеже не дали врагу устоятися,
Шкуровские части разбили на-голову.
И бежал Деникин, не оглядывался
Он из Харькова и из Киева.
Как в тылу было у злодея Деникина
Вспыхивало восстание за восстанием
Против белой армии злодейскоей,
И тут армия Деникина со всеми генералами,
С генералами и офицерами золотопогонными,
Они к Чорному морю попятились,
Оставили русские славные гóрода,
Царицын, Таганрог, Новочеркас со Рóстовым.
И тут как в то времячко
Появился на фронте удалый мóлодец
Ворошилов Клим свет Ефремович;
Он приветствовал дух Красной Армии,
И все тут полки красноармейские
Они ещё больше набрались духу советского
И с честью пошли супротив врага,

Чтобы отстоять родину советскую.
И тут ещё на врага набросились,
Стали врага рубить и колоть,
Огнем палить и конём топтать.
И подломились тут ножки у Деникина,
Опустились у злодея руки длинные,
И пал он во синё море,
И тут злодею и конец пришол.
Тогда удалы добры молодцы
В каменну Москву возвращалися,
И заводили пир они навёселе
В честь победы над Деникиным,
И на том былина кончается.

АНАСТАСИЯ ЛЕОНТЬЕВНА ФАДЕЕВА

Автобиография

Я родилась в деревне Сорозеро. Двух лет осталась без матери, пяти лет без отца. Вышла замуж двадцати двух лет, с мужем прожила год, муж умер, осталась дочь. После этого жила вдовой два года и потом вышла замуж. От второго мужа было семь человек детей и своя одна дочь и самому старшему было пятнадцать лет, а самому младшему два года. В настоящее время все выросли, самому младшему двадцать лет стало. Работаю я в колхозе «Красный самолет» Авдеевского с/с. Заработала за год на трудодни много и являюсь при колхозе стахановкой. Неграмотная, потому что не было возможности учиться.

Анастасия Леонтьевна Фадеева

53

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Он у батюшки давается, у матушки благословляется:
— Вы спустите-ка, благословите-ко
Меня к трём крестам да поклонитися,
Ко святым отцам да приложитися,
Спу́стите — поеду я, и не спу́стите — поеду я.
Потому дали ему прощеньице и благословеньице.
Ён седлал да своего коня доброго,
Кладал потецьки на потецьки,
А на потецьки мягки войлоцки,
А на войлоцки кладывал ковано седло.
Только видли добра молодца сядучи,
А не видли удалого поедучи,
Только куревка проку́рела,
Да порошица пропоро́шила.
Уезжал старый казак Илья Му́ромец во чисто́ поле,
Поглядел в сторонку полуденную, —
Там стоит силушка несметоцна,
От пару лошадиного не видно светла месяца,
А днём не видно красна солнышка,
Мать сыра земля да подогнуласи.
Стал молодец да пораздумалси:
— Что мне сделать с этой силушкой?
Рвал ён да дуб кряковистый,
Стал по силушки поезживать,
Стал сырым дубком ён помахивать,
Куды махнёт — туды улица, перемахнёт — переулками.
Прибил этих всех татаровьев,
Всех татаровьев, всех погановьев,
Не оставил он не одного на си́мена.
Поехал во город во Смолягин,
Зашол он во церькову богомольную,
Он крест кладёт да по-писа́ному,
А поклон ведёт да по-учёному,

Говорил ён да таковы слова:
— Вы, смородинцы да смолягинцы,
Что вы каетесь да причащаетесь,
Вы куда собираетесь?
— Уж мы каемся да причащаемся,
На войну мы да собираемся,
А под нашим-то под городом Смолягиным
Стоит силушка несметоцна,
Окол силушки заяцу не обскакать
Да и чёрну ворону не облететь.
— Вы бежите-ко туды скорым-скоро,
Вы скорым-скоро да скоро-наскоро,
Поглядите-ка на вашу силушку,
Ваша силушка да вся прибитая,
Вся прибитая да костром срытая.
Они бежали туды скорым-скоро,
Поглядели во сторону полудённую,
Там силушка вся прибитая.
Говорили они таковы слова:
— Ах ты, удаленькой, да упаренькой,
Скажи, как тебя звать нам по-имяцьки,
Величать да по отечеству?
— Мне-то имячко Ильюшенька,
А кто пожалует, сын Иванович.
Дак говорили они ему таковы слова:
— Что заплатить нам тебе за работушку,
Сёла ли тебе дать с присёлками,
Али города да с пригородкамы?
— Ничего нам этого не надобно,
Расскажите про дорожку прямохожую,
Прямохожую да прямоезжую,
Проехать мне да во Киев-град.
— Прямо ехать три часа,
Но прямо ехать есть три заставы,
Три заставы, три великиих:
— Перва застава — мхи, болота топучие,
Друга застава — река Самородина,
А третья застава — Соловей птица рахматая,
Ён сидит на семи столбах,
Кричит по-звериному, свищет ён да по-змеиному,
Мизгат по-собацьему.
Приехал молодец да призадумалси:
— Если не проехать дорожкой прямоезжею,
Нечем на пиру будет похвастать.
Одной рукой он коня ведёт,
А другой рукой дубы-то рвёт,
Дубы рвёт, да всё мосты мостит,
Ён мосты мостит всё дубовые,

Столбики кладыват точёные,
А на столбиках всё подписыват:
— Тут шол-прошол добрый молодец
Старый казак Илья Муромец.
Подъехал он к Соловью птицы.
Закричал Соловей по-звериному,
Его добрый конь на коленка пал,
Ён бил коня по тугим ребрам:
— Ах ты волчья сыть, пелово́й мешок,
Не слыхал ты видно крыку звериного.
Натягивал ён свой да туго́й лук,
Кладал стрелоцку ён точёную,
Стрелке ён да приговаривал:
— Ты лети, стрелка, да не на́ воду,
Ты не на́ воду лети, стрела, не на́ землю,
Лети к Соловею птице рахматому,
Упади-ка, стрелка, во право́ плечо́,
Сбей-ко Соловья да на сыру́ землю.
Летела стрелоцка не на́ воду,
И не на́ воду и не на́ землю,
Упала во право́ плецо
И сбила Соловья да на сыру землю.
Привязал старой казак Илья Муромец
Соловья ко правой стре́мены,
Сам поехал к соловьиному гнёздышку.
Соловьины-то детушки говорят:
— Матушка, наш-то батюшка какого-то
Мужичка везёт у стре́мены.
Говорила им ро́дна матушка:
— Нет, какой-то мужичёночко везёт нашего батюшку.
Приехал старый казак во Киев-град,
Заходит ко солнышку ко князю ко Владимиру,
Коня спустил ён на ши́рок двор,
К столбу коня да не привязывал,
Говорил коню таковы слова:
— Береги, конь, моего Со́ловья.
Сам у ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Зашол к ним во почестный пир.
Спрашивал у его солнышко князь стольно-киевский:
— Ты откуль приехал, добрый молодец,
Ты не злой ли посол лиходийский?
Отвецял ён таковы слова:
— Я старый казак Илья Муромец,
Во первой поездки богаты́рскоей.
Ему дали мистицко немножечко
На самом на нижнем на концике,
Наливали ему цару зелена́ вина́,

Цара-то была полтора́ пуда́,
А мерой была полтора́ ведра́.
Он взял эту цару едино́й рукой
И выпил эту цару на единой здох.
И все-то на пиру и наедалисе,
Все на пиру да напивалися,
Все на пиру да порасхвастались.
Умный-то хвастал отцом-матерью,
А безумный хвастал золотой казной,
А глупый хвастал молодой женой,
А ён похвастал своей силой богатырскоей:
— Что я проклал вам дорожку прямохожую
Со того со города Смолягина,
Я убил ведь Соловья птицу рахматую.
И ему ни за что в это не верили.
Ён говорит таковы слова:
— Что Соловей у меня у добра коня.
Говорит солнышко князь стольно-киевский:
— Ах ты, удалый добрый молодец,
Приведи-ко Соловья к нам в палаты белокаменны,
Пусть зарыцит только хоть в по́лрыка,
Засвистит только в по́лсвиста.
Старый казак Илья Муромец
Привёл Соловья в палаты белокаменны,
Говорил ему таковы слова:
— Засвищи только в по́лсвисту
И зарычи только в по́лрыку.
А Соловей ему не повинуется,
Закричал ён во всю буйну голову,
У его в палаты белокаменной
Окольницки да все посыпались,
А солнышко князь стольно-киевский
Со своей княгиней со Опраксией
Со испугу чуть с ума не (с)шол.
Говорил ён таковы слова:
— Ах вы сильные могучеи бога́тыри,
Возьмите-ко невежу за белы́ руки́,
И ведите-ко его да на ши́рок двор,
Посадите-ко во по́греба глубокие.
Тут спросился старый казак Илья Муромец
У солнышка князя Владимира:
— Разрешите отмстить Соловью птице рахматому.
Привязал Соловья ко сыру́ дубу́,
А другим крылом ко добру́ коню
И разорвал Соловья по́полам.
А Илью посадили в по́греба.

54

ПРО ДОБРЫНЮ

Добрынюшка Никитинец у матушки давается
Во Пучай-реку окупатиси:
— Ты спусти, спусти, родна матушка,
Окупаться меня да во Пучай-реку.
Говорила ему родна матушка:
— Не едь ты, моя мала скоморошина,
Пучай-та река есть великая,
За первой струйкой дым столбом валит,
А со другой струйки искры сыплются,
А с по третьей струйки с огнём с пламеньем.
Спустила его да родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна
Во Пучай-реки да окупатися.
Приезжал Добрыня ко Пучай-реки,
Говорил Добрыня таковы слова:
— Ты пустое мне-ка, матушка, говóрила,
Пучай-река как лужа дожжóвая.
Первый раз нырнул ён, не дóнырнул —
Дыму нет, а огонь горит,
А огня нет, а искры сыплются.
Налетела тут погана змея
И говорила тут таковы слова:
— Захочу — Добрыню хоть съем-сожру,
А захочу — Добрыню в хоботá возьму.
Поглядел Добрыня на крутой берёг —
Нету платьицев цвéтныех,
Нет у Добрыни и добра коня,
Только лежала одна шапонька пуховая.
Выходил Добрыня на крутой берёг,
Нагрёб он песку жолтого,
Полну шапоньку нагрёб да песку жолтого,
Со змеёй ён стал биться да ратиться,
Змéю он отшиб целых два хобота.
Тут ему змея да покориласи,
Сделала ему заповедь великую:
— Мне не летать к вам во Киев-град
И не исть роду крещёного,
А тебе не ездить в мои горы змеиные
И не разбивать моих малых детушек.
Пока Добрыня одевал свои платьица цвётные
И садился на добрá коня,
А змея залетела во Киев-град,
Унесла молодую Забаву дочь Путятичну.
Далёко, далёко во чистом поли

Сидел Олёшка во сыром дубу
И выглядел ихну заповедь великую.
У солнышка у князя у Владимира
Собран был уж почесной пир.
Все-то на пиру наедалисе.
Предлагал солнышко князь стольно-киевский:
— Кто из вас съездит во тыи горы змеиные,
Вывезет мою любимую племянницу
Молодую Забаву доць Путятичну?
Старший затулялся за среднего,
А средний затулялся за ме́ньшого,
А от меньшого от того и ответу нет.
За тым столом да за ме́ньшиим
Сидел Алёша Попович и говорил таковы слова:
— Я вчера был во чисто́м поли́
И сидел во сыро́м дубу
И видел, что делал заповедь великую
Добрынюшка с поганой змеёй,
Что ей не летать во Киев-град
И не есть роду крещоного,
Дак ему ехать во тыи горы змеиные.
Приходит Добрыня к своей матушки,
Говорила ему родна матушка:
— Верно мистичко тебе было не по разуму,
Либо чара тебе не рядо́м дошла,
Либо на пиру над тобой надсмеялися?
— Нет, мистичко-то мне было по разуму,
И чара мне по ряду́ дошла,
И на пиру и надо мной не надсмеялися,
Только дали мне-ка заповедь великую,
Съездить во тыи горы змеиные.
— Не печалься ты, мое рожоно дитятко,
Поди седлай коня доброго —
Конь ещё дедушков да батюшков.
Вот тебе плётоцка шелко́вая;
Когда подточат поганые змеёныши
Твоему коню доброму подщёточки,
Ты бей коня прямо меж ушей
А той плётоцкой шелко́воей;
Когда истомисся если, добрый молодец,
Дак вот тебе мой шелко́вый платок, —
Три свое личико белое,
У тебя силушки будет по-старому.
Вот поехал добрый молодец,
Днём ехал по красному по солнышку,
А ночью по светлому по месяцу.
Приехал во тыи горы змеиные,
А у того зме́я поганого

Унесёно есть роду крещёного.
Ён стал по тугой горы разъезживать,
Стал змеёнышей он потаптывать,
Ён проездил целы сутоцки,
Стал потыкаться его добрый конь.
Ён бил коня прямо меж ушей
Этой плетоцкой шелко́вою,
Стал конь как поскакивать,
Отряс всех поганыех змеёнышев.
Прилетела тут поганая змея,
Тут ёны стали с ней биться да ратиться,
Трое сутки билися, хлеба не едаюци и воды не пиваюци.
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Спомнил Добрыня матушкин платок,
Утёр свое лицико белое —
Сила у Добрыни стала по-старому
И смелость стала по-прежнему.
Победил ён да змею поганую,
Потекла тут кровь змеиная
От востока кровь да до запада.
На коне сидит Добрыня, приужахнулся,
Наконец хотел Добрыня приотъехати,
Тут Добрыни с неба глас гласит:
— Бей-ко ты копьём да долгомерныем,
Бей-ко ты во матушку сыру́ землю,
Расступись-ко ты, матушка сыра́ земля,
Припей да прижри кровь змеиную.
Вот он приходит во норы во змеиные,
Там столько силы принаношено, что и счёту нет
— Вам топерь, братцы, воля вольная,
А покажите, где молодая доць Путятична.
Взял княгиню за белы руки
И посадил на добра́ коня
И повёз в свою сторону.
И говорила она ему таковы́ слова:
— Если хочешь ты, Добрыня, я буду твоей молодой женой,
Если ты не хочешь меня брать молодой женой,
То дадим тебе села с присёлками,
А хоть города с пригородками.
— Не надо мне городов с пригородками
И сёлов с присёлками,
А только надо мне-ка славушка великая.

55
ПРО ДОБРЫНЮ.

У солнышка у князя у Владимира
Собран был да почестный пир.

Все на пиру да наедалисе,
Все на пиру да напивалисе,
Предложил солнышко князь стольно-киевской:
— Кто бы съездил проклал дорожку прямохожую
К моему тестю любимому
К строгому королю Испануйлу Испануйловичу,
Пробить тех черкес пятигорскиих
И тых камлукóв со татарамы?
Потом все на пиру призадумались,
За тым столом да за меньшиим
Сидел Олёшка Попович:
— Съездил в тугие горы змеиные,
Дак и съездит прокладёт туда дорогу
Добрынюшка Никитинец.
Скочил Добрыня с-за столов дубовыех,
Пришол Добрыня к себе на ширóк двор,
Не зашол проститься к своей матушке,
Седлал своего коня доброго.
Увидала его родна матушка:
— Ты, богоданно мое дитятко,
Наша-то скоро скоморошина
Куды-то справляется да отправляется.
Бежала скорым-скоро наскоро,
Забежала она с личка потихошенько
И говорила ему полегошенько:
— Говорила тебе родна́ матушка,
Ты не знайся, сирота, со боярамы,
Потеряешь животы во подароцках,
И ты заложишь, можа, буйной головушкой.
— Ах ты, родна моя матушка,
Не так ты меня спородила,
Спородила бы ты меня лучше
Во синём море синим камешком,
Лежал бы я на дне морском
Век по веку без шевелимости,
Или на крутой горы ты б сырым дубом,
Съезжались бы ко мне русские могучие богáтыри.
— Ах ты, мое рожоно дитятко,
Я бы родила тебя красой в Олёшку Поповича,
А храбростью Микитушкой Добрынюшкой,
Так бог не дал, не пожаловал;
Скажи мне-ка, когда тебя ждать,
Когда мне óжидать,
Когда буде в окошечко поглядывать?
— Если жив буду — домой буду,
Жив не буду — ждать некого,
Только в том мне противно,
Что поезжаю бить душ бесповинныих

И сиротать малых детушек
И вдовить молодыих жон.
Шла она в палату белокаменну
И говорила она таковы слова:
— Ты, богоданно мое дитятко,
Бежи-ка ты скорее на ши́рок двор,
Зайди-ко ты с личка потихошенько
И говори полегошеньку,
Може скажет, что когда нам ждать, когда о́жидать.
Приходила к ему молода жена,
Зашла с личку потихошеньку
И говорила не с упадкою:
— Милая ты моя ладушка,
Крепкая ты моя содержавушка,
Когда мне тебя будет ждать?
— Три года живи будто замужем,
Жди Добрыню со чиста́ поля,
А друго три года вдовой живи
И поди хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русського могучего бога́тыря,
Не ходи только за смелого Олёшку Поповича.
А потом поехал Добрыня во чисто́ поле́.
И прошло этому времечку уж три года́,
Приезжал Олёшка со чиста́ поля,
И приходили с солнышком князем Владимиром
Сватать молодой жены Настасьи Микуличной:
— Что я вчера был во чисто́м поли́
И сидел во сыром дубу —
Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи плечи испроломаны,
Сквозь его сквозь кудри сквозь жолтые
Проросла трава шелко́вая.
— Нет, я исполнила заповедь мужнюю,
Теперь сполню заповедь женскую.
И прошло этого времяцки опять три́ года,
Приходил Олёшка со солнышком князем Владимиром
Сватать молодой вдовы Настасьи Микуличной,
Говорит, что я был во чисто́м поли
И сидел во сыром дубу —
Лежит Добрыня на сырой земли,
Буйна голова испрострелена,
Могучи плечи испроломаны,
Сквозь его сквозь кудри сквозь жолтые
Проросла трава шелко́вая.
Вот начался у них почестный пир,
Завтра итти с Олёшкой в божью церковь
И принимать с Олёшкой по злату венцу.

Вот его родна матушка
Честна вдова Офимья Александровна
Скорбила свое личико белое
И слезила свои очи ясныи:
— Прошло тому времяцку уж шесть годов,
Закатилося красное солнышко
За лесушка за тёмные
И за горушки высокие,
Уехало мое рожоно дитятко
В чужие страны во далёкия,
А сегодняшнего дня закатится и светел месяц,
Выйдет замуж мое богоданное дитятко,
Останется мне один сиронькой дом,
Систь бы под окошецко немножецько.
Далёко-далёко во чистом поли
Спит Добрыня во белóм шатре,
Добрый конь стоял да у бела шатра,
Бил ногой да о сыру землю;
Во реки вода да сколубаласи,
Под шатром земля да зашаталаси,
Скочил Добрыня со сну богатырского,
Бил коня да по тугим ребрам:
— Что ты не во время будишь сильного могучего богáтыря,
Нигде нет да поединщика.
— Ты спишь да прохлаждаешься,
Над собой невзгоды не начаешься,
Твоя молода жена замýж пошла.
Ён пал коню в ногу правую,
В ногу правую во переднюю:
— Ты сюды меня вёз целых три году,
А отсюль вези только три часу.
— Ты седлай меня поскурёшенько,
Кладай потецьки на потецьки,
А на потецьки мягки войлоцки,
А на войлоцки черкáнско ковано седло
И сам садись крепко-накрепко.
Ён реки и озёра промеж ног спускал,
Маленьки перелески перескакивал.
Его родна матушка глядела в окно во вдовиное,
Там непогодка снежку белого выпала,
По той по погодке, по белý снежку,
Будто заюшка там да проскакивал.
Приезжал Добрыня ко двору да ко вдовиному,
У дверей не спрашивал придверников
И у ворот приворотников,
Взашей прочь да всех отталкивал,
Взошол он во вдовиный дом.

Все идут, все и жалятся:
— Кака-то приехала невежа из чиста поля,
Всех прибила нас, всех примучила.
— Было бы у меня рожоно дитятко,
Не дошло бы надсмехаться над двором да над вдовиною.
— Не напрасно ль вы да согрешаете,
Мы вчера с Добрыней поразъехались,
Добрынюшка поехал к строгому королю Испануйлу Испануйловичу,
А я поехал к солнышку князю Владимиру.
Ах ты, ро́дная моя матушка,
Расскажи-ка, где моя да молода́ жена?
— Молода́ жена твоя заму́ж пошла
За смелого Олёшку за Поповича,
Я не верю вам, что вы мой сын.
У моего-то сына у любимого
Личико-то было румяно,
На головке была шапка пухо́вая,
А на себе были платьица цве́тные,
А на ножках сапожки сафьянные.
— Ах ты, родная моя матушка,
Личико от ветра призавеяло,
А шапку дожжами повыбило,
А платьица прутьями повырвало,
А сапожки о стре́мяно повытерло.
— Рассуждать мне с тобой долго некогда,
Не верю я тебе, что мой ты сын,
У моего-то сына на загривке была родимная знатебка.
— Неси-ка ты мне платьица цве́тные,
Да неси-ка гусёлки яровчаты.
И пошол Добрыня на почестный пир,
Пришол Добрыня на почестный пир,
И сел на пецку на при́пецецок
И стал в гусёлка поигрывать.
Говорила тут молода́ жена
Настасья Никулична:
— Ах ты, солнышко князь стольно-киевской,
Разрешите мне-ка налить цяру зелена вина,
И поднести этому игроку мне любимому,
Он играт, будто прежний муж.
Наливала она цяру зелена вина,
И подносила игроку этому любимому.
Ён выпил эту цяру зелена вина,
И говорил князю таковы слова:
— Разрешите налить вашей княгине цяру зелена вина.
И налил ён цяру зелена вина,
И поднёс ей цяру зелена вина,

И говорил ён ей таковы слова:
— Если хошь добра, тогда пьёшь до дна,
А не пьёшь до дна — не видать добра.
Взяла она цяру единóй рукой,
Выпила цяру на единой здох,
Прикатилосе ейно именнó кольцо.
Взяла кольцо во белы́ руки,
Скоцила она через дубовый стол.
— Не тот мой муж, который возле меня сидит,
А тот муж, который поднёс мне-ка цяру зелена вина,
И прости меня во той вины, во глупости.
— Не дивую я разуму женскому,
Их куда везут, они туда и едут.
А куда ведут, они туда и идут,
А только дивую солнышку князю Владимиру,
Что от живого мужа жену отнял.
Хотел схватить Олёшку за жолты кудри,
Хотел хлопнуть его о кирпичный пол,
За то, что ездил со чиста́ поля́,
Что говорил напрасно его матери,
Ёна скорбила своё личико белое,
И слезила свои очи ясные.
С того стыда да со великого
Уехал Олёшка и со Киева-града.

56

ПРО ДОБРЫНЮ.

Поехал Добрыня во чисто́ поле́,
Нашол и́скопыть лошадиную —
Как стульямы земля поворочена.
Поехал ён во всю прыть лошадиную,
Нагнал богатыря на добро́м кони,
На добро́м кони и на чисто́м поли.
Подъехал Добрыня ко бога́тырю,
Хлопнул своей палицей бога́тыря во буйну́ю голову —
На коне сидит бога́тырь, не стряхнется,
Волóска на головке не стряхнутся;
На коне сидит Добрыня, приужахнулся:
— Верно сила у Добрынюшки не по-старому,
Верно смелость у Добрыни не по-прежнему.
Отъехал Добрыня во чисто поле,
Нашол Добрыня дуб кряковистый,
Ударил ён своей палицей,
Разлетелся дуб да весь на ластинья:
— Верно сила у Добрынюшки по-старому,
Верно смелость у Добрыни по-прежнему.
Вот приехал Добрыня ко бога́тырю,

Размахнулся Добрынюшка по-старому,
И ударил Добрыня в буйну голову —
Кудёрка у его на головушке не стряхнутся,
И волóска не сворохнутся.
На коне сидит Добрыня, приужахнулся:
— Верно сила у Добрыни не по-старому,
Верно смелость у Добрыни не по-прежнему.
Ёна сидит назад, вперёд вернуласи,
Захватила Добрыню за жолты́ кудри,
Посклала Добыню в кожаный мешок,
Провезла Добрыню по чисту́ полю.
Конь руським языком ей прогóворил:
— Не могу везти я двух богáтырей.
Говорила ему она таковы слова:
— Если стар ты старицок — пусть мой дедушка,
А середи веку́ — пусть крестовый брат,
А со мной в одных годах — будь законный му́ж.
— Я есть Микитушка Добрынюшка,
А мне-ка веку́ только двадцать лет.
— Тогда пусть ты будешь мой законный муж,
Я вас видла, ваши личности,
Я ехала по Киев-граду вашему,
Ты шол с байны в одной рубашке без пояса,
И в одных чулочках без чоботов;
А я есть поляница удалая,
Так я могу за тебя замýж итти.
И приехали оны к своей родной матушке,
К своей честной Офимье Александровне,
Честным пирком они да за свадебку.

57

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.

Он у матушки да дáвается
Молодой боярин Дюк Степанович:
— Ты спусти меня, родна матушка,
Ты спусти меня да во Киев-град
К солнышку князю Владимиру
В любимо гостевищо.
Приезжал молодой боярин Дюк Степанович,
И кормили его ествама сахáрьнима
И поили его питьями медвяныма.
Верхнюю он коpоцку под стол кладёт,
А пиво пьёт да всё поплёвыват.
Говорил ему солнышко князь стольно-киевской:
— Что же ты пьёшь, да всё поплёвываешь?
— У моей-то у добротушки у матушки
Во погребах глубокиих бочки-то на цепьях повешены.

Дак пиво на затхаль не запахнуло.
— А поцему ты верхнюю короцьку под стол кладёшь?
— А у вас, верно, помяльца-то сосновые,
Дак короцька на хвойку призапахнула,
У моей-то у добротушки у матушки
Помяльца-то ести шелковые.
Солнышко князь стольно-киевской,
Собрал он могучеих богáтырей
И говорил ён им да таковы слова:
— Не напрасно ли ён да восхваляется,
Съездите и опишите его имущество.
И направил ён туды да трёх богáтырей.
И писали ёны да трои сутоцьки —
Описать не могли его имущества.
Приехали ко солнышку Владимиру
И сделали заповедь великую — щапить целый год
И всё во сменных во платьицах;
Чурилке Щаплёнкову справлять всем Киевом-градом,
А Дюку Степановичу своим хозяйством, —
Кто кого перещапит, тому и животы останутся.
Вот они щапили в кажный день,
Чуриле поставляли всем Киевом,
А Дюк Степанович кажный день да перещапливал.
Справлялися к обеденки христоськую,
Пришли они во церковь богомольную,
И приходит туда Дюк Степанович.
У его так да было изукрашено,
Всё огнем да в церькви загорелоси.
Говорил Чурилка-то Щаплёнкович:
— Это всё, — говорит, — неправильно,
Кто скоцит скорее через Днепру-реку,
И за тым да всё останется.
Вот оны с ним поехали,
И говорил Дюку добрый конь:
— Хоть коню-то Чурилки Щаплёнковича я и меньшой брат,
А не поддамся брату большему.
Вот поехали они через Днепру-реку,
Скоцил Чурилка поперёд Дюка Степанова
И упал Чурилка во Днепру-реку.
И пришпорил Дюк Степанович
Своего коня доброго,
И схватил Чурилку за жолты́ кудри
И вытащил Чурилку со Днепры́-реки.
И тут Дюк Степанович пере́щапил.

ПРО СТАВРА.

У солнышка князя у Владимира
Все на пиру да наедалися
И все на пиру да напивалися,
И умной-то хвастал отцом-матерью,
А безумной-то хвастал золотой казной,
А глупой-то хвастал молодой женой.
А за тым столом да за ме́ньшиим
Сидел Ставёр Дигодинович,
Нечем у его было похвастати:
— Моя-то молода бы жена
Ваш бы Киев-град скупила и спро́дала,
А тебя бы, царя, со ума свела.
Тут царю да не к лицу пришло,
Не к лицу пришло да раззадорило:
— Ах вы, сильные могучие бога́тыри,
Возьмите-ко Ставра да за белы руки,
Посадите-ко во погреба глубокие.
За тым столом да за бо́льшиим
Сидел его желанный дядюшка
Храбрый богатырь сын По́дтыков,
Клал ён записку добру коню
Под тое седёлко под черкасское,
Отправил на ставровую на родину.
Выходила его молода жена
И стала коня да расседлывать,
И увидла записоцку нерадостну:
— Ах ты, богоданна моя матушка,
Руби-ко мне-ка волосы женьские,
Женьские волосы по-му́жскому,
Неси-ка мне-ка платица ставровые
Да и гусёлка яровчаты,
Я поеду выручать своего мужа законного.
Приехала ко солнышку ко князю ко Владимиру.
Говорил князь да таковы слова:
— Вы откуль к нам сюды приехали?
Злой ли посол лиходийский?
Говорила она таковы слова:
— Я приехал свататься на твоей племяннице
На молодой Забавы дочь Путятичны.
Говорила Забава дочь Путятична:
— Ах ты, солнышко князь стольно-киевский,
Тут не мужичок, а есть женщина,
Она никак не признавается.
Говорит солнышко князь стольно-киевски
— Выведем борцов ей на ши́рок двор.

Выходили на двор три богáтыря,
По-единке она с има со всема схватиласи,
Посмотрят — а они все лежат.
Молодая Забава дочь Путятична
Говорит, что не мужчина, а тут женщина.
И потом он-то удумал,
Солнышко князь стольно-киевский:
Истопили тёплу парну баенку.
Ёна там не долго собираласи —
— А моё, — говорит, — дело дорожное.
Наконец, молодую дочь Путятичну просватали
И дали сорок телег ордынских злата и серебра вслед приданого.
И вот пошол у их уже почестный пир,
И говорил жених таковы слова:
— Я слыхал про Ставра Дигодинова,
Что он мастер играть на гусёлышках,
Дак наб его пригласить на почестный пир.
Приказал солнышко князь стольно-киевский
Разворочать погреба глубокие
И достать Ставра Дигодинова
И привести на почестный пир.
И говорит жених таковы слова:
— Дайте мне сходить в отдельну комнату
С тым Ставром Дигодиновым.
Туды пошли две мужчины,
А оттуль — мужчина да женщина.
Говорил Ставёр таковы слова:
— Моя заповедь теперь уж исполнена,
Моя молодá жена тебя скупила и спрóдала.
А тебя царя со ума свела.

НИКИФОР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ РОДИН.

59

ПРО СУРОВЦА БОГАТЫРЯ.

Суровец богатырь Суздаль-Суздалец
Поéзд чинил по дáличу-далéчу полю чистому,
И увидел он чёрна ворона,
И натягивал тетивочки шелкóвые.
Вынимал он тугой лук со налучья,
И накладывал стрелоцку калёную,
И хочет стрелить чёрна ворона,
И провещится чёрен ворон языком человеческим,
И говорит чёрен ворон таковы слова:
— Ах ты, Суровец богáтырь Суздаль-Суздалец,
Лука ты Петрович королевьской сын,
Не стреляй-ко ты чёрного ворона усталого,
Тебе ворона убить — не корысть получить,
А старца убить — так не спáсенье;
Это я тебе, Суровец, понáкажу:
Как выедешь на горы на высокия,
На высокие горы шоломчатыя,
Бери-ко ты трубоньку подзорную,
А гляди-смотри в сторонку полудённую;
Как под тыма под горами под высокима
Стоит там сила поганая,
Поганая сила нечесливая,
Три тьмы стоит силы, три тысяци,
И три тысяци, сметы нет

Тебе есть сократить сердце богатырское.
Копают перекопы глубокия,
И ставят копья буржомецькие,
Первой-то перекоп десяти сажон,
А дру́гой-то перекоп двадцати сажон,
А третий перекоп тридцати сажон,
А путают путни шелко́вые.
Первый-то перекоп твой добрый конь пере́скочит,
И другой-то перекоп твой добрый конь пере́скочит,
А третьего перекопа не до́скачить,
Потому-то негде бежать поля чистого.
Упадёшь ты в перекопы глубокие,
Попадёшь ты на копья буржомецькие,
Тут тебе и славы поют.
Первый-то перекоп он пере́скочил,
И дру́гой перекоп пере́скочил,
А третьего перекопа не до́скачил,
И упал он в перекопы глубокие,
И не попал на копья буржомецькие,
А попал во путни шелко́вые.
И наехали поганые татарева,
Сковали ему ножки ты резвые,
И связали ему руцьки ты белые,
И повезли в земельку во неверную.
Как смахнёт-то руцьками белыма,
Дёрнет-то ножкамы резвыма,
Зелеза буржомецькие рассыпалися,
Путни шелко́вы сорывалися.
Схватил он татарина за ноги,
Начал татарином помахивать,
Куды махнёт — туды улича валит,
Перемахнёт — переулочек.
И прибил, не оставил поганыих на си́мено.

60

ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.

Во да́личи во городе во Га́личе,
Во той Корелы широкия
Жил был молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял он рано заутренну христоскую,
Христоскую великодённую,
Выходит на круто на красно на крылечушко,
Ожидает свою государыню матушку,
Говорит боярин таково слово:
— Ох ты ой, моя родна матушка,

Честная вдова Офимья Александровна,
Дай-ко ты мне прощеньице, дай благословеньице
Ехать мне во Киев-град.
Говорит его родна матушка:
— Ох ты, моё чадо мило,
Ох ты, мое чадо похвальное,
Ведь много во Волхови воды течёт,
А много во Киеве людей живёт,
Пропадёт твоя головка вместо камешка.
— В хороброй Литвы ведь бывано,
Стоялы там питья пиваны
И крупивчаты колачики еданы,
И в каменной Москвы, матушка, бывано,
Стоялы там питья пиваны
И крупивчаты колачики еданы.
А во стольноем городе не бывано,
Стоялы там питья не пиваны,
И крупивчаты калачики не еданы,
И ласкового князя Владимира не видано.
И дашь прощеньица — поеду я,
И не дашь благословеньица — поеду я во Киев-град.
И стоит его родная матушка:
— Лучше дать прощенья и дать благословленья.
И дала ему прощенья и дала благословленья.
Потом скоро ходил на конюшню белодубову,
Коня седлал своего косматого Бурушка,
Потнечки кладал на потнечки,
Седёлышко черкасное наверёх кладал.
И видли молодца сядучи,
А не видли удалого поедучи.
Реки, озера промеж ног пускал,
А темны леса перескакивал,
Поспел к обеденки христосския великоденные во Киев-град.
Потом отстояли обеденку христосскую,
Христосскую, великодённую,
Пошли ко князю на почестной пир.
Вси на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
Умной хвастат отцом, матушкой,
А безумной хвастат молодой женой,
А Дюк Степаныч хвастат родной матушкой:
— Как у моей родитель-матушки
Питья не пахнут на плисень погребовую,
У нас выкопаны перекопы с синя моря,
И кладены бочки на цепи железные:
Так не гуси ли лебеди зачилкают,
А у нас на цепях бочки зачилкают.

Ества у моей родитель-матушки
Не пахнут на печину кирпичную.
Потом сидит Чурила Поплёнкович:
— Это есть, говорит, не молодой боярин Дюк Степанович,
Есть-то, есть детина засельщина,
Засельщина, деревенщина,
Пустым-то детина похвастыват.
Тут бились они с Чурилой о велик заклад,
Общинить пожитки Дюковы.
Никто не ручается за Дюка Степановича,
Ручался старый казак Илья Муромец да Василий Буслаевич
И млад Ермак Тимофеевич —
Съездить общенить пожитки Дюковы.
И потом съездили общенить пожитков Дюковых:
В перьву комнату заходят —
Десять девиц держат подсолнечник.
Они сказали:
— Здравствуй, Дюкова матушка.
Она сказала:
— Я не Дюкова матушка, а Дюкова колачница.
Во вторую комнату заходят —
Двадцать девиц держат подсолнечник.
Они сказали:
— Здравствуй, Дюкова матушка.
Она сказала:
— Я Дюковой матушки горнична.
В третью комнату заходят —
Тридцать девиц держат подсолнечник.
И они говорят таково слово:
— Здравствуй, Дюкова матушка.
Она говорит:
— Откуда есть, добры молодцы?
Говорит старый казак Илья Муромец:
— Есть мы из города из Киева:
Старый казак Илья Муромец
И млад Ермак Тимофеевич
И Василий Буслаевич.
И потом она и говорит:
— Об чем вы здесь, добры молодцы,
Что вы здесь исполняете?
— Исполняем мы, приехали общенить пожитки Дюковы.
Она скинула башмак с ноги. Общените, говорит, мой башмак.
Дак они не могли оценить одного башмака,

А не то, говорит, пожитков Дюковых.
И потом уехали домой, —
Они видят, что тут толсто дело.
Дюк Степанович и Чурила Поплёнкович
Бились о велик заклад,
Ходить щапить по городу по Киеву по три году,
И на каждый день носить платья сменные.
Так на Чурилу справляли всем Киевом,
А на Дюка справляла одна матушка.
Три года прошли — прощапили.
Дак у Дюка шуба соболиная,
И в петелки слито по ворону граючему,
А в крючки влито по змею по свистучему,
У Чурилы в крючки слито по мóлодцу,
А в петелки влито по девице.
Все киевляна говорят:
— Всё была пощапка Дюкова,
А седня, говорят, пощапка Чурилина.
Дюк Степанович захватил князя Владимира под пазуху,
И княгиню Опраксию под дрýгую
И провёл по пуговкам да и по петеликам —
И зарычали вороны граючие,
Засвистали змеи клевучие,
Не слышно было звону колокольного.
И говорит боярин таково слово:
— Будя, — говорит, — молодой боярин, будя.
Тут оказалась опять пощапка Дюкова.
И потом бились они о Чурилой о велик заклад,
Скакать через матушку Пучай-реку,
Который не доскочит — упадёт в матушку Пучай-реку,
И голова на плаху.
Сели на почет: отъехал Дюк Степанович и пал коню в ноги
И говорит таково слово:
— Перенеси ты меня, Бурушко, через матушку Пучай-реку.
И говорит Бурушко таково слово:
— Спасибо, Дюк Степанович,
Что пал мне в ноги,
Чурилин, говорит, конь мне-ка старший брат.
И потом Чурила разъехался и пал
В матушку Пучай-реку.
А Дюк Степанович поехал,
Схватил его за волосы
И вытащил из воды с конём и со всим,
И отсек ему буйну голову.

ПРО ЦАРЯ ОКУЛЬЯ ОКУЛЬЕВИЧА.

Царь Окулий Окульевич
Хотел во Киеве женитися:
— Кто бы, говорит, нашолся съездить мне сосватать
княгиню Опраксию.
И потом говорит один молодец: Давай я съезжу.
И говорит Окулий Окульевич — Дак съезди
Пускай же ты, Ивашка-Таракашка, гость заморския.
И говорит Ивашка-Таракашка таково слово:
— Окулий Окульевич
Сострой, ты мне два корабля,
Два карабля и два черныех,
И опуши их куницами, лисицами
И клади в их пития разныя, заморские,
И клади в них злата и серебра.
И отправился Ивашка-Таракашка гость заморские
За славное за синё море.
Приехал Ивашка-Таракашка гость заморские
Во стольно Киев-град
И стал просить обценьщиков
Обценить моих два корабля,
Два корабля и два черныех.
Приходят обценьщики,
И начал ён их улаживать:
— Выпейте наших водочек заморскиех,
Они выпили и развалялися.
А царя Соломона дома не случилося,
Он созвал царицу Саламаниду с обценьщиком,
Начал ён их ухаживать,
Начал ён их улаживать:
— Выпейте наших водочек заморскиех,
Которых у вас и во граде нет.
Они выпили и развалялися.
Царицу Саламаниду посадил в свои суда
Да и увёз за синё морё,
Царю Окулью Окульевичу.
И стали они жить поживать
С Окульем Окульевичем царица Саламанида.
Царь Соломон приезжат домой,
А у царицы уехано к Окулью Окульевичу.
Царь Соломон собрал войска:
— Давай поеду жену искать.
Ну и приехали они с войском, он войска оставил,
а сам пошел к Окулью
И взял себе трубу и говорит войскам:
— Как первый раз я вострублю, так будьте близь,

А третий раз вострублю, — там где я, чтоб и вы тут были.
Ну и приходит к царице Саламаниды, несколько живёт у ней, сказки рассказыват — почему уехала, да почему ушла.
А царя Окулья Окульевича дома не случилося.
Вдруг идёт Окулий Окульевич,
И говорит Саламон таково слово:
— Я то куды? — Поди в сундук! Он в сундук и залез, сама сундук заперла, на сундук села. Она и говорит:
— На цари сижу, а с другим говорю.
Говорит Окулий Окульевич: — Это кто у тебя есть?
— Это, отвечает, есть там царь Соломон.
И говорит царица Саламанида:
— Выпусть и отрубить ему буйну голову.
Выпустили и говорит Окулий Окульевич таково слово:
— Зачим рубить ему буйну голову,
Один человек не рать в поли,
И одно дерево не тёмной лес.
И опять же царь Саламон говорит таково слово:
— Ты сделай, говорит, публичное место,
И сделай три ступенины и три петéлии,
Чтобы было мне куда голова класть,
И было мне куда рука класть,
И было мне куда нога класть.
Пройдет про тебя слава великая
По всим землям по всим ордам,
Что увёз царицу Саламониду
И царя Саламона повисил он.
А царица Саламанида говорит таково слово:
— Я бы велела ему рубить буйну голову,
Хитёр, говорит, царь Соломон.
А Окулий Окульевич опять говорит:
— Зачем ему рубить буйну голову,
Один человек это не рать в поли,
И одно дерево не тёмной лес.
Окулий Окульевич сделал публичное место,
Где ви́сить царя Соломона, — и пришол царь Соломон,
На перву ступенину ступил и пово́струбил,
Во́струбел, так у синя́ моря будто мать-земля сколыбаласи,
Вся сторонича говорит:
— Что-то под нами будто земля воздрогнула.
Царь Соломон опять говорит:
— Это узнали про меня гуси-лебеди
В синем мори да сколубалися.
На вторую ступенину ступил и сказал:
— Окулий Окульевич, позволь мне еще пово́струбить,

Я с молоду коровушек попасывал,
Струбить-то бы мне хотелоси.
А царица Саламонида говорит таково слово:
— Я бы велела рубить буйну голову.
А и говорит Окулий Окульевич:
— Один человек не рать в поли,
И одно дерево не тёмный лес,
Зачем ему рубить буйну голову?
И на другу ступенину ступил и повóструбил,
И вóструбил, дак ещё больше мать-земля сколубаласи.
Вся сторонича сказала:
— Под нами будто вся земля сколыбаласи,
— Оттого, говорит, сколыбаласи,
Что узнали про меня гуси-лебеди,
Что принимаю я смерть да напрасную.
Потом ступил на третью ступенину и спросил:
— Царь Окулий Окульевич,
Позволь мне последний раз повóструбить,
Я с молоду коровушек попасывал.
Говорит царь Окулий Окульевич:
— Повóструби, говорит, повóструби.
Вострубил царь Соломон третий раз:
— Налетели, говорит, мои ясные соколы
На ваших воронов Соломоно все
Кругом и царя Окулия Окульевича
Клал в петлю, а царицу Саламониду в другу, а Ивашка-Таракашка в третью.
И выехал царь Соломон со своим войском.

ОСИП ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ.

62

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Справлялся, сряжался во Киев-град
Старой казак да Илья Муромец,
Не брал ён своей приправы богатырскоей,
Только взял ён ту́гий лук да калену́ стрелу.
Видли молодца сядучи, а не видли куда и поедучи,
Только пыль пылит во чисто́м поли́.
Пришол он ко селу Смолягину,
А к мужикам карачаевцам
И слышит ён шум великиий,
И стал и пораздумалси:
— Не заехать мне на этот шум великий,
Дак нечем мне будет в Киеви и похвастатьси.
И вырывал ён сосну кряковисту
И привязал ей к стремени шелко́выи,
И выехал ён на рать-силу великую.
Куды едет — туды улица,
А перемахнёт — переулками.
И не оставил ён той силушки и на си́мена.
(Всю и прибил).
И приезжает ён к мужикам карачаевцам,
А к селу Смолягину,
Ёны стоят да богу молятси,
Богу молятси со слезами все.
— Ах же вы, мужички, карачаевцы,

Со села Смолягина,
Что же вы богу молитесь со слезами ведь?
— Как же нам не плакать,
Как же нам не рыдать,
Как стоит сила несметоцьна.
— Вы вставайте, говорит, на ту башенку,
И посмотрите в ту стороночку —
Прибита и приломана вся силушка,
Не оставлено и на сѝмена.
— Ах же ты, доброй молодец,
Живи у нас в нашем городе во Смолягине,
Будем мы тебе поклонятиси.
— Не буду я у вас жить,
А покажите мне прямоезжую, прямохожую
Дорожиньку во Киев-град.
— Ах, удáлой, добрóй молодец,
Тридцать лет нету туда дорожиньки,
Нет заяцу проскокища,
Добру молодцу проезжища:
Перва́ заста́ва — мхи, болота топучие,
А вторая заста́ва — протекла ричка Смородина,
А третья заста́ва — сидит Соловей птица рахматая.
— Ах мужики карачаевцы, покажите мне, говорит,
Прямохожую, прямоезжую дорожиньку.
Вот ён доехал до мхов, до болот топучиих,
Во леву руку коня берёт,
А правой рукой мосты мостит
Через мхи-болота топучии.
Доехал ён до реки Смородины:
— Ну-ко, вещий конь, скачи через реку Смородину,
А не задевай рички быстроий.
Вот когда конь перескочил, ён поехал опять.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Закричал по-звериному,
Вещóй конь да на колена пал.
Бил ён коня по тучным ребрам:
— Ах ты, волчья сыть, а пиловой мешок,
Неужель ты не слыхал свисту змеиного,
А крику звериного?
Брал Илья Муромец тугóй лук,
И кладавал ён калену́ стрелу.
— Ты лети, стрела, не вались ни на́ воду ни на́ землю,
А ты лети, стрела, да Соловью в правый глаз,
А вылетай-ка ты да во лево́ ухо́.
Скатился Соловей да со сыра́ дуба.
Подъехал тут старый казак Илья Муромец,
Привязал Соловья ко стре́мены,
Приезжает ён во Киев-град

Ко солнышку князю Владимиру,
Заходит ён во гридню столовую,
Всим ён да поклоняется,
А царю и царице в-особину.
— Ах ты, удалой доброй молодец,
Садись-ко ты с намы пообедати,
Да кушаньев покушать нашиих,
А ты скажись, доброй молодец,
Чей есть и откулешний?
— Есть я старой казак Илья Муромец из города Чернигова.
— Давно ли ты в пути находишься, в дорожиньки?
— А суток нет.
— А как же попадал сюда?
— Попадал я сюда через Смолягина,
Был я у мужиков карачаевцев,
Ехал дороженькой прямоезжею да прямохожею.
— Ах же ты, удалой доброй молодец,
А не хвастал бы пустым этым:
Перва́ за́става — мхи, болота топучии,
Другая за́става — протекла ричка Смородина,
А третья за́става — сидит Соловей птица рахматая,
Нету ворону отдохищу,
А заяцу проскокищу,
А добрым молодцам проезжища,
Сидит там Соловей птица рахматая
На семи дубах да на кленовыих.
— Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Ехал я дорожкой прямохожею, прямоезжею,
А Соловей птица да у тебя во двори́ сидит,
Доброго моего коня кормит и поит.
— Ах же ты, добрый молодец,
Приведи его, говорит, да во гридню столовую,
А пусть-ко ён закричит да по-звериному,
А засвищет пусть да по-змеиному,
Приводил старо́й казак Илья Муромец
Соловья птицу рахматую.
Говорил солнышко князь стольно-киевский:
— Закричи-ко по-звериному,
А засвищи-ко по-змеиному.
Отвечал Соловей напорез ему:
— Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Не у тебя я ем да кушаю,
А не тебя буду и слушати.
Говорит солнышко князь стольно-киевский:
— Ах же ты, удалой доброй молодец,
Вели-ко ему закричать да по-звериному,
А засвистать да по-змеиному.

Говорил ему старóй казак Илья Муромец:
— Закричи-ко ты да по-звериному,
А засвищи-ко ты да по-змеиному.
— Ах же ты, старóй казак Илья Муромец,
Не могу я закричать да по-звериному,
А засвистать да по-змеиному.
— Ну, дак закричи хоть в половиночку,
А засвищи хоть во третиночку.
Закричал Соловей во девяту часть,
А засвистал да во десятую,
Все окольничи да поломалиси,
А в церьквах иконы повалилиси
От рыку от звериного,
А от свисту от змеиного,
А солнышко князь стольно-киевский,
Чуть не замертвó лежит на зени
Да катается со своими богатырями.
А старóй казак да усмехаетси.
— Ах же ты, доброй молодец,
Бери-ко ты Соловья птицу рахматую,
А веди-ко ты да во чистó поле,
А отсеки-ко ему буйну голову.
Брал старóй казак Илья Муромец
И выходил на чисто поли,
И отсек ему буйну голову;
Тут ему и славу поют.
И стал стáрой казак Илья Муромец
У него гостить да угощатиси.
— Ах же ты, удалой доброй молодец,
Домой ли ты справляешься,
Аль в поездку отправляешься?
— Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Поехал я доброй молодец в чисто поли
Самому себя оказатиси,
Добрых молодцев осмотретиси.
Видли доброго молодца,
Что поехал ён да во чистó поли,
А во чистом полúй одна копóть стоит,
Не видли, куда и поехал.
Попадается Илье Муромцу два старика нищих:
— Ах же вы, старики стародавние,
Куды вы отправилиси,
А куды пошаталиси?
Не набли вам отрубить буйной головы?
Говорили старики доброму молодцу:
— На-ко наши платья нищецькие,
А воротись-ко ты да во Киев-град,
Как приехала там Одолища непомерная,

Дак воротись-ко ты, да победи его.
Воротился старой казак да Илья Муромец
Опять да во Киев-град.
Несут Одолища на золотóм блюдú
За столы да за дубовые.
Стоит старóй казак да Илья Муромец,
Он стоит да смотрит,
Как ён ест да кушает,
А по мякушке в рот покидыват.
Говорит старой казак да Илья Муромец,
Ён говорит да солнышку князю Владимиру:
— Как бывало эдако у меня коровища-обжорища
Ела, пила да кушала эдак же помногу-то да и лопнула.
Тут Одолищу да не приндравилось,
Выдергивал он ножище-кинжалище,
Бросал вострым ножом да во Илью да Муромца.
А Илья Муромец догадки знал молодецкие,
Молодецкие да богатырские,
Отвернулся ён да от ножика,
Три стены пролетел вострой ножик.
Хватил старой казак Илья Муромец
Поганого Одолища со стола дубового,
И пригнул его да ко сырой земли.
Тут ему да и славу поют.

63

СТАВЕР ГУДИНОВИЧ.

Вот во славном во городе во Киеве
У славного у князя у Владимира
Начинался, начинался почесный пир.
Тут на пиру наедалися,
Тут на пиру напивалися,
Тут на пиру порасхвастались.
Умный хвастует отцом, матушкой,
А безумный молодой женой,
Богатый хвастует золотой казной,
А богáтырь хвастует силой-мóгутой.
Сидит Ставёр сын Гудинович,
Он не ест, не пьёт и ничем не хвастает.
Подходит князь стольно-киевский
Говорит он таковы слова:
— Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Место ль тебе не по разуму?
Кушанья тебе не по характеру? [1]
Аль у тебя нет молодой жены?

[1] Вар. После этих слов следует: «Видно нет у тебя отца-матери?»

Аль нету у тебя золотой казны?
Аль нету у тебя силы-мóгуты?
— Есь у меня отец, мать родна,
Есь у меня молода жена,
Моя молода жена ваших купцов продаст и выкупит,
А тебя, царя, и с ума сведёт.
Говорит солнышко Владимир стольно-киевский:
— Ах вы, богатыри могучие,
Берите Ставра за белы руки
И сажайте Ставра во глубок погреб.
— Ах ты, князь Владимир стольно-киевский,
Дай ты написать писёмушко скорописчато.
Так он написал писёмушко скорописчато,
Посылал он молодой жены.
Молода жена письмо приняла и распечатала.
— Ах ты, матушка моя родимая,
Бери ножницы во праву руку,
Руби-ка волосы по-мущинскому,
Засажен Ставёр сын Гудинович во глубок погреб,
Я поеду да повыкуплю.
Садилась она на добра коня,
И брала она тугой лук и калену стрелу,
И отправилась она во Киев-град;
Видли сядучи, а не видли ее поедучи,
Только пыль за ней распыляется.
Вот встречается она с посыльникамы-рассыльникамы,
Повстречалася, поздоровалась:
— Здравствуйте, посыльнички и рассыльнички,
Куда едете, куда путь держите?
— Едем мы во Чернигов-град
К Ставру да Гудиновичу за молодой женой.
— Вот вы не в раз к ней едете,
Она во гостебище у собаки царя Калина.
— А куда вы едете?
— Ко солнышку князю Владимиру,
Получить надо дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною.
Они стали да призадумались;
— Как уехать нам к собаки царю Калину,
Не убил бы он князя Владимира.
Поехали они назад во Киев-град
И приехали они назад во Киев-град [1].
А она едёт потихоньку да полегоньку,

---

[1] Вариант. После этих слов следует:
«Стали ехать поскорёшеньку,
Стали приправлять коней да по-хорошему,
Уехали от доброго молодца...»

Подъезжает она ко Киеву [1] —
Ворота все призаперты.
Она сошла со добра коня
И ударила кулаком богатырскиим
И заехала она во Киев-град
Ко солнышку князю Владимиру;
Вошла она во гредни столовые
И говорила таковы слова:
— Дай-ка мне дани-пошлины,
Дани-пошлины за двенадцать лет с половиною,
Если нету у тя денег-золотой казны,
Так отдай племянницу за меня во замужество.
Говорит князь стольно-киевский таковы слова:
— Нет у меня денег-пошлины за двенадцать лет,
Лучше отдам за тебя племянницу Путятишну.
Призывает он племянницу Путятишну:
— Поди-ка ты, племянница, во замужество.
— Ах ты, дядюшка мой родненький,
Не наделай смеху-хохоту,
Смеху-хохоту по всему по Киеву,
Не отдай меня взамуж за женщину:
Ножки у ней, будто женщины,
Голосок у ней, будто женщины.
— Ах ты, племянница ты Путятишна,
Можем мы ее испытывать —
Положить на кроватку тесовую,
Если женщина — будет под задом ложина,
Если мужчина — будет под плечами. [2]
Ёна женщина была догадлива —
Куды спиной легчи, она задом легла,
Тут и узнать не могли у ней.
Вызывает он опять свою племянницу:
— Ах ты, племянница ты Путятишна,
Выходи ты во замужество,
А не может быть тут женщины.
— Ах, дядюшка мой родненький,
Не наделай смеху-хохоту,
Смеху-хохоту ты по Киеву, —
Сидит она, будто женщина,

---

[1] Вариант:
«Подъехала под Киев-град,
Роздернула шатёр белополотнянный,
Оставила свои платьица цветные.
Они съехали во Киев-град и закрыли ворота крепкие
Чтобы не заехал посланник собачьего царя Калина...»

[2] Вариант. После этих слов следует:
«Положили на тую перинку пуховую,
На тую кровать на тесовую...»

Коленки-то жмёт, будто женщина.
— Ах, племянница Путятишна,
Есь у меня богáтыри,
Можем вызвать её поборотися;
Если женщина — не пойдёт она,
А мужчина — будет бороться он.
Вот подходит князь стольно-киевской:
— Ах ты, рассыльница царя Калина,
Не желаешь ли ты с богáтырями поборотися?
— Да я давно не барывался,
Можно и поотведать.
Выходит она на белый двор,
Она трёх штук взяла во праву руку,
И трёх штук взяла во леву руку,
Она столкнула их в одно место —
Все они замертво лежат.
Подходит князь стольно-киевской:
— Ах, племянница Путятишна,
Выходи-ка ты да в замужество,
А не может быть тут женщины.
— Ах, дяденька мой родненький,
Не наделай смеху, смеху-хохоту,
Не отдай меня за женщину.
Говорит он таковы слова:
— Можем мы ещё поотведати,
Можно вывести на стрельбище,
Пострелять в тое колецко точёное,
В тое остриё ножóвое.
Подходит князь стольно-киевской:
— Не желаешь ли ты пóстрелять
В тое колецко точёное
И в тое остриё ножóвое.
— Я давно не стреливал,
Да можно и поотведати.
Вот тее богáтыри стали постреливати,
Стал тот дуб пошатыватьси.
Посыльник-рассыльник царя Калина
Говорит таковы слова:
— Дайте мне туженко[1]-лученко какой-нибудь.
Она стала натягивать,
Тугой лук стал полопывать.
— Ах, князья-богáтыри,
Сходите принесите мой дорожный лук.
Туженко-лученко мой нехорошенький.
Они кинулись туда по-трое
И ничего не могли поделати.

[1] Тугой.

Вот сходила она сама,
Принесла свой точёный лук,
И стрелила она в то точёное колечко,
Дуб весь порассыпался.
Попала она в то колечко точёное,
В то остриё ножо́вое.
И никотора половинка не больше тут.
Теперь князь племянницу не спрашивал,
Пошли они на богомольице.
Когда богу помолилися,
Говорит посыльничек князю таковы слова:
— Ах ты, солнышко князь стольно-киевской,
Что-то мне призадумалось,
Призадумалось да пригорюнилось,
Пришло писёмцо да нехорошее —
Обступила Литва проклятая весь Чернигов-град [1],
А нет ли у тебя игрока хорошего,
Чтобы мне развеселитися,
Нет ли у тебя Ставра Гудинова во засадицы?
Думает князь стольно-киевской:
— Выпустить Ставра — не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — разгневить посла.
Принуждён выпустить Ставра.
Говорит посыльник-рассыльник царя Калина:
— Ах ты, князь да стольно-киевской,
Отпусти-ка меня со Ставром Гудиновичем
Во чисто поле погулятися.
Говорит князь стольно-киевской:
— Выпустить Ставра — не видать Ставра,
Не выпустить Ставра — разгневить посла.
Спустил князь Ставра во чисто́ поле,
Пошли оны во чисто́ поле:
— Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Помнишь ли, как мы играли в сваецки точёные?
Твоя сваецка точёная,
Мое колецко золочёное;
Вспомни-ка ещё, как у меня чернильница была серебреная,
А у тебя перушко золочёное.
Оделася она по-женскому:
— Ах ты, муж мой возлюбленный,
Поедем-ка со мной свадебки доигрывать.
Как приехали оны во Киев-град,
То увидел солнышко князь стольно-киевской,
Что выдал он племянницу Путятишну замуж за женщину:

[1] Вариант. «Наступает Литва поганая
На собаку царя Калина...»

— Ах ты, Ставёр сын Гудинович,
Вы простите меня да за всё прошлое,
Что я сделал с вами поступок нехорошенькой,
Езди к нам во Киев-град,
И не буду притеснять тебя во-веки.

ПЕТР НИКИТИЧ ЖУРАВЛЕВ.

64

ДОБРЫНЮШКА.

Жил-был-ка Добрынюшка Микитинич,
Жил с одной с родной матушкой,
А рос-ка без родителя без ба́тюшка,
А рос-ка Добрынюшка в серо́честве.
А рос-ка Добрыня не годо́чкамы,
Толстел-то Добрыня не денёчкамы,
А рос как Добрынюшка денёчкамы,
Толстел и Добрынюшка часочкамы.
Возрос-то он до возраста,
И задумал тут Добрыня пожениться,
И взял жену Настасью свет Микулицну.
Жили как оны́ тут, радова́лися,
Жили как оны́ тут весели́лися.
Времечко шло у них как год за год,
Времечко катилось, как вода тёкла.
Вдруг напал как неприятель на Киев-град,
На Киев-град неприятель и войной пошол.
А туда начали сбёратцы всё солдатики,
А туда начали съижжатця всё бога́тыри.
Тут задумал как Добрыня на войну итти,
На войну итти, в чисто́ по́ля поля́ковать,
На войну итти да кроволитную.
И говори́т как тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, родитель моя маменька,

Дай-ко мне прощеньицо, поеду я,
Дай благословеньицо, поеду я,
Поеду я в чисто́ полё поля́ковать,
Поеду на войну на кроволитную.
Говорит как тут Настасья Олександровна:
— Ай же ты, Добрынюшка Микитиниць,
Едешь ты во чисто́ полё поля́ковать,
Едешь ты на войну на кроволитную,
Будешь бить ты там головушек безвинныих,
Серата́мы будешь делать молодыих жон.
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Дашь ты мне прощеньиця, поеду я,
Не даши благословеньиця, поеду я,
Поеду во чисто́ полё поля́ковать,
Поеду на войну я кроволитную.
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, родитель моя маменька,
Иди-ка ты в комнаты во новыи,
Во новы во комнаты во светлыи,
Возьми-ка там новыи сапоженьки,
Возьми платьиця новёшеньки шелковыи не дёржаны,
Возьми шляпу ты новую пуховую на головушку,
Ты неси-ка их да поскорёшенько.
Тут идёт ведь как Настасья Олёксандровна во комнаты во новыи,
Берёт новыи сапо́женьки на ноженьки,
Берёт новыи платьича шелко́выи не дёржаны на плечушка,
Нову шляпоньку пухову на головушку,
Несёт она Добрынюшке скорёшенько.
И тут как заводит Добрынюшка справляця-та,
И тут заводит как Добрыня снаряжатця-та,
Обул новыи сапоженьки на ноженьки,
Одел новыи платьиця шолковые недёржаные на плечьиця,
Нову шляпоньку пухову на головушку.
А пришли ёму сапоженьки по ноженькам,
Новы платьиця шолко́выи недёржаны по плечушкам,
Нова шляпонька пухова по головушки.
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, родитель моя маменька, Настасья Олёксандровна,
Иди-ко ты в кладовочки во новыи,
Во новыи во кладовочки, во светлыи,
Возьми-ка ты на стопочки уздечку-ту,
А уздечку ты возьми-ка там новёшеньку,
Недёржану уздечку-ту, не ежжану,
А возьми-ка ты на стопочки седёлышко,
Возьми-ка ты седёлышко черькаськое,

А новёшенько седёлышко не седлано и не ежжано,
Возьми-ка ты на стопочки потнички,
Возьми-ка ты потнички шолкóвыи, новёшеньки, не дёржаны,
Возьми-ка ты на стопочки плёточку шолкóвую нехлыстаную,
А ты неси-ка их да поскурёшенько,
Ты неси-ка ко паратному крылечушку,
И положь-ка ко столбу да ко точёному.
Тут походит как Добрынюшка в конюшенку,
А во конюшню идёт да ведь во новую,
Он берёт себи там Бурушка неежжена,
Он ведь Бурушка неежжана, не седлана,
Он не седлана двенадцать лет.
Полагает он на Бурушку уздечку-ту новёшеньку,
Он новёшеньку уздечку не держану и не ежжану.
Он выводит как тут Бурушка да на ши́рок двор,
Он на ши́рок двор выводит, да на белый свет.
Тут как Бурушка у него да срадова́лся-та,
И на поводку у него да разыгралса-та.
И как тут Бурушка начал попрыгивать,
На поводку ведь начал он поигрывать,
А Добрынюшку Микитича начал он подёргивать,
Начал он Добрынюшку пошатывать.
Тут ступил крепко́ на ноженьки Добрынюшка
И на́чал Бурушка око́л себя поваживать,
И он на́чал его да плёточкой шелкóвой да охаживать,
Тут Добрынюшка ему да приговариват:
— Стань-ка ты, Бурушко, да тише водушки,
Тише водушки стань да ниже травушки шолковоей,
И стой-ка ты, Бурушка, бытто стрёпанный,
И по колена бытто вкопанный.
Поводит Добрынюшка Бурушка,
Он ведёт да по паратному крылечушку,
Он подводит да ко столбу да ко точёному,
Он привязыват к кольцу да к золочёному.
Он заводит тут как Бурка обкольчужывать:
Кладёт потнички на потнички —
Новёшеньки, шолкóвыи, не дёржаныи,
Он седёлышко кладёт да ведь черькаськое,
Он новёшенько седёлышко не седлано, не ежжано и не дёржано.
У седёлышка стремяна-та с чиста се́ребра,
Подпруга-то у него из семи шолков,
Ремешки-та вси кругом да видь шолковыи.
Он кладёт да видь уздечку да вторёшеньку;
У уздечки обрузьё с чиста се́ребра,
А поводка́-то у ней да из семи шолков.

Только надо бы Добрынюшки сядучи,
Только надо бы молодцу поедучи,
Вдруг выходит молода жона Настасья свет Микулицьна.
Уж говорит она Добрыни таковы слова:
— Уж ты поежжашь, Добрыня, во чисто́ поля,
И поежжашь ты на войну да кроволитную;
Уж ты оставь-ка мни словечко одно тайное,
А второе ты оставь-ка мни верное:
Уж замýж мне-ка-ва велишь итти,
Аль вдовой ты мне-ка-ва жить велишь?
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, молóда глýпа женщина,
Не поспела ты меня да с дому выждати,
Похотела уж давно да и замýж итти.
Я налóжу теби заповидь ведь недолгую,
Я недолгу теби заповедь, трехстрочную:
Ты прожди-ка меня перво трú году,
Перво три году прожди — мни повороту нет,
Ты прожди-ка меня да второ трú году,
Второ три году прожди — мни повороту нет,
И ты прожди-ка меня третья трú году,
Третья три году прожди — мни повороту нет,
Повороту мне-ка нет, дак буде девять лет,
Потом-то ты хоть замýж поди,
А хоть вдовой живи;
Только нé ходи за братця за моего,
За братця крестового Олёшеньки Поповиця,
Смелого того бабьего насмешника.
Только видли Добрынюшку как сядучи,
А уж не видли мóлодця поедучи.
Под ним Бурушка начал как помахивать,
Под ним Бурушка начал как поскакивать;
Он видь рики и озёра, чистыи поля
И синии моря между ноги брал,
Он видь горы крутыи перескакивал,
Тёмныи леса перемахивал.
И съехал тут Добрыня на позицию во чúсто полё.
Произьдил ён во полюшки три годушка,
И произьдил ён второё три годушка.
А тут задумал Олёшинька Поповиць
Он ехать в свою сторонушку,
В свою сторону и на родину,
И на родину да к отцу, к матери.
Приежжает он к отцу, к матери
И идёт он да на бесёдушку к Настасьи свет Микулицьной.
Да ко второй к Настасьи Олёксандровной.
Он заходит да во хату ведь во тёплую,

Он заводит богу мóлиця,
Он крёс кладёт да по-писáному,
А поклон ведёт да по-учёному
На вси на четыри сторóнушки,
А уж Настасьи Алёксандровны в-особенно.
И говорит тут как Олёшенька Поповиц таковы слова:
— Ай же ты, Настасья Олёксандровна,
А вторая ты Настасья свет Микулицьна,
А я приехал со чистá поля,
Привёз я вам весточку нерадостну,
А привёз я вам письмо-то ведь печальная:
Мой-то братец Добрынюшка Микитиниць,
Он убит да во чистóм поли,
Он лежит да под ракитовым кусточком;
Волоса его от солнца погоревши,
Глаза ясны у воронá да поклёвавши,
Тело бело от косьёв да всё отпавши.
Он начал тут как Олёшенька да похаживать,
И начал Настасью свет Микулицьну да посватывать.
Говорит как тут Настасья свет Микулицьна:
— Отойди-ка ты проць от меня, пожалуйста,
Олёша Поповиць, смелай и бабей ты насмешник,
Справила я мужнюю заповедь девять годышков,
И наложу я ещё свою заповедь три годышка;
И пройдёт как Добрынюшки двенадцать лет,
И не придёт как Добрынюшка со чистá поля,
Потом-то я хоть замýж пойду,
Хоть вдовой жить буду.
Тут отъехал Олёшенька Поповиць,
Смелый бабий насмешник на позицию,
Во чисто поля поляковать.
И проездил он опять да три годышка,
Задумал тут Олёшенька ехать в свою сторону,
В свою сторону он на родину,
Он на родину да к отцу, к матери.
Он идёт да на бесёдушку
Да к Настасьи свет Микулицьной,
А ко второй да идёт к Настасьи Олёксандровны.
Он заходит во хату да во тёплую,
Он заводит да богу молитця,
Крёст кладёт да по-писáному,
Поклон ведёт да по-учёному
Он на вси да на четыри соторонушки
А уж он Настасьи да Олёксандровны особенно.
Говорит как тут Олёша таковы слова:
— Ай же ты, Настасья Олёксандровна,
А вторая, Настасья свет Микулицьна,
Приехал я со чи́стого со по́люшка,

А привёз я вам весточку нера́достну,
А привёз-то я вам письмо-то печальное
От братца от крестового от Добрынюшки Микитиниця.
Мой-то крестовый Добрынюшка Микитиниць,
Он убит да во чистом поли,
Он лежит да под ракитовым кусточком;
Волоса его от сонца погоре́вши,
Глаза ясны у воро́н поклёва́вши,
Тело бело от косьёв уж отпавши.
Он начал тут да видь похаживать,
Да Настасью свет Микулицьну да посватывать.
Говорит как тут Настасья таковы слова:
— Ай же ты, назва́на родна маменька,
Заму́ж ты мне-ка-ва велишь итти,
Аль вдовой мне ты жить велишь?
И говорит тут-ка Настасья Олёксандровна:
— Ай же ты, Настасья свет Микулицьна,
Жи́ла-ка я в серочестве,
Ро́сьтила я сынка единово да единёшенькова,
И всего горюшка я да притерпелась,
Всякой славушки я да принаслухалась, —
Хоть ты заму́ж поди́, а хоть вдовой живи.
Тут повысватал Олёшинька Поповиць,
Смелай бабий насмешник Настасью свет Микулицьну.
Уж у их да идёт дело свадебно,
И пошло дело к перованьицу.
Тут изьдит Добрынюшка в чистом поли,
Уж он над своей головушкой не знает невзгодушки,
И что есть дома на своей стороне,
Тут выходит молода жена Настасья свет Микулицьна
Замуж за Олёшу Поповича, за смелого бабьего насмешника.
И вдруг под ним конь его верный Бурушка
Призадумалса и он да призамешкалса,
Он не́ стал бегать да по-старому,
И не́ стал прыгать да по-прежнему,
Склонил свою головушку низёхонько.
И говорит как тут Добрынюшка Микитиниць
Свое́му коню да ён вить верному:
— Ай же ты, конь мой верный, Бурушка,
Служил ты мни верой, правдой двенадцать лет,
Теперь не́ стал ты бегать по-старому,
И не́ стал прыгать ты по-прежнему,
Склонил ты свою головушку низёхонько,
Неужоль ты меня хочешь в грязь сронить?
А неужоль и мою голову хочешь сказнить?
Говорит тут конь ёго да верный Бурушка:
— Ай ты мой хозяин, Добрынюшка Микитиниць,

Корьмил ты меня до позиции двенадцать лет,
Икорьмил ты меня второе двенадцать лет на позиции,
Езьдишь ты во чистом поли полякуешь,
Над своёй головушкой не знаешь ты невзгодушки,
И что есть дома на твоей сторонушке.
Твоя молода жена Настасья свет Микулицьна
Выходит ведь замуж за твоего братца крестового,
За Олёшиньку Поповиця, смелого бабьего насмешника;
Жалашь ли ты быть в своёй стороны
У молодой жены Настасьи свет Микулицьны на свадьбы,
А у крестового братця Олёшиньки Поповиця,
Смелого бабьего насмешника на ужины?
Говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Желал бы я быть у молодой жоны
Настасьи свет Микулицьной на свадебки,
А у крестового-то братця Олёшиньки Поповиця,
Смелого бабьего насмешника на ужины;
Живем-то мы за удаленьичем,
За широкима рекамы, за чистыма полямы,
За зелёныма лугамы и за синима морями,
За высокима горамы и за темныма лесамы.
Говорит тут конь ёму верный Бурушка:
— Ай же ты, Добрыня Микитиниць, верный мой хозяин,
Слезай-ка ты с меня да поскурёшенько,
Седлай-ка ты мни да седло креплёшенько,
Седлай седло крепко-накрепко и твёрдо-натвердо,
Оберай-ка вси ремешки кругом да шолко́выи,
Садись-ка ты на меня да не по-старому,
И садись-ка ты на меня да не по-прежнему,
Бери-ка ты в свои руки могучи, богатырьски
Поводка да шолко́выи,
Повезу я тебя да в свою сто́рону,
В свою сторону да на родину.
Он ри́ки и озёра, и чистыи поля,
И зелёныи луга, и синии моря между но́ги брал,
А он уж горы-то крутыи перескакивал,
Он темныи леса уж перемахивал.
Он уж приежжает в свою сторону.
А в свою сторону он уж и на родину.
Подъежжает он к дому благодатному,
Подъежжает к крыльцю ко паратному,
Он слезает с коня да Бу́рко верного,
Он подводит ко столбу да ко точёному,
Уж ён привязыват ёго к кольчю да золочёному;
Уж он идёт во хату да во тёплую,
Уж ступеньки под ним да поскрипливают,

А уж мостинки[1] под ним да поигрывают.
Он заходит во хату во тёплую,
Он заводит богу молитця,
Крёст кладёт да по-писа́ному,
Поклон ведёт да по-учёному
Он на вси да на четыре сторонушки,
А Настасьи Олёксандровны да в-осо́бинно;
Он приехал уж каликою.
Говорит тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, Настасья Олёксандровна,
Что ж ты сидишь да призадумалась,
Что ж ты сидишь да призамешкалась,
Личко твоё бело принаплакано,
Очи твои ясны притуманили,
А сидишь ты при большой обидушки.
Есь я не калика перехожая,
Есь я не калика переежжая,
Есь я Добрынюшка Микитиниць,
Твой сынок да ядинёшенёк.
Она ему и говорит:
— Есь вашего брата сынков да единёшенек,
Если мни поразна́тця,
Дак не хватит моих денежек и хлебушков и платьичков.
Вот ён ей и говорит:
— Ай же ты, Настасья Олёксандровна,
Не веришь ты своему сыну Добрынюшки,
Стань-ко ты на резвы на ноженьки,
Выть-ко ты на паратно крылечушко,
Посмотри ты на своего коня, на верного Бурушка.
Вдруг со словом стала она на резвые ноженьки,
Идёт на паратное крылечушко,
Заговорила она своим голосом:
Вдруг конь верный Бурушка заржал,
Начал копытом землю бросать.
И вот тут его, коня, да расседлали,
Вот провели его во конюшню,
Насыпали ему да пшеничи да белояровой.
Говорит тут Настасья Олёксандровна
Своему сынку да ядинёшенькому:
— Ай же ты, сын да Добрынюшка Микитиниць,
Ехал ты да тут дорожку дальнюю,
Нада теби с дороженьки попить да и о́тдохнуть.
А говорит как тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, родитель моя маменька,
Не́когда мни-ка пить и кушать и отдыхать,
Возьми-ка ты ключи от меня, пожалуста,

[1] Половины (мост — под).

Иди-ка ты во комнату во новую,
А во комнаты во новоей в уголочку
Стоит да сундочёк новёшенёк.
Отмыкай-ка ты его да скорёшенько,
Бери-ко ты гусёлышки яровцяты,
Яровцяты гусёлышки новёшеньки,
Новёшеньки, не дёржаны.
Неси-ка ты мне их да поскурёшенько,
А пойду я к Олёши Поповицю на свадебку.
Он берёт да гусёлышки яровцяты,
Он идёт да к Олёши Поповицю на свадебку,
Он заходит да во хату во теплую,
Он заводит да богу молитця,
Он крёс кладёт да по-писа́ному,
Он поклон ведёт да по-учёному,
Он на вси да на четыре сторо́нушки,
Он хозяину-то ведёт и в-особино:
— Ай же ты, хозяин да домо́вой батюшка,
Позволь-ка ты мне сыграть да во гусёлышка яровцяты,
А яровцяты, новёшеньки, — новёшеньки, не дёржаны.
Свеселить да твоих гостюшек,
Свеселить да хозяина с хозяюшкой,
Свеселить да молодого князя с княгиною
И развеселить да всю публику постороннюю.
Говорит ему хозяин таковы слова:
— Позволил бы я тебе сыграть в гусёлышки яровцяты,
Да нету теби мистецька сядучи.
Вот он и говорит хозяину:
— Если дозволишь сыграть,
Дак найду я себи мистечка систь.
Вот он сел на печку на кирпичную за столбичок,
Вот стал ён да поигрывать и стал он разыгрывать.
И вот свеселил он всих гостюшек,
И свеселил хозяина с хозяюшкой,
И свеселил весь стол да княженечкоей,
И развеселил всю публику постороннюю
Своей игрой да молодецькоей.
И говорит тут Настасья свет Микулицьна таковы слова:
— Ай же ты, названый родной татенька,
Позволь-ка ты мни налить да цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина да полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного,
Кому знаю, тому и по́днесу.
И говорит тут Настасья свет Микулицьна таковы слова:
— Ай же ты, калика перехожая,
Ай же ты, калика переежжая,
Стань-ка ты на резвые на ноженьки,

Подойди-ка ты ко столам ко дубовыим.
Бери-ка ты цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного.
Он стаёт на резвые на ноженьки,
Он подходит да ко столам ко дубовыим,
Берёт цяру да еди́ной рукой,
Выпивает на еди́ной здох.
Тут-то у Добрынюшки храбрости прибыло;
И стал ён да ещё поигрывать,
И стал ён да ещё розыгрывать.
Силушка стала богатырьская,
А смелость стала уж молодецькая.
Говорит Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, хозяин да домо́вой батюшка,
Позволь-ка ты мни налить да цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина да полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного,
Кому знаю, тому и по́днесу.
Подходит он к столикам дубовыим,
Говорит тут таковы слова:
— Ай же ты, Настасья свет Микулицьна,
Бери-ка цяру зелена́ вина,
Цяру зелена́ вина полтора ведра,
Полтора ведра да вина пьяного.
Пей-ка ты его до дна и увидишь добра,
А не выпьешь до дна, не видать теби добра.
И берёт ёна да еди́ной рукой,
Выпивает ёна на единый здох.
Выпила она его до дна,
Увидала она свой перьстень имянной, обруцяльный.
И берёт она свой перьстень и говорит таковы слова:
— Не тот мой муж, который возле меня стоит,
А тот мой муж, который за столом стоит.
Раздвинула она столики дубовыи,
Подходит к Добрынюшки Микитичу.
Говорит тут Добрыня таковы слова:
— Стань-ка ты в сторонушку,
Настасья свет Микулицьна.
Ён берёт Олёшу Поповича,
Смелого бабьего насмешника за жолты́ кудри.
Он нача́л его поваживать,
Нача́л шолковой плёточкой его и охаживать.
Он его да и поваживал,
Плёточкой он его да и охаживал:
— Не диву́ю я молодой жоны,
Что она замуж пошла,
А дивую я Олёшиньки Поповичу,

Смелому бабьему насмешнику,
Что от живого мужа жону отнял.
Захватил он жону свою Настасью свет Микулицьну
И отправились оны домой в свои спальни тёплыи.

ЕВДОКИЯ АЛЕКСЕЕВНА КОКУНОВА.

Автобиография.

Родилась в Гаговском приходе дер. Лобеги, Сорочье поле, Пудожского района в 1878 году. Отец был крестьянин-средняк, мать тоже крестьянка. Грамоте не училась, не было в деревне школы, да и бабушка не пустила, надо было дома помогать, а мать не смела ослушаться. Отец был часто на сплаве и лесозаготовках в качестве вначале десятника, а затем приказчика, и дома жил мало. Осталась я от отца семнадцати лет, работала на крестьянстве вместе с семьей (восемнадцать человек семья). Двадцати лет вышла замуж в Пудож, деревня Колово, за крестьянина средняка. В 1914 г. умер муж, осталось у меня шесть человек детей, старшему было четырнадцать лет, младшему три недели. С ними-то я и осталась хозяйничать. Дети выросли, три сына служили в Красной Армии.

В колхоз вступила в 1932 году, с самой организации колхоза в нашей деревне. Работаю когда на огороде, когда на пожне (во время сенокоса). Семья у меня сейчас четыре человека: сын, дочка (работает на почте) внучка и я. Живу хорошо.

65

ПРО СТАВЕРСА СЫНА ГОДИНОВИЧА.

Все-то на пиру да напивалися,
Все-то на пиру да наедалися,
Все на пиру порасхвастались:
Умный-то хвастает старой матушкой,
А безумный-то хвастает молодой женой,
А богатый-то хвастает золотой казной,
А Илья Муромец сын Иванович
Он ведь хвастает силой богатырской.
А стоит у стола Ставерс сын Гордеевич,
Нечем ему да похвастать:
— Нету у меня силы богатырскую,
Нету у меня да старой матушки,
Нету у меня да золотой казны,
Нету у меня да ворона́ коня,
Только естя у меня да молода жена,
Она всех князей, бояр да с ума свела
И самого князя да Владимира стольно-киевского.
Уж как то слово царю да не во нрав пришло:
— Вы берите-ко Ставра да за белы́ руки́,
Вы берите-ко Ставра да во чисто́ поле́,
Вы кидайте-ко Ставра да во глубок погреб,
Пускай его да молода жена Авдотья Никулична повыкупит.
Она сидит за столиком за дубовыя,
За скатертем сидит она шелко́выя,
За есьвами сидит она саха́рными,
И за питьями да за миндальными,
А мимо летит птица черно́-во́рона,
Грает она да по-вороньему,
Говорит она да по-человеческу:
— Ты Авдотьюшка да Никулишна,
Пьёшь да ешь сидишь, проклаждаешься,
Над собой невзгоды не начаешься —
Твой-то муж уж третий день в погребу лежит.

Разгорелося сердечко поляницкое,
Скоцила за дубовый стол,
Садилася поляница на дубовый стул,
Подрезала она волосы по-мужському,
Надевала она платьица мужськие,
Идёт она во стойла да во конюшни,
Во конюшенки идёт да во кониные,
Выбирает она себе по плечу коня.
Кладёт потнички да на потнички,
Кладёт войлочки да на войлочки,
А сверху кладёт черканское седёлышко,
И затягиват она двенадцатью подпругами,
Не ради красы-басы молодецкой,
А ради крепости богатырскою.
Только видли поляницу, как садилась,
А не видли поляницы, как уехала.
Приезжает поляница во Киев-град
Ко тому да к князю Владимиру,
И приходит поляница во белу горницу.
Она крест кладёт да по-писанному,
Она кланяется по-учёному,
И говорит она да таковы слова:
— Ты, князь Владимир-солнышко,
Я приехал посол ряховинский
О хорошем о деле, о сватосьве
На любезной на твоей на племянничке.
— Погоди-ка посол да ряховинский,
Я с племянницкой да посоветуюсь.
— Уж любезна моя племянницка,
Как приехал посол ряховинский.
— Ты желанный мой дядюшка,
Отдаёшь ты девчину за женщину,
У ней грудь высоконька по-женьскому,
Походочка частенька, как женьская.
— Подожди-ка, любезная племянничка,
Я-то свата того приотведаю,
Я стоплю про посла парну баенку.
— Ой же ты, посол ряховинский,
Не желаешь ли ты с дорожки помыться, попариться?
— А не мешает, говорит, с дороги помыться, попариться.
От не успел царь пособратися, говорит:
— Я пошол помылся, напарился, —
Уж бежит с парной баенки.
— Почему же ты как скоро пошол, говорит, ряховинский?
— Я не мыться приехал, не париться, говорит,
Я о добром о деле, о сватосьве.
— Подожди-ко, посол ряховинский,

Мы с племянницкой да посоветуем.
— Ты любимая моя племянницка,
Дашь ли слово послу ряховинскому?
— Ты желанный ты мой дядюшка,
Отдаёшь ты дивчину за женщину,
У ней грудь высокенька, по-женьскому,
Походочка частенька, как женьская.
— Подожди-ка любезная племянничка,
Я посла того приотведаю.
Ну-ка ты, посол ряховинский,
Ты возьми стрелу калёную,
А колечушко злачёное,
А попадёшь в тое колечушко,
Тогда отдам я любезну свою племянницу.
Вот уж первый раз стрелил — пере́стрелил,
Другой раз стрелил — недо́стрелил,
А третий раз уж в само кольцо;
И говорит он сам таково слово:
— Уж князь Владимир стольно-киевский,
Я приехал к тебе о добром о деле, о сва́тосьве.
Ну, и сдумал князь стольно-киевский,
И стали оны да пировать тут.
И говорит тут посол ряховинский:
— Вот вси, говорит, у меня в собраньицы,
Одного-то нету братца названного, —
Ставра сына Гордеева,
Так нельзя ли, говорит, его повывести из темна погреба?
Приказал тут князь Владимир стольно-киевский:
— Вздымайте-ка Ставра с погребов глубокиих,
Вы ведите-ка Ставра сюда на чесные пира.
Привели Ставра сына Гордеевича,
И тут скочил посол ряховинский,
Поклонился князю в нози стольно-киевскому:
— Те спасибо, князь Владимир стольно-киевский,
Я не посол ряховинский,
Я Авдотья да Никулишна.
Мужа взяла, да уехала.

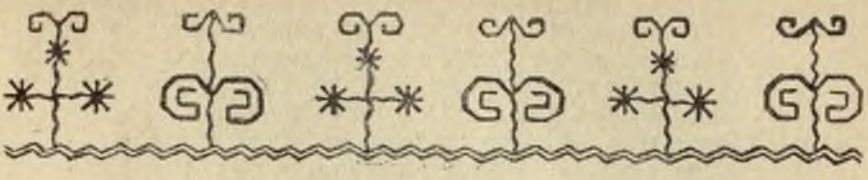
СТЕПАНИДА ЯКОВЛЕВНА ЕГОРОВА.

Из автобиографии.

Родилась в 1892 г. в деревне Малая Пога, Кугонаволокского сельсовета в семье крестьянина бедняка. Детей у отца было пять человек. Окончила трехклассную школу с отметкой на хорошо и отлично; по окончанию был дан похвальный лист. Учиться желала дальше, но не представлялась возможность; ввиду тяжелых материальных условий с одиннадцати лет пошла по няням, до четырнадцати, а потом пошла по работницам, получала по три рубля в зиму. В работницах жила два года с шестнадцати до восемнадцати лет; была прислугой в винной лавке, а потом жила у отца, работала с ходу, т. е. у кого придется. Двадцати лет вышла замуж в семью крестьянина бедняка, семья была два человека: муж и свекровь. В замужестве также счастья не было, мужа взяли на войну, я осталась одна и двое детей. В 1918 году вернулся муж, семья у нас увеличилась, стало пять человек детей, жить было очень тяжело это время до 1922 года. Потом возмужали старшие дети, жить стало лучше, а всех их у меня было одиннадцать человек.

В 1932 г. вступила в колхоз и по настоящее время работаю в колхозе «XX-я годовщина Октября» в качестве заведующей товарно-молочной фермой. За 100% сохранение молодняка, за хороший уход по животноводству была выдвинута колхозом на районную сельско-хозяйственную выставку, где была премирована денежной премией, а колхоз премирован машиной и также деньгами. В 1940 г. буду стремиться за 100% сохранение молодняка.

Старинам научилась у свекрови, которая, когда была жива, рассказывала моим детям, и от неё научилась и я.

66

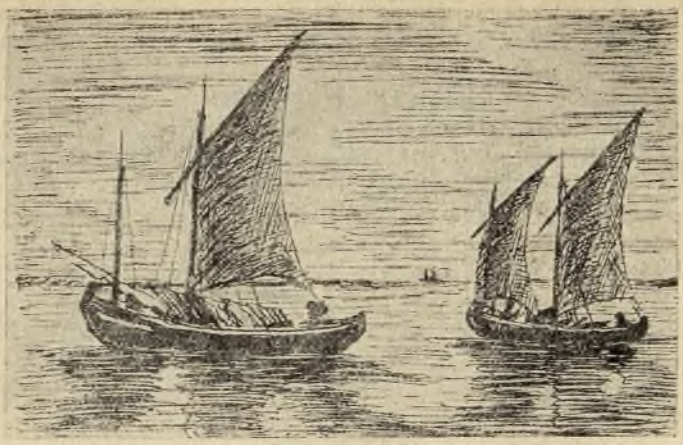
ПРО ДОБРЫНЮ.

У князя Владимира стольне-киевского
Был пир, да все князья и бояра сидят.
Да все-то на пиру да наедалисе,
Дак все-то на пиру да напивалися,
И все-то на пиру да порасхвасталиси.
Умный-то хвастает отцом-матерью,
А глупый малыма детьми,
А безумной-то хвастает молодой женой.
Дак встал наш Владимир князь стольне-киевский,
И смотрит он в косивцято окошецко и во чисто поле.
Там ни ветры ли сильны развевалиси,
Там не снежки ли белы поднималиси, —
Тут все они запечалились, заугрюмились,
Что войско-то едёт на них наступать.
— Нам послать ли не послать того Добрыню Никитица?
Заугрюмился, запечалился тут Добрыня Никитинец,
Да приходил к своей родной матушке:
— Ой же ты, родитель моя матушка,
Свет чесна вдова Намерфа Тимофеевна,
Ты пошто нашто несчастного спородила,
Силою да ты меня не сильного,
Красотою ты меня да не красивого,
Ухваткой меня не ухватистого?
— Ой же ты, рожоно мое дитятко,
Нынецу теперь дак я бы знала спородить
Силою тебя да во Самсонова царя,
Красотою тебя да во Ивановьского,
Ухваткой в Олёшу Поповича.
Эты слова-то не полюбилися Добрыне Никитичу,
Она похинила Добрыню, своего сына,
Похвалила Олёшу Поповича.
Заправлялся да он ехать, да жены наказывал:

— Если трёх годов не приеду, дак до шести жди,
А до шести не приеду, дак до девяти жди,
А девять не буду, дак до двенадцати жди.
А не приеду до двенадцати, дак тогда
Хоть вдовой живи, а хоть взамуж поди,
Поди хоть за князя, за боярина,
А не ходи за Олёшу Поповица, —
Олёша Поповиц мне крестовой брат,
Крестовой брат лучше ро́дного.
Ну дак не приехал. Двенадцать годов исполнилось.
Тут стал Олёшенька подхаживать,
Да Настасью Микулишну замуж подговаривать.
Ну дак она тут стала выходить замуж,
Ушла от свекрови. А приехал-то Добрыня Никитиць
К своей-то матушке, да стал колотиться-то тут у ей.
Дак она, вишь ты, сказала:
— Отойдите вы, проклятые удо́лища,
Кабы был у меня сын Добрыня Никитиць,
Дак не дошло бы вам над старухой насмехатиси.
Дак сын пришол к матери, она его узнала и сказала:
— Твоя-то жена вышла замуж за того ли Олёшу Поповича,
— Не вини ты своей да молодой жены,
Олёша взял её на омман как-то.
Дак скидывал Добрыня Никитиць своё платье дорожное,
Умывался он побелёшенько,
Одевался да он поскорёшенько,
Одевал он сапожки сафьяновые —
Около носика да яйцом кати,
А под пятоцку да воробей лети
(Вишь ты, на высоком каблуке были).
Брал ён гусёлышка яровчатые,
Пошол он на свадебку на чесной пир,
Ну дак там на пир пришол, сел да заиграл в гусёлышка яровчатые.
Тут и спомнила Настасья Микулицьна:
— Эдак играл мой Добрыня Никитиць.
И говорила она молодому князю Олёше Поповичу:
— Налей чару вина да полтора ведра,
Поднеси-ка ты весёлому гусельщику.
Налили вина полтора ведра,
Брал он ца́ру одной рукой,
И выпивал он ца́ру на единой здох,
И говорил он Олёше Поповичу:
— Налей ца́ру вина своей молодой жены.
И положил туда перстень именной и говорит ей:
— Пей, говорит, до дна, дак увидишь добра,

А не выпьешь до дна, дак не увидишь добра.
Ну дак она выпила до дна, там и увидела это место-то (*Кольцо*).
Тут сказала Настасья Микулицна:
— Не тот мой муж, что со мной сидит,
А тот мой муж, который сопроти́в стоит.
Ну дак тут, видно, расчитывался
Олёша, что жену чужу взял.

ДОМНА АНДРЕЕВНА ШПАГИНА.

Автобиография.

Осталась я от матери на четырнадцатом году, а отец не помню когда умер, только отец умер раньше матери. После смерти матери я пошла по людям в казачихи и работала за двенадцать рублей лето. Жила у купцов за двадцать пять рублей в год. До замужества всё в казачихах была, а на тридцатом году вышла замуж. С мужем жила двадцать годов, но и замужество было несладко, ходила молотить и жать поле. Детей было трое, но вырос один. Муж умер как сорок лет. Сына выростила, а остальные умерли. Сын женился, у него четверо детей. Мне уже девяносто годов (считай 30 годов жила девкой, двадцать годов с мужем и сорок без мужа). Не одолило меня веселье, ни девкой, ни бабой, весь век в горе.

Былинам и старинам научилась от людей, когда ещё была в казачихах, да от мужа.

67

ПРО ДОБРЫНЮ.

— Матушка моя родная, честна́ вдова Охимья Олексан-
дровна.
Дай прощеньице, говорит, да дай благословеньице.
— А тебя бог простит, говорит, да бог благословит,
Пресвятая мать да богородица.
Пришол он на конюшню на стоялую,
Взял он Бурушка неезжалого,
А у Бурушка гривушка трёх локот, шёрсточка трёх ря-
дов.
А из ушей у него искры сыплютси,
А из ноздрей да чад вало́м валит.
И выходит к нему любима́ семья,
Любима́ семья да молода жена,
Молода́ жена да Настасья Микулишна:
— Уж ты муж, ты мой законной муж,
А молодой Микита сын Добрынивич,
Когды тебя мне ждать, тебя с чиста́ поля?
— А жди, говорит, меня да три года,
Но я не буду как три года,
Так должно у тебя будет своя воля,
И хоть вдовой живи, а хоть взаму́ж поди,
И поди и за князя и за боярина
И за руського могучего бога́тыря,
А только не ходи за младого Олёшеньку Поповича,
Млад Олёшенька мне брат крестовое да лучше ро́дного.
Видели Микитушку сядучись, а не видели поедучись,
Только во чистом поли да курева стоит.
День за днем как дождь дождит,
А неделя за неделю как вода бежит,
Ну и проходит тому времячки три́ года
А не видать Микиты со чиста́ поля.
И стал Олёшенька к ей похаживать,
Стал Настасьюшку да уговаривать:

— Я вчера был во чистóм поли,
Видел Микитушку убитого,
Лежит твой Микита о ракитов куст,
От его ли буйной головы травы выросли,
А от его сердца ретивого цветы выросли.
Ты, говорит, добром идёшь, так я добром возьму,
А добром не идёшь, так и забоем возьму.
— А нет, говорит, прошло время мужськое,
А наложу я себе время женьское.
Ещё наложила себе три года
— Как пройдет ещё три года,
Так будет у меня своя воля,
Я хоть вдовой живу, а хоть взамýж пойду.
Опять день за день как дождь дождит,
А неделя за неделю как вода бежит;
Ну и проходит тому времени трú года,
Опять не видать Микиты со чистá поля.
Стал Олёшенька к ней похаживать,
Стал Настасьюшку подговаривать,
Стал опять замуж сватать:
— Я вчерась, говорит, был в чистóм полú,
Видел Добрынюшку убитого,
Лежит, говорит, твой Добрыня о ракитов куст,
От его ли буйной головы травы выросли,
А от сердца ретивого цветы выросли.
Ты, говорит, добром идёшь, так я добром возьму,
А добром не идёшь, так и забоем возьму.
И сдаласи Настасьюшка на лясушки,
Вчерася у них была свадебка,
А сегодня у них да почестной пир.
А на пиру были пьяны, и веселы,
И в поездкý были князья да бóяры,
А Владимир-свет да ведь во тысяцкой,
А Опраксия княгиня сватью бóльшею.
А конь проговорил языком человеческим:
— Ты что спишь, доброй молодец, да просыпаешьси,
А много времени да ты прохлаждаешьси,
У тя выходит, говорит, любимá семья,
Любимá семья да молодá жена
Та ли Настасья Никулишна
За молодого Олёшеньку Поповича,
И вчерась, говорит, у них была свадебка,
А сегодня у них да почестен пир.
И на пиру были пьяны, веселы,
И в поездóчку были князья, бóяра,
А Владимир свет да ведь во тысяцкой,
А Опраксия княгиня сватью бóльшею.
А ён выстал, сел да на добрá коня,

Реки да моря перелятывал,
А высокие горы перескакивал,
Ну и приехал к своей матушке ро́дноей:
— Ты честна вдова Охимья Олександровна,
Дай мило́стыньку не ради калики перехожеей,
А ради своего Микиты Добрынича.
Старушечка по-поясу в окошечко поглядала:
— Не моё ль, говорит, да тут чадо милое?
Наклонила у калики буйну голову,
Увидала она три знатебки и изложенки,
И стала сыну говорить:
— У тебя была жена умная да разумная,
За Олёшеньку-то она насилу вышла.
Дак ён одел платьиче скоморохово,
Взял гусёлышко яровчаты, пришол ён на свадебку.
Стал в гусёлышко да ён наигрывать,
Да стал в яровчато натачивать,
Дак отводили ему мистичко под порогом.
Он поиграл, наливали ему вина,
А весом вина полтора пуда́, а мерой вина полтора ведра.
И принимае ён чару едино́й рукой,
И выпивае ён да на еди́ный дух.
И отводили ему мистичко против молодых на скамеечку.
Он опять стал в гусёлышко да наигрывать,
Стал в яровчаты натачивать.
Опять наливали ему вина,
А весом вина полтора пуда, а мерой вина полтора ведра.
— Дайте питися, перепитися,
Поднести жены Настасьи Никуличной.
А сам спустил перстень ейной именной в рюмку и говорит:
— Пей до дна, дак увидешь добра,
А не пьёшь до дна, так не видать добра.
Ёна пила до самого хрустального до донышка,
И увидела свой злачён перстень и говорит:
— Не тот мой муж, который возли меня,
А тот мой муж законной,
Который супротив меня на скамейке сидит.
И выстала.
— Не дивуй-ка ты, говорит, уму женьскому,
А подивуй, говорит, ты уму мужському,
Своему братцу да ведь крестовому,
От жива мужа да ты, говорит, жену берёшь.
А Микитушка выстал да стал похаживать,
А стал Олёшеньку дубинушкой поваживать.
Ну, Олёша кленится да проклинаетси:
— Всякой, говорит, добрый молодец женится,
Да не каждому женитьца и сдаётся.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ МИШКИН.

Из автобиографии.

Отец мой был бедного состояния. Крестьянство было очень плохое: лошадь плохая, семяной фонд еле-еле хватал засевать землю, а нас растили четверых. Недостаток был в хлебе и во всём в другом. На двенадцатом году ходил в школу; ученье мне нравилось, учился хорошо, обучился читать очень скоро, арифметики, по стихотворению и по закону божию. Когда я обучался читать, в ту же школу ходил Николай Коршинский; у него была древняя книга под заглавием «Киевские богатыри», вот у него эту книгу я читал, много понял на память. Ходил в школу только одну группу, потом и родители не пустили: надо было ездить в лес за дровами и сеном и по всему хозяйству. А отец работал: зимой сани, а весной колёса для поддержки своего семейства. Осенью ходил на охоту за рябчиками и брал меня, обучал как стрелять. Когда я обучился, тогда ходил один. Когда мне сполнилось шестнадцать лет, мама померла, отец женился на второй. Пошли дети, мачеха нас не любила, стала с нами ссориться каждый день. Прошло много времени в неудовольствии. Старшая сестра вышла замуж, а младшая сестра и меньший брат уехали в Петрозаводск. Сестра поступила в кухарки, брат чернорабочим, а я остался дома в неудовольствии. Перешол в деревню Чернову к зятю, к выданной сестре. Прожил у зятя два года, обучился столярной работе, ходил обделывал разную мебель и работал дома кирпичи. Зимой ходил на охоту. Ловил зверей капканами, заключил договор.

Прошло времени много. Мне исполнилось тридцать лет, вздумал жениться. Спустя немного времени, недель пять, отец помер. От зятя не успел перейти, пошла ссора между нами: у одной печки

не поладились; принуждено строенье поделить между тремя братьями. Строенье оценили в девяносто рублей, мне присудили место. Я весной под окном посадил небольшой садик, яблони. Взял свойской земли на одну душу, принялись крестьянствовать.

В 1914 г. был взят на войну. Пробыл там целый год. Жонка одна с крестьянством билась. Были дети, да померли, осталось два сына. Старший сын окончил семилетку, учился в Оренинбауме, потом перешол в московский техникум на техника. Окончил учёбу и был взят в Красную Армию. А меньшой сын окончил семилетку и поступил на курсы землеустроителя. Окончил курсы и работал землеустроителем. А теперь тоже взят в Красную Армию.

Я со старушкой жил в колхозе. Первые четыре года я работал, был севцом, следил за качеством, ремонтировал машины, колхозный инвентарь. В посевную, весной заболел, обратился к врачу, врач строго запретил выходить на работу, но я отдохнул один день и опять пошол на работу. Просеял целый день, вечером едва приплёлся домой, потом проболел два месяца. Больше не бывал на колхозной работе. Только занимался охотой. Работаю от Кар.-пушнины по договору; когда могу, выхожу на охоту. А старушка моя работает в колхозе на лёгких работах, потому что она инвалидка.

68

О СОХМАНЕ.

Съезжалися и сходилися во Киев-град
Ко ласковому князю ко Владимиру на почестен пир.
Оны пили, ели, веселилися,
Все хмельным вином да упивалися,
Все оны да порасхвастались.
Как первый разумный хвастал отцом-матушкой,
А другой разумный хвастал ро́дным батюшком,
А третий разумный хвастал чужой сестрой,
А первый безумный хвастал молодой женой,
А другой безумной хвастал дорогой казной,
А третий безумный своей сестрой.
Тут сидел да добрый молодец,
Сидит не пьёт, не кушает, бела лебедя не рушает,
Он ничим да не похвастаёт.
Выговорил тут Владимир князь красно солнышко:
— Что же ты, добрый молодец, сидишь не пьёшь, не кушаешь,
А ничим ты не похвастаешь?
Заговорил тут добрый молодец:
— Мне нечим похвастати,
У меня нет молодой жены,
Нет у меня дорогой казны,
Нет у меня да своей сестры,
Нет у меня ни отча, нет ни матушки,
Нет у меня да крёсна батюшка,
Нет у меня названой сестры.
Мне-ка тем будет похвастати,
Что во мне силушка великая,
Я возьму свой тугой лук,
Гуся серого, лебедь белую с лука стрелю,
А серого утёныша живьём возьму;
Ищё тем мне бы похвастать:

Стоит во чистом поли вражья сила татарская,
Я побью их до единого.
Он взял свой тугой лук,
Сошол он ко синю морю,
Не убил там ни гуся, ни лебедя, ни серого утёныша.
Разгневался он тут ярче пламени,
Схватил он дубину в три обоймища,
Крикнул он своим зычным голосом
Своего добра коня,
И поехал в ту сторону, где стояла вражья силушка.
Стал он дубинушкой помахивать,
Поганых татар поколачивать,
Объехал всю рать великую, побил он до единого.
Три татарина скрылися,
У Днепра-реки притаилися.
Когда ж подъехал Сохман к реки,
Спустили с луков три стрелы калёныи
В его грудь белую —
Вонзались раны глубокии,
Сгоряча убил трёх татаринов,
Выдернул стрелы из ран,
И заткнул он маковым листом.
Приехал он в Киев-град,
Велел доложить князю Владимеру,
Что побита сила бусурманская.
Не поверил ему весь Киев-град,
И посадили его в глубокий погреб.
Назначали оны объездный отряд,
Обследовать побиту рать-силушку.
Приехали объездные с побоища, —
Действительно побита сила бусурманская,
Нашли его дубинушку разбиту на лозиночки.
Выпустили его с погреба глубокого,
И возговорили ему таковы слова:
— Хочет тебя князь красно солнышко,
Хочет тебя миловать, хочет тебя жаловать.
Возговорил-то Сухман Одихмантьевич:
— Не сумел меня красно солнышко миловать,
Не сумел меня жаловать,
А теперь не видать ему меня во ясны очи.
Он как крикнул своего коня своим зычным голосом,
Он скочил на добра коня,
Ототкнул свои раны глубокии,
И возговорил таковы слова:
— Потеки-ко, Сухман-река,
От моей крови горячяя и от напрасная.
И уехал он с очей их.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ПАВКОВ.

Из автобиографии.

Отец был бедняк, земли у нас было мало. Хлеба хватало на четверть года. Ребят нас было шестеро. В школе учился три года. С одиннадцати лет отец меня в работу пустил.

Былины отец знал, но говорил их на рассказ, и сказок много знал.

Мне восемнадцать лет исполнилось, когда мать померла. Отец взял меня и поженил. Молодой совсем был, царской армии, скажем, не видал, сразу на войну попал.

Взяли в 1914 году, месяц пообучались, потом на фронте пять месяцев побыл и восьмого февраля 1915 г. в германский плен попал. В германском плену находился четыре года. Там житьё было хуже каторги, избивали, вязали к столбам. Хлеб давал германец только три фунта на 7 дней, а суп был один бульон и всё. Среди пленных песня такая была:

Было дело в Еринберге,
Дело трудное, друзья,
Над нами немцы издевались
Не давали нам житья...

Таких песен было много, некоторые помню. Фельдфебеля нас били за второй черпак супа. — Вот сукины дети были.

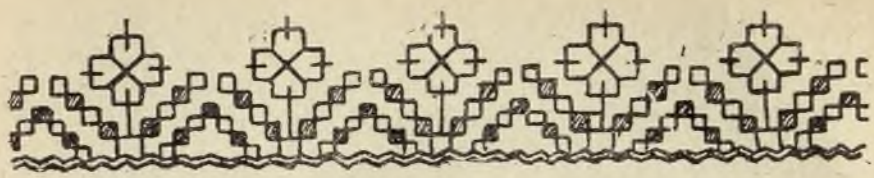
В 1918 году мы работали от того же немца на французской границе. Когда революция здесь начиналась, мы были уже во Франции, взяли нас англичане (хотели из нас воинов сделать на стороне белых). С месяц подержали, не понравилось, передали французам.

Кормили нас хорошо, думали, что мы пойдём за белых. Лагерь был в Майн. Стали отправлять нас на работу на американский вагоностроительный завод в город Ларошель на берегу Атлантического океана. Давали нам срочный паспорт «пермиссион», но мы хотели попасть в Советскую Россию.

В 1921 году 12 февраля нам разрешили ехать в Россию, привезли в Одессу. Когда приехали в Одессу, нас хорошо встретили и направили в Москву. В Москве я заболел малярией. Больной попадал домой. Дома лето проболел, потом вылечился, работал в жеровне и на лесозаготовках. Много охотой занимался, я хороший охотник был. В 1934 г. вступил в колхоз, первый год нас только двенадцать хозяйств записалось. Зимой 1934—35 гг. на лесозаготовках я был бригадиром, три раза меня премировали. Работали по-ударному, по-стахановски.

Остальное время в колхозе работал, бригадиром тоже. Теперь живу в колхозе и работаю. Семья у меня семь человек: я, жонка и трое детей, две дочки живут в Петрозаводске, вышли замуж, работают на лыжной фабрике.

Былины слушал от Якушова. В одиннадцатом и тринадцатом году вместе с ним на лесозаготовках работал. Пел я «Сухмантий Одихмантьевич», ещё «Добрыня Никитиниць» (не всю). Пел раньше и другие, но как пошол на германскую войну, да в плену побывал, то забывать начал. Надо мной смеялись, говорили: «На что они тебе?» В 1939 г. восьмого марта пел женщинам про Сухмана, собирались у нас в деревне свои женщины послушать. Якушов из нашей деревни, мотив (былин) у меня от него взят.

69

СУХМАТ ОДИХМАТЬЕВИЧ.

В стольном городе во Киеве
У ласкового князя Владимира
Было пирование почестный пир,
Было столование почестный стол.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Все на пиру да порасхвастались.
Умный хвастает отцом-матерью,
А безумный — молодой женой,
А третий хвастает золотой казной,
Инный хвастает своей силою,
Силой, ухваткой богатырскою.
Он сидит, не ест, не пьёт и не кушает,
Белых лебедей не рушает,
И подходит тут Владимир князь да стольне-киевский,
Говорит он таковы слова:
— Ай же ты, Сухматий Одихматьевич,
Что же ты не ешь, не пьёшь да не кушаешь
И белы лебеди не рушаешь?
А об чём же ты задумался, об чём запечалился?
— Ай же ты, Владимир князь стольне-киевский,
Дай же мне да времечка немножечко,
День с утра и весь до вечера,
Привезу тебе лебедь белую я живьём в руках.
Владимир князь стольне-киевский
Дал ему времечки немножечко
День с утра и весь до вечера.
И выходит он на широкий двор
И седлает он своего коня
И поезжает он ко той ко первой ко тихой заводи.
У той у тихой у первой заводи
Не плывут ни гуси и не лебеди,
Ни серые малые утёнышки.
Едет он ко второй ко тихой ко заводи:
Тоже самое не плывут ни гуси, ни лебеди,
Ни тихие малые утёнышки.
Тут Сухмат Одихмантьевич пораздумался,

Пораздумался да запечалился,
Поезжает ко той ли матушке Днепре-реке:
— Ай же ты, матушка Днепра-река,
Что ж ты песком да помутилася?
Отвечает матушка Днепра-река:
— Как же мне с песком не помутитися,
Как за мной за матушкой Днепрой-рекой
Стоит силушка неверная,
Сорок тысячей татаровей поганых.
Направляется он за матушку Днепру-реку
К той ли силушке татарьские,
Забирает он дуб да за вершиночку,
Нагибает он да ко сырой земли,
Вырывает его да со кореньямы.
В том дубу сучки да кулаком ломал,
И вот начал по силушке по той да поезживать,
Да начал по силушке помахивать,
Куда махнёт — туда улица,
Перемахнёт — переулочек.
В то время ему две пули в грудь попали,
Полилася бурая кровь.
Срывал он с дерева листочки,
И затыкал свои он дырочки.
Не прошло тут времени одны суточки,
Как была вся силушка татарская побитая.
И направляет он своего добра́ коня
На тот да стольный Киев-град,
К тому да ко князю ко Владимиру.
А князь Владимир не вытерпел,
На крылечушко он да выбежал,
Да с тем богатырем да он поздоровался:
— Ах же ты, Сухматий Одихматьевич,
Да где же твоя да белая лебёдушка?
— Ах же ты, Владимир князь да стольне-киевский,
Своего дела да я не выполнил,
Не привёз тебе белые да я лебёдушки
А за той за матушкой Днепрой-рекой
Побил я силушку неверную,
Сорок тысячей татаровей поганых.
Тут Владимир князь да поразгневался:
— Солгал ты напраслину да великую.
И прогнал с своего широка двора
Своего ли Сухматия Одихматьевича.
И садился Сухматий на добра́ коня,
Выезжал он во чисто́ поле,
Раскидал он бе́л шатёр.
Не теряя времечки, отправляет двух туда да посланничков:

Старого казака Илью Муромца
И второго — Добрыню Микитинца.
Приезжают те посланники за Днепру-реку,
На то полчище татарское:
Лежит вся силушка побитая
И лежит та дубиночка обломана,
Весом дубиночка в девяносто пуд.
Тут посланники чуть не изумилися,
Поворачивали своих добрых коней
И направились во стольный Киев-град
Ко тому князю Владимиру.
Донесли князю Владимиру про успехи богатырские
Того-то Сухматия Одихмантьевича,
Что он правдою да выхвастывал,
Что побита вся силушка неверная
В сорок тысячей татаровей поганыих.
Вот Владимир князь да приобдумался
И сказал посланникам таковы слова:
— Ах вы, сильные могучие богáтыри,
Илья Муромец и Добрынюшка Микитинец,
Седлайте вы своих добрых коней
И поезжайте во чистó поле,
Да разыскать того богатыря Сухматия Одихматьевича
И привести его ко мне да на лицо,
И буду я просить у него прощения
За то, что я разгневал его.
Тут Илья Муромец да Добрынюшка Никитинец
Седлали своих да добрых коней
И направлялись на поиски Сухматья Одихматьевича.
Суточки прорыскали да по чисту полю
И вторые оны проездили по чисту полю
И только на третьи суточки
Увидали шатёр белополотняный
Своего брата любимого.
Увидал же тут Сухматий Одихматьевич,
Что едут к нему да посланники,
Тот Илья Муромец да Добрынюшка Микитинец.
Поразгневался на князя Владимира,
Выходит он из белá шатра
И встречает он тех богáтырей
Илью Муромца и Добрынюшку Микитинца;
И не выдержало его сердечко ретивое,
Чтобы явиться к князю Владимиру,
И выдёргивает он с тех раночек великиих
Да те листочки зелёные
И говорит он таковы слова:
— А протеки-же от меня Сухман-река.

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА ЖУРАВЛЕВА [1]

Из автобиографии.

Родилась в Пудожском районе, Семеновский сельсовет, деревня Колтоноговская в семье крестьянина-бедняка. Отец был пьяница, детей у матери было восьмеро. Не дошло богато жить. Сёстры все неграмотны, а в тымешь [2] государство не помогало да и не принуждали родители. Все маленькие братья маленько учились, а девушкам прясть надо. Я ещё плакала, так хотела ходить в школу, не от кого уйти было. Ну, вот так и росла. Семнадцать годов только сполнилось, меня насильно замуж выдали (старый был, да глуховатый), — оны нельзя и крестьянамы назвать. Семь бабок сеяли, а кормились на рыбной ловлю; свекор безногий был, а детей трое было. Я там прожила девять годов. Житьё было тяжёлое. Муж недослышал, я как заговорю, он всё ревнует. Бил меня, а я не любила. В ты поры так было — не хочешь жить, а разойтись нельзя, волчей паспорт дают, только удавиться оставалось. Как уедет на озеро в бурю, — колокола звонят, чтобы берег нашли, а я думаю, хоть бы не приехал, дак я бы ожила. А ребят скопилось, пятеро было уж. Муж помер. Осталась я одна работница, ни одного трудоспособного. Ловить мне нельзя уехать. Куда ни кинь, один клин. Там захватишь, так тут останется. Тут мать посоветовала выехать в Шалу в деревню. Я и выехала с пятью ребятами до семи лет. Хлеба у меня было что в брюхи, а платья что на себя. Свекор ничего не дал. Кто что дал на деревни, робят одела. Ра-

[1] Былины Журавлевой были включены в сборник после окончания работы над ним.

[2] Тогда.

боты не было. Кулак ведь берёт не всегда, на сенокос только. Пошла я пилить, так там столько народу, что и пристать негди. Я день не могу попасть, другой хожу, опять нету работы. Потом меня одна гражданка пожалела, взяла пилить. Попилили день-другой, потом пришол кошель. Видишь, что кошель идёт в воду — схватишь бревна и опять пилить дрова на бирже. Тут до самой заморозки пилила. Уж замёрзнет, больше не работают, а мы с одной тут вдовкой все доставали, и пилу самы точили. Так кормилась я год али два. А тогда уж война германская кончилась. Тут революция-то прошла, кулаков сократили. Завод стал советским, а служащи были стары. Выпросилась я кое-как у мужиков. Тут стали грузить планкамы суда. Увидела я, что соседка вяжет сети, научилась и стала сети вязать тут. Так и жила. В гражданску войну сама сапоги научилась шить. Первый сапог сшила, колодки не могла вытянуть, а потом научилась. Так зиму и прокормилась. Тут уж школу организовали. Я перва побежала и баб тащила. Тут я буквы научилась. День работаю, а вечером учусь. В двадцать четвёртом году записалась в делегатки; тут выдвинули меня в Пудож на женскую конференцию. С приветствием выступала. Тут мной заинтересовались. Потом в завод взяли в Пудоже. Дело у меня пошло хорошо. Хожу да радуюсь. Тут меня стал деверь сватать. Тогда у меня уж домицек был. А робята уж большие. И вышла я замуж. Робят он залюбил. И стали мы жить. Ну, а потом забеременила и пришлось уйти с работы. Тогда еще не могла выйти, потом ушла, плакала. И люди как пойдут на работу — я плакать, как на собрание — я плакать. Ну а пришлось выйти. Ну и тут я стала жить на свободушки. Ну, а хоть домохозяйка, я всё-равно везде участвую и в комитете бедноты состояла и везде. Кто от стахановцев, а я от домохозяек и в хоре участвую и в спектаклях. И в этот год восьмого марта выступала о своей жизни, и все так довольны были. А сейчас ещё и со своими произведениями выступаю. Все просят, а теперь и учителя мне выделили и учусь, я писать уж хорошо умею. Други и смеются, что стара. А я говорю: хватит, пожила 30 лет, ничего не видела, так хоть на старости пожить.

70.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША

Вот Добрынюшка матушке говаривал:
— Уж ты свет ты, государыня моя матушка,
Ты чесна вдова, Омельфа Тимофеевна,
Ты за что меня несчастного спороди́ла?
Ты спороди́ла меня ни заморозила,
Вот здымала бы на гору Сарофимскую,
Попецатала слезма горюцима,
Вот кидала в тое морюшко турецькое,
Я лежал бы там, Добрыня, место камешка.
Я не видел бы, Добрыня свету белого,
Вот не слышал бы я звону колокольного
И того пенья церковного,
Не ходил бы я, Добрыня, по святою Руси,
Не губил бы я, Добрыня, жон моло́дыих,
Не сиротал бы я малых детушек.
Говорила тут чесна вдова Омельфа Тимофеевна
Своему сыну Добрыне свет Микитиньцу:
— Если б знала я твоё бы спороженьице,
Я спороди́ла тебя бы добра молодца
Я богачесьвом в купца новгороцького,
Я бы силушкой в бога́тыря купецького,
Я бы смелостью в Алёшеньку Поповиця,
Я походоцькой в Чурилушку Пленковиця.
Вот Добрыни эты речи не слюбилися,
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя да был Добрыня поскурёшенек.
Вот скакал-то ли Добрыня на резвы́ ноги́,
Обувал сапоженьки на босу́ ногу́,
Надевал кафтани́шко на одно плецё.
Вот накладывал шапцёнку на одно ухо.
Вот скакал на конюшню стоялую,
Вот на ту конюшню лошадинную,

Вот брал Добрыня доброго коня,
Вот накладывал войлуцьки на войлуцьки,
Вот кладал сидёлки на сидёлоцьки,
Вот двенадцать ремней подтягивал,
Златом-жемчугом Добрынюшко обкладывал
Не ради красы-басы, ради крепости,
Ради силушки-могуты богатырскоей.
Вот молода жена Настасья да Микулицна
Вот сидит да за столами за дубовыми,
За скатертями за шелко́выми,
Коль за кушаньями да за медовыми,
Она есть и пьёт да прохлаждается,
Над собой невзгодушки не нацяется.
Вот приходит тут цесна вдова Омельфа Тимофеевна
К молодой жене Настасьи да Микулишны:
— Молода жена Настасья да Микулишна,
Ты сидишь за столом за дубовыим,
Как за скатертями за шелко́выми,
Как ты ешь да пьёшь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не надееся.
Заежжает как Добрынюшка да свет Никитинец
Как во тое во чисто́ поле,
Как во тое ли во раздольице.
Через шесть годов стал Алёшенька подхаживать,
Молоду жену Настасью стал подговаривать:
— Молода жена, Настасья да Микулишна,
Ты добром ли идёшь, так добром возьму,
А добром не идёшь, так я силой возьму,
Аще видли мы Добрыню убитого,
А головушкой под кустышок су́нитого.
Говорила тут Настасья да Микулицьна
Как тому ли Алёшиньки Поповицю:
— Аще справила я мужнюю заповедь,
Аще шесь годов да я вдовой жила,
Аще справлю вдовиную заповедь,
Ище шесть годов да я вдовой живу.
Уж через двенадцать лет да стал Олёшенько подхаживать,
Молоду жену Настасью подговаривать:
— Молода жена, Настасья да Микулицьна,
Ты идёшь ли, Настасья, за меня заму́ж?
Ты добром ли идёшь, так я добром возьму,
А добром не идёшь, так я силой возьму.
Видли мы Добрынюшку убитого,
Вот головушкой под кустышек су́нитого.
Молода жена Настасья да Микулицьна
Она послала голубцика с голубушкой:
— Ты лети, лети голубцик со голубушкой,

Аше сядь-ко голубцик на белой шатёр.
Вот летел, летел голубцик со голубушкой,
Вот и сел же голубцик на белой шатёр,
Говорил же голубцик голубушки:
— Как сегодня у Настасьи у Микулицьной
Со Алёшенькой Поповицем почестный пир.
Услыхал же Добрыня сын Микитинец,
Прохватилсе от сна да богатырского,
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя был Добрынюшка поскорёшенек,
Вот скакал ли Добрыня на резвы́ ноги́,
Обувал ён сапожонки на босу́ ногу́,
Надевал ли кафтанишко на одно плецё,
Кладывал ли шапчонку на одно ухо́.
Брал ли Добрынюшка добра́ коня
От столба ли Добрынюшка тоцёного,
От колецька Добрыня золоцёного,
Вот кладал ли он войлуцьки на войлуцьки,
Вот кладал ли сидёлко на сидельницьки,
Вот двенадцать ли раз ремнем подтягивал,
Златом-жемчугом Добрынюшка обкладывал,
Не ради красы-басы, ради укрепости,
Ради силы-могуты да богатырскоей.
Только видли Добрынюшку сядуци,
А не видли добра молодца поедуци,
В чистом полюшки да только пыль стоит.
Ехать бы Добрынюшки надо три́ году,
А проехал Добрынюшка три́ цясу.
Реки, озёра Добрынюшка меж ног спускал,
Горы, лесы Добрыня перескакивал;
Вот приехал Добрынюшка с циста́ поля,
Вот с того ли широкого раздольица,
Аще справился Добрынюшка калекою,
Вот калекою прохожей мимохожею.
Приходил же Добрыня сын Микитинец
Как к цесной вдовы Омельфы Тимофеевной,
Он же кланялся Добрынюшка низёхонько,
И здоровался Добрыня жалобнёшенько:
— Ты, цесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Ты признала ли своего сына, Добрынюшку?
Говорила Омельфа Тимофеевна:
— Есте калик да вас прохожиих,
Есте калик вас мимохожиих,
Моего сына Добрынюшки Микитиньца
Двенадцать лет да во живыих нет.
Говорил тут Добрыня сын Микитинец
Своей матери Омельфы Тимофеевной:
— Ты сходи-ко на конюшеньку стоялую,

Вот на ту ли конюшню лошадиную,
Накорми-ко моего коня ты до́сыта,
Напой-ко моего коня ты до́пьяна.
Побежала тут Омельфа Тимофеевна
Как на ту ли на конюшеньку стоялую,
Как на ту ли конюшню лошадиную,
Увидала Добрынюшки добра́ коня,
Тут узнала по коню до своего сына́.
Прибежала Омельфа Тимофеевна
К своему сыну Добрынюшки Микитицю,
Она плакала, рыдала жалобнёшенько,
Обнимала тут сынушка крепёшенько,
Накормила его да она досыта́,
Напоила она да его до́пьяна;
Говорила тут Омельфа Тимофеевна
Своему сыну Добрынюшки Микитицу:
— Ты, Добрынюшка да сын Микитинец,
Как сегодня у Настасьи у Микулицьны
Со Олёшенькой Поповицем почесной пир.
Тут вить справился Добрынюшка калекою,
Вот калекою прохожею-мимохожею
И взял тут Добрынюшка гусёлышка
И пошол же Добрыня на почесный пир.
Закрыцяли робятушка запольныи,
Закрыцяли робята подугольныи:
— Как сегодня у Настасьи у Микулишной
Со Олёшенькой Поповицем почесной пир.
Говорил же Добрыня сын Микитинец,
— Не крычите-ко, робятушки запольныи,
Не крычите, робята подугольныи,
Накормлю ли я завтра да вас до́сыта,
Напою ли я вас да завтра до́пьяна,
Дам придверницьку да по полтинницьку,
Дам воротницьку да дам по рублицьку.
Приходил же Добрыня на почесный пир,
Как садился Добрынюшка на при́лавок,
Заиграл ли Добрыня во гусёлышка,
Молода жена Настасья да Микулицьна
Как сидела за столамы за дубовыма
Со тым ли со Олёшенькой Поповицем,
Вот сказала Настасья Микулицьна:
— Что этому гостю естя три места,
Одно местецько в большом угли,
Друго местецько против меня,
Третье местецько подли́ бока.
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя-то был Добрынюшка поскорёшенек,
Вот скакал ли Добрыня на резвы́ ноги,

Вот садился Добрыня за дубовый стол,
Вот ведь налил Добрыня цяру зелена вина,
Туда клал да колецько золоцёное,
Говорил он Настасьи Микулицной:
— Если пьёшь до дна, дак увидашь добра,
А не пьёшь до дна, дак не видашь добра.
Еще выпила Настасья Микулична
Эту цяру Настасья зелена вина,
Там увидела колецько золоцёное,
И сказала Настасья Микулицьна:
— Как не тот мой муж, который возли бока,
А тот мой муж, которой супротив меня.
Был Добрынюшка на ноженьку скакошенек,
На себя да был Добрыня поскорёшенек,
Как скакал ли Добрыня на резвы ноги,
Брал ли Олёшу за жолты кудри,
Вот кидал ли Олёшу во кирпицьной пол,
Тут ли Алёшиньки славы поют. —

71

ЖИЛА ВДОВА ПО КРАЙ СИНЯ МОРЯ

Жила вдова да по край синю моря,
Было у вдовы да было семь доцерей,
Семь доцерей, да один был сынок.
Все то доцери по спасеньицем пошли,
Оны спасалисе, христу богу молилисе.
Одна-то доць Софиюшка промолвиласи,
Хотела сказать «господи прости меня»
Между тем она сказала: «Василюшко,
Василей дружоцик, потроньсе ко мни,
Потроньсе, подвиньсе,
Обоймемся да и поцелуемся».
Услыхала Софьина мать, так закидалась, забросалась
Закидалась, забросалась по Кий городам,
По Кий городам да по царёвым кабакам.
На гривну взяла да зелена она вина,
На другу взяла да зелья лютого,
Зелено вино Софьи подносила
Зелье лютое Василью подносила:
— Софиюшко, пей да Василью не давай,
Василюшко пей да Софии не давай.
Софиюшка пила, Василию подносила.
Василюшка пил, да Софии подносил,
К утрушку к светушку преставилисе,
Представилисе да приготовилисе.
Делали гроб Софеюшки с чиста серебра,
Делали гроб Василюшки с кипарицына дерева,

Несли вить Софиюшку на буйных головах,
Несли же Васильюшка на белыих руках,
Хоронили Софию по праву руку к церкви,
Хоронили Васильюшка по левую руку к церкви,
Цветоцьки с цветоцьками срасталися,
Вьюноцьки с вьюноцками свивалисе.
Старые идут да приплацютце,
Круг полувеку идут, — так подивуютце,
Молодые идут, так полюбуются.
И прилетал голубцик со голубушкой,
Садился голубцик на Васильюшков цветок,
Садилася голубушка на Софеюшкин цветок.
Говорил голубцик голубушки:
— Похоронены здесь безвинны людюшки.

Конец

72

О БОЯХ НА ОЗЕРЕ ХАСАН

Спеть бы мне былинушка не про старое,
А сложить бы мне былинушка про новое,
Как про то если Хасан да озёрышко,
Про советских могучих богáтырей.
Как у нас-то в советской земли-матушки
С юга на северную сторонушку
Как стоит ли Хасан да озёрушко,
Тихо вóдушка в нём да колыхается,
Но врагам пить воды не удавается! . .
По одну сторону Хасана озёрышка
Там стоят да сопки высокие,
Там бежит граница дальневосточная.
За той ли границей дальневосточною
Там живут самураи да японские,
По другу сторону Хасана озёрышка
Живут советские могучи богáтыри,
Там бойцы живут политработнички,
Командиры живут да сверхурочнички,
Охраняют оне землю да советскую,
Не боятся ни огня оне не пламени,
Не боятся ни врагов и неприятелей.
Как в огонь пойдут да их огонь не жгёт,
Если в бой пойдут, дак пуля их не бьёт,
Из себя оне да очень бойкие,
И глаза у них очень зоркие.
Сзаду оне видят и видят спереду,
Высоко оне видят да на воздухе,

Далеко оне видят да в долинушки,
Оне сталинским духом воспиталисе
Ворошиловской смелости набралисе.
Однажды было пора-времечко,
Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого годышка
Числа июля двадцать девятого
Как на тую ли сопку Безымянную,
Как на тое ли Хасан да озёрышко,
На советских сильных могучих богáтырей
Налетели на них чёрны вóроны,
Наступили самураи да японские,
Как хотели в Хасан-озере водушку повылакать,
Как советских могучих богатырей повыщелкать.
Увидали тут советские могучи богáтыри
Как тех ли самураев да японскиих —
Наступили своей ногой оне грязною
Как на нашу землю да советскую,
У советских сильных могучих богáтырей
Закипело в грудях сердце молодецкое,
Заходила у них силушка богатырская,
Оне недолго с врагами в бой сбиралися,
Оне недолго с врагами да расправлялися.
Как пошли наши сильны могучи богáтыри,
Как бойцы пошли, да политработнички,
Командиры пошли да сверхурочнички
Со своей ли оне великой Красной Армией
Как по той ли сопки да Безымянною,
Как по тем ли самураям да японскиим.
Как начали добры молодцы поезживать,
Как начали с пулеметиков постреливать, —
И пули летели, будто дождь дождел,
Пулемётики журчали, будто гром гремел.
Куда едут советски сильны могучи богáтыри,
Куда едут, тут становится земля пуста,
Куда стреляют, тут становится кровь густа.
Вокурат как в ту пору да времечко
Как стояло погóдье да неудачное,
Проходили дожди большие зáливни,
Как болота с озёрами соединялися.
Как советские сильны могучи богáтыри
Никаких они трудностей да не боялисе,
Всё с врагами дальше да расправлялися;
Как в атакушку рукопашную сходилися,
Как у тех ли самураев да японскиих
С плеч головушки как мячики валилися.
Как прошло да погодье неудачное,
Проходили дожди да большие зáливни,
Загудело в облаках да красно солнышко,

Прилетели самолётики советские,
Приезжали ясны соколы сталинские,
Прилетели герои да ворошиловские.
Но тут гораже закипела в бою битвушка,
Не утихала тут битвушка ни ночью, ни днём,
Поливали тут врага да перекрёстным огнём,
Боялися враги да от советской руки
И бежали враги обратно во все ноги!..
Как теи-ли самураи да японские,
Не выдержали сопки Заозерною,
Стреляли оне с орудий кто́ куда.
А советские могучи бога́тыри
В атаку вскричали ещё раз ура...
Как на той же сопки да Заозерною
Проходила битвушка да немалая,
Бежала ручьями кровь алая.
Как на ночь седьмого да августа
Проходила битвушка ужасная
Как на той ли сопки Заозерною,
На рассвете завевало знамя красное.
Как советские могучи бога́тыри
Как тех ли самураев да японскиих
Прогнали на сопку Безымянную,
Как те ли самураи да японскии
Как по той ли сопки да высокою
Разбросались как зверёныши,
Расплывались оне как змеёныши.
А советские могучи бога́тыри
Кормили их ручными гранатами,
Говорили тут советские бога́тыри:
— Мы своей земли не отдадим вершка,
А чужой земли не возьмём ногтя.
Так и сделали советские сильны могучи бога́тыри,
На том битвушку оне да призакончили,
Как тех ли самураев да японскиих
С советской земли их повыгнали;
Больше дух там ихней не послышится,
Больше след там ихней не повидится.
Как кипела эта битвушка да двенадцать дней,
Кипела она, как в котле вода.
Как про тую ли битвушку Хасан-озёрную
Знает весь мир и знает вся страна;
Нет таких трудностей, каких бы не преодолели Сталинские соколы,
Нет таких крепостей, каких бы не разбили сильны советски бога́тыри. —

ПРИМЕЧАНИЯ

*

УКАЗАТЕЛИ

*

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении примечаний мы стремились отметить наиболее характерные особенности каждого варианта по сравнению с известными ранее и дать сведения о сказителях, отсутствующие в их автобиографиях. Кроме того, мы приводим необходимые сведения о записи, замечания сказителя перед или после исполнения былины, указания о том, где он слышал былину, если такие имеются, и, наконец, небольшую историческую справку о сюжете каждый раз, когда впервые встречается вариант той или иной былины.

ПАШКОВА АННА МИХАЙЛОВНА

Автобиография записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной

Родилась в 1866 г. в деревне Ярчево, Нигижемской волости в семье крестьянина Тихонова. В 1886 г. вышла замуж в деревню Семеново, той же волости. После замужества неоднократно была в Петрозаводске и два раза в Петербурге: в 1910 и 1912 годах — лечила больного сына.

В 1933 г. после смерти мужа, который был раскулачен, переехала в Петрозаводск на постоянное жительство. На ул. Урицкого имеет свой домик, оставшийся от дочери, в котором живет вместе с маленькой внучкой.

Былины слышала еще в детстве от тетки Ксении Тихоновой, потом еще от коробейников Данилы и Ильи Зубовых, от слепого старика Петра («Пеша слепой», «слепой швед») и других. В дер. Семеново слышала от старика-нищего Амвросия Куплянского из Авдеевской волости, который знал много былин. «Муж не любил и не давал петь былины», поэтому от известного сказителя Ф. А. Конашкова, с которым вместе рыбачили, никогда былин не слыхала («муж ему слова вымолвить не давал»). Когда училась в школе, «книгу читала о киевских богатырях», но «в книге не то, не по нашему». Голос у Пашковой прерывающийся, слабый. После неоднократных просьб она пытается пропеть былину, но хотя и знает напев, прерывает пение уже на первых строках. «Я сказываю былины, а не пою, у меня голоса нет, кроме того стыдом считали девки стихи петь». Только в великий пост, когда обычные песни, по словам Пашковой, запрещались, девушки хором пели исторические песни об Иване Грозном и духовные стихи. Поэтому в молодости Пашкова пела былины только про себя, когда оставалась одна, а после замужества, когда за больным сыном ухаживала.

В Институте узнали о ней в 1937 г.; она пришла сама, причем рассказывает об этом так: «Стояли в лавке два старика. Стали разговаривать, один говорит, что там, в институте, принимают былины, песни, сказки. А второй говорит: «У меня было бы чего»... А я послушала и спросила, где этот институт. Он мне сказал и вот я пошла искать. Определили меня к Антиповой и с 13 ноября 1937 г. я начала рассказывать. С месяц ходила в институт.» Большинство былин было записано, однако, позднее — в 1938—1939 гг. Кроме записанных, Пашкова, по ее словам, знала раньше еще некоторые сюжеты,

она обещала вспомнить их. Память у Анны Михайловны прекрасная, но она быстро устает, слаба здоровьем. Она говорит: «Надо вспоминать свое девичество, тогда былины вспомню», потому что слышала их и переняла, главным образом, в деревне Ярчево до замужества, а муж «баловства» не любил, «выбивался в зажиточные», наживал деньги. Обстановка в семье мужа была очень тяжелая.

В сборник вошли все былины Пашковой за исключением заученной ею по книге былины о Садко (Р., II., № 134; текст выучен по хрестоматии Острогорского «Живое Слово», III, СПб). Текст близок к книжному, многие стихи совпадают дословно, другие перефразированы, в некоторых местах наблюдается перестановка эпизодов. Пашкова заучила «Садко» в 1938 г., т. е. в год записи от нее былин. Помимо этого, от нее записаны 2 баллады А. Толстого: «Алеша Попович» и «Илья Муромец», усвоенные из этой же хрестоматии, стр. 186—188 и 189—192. В первой из них имеет место замена некоторых стихов и отдельных слов, непонятных для сказительницы (напр. в стихе 2 вместо «Через аир и купырь» у Пашковой — «Через реченьку Купырь»). В балладе «Илья Муромец» выпущены стихи 21—31, но в заключение добавлены четыре строфы, варьирующие отдельные стихи баллады и рефрен ее.

Кроме этого, от Пашковой записаны похоронные и свадебные плачи М. М. Михайловым и другими собирателями (см. сборник «Плачи Карелии», Петрозаводск, 1940), большое количество пословиц и поговорок, проводится запись сказок, песен и духовных стихов (записан стих об Алексее божьем человеке). Все эти материалы хранятся в Архиве, колл. № 24.

Творческая одаренность и большое художественное чутье Пашковой сказалось в создании произведений о современности. Ее сказ о Ленине, составленный в форме старого плача, сказы «Советский Союз», «Раскрепощенная женщина», проникнутые мотивами народной лирики, являются лучшими образцами современного фольклора Карелии. Ряд новых произведений опубликован в альманахе «Карелия» (Петрозаводск, 1938, стр. 23, 52, 57), другие подготавливаются к печати (Архив, колл. 24). Пашкова малограмотна, но читать любит и читает много; в частности, любит и прекрасно помнит многие произведения Пушкина. Ей подарено много книг, проведено радио и выписаны газеты. В Институте, куда она часто заходит, с ней проводятся беседы о текущей политике, решениях партии и правительства. Анна Михайловна является постоянной гостьей на вечерах Института, проводимых в праздничные дни, первого мая, седьмого ноября и др., выступает со своими произведениями. Пашкова принимала активное участие в работе конференции сказителей в 1939 г., состоявшейся в Петрозаводске, в июле того же года ездила на конференцию сказителей в Москву. Как талантливая сказительница Пашкова награждена почетной грамотой Карельского правительства и избрана в члены Союза Советских писателей Карелии.

№ 1. ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

Записана в июне 1939 г. Е. П. Родиной.

В былине контаминируются два сюжета: Чурила и князь, Чурила и неверная жена, известные в самостоятельных обработках. Первый сюжет записан в немногих вариантах, второй — принадлежит к числу наиболее распространенных (см. Астахова, стр. 641). Пашкова дает обширное повествование (944 стиха), композиционно цельное, законченное, своеобразную былину-поэму о Чуриле. В ней показано социальное неравенство, обида мужиков; встречающиеся обычно жалобы знатных киевлян на самоуправство Чурилы (см. Г., III., №№ 223, 229) отсутствуют. Социальный смысл былины подчеркивают и замечания сказительницы.

Очень искусно в былину вплетен мотив неудавшейся любви Чурилы («Красна девушка его любушка... А за другого замуж пошла»). Этим мотивируется психологически связь с Катериной, как следствие измены любушки. Пашкова проявляет несомненный интерес к былине-новелле: «Из былин мне больше «Чурила» нравился. В книге молодая читывала — не то, не по нашему.

От людей слышала, а начнешь — свое прибавляешь; о мужиках прибавила» — говорит она. Позторить былину слово в слово не смогла, отдельные эпизоды импровизирует. Особенно следует отметить внимание Пашковой к изображаемым в этой былине крестьянам. Близкими и дорогими для нее являются образы рыболовов, охотников, любовно описывает она «неводочки», «продольнички», «силоцки», «пасточки» и т. д. Близка ей и природа, изображаемая в былине: картины непроходимых лесов, озерышки и т. д. Таким образом, осмысление сюжета с социальной точки зрения, искусная контаминация обоих сюжетов, давшая возможность создать большое эпическое произведение, красочное изображение крестьян, яркая характеристика героев — составляют основные достоинства былины и ставят ее в число лучших среди известных вариантов. Она близка к былинам кенозерских сказителей: Сивцева (Поромского) «Молодость Чурилы» и «Смерть Чурилы» (Г., III., №№ 223, 224) и в некоторых мотивах к вариантам Воинова («Молодость Чурилы», Г., III, № 229) и Кукшинова («Молодость Чурилы», Г., III, № 251). С вариантами Воинова и Кукшинова данный текст совпадает по своему зачину «Долог день идет к вечеру» и т. д.; по обращению к князю мужиков, которое у Пашковой, однако, более развернуто; по описанию выезда Чурилы и др. Кроме того, у Кукшинова о местонахождении Чурилы говорит «молодец Иван да Иванович», в данном варианте — «поварёнок да Иван Иванович».

Ряд особенностей былины Пашковой, как то: игра в шахматы (шашки), ответы Катерины мужу о вещах Чурилы, что они братнины, и на ряду с этим отсутствие мотива улещивания служанки подарками, показывает, что вариант восходит к онежской традиции, к кенозерской группе (восточная часть б. Олонецкого края), см. Астахова, стр. 642.

Отражены ли в былине определенные конкретные исторические факты, неизвестно. По этому вопросу существует ряд довольно противоречивых гипотез. Исторический прототип Чурилы выводят из разных мест — из Сурожа (Веселовский, Ржига), из Новгорода (Владимиров) и др. Во всяком случае, былина включила яркие черты древне-русского быта. Оба сюжета существуют как отдельные, самостоятельные былины; признано что сюжет «Чурила и Катерина» более позднего происхождения (XV в.).

№ 2. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Записана в феврале 1939 г. Е. С. Шоймером.

Вспомнить, от кого она переняла эту былину, Пашкова не могла: «Илья в ссоре — не помню, от кого слышала». Былина известна в нескольких, главным образом, северных вариантах: Р., I, № 119 (Г., I, № 47), Г., II, № 76, Вс. Миллер, № 8. См. также Марков № 44, Кир., IV, стр. 46, 49. Публикуемый текст повторяет, в основном, сюжетную схему прионежских вариантов (Г., I, № 47, II, № 76), но вместе с этим обладает рядом оригинальных черт, отличающих его от всех известных былин на эту тему. Прежде всего, необходимо отметить специфику образа Ильи у Пашковой. В противопоставлении богатыря князя и боярам она идет дальше других сказителей (ср. Г., I, № 47, II, № 76): разгневанный Илья не просто пьет с голями в кабаке, а устраивает свой «почестен пир», на который приглашает, кроме голей кабацких, «бедноту деревенскую», «лапотников», «балахонников». Близость богатыря к массам, его связь с нищетой бедняцкой неоднократно подчеркивается в былине. Встревоженный князь видит «в трубочку подзорную», что «Илья с беднотой да угощается»; об этом же говорит Илья, обращаясь к Добрыне:

«Не зазывал я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всех-то я голей кабацких».

Обычный конец былины — возвращение Ильи на княжеский пир и примирение его с Владимиром — в варианте Пашковой отсутствует. Мотив «заповедей» между крестовыми братьями также опущен, «зазывальщик» Добрыня остается пировать с Ильей, и оба они «ко Владимиру итти да не торопятся». Все это делает образ Ильи более последовательным и выдержанным до конца

в духе социальной непримиримости. В этом отношении характерны также заключительные строки былины, процитированные сказительницей из стихотворения Ал. Толстого «Илья Муромец». В подлиннике это четверостишие читается так:

«Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус».

Из других особенностей публикуемого варианта следует отметить эпизод приглашения Ильи на княжеский пир. В роли зазывальщиков, кроме традиционного Добрыни, выступают также Алеша Попович, Чурило Пленкович и Васька Долгополый (эпизодический персонаж, см. Кир., IV, стр. 7). При помощи различных поэтических приемов Пашкова дает краткие и выразительные характеристики этих богатырей. Не без юмора рассказывает она о Ваське Долгополом и его неудачно закончившейся миссии, устами Ильи резко осуждает Алешу, высказавшего презрение к «нищете бедняцкой» (стихи 150—152), колоритно зарисован ею щеголь Чурило (стихи 167—171), который «с девицами призабавился» и забыл о поручении князя.

В целом, своеобразный, социально-насыщенный текст Пашковой свидетельствует о богатстве и оригинальности былинной традиции Пудожского района.

По мнению большинства исследователей, «Илья в ссоре с князем Владимиром» — былина позднего происхождения, ее относят к эпохе Смуты (XVII век), когда казаки и угнетенные крестьянские массы поднялись на борьбу с правительством и господствующими классами. Происходившие революционные события содействовали созданию образа богатыря, восстающего против князя. Былина подтверждает мысль об эволюции героев эпоса, о переосмыслении, которому они подвергаются в сознании народных масс под влиянием социально-исторических сдвигов.

№ 3. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

«От кого слышала, не помню», — говорит Пашкова.

Былина представляет сводный текст, в котором контаминируются несколько сюжетов об Илье Муромце. Обзор вариантов и литературы см. у Астаховой, стр. 590—591.

Повествованию о подвигах Ильи Муромца предшествует рассказ о его исцелении, далее следует поездка его к трем росстаням и борьба с Соловьем-разбойником. Композиционно эти составные части былины не соразмерны. Так, сюжету о трех поездках Ильи Муромца уделено мало места, причем стих в отдельных случаях близок к прозе (120—135). Сюжет об Илье Муромце и Соловье-разбойнике занимает бо́льшую часть былины (280 стихов из 485), при этом о разгроме татар, которые наступают на Киев (а не на Чернигов или другой город, как обычно) сказано только в 12-ти стихах.

Религиозно-легендарный характер исцеления Ильи Муромца, отмеченный рядом исследователей (Вс. Миллер и др.), проявляется в варианте Пашковой довольно ярко, но основная тенденция — в характеристике Ильи Муромца как выходца из крестьянской среды. Начиная с описания его исцеления, это проходит через всю былину; Алеша Попович на пиру говорит об Илье Муромце князю Владимиру: «Перед тобою стоит мужчина-деревенщина» и т. д. (стих 356). Илья Муромец выступает как выразитель определенных моральных принципов; см. строки 118—125 о женитьбе и богатстве и следующее за ними поучение: «Всякий-то на свете женится, а не всякому женитьба удаётся» — обычная формула заключительной части былины о Добрыне и Алеше, и дальше: «Наживайте-ко богачество трудом честным» (стих 203-й). В конце Илья Муромец обращается к князю Владимиру: «Я не гость приехал да не угощатися, а приехал с вами побрататися, послужить вам верой-правдою» и т. п. М. Горький назвал Илью Муромца рязанским мужиком; в данном случае это — образ обстоятельного и степенного мужика.

№ 4. ПРО СВЯТОГОРА

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

«Про гроб где-то слышала, — вспоминает Пашкова, — про сумочку читала в детстве, немного тут еще прибавила».

Былина о смерти Святогора в гробу принадлежит к числу редких. В виде самостоятельной песни встречается лишь в нескольких записях из северных районов, чаще — в контаминации с другими сюжетами об Илье. Известна также в виде побывальщины и в сказочных обработках. Перечень вар. см. у Астаховой, стр. 603. По типу встречи Ильи со Святогором наша былина примыкает к кенозерской группе вариантов (Г., III, №№ 265, 270, 273, см. Астахова, стр. 604).

Все основные эпизоды, встречающиеся в них, соединяются в былине Пашковой в одно развернутое, стройное повествование. Главное своеобразие былины заключается в объединении обоих сюжетов о Святогоре (смерть в гробу, Святогор и сумочка переметная), причем сказительница снимает противоречие между ними: Святогор не умирает при попытке поднять «суму скоморошную» (ср. вариант Гурьбина, Г., III, 270 и Дмитриевой, Р., I, № 86) — его спасает конь. Далее сказительница делает искусный переход ко второму сюжету: глубокий сон богатыря при наезде Ильи Муромца мотивирован усталостью («Утомился Святогор да он умаялся с сумочкой скоморошноей»). Необычен и конец: умирая, Святогор предлагает Илье свою силу и коня, но, отказавшись от того и от другого, Илья едет в Киев рассказать о случившемся.

В образе Святогора воплощены представления о чудовищной физической силе. Происхождение образа до сих пор остается невыясненным. Многочисленные параллели ему мы находим в преданиях кавказских, финско-эстонских и других народов. Исторические корни этого образа восходят, очевидно, к доклассовому обществу.

№ 5. ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА

Записана в июле 1939 г. Г. Н. Париловой.

Былину об Алеше, как и некоторые другие, Пашкова «слыхала от слепого кореляка в Семенове. Он ходил и былины пел. Звали его Пеша слепой».

Былина принадлежит к числу редких в Прионежье, в небольшом количестве вариантов известна на Зимнем берегу, Пинеге и Печоре. Довольно часто встречается в Сибири; известна на Дону. К. Д., № 19 (Кир., I., стр. 80); Р., I, № 27, Г., II, № 99; Марков, № 47, Григ., I, № 14 (50), № 175 (212), III, № 30; Онч., №№ 64, 85, Вс. Миллер, №№ 39, 40, 41, прилож. № 11, Сок., стр. 301, Азадовский, №№ 24, 31, 40, 42, прилож. № 11.

Полный, обстоятельный (531 стих), отличающийся большими художественными достоинствами вариант Пашковой является одним из лучших среди опубликованных. Заключая в себе все основные эпизоды прионежских вариантов (Г., II, № 99, Р., I, № 27), он разрабатывает также эпизод боя Алеши, переодетого каликой, с Тугариным, который, по словам А. В. Маркова, (см. Беломорские был., стр. 8), принадлежит к числу неизвестных в Олонецкой губ. сюжетов и входит в сибирский репертуар. Как и в былинах о Чуриле и Потыке (№№ 1, 9), сказительница стремится с исчерпывающей полнотой раскрыть образ героя. В данном случае внимание сосредоточивается на эпизодах, изображающих подвиги богатыря. Характерно, что Алеша выступает без спутника (Екима Ивановича, Торопа и т. п.), который неизменно сопровождает его в других вариантах былины, а в отдельных случаях (Азадовский, № 40) играет первенствующую роль. Широко используя известные ей былинные и, в некоторой мере, сказочные мотивы, Пашкова вводит новые эпизоды и этим расширяет рамки обычного повествования о бое Алеши с Тугариным.

Против обыкновения былина начинается не с выезда Алеши из Ростова, а с рассказа о его детстве и молодости, на котором заметно влияние былины о Василии Буслаевиче (стихи 1—10). Дальнейшее повествование развертыв-

вается совершенно оригинально. Алеша отправляется в дорогу пешком и, не найдя «ни гуся, ни лебедя», собирается застрелить черного ворона. Этот эпизод и мотив спасения девушки встречаются в былине о Михайле Казарине (тот же сюжет с заменой Казарина Алешей см. Кир., II, стр. 80; Марков, № 64), но в данном варианте выступают в сказочной обработке. Сказочным является и способ добывания коня и богатырских доспехов (см. Андреев, № 508). Возможно, что эту часть текста следует целиком отнести на долю личного творчества сказительницы, тем более, что по поводу былины об Алеше она заметила: «Немножко слыхала, а остальное — сама».

Последующие эпизоды — встреча и разговор богатыря с каликой, диалог на пиру между Алешей и Тугарином, бросание ножа последним, мена платьями с каликой — обычно входят в былину о Тугарине, а также и в былину «Илья Муромец и Идолище», которая генетически связана с былиной об Алеше и Тугарине.

Встречаются также мотивы, связанные с другими былинными сюжетами, напр. мотив «записей великих» (Илья и Калин царь). Начиная со стиха 463, Пашкова использует сюжет былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Обращает на себя внимание образность речи героев (см. слова «Леонтья, попа ростовского» — стихи 14—19, ответ Алеши боярину — стихи 485—487 и др.).

Еще прежними исследователями было указано на двойственный характер образа Алеши в русском эпосе (см. Вс. Миллер, Очерки русск. нар. слов. т. II, М. 1910, стр. 153—162). В древнейших былинах он выступает как «удалой хоробр», выделяется своей смелостью и «напуском». Позднее на его образ были перенесены антипоповские настроения исполнителей, с ним связали такие сюжеты, как неудавшаяся женитьба, Алеша и сестра Збродовичей, и теперь Алеша Попович чаще всего выступает в роли «женского прелестника», «бабьего пересмешника».

Сибирские варианты былины дают героический образ Алеши; это говорит об архаичности сибирского репертуара. Публикуемый вариант, как и сибирские, дает образ отважного победителя чудовища Тугарина. Интересно, что Алеша недоволен своим поповским происхождением и заявляет отцу: «Не могу я выносить названьица поповского».

Историческим прототипом Алеши считают Александра Поповича, «храбра» ростовского. В летописных преданиях XIII в. рассказывается об Александре Поповиче, который вместе со слугой Торопом служил сначала ростовскому, а затем киевскому князю и который погибает в битве на Калке в 1224 г. Вс. Миллер считал, что в основе былин об Алеше и Тугарине лежат исторические предания о борьбе русских с кочевниками, а именно с половецким ханом XI в. Тугорканом.

№ 6. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Записана в марте 1937 г. А. Н. Антиповой.

Одна из наиболее распространенных былин; около половины всех записей из б. Олонецкой губ., особенно популярна в Заонежье и Пудожье (см. Астахова, стр. 565—567).

Пашкова рассказывает: «Слыхала от тетушки Ксении, но только она с тех мест пела, как Добрынюшке матушка говаривала. Хором эту былину пели, как запоют, любо слушать, с улицы заходят». Исполнение былины хором на севере очень редкое явление, вероятно, оно может относиться только к данной былине-новелле и объясняется характером сюжета и темой, приближающей былину к песням и балладам. На исполнение этой былины хором ссылалась и пудожанка Е. С. Журавлева.

В некоторых вариантах для мотивировки отъезда Добрыни присоединяется сюжет о змееборстве (Г., I, № 59; II, № 148 и др.; Астахова, стр. 570). Контаминация в варианте Пашковой очень искусна. Взят основной для заонежской группы вариантов эпизод былины о змееборстве, подвиг Добрыни — освобождение им Руси от насильника змея. Своеобразие в том, что змей не уносит племянницу Владимира, пролетая через город, как обычно, но угрожает нападением на самый город. По композиции былина близка к кенозерской группе

вариантов (Г., III, №№ 222, 228, 290, 292). Но у кенозерских сказителей (за исключением № 222) Добрыня выезжает на борьбу с Бабой-Ягой, у Пашковой вместо сказочного образа Бабы-Яги более обычный для былинного эпоса образ змея, также наделенный чертами сказочной фантастики. Характерные для заонежской группы черты социальной сатиры встречаются и в настоящем варианте: Владимир выступает в качестве свата, в конце былины (стих 294 и др.) Добрыня обличает Владимира, бросая ему резкие упреки.

Оба сюжета (змееборство и муж на свадьбе своей жены) подвергались тщательному исследованию на обширном материале сказочного и героического эпоса различных народов. В ряде работ советских ученых (И. И. Толстого, В. Я. Проппа) доказано, что генетически они восходят к родовому обществу. Мотив змееборства широко известен в фольклоре всех народов.

В образах Добрыни и Алеши Поповича отразились воспоминания об исторических лицах (о Добрыне, дяде князя Владимира XI в., и Александре Поповиче, ростовском храбре XIII в., упоминается в летописях). Признано, что отрицательными чертами образ Алеши Поповича наделяется позднее. Следовательно, сама былина о Добрыне и Алеше, построенная на отрицательной характеристике Алеши, сравнительно позднего (ориентировочно XV в.) происхождения.

№ 7. ПРО ДУНАЯ ИВАНОВИЧА

Записана в июле 1939 г. Г. Н. Париловой.

«Про Дуная не помню, от кого слышала», — говорит Пашкова. Былина о Дунае принадлежит к числу наиболее популярных, особенно в Заонежье и на Мезени (см. перечень вариантов у Астаховой, стр. 576).

Былина Пашковой, в основном, примыкает к заонежской группе вариантов: о невесте для князя Владимира говорит сам Дунай, добывает он ее с помощью Добрыни; отказ короля вызван тем, что Дунай «обнес дочь старшую» и т. п. (см. Астахова, стр. 577).

Важнейшее отступление от заонежских вариантов — отсутствие мотива чудесных младенцев. Роль Апраксии аналогична ее роли в былине о Дунае Т. Г. Рябинина (Г., II, № 8); она признается Дунаю, что «три года богу русскому молилася, чтобы быть за князем, за Владимиром». Наиболее близкими по стилю и композиции вариантами являются былины о Дунае Романова (Г., III, № 34) и Иевлева (Г., II, № 102), причем это касается, главным образом, первой части былины. Оригинальность Пашковой заключается в том, что она опускает некоторые традиционные эпизоды и включает новые. Так, обычный заключительный эпизод состязания в стрельбе из лука в данном варианте отсутствует и заменен новым — смертью Настасьи от сабли Дуная. Эпизод добывания невесты осложнен тем, что Дунай не просто похищает Апраксию, а с ее согласия увозит, спустив через окно. В отличие от обычных вариантов, у Пашковой король не соглашается на брак дочери с Владимиром даже после избиения его слуг богатырями; сказительница пытается правдиво изобразить горе отца, потерявшего дочь (стихи 193—214): король сначала плачет, а затем, возмущенный дерзостью богатырей, зовет на помощь старшую дочь — поляницу.

В целом, былина является одним из лучших заонежских вариантов. Отсутствие сказочного мотива чудесных младенцев и снижение героического момента былины (избиение слуг короля, против обыкновения, показано не как борьба русских с татарами) указывает на тяготение Пашковой к былине-новелле.

Былина о Дунае имеет сюжетные параллели в эпосе других народов (Песнь о Нибелунгах, Тидрек-Сага и др.). Вс. Миллер, Лобода и другие исследователи пытались установить историческую основу былины. Таковой, по всей вероятности, являются предания о женитьбе князя Владимира Святославича на Рогнеде, в которой принимал активное участие Добрыня, а также предания о сватовстве его к византийской царевне Анне. Поэтические повествования о женитьбе Владимира имеются в летописях. Прототипом былинного Дуная некоторые исследователи (Вс. Миллер) считают воеводу волынского князя XIII века — Дуная, имя которого неоднократно встречается в летописи.

№ 8. ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Основной район распространения — Онежский край, откуда известна большая часть вариантов: Р., I, № 3 (Г., II, № 73, см. также Г., II, изд. 1938 г., стр. 657), 69 (Г., II, № 98), 78; II, №№ 105 (Г., I, № 45), 147; Г., I, №№ 2 (контаминация), 32, 55; II, №№ 131, 156; Г., III, №№ 195, 255; Этногр. Обозр., 1894 г., № 4, стр. 136.

С 1926 года до настоящего времени записано 8 новых вариантов: 5 в Кижах и Космозере, 2 в Пудожском районе, 2 — на Зимнем берегу Белого моря (Б. К., № 40).

Исполнив былину, сказительница рассказала следующее: «Помню около рождества собрались мужики в одну избу; ставили «Царь Максимилиан». Долго тянулось, а я спать нисколько не хотела, хоть и маленькая была. Потом стали сказывать былины и эту пели; один споет, а другой — иначе. Тут я и запомнила. А потом сама певала, може много и переврала».

Позднее Пашкова прочла и переучила эту былину по книге, занесенной кем-то в их деревню. Названия книги она не запомнила. Использование книги имеет место также у сказителя Кигачева.

Печатаемый вариант восходит к былине о Вольге И. А. Касьянова из Кижей (Г., II, № 156) и нередко дословно повторяет его.

Оригинальность текста Пашковой заключается в углублении социальных мотивов былины. Иронический ответ Микулы Селяниновича на приглашение Вольги («Не срамись, удалый добрый молодец» и т. д., стихи 70—73), неудачная попытка не только дружины, но и самого Вольги вытащить сошку — все это подчеркивает превосходство пахаря перед дружинником, который «не научился премудрости орать, пахать да крестьянствовать».

Заключительный эпизод былины Касьянова (получение в награду наместничества) в данном варианте опущен, и конец его разработан так же, как в былине Т. Г. Рябинина (Г., II, № 73). В центре былины — образ Микулы Селяниновича, который, по определению Горького, принадлежит к числу наиболее глубоких, ярких и художественно совершенных типов героев. Народ видел в Микуле Селяниновиче могучего пахаря, обрабатывающего необъятные поля своей чудесной сошкой. Характерно в этом отношении замечание Пашковой: «Чудно было, что мужик такой сильный, а мы тогда верили».

Генезис былины неясен. Возможно, что в ней, как предполагают некоторые исследователи, объединились предания о поездках князей на полюдье (за сбором дани) с песней о чудесном пахаре. Прототип Микулы Селяниновича также остается неизвестным: имя Вольги считают народной формой имен Олег, Ольга, в былине видят отголоски преданий о князе Олеге и княгине Ольге.

№ 9. МИХАЙЛО ПОТЫК, СЫН ИВАНОВИЧ

Записана в феврале 1939 г. Е. С. Шоймером.

«Михайла Потыка от «финна», от Петра поняла, — сообщила нам Пашкова, — звали его «швед слепой» (он же «Пеша слепой», см. комментарий к былине об Алеше Поповиче, стр. 465).

Былина является сложным соединением героических (змееборство, в данном варианте борьба с татарами) и сказочно-новеллистических (неверная жена) мотивов. Наибольшей популярностью в XIX веке пользовалась в Прионежье (перечень вариантов — Астахова, стр. 619); в Пудожском районе довольно часто встречается и сейчас (5 новых записей); из них 2 — Б. и Ю. Соколовых, 3 — наши (см. №№ 26, 47).

Вариант Пашковой восходит к былине того же названия Н. Прохорова (Г., I, № 52), о чем говорит композиционная и сюжетная близость обоих текстов, но несмотря на это не лишен оригинальности и имеет ряд существенных

отклонений от прототипа. Былина начинается отсутствующим в варианте Прохорова рассказом о встрече и братании богатырей, об их деятельности в Киеве. Отсюда естественно вытекают события, о которых идет речь в начале былины Прохорова (обращение Ильи с призывом «прибавлять земельки саятоусские», отъезд богатырей). Следует отметить также более детальную разработку отдельных эпизодов (отъезд Потыка), своеобразное изложение некоторых из них. Так, напр., короткое сообщение Прохорова о том, что «из Киева дань попросилася» (Г., I, № 52, стих 197) у Пашковой заменяется приездом на княжеский пир «грозного посла» царя Вахрамея (стихи 250—269); Василий Окулович женится на Марье с помощью ложного сообщения о смерти Потыка; троекратное угощение сонным питьем заменено однократным, и к нему присоединяется эпизод с заточением Потыка в погреба (стихи 1045—1056). Имеет место использование отдельных мотивов других былин: часть диалога Марьи и Потыка взята из былины о Дунае (см. настоящий сборн. № 7), женитьба с помощью обмана — из былины о Добрыне и Алеше (там же № 6) и др.

Художественная ценность былины несомненна. Об этом говорит наличие не только прекрасно разработанных традиционных поэтических формул седлания коня, описания «поездки богатырской» и т. п., но и моментов личного творчества сказительницы: поэтический рассказ Василия Окуловича о гибели Потыка (стихи 628—638); обращение Марьи к Потыку (стихи 804—808), напоминающее причитание; характерное для К-ФССР поэтическое сравнение: «Это гром гремит, иль порог шумит, эх, какие на Руси калики голосистые». В данной былине в наибольшей мере сказалось свойственное Пашковой стремление к монументальным, обширным формам повествования (см. также былину о Чуриле, об Алеше и др.). По своим размерам (1142 стиха) печатаемый вариант является уникальным, превышая по количеству стихов текст Прохорова (1129 стихов) и все известные былины о Потыке.

Исследователи былины стремились выяснить ее сложный состав: Веселовский, а затем и Вс. Миллер считали, что в основе былины лежит сказка о змееборце. В начале XIII в. она получила имя популярного в то время болгарского святого Михаила из Потуки, житие которого имеет совпадения с сюжетом сказки. (А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов, IX, вып. 4, 1883; Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, М, 1897, стр. 122—128). Местом сложения былины Вс. Миллер считает Галицко-Волынскую Русь, основываясь на устойчивых упоминаниях в былине Подолии, Волыни, Литвы, а также на том, что жена Потыка часто называется Подоленкой. Древнейшей частью сказки, легшей в основу былины, по мнению Миллера, является рассказ о женитьбе героя, уговоре супругов, пребывании в могиле и борьбе со змеями; к нему впоследствии присоединилась сказка о неверной жене.

№ 10. ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Записана в марте 1937 г. А. Н. Антиповой.

Относительно этой былины Пашкова сообщила следующее: «В детстве в книге читывала, давали нам книгу о киевских богатырях».

Былина-новелла с большим социально-историческим содержанием в отличие от былин-новелл психологическо-бытового характера.

Лучшие варианты былины записаны в Прионежье, где она была наиболее популярна (более 30 вариантов) и где довольно часто встречается и в настоящее время (более 20 новых записей). Список и исследование вариантов — Астахова, стр. 582. Печатаемый текст примыкает к группе прионежских вариантов, в которых центральным эпизодом является описание богатств Дюка. Состязание его с Чурилой отходит на задний план. Роль Чурилы в варианте сведена к минимуму: он выступает лишь в качестве «подневольника» в поединке с Дюком. Гораздо активнее князь Владимир; он вызывает Дюка на хвастовство, подписывает с ним договор, по которому обязуется отдать в случае своего поражения в состязании полцарства. Сцена поединка — апофеоз силы Дюка, так как

ему не находится «поединщиков» среди киевских князей-бояр и богатырей. Неудачное выступление Чурилы и следующее за ним описание богатств Дюка приводят к окончательному посрамлению князя. Симпатии сказительницы на стороне Дюка; она неоднократно подчеркивает его физическое и моральное превосходство (стихи 294—298; 309—315).

В отношении композиции интересен мотив заключения героя в погреб, сравнительно редкий в былинах на данный сюжет. То же см. в водлозерском варианте, Г., III, № 213. В былину включен вспомогательный персонаж, постоянно фигурирующий в сказках, бабушка-задворенка. При записи былины Пашкова не могла вспомнить мотива «трех застав», который, по ее словам, раньше был ей известен.

Сюжеты былины о Дюке восходят к византийскому памфлету «Сказание об Индии богатой», который доказывает превосходство Индии над Византией (в русской письменности известен с XII—XIII вв.). По мнению Вс. Миллера (Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 97—122), первоначальная песня о Дюке сложилась в Галиче, который неоднократно упоминается в былинах как родина Дюка. Возможно, что социально-историческая основа — соперничество галицких бояр с князьями в эпоху пышного расцвета Галицкой земли и ослабления Киева (XII—XIII в.).

№ 11. ПРО СТАВРА

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Относительно источника былины сказительница сообщила следующее: «Эту былину узнала еще девушкой, коробейник кенозерский пел, звали его Михайлом Васильевым. Он лучше меня пел. Заказных слов не стеснялся. Слыхала еще от Матвея Герасимова, но тот тоже не все пел».

Эта былина-новелла отличается занимательностью фабулы. Основной район распространения — Прионежье; количество вариантов из других мест незначительно. Обзор вариантов см. в книге Астаховой, стр. 637. Публикуемый текст соединяет в себе сибирскую и прионежскую традиции (см. Астахова, стр. 638). Жена Ставра (в данном варианте Катерина Ивановна, а не Василиса Микулична, как обычно) выступает одновременно в роли грозного посла, требующего уплаты дани-пошлины, и в качестве жениха племянницы князя. Испытание баней и постелью намеренно опущено Пашковой. Окончив сказывать былину, она заметила: «Помню, что испытывали посла постелей да баней, — да тое нехорошо». Таким образом, под влиянием личного вкуса сказительницы былина почти утратила следы скоморошьей обработки, и основной особенностью варианта Пашковой, как прионежского, осталось лишь сатирическое изображение князя. Пашкова описывает его страх и растерянность перед грозным послом («Тут у солнышка Владимира резвы ноженьки да подкосилися» и т. д.), его неловкость и беспомощность в соревновании с послом и даже уличает князя во лжи. По поводу слов Владимира: «У нас невеста справляется, не неволена, а по охотушке»... она заметила: «Соврал». Кончается былина насмешкой жены Ставра над Владимиром. Текст отличается оригинальными чертами. Наиболее интересными из них являются следующие: все свойства ставровой жены перечисляются уже заранее, при хвастовстве; Забава Путятишна фигурирует в обычной роли жены князя Владимира или его племянницы из эпизода заточения Ильи Муромца в погреб. Вариант заключает мотивы, общие другим былинам Пашковой: мотив ворона-вещуна (см. былины о Потыке, об Алеше Поповиче), метание палицы под облака (см. былину о Святогоре) и др.

В обширной литературе об этой былине отмечено широкое распространение ее ведущего мотива — переодевания в мужское платье с целью помощи мужу или жениху; указаны аналогии в литературе других стран. Вс. Миллер (Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 263—282) считал былину о Ставре переработкой новгородской песни или предания о заточении Владимиром Мономахом новгородского сотского Ставра (XII в.), но это недостаточно обосновано.

№ 12. ПОШЕЛ МОЛОДЕЦ ИЗ ОРДЫ В ОРДУ

Записана в марте 1937 г. А. Н. Антиповой.

Представляет собою небольшой отрывок (28 стихов) былины-баллады о молодце и королевне. В связи с фрагментарностью трудно указать ближайший вариант. Обычные варианты данной былины, напр. записанные в Моше (Г., III, №№ 311, 314), содержат более развернутое повествование, заключительным эпизодом является смерть молодца и королевны.

Стихи 15—16, из которых видно, что молодец, будучи в Литве, вспоминает «родимую сторонушку», позволяют предположить, что он может вернуться туда. В таком случае все повествование могло явиться и частью какого-то варианта «Молодец и худая жена» (см. Р., I, №№ 47, 76, 101 и др.). Тогда данному отрывку должен был предшествовать рассказ о неудачной женитьбе молодца, чем и объясняется его поездка в Литву, а после изложенного в отрывке следовал бы рассказ о возвращении его домой.

№ 13. ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ, ОДИНОКА ДОЧЬ

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Наиболее распространенная из баллад, близких к былинам. Была популярна во многих местностях России (перечень вариантов см. у Астаховой, стр. 553). В настоящее время в наибольшем количестве вариантов (40) записана на Севере, где известна, главным образом, в исполнении женщин, и осмысляется или как «бывальщина», «старина» (Мезень), или как «стих» (Заонежье, Поморье). В Пудожском крае, по словам Пашковой, ее пели как «полубожественные (духовные) стихи в великий пост».

Баллада Пашковой ничем особенно не отличается от других заонежских вариантов (Г., II, №№ 167, 176). Наиболее существенное отклонение — отсутствие каких бы то ни было социальных моментов: о происхождении братьев и сестры говорится только, что они дети вдовы, социальная принадлежность зятя также не указана. В центре внимания сказительницы — трагическая судьба героини. Последняя наделена именем, чего не встречается в других вариантах баллады из Прионежья.

№ 14. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Песня о взятии Казани усвоена сказительницей от певцов, которых она слышала еще до замужества в деревне Ярчевой.

Принадлежит к числу сравнительно редких исторических песен. Известна в небольшом количестве вариантов из Сибири (К. Д. № 28), с Поволжья и Урала. На Севере встречается редко: Г., II, № 160, Марков № 28. Из новых записей можно указать только публикуемый текст.

Темой песни о взятии Казани является решающий момент осады этого города в 1552 г. — взрыв городской стены и последовавшая за этим смерть царя казанского Едигера (в песне — Симеона).

Данный вариант передает только первую часть обычного сюжета и восходит к тексту Касьянова (Г., II, № 160), иногда почти дословно повторяет его. Так, после зачина следует

у Касьянова:

Про грозного царя Ивана
Васильевича,
Как государь царь Иван
Васильевич
Казань город покорил,
Под Казанку реку он подкоп
подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом
катил...

У Пашковой:

Про того царя Ивана Грозного,
Как наш царь государь под Казань
город ходил,
Под Казанку реку он подкопы
подводил,
За Сулай, за реку бочки с порохом
катал и т. д.

Песня Пашковой отличается от варианта Касьянова только концовкой. Заключительные строки его, прославляющие могущество святой Руси, заменены в нашем тексте сообщением о пире на весь мир.

№ 15. ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Эту песню Пашкова слыхала у певцов, но у кого именно, она не помнит. О бытовании ее сказительница сообщила: «Про Ивана Грозного пели хором, как песни и стихи».

В цикле народных сказаний об Иване Грозном песня о покушении его на жизнь сына является наиболее популярной. Кроме северных вариантов (прионежских, беломорских, пинежских), имеются записи с Поволжья, из Средней России, Сибири. Полный свод вариантов см. в Сборнике Отд. Русск. языка и Слов. Ак. Наук, т. XCIII, № 98—140. Отмечая исключительное разнообразие многочисленных вариантов этой песни, Вс. Миллер пишет: «Нельзя найти двух, которые совпадали бы между собой во всех деталях».

Сказительница с трудом припоминала данный вариант, чем объясняются значительные сокращения в тексте. Утрачено обычное начало песни, рассказывающее о причине царского гнева, а на вопрос о том, почему же царь приказал казнить сына, Пашкова ответила: «Ты не слыхала штоль про Ивана Грозного? Потому он и грозным назывался, как распалится, так всех хоть бы сам убил». Таким образом, Пашкова по-своему обосновывает дальнейшее содержание песни. Опущены отдельные детали, напр. палач не называется Малютой, а также отсутствует имеющийся в большинстве вариантов эпизод встречи Никиты Романовича с царем у заутрени. Следует отметить своеобразную разработку эпизода казни царевича: Никита Романович выхватывает из рук палача его жертву и вместо Федора кидает на плаху своего любимого парубка. Это характерно для сибирских вариантов (К. Д., № 43, Азадовский, № 8), для некоторых беломорских (Марков, № 37, Григ. I, № 16) и отличает печатаемый текст от прионежских.

В варианте Пашковой заметно сильное влияние былин (обращение Никиты Романовича к коню, ответ Федора палачу и т. д.); в этом плане интересно, что сказительница называет песню былиной.

Событие, о котором рассказывается в песне, историей не отмечено; песня о попытке Ивана Грозного казнить своего младшего сына Федора навеяна известным фактом убийства царевича Ивана в 1581 году.

№ 16. БЫЛИНА

Печатается по рукописи Пашковой, датированной мартом 1940 г.

По словам сказительницы, былину она составляла очень долго: «Носила в голове почитай много времени, а теперь решилась сказать». Завоеванию Арктики посвящены также следующие былины: «О папанинцах» и «О челюскинцах» В. М. Самылина, «Папанинцы» М. К. Рябинина (Сказания о героях Арктики, Петрозаводск, 1938 г., стр. 9—23); «Поколен борода и ясны соколы» М. С. Крюковой (Новины Марфы Семеновны Крюковой. Запись, обработка и послесловие В. Попова. М. 1939, стр. 91). Былина Пашковой очень оригинальна и отличается рядом художественных достоинств. Прежде всего обращает внимание зачин, в котором перечисляются подвиги Святогора, Ильи Муромца, Добрыни и Дюка. Заметим, что здесь встречается мотив трех застав, преодолеваемых Дюком, который сказительница не могла вспомнить при записи от нее былины о Дюке (см. № 10). Создав такой своеобразный зачин, Пашкова и далее использует известные ей образы и поэтические формулы и дает ряд живописных и ярких картин. В описании полета на полюс (стихи 101—105) находим поэтическую формулу, употребляемую обычно в былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (поездка в Киев); здесь же в рас-

сказе о работе папанинцев имеет место другая поэтическая формула (стихи 112—115), встречающаяся обычно в былинах о Добрыне и Алеше. Далее следует развернутое описание награждения героев, вернувшихся из Арктики (стихи 140—155), в котором также использован традиционный мотив награждения богатырей за их подвиги.

Следует отметить, что во всех указанных случаях не встречается механического перенесения традиционных поэтических формул и образов. В этом отношении и зачин, излагающий подвиги киевских богатырей, носит следы творческой переработки. О завоевании Арктики Пашкова много читала и слышала. Весть о возвращении седовцев, о которых она упоминает, вероятно, и побудила ее к составлению этой былины.

ФОФАНОВ ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Автобиография записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым

Иван Терентьевич родился в 1871 г. В семье у них была тяжелая обстановка, детей не посылали учиться, и он остался неграмотным. Примерно до 1910—1911 г. работал на стороне в батраках у кулаков, был пастухом и лишь к этому времени обзавелся самостоятельным хозяйством. Занимался охотой, рыбной ловлею, но на жизнь нехватало, и он продолжал ходить на заработки в Шалу.

Дальше Петрозаводска нигде не был, живет все время в деревне Климово, ныне Авдеевского сельсовета. Жизнь этого сказителя, подобно сотням и тысячам жизней таких же, как и он, крестьян до революции была тяжелой. Фофанов типичный представитель северного крестьянства. Это видно из его биографии, очень своеобразно, колоритно рассказанной им. До революции — нужда, горе, бесперспективность. После революции сначала делается середняком, а в период коллективизации, убедившись, что в колхозе живут «ничего, важно», т. е. рассудив чисто по-крестьянски, уже крепким середняком идет в колхоз. Теперь каждый раз, когда речь зайдет о его жизни, и в каждом письме он подчеркивает одну мысль: «При Советской власти стало жить хорошо, спасибо товарищу Сталину». В этих простых словах, глубоко продуманных и прочувствованных, подводится итог трудовой жизни крестьянина, и звучит уверенность в светлом будущем.

Ряд былин Фофанов перенял от известного сказителя Н. Прохорова, усваивал также и от других. Вот как он отвечает на наш вопрос относительно этого в одном из писем: «Я был молод и всех сказителей не запомнил, а большинство я слышал от бураковского старичка, звать не знаю как, а по прозвищу Утка... Я был молод лет 15... Он, Утка, был в нашей деревне, что-то делал, а я к нему ходил на беседу, и эти былины понял, но не совсем, может быть и изменены содержания. Еще я слышал былины от Терентия Гурьевича Блохина. Он жил в Мелентьевской... Он жил у нас и пел, а я прислушивался»... Когда мы попытались установить, от кого какую былину он слышал, то это ни к чему не привело. Более точных сведений Фофанов не мог дать. Сказитель в очень редких случаях отступает от данной редакции. Свои былины все без исключения он поет. Впервые запись нескольких былин со сказа, а не с голоса была проведена в январе 1938 г. Затем с лета 1938 г. работа по записи былин была поручена К. В. Чистову, который выезжал к Фофанову дважды в июле—августе 1938 г. и в июле 1939 г. Записал все его былины с голоса. Повторная запись некоторых текстов не дает существенных отличий, но представляет собою более полный вариант.

Помимо публикуемых былин, записана 1 сказка и 3 песни, среди них песня «Про Платова казака» — переодетый Платов в гостях у француза (Архив, колл. №№ 38—39). Других записей не проводилось, поэтому точных сведений о всем репертуаре сказителя нет.

В 1939 г. в мае—июне Фофанов был на конференции сказителей в Петрозаводске, исполнял свои былины, принимал активное участие в работе конференции. Сейчас, как и другие сказители К-ФССР, он получает газеты, которые ему читают сыновья; через письма и поездки поддерживает постоянную связь с Институтом.

№ 17. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — одна из наиболее распространенных, встречается в контаминации с другими сюжетами (см. Астахова, стр. 605—607). Помимо многочисленных записей этой былины из уст народных сказителей, известны «повести», «сказания» и т. п. в старинных рукописях XVII—XVIII вв., а также сказочные обработки (Андреев, № 650), русские, украинские, белорусские, карельские и др. народов. Варианты этой былины отличаются большим разнообразием и, как отмечает А. М. Астахова, не группируются в определенные композиционные типы. Наши записи из Пудожского района подтверждают это положение. Фофанов не мог вспомнить, у кого перенял эту былину. От других известных нам пудожских вариантов она отличается; в частности значительно отличается и от варианта Прохорова (Р., II., № 116): иное описание выезда богатыря, отсутствует мотив трех дорог, вместо города Бекетовца — Чернигов и т. д. Сюжет разработан в свойственной Фофанову манере, просто, без вставных эпизодов, контаминации. Сказитель дает полноценный художественный текст, четкую композицию, внимание сосредоточивается на основном содержании былины.

Былина отразила борьбу народа с разбоем, насилием и отчасти с иноземными притеснителями (отчество Соловья в некоторых вариантах Рахматович — измененное вор-Ахматович, от татарского хана XIV в. Ахмата). Эта борьба воплощена в подвигах любимого народного героя Ильи Муромца. В некоторых вариантах особенно подчеркивается крестьянское происхождение Ильи Муромца, который по силе и храбрости противопоставляется князю и его приближенным. Возникновение былины большинство исследователей относит к XII—XIII вв. и к Южной Руси, в частности к древнему княжеству Черниговскому, в пределах которого известны город Карачев (в былине село Карачаево), река Смородинка и урочище Девятидубье.

№ 18. СИЛЬНОЕ МОГУЧЕЕ ИВАНИЩЕ

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Былина имеет широкое распространение, чаще всего контаминируется с другими сюжетами, известна в рукописных источниках XVIII в. В виде самостоятельной былины больше всего записей из Прионежья. Обзор и исследование вариантов см. у Астаховой, стр. 594—595.

Данный текст близок к былине Н. Прохорова (Р., II, № 118; Г., I, № 48). Это та же редакция, хотя в содержание и внесены некоторые существенные изменения: вместо Царьграда и Константина Боголюба, в данном варианте действие переносится в Киев к князю Владимиру. См. об этом в статье, стр. 29. Вместе с тем Фофанов, несомненно, стремится придерживаться данной редакции, хотя иногда сокращает или увеличивает текст. Начало былины, подвергавшееся обычно наибольшим вариациям у разных певцов, совпадает почти дословно, если не считать некоторых стихов, выпущенных в былине Фофанова. Кроме начала, очень близки стихи — у Фофанова 127—137, 145—147, у Прохорова (Р., II, № 118), стихи 129—135, 140—142 и др. Во время исполнения былины Фофанов допускает лишь незначительные вариации и отступления от известного ему текста. Так, в первой записи (со сказа), более короткой, есть такие стихи:

«Бросил сильное могучие Иванище
Татарина в чисто поле,
Одны косточки разлетелися»...

Они повторяют текст Прохорова, ср. стихи 45—47 по Рыбникову. Во второй записи этих стихов у Фофанова нет. Кроме того, в данном варианте в отличие от былины Прохорова отсутствует диалог между Ильей Муромцем и князем после убийства Идолища, сокращен эпизод прихода Ильи Муромца,

проще рассказывается о битве с татарами (у Прохорова богатырь уничтожает татар, размахивая Идолищем, которого схватил за ноги), довольно лаконично сказано о состоянии Иванища, оставшегося с конем («Иванище стоит да и весь в слезах»). Перестановка эпизодов наблюдается в одном случае: у Прохорова Илья Муромец упрекает Иванище при первой встрече, у Фофанова в конце (стихи 178—180).

Ряд исследователей (Вс. Миллер и др.) видят генетическую связь данного сюжета с более ранней былиной об Алеше Поповиче и Тугарине (см. напр., Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, II, М. 1910, 87—168). Это обстоятельство дает повод считать, что в былине нашла свое отражение борьба русских княжеств с кочевниками (XI—XIII вв.). По другой концепции (Б. М. Соколов. Былины об Идолище поганом. Ж. М. Н. Пр. 1916, № 5), былина возникла на основе легенд о борьбе с язычеством. Однако общий идеологический смысл былины — в изображении борьбы русского народа с иноземными врагами-насильниками.

№ 19. ПРО СОЛОВНИКОВА ТАТАРСКОГО

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Былина известна в многочисленных вариантах особенно из северо-восточных районов, см. Астахова, стр. 609. Из Пудожского района по старым записям былина известна только в варианте Н. Прохорова (Р., II, № 117, Г., I, № 46) и в значительно измененном виде у А. Ф. Пантелеева (Ш., стр. 63). Новых записей из Пудожа и Кенозера 3.

В данном варианте, как и у Прохорова, богатырь назван Соловником (изменение обычного имени Сокольник, встречается Подсокольник и др.); в бой Соловник вступает также только после того, как Илья Муромец предлагает сойти «со добрых коней». В остальном текст отличается от варианта Прохорова и не имеет ничего общего с вариантом Пантелеева. В нем, между прочим, совершенно отсутствует указание на то, что Илья Муромец борется с сыном, хотя именно это обстоятельство вызывало особенное волнение и интерес у слушателей, когда исполнял свою былину Прохоров. Начинается былина эпизодом на заставе, который изложен довольно сжато. В прионежских вариантах, как указывает А. М. Астахова (стр. 611), обычно действует один Илья Муромец, тогда как в записях из северо-восточных районов дается развернутое описание заставы и особая композиция выезда богатырей. К ним примыкают кенозерские варианты. Поэтому возможно в данном случае предположить влияние кенозерской традиции, хотя по другим композиционным особенностям былина Фофанова далека от кенозерских вариантов.

Интересно, что данный вариант сильно перекликается с известным шенкурским вариантом (Кир., I, стр. 46): в характеристике богатырей на заставе встречаем ту же формулу в отношении Алеши Поповича (стихи 32—35); к Потыку применена формула, характеризующая Ваську Долгополого (стихи 40—43); некоторые общие черты есть в описании встречи Добрыни с Соловником, в укоре Ильи Муромца и др.

Былина имеет многочисленные параллели в сказаниях других народов: немецких (песни о Гильдебранте), иранских (Рустем и Зораб в «Шах-Намэ») и других. Генезис сюжета (единоборство отца с сыном), как указано впервые Веселовским (Сочинения, т. II, вып. I, 1913, стр. 77—114), восходит к родовому строю, периоду матриархата. Историческая и бытовая обстановка, нашедшая отражение в былине, дает основание исследователям относить ее возникновение к XII—XIII вв. — к эпохе борьбы с кочевниками.

№ 20. ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Данный вариант представляет искусную контаминацию нескольких мотивов из разных былин. В качестве замысла использован сюжет «Илья Муромец, Ермак и Калин царь». Отсюда взяты имена и образы героев, нападение

на Киев царя Калина, поездка Ермака против татар и появление Ильи Муромца в конце. Весь эпизод на пиру, когда Ермак убивает Калина, взят из былины Илья Муромец и Идолище. Композиция былины, за исключением этого эпизода, в основном совпадает с композицией былины о богатыре-малолетке Михайле Игнатьевиче. Богатырь действует совершенно самостоятельно, Илья Муромец не участвует в битве, так же как отец Михаила Игнатьевича, хотя о появлении Ильи и рассказано, как в былине об Илье Муромце, Ермаке и Калине царе. Таким образом, настоящий вариант представляет совершенно новую редакцию. В центре стоит образ Ермака, имя которого, как отмечают исследователи (Вс. Миллер и др.), вошло в былины не ранее XVII в. Не случайно данную былину о Ермаке удалось записать в Прионежье, где творческая работа над созданием образа Ермака, как одного из богатырей, борющихся с царем Калином, отмечена большим количеством вариантов, чем в других местах (см. Астахова, стр. 597). Это также еще раз подтверждает указание А. М. Астаховой на творческую работу северного крестьянства над популярным сюжетом об Илье Муромце и царе Калине, выразившуюся в создании новых, оригинальных текстов, восходящих к данному сюжету.

Наряду с другими былинами этого же цикла, настоящий вариант, возникший на основе этих былин, отражает событие эпохи борьбы с татарщиной.

№ 21. БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Былина известна более чем в 30 вариантах, иногда в контаминации с сюжетом о Добрыне и Алеше. См. Астахова, стр. 570—572. По исследованию Астаховой, прионежские варианты дают три основные редакции, одна из них пудожская. Но настоящий вариант не может быть к ней отнесен. В нем мы находим характерные черты заонежских редакций.

В былине Фофанова разработана только первая часть сюжета: бой Добрыни со змеем на Пучай-реке. Сказитель говорит: «Слышал, как пели только до этого места, дальше рассказывали о том, как Добрыня выручал Забаву, бился три дня, по колено в крови стоял, а выручил». Это замечание дает основание предположить, что в более полном варианте данной былины встречался мотив поглощения землей змеиной крови, свойственный одной из заонежских редакций. Вариант Фофанова близок к первой части былины о Добрыне и змее у Т. Г. Рябинина (Г., II, № 79). Некоторые эпизоды переданы в близких выражениях:

у Рябинина:	У Фофанова:
Да ударил он Змеинище Горынище	Ударил колпаком да земли греческой
Еще пала та змея да на сыру- земло,	А Змеинищо-то ён да Горынищо,
На сыру-то землю пала во ковыль траву ...	А сбил как тут змею на сыру- землю,
Дай скочил то он змеищу на белы груди,	А сбил как ту змею во ковыль траву,
Распластать та он хотел да груди белые,	Ну скочил как ён на грудь на змеиную,
Он хотит-то ей срубить да буйны головы,	Ну в руках-то тут держал ён булатный нож,
Тут Змеинищо Горынищо мо- лится ...	А хотел-то ён рубить-то нунь змеиные ён головы,
	А тут как змея ему смолилася ...

Смотри также поездку Добрыни по чисту полю, появление змея, предупреждение портомойниц, что следует купаться в сорочке, — характерная особенность той заонежской редакции, которую представляет вариант Рябинина.

№ 22. ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИНЦА

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Основной сюжет этой былины о Добрыне и Алеше осложнен эпизодом единоборства двух русских богатырей. В данном случае это является вступлением к главному рассказу, но известны былины о Добрыне и Дунае и о бое Ильи Муромца с Добрыней, где единоборство двух русских богатырей является основным сюжетом. Такие былины встречаются очень редко, см. Астахова, стр. 568—570.

Эту былину Фофанов слышал от Прохорова (Г., I, № 49), оба варианта в основном совпадают. У Прохорова отсутствует отъезд Добрыни на охоту, но далее, со стиха 35 до стиха 152, данный вариант почти дословно повторяет былину Прохорова. В последующем изложении отдельные эпизоды варьируются, причем в обоих случаях используются мотивы из былины о Василие Казимировиче: у Фофанова — эпизод у короля заморского, игра с ним в шахматы, у Прохорова — поездка двух богатырей на Литву и вскользь упоминаемая игра в шахматы за морем. Начиная со стиха 304 (у Фофанова) до конца оба текста совпадают. В отличие от былины Прохорова данный вариант дает более последовательное и стройное изложение (более мотивированы отъезды Добрыни, подробнее рассказывается, что он делает в отлучке и т. п.). Отрицательная характеристика князя Владимира как свата в обоих вариантах отсутствует, но встречается такая характерная художественная деталь прионежских вариантов, как упоминание голубей-вестников.

№ 23. СУХМАН РАХМЕНТЬЕВИЧ

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Одна из самых редких былин: Т. и М., II, № 54; Р., II, № 149; Г., I, № 63, III, № 313 (отрывок, вместо Сухмана Добрыня); Марков, №№ 11; Григ., III, № 28). Таким образом, в Онежском крае, если не считать одного испорченного варианта, записанного в Моше (Г., III, № 313), былина встретилась только в Шале (Пудожский район) Рыбникову и Гильфердингу. Новых записей 9, причем 7 из Пудожского р-на, что несомненно является одним из моментов, свидетельствующих о богатстве и устойчивости былевой традиции в этом районе. Две новых записи от М. С. Крюковой из Зимней Золотицы. Одна из них опубликована (Б. К., № 38).

В варианте Фофанова сохранены все основные особенности традиционного сюжета. Отступления незначительны. В отличие от указанных вариантов из Шалы отсутствует эпизод с 3 (2) татарами, которые в варианте, записанном Рыбниковым, ранят Сухмана уже после боя, а в варианте, записанном Гильфердингом, дерутся с Ильей Муромцем. В данном тексте раны Сухман получает в бою. Кроме того, у Фофанова отсутствует хвастовство на пиру, Сухман вызывается ехать не сам, а получает поручение от князя, как в беломорских вариантах. Это усиливает несправедливость князя по отношению к Сухману. Обращает внимание необычайно волнующий, тщательно разработанный диалог Сухмана с татарами и с Непрой рекой.

Генезис былины неясен. В характеристике князя, наделенного чертами деспотизма, и в отдельных бытовых деталях исследователи видят отражение обстановки Московской Руси, однако по общему своему содержанию и характеру былина примыкает к основному героическому циклу, отразившему борьбу с татарами. Конец былины представляет собою поэтическую легенду о происхождении рек; встречается в былинах о Доне и Непре и о Дунае.

№ 24. ПРО КОРОЛЯ ЛИТОВСКОГО

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Былина встречается редко, большинство записей из Онежского края (10 из 12, некоторые повторные), см. Астахова, стр. 623.

Данный вариант близок к тексту А. П. Сорокина (Р., II, № 135; Г., I, № 71). В начале былины, как и у Сорокина, встречается мотив оборотничества,

проникший из былины о Волхе (Астахова, стр. 623); дословно повторяется ряд стихов.

У Сорокина (Г., I, № 71):

Ай не пьют да не кушают,
Белой лебеди да не рушают,
А сидят повешены буйны головы
Ай пониже своих плеч могучих,
Ай потуплены очушки ясные во кирпичный пол.

У Фофанова:

Ну не йли как не пили да не кушали,
И белой либеди ёны не рушали,
Ну приклонили как свои буйны головушки
Ниже плеч ёны да могучих,
А притупили как ёны да очи ясные,
Притупили тут да во кирпицной пол.

Или в другом месте:

А разбили четыре села да что ни лучших:
А как перво село Лягово,
А как друго село Коротяево,
А как третье село Корачаево,
А как четвертое село что ни лучшее Косы улицы
и т. д.

Ну разоряли города что ни лучшии...
Первый город разорили ёны Лягово,
А другой город разорили Коротяево,
А третий город разорили Корачаево,
А четвёртой оны разорили Косый-то уличи.

Сравни также в данном варианте стихи 125—135, 197—201, 353 и др. с соответствующими местами варианта Сорокина.

Былина Фофанова только на два стиха короче былины Сорокина, но все же в содержании имеется существенное сокращение: выпущен интересный эпизод у реки, которая является рубежом, — подбор дружины путем проверки способа питья; кроме того, значительно сокращен конец былины — расправа князя Романа с врагами и возвращение братьев в Литву. Оба эти мотива имеют литературные параллели: библейский рассказ о Гедеоне и древняя притча о хромом на слепце (см. исследование И. Н. Жданова. Русский былевой эпос, СПб. 1895, стр. 425—525).

Былина сохранила четкую историческую основу, в ней нашла свое отражение борьба западно-русских областей с литовскими князьями в XII—XIII вв. Остается спорным лишь вопрос об определенном историческом деятеле, явившемся прообразом князя. Высказывалось предположение, что это мог быть или Роман Мстиславович Галицкий, конец XII в. (точка зрения И. Жданова) или Роман Михайлович Брянский, вторая половина XIII в. (точка зрения А. Маркова и Н. Коробки). Следует указать на актуальность темы этой былины в народных массах; так, отголоски подобных событий, имеющих место на протяжении ряда веков, сохранились в многочисленных легендах и преданиях, записанных в Карелии о поляках и шведах; см. О. Г. В., Олонецкий сб. и другие местные издания.

№ 25. О ДЮКЕ СТЕПАНОВИЧЕ

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Данный вариант представляет собою отрывок былины о Дюке, включающий поездку его в Киев (135 стих.) и похвальбу на пиру (20 стих.). Сказитель не смог припомнить всю былину, но текст интересен тем, что здесь рассказывается о трех заставах, которые преодолевает Дюк на пути в Киев. Мотив этот встречается только в некоторых вариантах из Заонежья и Кенозера (см. Г., III, № 230 и др., Астахова, стр. 583). В других наших записях былины о Дюке (см. №№ 10, 37, 57, 60) этот мотив не встречается. Богатырскую заставу в качестве третьего, иногда четвертого препятствия и знакомство Дюка

с Ильей Муромцем до приезда в Киев встречаем в кенозерских вариантах (см. Г., III, №№ 225, 230, 279) и в некоторых вариантах из других районов (Г., II, № 115 — Кижи, III, № 212 — Водлозеро).

№ 26. МИХАЙЛО ПОТЫК, СЫН ИВАНОВИЧ

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Весьма вероятно, что эту былину, как и некоторые другие (см. комментарий к былине о Добрыне и др.), Фофанов «слышал от бураковского старика Утки» (Н. Прохорова, см. Г., I, № 52), но передает ее с значительными сокращениями. Это связано с отсутствием интереса у сказителя к данному сюжету. Исполнив былину, он заметил: «Петь мне ю не понравилосе. Идно подходит, идно не подходит. Больше мне по. ндраву про старого казака Илью Муромча».

Былина Фофанова развивает только первую часть сюжета о Потыке, главным образом, его героико-фантастические мотивы, и заканчивается оживлением Марьи лебеди белой. Мотив неверной жены и связанные с ним эпизоды в данном варианте отсутствуют.

Из других расхождений с прототипом следует отметить то, что былина начинается не обращением Ильи к богатырям (ср. вар. Прохорова), а детально разработанным описанием отъезда Потыка к царю Вахрамею с целью игры в шахматы. Введено новое для этой былины действующее лицо — мать Потыка, Наталья Тимофеевна, у которой он просит благословения на брак. Обязанность платить дани-пошлины возлагается на царя Вахрамея, отсюда несколько измененная мотивировка второй поездки Потыка.

№ 27. ПРО ЧУРИЛУ ЩАПЛЕНКОВИЧА

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Сюжет этой былины — Чурила и неверная жена. Типичные черты онежской группы вариантов (см. Астахова, стр. 642) сохранились только в описании внешности Чурилы и в наличии диалога между Катериной и ее мужем, причем неизменный ответ Катерины на все вопросы мужа необычен: она отвечает не по существу, за исключением первого раза, а ссылается на свое нездоровье. Заканчивается былина популярной присказкой, но также необычной для былины («И я там был, мёд пиво пил» и т. д.). Былина сохраняет некоторые местные особенности в описании одежды и домашней обстановки Катерины: «Шубонька висит на грядочки, лапоточки на лежаночки, руковички барановы на лавочки». Во многих других вариантах вместо лапоточков — «турецкого сафьяна сапожки» и т. п.

№ 28. ПРО КОСТРЮКА

Записана в июле 1938 г. К. В. Чистовым.

Одна из самых популярных исторических песен. Свод вариантов (64) см. в Сборнике Отд. Русск. языка и Слов. Ак. Наук, т. XCIII, стр. 35—244; обзор вариантов дан Вс. Миллером (см. Известия ОРЯС, т. IX, 1904 г., № 1, стр. 20—25).

По мнению Вс. Миллера, первоначальная песня о Кострюке была сложена коротким стихом и пелась на веселый лад; позже, особенно на севере, она приобрела эпический размер и элементы былинной поэтики. Данный вариант типичен в этом отношении: песня в устах Фофанова окончательно превратилась в былину. Публикуемый текст отличается серьезностью, замедленностью повествования и исполняется сказителем на былинный напев; близких параллелей среди известных вариантов не имеет. Характерное для большинства вариантов начало (приезд Кострюка с крымской царицей и засыланье послов к царю или свадебный пир у Ивана Грозного) заменено сжатым сообщением о том, что Кострюк приехал в Москву с целью найти себе поединщика. Несколько подробнее описывается сцена на пиру, после которой Фофанов развивает цен-

тральный эпизод былины — единоборство Кострюка с Федюхой. В этой части наш текст приближается к традиционным вариантам былины, но в отличие от них подчеркивает крестьянское происхождение трех братьев (стих 53). Следует отметить, что царь Иван Грозный, вероятно, по аналогии с князем Владимиром, назван князем; имя Василий — простая оговорка.

Основной мотив былины — поединок царского шурина Кострюка (Мастрюка) с русским бойцом — не передает конкретного исторического факта и является вымыслом, но он отразил патриотические настроения русского народа в борьбе с иноземными насильниками. Некоторые исследователи считают, что былина о Кострюке представляет контаминацию двух песен: 1) о женитьбе Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне (1561 г.) и 2) об иноземном, по всей вероятности татарском, насильнике XVI в. Песня на вторую из указанных тем сохранилась в записи англичанина Джемса (1619 г.), составлена она по поводу победы над крымским ханом Девлет-Гиреем в 1572 г. (см. исследование С. Шамбинаго «Песни времени царя Ивана Грозного». М. 1914 г.).

№ 29. ПРО КЛИМА ВОРОШИЛОВА

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Былина составлена Фофановым в августе 1938 г. и тогда же была записана В. Р. Дмитриченко (Архив, колл. № 17). Публикуемый текст представляет более полный вариант. О товарище К. Е. Ворошилове известны и другие былины, составленные разными сказителями в К-ФССР. Даем ссылки на имеющиеся в Архиве НИИК К-ФССР тексты с указанием заглавия былины, имени составителя, номер колл. архива и в случае публикации ссылкой на нее: «Былина о Ворошилове», П. И. Рябинин-Андреев, колл. № 3, Былины П. И. Рябинина-Андреева, стр. 115; «О Ворошилове», П. Г. Горшков, колл. № 1, Альм. Кар., стр. 27; «О Ворошилове» М. Е. Самылин, колл. № 5; см. также «О Сталине и Ворошилове», Ф. А. Конашков, колл. № 8.

В отличие от этих былин, посвященных участию товарища Ворошилова в гражданской войне и его работе по укреплению Красной Армии, Фофанов говорит о нем в связи с событиями на озере Хасан. Художественный замысел сказителя сводится к тому, чтобы на фоне этих событий дать образ героя, вождя. Поэтому в былине товарищ Ворошилов является непосредственным участником боев. В начале былины дан характерный для всякого эпического произведения зачин, в котором говорится, кому посвящена песня. Затем следует традиционное описание сборов в дорогу и отъезд богатыря. По-новому рассказывается о вооружении богатыря: он «обкалчужился и облатился» (т. е. надел кольчугу и латы), но вместе с этим взял винтовку, патроны, наган, бомбы и т. п. Применение этого нового оружия находим в описании картины боя, которая в остальном, как и вся былина, передана в стиле традиционной поэтики. С большим пафосом дано обращение Ворошилова к дружине. Заключением служит обычное в эпических песнях воспевание славы храброму герою, сломившему силу врагов.

Былина была составлена сказителем в самый разгар событий на озере Хасан, он знал о них по радио и из газет, которые ему выписывает Институт. Живо интересуясь сообщениями о ходе боев, Фофанов как прекрасный мастер героического жанра решил составить новую былину, воспеть героику наших дней. Побудило его к этому и чувство соревнования, т. к. он знал, что и другие сказители составляют новые былины.

№ 30. ПРО ЧАПАЕВА

Записана в июле 1939 г. К. В. Чистовым.

Данный текст представляет вариант «Былины о Чапаеве» карельского сказителя Т. Е. Туруева (см. Альм. Кар., стр. 30), последняя в свою очередь восходит к редакции П. И. Рябинина-Андреева (см. Былины П. И. Рябинина-Андреева, стр. 118). Помимо указанных текстов, известна былина «Чапай»

М. С. Крюковой (Новины Марфы Семеновны Крюковой. Запись, обработка и послесловие Викторина Попова, М. 1939, стр. 71). Фофанов усвоил былину по книге, подаренной ему на конференции сказителей в мае—июне 1939 г. Текст очень близок к туруевскому и существенных отличий от него не имеет, за исключением особенностей языка (у Туруева язык ближе к литературному). Художественные достоинства былины заключаются, главным образом, в описании боев; в этих описаниях много пафоса, удачно использованы традиционные образы и формулы (см. стихи 90—110, 140—155 и др.). Интересно и начало былины, в рассказе о молодости Чапаева использован мотив из былины о Волхе (стихи 12—15). События, о которых рассказывается в былине, очень интересуют сказителя, в этом отношении характерны его замечания. Образ народного героя Василия Чапаева дорог Фофанову. Заканчивая былину, он говорит, что Красная Армия отомстила за смерть героя. О Чапаеве, по его словам, сказитель хотел рассказать так, чтобы его поняли все, «весь рабочий люд».

РЕМИЗОВ НИКИТА АНТОНОВИЧ

Автобиография записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

Жизнь Никиты Антоновича во многом напоминает жизнь его друга и соседа Фофанова. Это также характерный тип северного крестьянина, его биография вносит лишь существенное дополнение, еще одну характерную черту, это пребывание его на военной службе в империалистическую войну — участь многих сотен и тысяч других крестьян. Кроме того, он был в Петрограде в годы революции. Восстановить точные даты основных событий его личной жизни не удалось, так как сам он их не помнит и очень путает. Основные факты даны в автобиографии, сокращения в ней допущены лишь за счет некоторых фактов из времени пребывания его в Петрограде, не подтвердившихся при проверке. Ко всему остается лишь добавить, что он, как и Фофанов, не мог учиться и остался неграмотным. Живет он все время в деревне Алексеевской ныне Авдеевского сельсовета.

О том, от кого перенял он былины, Ремизов говорит в автобиографии; кроме того, в одном из писем, где ему снова был задан этот вопрос; он сообщает следующее: «У нас в деревне был старик (Сёмин), как и я старый (теперь), и он пел старины. Любитель был петь, а мы у его слушали, и немного я и понял. А у него было много разных старин. А сам я мало и пел их, больше занимался я сказками, те меня завлекали гораздо и тех у меня нунеку еще есть и много знаю». Увлечение сказками характерно для Ремизова, но, к сожалению, они остались пока еще не записанными. Кроме былин, в Архиве НИИК К-ФССР (колл. № 36) хранятся записанные от Ремизова 2 песни, 1 небылица, 1 быль и 3 эпических сказания («О прошлом и нунешнем», «Геройская песня» и «О событиях у озера Хасан»), которые он поет, как и былины. Для всех былин у Ремизова только один напев, за исключением о Добрыне и Малиновке, которую исполняет на плясовой мотив. Кроме того, одну былину (о Дюке) совсем не поет, а сказывает.

Впервые несколько вариантов было записано у Ремизова в январе 1938 г., но благодаря неблагоприятным условиям записи тексты оказались неудовлетворительными, и запись проводилась вторично в июле 1938 г., для чего сказитель был вызван в г. Петрозаводск. В этот раз были записаны все былины с голоса (за исключением Дюка). Институт поддерживает постоянную связь со сказителем, ему выписаны газеты, которые читают ему в семье, кроме того, с Ремизовым ведется систематическая переписка. В 1939 г. в июне месяце он был на конференции сказителей в Петрозаводске, принимал активное участие в работе конференции и исполнял свои былины.

№ 31. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Записана в июне 1938 г. Е. П. Родиной.

Сводная былина об Илье Муромце, в которой контаминируются следующие сюжеты: Исцеление Ильи Муромца, Илья Муромец и Соловей-разбойник, Илья Муромец и Идолище, Три поездки Ильи Муромца. Наиболее разработаны

первые два сюжета — 498 стихов из 565. Обзор вариантов см. у Астаховой, стр. 590—591.

Вариант Ремизова отличается большим своеобразием. В основу главной части, посвященной подвигам Ильи Муромца, положен рассказ о поездках богатыря по трем дорогам (ср. Г., II, № 120). С первой частью (Исцеление Ильи Муромца) рассказ о подвигах связан наказом калик, исцеливших богатыря: «Заступись за землю русскую». Этот наказ калик и выполняет Илья Муромец, проезжая по трем дорогам. Мотив возвращения через три года «к отцу, к матери в свою родину» необычен. В описании исцеления и приобретения силы Ильей Муромцем почти совершенно отсутствует религиозный момент. Чудо исцеления напоминает обработку этого мотива в сказках (исцеление от выпитой воды, от прикосновения и т. п.). Реальные черты крестьянского быта, встречающиеся в большей или меньшей степени во многих записях былины об исцелении, четко выделяются в данном варианте (помощь родителям на пожне, покупка жеребенка, квас вместо вина и др.).

В отличие от обычных вариантов освобождение города (Чернигова) происходит после покорения Соловья-разбойника. Характерно, что этот подвиг понимается как заступничество за «мужиков черниговцев». Своеобразно описание встречи Ильи Муромца с Идолищем. Здесь сказались не только неясные представления о географии (обычные в устной традиции), но и отношение Ремизова к традиционному тексту: Илья Муромец едет в Малую Азию, приезжает в Ладогу и встречается с Идолищем у помещика. Эпизод встречи с разбойниками по сравнению с традиционными его обработками сильно сокращен (занимает всего 5 стихов). Совершенно отступает от традиции третий эпизод «трех поездок». Здесь использованы сказочные мотивы о спящей красавице и символика свадебных песен. Обычный же мотив подложной кровати и освобождения заключенных молодцев отсутствует.

№ 32. ПРО ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

Сюжет этой былины — Илья Муромец, Ермак и Калин царь — находится в тесной связи с другими сюжетами: Илья Муромец и Калин царь (без участия Ермака) и Гибель богатырей (Камское или Мамаево побоище). Это былины о татарском нашествии, в которых центральный образ — Илья Муромец. Былины с участием Ермака встречаются почти исключительно в Прионежье, среди ранее опубликованных записей из Пудожского района известно 2 варианта: Р., II, 120 и Г., I, № 69. Изучение и обзор вариантов см. Астахова, стр. 595—598.

Ремизов с трудом вспоминал былину, он говорит: «До войны я пел, а потом не пел», возможно поэтому в данном варианте, вместо встречающегося обычно в прионежских вариантах Калина-царя, во главе татар — Идолище. Композиция былины и поэтические формулы в описании отдельных эпизодов (растерянность князя, вызов богатырей, обращение ко всем богатырям, поездка Ермака, который находит оружие в конюшне и т. п.) свидетельствуют о близости данного варианта к былине Н. Прохорова (Р., II, № 120). В отличие от варианта Прохорова отказ богатырей выехать против татар мотивируется обидой, нанесенной князем Илье Муромцу, который засажен в погреба. Этот эпизод ссоры с Ильей Муромцем обычно встречается в другой былине о царе Калине (без Ермака), см. Астахова, стр. 597. Из пудожских сказителей такую мотивировку находим у Фепонова (Г., I, № 57).

Историческую основу данной былины следует видеть в битве русских с татарами на реке Калке (1224 г.), породившей народные предания об этом событии, или в других крупных столкновениях русских с татарами. Впоследствии в былину введен образ Ермака (не ранее XVII в.). На образ этого героя, по указанию Веселовского, оказали влияние былины о богатыре-малолетке Михаиле Игнатьевиче (А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, I, СПб. 1881, стр. 40—48, 57—59).

№ 33. ПРО НЕПРУ КОРОЛЕВИЧНУ

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

В былине контаминируются два сюжета: Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром (см. стр. 464) и Непра и Дон. Оба сюжета разработаны довольно схематично, повествованию о Непре и Доне уделяется меньше места. Этот сюжет в виде самостоятельной былины встречается редко (см. вар. Н. Прохорова, Р., II., № 121; Г., I, № 50), имеет близкую параллель в былине о Дунае (см. вариант Т. Г. Рябинина, Р., I, № 70; Г., II, № 81, см. также №№ 7, 44).

В первой части былины — о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром — богатырь ограничивается лишь резкой угрозой по отношению к князю («убей-ко ты (стрела) царя со царищею»). Остается неясным, послал ли он стрелу, но из последующего видно, что он не мог этого сделать с таким наказом. Здесь недоговоренность, т. к. выпущен весь эпизод, когда Илья Муромец стреляет по теремам (см. лучше варианты у Н. Прохорова, Р., I, № 119; Г., I, № 47, Сорокина, Р., II, № 127). Подробнее рассказывается о посольстве Добрыни и затем в нескольких словах, но довольно ярко изображается приход Ильи Муромца на пир («князь Ильюшеньке теперь во пояс кланяется» и т. д.). Сюжет о Непре и Доне восходит, несомненно, к редакции Н. Прохорова, но более сокращен, местами скомкан. Близости дословной здесь нет (это вообще характерно для Ремизова, свободно перекладывающего усвоенные им сюжеты), но имена героев и композиция те же. Отсутствует мотив происхождения рек от крови Непры и Дона, которым заканчивается былина Прохорова, т. к. сказитель, по его словам, «перезабыл». Очень коротко (в 3 стихах) передана мольба Непры сохранить ей жизнь.

Генезис этого сюжета неясен. Трагическая развязка, составляющая его основу, связана с древними легендами о происхождении рек. На основе таких легенд и могла возникнуть былина.

№ 34. ПРО ДОБРЫНЮ И ОЛЕШУ

Записана в июле 1939 г. Е. П. Родиной.

«Слышал от Егора Сёмина, у него может и половче было», — говорит Ремизов.

Данный вариант в основном примыкает к прионежской редакции былины о Добрыне и змее, представленной вариантами Г., I, № 5, II, №№ 148, 157 и др. (см. Астахова, стр. 571). Но в то же время является типом сводной былины о Добрыне, построенной по тому же принципу, что и сводные былины об Илье Муромце (см. Ремизова «Про Илью Муромца» стр. 268). В нее вошли сюжеты и мотивы разных былин о Добрыне: Добрыня и змей, женитьба Добрыни, Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша.

Начало былины дает своеобразную композицию сюжета о Добрыне и змее. Содержание его — освобождение Добрыней племянницы князя Владимира, изображаемое в прионежских вариантах, как результат второго боя со змеем. В данном варианте богатырь едет на Пучай-реку не по своей охоте и не для того, чтобы покупаться, а по поручению князя освобождать его племянницу (ср. Г., I, № 93). Таким образом, изображается бой Добрыни со змеем на Пучай-реке (обычно первый бой Добрыни), но он соответствует второму подвигу. Поэтому борьба со змеем на этом столкновении и заканчивается. Своеобразно рассказано о единоборстве: Добрыня ныряет, чтобы избежать змея, засыпает глаза его песком, в конце концов богатырю помогает конь. В дальнейшем Добрыня поступает со змеем так же, как Илья Муромец с Соловьем-разбойником, т. е. привязывает ко стремени и едет в жилище змея. Об освобождении пленников змея рассказывается так же, как в былине Ремизова о Добрыне и Малиновке, № 35. Об участии Алеши Поповича при возвращении племянницы, в отличие от обычных вариантов, не упоминается. Встретившись с Настасьей Никулишной, Добрыня только пробует свою силу, разбивая в щепки дуб — мотив, обычный в описании встреч богатырей (см. Г., II, 157), но не трогает

неизвестного богатыря и, узнав в нем женщину, сам предлагает свататься. Тогда как обычно он нападает на богатыря, но безуспешно, больше того — он оказывается посаженным в карман богатырки, которая впоследствии сама предлагает ему женитьбу на ней (см. стр. 395). Из былины о Василии Казимировиче взят мотив отъезда Добрыни в качестве посла князя Владимира (сравни Ремизов «Про Ставра», № 36). Дальше этот сюжет не развертывается, отъезд использован в качестве мотивировки в разработке основного сюжета — о Добрыне и Алеше.

Этот последний разработан тщательно, достаточно четко проявляются черты социальной сатиры по отношению князя Владимира, свойственные прионежским вариантам: князь обязан Добрыне освобождением племянницы; на свадебном пиру он дает новое поручение Добрыне и обещает не покинуть молодой жены, а сам сватает ее за Алешу. Поэтому особенно веско звучит упрек Добрыни — «благодарность» князю и княгине Апраксии.

№ 35. ДОБРЫНЯ И МАЛИНОВКА

Записана в июле 1938 года Е. П. Родиной.

Контаминация мотивов двух былин «Добрыня и Маринка» и «Три поездки Ильи Муромца» (2-я часть — встреча с красавицей). Обе былины основаны на сказочном материале о коварных красавицах, см. Астахова, стр. 573—574; 614—615.

Повествование начинается, как обычно в былине о Добрыне и Маринке, но встречающийся в начале эпизод убийства богатырем любовника Маринки отсутствует, в остальном сохранено лишь колдовство со следами. Начиная с описания второго посещения Добрыни и до конца былина соответствует эпизоду встречи Ильи Муромца с красавицей в «Трех поездках». Здесь интересна характеристика обманутых любовников — «множество там было попов, дьячков», тогда как в большинстве случаев в подвале оказываются короли, цари, богатыри, иногда простой народ.

Былина такого же типа была записана в Заонежье, см. Астахова, стр. 573 и 615. Контаминация обусловлена близостью мотивов обеих былин. Характерно, что в некоторых вариантах былины о трех поездках Ильи Муромца красавица тоже носит имя Марины (напр., Г., I, 58). Исследователи считают, что имя «Маринка» проникло в былины из преданий о Марине Мнишек, в которых она является колдуньей.

№ 36. ПРО СТАВРА

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

В настоящем варианте традиционный сюжет развертывается только с середины былины (стих 357), с момента хвастовства Ставра своей женой на пиру у князя Владимира. В остальной своей части былина совершенно отличается от известных ранее вариантов. В данном случае сказалось стремление рассказать биографию богатыря, начиная с детства, для чего используются различные эпизоды и мотивы былин. Это имеет несомненную связь с циклизацией былевых песен вокруг одного героя. Аналогичные моменты проявляются и в других былинах Ремизова (см. Илья Муромец, № 31, Добрыня и Алеша, № 34).

Сказитель сам указывает, что им внесено от себя в эту былину, и не отрицает, что он пытался сделать ее более занимательной. Это характерно для Ремизова (подробнее см. в статье стр. 32). Описание детства богатыря, дающее представление о его силе, встречается в былине о Василии Буслаевиче (см. в сказках: Андреев, №№ 650 А, 650 IV). Но поступки Ставра имеют обратное действие, так как, по замыслу Ремизова, отец Ставра — начальник милиции, а Ставр — его помощник, «стражник», и пользуется своей силой для наведения порядка. Расправа с «хулиганами» напоминает эпизод испытания борьбой жены Ставра в Киеве, ср. в данном варианте стихи 545—555. Формулу «В карман кладет» встречаем в былинах «Илья Муромец и Святогор»

и «Женитьба Добрыни», прибытие посла за богатырем — в местной былине о Рахте Рагнозерском (см. №№ 41, 42). Описание отъезда богатыря традиционно. На пиру, очевидно, с целью дать представление о силе богатыря, весьма необычно рассказано, каков он сам, причем «у его волосы дыбом выстали». Данное описание, а также то, что отец Ставра «начальник милиции», очевидно, внесены самим Ремизовым «для понятности и забавы». Описание поездки Ставра в землю Ханаанскую взято из былины о Василии Казимировиче. Этот эпизод, хотя в иной связи, встречается и в другой былине Ремизова «Добрыня и Алеша» (см. № 34). Иначе, чем в былине о Василии Казимировиче, истолковано отношение Добрыни к посольству. Ставр едет один, условия поездки те же, но инициатива взять «дань-пошлины» принадлежит князю Владимиру. Обычно же за это берутся богатыри, а князь им поручает отвезти дань. Мотив единоборства богатырей довольно развернут, напоминает эпизод подбора Василием Буслаевичем дружины (ср. также былину Добрыня и Дунай см. Астахова, стр. 568). Обещание побежденного Добрыни дать в жены родственницу — сказочный мотив, кроме того, весь этот эпизод напоминает соответствующий мотив в карело-финских рунах о Юкагайнене. Описанием свадьбы заканчивается оригинальный текст былины.

По представлению сказителя, как видно из замысла былины, указанная часть и должна явиться рассказом о Ставре, дальше следует рассказ уже о подвигах его жены. Но и в эту традиционную часть внесены своеобразные черты. В отличие от обычных вариантов сообщение о том, что Ставр посажен в погреба, приносит Добрыня, а не слуга или конь. Это вытекает из предыдущего повествования, так же как и указание, что «жених» приезжает из земли Ханаанской, куда ездил Ставр. Не упоминается, что приехал «грозный» посол, как это имеет место во многих вариантах (см. №№ 11, 46, 63), хотя приезжий и угрожает «войной пойти». Выделение на первый план испытания баней и постелью, при сравнительно сокращенном эпизоде испытания борьбой, характерно для прионежских вариантов, подвергавшихся, как указывают исследователи (Вс. Миллер и др.), скоморошьей обработке.

№ 37. ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной

Об этой былине Ремизов говорит: «Иногда расскажешь крайцик ребятам, а на вывозках пел и пользовался известностью и цяйницек поставят и обед, а я рассказываю». В настоящее время он ее не поет, а только сказывает словами; в таком виде, по его словам, он и слышал от других. Это отразилось на тексте былины; отдельные стихи выпадают из ритма (стихи 59, 65, 169—170 и др.), в некоторых местах не досказано (стихи 106—110 и др.). Отъезд Дюка и, особенно, эпизод состязания с Чурилой конями и одеждой переданы схематично.

№ 38. СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

Былина, разрабатывая новеллистическую тему, примыкает в то же время к духовным стихам. Известна только в 20 с небольшим вариантах. Лучший вариант из Пудожского района записан от А. П. Сорокина (Г., I, № 72). Новые записи из северных районов см. у Астаховой, стр. 634. Известные записи из Прионежья значительно отличаются друг от друга, большинство из них отрывочны. К числу таких относится и данный текст, сохранивший сюжетную основу, но утративший ряд эпизодов (встреча с князем Владимиром на пути калик в Киев, многократный выезд в погоню за каликами и другие подробности их паломничества). Забыто также имя каличьего атамана.

В основу былины, как предполагают исследователи, легло местное новгородское предание XII в. о хождении сорока калик в Иерусалим. Паломничество было бытовым явлением в древней Руси. Об этом говорят многочисленные документы, памятники литературы. На былинах сказалось воздействие и библейско-легендарных мотивов (см. историю Иосифа и его братьев).

№ 39. БОГАТ — ХОРОШ

Записана в июле 1938 г. Е. П. Родиной.

Небольшой отрывок, имеющий отдаленную связь с народной балладой «Горе» (см. Р., I, 85; Г., I, № 90; Г., II, № 177 и др.), в основе которой лежит стихотворная повесть XVII в. о «Горе-злочастии».

№ 40. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Записана в июле 1940 г. Г. Н. Париловой.

«Ёна певана была у Сёмина, я и запомнил таким мотивом», — заметил Ремизов, исполнив былину. «Он (Семин) пропевал много раз эту и говорил: «Вот Адам не родился, а умер, а Илья родился, а не помер, живьём взят. Илье на земле смерть была не написана. Так все богатыри и кончились.»

Былина представляет оригинальную контаминацию двух сюжетов. Первый из них, «Гибель богатырей», входивший в цикл былин о татарском нашествии, является очень редким; встречается как в форме самостоятельной былины (Кир., IV, стр. 108, Т. и М, № 8), так и в соединении с другими сюжетами о борьбе русских с татарами (напр., Илья, Ермак и Калин царь, Р., № 22). Обзор вариантов см. у Астаховой, стр. 595.

Контаминация указанного сюжета с былиной о Святогоре встречается впервые в публикуемом тексте и в прозаическом варианте другого пудожского сказителя И. Ф. Мишкина (Архив, колл. № 31). Первая часть былины Ремизова не имеет достаточно близких вариантов среди известных ранее. Сказитель четко передает сюжет, останавливаясь только на основных событиях (первое сражение, похвальба и поражение в борьбе с «неведомой силой»). Использование смежных сюжетов незначительно: помимо заметного влияния былины о Калине (приезд в Киев посла с письмом), следует отметить название вражеских полчищ — идóлища поганые, — перенесенное Ремизовым из былины об Идолище (Калине), см. № 32.

К характерным особенностям текста относится, прежде всего, обрисовка образа Ильи как главного героя былины, смелого вождя богатырей, которому «на войны смерть не писана». С этим связана несколько необычная концовка: окаменели все богатыри за исключением Ильи Муромца, который остается в живых. Переход от первого сюжета ко второму (Илья и Святогор) осуществлен с помощью вводного эпизода — раздумье Ильи над трагическим исходом битвы, — который является психологической мотивировкой дальнейших поступков героя. Не желая с позором возвращаться в Киев, Илья отправляется странствовать со Святогором-Горыничем. В былине Ремизова мы находим только один из основных эпизодов, связанных со Святогором (примерка гроба), хотя возможно, что сказителю был известен и мотив передачи силы, т. к. в стихах 199—200 упоминается о пене, вытекающей из гроба Святогора. К этому присоединяется рассказ о посещении Ильей Муромцем слепого отца Святогора (ср. Г., № 1, Астахова, прилож. № 2), причем Илья выдает себя за Святогора и только «на походе» сообщает старику о смерти сына. Следующий затем эпизод — встреча со стариком, с которым Илья Муромец продолжает путь, — имеет аналогии в побывальщинах (см. Астахова, № 5, прилож. № 2), но в отличие от них в нашем тексте за этим эпизодом следует совершенно оригинальная концовка (взятие Ильи на небо), навеянная библейским рассказом об Илье-пророке. В этом плане характерны слова, которыми закончила свой рассказ об Илье и Святогоре пудожанка А. Л. Фадеева: «Илья Муромец живьём взят на небо. Громит, так ён там ездит, а потом когда може опустится, — говорили досюль старики». Таким образом, в данном случае Илья Муромец отождествляется с Ильей-пророком. В связи с этим интересны наблюдения Н. Н. Харузина, который писал о культе святого Ильи в Пудожском крае (см. Олонецкий сборник, вып. III, Петрозаводск 1894 г., стр. 340—342).

Исторической основой сюжета гибели богатырей, по мнению большинства ученых, явилась битва с татарами на р. Калке в 1224 г., окончившаяся жестоким поражением русских. Былины о татарском нашествии и о Святогоре см. стр. 482, 465.

№ 41. РАХКОЙ РАГНОЗЕРСКИЙ

Записана в июле 1940 г. Г. Н. Париловой.

Былина местного происхождения, возникшая на основе преданий о силачах, о борьбе с панами (разбойниками) и включившая в свой состав мотивы эпического и сказочного характера (единоборство, неверная жена).

Впервые записана Гильфердингом от П. Л. Калинина (Г., II, № 11). Былина «про ратнозерского старика Федора Рахкоя» была известна также Т. Г. Рябинину (см. Г., II, стр. 6), 5 вариантов ее записаны в Пудоге экспедицией Государственной Академии Художественных Наук в 1926—1928 гг. Нами записана в двух вариантах (см. № 42). Наряду с былиной известны предания: О. Г. В., 1875 г., № 81; кроме того, близкие по сюжету: О. Г. В., 1863 г., № 40 (о крестьянине Курике), О. Г. В., 1885 г. № 2 (о панах). Новые записи преданий в количестве 20 вариантов см. Архив, колл. № 31. В сказочной обработке см. у Ончукова, Северн. сказки, СПб., 1908 г., № 122 (Андреев, № 967); имеются параллели в новых записях карельских сказок (Архив, колл. №№ 1—24).

Предание о Рахте сказитель слышал у себя в деревне; перед исполнением былины он рассказал следующее: «Слыхал, что было в Рагнозере сорок разбойников, входили (жили) они временно. Раньше этого откуда-то прибыл Рахта и жил ён продолжал годов множество; убежано было у его за какой-то жестокий проступок и жил беспашпортным и незнаемым, откуда ён и явился. Сила была в ём непомерная: на семеро дровней мог приносить всякого лесу. И вот так что проживал ён, питался рыбой, рыбу ловил порно. Рыбы было горазно много в ихнем озере. И вот входили в Рагнозеро сорок разбойников, и вси подделывалися убить его (Рахту), но случай не подходил, а напехнуться артелью не смели, что ён их по три в руке разожмёт. Разбойничий воевода стал подхаживать к жены на беседу и стал спрашивать ею, меньшается когда ли сила Рахты. Вот жена не говорила сперва, а потом немножко влюбилась в ихнего воеводу и сказала: «Бессильный тогда бывает, когда грех с женой сотворит и пойдёт купаться в озеро».

Вот оны караулили его и увидали один раз его, что пошол купаться повецеру. Как выскоцили из байны деревенскою сорок разбойников и говорили ему таково слово: — «Стой!» Не стоял на мисти, торопился в воду скорее окупнуться бы, но не успел окупнуться, захватили его по-хорошему, скрутили его ручки за спину»... Дальше Ремизов перешел на стих, а потом всю былину спел.

При проверке мы установили, что очень многие из местных жителей старших возрастов знают отрывки или целые предания о Рахте. Но былин здесь мы не встречали; сказитель говорит, что он слышал и былину, но не запомнил. Твердо зная текст предания, Ремизов начал импровизировать и таким образом заново составил былину, которая была записана с голоса. Возникновение былины на основе предания, как это имеет место и у Кигачева (см. № 42), совершенно очевидно.

Своеобразие данного варианта в первой части (поездка в Москву) заключается в новой трактовке образа богатыря, охарактеризованного здесь «благим», в смысле смирный, тихий. Единоборство, которое у Калинина и у Кигачева является поводом для поездки богатыря в Москву и изображается как подвиг, в данном случае отсутствует. Вместе с этим, как и в указанных вариантах, Рахту в Москве морят голодом, но это служит как раз мотивировкой для приведенной выше его характеристики (смирный). Такая трактовка образа не случайна, она встречается и в некоторых преданиях (Архив, колл. № 31). Это совершенно снимает вопрос о близости данной былины к Кострюку, что отмечено в отношении других вариантов (см. Л. Н. Майков «Новые данные

русского эпоса из Заонежья», Древняя и новая Россия, № 68, то же О. Г. В., 1876 г., № 100.)

Вторая часть, начиная со стиха 69, может быть сопоставляема только с былиной Кигачева и с преданиями, которые продолжают повествование о богатыре и после возвращения его в Рагнозеро (у Калинина былина заканчивается на возвращении богатыря домой). Но в отличие от варианта Кигачева здесь встречается интересный мотив, имеющий несомненную связь с древними верованиями: мотив потери силы от сближения с женщиной и восстановление силы при соприкосновении с водой. Это встречается в большинстве преданий. Ближе к преданиям и богаче, чем у Кигачева, разработан мотив об участии сына и дочери в освобождении Рахты. В остальном эти былины идентичны (измена жены, расправа с разбойниками, уход Рахты из родной деревни).

Исследователями отмечалось, что былина о Рахте позднего происхождения относится к московскому периоду и что она испытала на себе влияние ряда других былин, прежде всего Кострюка. Л. Майков считал также, что предание о силе Рахты, скосившего в один день пожню, напоминает некоторые эпизоды былины об исцелении Ильи Муромца; в мотиве неверной жены предания о Рахте перекликаются с былиной о Святогоре. Собирание новых данных и их изучение помогут вскрыть генезис былины. Имеющиеся в Архиве НИИК К-ФССР материалы позволяют установить несомненную генетическую связь с преданиями о местных силачах, которые бытуют в К-Ф ССР, и с преданиями о панах и разбойниках. Предания о силачах см. также у Е. Барсова в Записках Русского Географического об-ва по отделению этнографии, т. III, СПб, 1873 г., стр. 520—522; у Полякова, там же, стр. 487—488; предания о панах очень многочисленны, см. О. Г. В. Мотив неверной жены перекликается не только с одним из эпизодов былины о Святогоре, как указывал Майков, но и с рядом эпизодов других былин (Потык, Чурила и неверная жена, Иван Годинович и др.) и особенно часто встречается в сказках.

КИГАЧЕВ НИКИФОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Автобиография записана в июне 1939 г. Г. Н. Париловой.

Кигачев приводит все основные сведения о себе в автобиографии, рассказанной, правда, сжато и довольно сухо. Жизнь его до революции была очень тяжелой, он принадлежал к числу беднейших крестьян, был батраком. Теперь Кигачев живет хорошо, занимается преимущественно рыбной ловлей, имеет свой дом, который купил несколько лет назад в родной деревне Тубозеро Рындозерского сельсовета. Никифор Васильевич обладает громадным репертуаром. Помимо былин и исторических песен, он знает духовные стихи, сказки, лирические песни, пословицы, поговорки, а вместе с этим составляет и новые произведения. Коллекция его материалов в Архиве постоянно пополняется. К настоящему времени в этой коллекции (№ 40—41) находится 39 былин и исторических песен, 5 сказок, 11 лирических песен и 6 новых произведений, составленных самим сказителем. Из общего числа записанных от Кигачева былин в сборник вошли те, которые имеют устные источники. Большая же часть текстов, в количестве 30, переучена или просто заучена им по хрестоматии Оксенова «Народная поэзия», СПб., 1898 г. В данном сборнике невозможно и нецелесообразно публиковать этот материал. Детальный разбор его был бы слишком преждевременным, поскольку необходимым количеством наблюдений над исполнением Кигачевым этих былин мы еще не располагаем. Далеко не исчерпан и репертуар его. О характере кигачевского репертуара и о новых былинах этого сказителя см. во вступительной статье.

Приводим данные о былинах и исторических песнях, заученных Кигачевым по книге. Список их составлен по сюжетам в алфавитном порядке. Заглавие, данное сказителем, в тех случаях, когда оно расходится с наименованием сюжета, помещено в скобки. К каждому тексту предпосылаем данные о записи (сокращенно — зап.), замечание сказителя, ссылку на хрестоматию Оксенова (сокращение — Н. п.) и на первоисточник.

1. **Василий Буслаевич.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Эту слыхал от отца и в «Народной поэзии» читал». Ближе к «Народной поэзии». Н. п., стр. 101 (Р., II, № 169), Н. п., стр. 108 (К. Д., № 18).
2. **Волх Всеславьевич.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал на мельнице и от людей. В «Народной поэзии» читал». Н. п., стр. 2 (К. Д., № 6).
3. **Вольга и Микула** (Вольга Святославович).
«Читал в книге». Н. п., стр. 7 (Р., I, № 13).
4. **Гибель богатырей** (Отчего перевелись витязи на святой Руси).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Читал в «Народной поэзии»; эта должна последняя быть». Н. п., стр. 122 (Кир., IV, стр. 108).
5. **Добрыня и Алеша** (Женитьба Алеши Поповича).
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «Читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 60 (Р., I, № 26).
6. **Добрыня и Змей** (Добрыня Никитич).
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «Слышал от разных лиц, читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 54 (Р., I, № 25).
7. **Дюк Степанович.**
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «Читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 87 (Р., I, № 29).
8. **Ермак** (Песня о Ермаке).
Зап. в мае 1939 г. Е. П. Родиной. «Это из книги». Н. п., стр. 164 (К. Д., № 12).
9. **Иван Грозный и сын** (Оговор царевича).
Зап. в сентябре 1938 г. А. Д. Соймоновым. «Слыхал, когда был в пастухах; хозяин имел мельницу, там ее и спевали. Потом в «Народной поэзии» читал». Н. п., стр. 159 (Кир., VI, стр. 66).
10. **Илья Муромец и Идолище.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 36 (Р. 1, № 6).
11. **Илья Муромец** (Исцеление).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «У нас многие её знают, часто рассказывают как сказку. Как сказку я тоже знал, а как былину из книги вычитал». Н. п., стр. 16—17 (Кир., I, стр. 34), Н. п., стр. 17—20 (Р., I, № 51).
12. **Илья Муромец и Калин царь** (Про царя Калина).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал от отца и в книге читал». Н. п., стр. 139 (Кир., IV, стр. 8).
13. **Илья Муромец и Калин царь** (Про царя Батыя).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал от отца и в книге читал». Н. п., стр. 149
14. **Илья Муромец и разбойники** (Встреча с разбойниками).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Читал в «Народной поэзии». Н. П., стр. 24 (Кир., 1, стр. 25—28 до стиха 111).
15. **Илья Муромец и Святогор.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал от отца и от людей, которые приезжали на мельницу, читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 17 (Р., I, № 51).
16. **Илья Муромец и Соловей-разбойник.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Эту слыхал на мельнице и в книге читал». Н. п., стр. 27 (Р., II, № 116).
17. **Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 144 (Кир., IV, стр. 46), Н. п., стр. 11 (Р., II, № 119).
18. **Илья Муромец и сын** (Илья Муромец и Сокольник).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Не слыхал ни от кого, прямо из книги выучил». Н. п., стр. 48 (Кир., IV, стр. 14).

19. **Илья Муромец и сын** (Илья Муромец и Жидовин).
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал от людей, но и читал в книге, я любил читать». Н. п., стр. 38 (Кир., I, стр. 46).
20. **Илья Муромец, три поездки.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Слыхал от отца и когда на мельнице работал от приезжих, читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 50 (Р., II, № 128).
21. **Казани взятие** (Взятие Казанского царства).
Зап. в сентябре 1938 г. А. Д. Соймоновым. «Эту на Падунской мельнице сказывали; потом в книге читал». Н. п., стр. 163 (К. Д., № 28).
22. **Плач войска о Петре Великом.**
Зап. в ноябре 1939 г. Н. В. Микишановым. «Эта в «Народной поэзии» была». Н. п., стр. 182 (Кир., VIII, стр. 278).
23. **Садко** (Садко Новгородский).
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «Читал в книге». Н. п., стр. 112 (Р., II, № 134).
24. **Святогор.**
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «Прямо с «Народной поэзии», от других не слыхал. Сказкой рассказывали, а былиной её особенно не сказывают. Она у меня вызыбывана (забыта)». Н. п., стр. 1 (Р., I, № 85).
25. **Скопин** (Князь Шуйский).
Зап. в мае 1939 г. Е. П. Родиной. «Песня из песельников, с этих книжечек, что коробейники носили». Читал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 174 (К. Д., № 27).
26. **Соловей Будимирович.**
Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. «Эту на мельнице пели, и в книжке читал». Н. п., стр. 80 (К. Д., № 1).
27. **Степан Разин.**
Зап. в сентябре 1938 г. А. Д. Соймоновым. «Эта из песельников и из «Народной поэзии». Н. п., стр. 179 (Р., II, № 221).
28. **Сухман** (Сухмантий Адихмантьевич).
Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайловым. «От отца слышал и в книге читывал». Н. п., стр. 111 (Р., II, № 148).
29. **Татарский полон** (Историческая песня о татарщине).
Зап. в ноябре 1939 г. Н. В. Микишановым. «Читывал в «Народной поэзии». Н. п., стр. 154 (Кир., VII, стр. 56).
30. **Убиение царевича Дмитрия** (Убиение Борисом Дмитрия).
Зап. в мае 1939 г. Е. П. Родиной. «Из книги «Народная поэзия», в детстве читал, потом спевал для себя». Н. п., стр. 176 (Кир., VII, стр. 1).

№ 42. ПРО РАХТУ РАГНОЗЕРСКОГО

Записана в сентябре 1938 г. А. Д. Соймоновым.

Сказания и былину о Рахте Кигачев «много раз слышал у себя в деревне»; по его словам, некоторые старики видели Рахту, в чем сам Кигачев нисколько не сомневается.

Начало его былины совершенно оригинально, причем сказитель дает точное локальное приурочение и даже указывает семью, из которой вышел Рахта. Это — богатырь-крестьянин, отличающийся необычайной силой и сноровкой в «промысле крестьянском». В былине Кигачева, так же как и в преданиях о Рахте, говорится о том, что он сразу «для двенадцати дровень приправу (лесоматериалы) принашивал». Сам хороший лыжник (он однажды пришел на лыжах из Тубозера в Петрозаводск) и лучший рыбак в округе, Кигачев подчеркивает эти качества и у Рахты. Последний вылавливает столько рыбы, что дарит ее крестьянам. Следующий за этим эпизод — поездка мужиков с рыбой в Каргополь, Вологду и Москву — является мотивировкой присутствия в Москве «му-

жичков рагнозерскиих». Одновременно он служит введением к той части былины, которая развивает сюжет единоборства (стихи 26—144) и в основном совпадает с вариантом Калинина.

Данный текст интересен колоритной гиперболизацией богатырской внешности (стихи 61—74) и силы Рахты, который «правой рукой хату подымал, а левой рукой лыжи под бок подсовывал».

Следует отметить также, что в былине Кигачева царь хочет сначала наградить Рахту золотой казной, но богатырь отказывается от нее и просит поставить его «главнокомандующим» над озером Рагнозерским. У Калинина князь не предлагает победителю «золотой казны», а по просьбе Рахты делает его начальником Рагнозера. На эпизоде награждения Рахты и прерывается калининский вариант; Кигачев продолжает повествование, причем вторая часть его былины, начинающаяся с возвращения Рахты домой, несомненно, навеяна преданиями о неверной жене богатыря (см. О. Г. В., 1875, № 81, Архив, колл. № 31). Сказитель берет основной мотив преданий — попытку жены и любовника погубить Рахту, но разрабатывает, главным образом, эпизоды, рассказывающие о мести Рахты. Все это осложнено тем, что в качестве любовника выступает атаман разбойничьей шайки.

Былина имеет и некоторые другие точки соприкосновения со сказаниями: отношение детей к Рахте (непокорная дочь и верный сын), два раза Рахта притворяется бессильным и т. п.

Таким образом, наличие преданий, в общих чертах совпадающих с былиной, дает основание не считать вторую часть былины вымыслом сказителя. Возможно, что в ней нашли отражение и другие легенды о Рахте, пока неизвестные нам. В целом былина интересна реалистическими зарисовками труда и быта пудожских крестьян.

№ 43. О НИКИТЕ РОМАНОВИЧЕ

Записана в феврале 1939 г. Е. П. Родиной.

Сказитель говорит: «Слышал от какого-то старика в деревне Бураково и еще со слов Фофанова. В книжке ее (былины) не видал».

Данный вариант так же, как и у Фофанова (см. № 24), восходит к редакции А. П. Сорокина (Р., II, № 135, Г., I, № 71). Первые три стиха совпадают почти дословно с вариантом Сорокина, помещенным в сборнике Рыбникова. Сохранено имя литовского короля (князя) «Чимбал», название реки «Березина», у которой останавливаются оба войска, чего нет у Фофанова. Но вместе с этим вариант схематичен.

	У Сорокина Р., № 135,	Г., № 71,	у Кигачева,	у Фофанова
Описание пира, стихи	1 — 15,	1 — 10,	1 — 3,	1 — 15.
Рассказ о племянниках, стихи	15 — 73,	10 — 93,	3 — 44,	15 — 115.
Захват ими чужих земель до похода на Русь, стихи	73 — 85,	93 — 102	44 — 48,	115 — 145.
Количество стихов каждого варианта	340,	419,	202,	417.

У Кигачева сохранены все эпизоды былины Сорокина, но изложены очень коротко; в этом отличие его от Фофанова, который, допуская отдельные сокращения (см. стр. 232), более тщательно разрабатывает основные эпизоды.

№ 44. БЫЛИНА О ДУНАЕ ИВАНОВИЧЕ

Записана в феврале 1938 г. Е. П. Родиной.

Относительно этой былины Кигачев рассказывает: «Слыхал здесь, в Заонежье, когда был в батраках, но не могу упомнить имен. В книге не приходилось читать».

Данный текст не имеет существенных отличий от прионежской группы вариантов. Действие развивается в той же последовательности, сохранены все эпизоды. Наиболее интересные отклонения заключаются в следующем: как и в мезенских вариантах, сказочный образ младенца заменен рассказом Настасьи о его силе и уме; после смерти героев протекает только одна река, от крови Дуная. Из других особенностей былины следует отметить имя короля — Дмитрий Черниговский (обычно король литовский), перенесенное, очевидно, из былины об Иване Годиновиче, а также гибель Настасьи от сабли мужа (ср. былину Пашковой, № 7).

Кигачев дает довольно полный вариант былины, добросовестно передает ее содержание, но отдельные эпизоды излагает слишком сжато (например разговор на пиру о невесте для князя), опуская некоторые подробности и живописные детали (поэтическое описание внешности невесты и т. п.).

Несравненно лучше разработана вторая часть, начиная со встречи Дуная с поляницей; здесь обращает на себя внимание образное, детальное изображение поединка.

№ 45. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (Состязание конями)

Записана в феврале 1939 г. Е. П. Родиной.

Былина известна в небольшом количестве вариантов, но встречается, однако, почти везде, где проводилась запись (см. Астахова, стр. 588—589). В печорском и южных вариантах, в отличие от всех остальных, включая настоящий, дано само состязание конями. На севере с именем того же героя связан сюжет о продаже матерью своего сына.

Данный вариант является первой и пока единственной записью из Пудожского края. Исполнив былину, Кигачев сказал: «Слыхал от стариков, еще в книгах не видал, вот «Русский фольклор» (хрестоматия проф. Н. П. Андреева) — тоже нет». По началу текст ближе всего к былине В. Аксенова (Г., II, № 133). Как и в ней, действие развертывается с хвастовства князя, Иван Гостиный сын решается на состязание лишь после вызова князя. В других вариантах из Онежского края (Г., II, № 135, Р., I, № 97) Иван первый хвастает конем. В варианте нет встречающегося обычно описания впечатления, произведенного «Бурушкой косматеньким» на бояр и князя (Аксенов, стихи 95—105), но зато подробно рассказывается, как он разогнал княжеских коней. Отсутствует и диалог между Иваном и конем и связанный с этим эпизод выезда богатыря, когда конь рвет ему шубу, что как раз особенно тщательно разработано у Аксенова. Былина, однако, не короче по количеству стихов других вариантов из Онежского края. Это объясняется введением рассказа конюхов, благодаря чему следует повторение картины разгона коней. Рассказ этот необходим по ходу повествования. Приказ князя собрать коней трактуется как обман, что усиливает социальную сторону варианта. Закладом служит обещание обеих сторон уплатить три тысячи рублей; чаще Иван Гостиный сын закладывает свою «буйну голову».

Как отмечает А. М. Астахова, «пафос былины — в посрамлении князя» (стр. 588); это видно и из данного варианта, князь вынужден признать: «Не устоять мне, молодец, супротив тебя».

Генезис былины неясен. А. Н. Веселовский, рассматривая оба сюжета об Иване Гостином сыне и привлекая ряд других материалов, находил связь со старофранцузским романом об Ираклии. (А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, IV, СПб. 1884, стр. 37—68). Возражая ему, Вс. Миллер в эпизоде состязания конями усматривал отголоски воспоминаний о Владимире Мономахе.

увлекавшемся конскими скачками, а возникновение былины относил к Новгороду XV—XVI вв. (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 232—262). Концепция Миллера в свое время подверглась критике; указывалось, что былина имеет черты не столь новгородские, сколь общеэпические, и относить ее к Новгороду нет оснований.

№ 46. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ (Ставр)

Записана в июле 1938 г. М. М. Михайловым.

«Слышал от Ивана Никулина в лесу, когда был пастухом; в книге нет», — рассказывает Кигачев.

Свою былину сказитель озаглавил — «Добрыня Никитич» (См. то же Г., II, № 124), т. к. считает, что по своему содержанию она больше подходит к Добрыне: «Здесь она подходит лучше, чем к Ставру, потому что князь Владимир не знал его жену». Вместо Ставра и Василисты Микуличны в тексте Кигачева фигурируют Добрыня и Настасья Микулична, и начинается былина пиром, устроенным в честь Добрыни, спасшего от змея «князеву племянницу». В остальном текст Кигачева представляет собою обычную былину о Ставре, причем так же, как и варианты Пашковой, Кокуновой и др. (см. №№ 11, 65), сохраняет черты и прионежской и сибирской традиций. Жена Добрыни (Ставра) выдает себя за посла из Рязанского царства и требует либо уплаты дани, либо руки Забавы Путятишны. Подобно большинству прионежских вариантов былина Кигачева носит следы скоморошьей обработки (испытание постелью), но характерное для нее испытание баней в данном варианте отсутствует.

Следует отметить также свойственные прионежской группе вариантов социальные моменты (см. Астахова, стр. 638): князь сам приказывает посадить Добрыню в погреб и посылает посла за Настасьей Микуличной; кончается былина характерной фразой: «Тут-то князь Владимир и сошел с ума».

№ 47. МИХАЙЛО ПОТЫК

Записана в феврале 1939 г. Е. П. Родиной.

Былина усвоена сказителем из устной традиции. Кигачев рассказывает, что слыхал ее еще в детстве от отца и на мельнице, а позднее — от Фофанова. Публикуемый текст близок, с одной стороны, к былине Фофанова (см. № 26), с другой, — к варианту Н. Прохорова (Г., I, № 52), но гораздо короче каждого из них (274 стиха), сокращает диалоги (сравни стихи 33—40 с вар. Г., I, 52, стихи 57—79), не развертывает эпизодов, например приезда богатыря в сторону южную, сон его передан только в трех стихах (25—27). Подобно Фофанову Кигачев обрывает былину на эпизоде воскрешения Марии лебедь белой. Интересно, что данный вариант, следуя во многом тексту Фофанова, не воспроизводит его оригинальных черт, напр. о матери Потыка не упоминается совершенно. В некоторых случаях вариант Кигачева стоит ближе к былине Прохорова (начало былины, хвастовство на пиру, игра в шахматы).

№ 48. ГОРДЕН БЛУДОВИЧ

Записана в феврале 1939 г. Н. В. Микишановым.

«Эту былину я слышал малолетним от разных стариков, — вспоминает Кигачев, — сложил по примеру других былин: худые слова заменил хорошими». Былина относится к числу мало популярных; основные районы распространения: Прионежье, Кенозеро, Моша; несколькими вариантами представлена на Мезени, Печоре, на Белом море (перечень вариантов см. Астахова, стр. 639). В настоящее время былина о Хотене встречается редко. Помимо нашего варианта известны записи на Печоре в 1929 г. (см. Астахова, стр. 533) и в Пудожском крае (экспедиция Гос. Ак. Худ. Наук 1927 г.).

Былина Кигачева содержит характерные для онежских вариантов мотивы: Чайна Часовична сидит в хрустальном тереме, Горден ставит непременным

условием женитьбы обсыпание золотом его «костыля» (см. Астахова, стр. 640). Данный вариант восходит к редакции Терентия Иевлева (Р., I, № 71), содержит те же основные эпизоды, но более прозаичен и лишен некоторых живописных деталей предполагаемого прототипа (сокращен зачин, рассказ Часовой вдовы о достоинствах дочери).

Следует отметить также замену имени Хотена — Горденом (форма, известная по варианту К. Д., № 17) и своеобразную трактовку некоторых событий в тексте Кигачева. Так напр., Иевлев коротко сообщает о пленении трех из девяти братьев Чайны; в нашем варианте полоненными оказываются шесть братьев, и Кигачев подробно рассказывает об их дальнейшей судьбе (стихи 135—150 и дальше). Отсюда более четкая, чем у Иевлева, мотивировка действий Часовой жены, которая просит князя помочь «сыновей из плену вывести». Интересной особенностью былины является ответ войска на предложение Гордена сдаться в плен: «Смертный бой держать нам ведь не́ по что, княженецкий род нам защищать не́ за что»..., а также полное иронии обращение парубка к князю Владимиру:

«Прими-ка ты, князь, подарочки
От молодца Гордена Блудовича,
Сорок тысяч войска полоненного».

Именно эти социально заостренные моменты имел в виду сказитель, заметивший как-то по поводу былины о Хотене: «У нас, видишь, её боялись сказывать, там против князя есть».

В былине отражены и представлены в колоритных реалистических зарисовках некоторые характерные черты древнего городского быта: ссоры на званых обедах, чванство родом и богатством, местничество. Относительно места и времени сложения былины существует несколько концепций, приписывающих ее то к Киеву (Бессонов), то к Москве (Халанский), то к Новгороду (Вс. Миллер).

№ 49. СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Записана в феврале 1939 г. Е. П. Родиной.

«Эта слыхана была от Дмитриева Осипа Ивановича, — рассказывает Кигачев, — он теперь помер. У меня его былины». «Смерть Чурилы» (иначе «Чурила и неверная жена») — одна из наиболее популярных в Прионежье былин, встречающаяся в контаминации с сюжетом «Чурила и князь» (см. № 1).

Публикуемый текст восходит к повенецко-выгозерской группе вариантов (см. Астахова, стр. 642). Довольно близок к былине выгозерского сказителя Батова (Г., II, № 189); повторяет почти все ее эпизоды, иногда даже в том же словесном оформлении. Отличается от текста Батова более сжатым изложением некоторых моментов былины, например, сборов Чурилы в дорогу и др. Из отклонений от указанного варианта наиболее интересны следующие: в роли доносчицы выступает «кухарочка», а не «черная девчонка челядинная», причем она сама просит у Чурилы шубу, сапожки и т. д.; у Батова, как и обычно, Чурила обещает ей подарки за молчание. Катерина прячет Чурилу не в ларь, что характерно для выгозерских вариантов, а в «погреба глубокие»; донос служанки Катерина объясняет мужу тем, что повздорила с ней (оригинальный мотив, характеризующий реалистические тенденции сказителя); найдя Чурилу в погребе, муж упрекает его в трусости, а себя убивает, не желая, чтобы его имя славилось «по белу свету». Это тоже мотивы необычные в обработках данного сюжета.

№ 50. ЖЕНИТЬБА ИЛЬИ МУРОМЦА

Записана в сентябре 1938 г. А. Д. Соймоновым.

Оригинальная былина, составленная на основе мотивов традиционного эпоса. Попытки обосновать наличие у Ильи Муромца сына (реже дочери)

встречаются у многих сказителей. Так, в былине Т. Г. Рябинина (Г., II, № 77) Илья Муромец, будучи в земле «тальянской», живет у честной вдовы-калачницы; у Сивцева (Р., II, № 177) мать Сокольника — «старая девка Сиверьянична», у Латышева (Р., II, № 199) — баба Латынгорка и т. п. Но в самостоятельную песню эти мотивы женитьбы оформляются лишь у М. С. Крюковой («Илья Муромец и баба Латынгорка», Б. К., № 12), а из прионежских сказителей — у Кигачева. Обе эти былины, кроме имени героини, ничего общего между собой не имеют, но причина создания их одна и та же — стремление наиболее полно представить себе биографию богатыря.

О своей былине Кигачев рассказывает, что составил ее потому, что ему оставалось неясным, «откуда у Ильи Муромца мог появиться сын». О женитьбе Ильи он слышал от своего соседа в форме небольшой сказки и «передумал ее в былину». Сказитель сам определил место новой былины в цикле эпических песен об Илье Муромце: она является непосредственным продолжением былины об «Илье и Соловье» и предшествует сюжету «Илья и Сокольник». Начало текста Кигачева изменяет традиционную концовку былины об Илье и Соловье-разбойнике, последний остается в живых. Дальнейшее повествование строится, главным образом, на основе сказочных мотивов (помощь благодарных животных, подмена питья и т. д.), которые переплетены с элементами былинной поэтики (формула седлания коня, описание поездки богатырской). Былина перекликается с эпизодом «Трех поездок Ильи Муромца» (встреча с красавицей) и, возможно, в известной мере им навеяна.

№ 51. БЫЛИНА О БОЙЦЕ ЗЫРЯНОВЕ

Печатается по рукописи Кигачева, датированной 11 октября 1938 г.

Первое произведение Кигачева, составленное им на современную тематику. Сказитель прислал былину в НИИК К-ФССР в октябре 1938 г. вместе с вырезкой из газеты «Красный Пудож» от 5/X — 1938 г. Заметка озаглавлена «Зарубил 37 самураев» и посвящена одному из участников героических боев у оз. Хасан.

К положительным моментам былины следует отнести чувство патриотического воодушевления, которым пронизаны все поступки и речи героя. Кигачев стремится создать образ богатыря Зырянова и для этого использует традиционные эпические приемы и формулы, напр. стихи 20—21, 33—38. Художественные достоинства былины снижены чересчур точным следованием материалу заметки, недостатком творческой изобретательности. В этом отношении характерна приписка сказителя к присланному им тексту: «Если бы я знал родину, отца, мать и все происхождение его (т. е. бойца Зырянова), то сложил бы полную былину». Но поскольку ничего этого не сообщается в заметке, то Кигачев не решается выйти за ее рамки.

В целом, былина интересна как проявление личной творческой инициативы сказителя. Выбор темы говорит о его стремлении откликнуться на самые волнующие события нашей современности.

№ 52. РАЗГРОМ ДЕНИКИНА

Печатается по рукописи Кигачева, датированной 1939 г.

Былина составлена сказителем во время пребывания его в Петрозаводске.

Основными художественными достоинствами текста является очень живо переданное описание военного совета в Москве и картина боя с Деникиным. В описании боя находим образы, известные по другим былинам (встреча войска, как встреча двух ветров; уничтожение врагов, которых не столь воины рубят, сколь кони топчат и т. п.). Сборы богатырей в поход (вооружение, седлание коней и т. п.) представляют общее место (loci communes). Начало былины, как и заключительная часть ее, наименее удачны в художественном

отношений. Здесь имеет место простой пересказ в стихотворной форме событий и фактов, известных Кигачеву из различных книг о разгроме армии Деникина и другой литературы о гражданской войне, чтением которой он очень увлекается. Сказитель не мог указать точно, что именно из прочитанного им было использовано для составления былины, но, во всяком случае как тема, так и описание событий целиком навеяны прочитанной им литературой.

ФАДЕЕВА АНАСТАСИЯ ЛЕОНТЬЕВНА

Автобиография записана в январе 1939 г. со слов сказительницы, которая неграмотна, и прислана в письме.

Кроме данных, приводимых в автобиографии, располагаем следующей заметкой собирателя: «Живет в деревне Ижгора Авдеевского сельсовета. Слышала былины от старика из Сарозера (Пудожский р-н), многие забыла. В момент записи петь былины не смогла. Знает приплачи. Муж ее Осип Ефимович тоже знает 5—6 былин, а может быть и больше, которые слышал от местного певца; но записать их не удалось, так как в момент экспедиции он был болен». Кроме былин, от Фадеевой записано 2 лирических песни и 1 сказка (Архив, колл. № 38—39).

Условия записи были не вполне благоприятны: сказительница была очень занята на полевых работах и ухаживала за больным мужем. Повидимому, это отразилось и на качестве некоторых записанных текстов (№№ 55, 57, 58). К сожалению, несмотря на неоднократные попытки записать их вновь — этого сделать не удалось.

№ 53. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Данный вариант восходит к редакции А. П. Сорокина (Р., II, № 127) и А. Ф. Пантелеева (Ш., стр. 94). Об этом свидетельствует ряд поэтических формул, общих для данных вариантов, в описаниях сражения Ильи Муромца с татарами (см. стихи 21—25), приезда богатыря в город Смолягин (стихи 30—37, 44—46 и др.), поездки к Соловью-разбойнику (стихи 78—83 и др.), пр езда на пир и др. Встречающаяся в указанных вариантах контаминация с сюжетом о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром в данном варианте отсутствует. Есть лишь намек на это: Илья Муромец посажен у князя на «мисти ско нижнее» (сравни то же у Сорокина и у Пантелеева), и в итоге богатырь попадает в «погреба глубокие». Это, несомненно, навеяно сорокинской редакцией, хотя в варианте Сорокина сила на стороне Ильи Муромца, а не наоборот, как в данном случае. Пропущен в данном варианте эпизод приезда Ильи Муромца с плененным им Соловьем-разбойником в «соловьиное гнездышко» — богатырь прямо попадает в Киев. Вариант значительно уступает былине Сорокина.

№ 54. ПРО ДОБРЫНЮ

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Данный вариант былины о бое Добрыни со змеем восходит к редакции этого сюжета у П. Л. Калинина (Г., I, № 5, стр. 38) и А. Е. Чукова (Р., I, № 25; Г., II, № 148); можно указать также на близкий вариант И. А. Касьянова (Г., II, № 157), но былина в данной редакции могла получить распространение в Кулецком скорее от сказителей Пудож-Горы.

Обращает на себя внимание ряд художественных деталей, свойственных первой и второй прионежским редакциям этого сюжета по классификации А. М. Астаховой (см. Астахова, стр. 571). К числу таких деталей относится поглощение землей змеиной крови и использование плети для укрощения коня. Все это имеется в калининском и чуковском вариантах, однако, в данном тексте, кроме этого, упоминается и платок, дающий силу Добрыне. С другой стороны данная былина короче. В варианте Калинина сюжету змееборства отводится 363 стиха, дальше присоединяется сюжет женитьбы Добрыни, который также имеется у Фадеевой, но в виде отдельной былины (см. № 56).

Близость вариантов проявляется и в композиции. После короткого диалога между Добрыней и матерью (всюду Офимья Александровна) сразу же расска-

зывается, как Добрыня купается в Пучай реке, причем и у Калинина, Чукова и у Фадеевой употребляется сравнение этой реки с «лужей дождевой». Аналогично описание единоборства со змеем, пленение змеей Путятичны и т. д. У Фадеевой все эпизоды переданы, однако, более сухо, сокращены; совершенно отсутствует упоминание об Алеше Поповиче, которому Добрыня поручает отвезти в Киев Путятичну.

В борьбе со змеем, вместо «земли греческой», как у Чукова и Касьянова, у Фадеевой Добрыня «нагреб песку желтого». Это же имеет место в былине Ремизова (см. № 34). То же см. у К. Д., № 45 и др. («земля греческая» в колпаке или шляпе Добрыни явилась в результате переосмысления образа «колпака земли греческой»).

№ 55 ПРО ДОБРЫНЮ

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Наиболее близкими вариантами являются те же, что и для предыдущей былины «Про Добрыню» (ср. со стиха 32 описание основных эпизодов: отъезда богатыря, сватовства Алеши Поповича и т. п.). В качестве мотивировки отъезда служит посольство Добрыни. Подчеркнуто участие в сватовстве князя Владимира (стих 75 и др.), которого, как и в других вариантах, Добрыня резко осуждает в конце былины. Это — характерная особенность прионежских вариантов (см. стр. 467). Скорбь матери Добрыни передана в стиле плача (стихи 100—111). В тексте заметны пропуски, объясняющиеся, быть может, как отмечалось выше, неблагоприятными условиями записи.

№ 56. ПРО ДОБРЫНЮ

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Сюжет этой былины встречается редко, обычно в контаминации с другими см. Р., I, № 25 (Г., II, № 148), Г., I, № 5, стр. 40, II, № 157, в наших записях у Ремизова, № 34. Во всех этих былинах, включая настоящий вариант, сюжет имеет одну общую редакцию. Более всего он подвергся переработке у Ремизова. В данном варианте переработка отсутствует но сюжет выделен в самостоятельную былину. Она стоит ближе всего к соответствующей части былины Калинина (Г., I, № 5), воспроизводит ее почти дословно, хотя и в значительно сокращенном виде (короче калининского варианта на 72 стиха). Калинин дает наиболее полное, развернутое повествование. У него в противоположность Фадеевой уже с самого начала Добрыня узнает в богатыре поляницу. После неудачных ударов Добрыни (о них Фадеева рассказывает в тех же выражениях, что и Калинин) в варианте Калинина поляница вынимает Добрыню из мешка и говорит, что если он ей не нравится, то будет положен на ладонь и превращен в овсяный блин. Этого у Фадеевой нет. Значительно подробнее Калинин описывает приезд в Киев, но рассказ поляницы о том, что она еще раньше видела Добрыню (стихи 40—45 у Фадеевой), у Калинина отсутствует. Вообще, вариант Калинина в отличие от настоящего, более выдержан в стиле традиционной поэтики.

Генезис былины неясен. Исследователи указывали параллели в мировом фольклоре, делали сопоставления с древними преданиями о женитьбе богатыря в кавказских легендах и т. п. Аналогичный образ женщины-богатырки встречается в былинах о Святогоре и об Илье Муромце и дочери. Происхождение этого образа связано с эпохой матриархата.

№ 57. ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

В данном варианте дана только сюжетная основа былины, отдельные эпизоды почти не разработаны. Очень коротко сказано о выезде Дюка (6 сти-

хов), об его имуществе (3 стиха) и состязании с Чурилой (стихи 30—58). Сохранились интересные штрихи в описании подготовки Чурилы к состязанию с Дюком: за Чурилу ручается весь Киев, — это одна из историко-социальных черт былины о Дюке (противопоставление Галича-Волынца, представителем которого, очевидно, является Дюк, — Киеву), особенно ярко она проявляется в прионежских вариантах (Астахова, стр. 583). Варианты этой былины в наших записях №№ 10 и 37).

№ 58. ПРО СТАВРА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Вариант очень схематичен, отрывочен. Это объясняется тем, что в момент записи сказительница, как уже указывалось выше, была очень занята и второпях пропустила ряд эпизодов. Вначале она дает довольно последовательное изложение, но уже со стиха 33 видна нарочитая скомканность, пропуск ряда стихов. Так, совершенно неясен исход испытания баней, не досказано, почему посол принят Путятичной за женщину, не рассказано, как он попадает в Киев, и т. п.

Интересно упоминание богатыря Подтыкова (очевидно Потык), который кладет записку коню; обычно, когда весть приносит конь, записка положена или самим Ставром или просто «своим человеком».

РОДИН НИКИФОР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ

Автобиография этого сказителя не была своевременно записана, впоследствии просьбы о присылке ее остались без ответа. Приводим сведения, данные собирателем: родился в 1854 году, живет в дер. Нешина, Рындозерского сельсовета. Петь былины не может, так как болит грудь, раньше знал их много, перенял от водлозерского певца Егора Шитого.

В Семеновском сельсовете живет его двоюродный брат, от которого была записана только одна былина о Дюке, близкая к публикуемому варианту.

№ 59. ПРО СУРОВЦА БОГАТЫРЯ

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Собиратель не указывает, от кого сказитель услышал эту былину.

Одна из редких былин. Варианты: К. Д., № 54; Кир., III, стр. 107, 110; Т. и М., II, № 65. В сборнике Кирши Данилова имеем лишь начало былины (выезд, княжеский пир), о подвигах Суровца-Суздальца не говорится. Богатыри «братья Суздальцы» упоминаются еще в былине о Камском побоище (Т. и М. II, № 8), но связь их с героем данной былины неясна.

В данном варианте, по сравнению с наиболее полными записями (не превышающими 110 стихов, — Кир., III, стр. 107), совершенно не упоминается о татарском царе (Кумбал, Курбан), который противопоставляется богатырю. Когда татары побеждены, он предлагает за себя выкуп, ссылается, что «в книге написано» князей и царей не казнить. Развязка, однако, неясна в связи с фрагментарностью записей. Данный текст кончается избиением татар. Отдельные эпизоды в былине Родина сокращены: выезд на охоту, расправа с татарами в рукопашном бою.

Сюжет былины очень прост, многие мотивы встречаются в ряде других былин (вещий ворон — в былинах «Королевичи из Крякова» — Р. I, № 21, Г. III, № 260; «Дюк» — Г., III, № 228 и др.; подкопы глубокие — в былине «Илья Муромец и Калин царь» — Р., II, №№ 141, 205 и т. п.). В былине нашла свое отражение борьба народа с иноземными нашествиями. Былина имеет параллели в восточных сказаниях (тюркских и др.). Исследователями указывалось также на отголоски новогреческого эпоса (А. Н. Веселовский).

№ 60. ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Начало былины (сборы в дорогу и отъезд Дюка) восходит к редакции варианта у П. А. Федулова из Водлозера (Г., III, № 213). В прионежских вариантах, особенно в кижских, наиболее отчетливо проявляются социально-исторические отношения (Астахова, стр. 583). Это имеет место и в данном варианте: богатство и удальство Дюка противопоставляется не только Чуриле, но всему Киеву (одежду «на Чурилу справляли всем Киевом»). Сторонниками Дюка являются только Илья Муромец, Василий Буслаевич и Ермак. Об их поездке оценивать имущество Дюка сказано коротко, основной эпизод — это состязание Дюка и Чурилы, окончившееся смертью Чурилы. В художественном отношении вариант значительно уступает другим записям, многие эпизоды (сборы в дорогу, описание богатства Дюка и др.) сильно сокращены, склад былины местами совершенно прозаический.

№ 61. ПРО ЦАРЯ ОКУЛЬЯ ОКУЛЬЕВИЧА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Былина встречается сравнительно редко, записи исключительно из северных районов; известны сказочные обработки (см. Андреев, № 905). Наибольшими поэтическими достоинствами обладают варианты из Прионежья; обзор и изучение вариантов см. Астахова, стр. 632—633.

В Пудожском районе среди старых записей известен только один вариант от А. П. Сорокина (Р., II, № 137). Настоящий вариант восходит к той же редакции, но является более коротким и схематичным. Выпущено описание пира, на котором царь просит достать ему жену и говорит, какими достоинствами она должна обладать. Схематично описание путешествия Ивашки Таракашки. Переход на прозу в описании встречи Соломона с женой имеет место и у Сорокина: "Так он говорит: «Я куда пойду?» Она говорит: «Ты зайди в сундук да окованный», у Родина в тех же выражениях: „И говорит Соломон таковы слова: «Я то куды?» — «Поди в сундук». Он залез в сундук".

Менее красочно и не так подробно, как у Сорокина, рассказано о Соломоне, идущем на казнь. В обоих случаях царю при приближении войска кажется, что земля дрожит, но в данном варианте Соломон говорит дважды о гусях-лебедях, а в третий раз о ясных соколах; у Сорокина это место разработано более подробно и несколько иначе: сперва говорится о добрых конях, потом о гусях-лебедях, упоминания о ясных соколах нет. Как и в былине о Дюке, стих местами переходит в прозу.

Сюжет былины имеет связь с песенными и прозаическими обработками сказаний о царе Соломоне, пришедших на Русь из Византии и Западной Европы. Совпадение имени Васьки Таракашки (в данном вар. Ивашка Таракашка) с именем московского купца Василия Тараканова (XV в.), хорошо известного новгородцам, дало повод отнести возникновение былины к Новгороду первой половины XVI в. (Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, III, М. 1924, стр. 174—202). Однако, вопрос о месте и времени оформления преданий о Соломоне в былину окончательно не решен.

ДМИТРИЕВ ОСИП ИВАНОВИЧ

Автобиография своевременно не была записана, впоследствии сказитель Кигачев передал, что Дмитриев умер в 1939 г. В одном из писем, присланном Дмитриевым в 1938 г., со слов сказителя (сам он по неграмотности не мог писать) сообщалось, что он был раньше крестьянином бедняком и принимал участие в гражданской войне на стороне красных. Кроме того, собиратели сообщают следующее. «Старик 79 лет из Рагнозера Кугонаволокского сельсовета. Былин много он не знал, а известен как хороший сказочник, которого раньше

часто приглашали по деревням, чтобы послушать его сказки. Сказки Дмитриева длинные, чаще фантастические, у героев самые причудливые имена. Возможно, что некоторые из них из лубочной литературы. Рассказывать любит, делает от себя замечания, чтобы заинтересовать слушателей. Знает присказки и концовки, в которых часто говорится, что надо наказать того, кто плохо слушал. Сказок знает, по его словам, «полусоток», крестьяне говорят, что он «всю деревню содержит», т. е. развлекает, веселит во время досуга.» Записана одна сказка «Про Бан царицу огненную колесницу» и взят на учет весь репертуар — названия 40 сказок (Архив, колл., № 38). Былин записано только 2, которые и публикуются в сборнике.

№ 62. ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Записана в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Вариант восходит к редакции А. П. Сорокина (Р., II, № 127) и А. Ф. Пантелеева (Ш., стр. 94). Ср. поэтические формулы в описании отъезда богатыря, эпизоды избиения татар под Смолятиным, разговор со смолягинцами, описание пути к Соловью и др. Существенное отличие в том, что выпущен сюжет ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром, который в вариантах указанных сказителей контаминируется с основным сюжетом былины. Сохранена лишь насмешка Ильи Муромца над князем, когда тот от крику соловьего «чуть не замертво лежит», «а старый казак да усмехается». Данный вариант дает другую контаминацию — с сюжетом об Илье Муромце и Идолище (конец былины со стиха 146). Вместо калики-богатыря, как обычно в обработке этого сюжета, Илья Муромец встречает двух нищих и даже собирается им рубить головы, но они его посылают в Киев. Далее сюжет развертывается как в обычных вариантах, но значительно сокращен и скомкан (см. № 18). Это следует отметить и в отношении всего варианта в целом. Дмитриев не умеет петь былины, но он их сказывает словами и местами совершенно не придерживается ритма (см. стих 5—6; 80—85 и др.). Он не знает традиционных формул, поэтому в передаче эпизода иногда ограничивается двумя-тремя стихами (см. сборы богатыря в дорогу, нападение на силу татарскую и др.). В этом существенное отличие данного текста от варианта Пантелеева и, в особенности, Сорокина (последний впрочем не давал постоянного ритма в своих былинах). Во всех трех вариантах развернуто описание застав, которые должен проехать Илья Муромец. См. в данном варианте стихи 90—98.

№ 63. СТАВЕР ГУДИНОВИЧ

Записана в июле 1938 г. М. М. Михайловым.

Данный вариант представляет вторую запись, наиболее полную, первая относится к январю того же года. Оба варианта довольно слабые. Сказитель забыл былину, в отдельных местах — пропуски, в данном тексте их меньше. В тех случаях, где первая запись оказывается полнее, мы даем соответствующие строки из первого варианта под текстом. Начало былины близко к варианту А. Савинова (Р., II, № 171), но в дальнейший текст внесены существенные изменения. Возможно, что редакция изменена самим Дмитриевым, поскольку, как видно из повторной записи, он не придерживается твердого текста.

Вариант сохраняет особенности как прионежской, так и сибирской редакции: «молода жена» приезжает в качестве грозного посла и подвергается не только испытанию стрельбой из лука, борьбой, но и постелью. Эта былина сохранила сюжет лучше, чем предыдущая, но ритм местами тоже не выдерживается.

ЖУРАВЛЕВ ПЕТР НИКИТИЧ

Автобиография Петра Никитича своевременно не была записана, в дальнейшем мы потеряли его из виду, так как он выехал из деревни, вероятно, в один из домов для престарелых. О нем имеются такие сведения: родился в 1875 г., слепой, жил постоянно в деревне Ялгансельга Песчанского сельсо-

вета. Кроме былины «Добрынюшка», он говорил, что знает еще две былины — об Алеше Поповиче и об Илье Муромце. Эти былины, к сожалению, не удалось записать.

№ 64. ДОБРЫНЮШКА

Записана в феврале 1938 г. Г. Ф. Нефедовым.

Сказитель пел былину три раза. При втором исполнении текст был записан, при следующем — проверен. Изменения наблюдались в произношении слов (Микитинич — Микитинець, поигрывать — розыгрывать и т. п.).

Вариант отличается большой простотой и реалистичностью, даны образы только главных героев былины: Добрыни, его жены и Алеши Поповича, на которого ложится вся вина в сватовстве. Князь Владимир совсем не упоминается. Традиционные эпизоды расцвечиваются близкими крестьянскому быту деталями. Вступлением служит коротенький рассказ о жизни Добрыни, потом говорится, что богатырь идет на войну, так как «начали сбираться все солдатики». Алеша приезжает с войны на побывку, ходит в дом Добрыни «на беседушку», в дальнейшем Добрыня клянется не князю (как в большинстве вариантов), а хозяину и хозяюшке, хозяина называет «домовым батюшкой» и т. п. С большой простотой рассказывается о прощании с женой, очень тщательно, в стиле традиционной поэтики, рассказано о сборах в дорогу и отъезде богатыря. Эта простота, задушевность, эмоциональная насыщенность образов наряду с четкостью поэтической формы составляют художественные достоинства данного варианта.

КОКУНОВА ЕВДОКИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Автобиография записана в июле 1938 г. А. Н. Антиповой.

К автобиографическим данным о жизни Кокуновой, которые она приводит с достаточной полнотой, следует добавить, что от нее записано довольно много произведений народного творчества различных жанров: 8 сказок, 9 лирических песен, свадебный плач, народные анекдоты, загадки (Архив, колл. № 35—37), кроме того, ею составлено 6 новых произведений на разные темы (колл. 3—7); из них опубликован сказ о погибших на дирижабле «СССР-В.6» (см. Сказания о героях Арктики, Петрозаводск, 1938, стр. 24). Единственная записанная от нее былина публикуется в сборнике.

№ 65. ПРО СТАВЕРСА СЫНА ГОДИНОВИЧА

Записана в феврале 1938 г. О. Г. Большаковой.

В тексте ряд пропусков и сокращений. Испытаний только два — баней и стрельбой из лука, конец скомкан. (См. лучшие варианты №№ 11, 36 и др.). Авдотья Никулишна приезжает в качестве посла и в качестве жениха. Таким образом, налицо элементы, объединяющие обе традиции, сибирскую и прионежскую. Весть о хвастовстве Ставра и о том, что он посажен в погреба, приносит черный ворон, тогда как в большинстве вариантов слуга (ср. был. о Ставре Пашковой, № 11).

ЕГОРОВА СТЕПАНИДА ЯКОВЛЕВНА

Автобиография написана в марте 1940 г. самой Егоровой и выслана в письме.

Все сведения о себе она приводит в этой автобиографии, которую даем с незначительными сокращениями. В настоящее время она живет в той же деревне, где и родилась (см. автоб.). Раньше, по ее словам, она помнила несколько былин, но теперь забыла; кроме публикуемой былины, удалось записать только один духовный стих «Про Онику воина» (Архив, колл. № 41). Других произведений она не могла вспомнить.

№ 66. ПРО ДОБРЫНЮ

Записана в август 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Вариант слабый, местами сказительница просто пересказывает в нескольких словах содержание отдельных эпизодов (приезд Добрыни домой, угощение жены

вином). Мать, не узнав Добрыню, называет его «удолищем», очевидно, это имя Идолище, запомнившееся сказительнице из другой былины (Илья Муромец и Идолище). Весь текст очень схематичен. Включены мотивы, обычно связанные с другими сюжетами: мотив похвальбы на пиру встречается обычно в былинах о Ставре и о Дунае (в былине на данный сюжет см. еще Г., III, № 292), осада Киева — в былине об Илье Муромце и царе Калине (включение его в былину о Добрыне и Алеше см. еще Г., I, 49), наряд (сапожки) Добрыни — в былине о Чуриле. Возможно, что сказительница сама перенесла эти мотивы из других ранее известных ей былин.

ШПАГИНА ДОМНА АНДРЕЕВНА

Автобиография записана со слов сказительницы, которая неграмотна, в январе 1940 г. и прислана в письме.

Шпагина родилась в 1860 г. в деревне Устерки, ныне Колодозерского сельсовета, в бедняцкой семье. В настоящее время живет в деревне Заозерье того же сельсовета на иждивении сына. Неграмотна. Очень слаба здоровьем.

Говорит, что знала былины, но по старости стала забывать, удалось записать только одну былину, публикуемую в настоящем сборнике. Кроме того, по ее словам, знает еще около 15 сказок, 4 духовных стиха, пословицы, поговорки, загадки, которые сказывает колхозникам своей деревни. Об этом она сообщила в одном из писем, присланных в Институт. Проверить эти данные не удалось.

№ 67. ПРО ДОБРЫНЮ

Записана в июле 1938 г. В. Р. Дмитриченко.

Сказительница слышала эту былину от умершего ныне старика Никиты Гурина, из деревни Шаликово Колодозерского сельсовета. Вариант слабый, передает сюжет схематично с пропусками, местами переходит в прозаический текст.

МИШКИН ИВАН ФЕДОРОВИЧ

Автобиография написана в январе 1940 г. самим Мишкиным и прислана в письме.

Помимо сведений, приведенных в автобиографии, собирателем отмечено следующее: год рождения 1873, малограмотный, охотник-профессионал, горячо любит свое дело, живет постоянно в деревне Великодворской Каршевского сельсовета. Записаны только 2 былины, из которых одна, «Илья Муромец и сын», выучена по книге; она близка к тексту, напечатанному у Киреевского, I, стр. 7. Лишь некоторые стихи забыты сказителем. Вторая былина «О Сохмане» не имеет близких вариантов среди опубликованных ранее и, вероятно, усвоена Мишкиным из устной традиции или заучена также по книге, но пересказана своеобразно.

№ 68. О СОХМАНЕ

Записана в феврале 1938 г. И. И. Торопцевым.

В данном варианте ряд эпизодов, известных по большинству записей, выпущен, а некоторые только намечены: упоминаются поездка Сохмана на охоту, обращение к реке и тому подобное. В традиционную композицию внесены существенные изменения: хвастая на пиру, Сохман обещает не только привезти гусей-лебедей, но и побить силу татарскую; недоверие к его подвигу высказывает весь Киев. Заканчивается былина отъездом богатыря, его гибель может только подразумеваться (обычно Сухман гибнет от ран, см. № 23).

ПАВКОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ

Автобиография записана в июне 1939 г. А. Д. Соймоновым.

Родился в 1891 г. в деревне Мелентьевской, ныне Авдеевского сельсовета. Глубочайший след в жизни Павкова оставили годы пребывания в плену. С 1915

по 1921 г. он изъездил почти всю западную Европу, был в Германии, Франции, Англии, Болгарии и др. странах. Обладая прекрасной памятью, он много рассказывает об этом; знает солдатские песни, но записать их пока не удалось. До войны он знал много былин от отца и, главным образом, от известного сказителя, уроженца той же деревни, Г. А. Якушева, выявленного экспедицией Гос. Ак. Худ. Наук (1926—1928 гг.). Публикуемая здесь былина — единственная которую удалось от Павкова записать, интересна как одна из редких былин (известна только в немногих вариантах, см. стр. 477), восходит к традиции лучших сказителей Пудожского района.

№ 69. СУХМАТ ОДИХМАНТЬЕВИЧ

Записана в феврале 1938 г. И. В. Ломакиной.

Восходит к редакции варианта П. Т. Антонова (Г., I, № 63, см. также Р., II, № 148), одного из 3 известных сказителей, передавших свои былины Г. А. Якушеву (см. вступ. статью). Павков, восстанавливая в памяти слышанную им когда-то от Якушева былину, внес некоторые изменения. Вместо эпизода заточения Сухмата, богатырь изгоняется князем, уезжает в поле и просит Илью Муромца и Добрыню съездить на место битвы с татарами. Ранение он получает во время боя; характерно, что вместо стрел Сухмату «две пули в грудь попали».

ЖУРАВЛЕВА ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА

Автобиография записана в мае 1939 г. Е. П. Родиной.

Екатерина Семеновна родилась в 1897 г., живет сейчас в поселке Первомайском Шальского сельсовета. О своей трудовой жизни она подробно рассказывает в автобиографии. Былины слышала от некого Чурилина Бориса Емельяновича, который, по ее словам, знал их очень много. Варианты, которые она смогла вспомнить, публикуются, запись проведена с голоса. Кроме былин, она знает духовные стихи, слышала их от «слепой няньки Логиновской Ирины Михайловны из деревни Колтоногговской Семеновского сельсовета». Духовные стихи пока не записаны. Среди записанных материалов — баллада о Романе и Настасье, причем вместо Романа действующим лицом является «донской казак Илья Муромец». Кроме того, от Журавлевой записаны сказки, плачи (свадебные и похоронные), лирические песни и пословицы. Весь материал хранится в Архиве, колл. № 13.

Журавлева известна как талантливая составительница новых произведений, с которыми она часто выступает у себя в поселке. Помимо публикуемой былины «О боях на озере Хасан», известен ее плач о С. М. Кирове (см. «С. М. Киров в народном творчестве», Петрозаводск, 1939 г., стр. 20) и, кроме того, в сборник «Плачи Карелии», Петрозаводск 1940, вошли ее плачи о В. И. Ленине, о Н. К. Крупской, о В. П. Чкалове, о П. А. Осипенко и о А. Серове.

№ 70. ДОБРЫНЯ И ОЛЕША

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Эту былину, по словам Журавлевой, пели хором, но переняла она ее, очевидно, от Чурилина; более точных данных собиратель не приводит. Вариант сохраняет характерные черты прионежской редакции и обнаруживает некоторую близость к былине Г. Амосова (Р., II, № 155). Композиция былины та же, что и у Амосова; очень близок зачин (жалобы Добрыни на свою судьбу), встречается мотив задаривания ребят, насмехающихся над Добрыней (стихи 151—161), мотив голубей-вестников. Последний сильно развит, голуби прилетают не сами, а посылаются женой Добрыни. Из других характерных черт прионежских вариантов, в том числе варианта Амосова, совершенно отсутствует рассказ об участии в сватовстве князя Владимира.

№ 71. ЖИЛА ВДОВА ПО КРАЙ СИНЯ МОРЯ

Записана в августе 1938 г. Е. П. Родиной.

Баллада близка к былинам. Известна по записям из разных мест России. Сюжет встречается также в песенных и сказочных обработках. Данные о вариантах и указания на исследование см. у Чернышева, Русская баллада, 1936 г., стр. 452. За последние годы записано большое количество вариантов (более 20) в Прионежье.

Данный вариант примыкает к прионежскому типу обработок этого сюжета (см. Г., I, № 31, II, № 134, III, № 285). Оригинальна концовка, в которой рассказывается о голубках, прилетевших на могилу Василия и Софьи. Обычно же баллада заканчивается рассказом о сплетении двух деревцов (в данном варианте цветы), на которое обращают внимание прохожие.

№ 72. О БОЯХ НА ОЗЕРЕ ХАСАН

Печатается по рукописи Журавлевой, датированной 7 января 1939 г.

Былина посвящена событиям на озере Хасан (см. также былину Фофанова № 29).

Текст отличается рядом художественных достоинств: ярко и образно рассказано о советских богатырях (стихи 22—30), удачно переработана традиционная формула в картине боя (стихи 58—59), ярко охарактеризованы враги (стихи 80—83) и т. п. Основному повествованию предшествует зачин. Своеобразно описание пограничной полосы (стих 5—20), в конце былины удачно использован лозунг (стихи 118—120). Обращает внимание введение в текст даты описываемых событий (стихи 32—33), однако, стремления точно следовать за фактами, пересказывать их, как это наблюдается у Кигачева (см. стр. 495), здесь не имеет места. Наблюдается рифмовка отдельных стихов (8—9, 22—25, 80—83). Это приближает данное произведение к современному стихотворному сказу (см. сказы Пашковой, Альм. Кар., стр. 3 и др.), в котором белый стих постоянно чередуется с рифмованным.

Материалом для составления данной былины послужили статьи и заметки из газет, которые Журавлева читает регулярно, а также беседы, доклады, прослушанные ею по радио.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

Азадовский — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939 г.

Андреев — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Русского Географического общества, Лгр., 1929 г.

Астахова — Былины Севера, т. I, Мезень и Печора, записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, М. — Лгр., 1938 г.

Альм. Кар. — Карелия, Литературно-художественный альманах карельского союза советских писателей, Фольклор Карелии, Петрозаводск, 1938 г.

Архив, колл. — Архив фольклорной секции Научно-Исследовательского Института Культуры Карело-Финской ССР, коллекция №

Барсов — Е. В. Барсов, Памятники народного творчества Олонецкой губ. (Записки Географического общества по Отд. Этнографии, т. III, 1873 г.).

Б. К. — Былины М. С. Крюковой, записали и комментировали Бородина и Липец, редакция и предисловие ак. Ю. Соколова, изд. Гослитмузея, М. 1939 г.

Г. — Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом, изд. 2, т. I, 1894 г.; т. II, 1896 г.; т. III, 1900 г.

Григ. — А. Д. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904 г.; т. III, М., 1910 г.

Институт — Научно-Исследовательский Институт Культуры Карело-Финской ССР.

К. Д. — Кирша Данилов, Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной биб-ки под ред. П. Н. Шеффера, СПБ., 1901 г.

Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10, М., 1860—1874 гг.

Былины П. И. Рябинина-Андреева — Былины П. И. Рябинина-Андреева, подготовка текстов, статья и примечания В. Базанова, под ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1940 г.

Марков — А. В. Марков, Беломорские былины, М., 1901 г.

Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908 г.

О. Г. В. — Олонецкие Губернские Ведомости.

Онч. — Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПБ., 1904 г.

Р. — Песни собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, М., 1909—1910 гг.

Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, М., 1915 г.

Т. и М. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер, Русские былины старой и новой записи, М., 1894 г.

Ш. — Шайжин. Олонецкий фольклор, Петрозаводск, 1906 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

Алеша Попович и Тугарин-змей, № 5
Братья разбойники и сестра, № 13
Василий и Софья, № 71
Вольга и Микула, № 8
Ворошилов К. Е., № 29
Гибель богатырей № 40 (к)
Горе (отрывок), № 39
Деникина разгром, № 52
Добрыня и Алеша Попович, №№ 6; 22; 34; 55; 64; 66; 67; 70.
Добрыня и Василий Казимирович, № 34 (к)
Добрыня, женитьба, № 56; 34 (к)
Добрыня и Змей, №№ 6 (к); 21; 54
Добрыня и Маринка, № 35 (к)
Дунай, №№ 7; 44
Дюк, №№ 10; 25; 37; 57; 60
Ермак Тимофеевич, № 20
Зырянов-боец, № 51
Иван Гостиный сын (состязание конями), № 45
Иван Грозный и сын, № 15

Илья Муромец (сводная былина), №№ 3; 31
Илья Муромец, женитьба, № 50
Илья Муромец и Идолище, №№ 18; 32
Илья Муромец, исцеление, № 3 (к); 31 (к)
Илья Муромец и Калин царь, № 32
Илья Муромец и Святогор, № 4, 40 (к)
Илья Муромец и Соловей-разбойник, №№ 3 (к); 17; 31 (к); 53; 62
Илья Муромец в ссоре с Владимиром, № 2; 33 (к)
Илья Муромец и сын, № 19
Казани взятие, № 14
Кострюк, № 28
Михайла Потык, №№ 9; 26; 47
Молодец и королевична, № 12
Наезд литовцев, № 24; 43
Непра и Дон, № 33 (к)
Папанинцы, № 16
Рахта Рагнозерский, №№ 41, 42
Соломан и Василий Окульевич, № 61
Сорок калик, № 38
Ставр Годинович, №№ 11, 36; 46; 58; 63; 65
Суровец-Суздалец, № 59
Сухман, №№ 23; 68; 69
Хасан-озеро, № 72
Хотен Блудович, № 48
Чапаев, № 30
Чурила и князь, № 1 (к)
Чурила и неверная жена, №№ 1 (к); 27; 49

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Дмитриев Осип Иванович, №№ 62; 63
Егорова Степанида Яковлевна, № 66
Журавлев Петр Никитич, № 64
Журавлева Екатерина Семеновна, №№ 70; 71; 72
Кигачев Никифор Васильевич, №№ 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52
Кокунова Евдокия Алексеевна, № 65
Мишкин Иван Федорович № 68
Павков Михаил Андреевич, № 69
Пашкова Анна Михайловна, №№ 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16
Ремизов Никита Антонович, №№ 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41
Родин Никифор Емельянович, №№ 59; 60; 61
Фадеева Анастасия Леонтьевна, №№ 53; 54; 55; 56; 57; 58
Фофанов Иван Терентьевич, №№ 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30
Шпагина Домна Андреевна, № 67

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЕЛЕНИЙ, ГДЕ ПРОИЗВОДИЛИСЬ ЗАПИСИ

Алексеево (Авдеевский с/с), №№ 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41
Великодворская (Каршевский с/с), № 68
Заозерье (Колодозерский с/с), № 67
Ижгора (Авдеевский с/с), №№ 53; 54; 55; 56; 57; 58
Климово (Авдеевский с/с), №№ 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30
Колово (Коловский с/с), № 65
Малая Пога (Куго-Наволокский с/с), № 69
Мелентьевская (Авдеевский с/с), № 69
Нешина (Рындозерский с/с), №№ 59; 60; 61
Первого Мая (Шальский с/с), №№ 70; 71; 72
Рагнозеро (Куго-Наволокский с/с), №№ 62; 63
Тубозеро (Рындозерский с/с), №№ 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52
Ялгансельга (Песчанский с/с), № 64
Ярчево (Каршевский с/с) №№ 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В БЫЛИНАХ

Б а ж ё н ы й — милый, любимый, желанный.
Б а й н а — баня.
Б а л а х о н н и к — одетый по-крестьянски, в балахон — верхняя крестьянская одежда.
Б о г о д а н н о д и т я т к о — невестка; богоданна матушка — свекровь.
В а р а н д а т ь — ворчать, говорить про себя; кричать.
В д о в и н ы — годовщина смерти одного из супругов.
В з а п р е к у́ притти — не понравиться: Слово это взапреку пришло.
В л а г а т ь — вкладывать: Влагает стрелочку калёную.
В-о б р а т — обратно, назад.
В-о с о б и н у — особенно, отдельно.
В ы к о п а т ь, см. копать.
В ы с т а т ь — встать; выставать — вставать: Он не выстаёт; выставало солнышко.
В ы т ь — аппетит; обед, ужин, вообще всякая закуска: Волчья выть; к выти он съедает три крупивчата калачика; все к выти съем.
В ы х л я н у т ь — выпить, сразу, быстро: Выхлянул на единый здох.
Г о р а з н о, г о р а з д о — очень, сильно: Но тут гораже закипела в бою бит-вушка.
Г р а б и т ь с е н о — грести, сгребать.
Г р а я т ь — каркать: Грает он да по-вороньему; ворон граючий.
Г р е́ д н я, г р и д н я — комната, покой.
Г р я д о ч к а — вешалка: Шуба висит на грядочки.
Г р я з н у т ь — погружаться: Глубоко у лошади в землю грязнуто.
Д е р ж а в у ш к а — муж; тот, кто содержит, заботится.
Д е р ю ж к а д о м о т к а н н а я — толстый грубый холст.
Д о л а г а т ь — докладывать: Долагали тут князю.
Д о м о в и щ е — гроб.
Ж а р о́ в о е д е р е в о, ж а р и н а — сухое дерево.
Ж г а т ь — жечь, сжигать: Жгал три суточки; дом ихней огнем сожгал; зажгал.
Ж и в о т ы — имущество: Кто кого перещапит, тому и животы останутся.
Ж и р о в а т ь — жить: Я в ней (в избушке) жировал.
Ж и т ь — быть, находиться.
З а к о л о д и т ь — покрыться колодьем, павшими деревьями. Прямоезжая дорожка заколодела, замуравлена (стала непроходимой).
З а м у р а в л е н н ы й, от глагола замураветь: задернеть, порости густою и мелкою травкой, обратиться в муравy. (Пример см. заколодить).
З а т у п а т ь — здесь в смысле заткнуть: затупай онучами.
З е н ь — поверхность земли, пол в избе: Лежит на зени.
З н а д е б к а — знак, заметка, примета.
З о б а т ь — есть, глотать (по отношению к скоту): Зоблет он пшеницу белоярову.
И с к о п ы т ь — следы копыт.
К а л я к а т ь — говорить, разговаривать. (Редко).
К а з а к — батрак; пойти в казаки — наняться в батраки.
К о́ м е л ь — нижний конец дерева.
К о п а́ т ь — вырывать: А другому-то копал очи ясные; он ведь старшему глаза выкопал.
К о р б а — трудно проходимое место в лесу.
К о с т е р — куча, большое количество: Ваша силушка да вся прибитая, Вся прибитая да костром срытая; костер пирогов.
К о ш е л ь — вид сплава леса; бревна сплочены.
К р я н у т ь с я — шататься, быть неустойчивым: Стоит и с местечка не крянется.
Л а́ с т и н ь я — мелкие куски, щепки: Разлетелся дуб да весь на ластинья.
Л и́ с ь я — лес.
Л я д и́ н а — пространство, заросшее мелким лесом, преимущественно березой.

Л я́ с у ш к и — пустословие (лясы точить); лесть, уговоры, заискивание: И сдаласи Настасьюшка на лясушки.
М а н — обман, обманщик; манить — обманывать: За эти за маны; да что это приехал да ман такой; не манила она, не лукавила; наманил моей жонушки, что в поле я был порастерзанный.
М е ж е́ н н ы й день — теплый летний.
М е р л о г — берлога.
М е с т о — вещь, предмет: Увидела это место-то.
М о с т — пол; мостиночка — половицы.
М о ш н и́ к — глухарь.
М ы з н у т ь — лаять: Мызнул он по-собачьему.
М я́ к у ш к а — маленький хлебец.
Н а д л ы г а́ т ь с я — обманывать, говорить неправду: В глазах мужчина надлыгается.
Н а и с п а́ ш е ч к у — сразмаху, в сторону, мимо: Угостил меня Илья да наиспашечку; наиспашь прольёт.
Н а к о́ н — раз: Во второй након.
Н а л а д и т ь — принять решение, приготовиться: Наладила отдать.
Н а п о р е́ з — против; говорить напорез — возражать: Отвечал Соловей напорез ему.
Н а т ь или Н а б — надо, надобы.
Н е з н а́ т ь — не видно, не заметно: Его за столом не знать.
О б е р а́ т ь — убирать, приводить в порядок: Оберать кроваточки тисовые.
О б ж и г, о б ж а — оглобля у сохи: Они сошки за обжиг вертят.
О д н о п а р н ы е — одинаковые: Платья на них однопарные.
О к о л ь н и ц ы — оконные рамы, в др. см. окружная сторона или весь околоток (улица).
О м е ш к и — сошники.
О п р у т и т ь — опрокинуть, вылить, высыпать: У князевых коней кормушки опруталисе.
О р г а — овраг, заросший лесом, топкое непроходимое место.
О т д а л и (нареч.) — издали.
О т д ы н у т ь — поднять: Не мог как отдынуть ю от сырой земли.
О т к у́ т ы в а т ь — открывать: развёртывать: откутал двери широкие.
П а́ б е д ь е — еда перед обедом после утреннего завтрака.
П а́ д ш е — лучше, больше нравится: Падше родного.
П а с т ь, п а с т о ч к а — ловушка для ловли птиц.
П е к л о — лопата, на которую сажают хлебы в печь: Ты возьми у печки пекло или палочку.
П е л а́ — мякина; п е л о в о й м е ш о к — мешок для мякины.
П е р е м о г а т ь — осиливать.
П е р ё н о е крыльцо — крыльцо с перилами.
П е х о́ т о ю итти — итти пешком.
П л у́ т и в о — поплавок для рыболовных сетей.
П о б е д у ш к а — беда: Выручай-ко нас с победушки.
П о г о н я л к а — кнут.
П о́ д н и з ь — жемчужна поднизь — жемчужная или бисерная сетка на женском головном уборе.
П о д п о́ р и н а табацкая — пьяница, кабацкий завсегдатай.
П о́ ж н я — сенокосный луг.
П о к л я́ п ы й — согнутый, наклоненный: Стоит береза поклятая.
П о л а г а́ т ь — класть, ставить, наливать, назначать: Полагай-ко чаши золочёный; положил-то его тут ведь стражником; полагаю воду в рукомойничок.
П о л о́ х а т ь с я — пугаться.
П о л е с о в а т ь — охотиться.
П о́ р н о й — здоровый, крепкий, сильный; порно — сильно.
П р о д о л ь н ы й — поставленный вдоль.
П р о к а́ р з а т ь — проложить: Прокарзал нам дорожку прямоездюю.
П р о к л а с т ь — проложить: Проклал дороженьку путистую.
П р о х в а т и т ь с я — проснуться: Прохватилсе от сна да богатырского.

Ри́бушья, ри́банья — лохмотья, рваная одежда.
Ро́зный — плохой, дырявый: ковш розный, губы розне́е.
Ро́сстань — перекресток дорог.
Рыть — бросать: Срою на плеча: ваша силушка да вся прибитая, вся прибитая да костром срытая.
Семья, семьюшка — название для супругов: Любимая моя семеюшка.
Сколуба́ться — взволноваться: Во реки вода да сколубаласи.
Слагать — складывать вместе: Слагайте все именье-богачесьво.
Спустить — отпустить, пустить: Спустил Ставра во чисто поле; ты спусти меня да во Киев-град.
Ставиться — прибывать, являться: Ставился Илья во Киев-град.
Стрету ему — навстречу ему.
Сугона — погоня: Вслед наехала сугона великая.
Топ — топот: От того ли топу лошадиного.
Тороки — веревки, ремни у седла: И связал он Тугарина а во те во торока да во крепкие.
Треста́ — полотнище, полоса ткани.
Тропнуть — ударить, хлопнуть: Тропнул о кирпичный пол.
Трудник — работник: На земли я не трудницек.
Тулиться — прятаться: Все они друг за друга туляются.
Тупчик — тупой топор.
Угона — погоня: Поезжай-ко вслед с угоною.
Упадка — падение духа, робость: Говорила не с упадкою.
Хамкать — зевать, открывать рот; задыхаться.
Ходить с корзиною — собирать милостыню, побираться.
Чища, чищеница — место, выжженное от леса для покоса.
Шанется — шатается, стоит неустойчиво.
Швырять — бросать: Швырять горазд; зашвырнул.
Шело́мчатый (шелом) — бугристый, возвышенный: Гвоздики шеломчатые — с выпуклой шляпкой.
Щапить — форсить, удивлять красотой, нарядом: Щапить ему целый год; Кто кого перещапит, тому и животы останутся.
Щапливый — нарядный, изысканный.

ОГЛАВЛЕНИЕ [1]

	Стр.	
А. Астахова. Предисловие	3	
От составителей	6	
Г. Парилова и А. Соймонов. Сказители Пудожского края	7	
Г. Нефедов. О языке былин	43	
Былины Пудожского края		
Анна Михайловна Пашкова	61	461
1. Чурила Пленкович	63	462
2. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	83	463
3. Илья Муромец	88	464
4. Про Святогора	98	465
5. Про Алешу Поповича	103	465
6. Добрыня Никитич	114	466
7. Про Дуная Ивановича	120	467
8. Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович	128	468
9. Михайло Потык сын Иванович	132	468
10. Дюк Степанович	156	469
11. Про Ставра	166	470
12. Пошел молодец из орды в орду	177	471
13. Девять сыновей, одинока дочь	178	471
14. Взятие Казани	179	471
15. Про Ивана Грозного	180	472
16. Былина	182	472
Иван Терентьевич Фофанов	186	473
17. Про Илью Муромца	188	474
18. Сильное могучее Иванище	197	474
19. Про Соловника Татарского	201	475
20. Ермак Тимофеевич	206	475
21. Бой Добрынюшки со змеем	209	476
22. Про Добрыню Микитинца	214	477
23. Сухман Рахметьевич	225	477
24. Про короля литовского	231	477
25. О Дюке Степановиче	240	478
26. Михайло Потык сын Иванович	243	479
27. Про Чурилу Щапленковича	253	479
28. Про Кострюка	256	479
29. Про Клима Ворошилова	259	480
30. Про Чапаева	261	480

[1] Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.

Стр.

Никита Антонович Ремизов 266 481

31. Про Илью Муромца 268 481
32. Про Идолище поганое 280 482
33. Про Непру королевичну 285 483
34. Про Добрыню и Олешу 288 483
35. Добрыня и Малиновка 298 484
36. Про Ставра 300 484
37. Про Дюка Степановича 313 485
38. Сорок калик со каликою 319 485
39. Богат-хорош 321 486
40. Илья Муромец 322 486
41. Рахкой Ратнозерский 327 487

Никифор Васильевич Кигачев 332 488

42. Про Рахту Ратнозерского 334 490
43. О Никите Романовиче 340 491
44. Былина о Дунае Ивановиче 334 492
45. Иван гостиный сын 350 492
46. Добрыня Никитич (Ставер) 352 493
47. Михайло Потык 356 493
48. Горден Блудович 362 493
49. Смерть Чурилы 367 494
50. Женитьба Ильи Муромца 370 494
51. Былина о бойце Зырянове 375 495
52. Разгром Деникина 377 495

Анастасия Леонтьевна Фадеева 382 496

53. Про Илью Муромца 383 496
54. Про Добрыню 387 496
55. Про Добрыню 389 497
56. Про Добрыню 394 497
57. Про Дюка Степановича 395 497
58. Про Ставра 397 498

Никифор Емельянович Родин 399 498

59. Про Суровца богатыря 399 498
60. Про Дюка Степановича 400 499
61. Про царя Окулья Окульевича 404 499

Осип Иванович Дмитриев 407 499

62. Про Илью Муромца 407 500
63. Ставер Гудинович 411 500

Петр Никитич Журавлев 417 500

64. Добрынюшка 417 501

Евдокия Алексеевна Кокунова 428 501

65. Про Ставерса сына Годиновича 429 501

Степанида Яковлевна Егорова 432 501

66. Про Добрыню 433 501

Стр.

Домна Андреевна Шпагина 436 502

67. Про Добрыню 437 502

Иван Федорович Мишкин 440 502

68. О Сохмане 442 502

Михаил Андреевич Павков 444 502

69. Сухмат Одихматьевич 446 503

Екатерина Семеновна Журавлева 449 503

70. Добрыня и Олеша 451 503
71. Жила вдова по край синя моря 455 504
72. О боях на озере Хасан 456 504

Примечания 461
Указатель сокращений 505
Алфавитный указатель сюжетов 505
Алфавитный список исполнителей 506
Алфавитный указатель селений, где производилась запись 506
Словарь местных слов 507
Карта Пудожского района

Ответственный редактор *А. М. Астахова*

Тираж 10 000 экз. Подписано к печати 22/III 1941 г. Е 4052
Печатн. лист. 32 Авт. лист. 34,75 Тип. знаков в 1 печ. листе 23200 Зак. № 4602

4-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» имени Евгении Соколовой. Ленинград, проспект Красных Командиров, 29.

КНИГА
НОВАЯ ЖИЗНЬ
2 Р. п.
Инв. № 15 Б/Ш-48

ЦУНБ
им. Н.А. Некрасова
2 000006 266460